Е41—1614

Е41—1614

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

ОКТЯБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

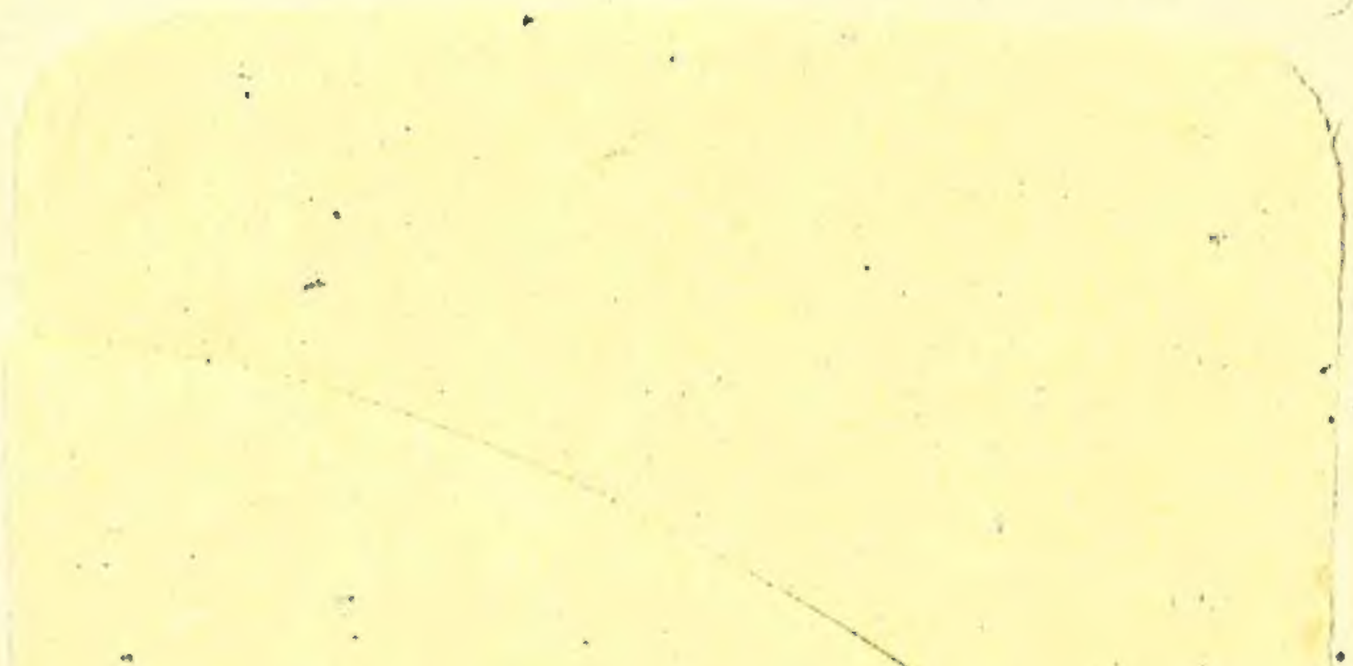
И

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРІАТА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Цѣна 45 коп. руб.

Государственное Издательство.
Москва.—1919.



С.22 Е41 1614
ДБ 26 0525
323.2](47)„1917"(882)

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

ОКТЯБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ
и
ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРІАТА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

С.92.1611
БИБЛИОТЕКА Инст. Красн. Профес. Инв. № 34685/40

Государственное Издательство.
Москва.—1919.

Никѣмъ изъ книгопродавцевъ указанная на книгѣ цѣна не можетъ быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 34685

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.

Стр.

1. Теорія пролетарской диктатуры.—*Н. Бухарина* 5
2. Международный соціализмъ и пролетарскій переворотъ въ Россіи.—*Г. Зиновьева.* 22

Отдѣлъ I. Политическая диктатура пролетаріата.

3. Октябрьская революція и государственная власть.—*М. Рейснера* 31

Отдѣлъ II. Экономическая диктатура пролетаріата.

4. Экономическое развитіе и диктатура пролетаріата.—*И. Степанова* 52
5. Организація экономической диктатуры пролетаріата.—*Л. Крицмана* 61
6. Общія задачи экономической диктатуры и основные этапы экономическаго строительства.—*Н. Осинскаго* 77
7. Націонализація промышленности.—*В. Милютина* 98
8. Советскій законъ о землѣ.—*В. Карпинскаго* 107
9. Хлѣбная монополія.—*М. Смита.* 111
10. Муниципализація жилищъ.—*Д. Кузовкова* 121
11. Государственный кредитъ и революція.—*Д. Боголѣпова* 131
12. Задачи соціальнаго обезпеченія въ Совѣтской Россіи.—*А. Винокурова* . . . 138
13. Задачи народнаго здравоохраненія въ Совѣтской Россіи.—*Семашко* 143

Отдѣлъ III. Пролетаріатъ и культура.

14. Просвѣтительная политика Совѣтской власти.—*А. Луначарскаго.* 145
15. Внѣшкольное образованіе и „Пролеткульты".—*В. Керженцева* 154
16. Революція въ наукѣ.—*С. Бобинскаго* 162
17. Революція и церковь.—*Н. Лукина (Антонова)* 171
18. Революція и дѣти.—*В. Бончъ-Бруевича* 196

Отдѣлъ IV. Пролетаріатъ и право.

19. Пролетарское право.—*П. Стучки.* 210
20. Пролетаріатъ и гражданское право.—*А. Гойхбарга.* 221
21. Пролетарская революція и уголовное право.—*И. Козлова* 231
22. Народные суды.—*Д. Курскаго* 241
23. Революціонные Трибуналы въ практикѣ россійской пролетарской революціи.—*Н. Крыленко* 250

Отдѣлъ V. Пролетарская революція среди капиталистическаго строя.

Стр.

24. Внѣшняя политика Совѣтской Россіи.—*К. Радека* 260
25. Октябрьскій переворотъ и національный вопросъ.—*І. Сталина* 277
26. Финляндская революція.—*О. Куусинена* 283
27. Польша и пролетаріатъ.—*Курскаго* 305
28. Практическій интернаціоналъ.—*Бела-Куна* 314

ВВЕДЕНІЕ.

Теорія пролетарской диктатуры.

«Въ конечномъ счетѣ» в с я к а я теорія имѣетъ практическіе корни. Но если это вѣрно по отношенію къ любой наукѣ, это «вѣрно въ квадратѣ» по отношенію къ общественнымъ наукамъ. Онѣ являются направляющей всѣмъ видимой двигательной силой, и тутъ особенно ярко сказывается положеніе Маркса, что «и теорія становится силой, если она овладѣваетъ массами».

Но, чтобы теорія двигала массы по правильному пути, нужно, чтобы она сама была правильной теоріей. А чтобы она была правильной теоріей, для этого она должна удовлетворять нѣкоторымъ общимъ «методологическимъ» требованіямъ.

Такимъ требованіемъ для общественно-теоретическихъ построеній является требованіе и с т о р и ч н о с т и. Это значитъ, что всякую полосу общественнаго развитія нужно понять въ особыхъ, ей, и т о л ь к о ей, свойственныхъ чертахъ; духу настоящей общественной науки прямо претитъ безтолковое повтореніе «вѣчныхъ истинъ», прогорклая жвачка, достойная ученыхъ коровъ либерализма.

Однако, этой по существу своему глубоко-р е в о л ю ц і о н н о й д і а л е к т и ч е с к о й точки зрѣнія не могутъ усвоить себѣ ни буржуазные ученые, ни пустопорожніе болтуны изъ «живыхъ труповъ» распавшагося II Интернаціонала. Типичнымъ образчикомъ ихъ служитъ К а у т с к і й.

Съ началомъ имперіалистической эпохи, когда исторія поставила передъ рабочимъ классомъ задачу, во-первыхъ, п о н я т ь новый циклъ развитія, а во-вторыхъ, такъ или иначе на него р е а г и р о в а т ь, Каутскій окончательно растерялся, и тотъ жалкій лепетъ, та невинная (и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовитая) розовая водица, которою онъ кропилъ нѣмецкій пролетаріатъ, теоретически оказались п р о с т и т у и р о в а н і е м ъ марксизма, а практически вели къ полному р е н е г а т с т в у. Каутскій абсолютно не понялъ о с о б е н н о с т е й имперіалистской эпохи, ея специфическаго характера. Въ имперіализмѣ онъ видѣлъ лишь историческую случайность, какой-то «грѣхъ» капиталистическаго развитія, патологическое явленіе, которое можно было излѣчить заклинаніями и формулами третейскихъ судовъ и разоруженій,—формулами, взятыми напрокатъ у убогенькаго буржуазнаго пасифизма. Извѣстно, каковъ былъ результатъ. Не кто иной, какъ Каутскій, пугалъ рабочихъ «вражескимъ нашествіемъ» и благословилъ политику шейдемановцевъ,—подлую политику «защиты» разбойничьяго буржуазнаго отечества.

Теперь наступаетъ опять н о в а я историческая полоса. Кривая имперіалистскаго развитія, все время шедшая вверхъ, начинаетъ катастрофически падать внизъ. Наступаетъ эпоха р а з л о ж е н і я к а п и т а л и з м а, за которой непосредственно слѣдуетъ д и к т а т у р а п р о л е т а р і а т а, рождающаяся въ мукахъ г р а ж д а н с к о й в о й н ы.

Это—періодъ, еще болѣе «неудобный» для трусливыхъ и подлыхъ душъ. Здѣсь все летитъ на смарку, все старое, гнилое, отжившее. Здѣсь не можетъ быть мѣста ни теоріи, ни практикѣ Буриданова осла. Здѣсь нужно выбирать и д ѣ й с т в о в а т ь.

И опять мы видимъ, что Каутскій, который все время войны занимался,—правда, умѣреннымъ,—лизаніемъ генеральскаго сапога и проповѣдывалъ «осторожность», теперь занимается благородной задачей обстрѣла большевиковъ и изливаніемъ помоевъ на совѣтскую республику, благо это весьма одобряется начальствомъ. Если разсматривать его,—sit venia verbo,—«взгляды» съ логической стороны, опять-таки обнаружится полное неумѣніе и с т о р и ч е с к и проанализировать вопросъ, подойти къ нему не съ точки зрѣнія общей фразы, а съ точки зрѣнія революціонной діалектики.

Совѣтская республика,—это величайшее завоеваніе пролетаріата,—должна быть разсмотрѣна, какъ форма п р о л е т а р с к о й д и к т а т у р ы, какъ особая форма г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и, неизбѣжно возникающая въ опредѣленный историческій періодъ, несмотря на то, хотятъ или не хотятъ имѣть ее господа Даны, Керенскіе, Каутскіе и Шейдеманы.

Но для того, чтобы понять историческую правомѣрность диктатуры пролетаріата, необходимо, какъ говорятъ нѣмцы, «провентилировать» сперва вопросъ о государствѣ вообще.

I. Общая теорія государства.

Если даже оставаться въ плоскости чисто теоретическихъ оцѣнокъ, можно замѣтить, какой громадный шагъ назадъ сдѣлали многіе «выдающіеся мыслители» за время войны какъ разъ въ э т о й области. То, что раньше, и по заслугамъ, обозначалось какъ безпардонное пустозвонство, котируется сейчасъ какъ величайшая цѣнность на биржѣ воинствующей «науки» нашихъ дней. Взрослые люди залепетали, какъ двухлѣтнія ребята. Нечленораздѣльные звуки, которые издаются теперь Шейдеманами и Данами всѣхъ странъ,—лучшее тому доказательство. И поэтому пусть не посѣтуетъ на насъ читатель, если мы прежде всего постараемся напомнить кое-какія «забытыя слова».

Существуетъ безконечное множество всякихъ «дефиницій» государства. Мы проходимъ мимо всѣхъ тѣхъ теорій, которыя видятъ въ государствѣ какую-либо теологическую или метафизическую сущность, «сверхразумное начало», «реальность моральной идеи» и т. д. Неинтересны для насъ и многочисленныя теоріи юристовъ, которые, разсматривая дѣло съ ограниченной точки зрѣнія формально юридической догматики, вертятся въ порочномъ кругу, опредѣляя государство черезъ право, а право—черезъ государство. Такія теоріи не даютъ никакого положительнаго знанія, потому что онѣ лишены соціологическаго фундамента, онѣ висятъ въ воздухѣ. Государство же невозможно понять иначе, какъ явленіе соціальное. Необходима, слѣдовательно, с о ц і о л о г и ч е с к а я теорія государства. Такую теорію и даетъ м а р к с и з м ъ.

Съ точки зрѣнія марксизма государство есть наиболѣе общая организація господствующаго класса, основной функціей которой являются защита и расширеніе условій эксплоатаціи классовъ порабощенныхъ. Государство есть отношеніе между людьми, и притомъ, — поскольку мы говоримъ о классахъ,—отношеніе господства, власти, порабощенія. Правда, уже 2,500 лѣтъ назадъ въ знаменитомъ вавилонскомъ кодексѣ Хаммураби было заявлено, что «цѣлью правителя является обезпеченіе въ странѣ права, уничтоженіе дурного и злого, дабы

сильный не вредилъ слабому» [1]). Въ существеннѣйшихъ чертахъ эти идиллическія благоглупости съ серьезнѣйшимъ видомъ преподносятся и теперь [2]). Сія «истина» совершенно аналогична утвержденію, что цѣлью предпринимательскихъ союзовъ является повышеніе заработной платы рабочихъ. Въ дѣйствительности, поскольку имѣется сознательно регулируемая организація государственной власти, поскольку можно, слѣдовательно, говорить вообще о постановкѣ ц ѣ л е й (что предполагаетъ уже извѣстную высоту общественнаго и государственнаго развитія), эти цѣли опредѣляются интересами господствующихъ классовъ и т о л ь к о и м и. Такъ-называемыя «общеполезныя функціи» суть лишь conditio sine qua non, необходимыя условія существованія государства; точно такъ же и любая синдикатская организація ставитъ себѣ ц ѣ л ь ю (мы подчеркиваемъ именно эту сторону дѣла: ц ѣ л и организаціи) отнюдь не производство an und für sich, а полученіе прибыли и сверхприбыли, хотя б е з ъ производства не могло бы жить человѣческое общество. «Общественнополезныя» функціи буржуазнаго государства суть, слѣдовательно, у с л о в і я максимально длительной и максимально успѣшной эксплоатаціи классовъ угнетенныхъ, въ первую голову пролетаріата. Эволюція этихъ функцій опредѣляется двумя моментами: во-первыхъ, непосредственной заинтересованностью командующихъ классовъ (безъ желѣзныхъ дорогъ невозможно развитіе капитализма,—отсюда постройка желѣзныхъ дорогъ; чрезмѣрное вырожденіе націи лишаетъ государство необходимаго ему солдатскаго матеріала,—отсюда санитарныя мѣропріятія, etc.); во-вторыхъ, соображеніями стратегіи противъ угнетенныхъ классовъ (такъ называемыя «уступки» подъ давленіемъ снизу),—здѣсь предпочитается наименьшее съ точки зрѣнія верховъ зло. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ дѣйствуетъ «принципъ экономіи силъ» въ цѣляхъ созданія наилучшихъ условій для эксплоатаціоннаго процесса. Регулятивнымъ принципомъ поведенія для государственной власти служатъ интересы господствующаго класса, которые лишь прячутся подъ псевдонимомъ интересовъ «націи», «цѣлаго», «народа» и пр. Всюду государство является организаціей «наиболѣе могущественнаго, господствующаго экономически класса, который благодаря ему становится и политически господствующимъ, пріобрѣтая себѣ такимъ образомъ новое средство для обузданія и эксплоатаціи классовъ порабощенныхъ» [3]).

Являясь наиболѣе общей организаціей господств ующаго класса, государство возникаетъ въ процессѣ общественной диференціаціи. Оно есть продуктъ к л а с с о в а г о общества. Въ свою очередь процессъ соціальнаго разслоенія есть производная экономическаго развитія, а отнюдь не простой результатъ голаго насилія со стороны группъ побѣдителей иноземнаго происхожденія, какъ то утверждаютъ нѣкоторые экономисты и соціологи (Гумпловичъ, Оппенгеймеръ), которые въ данномъ пунктѣ по существу дѣла лишь повторяютъ пресловутаго Дюринга. Вотъ какъ опредѣляетъ «историческое государство» Ф р а н ц ъ О п п е н г е й м е р ъ:

«П о ф о р м ѣ,—пишетъ этотъ авторъ,—оно (государство) есть правовая институція, навязанная побѣдоносной группой группѣ побѣжденной.

---

[1]) L. G u m p l o v i c z: Geschichte der Staatstheorien. Innsbruck. 1905. S. 8.

[2]) См., напр., L o e n i n g: «Der Staat» въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften; W y g o d z y n s k y: Staat und Wirtschaft, Handbuch der Politik etc. Или изъ новыхъ книгъ: I e r u s a l e m: «Der Krieg im Lichte der Gesellschaftslehre». S. 61.

[3]) F r. E n g e l s: «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates». 3 Aufl., 1889, S. 137. «Государство есть организація владѣющихъ классовъ для обороны противъ классовъ, не имѣющихъ собственности (ibid., 138). «La politique n'est qu'une méthode de persistance, un instrument de conservation et d'extension de la propriété» (Achille Loria: «Les bases économiques de la constitution sociale». 2 éd. Paris. 1903. p. 362).

Его содержаніемъ является планомѣрная эксплоатація («Bewirtschaftung) подчиненной группы» [1]).

«Классы созданы при помощи политическихъ средствъ и могли быть созданы только политическими средствами» [2]).

Такимъ образомъ, классы являются, по Оппенгеймеру, лишь трансформированными группами побѣдителей и побѣжденныхъ, а вовсе не законнымъ дитятей экономическаго развитія. Ихъ появленіе связано исключительно съ «внѣэкономическимъ факторомъ».

Въ этой теоріи «происхожденія классовъ» и государства вѣрно лишь одно,—что конкретная исторія есть исторія насилій и грабежа. Но этимъ вопросъ отнюдь не исчерпывается, ибо въ дѣйствительности ни «правовые институты», ни производственныя отношенія опредѣленнаго типа не могутъ возникнуть и удержаться, разъ въ экономическомъ развитіи даннаго общества нѣтъ для этого достаточной почвы. Въ частности для появленія классовъ и упроченія ихъ въ качествѣ основной общественной категоріи этимъ базисомъ являлась хозяйственная дифференціація въ связи съ ростомъ раздѣленія труда и частной собственности [3]).

Образованіе классовъ логически отнюдь не предполагаетъ завоеваній, и исторія приводитъ намъ примѣры образованія классовъ помимо всякаго «завоеванія». Таково образованіе государства въ Сѣверной Америкѣ. Правда, обычно недооцѣниваютъ зародышей сѣверо-американскаго феодализма и господства поземельной аристократіи [4]). Однако, эволюція капиталистическихъ отношеній Америки становится совершенно непонятной съ точки зрѣнія «чистой теоріи завоеванія».

Кажущійся радикализмъ аналогичныхъ теоретическихъ конструкцій имѣетъ весьма апологетическіе корни, ибо здѣсь идетъ нападеніе не на основы товарнаго хозяйства,—частную собственность, а лишь на монополистическую форму этой послѣдней, какъ-будто эта монополистически превращенная форма не есть логическое и историческое продолженіе элементарной формы простого товарнаго хозяйства. На самомъ дѣлѣ государство, какъ и классы, «никоимъ образомъ не является силой, навязанной обществу извнѣ... оно есть, наоборотъ, продуктъ этого общества на извѣстной ступени развитія» [5]).

Если конститутивный признакъ государства, его «сущность» видѣть въ томъ, что оно есть всеобщая организація господствующаго класса, то необходимо признать, что государство есть категорія историческая. Таковъ былъ взглядъ Маркса и Энгельса. Точно такъ же, какъ капиталъ, по Марксу, не есть вещь, именно средства производства an und für sich, а общественное отношеніе, выраженное въ вещи, «сущность» государства заключается не въ его технически-административной роли, а въ отношеніи господства, которое скрывается подъ этой административно-

---

[1]) F. Oppenheimer: «Staat und Gesellschaft. Handbuch der Politik», S. 117. См. также «Der Staat» его же. О развитіи политики и экономики у О. см. его «Theorie der reinen und politischen Oekonomie». 2. Aufl., Berl. 1911.

[2]) «Staat und Gesellschaft», S. 115; «Der Staat», S. 9.

[3]) См. G. Schmoller (Jahrbücher, 1890, S. 72). «Das Wesen der Arbeitsteilung und der socialen Klassenbildung», гдѣ Шмоллеръ критикуетъ Гумпловича, перегибая, однако, палку въ сторону «смягченія» дѣйствительной исторической картины; также G. Schmoller: «Die Tatsachen der Arbeitsteilung», Jahrbücher. 1889. Общія теоретическія соображенія у Durkheim'a: «De la division du travail social». Paris. 1893.

[4]) См. объ этомъ Mayers: «The History of great american fortunes».

[5]) Engels: «Der Ursprung», S. 135. Что возникновеніе теоріи à la Оппенгеймеръ имѣетъ ту соціальную подкладку, о которой мы говорили выше,—показываютъ и «система» практическихъ требованій Оппенгеймера, и его «либеральный соціализмъ», который на самомъ дѣлѣ означаетъ возвратъ къ простому товарному хозяйству, со «справедливой» куплей-продажей «по труду».

технической оболочкой [1]). Но такъ какъ это отношеніе господства есть выраженіе классовой структуры общества, то вмѣстѣ съ исчезновеніемъ классовъ исчезнетъ и государство. Такимъ образомъ, государство имѣетъ не только свое историческое начало, но и свой историческій конецъ. «Даже радикальные и революціонные политики,—писалъ Марксъ,—вскрывая ограниченную точку зрѣнія своихъ современниковъ, ищутъ корень зла не въ сущности (Wesen) государства, а въ опредѣленной государственной формѣ, на мѣсто которой они хотятъ поставить другую государственную форму» [2]). Еще рѣшительнѣе говоритъ Энгельсъ: «Всѣ соціалисты,—утверждаетъ онъ,—согласны въ томъ, что государство, а вмѣстѣ съ нимъ и политическая власть (Autorität) исчезнутъ въ силу грядущей соціальной революціи,—другими словами, что общественныя функціи потеряютъ свой политическій характеръ и превратятся въ простыя административныя функціи, блюдущія общественные интересы» [3]).

Въ «Антп-Дюрингѣ» Энгельсъ заявляетъ, что государство должно «отмереть» (absterben). Въ «Происхожденіи семьи etc.» онъ помѣщаетъ государство въ музей древностей будущаго общества «на ряду съ бронзовымъ топоромъ и прялкой». Приведенныя цитаты (а ихъ можно было бы, конечно, увеличить) вовсе не случайны,—наоборотъ. Здѣсь выступаютъ специфическія особенности марксова метода, который разсматриваетъ общественныя явленія не какъ вѣчныя и неизмѣнныя категоріи, а какъ преходящія явленія, возникающія и исчезающія на опредѣленной ступени общественнаго развитія. Это, такимъ образомъ, не вопросъ терминологіи, какъ хотятъ изобразить дѣло нѣкоторые критики, точно такъ же, какъ вовсе не терминологическое словопреніе заключается въ спорѣ, есть ли палка дикаря — капиталъ или просто палка [4]). Для Маркса критеріемъ различенія, логическимъ fundamentum divisionis было р а з л и ч і е т и п о в ъ о т н о ш е н і й м е ж д у л ю д ь м и, а не фетишистски извращенная «поверхность явленій». Понять общественное развитіе, какъ процессъ непрерывнаго измѣненія этихъ типовъ («соціально-экономическихъ структуръ») и было собственно задачей Маркса. Такимъ же путемъ подходилъ онъ и къ вопросу о государствѣ, какъ п о л и т и ч е с к о м у в ы р а ж е н і ю ш и р о к о й с о ц і а л ь н о - э к о н о м и ч е с к о й к а т е г о р і и: к л а с с о в а г о о б щ е с т в а. И точно такъ же, какъ буржуазные экономисты, точка зрѣнія которыхъ статична и неисторична, не могутъ понять специфической точки зрѣнія Маркса на экономическія категоріи,—такъ и юристы и соціологи буржуазіи не понимаютъ и марксистскаго взгляда на государство. «Теорія Маркса,—говоритъ, напр., Гумпловичъ,—содержитъ новое и въ значительной степени правильное пониманіе государства». Но... «ужасная ошибка соціализма коренится

---

[1]) Кстати, г. Ренперъ, одинъ изъ видныхъ представителей такъ называемаго «австромарксизма», который въ своихъ вышне блестящихъ статьяхъ въ «Kampf» побилъ, пожалуй, всѣ рекорды фальсификаціи марксова ученія, обосновываетъ лозунгъ «самозащиты» тѣмъ, что капиталъ, по Марксу, есть отношеніе между двумя одинаково н е о б х о д и м ы м и полюсами общества—рабочими и капиталистами. Ренперъ позабываетъ только тотъ пустякъ, что Марксу никогда и въ голову не приходило у в ѣ к о в ѣ ч и в а т ь эти отношенія, да еще въ ихъ ограниченной предѣлами данпаго государства формулировкѣ.

[2]) M a r x. «Kritische Randglossen» etc. Nachlass. B. II, S. 50.

[3]) E n g e l s. «Dell'Autorità», «Neue Zeit», XXXII, I, S. 32; нѣм. пер. съ итальянск. Н. Р я з а н о в а.

[4]) A d o l p h W a g n e r, напр., пишетъ (Staat in national-ökonomischer Hinsicht. Handw. der Staatswissenschaften), что соціалистическое «государство» имѣетъ всѣ признаки государства въ «высочайшей степени» (in höchster Potenz), ибо классовый налетъ современнаго государства есть лишь «эксцессы» и «злоупотребленія». Вся эта галиматья имѣетъ п о л н у ю а н а л о г і ю въ теоретическихъ конструкціяхъ современныхъ буржуазныхъ экономистовъ (Б е м ъ - Б а в е р к ъ, К л а р к ъ и К°); капиталъ, по ихъ мнѣнію, не есть отношеніе господства, а просто средство производства; «злоупотребленія» (ростовщичество, напр.) вовсе не существенны; въ будущемъ обществѣ тоже будутъ и капиталъ и прибыль, и т. д.

въ томъ, что онъ вѣритъ будто государство дѣлаетъ себя излишнимъ» [1]). Такъ говоритъ «радикальный» Гумпловичъ. Другіе его коллеги могутъ уже ex officio не понимать Маркса [2]).

Итакъ, коммунистическое общество есть безгосударственное общество, потому что это есть общество безклассовое. Но если коммунизмъ отрицаетъ государство, то что же означаетъ завоеваніе государственной власти пролетаріатомъ? Что означаетъ диктатура рабочаго класса, о которой такъ много говорили и говорятъ марксисты? На этотъ вопросъ отвѣтъ дается ниже.

II. Диктатура пролетаріата и ея необходимость.

Предварительно одно небольшое замѣчаніе. До какихъ предѣловъ можетъ доходить ренегатство бывшихъ соціалистовъ, видно изъ спеціальной брошюрки Каутскаго, выпущенной противъ большевиковъ (Karl Kautsky: «Die Diktatur des Proletariats», Wien, 1918. Verl. Ignaz Brand).

Въ этомъ «элаборатѣ» отреченской мысли мы находимъ, между прочимъ, такое поистинѣ классическое мѣсто: «Тутъ (т.-е. для оправданія своей диктатуры, Н. Б.) вспомнили (большевики) кстати словцо о диктатурѣ пролетаріата, которое Марксъ однажды, въ 1875 году, употребилъ въ одномъ изъ писемъ» [3]). Для Каутскаго все ученіе о диктатурѣ, въ которомъ самъ Марксъ видѣлъ основу теоріи революціи, превратилось въ пустенькое «словцо», случайно оброненное «въ одномъ изъ писемъ»! Немудрено, что въ теоріи диктатуры Каутскій видитъ «новую» теорію.

Эту «новую» теорію, однако, мы почти цѣликомъ имѣемъ у Маркса. Марксъ ясно видѣлъ необходимость временной государственной организаціи рабочаго класса, его диктатуры, потому что онъ видѣлъ неизбѣжность цѣлаго историческаго періода, цѣлой исторической полосы, которая будетъ имѣть специфическія особенности, отличающія ее и отъ капиталистическаго періода, и отъ періода коммунизма, какъ раціонально построеннаго безгосударственнаго общества.

Особенности этой эпохи состоятъ въ томъ, что пролетаріатъ, разбившій государственную организацію буржуазіи, вынужденъ считаться съ ея продолжающимся въ разныхъ формахъ сопротивленіемъ. И именно для того, чтобы это сопротивленіе преодолѣть, необходимо имѣть сильную, крѣпкую, всеобъемлющую и, слѣдовательно, государственную организацію рабочаго класса.

Марксъ ставилъ вопросъ о диктатурѣ пролетаріата болѣе абстрактно, чѣмъ ставитъ его конкретная дѣйствительность. Какъ въ своемъ анализѣ капиталистическаго производства онъ бралъ капиталистическое хозяйство въ его «чистой» формѣ, т.-е. въ формѣ, не осложненной никакими пережитками старыхъ производственныхъ отношеній, никакими «національными» особенностями и т. д., точно такъ же и вопросъ о диктатурѣ рабочаго класса у Маркса ставился, какъ вопросъ о диктатурѣ рабочаго вообще, т.-е. о диктатурѣ, уничтожающей капитализмъ въ его чистомъ видѣ.

---

[1]) Gumplowicz, l. c. S. 373.

[2]) См., напр., Jellinek: «Allgemeine Staatslehre», 3. Aufl., Berlin. 1914, SS. 89, 194, 195 etc. Любопытно признаніе, что «Machttheorie» внушаетъ «безуміе и ужасъ», ибо «sie öfnet der permanenten Revolution die Wege» («прокладываетъ дорогу перманентной революціи», стр. 196), и что «die praktischen Konsequenzen der Machttheorie bestehen nicht in der Begründung, sondern in der Zerstörung des Staates» («практическія послѣдствія силовой теоріи состоятъ не въ обоснованіи, а въ разрушеніи государства», стр. 195).

[3]) K. Kautsky. «Die Diktatur des Proletariats», S. 60: «Da erinnerte man sich rechtzeitig des Wörtchens von der Diktatur des Proletariats, das Marx einmal 1875 in einem Briefe gebraucht hatte».

Иначе и нельзя было ставить вопроса, если ставить его абстрактно-теоретически, т.-е. если давать самую широкую алгебраическую формулу диктатуры.

Теперь опытъ соціальной борьбы позволяетъ конкретизировать вопросъ по самымъ разнообразнымъ направленіямъ. И прежде всего этотъ опытъ указываетъ на необходимость самой рѣшительной, дѣйствительно ж е л ѣ з н о й диктатуры рабочихъ массъ.

Соціалистическая революція, тотъ н а с и л ь с т в е н н ы й п е р е в о р о т ъ, о которомъ говорилъ еще «Коммунистическій манифестъ», не совершается по мановенію дирижерской палочки сразу во всѣхъ странахъ. Жизнь гораздо запутаннѣе и сложнѣе «сѣрой теоріи». Капиталистическая оболочка лопается не одновременно повсюду, а начинаетъ расползаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буржуазная государственная ткань наименѣе крѣпка. И тутъ передъ побѣдившимъ пролетаріатомъ ставится проблема отраженія внѣшняго врага, чужеземнаго имперіализма, всѣмъ ходомъ развитія неизбѣжно толкаемаго на разрушеніе государственной организаціи пролетаріата.

Одна изъ величайшихъ заслугъ товарища Ленина состоитъ въ томъ, что онъ первый во всемъ марксистскомъ лагерѣ поставилъ вопросъ о р е в о л ю ц і о н н ы х ъ в о й н а х ъ пролетаріата [1]).

А, между тѣмъ, это—одна изъ самыхъ важныхъ проблемъ нашей эпохи. Ясно, что грандіозный міровой переворотъ будетъ включать и оборонительныя, и наступательныя войны со стороны побѣдоноснаго пролетаріата: оборонительныя—чтобы о т б и т ь с я отъ наступающихъ имперіалистовъ, наступательныя—чтобы д о б и т ь отступающую буржуазію, чтобы поднять на возстаніе угнетенные еще народы, чтобы освободить и раскрѣпостить колоніи, чтобы закрѣпить завоеванія пролетаріата.

Современный капитализмъ есть м і р о в о й капитализмъ. Но этотъ міровой капитализмъ не есть организованная единица, а анархическая система борющихся всѣми средствами государственно-капиталистическихъ трестовъ [2]). Однако, онъ есть м і р о в а я система, всѣ части которой связаны другъ съ другомъ. Какъ разъ поэтому европейская война превратилась въ м і р о в у ю в о й н у. Но, съ другой стороны, относительная дробность мірового хозяйства, соединенная съ р а з л и ч н ы м ъ положеніемъ имперіалистскихъ государствъ, вызвала міровую войну не какъ единовременно наступившее явленіе, а какъ п р о ц е с с ъ п о с т е п е н н а г о в т я г и в а н і я въ войну одной капиталистической страны за другой. Италія, Румынія, Америка выступили значительно позднѣе. Но какъ разъ выступленіе Америки и превратило войну въ войну, захватившую сба полушарія, т.-е. въ в о й н у м і р о в-у ю.

Аналогично развивается и м і р о в а я р е в о л ю ц і я. Это есть процессъ деградаціи капитализма и возстанія пролетаріата, гдѣ одна страна слѣдуетъ за другой. При этомъ причудливо переплетаются самые различные моменты: имперіалистской войны, національно-сепаратистскихъ возстаній, гражданской войны внутри странъ и, наконецъ, классовой войны между государственно-организованной буржуазіей (имперіалистскими государствами) и государственно-организованнымъ пролетаріатомъ (совѣтскими республиками).

Однако, чѣмъ дальше развиваются событія, тѣмъ рѣзче выступаетъ на первый планъ моментъ к л а с с о в о й в о й н ы. Знаменитый «союзъ

---

[1]) См. статьи, появившіяся во время войны въ «Соціалъ-Демократѣ» и «Коммунистѣ». «Сборникъ Соціалъ-Демократа». Ихъ перепечатку можно найти въ изданіи Петр. Совѣта: Зиновьевъ и Ленинъ: «Противъ теченія».

[2]) Анализъ структуры мірового капитализма см. въ н а ш е й работѣ: «Міровое хозяйство и имперіализмъ», изд. «Прибой», СПБ.

народовъ», о которомъ буржуазные пасифисты прожужжали всѣ уши, всѣ эти «лиги націй» и прочая дребедень. которую напѣваютъ съ ихъ голоса соціалъ-предательскія банды, на самомъ дѣлѣ суть нечтоиное, какъ попыткисозданіясвященнагосоюзакапиталистическихъ государствъ на предметъ совмѣстнаго удушенія соціалистическихъ возстаній [1]). Марксъ правильно указывалъ, что партія революціи сплачиваетъ партію контръ-революціи. И это положеніе вѣрно по отношенію къ міровой революціи пролетаріата: міровой революціонный процессъ, или, какъ его теперь называютъ съ полнымъ правомъ, «міровой большевизмъ»,—сплачиваетъ силы международнаго капитала.

Но подобная «внѣшняя» конъюнктура не можетъ не имѣть громаднаго «внутренняго» значенія. Если бы не было наличія имперіалистскихъ силъ во внѣ, побѣжденная отечественная буржуазія, опрокинутая въ открытомъ столкновеніи классовъ, не могла бы надѣяться на буржуазную реставрацію. Процессъ деклассированія буржуазіи шелъ бы болѣе или менѣе быстро, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала бы и необходимость въ спеціальной организаціи противобуржуазной репрессіи, въ государственной организаціи пролетаріата, въ его диктатурѣ.

Однако, дѣйствительное положеніе дѣлъ какъ разъ обратно. Буржуазія, уже сваленная, уже разбитая въ какой-нибудь одной или въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ странахъ, имѣетъ еще громадные резервы въ лицѣ иностраннаго капитала. А отсюда вытекаетъ, что ея сопротивленіе затягивается. Опытъ русской революціи блистательно подтверждаетъ это. Саботажъ, заговоры, мятежи, организація кулацкихъ возстаній, организація бандъ съ бывшими генералами во главѣ, чехо-словацкая авантюра, безчисленныя «правительства» окраинъ, опирающіяся на иноземные штыки и кошелекъ, наконецъ, карательныя экспедиціи и походы на Совѣтскую Россію со стороны всего капиталистическаго міра,—это явленія одного и того же порядка.

Изъ такого совершенно неизбѣжнаго неотвратимаго хода историческихъ событій можно и должно сдѣлать два вывода: во-первыхъ. передъ нами цѣлый періодъ ожесточеннѣйшей борьбы не на животъ. а на смерть; во-вторыхъ, для того, чтобы этотъ періодъ былъ изжитъ возможно скорѣе, необходимъ режимъ диктатуры вооруженнаго пролетаріата. Тактическое правило выводится здѣсь изъ научно-поставленнаго прогноза, для котораго есть всѣ данныя.

Конечно, все на свѣтѣ можно оспаривать. Есть жалкіе софисты, жизненное назначеніе которыхъ состоитъ въ безконечномъ схоластическомъ переливаніи изъ пустого въ порожнее. Таковъ какъ разъ Каутскій. Онъ не могъ понять смысла империализма. Теперь онъ не можетъ понять смысла слѣдующей фазы, эпохи соціалистическихъ революцій и пролетарской диктатуры. «Я ожидаю,—пишетъ сей «рабочій» вождь,—что соціальная революція пролетаріата приметъ совершенно особыя формы, чѣмъ революція буржуазіи; что пролетарская революція въ противоположность буржуазной будетъ бороться «мирными» средствами экономическаго, законодательнаго и моральнаго порядка повсюду, гдѣ укоренилась демократія» [2]).

Трудно, конечно, спорить съ ренегатами, которые переучились настолько, что въ военныхъ ботфортахъ Тафта видятъ демократію.

---

[1]) Это откровенно высказалъ въ свое время мистеръ Тафтъ, американскій империалистъ first class и въ то же время одинъ изъ основателей пасифистской лиги. Подъ «миромъ» онъ разумѣетъ прежде всего гражданскій миръ, и поэтому онъ готовъ утопить въ крови его нарушителей, т.-е. рабочихъ.

[2]) K. Kautsky: «Die Diktatur des Proletariats», S. 18.

Но у насъ передъ глазами примѣръ дѣйствительно демократической страны, гдѣ демократія дѣйствительно «укоренилась»: это—Финляндія. И примѣръ этой единственной страны показываетъ, что гражданская война въ болѣе «культурныхъ» странахъ должна быть еще болѣе жестокой, безпощадной, исключающей всякую почву для «мирныхъ» и «законодательныхъ»(!!) методовъ.

Каутскій пытается установить, что подъ диктатурой Марксъ подразумѣвалъ не диктатуру, а что-то совсѣмъ другое, ибо, молъ, слово «диктатура» можетъ относиться только къ отдѣльному лицу, а не классу. Но стоитъ только привести мнѣніе Энгельса, который отлично видѣлъ, чѣмъ должна быть диктатура пролетаріата, чтобы понять, какъ далеко ушелъ Каутскій отъ марксизма. Энгельсъ писалъ противъ анархистовъ:

«Видали ли они когда-нибудь революцію, эти господа? Революція есть, несомнѣнно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революція есть актъ, въ которомъ часть населенія навязываетъ свою волю другой части посредствомъ ружей, штыковъ, пушекъ, т.-е. средствъ чрезвычайно авторитарныхъ. И побѣдившая партія по необходимости бываетъ вынуждена удерживать свое господство посредствомъ страха, который внушаетъ реакціонерамъ ея оружіе. Если бы парижская коммуна не опиралась на авторитетъ вооруженнаго народа противъ буржуазіи, развѣ она продержалась бы дольше одного дня? Не въ правѣ ли мы, наоборотъ, порицать коммуну за то, что она слишкомъ мало пользовалась своимъ авторитетомъ? (Здѣсь нужно перевести: «своей властью», «autoriatà», Н. Б. [1]).

И Энгельсъ, и Марксъ прекрасно понимали грядущее положеніе. Теперь, когда у насъ налицо опытное подтвержденіе этого взгляда, говорить о «мирныхъ» и «законодательныхъ» путяхъ просто смѣшно.

Начавшаяся эпоха революціи требуетъ соотвѣтствующей ориентировки. Если эпоха эта есть эпоха неслыханныхъ классовыхъ битвъ, вырастающихъ въ классовыя войны, то совершенно естественно, что политическая форма господства рабочаго класса должна носить своеобразно милитарный характеръ. Здѣсь должна быть новая форма власти,—диктаторской власти класса, «штурмующаго небо»,—какъ говорилъ Марксъ о парижскихъ коммунарахъ.

По Каутскому, Марксъ писалъ не о «формѣ правительства» (Regierungsform), а о «фактическомъ состояніи» (einem Zustande), когда онъ писалъ о диктатурѣ. На самомъ дѣлѣ Марксъ писалъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ «форма правительства». Онъ писалъ о новомъ совершенно своеобразномъ типѣ государства. На той же страницѣ, гдѣ Каутскій «опровергаетъ» тезисы о диктатурѣ, написанные авторомъ этихъ строкъ [2]), онъ приводитъ цитату изъ Маркса, который говоритъ о томъ, что коммуна была, «наконецъ, открытой политической формой» пролетарской диктатуры, а вовсе не случайнымъ «состояніемъ».

Итакъ, между коммунизмомъ и капитализмомъ лежитъ цѣлый историческій періодъ. На это время еще сохраняется государственная власть въ видѣ пролетарской диктатуры. Пролетаріатъ является здѣсь господствующимъ классомъ, который, прежде чѣмъ распустить себя, какъ классъ, долженъ раздавить всѣхъ своихъ враговъ, перевоспитать буржуазію, передѣлать міръ по своему образу и подобію.

---

[1]) Энгельсъ: «Dell'Autoriatà», «Neue Zeit», 1913—14, XXXII, B. I, S. 39. Русскій переводъ мы цитируемъ по великолѣпной книжкѣ тов. Ленина: «Государство и революція». Въ виду необычайно тщательнаго подбора цитатъ изъ Маркса и Энгельса въ этой книжкѣ, мы считаемъ излишнимъ повторять ихъ здѣсь и отсылаемъ читателя къ работѣ Владиміра Ильича.

[2]) «Thesen über die socialistische Revolution und die Aufgaben des Proletariats während seiner Diktatur in Russland», Verl. Freie Jugend, Zürich. Вышли также польскій, финскій и др. переводы.

III. Крахъ демократіи и диктатура пролетаріата.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, которые играютъ крупнѣйшую практическую роль, является вопросъ о соотношеніи между «демократіей» и диктатурой рабочихъ.

Марксисты не выдумываютъ изъ головы чисто раціоналистическимъ образомъ «формъ правленія». Они улавливаютъ основныя тенденціи развитія и свои цѣли сообразуютъ съ этими тенденціями. Такъ и только такъ нужно подходить и къ вопросу о диктатурѣ.

При этомъ нужно помнить, что политическая форма есть «надстройка» надъ опредѣленной экономической структурой, что она выражаетъ опредѣленное соотношеніе м е ж д у к л а с с а м и и что политическая скорлупа неизбѣжно разлетается въ прахъ, если она не находитъ себѣ опоры въ структурѣ классовыхъ соотношеній.

Выше мы дали общую оцѣнку начавшейся эпохи. Это—эпоха все болѣе и болѣе нарастающихъ гражданскихъ войнъ, переходящихъ въ организованную классовую войну. Поэтому первый вопросъ, который мы должны задать, это—вопросъ о томъ, совмѣстима ли г р а ж д а н с к а я в о й н а съ демократическими формами, или нѣтъ.

Но предварительно одно маленькое замѣчаніе. Наши противники, и въ ихъ числѣ Каутскій, толкуютъ о демократіи, какъ о чемъ-то существующемъ. Но это з а в ѣ д о м а я л о ж ь. Сейчасъ не существуетъ демократическихъ государствъ. То, что существуетъ сейчасъ въ Европѣ, Америкѣ и Японіи, есть д и к т а т у р а ф и н а н с о в а г о к а п и т а л а. Именно это—исходный пунктъ развитія.

Слѣдовательно, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: м о ж н о л и в ъ э п о х у г р а ж д а н с к о й в о й н ы о р г а н и з о в а т ь п р о л е т а р с к о е г о с у д а р с т в о в ъ ф о р м а х ъ с т а р о й б у р ж у а з н о й д е м о к р а т і и, в е з д ѣ и в с ю д у у н и ч т о ж е н н о й ф и н а н с о в ы м ъ к а п и т а л о м ъ?

Демократія, поскольку мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ опредѣленный политическій строй, была до сихъ поръ одной изъ формъ,—самой утонченной формой,—господства буржуазіи. Въ чемъ состояла основная предпосылка демократическаго устройства? Въ наличіи ряда ф и к ц і й, которыя чрезвычайно ловко использовались для систематическаго обмана массъ. Основной такой фикціей было понятіе о б щ е н а р о д н о й в о л и, «націи», «цѣлаго». Вся система демократическихъ учрежденій покоится на «общенародности». Нетрудно понять классовый смыслъ «общенародныхъ» нормъ. Понятно, что въ дѣйствительности есть к л а с с ы съ противоположными непримиримыми интересами; понятно, что ни о какой «общенародной» волѣ, которая объединяла бы и рабочихъ, и капиталистовъ, въ дѣйствительности нѣтъ и рѣчи. Но буржуазіи нужна, ей н е о б х о д и м а фикція «общенаціональнаго». Буржуазія — правящее меньшинство. Но какъ разъ потому, что она—меньшинство, ей приходится, чтобы держать массы въ повиновеніи, говорить отъ имени «всей націи», ибо она не можетъ о т к р ы т о говорить отъ имени кучки. Такимъ образомъ, возникаетъ фетишъ общенародной воли, и б у р ж у а з і я выступаетъ какъ н а ц і я, какъ «страна», а б у р ж у а з н а я г о с у д а р с т в е н н а я о р г а н и з а ц і я—какъ общее всѣмъ «о т е ч е с т в о».

П р о л е т а р с к а я р е в о л ю ц і я есть, однако, разрывъ гражданскаго мира,—это есть г р а ж д а н с к а я в о й н а. Гражданская же война вскрываетъ истинную физіономію общества, расколотаго на классы. Какъ разъ въ огнѣ гражданской войны сгораетъ общенаціональный фетишъ, а классы размѣщаются съ оружіемъ въ рукахъ по различнымъ сто-

фонамъ революціонной баррикады. Поэтому неудивительно, что въ процессѣ революціонной борьбы пролетаріата неизбѣжно возникаетъ р а с п а д ъ всѣхъ тѣхъ формъ, всѣхъ учрежденій и пиститутовъ, которые носятъ видимость «общенаціональнаго». Это есть опять-таки совершенно н е о т в р а т и м ы й, исторически абсолютно неизбѣжный процессъ, хотятъ его или не хотятъ отдѣльные люди, отдѣльныя группы или даже нѣкоторые промежуточные классы, ибо гражданская война имѣетъ свою внутреннюю логику, и разъ она дана, тѣмъ самымъ данъ и процессъ распада старыхъ формъ, гдѣ буржуазія господствовала подъ псевдонимомъ всего общества.

Эти соображенія, выдвигавшіяся нѣкоторыми товарищами и до октябрьской революціи, получили теперь опять-таки опытное подтвержденіе. Какую область ни взять, всюду и вездѣ мы видимъ одно и то же: общенаціональные. «общедемократическіе» институты н е м ы с л и м ы, при данномъ соотношеніи силъ они н е в о з м о ж н ы.

Возьмемъ одну изъ главныхъ составныхъ частей всякой государственной власти—а р м і ю. Для всякаго неутописта ясно, что общенаціональная армія т е п е р ь немыслима. Пролетаріатъ не можетъ пускать въ свою армію буржуазію, и Совѣтская республика организуетъ рабоче-крестьянскую к р а с н у ю армію. Но и для буржуазіи все болѣе опасно становится пускать въ свою армію принудительно набранныхъ рабочихъ и крестьянъ; поэтому она вынуждена организовать б ѣ л у ю гвардію. Тамъ же, гдѣ пробуютъ сорганизовать «общенаціональный» военный аппаратъ, съ буржуазными контръ-революціонерами во главѣ (ср., напр., «народную армію» чехо-словацко-бѣлогвардейскихъ силъ), этотъ аппаратъ неизбѣжно разлагается и погибаетъ, ибо конструкція его по т е п е р е ш н и м ъ временамъ внутренне противорѣчива.

То же самое происходитъ по всей линіи, вплоть до экономики: на фабрикѣ становится невозможнымъ «межклассовое» сожительство буржуа и пролетарія; общіе «домовые комитеты» распадаются и замѣняются домовыми комитетами б ѣ д н о т ы; деревенскіе общіе совѣты разрушаются, и на ихъ мѣсто ставятся комитеты д е р е в е н с к о й б ѣ д н о т ы; въ муниципалитетахъ не могутъ ужиться рядомъ тѣ, кто на улицахъ стоитъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, и муниципалитеты замѣняются отдѣлами рабочихъ классовыхъ совѣтовъ; Учредительное Собраніе по той же причинѣ существовать не можетъ; старые парламенты взрываются вмѣстѣ со всякой «общенаціональной» конституціей.

Можно, конечно, сказать, что во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ есть логическая ошибка, что все это—только petitio principii, что здѣсь вмѣсто доказательства правомѣрности дѣйствій большевиковъ о п и с ы в а ю т с я эти дѣйствія.

Но это не такъ. Наши враги, яростные сторонники «думъ» и «Учредилки», только на словахъ стоятъ за общедемократическія формулы. Вѣдь вмѣсто Учредилки есть одинъ только п р а в ы й, т.-е. к л а с с о в ы й секторъ, а во всѣхъ думахъ и пр. Сибири и «Чехо-Словакіи» торжественно заявлялось, что тамъ есть всеобщее избирательное право, но н ѣ т ъ м ѣ с т а п р е д с т а в и т е л я м ъ а н т и г о с у д а р с т в е н н ы х ъ п а р т і й, т.-е. большевикамъ, а слѣдовательно рабочему классу.

Было бы смѣшно думать, что все это—случайныя, «патологическія» явленія. На самомъ дѣлѣ здѣсь происходитъ распадъ того, что могло быть связано лишь при одномъ условіи: при такомъ положеніи вещей, когда пролетаріатъ находится подъ гипнозомъ буржуазной идеологіи, когда онъ не сознаетъ себя еще, какъ классъ, ниспровергающій буржуазію, когда онъ разсматриваетъ себя, какъ часть не подлежащаго измѣненію цѣлаго. Побѣда пролетаріата, полная и окончательная, его м і р о в а я побѣда,

возстановитъ въ концѣ концовъ единство общества на новыхъ началахъ, на началахъ деклассированія всего общества. Тогда осуществится полный безгосударственный коммунизмъ. Но до этого періода предстоитъ пройти черезъ жестокую борьбу, которая не мирится ни съ какими иными формами, кромѣ диктатуры: если побѣждаетъ рабочій классъ, тогда будетъ диктатура рабочихъ; если побѣждаетъ буржуазія, это будетъ диктатура буржуазіи и ея генераловъ.

Можно подойти къ вопросу и съ нѣсколько другой точки зрѣнія, хотя по существу здѣсь будетъ рѣчь итти о томъ же. Можно выдѣлить основныя классовыя силы и посмотрѣть, кто же будетъ носителемъ власти. Каутскій, который въ 1905—1906 гг. писалъ о русской революціи, какъ о революціи не буржуазной, а «своеобразной», теперь, черезъ 12 лѣтъ послѣ того, какъ въ Россіи сформировался финансовый капиталъ, пишетъ о въ сотни разъ болѣе зрѣлой октябрьской революціи, какъ о революціи буржуазной. Но если, по Каутскому, историческое развитіе идетъ такъ же, какъ и развитіе самого Каутскаго, то-есть вспять, то, слѣдовательно, у власти должна стоять буржуазія. Но буржуазія хочетъ военной диктатуры генераловъ, чего абсолютно не хочетъ пролетаріатъ. Мелкая буржуазія, интеллигенція и пр. не могутъ быть властью, это—азбука для марксиста. Крестьянство сейчасъ дифференцировано,—у насъ происходитъ революція въ деревнѣ. Но ни одинъ слой крестьянства не можетъ играть самостоятельной роли. Остается одинъ пролетаріатъ. Власть пролетаріата, однако, ставитъ на дыбы не только крупную буржуазію, но и «среднее сословіе». Тѣмъ не менѣе пролетаріатъ достаточно силенъ, чтобы, ведя за собой деревенскую бѣдноту, разбить своихъ враговъ. При такомъ положеніи не можетъ быть иного выхода, какъ диктатура пролетаріата.

Предатели соціализма больше всего боятся «безпокойства». Таковъ и Каутскій. Онъ проповѣдывалъ «мирный» капитализмъ, когда этотъ капитализмъ убивалъ десятки милліоновъ на поляхъ сраженій. Теперь онъ проповѣдуетъ «мирную революцію», чтобы удержать пролетаріевъ отъ возстанія противъ капитала. Онъ всерьезъ пишетъ «о безопасности и покоѣ», которые нужны для революціоннаго строительства, и потому онъ изо всѣхъ силъ протестуетъ противъ «самой страшной» гражданской войны. Предпосылкой его поистинѣ чудовищной по своему ренегатству критики является жажда мѣщанскаго спокойствія. Демократія, т.-е. такая форма господства буржуазіи, которая предохраняла бы наилучшимъ образомъ отъ возмущенія пролетаріата,—вотъ его конечный идеалъ.

Что это такъ,—ясно видно хотя бы изъ одного замѣчанія: «Въ бояхъ за... политическія права возникаетъ современная демократія, зрѣетъ пролетаріатъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ новый факторъ: охрана меньшинства, оппозиціи въ государствѣ. Демократія означаетъ господство большинства. Но въ не меньшей мѣрѣ она означаетъ охрану меньшинства» [1]). А поэтому теперь, по Каутскому, и необходима демократія.

Стоитъ взглянуть только на это великолѣпное разсужденіе, чтобы увидѣть, что Каутскій ровно ничего не понимаетъ въ текущихъ событіяхъ. Развѣ можно совѣтовать русскому пролетаріату охранять права «меньшинства», т.-е. права контръ-революціи, мягко называемой добренькимъ Каутскимъ «оппозиціей»? Охранять права чехо-словаковъ, царскихъ охранниковъ генераловъ, спекулянтовъ, поповъ, всѣхъ тѣхъ, кто идетъ съ бомбой и револьверомъ противъ пролетаріата,—это значитъ либо быть дуракомъ, либо быть политическимъ шарлатаномъ. Но это нужно дѣлать съ точки зрѣнія тупого мѣщанина, стремящагося примирить классы

---

[1]) Kautsky, l. c., S. 15.

и не понимающаго, что крупная буржуазія, поддержанная имъ, расправившись съ пролетаріатомъ, пожретъ и его, своего помощника [1]).

Всякое государство есть орудіе насилія. Въ моменты острыхъ классовыхъ битвъ это орудіе должно дѣйствовать особенно интенсивно. Поэтому въ эпоху гражданской войны типъ государственной власти неизбѣжно долженъ быть диктаторскимъ. Но это опредѣленіе есть опредѣленіе формальное. Важенъ классовый характеръ государственной власти. И поскольку государственная власть находится въ рукахъ пролетаріата, постольку до его рѣшающей побѣды во всемъ мірѣ она неизбѣжно должна носить характеръ диктатуры [2]). Пролетаріатъ не только не даетъ никакихъ «свободъ» буржуазіи,—онъ примѣняетъ противъ нея мѣры самой крутой репрессіи: онъ закрываетъ ея прессу, ея союзы, силой ломаетъ ея саботажъ и т. д., и т. п., точно такъ же, какъ буржуазія въ свое время дѣлала это съ агентами помѣщичье-царскаго режима. Но за то пролетаріатъ не на словахъ, а на дѣлѣ даетъ широчайшую свободу трудящимся массамъ.

Этотъ пунктъ нужно особенно подчеркнуть. Всѣ «демократическія свободы» носятъ формальный, чисто декларативный характеръ. Таково, напримѣръ, демократическое «равенство всѣхъ передъ закономъ». Это «равенство» прекрасно воплощается въ формальномъ «равенствѣ» продавца рабочей силы, рабочаго, и покупателя ея, капиталиста. Это есть лицемѣрное равенство, за которымъ скрывается дѣйствительное порабощеніе. Здѣсь равенство прокламируется, но по сути дѣла фактическое экономическое неравенство превращаетъ равенство формальное въ пустой призракъ. Немногимъ лучше и свобода печати, прессы и т. д. для рабочихъ, которая дается буржуазной демократіей. Здѣсь прокламируютъ «свободу», но рабочіе ея не могутъ реализовать: фактическая монополія на бумагу, типографіи, машины и т. д. со стороны класса капиталистовъ превращаетъ почти въ ничто печать рабочаго класса. Это напоминаетъ пріемы американской цензуры: она часто не просто запрещаетъ рабочія газеты, а «всего-навсего» запрещаетъ почтѣ ихъ распространять, и такимъ образомъ формальная «свобода печати» сводится къ полному ея удушенію.

Точно то же происходитъ съ рабочими собраніями; рабочимъ предоставляется «право» на собранія, но имъ не предоставляется помѣщеній для этой цѣли, а уличныя собранія воспрещаются подъ предлогомъ «свободы уличнаго движенія».

Диктатура рабочаго класса уничтожаетъ формальное равенство классовъ, но тѣмъ самымъ она освобождаетъ рабочій классъ отъ матеріальнаго порабощенія. «Свобода договора» исчезаетъ вмѣстѣ со «свободой торговли». Но это нарушеніе «свободы» капиталистическаго класса даетъ гарантію дѣйствительной свободы для трудящихся массъ.

Центръ тяжести переносится именно на эти гарантіи: Совѣтская власть не просто прокламируетъ свободу рабочихъ собраній, а предоставляетъ всѣ лучшіе залы городовъ, всѣ дворцы и театры для рабочихъ со-

---

[1]) Жажда соціальнаго мира такъ сильна у Каутскаго, что онъ гражданскую войну между большевиками и правыми с.-р. «объясняетъ» не различіемъ классовъ и группъ, а различіемъ «тактическихъ методовъ». Всѣ русскіе «соціалисты», по его мнѣнію, «хотятъ того же самаго». Это напоминаетъ разсужденія старыхъ либераловъ, которые увѣряли, что и они стремятся къ «счастью человѣчества», но только другими путями...

[2]) Эта необходимость подавленія эксплоататоровъ была ясна не только Марксу и Энгельсу. Плехановъ когда-то говорилъ, что мы отмѣнимъ всеобщее избирательное право, если этого потребуетъ революція. Тотъ же Плехановъ высказывался за массовый терроръ и противъ всякихъ свободъ для низвергнутыхъ классовъ при извѣстныхъ условіяхъ. См. его брошюру о «Столѣтіи Великой Революціи». Ее весьма не мѣшало бы знать каждому товарищу.

браній, для организацій рабочаго класса и т. д. Она не просто провозглашаетъ свободу рабочей печати, а предоставляетъ въ распоряженіе рабочихъ организацій всю бумагу, всѣ печатные станки, всѣ типографіи, реквизируя и конфискуя все это у прежнихъ капиталистическихъ владѣльцевъ. Простой подсчетъ домовъ подъ рабочими и крестьянскими организаціями — партійными, совѣтскими, профессіональными, фабрично-заводскими, клубными, культурно-просвѣтительными, литературными и т. д., которыхъ н и к о г д а не было такъ много, покажетъ, ч т о дѣлаетъ Совѣтская власть для этой дѣйствительной свободы и дѣйствительнаго раскрѣпощенія трудящихся массъ.

Чрезвычайно характерно, что Каутскій, критикующій наши тезисы, мошенническимъ образомъ обрываетъ цитату к а к ъ р а з ъ на томъ мѣстѣ, которое говоритъ объ этихъ г а р а н т і я х ъ свободы для рабочаго класса. Самое существенное Каутскій выбросилъ для того, чтобы еще разъ о б м а н у т ь пролетаріатъ.

Намъ остается разсмотрѣть здѣсь еще одинъ вопросъ, а именно—вопросъ о томъ, почему коммунисты стояли раньше за буржуазную демократію, а теперь идутъ противъ нея.

Понять это нетрудно, если стоять на м а р к с и с т с к о й точкѣ зрѣнія. Марксистская точка зрѣнія отрицаетъ всѣ и всяческіе абсолюты. Она есть и с т о р и ч е с к а я точка зрѣнія. Поэтому совершенно ясно уже a priori, что конкретные лозунги и цѣли движенія всецѣло зависятъ отъ х а р а к т е р а э п о х и, въ которой приходится дѣйствовать борющемуся пролетаріату.

П р о ш л а я эпоха была эпохой накопленія силъ, п о д г о т о в к и къ революціи. Т е п е р е ш н я я эпоха есть эпоха с а м о й р е в о л ю ц і и. Изъ этого основного различія вытекаетъ и глубокое различіе въ конкретныхъ лозунгахъ и цѣляхъ движенія.

Пролетаріату нужна была раньше демократія потому, что онъ н е м о г ъ еще реально помышлять о диктатурѣ. Ему нужна была свобода р а б о ч е й прессы, р а б о ч и х ъ собраній, р а б о ч и х ъ союзовъ и т. д. Ему и тогда были вредны к а п и т а л и с т и ч е с к а я пресса, черные к а п и т а л и с т и ч е с к і е союзы, собранія локаутчиковъ. Но пролетаріатъ не имѣлъ силъ выступить съ требованіемъ роспуска буржуазныхъ организацій,—для этого ему нужно было бы свалить буржуазію. Демократія была цѣнна постольку, поскольку она помогала пролетаріату подняться на ступеньку выше въ его сознаніи. Но пролетаріатъ в ы н у ж д е н ъ былъ тогда облекать свои к л а с с о в ы я требованія въ «общедемократическую» форму,—онъ вынужденъ былъ требовать не свободы р а б о ч и х ъ собраній, а свободы собраній вообще (слѣдовательно, и свободы контръ-революціонныхъ собраній), свободы прессы вообще (а слѣдовательно, и черносотенной прессы) и т. д. Но изъ нужды нечего дѣлать добродѣтели. Теперь, когда наступила эпоха прямого штурма капиталистической крѣпости и подавленія эксплоататоровъ, только убогій мѣщанинъ можетъ довольствоваться разсужденіями о «защитѣ меньшинства» [1]).

IV. Совѣтская власть, какъ форма пролетарской диктатуры.

Выше мы уже отмѣчали, что длительный характеръ затягивающейся гражданской войны требуетъ не просто единичныхъ мѣропріятій противъ буржуазіи, но и соотвѣтствующей г о с у д а р с т в е н н о й о р г а н и з а ц і и. Мы разсматривали эту организацію только какъ д и к т а т у р у, т.-е. форму власти, наиболѣе рѣзко выражающую классово-репрессивный характеръ этой власти.

[1]) См. выше.

Теперь намъ необходимо выяснить особенности пролетарской диктатуры, какъ совершенно новаго типа государства.

Необходимость новаго типа государства отлично понималась и Марксомъ, и Энгельсомъ. Именно поэтому они и стояли не на точкѣ зрѣнія завоеванія буржуазнаго государства (въ томъ числѣ и демократіи, гражданинъ Каутскій!), а на точкѣ зрѣнія взрыва (Sprengung), ломки (Zerbrechen) государственной машины. Они съ величайшимъ презрѣніемъ относились къ «государственному хламу», къ «народному государству» («Volksstaat»), о которомъ такъ заботились оппортунисты [1]).

Чѣмъ же опредѣляются особенности новаго государственнаго типа?

Онѣ зависятъ отъ двухъ причинъ:

Во-первыхъ, пролетарское государство есть диктатура большинства надъ меньшинствомъ страны, тогда какъ всякая иная диктатура была диктатурой кучки [2]); во-вторыхъ, всякая прежняя государственная власть ставила своей цѣлью сохраненіе и упроченіе процесса эксплоатаціи. Наоборотъ, совершенно ясно, что большинство не можетъ жить за счетъ кучки, и пролетаріатъ не можетъ эксплоатировать буржуазію. Цѣлью пролетарской диктатуры является ломка старыхъ производственныхъ отношеній и организація новыхъ отношеній въ сферѣ общественной экономики, «диктаторское посягательство» (Марксъ) на права частной собственности. Основной смыслъ пролетарской диктатуры какъ разъ и состоитъ въ томъ, что она есть рычагъ экономическаго переворота.

Если государственная власть пролетаріата есть рычагъ экономической революціи, то ясно, что «экономика» и «политика» должны сливаться здѣсь въ одно цѣлое. Такое сліяніе мы имѣемъ и при диктатурѣ финансоваго капитала въ его классически-законченной формѣ, формѣ государственнаго капитализма. Но диктатура пролетаріата перевертываетъ всѣ отношенія стараго міра,—другими словами, политическая диктатура рабочаго класса должна неизбѣжно быть и его экономической диктатурой.

Все вышесказанное вызываетъ прежде всего тотъ признакъ Совѣтской власти, что это есть власть массовыхъ организацій пролетаріата и деревенской бѣдноты. Въ «демократіи», столь любимой Каутскимъ, все участіе рабочаго и крестьянина-бѣдняка въ государственной жизни покоилось на томъ, что онъ разъ въ четыре года опускалъ билетикъ въ избирательную урну и уходилъ потомъ спать. Здѣсь опять-таки яснѣе яснаго виденъ буржуазный обманъ массъ путемъ систематическаго вколачиванія въ ихъ головы разнообразныхъ иллюзій. По видимости рабочіе принимаютъ участіе въ управленіи государствомъ, фактически они полностью изолированы отъ какого бы то ни было участія въ управленіи государствомъ. Допустить такое участіе буржуазія не можетъ, но создавать фикцію она при извѣстныхъ условіяхъ должна. Вотъ почему всякая форма правленія меньшинства, будь то феодально-помѣщичье, торгово-капиталистическое или финансово-капиталистическое государство, неизбѣжно должна быть бюрократична. Она всегда, при всѣхъ и всякихъ условіяхъ изолирована отъ массъ, а массы изолированы отъ нея.

Совсѣмъ иное видимъ мы въ Совѣтской Республикѣ. Совѣты — непосредственныя классовыя организаціи. Это—не забронированныя учре-

---

[1]) Эта чрезвычайно существенная сторона дѣла блестяще изложена у тов. Ленина: «Государство и революція».

[2]) Всевозможныя благоглупости фактическаго характера, которыя имѣются въ изобиліи у Каутскаго, усиленно обрабатываемаго меньшевистскими клеветниками, опровергать, конечно, не стоитъ.

жденія, ибо проведено право отзыва каждаго депутата: это—сами массы въ лицѣ ихъ выборныхъ, въ лицѣ рабочихъ, солдатъ и крестьянъ.

Но дѣло не только въ однихъ Совѣтахъ, составляющихъ, такъ сказать, верхушку всего государственнаго аппарата. Нѣтъ, всѣ рабочія организаціи становятся частями аппарата власти. Нѣтъ ни одной массовой организаціи, которая не являлась бы въ то же время органомъ власти. Профессіональные союзы рабочихъ—важнѣйшіе органы экономической диктатуры, управляющіе производствомъ и распредѣленіемъ, устанавливающіе условія труда, играющіе крупнѣйшую роль въ центральномъ учрежденіи экономической диктатуры—Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства, фактически ведущіе работу Комиссаріата Труда; фабрично-заводскіе комитеты—нижнія ячейки государственнаго регулированія; комитеты деревенской бѣдноты—одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ мѣстной власти и въ то же время распредѣлительнаго аппарата страны; рабочіе кооперативы—точно такъ же ячейки этого послѣдняго. Всѣ они принимаютъ участіе въ выработкѣ всяческихъ проектовъ, рѣшеній, постановленій, которыя потомъ проходятъ черезъ центральный аппаратъ—Центральный Исполнительный Комитетъ или Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ брошюръ [1]) тов. Ленинъ писалъ, что задача пролетарской диктатуры заключается въ томъ, чтобы пріучить даже каждую кухарку къ управленію государствомъ. И это былъ вовсе не парадоксъ. Черезъ организаціи пролетаріевъ города и деревенской бѣдноты,—организаціи, которыя все глубже и глубже захватываютъ самую толщу народныхъ массъ,—эти массы, боявшіяся когда-то и думать о своей власти, начинаютъ р а б о т а т ь какъ органы этой власти. Никакое государство никогда и нигдѣ не было такимъ близкимъ къ массамъ. Совѣтская Республика есть въ сущности громадная организація самихъ массъ.

Мы подчеркиваемъ здѣсь и д р у г у ю с т о р о н у д ѣ л а, а именно то, что это—организація не только р а б о ч а я по преимуществу, но и р а б о т а ю щ а я. Въ «демократическихъ республикахъ» высшимъ органомъ является «парламентъ», въ переводѣ на русскій языкъ—«говорильня». Власть дѣлится на законодательную и исполнительную. Путемъ посылки депутатовъ отъ рабочихъ въ парламентъ (разъ въ 4 года) создается опять-таки фикція, что рабочіе принимаютъ участіе въ государственной р а б о т ѣ. Но на самомъ дѣлѣ этого не дѣлаютъ даже депутаты, ибо они говорятъ. Всѣ же дѣла вершитъ спеціальная бюрократическая каста.

Въ Совѣтской Республикѣ законодательная власть соединена съ исполнительной. Всѣ ея органы, отъ самаго верхняго до самаго нижняго, суть р а б о т а ю щ і я к о л л е г і и, связанныя съ массовыми организаціями, опирающіяся на нихъ и втягивающія черезъ нихъ всю массу въ дѣло соціалистическаго строительства.

Такимъ образомъ, всѣ рабочія организаціи становятся п р а в я щ и м и организаціями. Ихъ функціональное значеніе измѣняется. Иначе и не можетъ быть въ періодъ пролетарской диктатуры, когда господиномъ положенія является рабочій классъ, когда само государство есть р а б о ч а я о р г а н и з а ц і я.

Нужно имѣть безнадежное тупоуміе нашихъ меньшевиковъ или Каутскаго, чтобы протестовать противъ превращенія Совѣтовъ въ органы власти. «Теорія» ихъ состоитъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка. Пусть Совѣты будутъ органами борьбы противъ правящей буржуазіи. А дальше, когда побѣдятъ? Пусть тогда они распустятъ себя, какъ органы власти, и снова начинаютъ «борьбу», чтобы... не смѣть побѣждать.

---

[1]) Н. Л е н и н ъ: «Удержатъ ли большевики государственную власть?».

Но возраженія противъ власти Совѣтовъ, противъ того, чтобы профессіональные союзы стали «казенными» учрежденіями и т. д., имѣютъ и другую сторону. Ни Каутскій, ни меньшевики не хотятъ, чтобы массовыя организаціи управляли государствомъ и принимали активное участіе въ государственномъ строительствѣ. Такимъ образомъ, они стоятъ, что бы они ни заявляли, за комбинацію «говорильни» плюсъ оторванная отъ массъ бюрократія. Дальше этого стараго хлама ихъ горизонтъ не распространяется.

Такимъ образомъ, совѣтская форма государства есть самоуправленіе массъ, гдѣ любая организація трудящихся является составной частью всего аппарата. Отъ центральныхъ коллегій власти тянутся организаціонныя нити къ мѣстнымъ организаціямъ по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, отъ нихъ — къ самимъ массамъ въ ихъ непосредственной конкретности. Эта связь, эти организаціонныя нити никогда не обрываются. Онѣ—«нормальное явленіе» совѣтской жизни. Это—то основное, что отличаетъ Совѣтскую Республику отъ всѣхъ рѣшительно формъ государственнаго бытія.

Связь между политикой и экономикой, между «управленіемъ надъ людьми» и «управленіемъ надъ вещами» выражается не только въ максимально тѣсной кооперации между экономическими и политическими организаціями массъ, но и въ томъ, что даже выборы въ Совѣты производятся не по чисто искусственнымъ территоріальнымъ округамъ, а по данымъ производственнымъ единицамъ: фабрикамъ, заводамъ, рудникамъ, селамъ, на мѣстахъ работы и борьбы. Такимъ образомъ, достигается постоянная живая связь между коллегіей представителей, «рабочихъ депутатовъ», и тѣми, кто ихъ посылаетъ, т.-е. самой массой, сплоченной общими трудовыми усиліями, сконцентрированной самой техникой крупнаго производства.

Самодѣятельность массъ — вотъ основной принципъ всего строительства Совѣтской власти. И достаточно посмотрѣть, какую роль сыграли рабочіе Петербурга, Москвы и другихъ городовъ въ дѣлѣ организаціи красной арміи, съ величайшимъ энтузіазмомъ давъ на фронтъ тысячи товарищей, организаторовъ, агитаторовъ, бойцовъ, которые передѣлали и поставили армію на ноги, или взглянуть на рабочихъ, которые выросли на нѣсколько головъ, воспитались на дѣловой работѣ въ разнаго рода совѣтскихъ экономическихъ учрежденіяхъ, чтобы понять, какой колоссальный шагъ впередъ сдѣлала Россія со времени октябрьской побѣды [1]).

Совѣтамъ принадлежитъ будущее,—этого не могутъ отрицать даже ихъ враги. Но эти послѣдніе жестоко ошибаются, когда думаютъ, что заграничные Совѣты поставятъ себѣ исключительно лакейскія задачи и смогутъ стоять лишь на запяткахъ господина капитала. Совѣты, это—совершенная, открытая русской революціей форма пролетарской диктатуры. И поскольку это такъ,—а это безусловно такъ,—постольку мы стоимъ на порогѣ превращенія старыхъ разбойничьихъ государствъ буржуазіи въ организаціи пролетарской диктатуры. Третій Интернаціоналъ, о которомъ такъ много говорили и писали, придетъ. Это будетъ Интернаціональная Совѣтская Соціалистическая Республика.

Н. Бухаринъ.

---

[1]) Каутскій, ничего не понимая, пишетъ о страшной «апатіи массъ», какъ неизбѣжномъ слѣдствіи Совѣтской диктатуры. Но давно извѣстно, что ignorantia non est argumentum.

Международный соціализмъ и пролетарскій переворотъ въ Россіи.

На сентябрь 1914 года въ Вѣнѣ назначенъ былъ международный соціалистическій конгрессъ, долженствовавшій получить всемірное историческое значеніе въ исторіи международнаго рабочаго движенія. Въ 1914 году исполнялось 50 лѣтъ со времени основанія перваго Международнаго Товарищества Рабочихъ (перваго Интернаціонала). Предполагалось торжественно отпраздновать 50-лѣтіе перваго Интернаціонала, и вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось окончательно опредѣлить тактику борьбы международнаго пролетаріата противъ міровой имперіалистической войны, которая надвигалась съ неизбѣжностью рока.

Вмѣсто этого въ августѣ 1914 года грянула міровая имперіалистическая бойня, которая продолжается еще до нашихъ дней.

Международное Соціалистическое Бюро, руководимое Гюисмансомъ и Вандервельде, издало въ Вѣнѣ по соглашенію съ официальной австрійской соціалъ-демократіей юбилейный сборникъ-альманахъ второго Интернаціонала. Въ этомъ сборникѣ собраны были всѣ резолюціи Интернаціонала по вопросу о войнѣ, нѣкоторыя рѣчи, статьи и изреченія выдающихся дѣятелей международнаго соціализма противъ войны. Когда началась имперіалистическая бойня и когда всѣ официальные соціалисты обанкротились и сдали знамя буржуазіи, друзья Виктора Адлера и Эмиля Вандервельде поспѣшили «изъять изъ употребленія», попросту спрятать названный юбилейный сборникъ Интернаціонала. И они поступили со своей точки зрѣнія совершенно правильно. Каждая строка этого сборника хлестала по лицу официальныхъ жрецовъ казенной соціалъ-демократіи. Каждая резолюція, каждая изъ приведенныхъ въ этомъ сборникѣ рѣчей и статей вопіяла о неслыханномъ предательствѣ, совершенномъ Шейдеманами, Викторами Адлерами и Зюдекумами, Ренерами, Реноделями, Гендерсонами, Гюисмансами и компаніей. Вожди обанкротившагося второго Интернаціонала д о л ж н ы были теперь убояться своей собственной тѣни. Они не могли не прятаться отъ собственнаго своего прошлаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ стоялъ вопросъ о войнѣ и революціи до начала нынѣшней войны?

Въ позорной ренегатской брошюрѣ «Диктатура пролетаріата», выпущенной Каутскимъ осенью 1918 года, этотъ бывшій соціалистъ отрекается отъ гражданской войны, на всѣ лады убѣждаетъ рабочій классъ въ томъ, что грѣшно ему браться за оружіе и что не можетъ быть и рѣчи о соціалистическомъ переворотѣ уже въ данный моментъ. А между тѣмъ тотъ же самый К а у т с к і й писалъ е щ е д е с я т ь л ѣ т ъ н а з а д ъ:

„Соціализмъ нынѣ сталъ уже экономической необходимостью. Срокъ его наступленія есть уже только вопросъ силы. Дать пролетаріату эту силу при помощи организаціи и просвѣщенія является нынѣ болѣе чѣмъ самой важной за-

дачей соціалъ-демократіи. Нѣтъ ничего болѣе страннаго, чѣмъ тѣ соціалисты, которые думаютъ, что теперь надо еще заботиться о дальнѣйшемъ развитіи силъ капитализма“. Такъ писалъ Каутскій еще въ 1907 году въ своей брошюрѣ «Соціализмъ и колоніальная политика» (стр. 37, нѣм. изд.).

Другой изъ крупнѣйшихъ теоретиковъ второго Интернаціонала, Рудольфъ Гильфердингъ писалъ въ своемъ «Финансовомъ капиталѣ»:

„Соціализмъ перестаетъ быть отдаленнымъ идеаломъ, перестаетъ быть даже той «конечной цѣлью», которая просто указываетъ общее направленіе «текущихъ требованій». Соціализмъ становится существеннымъ элементомъ въ непосредственной практической политикѣ пролетаріата... **Отвѣтомъ пролетаріата на экономическую политику финансоваго капитала, на имперіализмъ можетъ быть не свобода торговли, а только соціализмъ... соціализмъ въ качествѣ единственнаго отвѣта на имперіализмъ долженъ выдвинуться на первый планъ пропаганды...** По своимъ общимъ тенденціямъ финансовый капиталъ знаменуетъ установленіе общественнаго контроля надъ производствомъ. Но это—обобществленіе въ антагонистической формѣ, господство надъ общественнымъ производствомъ остается въ рукахъ олигархіи. Борьба за низложеніе этой олигархіи представляетъ послѣднюю фазу классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ... **Захватъ шести крупныхъ берлинскихъ банковъ уже въ настоящее время былъ бы равносиленъ захвату важнѣйшихъ сферъ крупной промышленности и до чрезвычайности облегчилъ бы первые шаги политики соціализма въ тотъ переходный періодъ, когда капиталистическій методъ счетоводства представляется еще цѣлесообразнымъ“.** (Цитируемъ по русскому переводу 1912 г., стр. 567— 569).

Третій жрецъ погибшаго второго Интернаціонала, Отто-Бауеръ, еще ровно десять лѣтъ назадъ, въ 1908 году, въ своей извѣстной книгѣ «Національный вопросъ и соціалъ-демократія» заявлялъ буквально слѣдующее:

„Несомнѣнно, что будущая имперіалистическая міровая война повлечетъ за собой революціонный переворотъ... Имперіалистическая всемірная катастрофа несомнѣнно будетъ началомъ соціалистическаго мірового переворота“.

Въ такомъ же духѣ говорилъ Бебель еще во время мароккскаго конфликта. Въ своей извѣстной рѣчи въ рейхстагѣ Бебель заявилъ:

«Тогда наступитъ катастрофа. Тогда (т.-е. когда начнется міровая война) наступитъ величайшая въ Европѣ война, въ которой отъ 16 до 18 милліоновъ людей, цвѣтъ всѣхъ націй, вооруженные лучшими орудіями убійства, бросятся другъ на друга».

„Но по моему убѣжденію за великой міровой войной стоитъ великая міровая революція... Вы пожнете то, что посѣяли. Наступаютъ сумерки боговъ для буржуазнаго строя. Да, будьте увѣрены, господа, эти сумерки совсѣмъ уже близки. Вы пришли теперь къ тому пункту, когда вы сами подкапываете основы вашего государственнаго и общественнаго строя; вы сами привели къ тому, что уже слышенъ похоронный звонъ по вашемъ государственномъ и общественномъ порядкѣ“.

И не только отдѣльные вожди второго Интернаціонала, но и самыя отвѣтственныя организаціи его говорили въ томъ же духѣ. Въ офиціальномъ партійномъ документѣ, опубликованномъ въ 1912 году Центральнымъ Комитетомъ германской соціалъ-демократіи, говорилось:

„Если бы триста магнатовъ капитала были замѣнены довѣренными людьми пролетаріата, все производство безъ дальнѣйшихъ затрудненій могло бы быть направлено въ интересахъ рабочихъ классовъ вмѣсто интересовъ капитала, и переходъ къ соціалистической организаціи производства былъ бы начатъ,—настолько созрѣла уже предварительная работа, выполненная капитализмомъ“. (Брошюра «Имперіализмъ и соціализмъ», 1912 г., стр. 3).

Имперіалистическая война родитъ соціалистическую революцію,—такъ заявилъ второй Интернаціоналъ въ 1907 г. въ извѣстной резолюціи международнаго штуттгартскаго конгресса. Имперіалистическая война неизбѣжно родитъ соціалистическую революцію,—такъ продолжали заявлять самые отвѣтственные, самые выдающіеся представители второго Интернаціонала вплоть до 1912 года.

Да что мы говоримъ: «вплоть до 1912 года»! Еще наканунѣ начала войны, еще, можно сказать, за 24 часа до перваго выстрѣла официальные представители второго Интернаціонала продолжали утверждать то же самое.

Трудолюбивый профессоръ-пасифистъ Карлъ Грюнбергъ выполнилъ слѣдующую работу: онъ собралъ въ двухъ толстыхъ томахъ [1]) всѣ резолюціи, статьи, рѣчи официальныхъ соціалистическихъ организацій и вождей, обнародованныя за день, за два до начала войны 1914 года.

Картина была уже совершенно ясна. Всѣ отвѣтственные политики видѣли, что надвинулась та самая война, пришествіе которой соціалисты предсказывали въ теченіе 10—15 лѣтъ. Всѣ вожди соціалистическихъ партій убѣдились, что правъ былъ базельскій международный конгрессъ, заявившій, что балканская война 1912 года есть только увертюра, есть только предисловіе къ большой всеевропейской міровой имперіалистической войнѣ. Основныя группировки въ началѣ августа 1914 года (по нов. ст.) были уже совершенно ясны.

И пока не грянулъ первый выстрѣлъ, официальные соціалисты по инерціи продолжали еще говорить правду. И всѣ они въ одинъ голосъ утверждали, что эта война есть война не справедливая, а нечестивая, что это будетъ война изъ-за интересовъ маленькой кучки капиталистовъ. И всѣ они въ одинъ голосъ доказывали рабочимъ своихъ странъ, что ихъ интересы, ихъ честь требуютъ самаго рѣзкаго протеста и самой рѣшительной борьбы противъ надвигающагося преступленія.

Книга профессора Грюнберга, сухой сборникъ официальныхъ матеріаловъ, является краснорѣчивѣйшимъ обвинительнымъ актомъ противъ соціалъ-оборонцевъ всѣхъ странъ. Каждая строка въ этой книжкѣ хлещетъ, какъ бичъ, по лицу господъ соціалъ-предателей.

Эрве,—нынѣшній базарный крикунъ Эрве, нынѣшній вдохновитель похода французскихъ имперіалистовъ противъ великой русской рабочей революціи, даже Эрве еще 28 іюля 1914 года писалъ:

«Война для защиты маленькихъ націй, угнетаемыхъ великой державой? Это было бы слишкомъ хорошо! Но давно уже въ Европѣ нѣтъ ни одной великой державы, у которой руки не были бы въ крови.

Нѣтъ, не война для защиты маленькаго сербскаго народа, но война для защиты престижа нашего союзника, царя.

Честь нашего союзника! Честь русскаго правительства! При одномъ этомъ словѣ Рабле, Вольтеръ, Викторъ Гюго перевернутся въ гробу. Русское правительство не было такъ чувствительно насчетъ своей чести, когда оно душило Финляндію и Польшу, когда оно спускало свои черныя сотни на еврейское населеніе Кіева и Одессы.

Биться во имя спасенія престижа царя! Какой превосходный мотивъ для народа, предки котораго сдѣлали великую революцію! Какая радость умереть за такое благородное дѣло!» («La guerre sociale», 28 іюля 1914 г.).

А покойный Жоресъ, убитый за нѣсколько часовъ до того, какъ война началась, въ рѣчи, произнесенной въ одномъ изъ предмѣстьевъ Ліона за 4 дня до своей смерти, говорилъ:

---

[1]) Книгоиздательство Петроградскаго Совѣта готовитъ русскій переводъ этихъ двухъ поучительныхъ томовъ.

«Колоніальная политика Франціи, боящаяся свѣта политика Россіи, насильническая воля Австріи — вотъ что содѣйствовало созданію того ужаснаго положенія, въ которомъ мы находимся. Граждане, если военная гроза разразится, всѣ мы, соціалисты, должны позаботиться о томъ, чтобы спастись возможно скорѣе отъ того преступленія, которое совершатъ правящіе классы».

А центральный органъ официальной германской соціалъ-демократіи за 48 часовъ до начала войны помѣщалъ статью за статьей, которыя доказывали, что эта война будетъ величайшимъ преступленіемъ противъ рабочихъ.

Но вотъ грянули первые выстрѣлы, и официальные вожди казенныхъ соціалъ-демократическихъ партій объявили черное бѣлымъ, а бѣлое—чернымъ. Преступнѣйшая изъ войнъ подъ ихъ перомъ превратилась въ «великую» «освободительную» войну. Каждая изъ официальныхъ соціалистическихъ партій заявляла: защищайте «свое отечество», т.-е. свою буржуазію, т.-е. своего хозяина. Принципы соціализма были забыты, красныя знамена затоптаны въ грязь, честь и совѣсть были объявлены предразсудками.

Не было той измѣны, которой не совершили бы по отношенію къ рабочимъ всѣхъ странъ официальные вожди казенной соціалъ-демократіи. Каждаго честнаго соціалиста объявляли фантастомъ, сумасшедшимъ, преступникомъ, врагомъ своего собственнаго народа. Въ каждаго честнаго интернаціоналиста, который поднималъ голосъ протеста противъ имперіалистической войны, официальные жрецы второго Интернаціонала стали бросать комья грязи. Полилась священная рабочая кровь, которая цѣлыми ручьями продолжаетъ литься еще по сегодняшній день...

* * *

Теперь, когда мы пишемъ эти строки, исполнилось уже цѣлыхъ три года со времени циммервальдовской международной конференціи. Жутко вспомнить то время, когда въ глухую швейцарскую деревушку собралось около двухъ десятковъ соціалистовъ всѣхъ странъ, имѣвшихъ въ тотъ моментъ за своей спиной въ лучшемъ случаѣ только сотни сторонниковъ во всей окровавленной и измученной Европѣ.

Въ Германіи интернаціоналисты съ Либкнехтомъ во главѣ дѣлали только свои первые шаги. По всей Германіи господствовала тишина кладбища. Съ безграничнымъ высокомѣріемъ, съ тупоумной самоувѣренностью гг. Шейдеманы третировали отдѣльныхъ смѣльчаковъ-интернаціоналистовъ, будучи увѣрены въ томъ, что массы рабочихъ идутъ за ними, официальными представителями казеннаго, съ позволенія сказать, соціализма.

Еще хуже обстояло дѣло въ Австріи. Въ 1915 году, въ моментъ, когда собралась циммервальдовская конференція, отдѣльныхъ смѣльчаковъ-интернаціоналистовъ въ Австріи можно было пересчитать по пальцамъ. Официальная австрійская соціалъ-демократія, руководимая Викторомъ Адлеромъ, цѣликомъ и безъ остатка перешла на службу къ австрійской монархіи.

Во Франціи, въ Англіи соціалъ-шовинизмъ справлялъ свои оргіи безвозбранно.

Въ Италіи официальная партія не голосовала за военные кредиты, но громадное большинство ея вождей оставалось въ плѣну пасифистскихъ идей и не хотѣло и слушать объ открытой революціонной войнѣ.

О Россіи нечего и говорить. Здѣсь процвѣталъ военно-промышленный «соціализмъ», во главѣ котораго шли обнявшись Гучковъ, Потресовъ, Плехановъ и Милюковъ...

Много вѣры въ рабочее дѣло надо было для того, чтобы въ тотъ моментъ поднять знамя революціонной борьбы за соціализмъ.

Кому изъ присутствовавшихъ на циммервальдовской конференціи приходило въ голову, что не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ въ Россіи совершится соціалистическій переворотъ, какъ вся Европа будетъ потрясена до дна, какъ Германія и Австрія будутъ стоять на рубежѣ пролетарскаго переворота, какъ въ Италіи и во Франціи станетъ клокотать обостреннѣйшая классовая борьба?

А, между тѣмъ, все это пришло; а, между тѣмъ, мы дожили до этого...

Когда разразилась февральская революція въ Россіи, всѣ буржуазныя правительства Европы, а вслѣдъ за ними и всѣ казенныя соціалъ-патріотическія партіи сразу насторожились.

Значительные слои европейской буржуазіи не могли не сочувствовать февральской революціи поскольку она оставалась только буржуазнымъ переворотомъ, поскольку дѣло сводилось къ тому, что самодержавный режимъ Николая Рóманова смѣнялся буржуазнымъ режимомъ Милюкова и Гучкова.

Но пройдохи европейскаго имперіализма наметали себѣ глазъ. Обостренное чутье крупнаго собственника, которому начинаетъ угрожать опасность со стороны его бунтующихъ рабовъ, сразу же подсказало вождямъ европейской буржуазіи, что февральская буржуазная революція носитъ въ себѣ зародыши революціи рабочей соціалистической.

Съ перваго же момента февральской революціи у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, родились Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. И изощренное чутье палачей мірового имперіализма сразу же подсказало имъ, что эти Совѣты имѣютъ очень серьезные шансы стать колыбелью соціалистическаго движенія въ Россіи.

Совѣты—вотъ врагъ,—такъ сказала себѣ европейская биржа.

«Участіе мобилизованныхъ солдатъ въ выборахъ (рѣчь шла тогда о выборахъ въ Учредительное Собраніе) было бы полно риска»,—такъ писалъ официозъ французскаго правительства, газета «Temps», 8 марта 1917 г. И тотъ же парижскій «Temps» 9 марта съ безподобной откровенностью возмущался:

«Мы не понимаемъ по какому праву 1600 делегатовъ отъ рабочихъ и солдатъ собрались въ Таврическій дворецъ, и оттуда диктуютъ рѣшенія (рѣчь идетъ о Совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ). Не этотъ ли импровизированный митингъ можетъ играть роль правительства? Англійская пресса сдѣлала вчера первое предостереженіе, мы повторяемъ его со всей настойчивостью, ибо если русская революція выродится въ пародію, скомпрометированы будутъ все будущее Россіи и вся ея свобода» («Temps», № 20347).

И въ то же самое время центральный органъ англійскихъ имперіалистовъ «Times» съ бѣшеной злобой уже въ первые дни февральской революціи травилъ такъ называемыхъ «экстремистовъ» (такъ тогда называли на Западѣ большевиковъ). Уже 7 марта 1917 года лондонскій «Times» требовалъ разоруженія петроградскихъ рабочихъ и настаивалъ на томъ, что если петроградскій пролетаріатъ не удастся «успокоить» иначе, то не слѣдуетъ останавливаться передъ примѣненіемъ оружія.

«Импровизированный митингъ» въ Таврическомъ дворцѣ недаромъ не давалъ спать лондонскимъ и парижскимъ банкирамъ. О, эти люди не забыли движенія 48 года и хорошо помнили Парижскую Коммуну 1871 года, и они догадывались, что Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ ничего хорошаго европейской буржуазіи не сулятъ!

Теперь, когда англійскій имперіализмъ идетъ открытымъ походомъ противъ соціалистической Россіи, нѣкоторые удивляются этому обстоя-

тельству. А между тѣмъ уже въ началѣ марта 1917 года, когда буржуазная власть въ Россіи переживала свой медовый мѣсяцъ, еще въ тотъ моментъ, когда вся русская буржуазія объявляла нашу революцію «великой» какъ разъ за то, что она была маленькой,—уже въ этотъ моментъ матерые разбойники англійскаго имперіализма превосходно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Уже въ 10 числахъ марта 1917 года лондонскія и парижскія биржевыя газеты выражали свое теплое сочувствіе Николаю Романову. А вождь буржуазной Французской республики съ трибуны палаты депутатовъ славословилъ Николая кроваваго, какъ человѣка, который исполнилъ вѣрно свой долгъ передъ «союзнымъ» французскимъ «народомъ», который, отрекшись отъ престола, сдѣлалъ «благороднѣйшій жестъ» и къ которому русскій народъ, какъ и всемірная исторія, долженъ хранить самое благоговѣйное чувство.

Европейская биржа знала, что въ борьбѣ противъ «импровизированнаго митинга» рабочихъ и солдатъ ей не разъ еще придется поклониться въ ножки царистской бандѣ. Прожженные дѣльцы и ловкіе каналья буржуазнаго республиканизма съ перваго же момента февральской революціи ясно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что они должны будутъ еще въ своихъ классовыхъ интересахъ попытаться реставрировать въ Россіи царизмъ противъ рабочаго класса и крестьянской бѣдноты.

Всеевропейская буржуазія сразу оскалила зубы противъ рабочаго класса Россіи. А международный пролетаріатъ? Какъ откликнулся онъ на россійскую революцію?

Ликованіе по поводу паденія царизма среди трудящихся классовъ Европы было, разумѣется, всеобщее. Но о сколько-нибудь активной поддержкѣ нашихъ Совѣтовъ въ тотъ моментъ не было и рѣчи. Всюду и вездѣ рабочій классъ продолжалъ тянуть кровавую лямку войны, всюду и вездѣ онъ продолжалъ жить подъ гнетомъ осаднаго положенія. Свѣжій вѣтеръ ворвался въ обстановку войны, но не надолго. И не такъ силенъ былъ этотъ вѣтеръ, чтобы сразу сдунуть со своего пути всѣ тѣ преграды и препятствія, которыя исторія нагромоздила на его дорогѣ.

А офиціальные «соціалисты» всѣхъ странъ продолжали дѣлать свое Іудино дѣло. Невиданное въ исторіи по размаху революціонное движеніе они старались использовать для того, чтобы оправдать и продолжить свое предательское дѣло. И казенные «соціалисты»-соглашатели помогли буржуазіи «своихъ» странъ забрасывать клеветой и грязью пролетарскіе Совѣты, зародившіеся въ Россіи, помогли травить русскихъ большевиковъ, поднявшихъ знамя коммунистической революціи.

А русскій пролетаріатъ классовымъ инстинктомъ почуялъ, что окончательный исходъ начатой имъ великой тяжбы съ русской буржуазіей рѣшится въ послѣднемъ счетѣ тѣмъ откликомъ, который его борьба встрѣтитъ въ другихъ странахъ. И русскій рабочій классъ напряженно впился свой взглядъ на Западъ, ожидая оттуда братскаго отклика.

Какъ земля послѣ долгой засухи воспринимаетъ первыя капли благодатнаго дождя, такъ и изстрадавшійся по честному интернаціоналистскому слову русскій рабочій классъ воспринималъ каждый, даже самый слабый намекъ на интернаціоналистскую поддержку со стороны западно-европейскихъ рабочихъ. Съ распростертыми объятіями россійскій рабочій классъ встрѣчалъ каждаго соціалиста, пріѣзжавшаго изъ Франціи или изъ Англіи, хотя бы этотъ, съ позволенія сказать, соціалистъ принадлежалъ даже къ оборонцамъ.

Довѣріе, которое русскій пролетарій оказывалъ представителямъ даже самаго подмоченнаго европейскаго соціализма, было поистинѣ безгранично. И этимъ пользовались русскіе «соціалисты»-соглашатели. Они вполнѣ сознательно подмѣняли подлинныхъ представителей международ-

наго соціализма маргариновыми «соціалистами»-оборонцами. Они сознательно и планомѣрно кормили русскихъ рабочихъ суррогатами. Они нарочно подносили имъ камень вмѣсто хлѣба.

Кто не помнитъ отвратительныхъ зрѣлищъ, которыя разыгрывались въ Петроградскомъ Совѣтѣ въ тѣ приснопамятныя времена, когда петроградскій пролетаріатъ былъ еще настроенъ оборончески и когда предсѣдателями Питерскаго Совѣта состояли Чхеидзе, Церетели, Керенскій? Кто не помнитъ, напримѣръ, пріѣзда въ Россію пресловутаго Альбера Тома, этого французскаго Шейдемана? Кто не помнитъ, какъ на многолюдныхъ собраніяхъ Петроградскаго Совѣта старая лиса Чхеидзе бра́лся за руки съ мошенникомъ Альберомъ Тома и распѣвалъ «марсельезу» и «интернаціоналъ»? А неискушенные рабочіе переживали искренній интернаціоналистическій экстазъ, будучи въ простотѣ своей душевной увѣрены въ томъ, что передъ ними происходитъ братанье подлинныхъ соціалистовъ, и ни на секунду не подозрѣвая, что передъ ними на самомъ дѣлѣ разъ игрывается отвратительный спектакль лицемѣрія и ханжества.

Долгіе мѣсяцы понадобились на то, чтобы пала повязка съ глазъ даже передовыхъ петроградскихъ рабочихъ. Но зато, когда наши рабочіе прозрѣли, не было границъ ихъ ненависти, презрѣнія къ іезуитамъ соціалъ-оборончества какъ французской, такъ и германской марки. И не было также границъ ихъ горячей безпредѣльной любви къ тѣмъ подлиннымъ соціалистамъ-интернаціоналистамъ, представителями которыхъ являются: Карлъ Либкнехтъ въ Германіи, Джонъ Маклинъ въ Англіи, Фридрихъ Адлеръ въ Австріи, Евгеній Дебсъ въ Америкѣ.—Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,—говорили себѣ русскіе рабочіе...

Международный пролетарскій переворотъ—вотъ завѣтная цѣль, къ которой стремится передовой русскій пролетарій, вотъ та свѣтлая ослѣпительная звѣзда, которая сіяетъ борцамъ русскаго пролетаріата. Въ самый тяжелый моментъ, когда нашъ рабочій изнывалъ въ борьбѣ съ неравными враждебными силами, когда онъ голодалъ, когда его обступали враги со всѣхъ сторонъ, когда онъ терялъ бодрость и иногда начиналъ роптать противъ своихъ собственныхъ Совѣтовъ, стоило въ эти минуты хоть на моментъ блеснуть надеждѣ на то, что на Западѣ загораются революціонные бои, что тамъ приближается международная соціалистическая революція,—и усталости, недовольства, недовѣрчивости какъ не бывало. Снова въ петроградскомъ и московскомъ пролетаріи просыпался мужественный боецъ, снова сжималъ онъ крѣпче винтовку въ рукахъ и снова безъ жалобъ и безъ ропота несъ дальше ту тяжелую ношу, которую́ исторія возложила на его плечи.

Намъ вспоминаются дни Бреста. Тяжелые, горькіе, безпримѣрные по тяжести дни! Мы вспоминаемъ тѣ страстные споры, которые происходили въ нашей средѣ въ эти памятные дни. Обсуждая всѣ «за» и «противъ» тактики «передышки», мы болѣе всего останавливались на вопросѣ о томъ, не повредитъ ли наше заключеніе мира разгорающейся пролетарской революціи на Западѣ. Болѣе всего мы боялись, какъ бы этотъ нашъ шагъ не потушилъ хоть на минуту тотъ костеръ пролетарской борьбы, который началъ разгораться въ Европѣ. Петроградскіе и московскіе пролетаріи трепетали при одной мысли о томъ, что быть можетъ наша «передышка» будетъ куплена дорогой цѣной замедленія темпа пролетарской борьбы въ другихъ странахъ. Болѣе всего героическіе русскіе рабочіе боялись: а вдругъ насъ не поймутъ рабочіе Германіи, а вдругъ они истолкуютъ нашъ шагъ, какъ примиреніе съ германскимъ имперіализмомъ, а вдругъ мы своей передышкой затруднимъ имъ ихъ борьбу противъ Вильгельма, а вдругъ брестскій миръ приведетъ къ новымъ вспышкамъ шовинизма во Франціи и въ Англіи...

Мучительную думушку думали рабочіе-коммунисты въ тѣ приснопамятные дни.

И, къ счастью, мы можемъ теперь сказать: пролетаріи другихъ странъ отлично поняли насъ. Классовое чутье подсказало имъ, что нашъ шагъ диктовался не какими-либо эгоистическими національными интересами, а именно интересами международнаго соціализма. Они поняли, что съ того момента, какъ въ Россіи произошелъ пролетарскій переворотъ, наша страна стала обѣтованной землей соціализма и наше рабоче-крестьянское правительство обязано было пойти на тяжелый миръ для того, чтобы сохранить первую въ мірѣ соціалистическую республику. Передовые рабочіе всѣхъ странъ отлично поняли, что, подписывая брестскій миръ, мы только хотимъ выиграть время для себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать время имъ наверстать потерянное и поспѣть на помощь первой пролетарской революціи въ мірѣ.

И русскій пролетаріатъ сдержалъ свое слово. Онъ сумѣлъ продержаться до того времени, пока міровая революція началась.

Міровая революція родится изъ міровой войны. Съ этимъ связано между прочимъ и то обстоятельство, что революція началась въ странахъ экономически болѣе отсталыхъ. Съ этимъ связано и то обстоятельство, что первая пролетарская революція получила фактическую возможность передышки. Не будь борьбы двухъ трестовъ, дерущихся между собою, не будь бѣшенаго соревнованія между англо-французскимъ и австро-германскимъ имперіализмомъ, не будь, однимъ словомъ, міровой имперіалистической войны, изъ которой родилась міровая пролетарская революція, не будь всего этого,—пролетарская революція въ одной странѣ не могла бы продержаться цѣлый годъ. Ее раздавили бы хищники мірового капитала, если бы эти хищники не вцѣпились въ горло другъ-другу.

За Россіей послѣдовала Болгарія,—страна не менѣе, а болѣе отсталая въ промышленномъ отношеніи, чѣмъ Россія. Въ Болгаріи нѣтъ болѣе сильной фабрично-заводской промышленности, чѣмъ въ Россіи. Въ Болгаріи рабочій классъ и численно, и политически слабѣе, чѣмъ у насъ. Его удѣльный вѣсъ меньше, чѣмъ былъ удѣльный вѣсъ рабочаго класса въ Россіи до февральской революціи. Болгарія—страна по преимуществу крестьянская. И тѣмъ не менѣе ясно, что если въ Болгаріи революція побѣдитъ,—эта революція будетъ революціей соціалистической.

И такъ будетъ во всей Европѣ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Это будетъ такъ потому, что исторія поставила въ порядокъ дня именно соціалистическій переворотъ. Это будетъ такъ потому, что правъ былъ Каутскій въ 1907 году, когда онъ говорилъ, что соціализмъ сталъ уже только вопросомъ силы. И неправъ и фальшивитъ Каутскій, когда онъ въ 1918 году лицемѣрными и ренегатскими доводами доказываетъ, будто надъ русской пролетарской революціей витаетъ не духъ коммуниста Ленина, а духъ мелкобуржуазнаго оппортуниста Давида...

Международная революція не дѣлается по заказу. Международная пролетарская революція не можетъ произойти одновременно во всѣхъ странахъ. Международный пролетарскій переворотъ произойдетъ не по спеціальному уговору тѣхъ или иныхъ вождей. Пролетарская революція въ той или иной странѣ временно будетъ попадать въ трудное положеніе и оказываться между молотомъ и наковальней. Ближайшія судьбы Болгаріи, напримѣръ, быть-можетъ, будутъ очень печальны. Вполнѣ возможно, что, когда въ Болгаріи побѣдитъ рабоче-крестьянская революція, когда она справится тамъ съ полчищами Вильгельма, она назавтра окажется съ глазу на глазъ съ не менѣе реакціонными полчищами англо-французскаго имперіализма. И, можетъ-быть, Болгарія, и, можетъ-быть, Балканы на нѣкоторое время попадутъ въ тиски англо-французскаго имперіализма. И, можетъ-быть, болгарской или балканской пролетарской революціи

придется пережить свой Брестъ. И, можетъ-быть, германскому пролетаріату, который завтра возьметъ въ руки власть въ своей странѣ и вынужденъ будетъ ликвидировать то тяжелое наслѣдіе, которое достается ему отъ Вильгельма и Гинденбурга,—можетъ-быть, и ему доведется пройти черезъ тяжелыя испытанія, которыя будутъ напоминать наши брестскіе дни. И, можетъ-быть, украинскому пролетаріату, который уже такъ много видѣлъ на своемъ пути, предстоятъ еще болѣе горькія испытанія, когда его судьбами, какъ мячикомъ, будутъ перебрасываться господа имперіалисты двухъ коалицій. Но тѣмъ не менѣе будущее,—и теперь это можно сказать съ полной увѣренностью,—б л и ж а й ш е е будущее принадлежитъ пролетарской революціи.

Уже наша революція 1905 года имѣла поистинѣ грандіозныя международныя послѣдствія. Уже эта наша первая революція разбудила сотни и сотни милліоновъ людей на Востокѣ. А что такое была революція 1905 года по сравненію съ революціей 1917—18 гг.? Дѣтская игрушка! Невинная проба пера! Мы живемъ еще слишкомъ близко къ самымъ событіямъ и не сразу можемъ обозрѣть тѣ колоссальныя международныя послѣдствія, которыя будетъ имѣть нынѣшняя наша революція. Но совершенно несомнѣнно, что первая великая пролетарская революція наша разбудитъ сотни и сотни милліоновъ людей во всемъ мірѣ.

Какъ ни клевещетъ на насъ вся международная буржуазія, какъ ни помогаютъ ей подлые наемники соціалъ-шовинисты, какъ ни изображаютъ они все наше великое движеніе, какъ анархію, какъ кровавый хаосъ, какъ адъ кромѣшный, имъ не обмануть пролетаріевъ Европы и Америки. Сердцемъ, нутромъ каждый честный рабочій Европы и Америки чуетъ, что въ Россіи мы ведемъ борьбу за е г о дѣло. Онъ чуетъ, что у насъ, въ Россіи, рѣшается великая тяжба между трудомъ и капиталомъ, что на нашей территоріи разыгрываются первые бои, первыя крупныя форпостныя стычки между буржуазіей, находящейся на закатѣ своихъ дней, и пролетаріатомъ, неотвратимо идущимъ къ власти.

И что бы тамъ ни говорили пессимисты и маловѣры, мы глубочайше убѣждены, что мы идемъ навстрѣчу великимъ битвамъ и великимъ побѣдамъ...

Перспектива революціонной войны, которая рисовалась Марксу еще въ 1848 году и о которой Энгельсъ говорилъ еще въ 90-хъ годахъ,—эта перспектива становится совершенно реальной. Если завтра въ Берлинѣ побѣдитъ пролетарская революція, мы соединимся съ пролетарскимъ Берлиномъ противъ буржуазнаго Парижа и имперіалистическаго Лондона. Если завтра въ Парижѣ или въ Римѣ возстанутъ рабочіе и возьмутъ власть въ свои руки, мы соединимся съ пролетарскимъ Римомъ противъ буржуазной Вѣны или съ рабочими Парижа противъ гинденбурговскаго Берлина. Идея революціонной пролетарской войны принимаетъ самыя конкретныя тѣлесныя очертанія. Мы не знаемъ еще въ подробностяхъ, какъ сложится міровая обстановка; мы не знаемъ въ какихъ именно комбинаціяхъ нашей красной соціалистической арміи придется воевать противъ полчищъ европейскаго имперіализма, но мы знаемъ одно: на нашихъ глазахъ имперіалистическая война п р е в р а т и л а с ь въ гражданскую войну сначала въ одной Россіи, а затѣмъ въ рядѣ другихъ странъ.

Грядетъ міровая пролетарская революція. Грядетъ новый коммунистическій Интернаціоналъ, который будетъ Интернаціоналомъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ...

Г. Зиновьевъ.

ОТДѢЛЪ I.

Политическая диктатура пролетаріата.

Октябрьская революція и государственная власть*).

I. Октябрьская революція и Совѣты.

Со времени революціи 1905 года по 7 ноября (25 октября) 1918 года русское государственное развитіе прошло три періода, которые рѣзко отличаются другъ отъ друга: господства призрачнаго конституціонализма, буржуазно-демократическихъ идей и, наконецъ, Соціалистической Совѣтской Республики.

Первый періодъ призрачнаго конституціонализма длился отъ 17 октября 1905 г. до 27 февраля 1917 г., второй—отъ послѣдней даты до 25 октября 1917 г., и третій—отъ послѣдняго числа до настоящаго времени.

Первый періодъ, установившійся послѣ революціи 1905 года, такъ далеко стоитъ и отъ конституціонализма, и отъ формъ сколько-нибудь правового строя, что по существу онъ для насъ не могъ бы представлять особаго интереса. И если намъ приходится отмѣтить эту эпоху, то лишь потому, что, во-первыхъ, было сдѣлано слишкомъ много усилій, чтобы скрыть ея государственную сущность, а во-вторыхъ, ея традиціи тѣсно связаны съ институтами нашей февральской революціи.

Только двѣ группы не стѣснялись совершенно открыто именовать нашъ ложный парламентаризмъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—самодержавіемъ съ декораціей народнаго представительства. Эти группы были: крайняя правая и крайняя лѣвая. Первая потому, что она была недовольна даже притворными уступками либерализму, вторая потому, что она слишкомъ хорошо испытывала на себѣ всю прелесть «конституціонной» реакціи 1906 года[1]).

Но зато партія народной свободы въ прессѣ и наукѣ сдѣлала героическія усилія, чтобы русскій лжеконституціонализмъ представить въ ореолѣ европейскаго правового государства, хотя бы и не вполнѣ безупречнаго стиля. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна государственно-правовая теорія, которая была разработана кадетскими учеными въ родѣ Н. И. Лазаревскаго, В. М. Гессена и другихъ учениковъ нѣмецкой юридической школы (Б. Нольде, К. Соколовъ, Аваловъ, Горенбергъ и т. п.).

По этой теоріи предполагалось, что «Россія формально перешла отъ неограниченной монархіи къ ограниченной», что она со времени 1906 года «относится къ государствамъ конституціоннымъ» и ея строй есть «строй ограниченной или конституціонной монархіи». Если же, однако, началамъ конституціонализма и противорѣчитъ подчасъ совершенно неконституціонная дѣйствительность, то это ничего не значитъ, такъ какъ если

---

*) *Отъ ред.* Редакція считаетъ необходимымъ отмѣтить, что она несогласна съ нѣкоторыми пунктами статьи тов. Рейснера.

[1]) По этому вопросу ср. мое предисловіе къ переводу Ю. Гачека, Общее государственное право, т. I (рус. изд. библіотеки Гешена). Рига 1912 г.

даже у насъ и не дѣйствуетъ конституціи de facto, то она въ достаточной степени существуетъ de jure, а это, конечно, и есть самое главное. Повторилось буквально то же самое, что въ свое время продѣлывали добрые прусскіе либералы, когда Ф. Лассаль обучалъ ихъ «сущности конституціи» и выяснялъ имъ, что призрачный конституціонализмъ «есть вовсе не пріобрѣтеніе народа, а, напротивъ, пріобрѣтеніе абсолютизма, упрочивающее его существованіе».

И когда авторъ настоящихъ строкъ, опираясь на Лассаля, пробовалъ показать нашимъ русскимъ либераламъ, что конституціонализмъ немыслимъ въ странѣ, гдѣ въ теченіе 30 лѣтъ вмѣсто законовъ дѣйствовали на всемъ ея пространствѣ осадныя положенія, гдѣ права монарха безграничны, Дума лишена бюджетныхъ правъ, а министры безотвѣтственны, гдѣ парламентъ обладаетъ скорѣе законосовѣщательнымъ характеромъ, чѣмъ законодательнымъ, гдѣ отсутствуетъ раздѣленіе властей, различіе между законодательнымъ и административнымъ актомъ, и въ то же время совершенно устранены элементарныя основы личной безопасности, то результатомъ этого была уничижающая критика моего «злѣйшаго недомыслія» на страницахъ московскаго академическаго органа, гдѣ особенно возмущались дерзостью моего утвержденія, что въ думской Россіи можно констатировать наличность конституціи лишь на «территоріи столь незначительной, какъ территорія Таврическаго дворца, гдѣ засѣдаетъ Дума, или Маріинскаго, гдѣ помѣщается Государственный Совѣтъ», а «далѣе этихъ предѣловъ конституція не дѣйствуетъ».

А, между тѣмъ, если бы наши либералы хоть нѣсколько были способны видѣть дѣйствительность, они бы признали не только наличность грубѣйшихъ формъ псевдопарламентаризма, но и воплощеніе въ русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ пресловутыхъ прусскихъ рецептовъ Фр.-Юлія Шталя съ его «истинно-монархическими» принципами «королевскаго права, растущаго изъ собственнаго корня по милости Божіей», съ его «христіанскимъ государствомъ» и легитимной реакціей,—система, которая прекрасно была въ свое время характеризована пресловутымъ статсъ-секретаремъ Александра I Сперанскимъ, и притомъ съ исчерпывающей полнотой. По словамъ Сперанскаго, какъ разъ въ легитимной монархіи «всѣ установленія такъ должны быть соображены, чтобы они во мнѣніи народномъ казались дѣйствующими, но никогда не дѣйствовали на самомъ дѣлѣ». У насъ такъ и было устроено,—дѣйствовало одно самодержавіе. Все остальное только «казалось дѣйствующимъ». Но, конечно, наши либералы такъ боялись революціи, что если даже они и видѣли правду,—а нѣкоторые изъ нихъ дѣлали очень цѣнныя признанія, какъ, напримѣръ, профессоръ С. А. Котляревскій,—то они предпочитали убѣждать наше «представительное самодержавіе», что оно конституціонно въ надеждѣ, что оно само безъ революціи постепенно сдѣлается таковымъ, чѣмъ разоблачать призрачный конституціонализмъ, съ паденіемъ котораго могли пасть и всѣ «устои».

Во всякомъ случаѣ, прикрытый безсильнымъ цензовымъ представительствомъ нашъ абсолютизмъ послѣ 1905 года сохранилъ всѣ свои дореформенныя черты въ неприкосновенности. Царь именовался «самодержцемъ» и даже порой «неограниченнымъ»; правительство, опираясь на подавляющее большинство правыхъ и реакціонно настроенныхъ депутатовъ, открыто третировало Думу и безпощадно преслѣдовало соціалистовъ; всѣ уступки, обѣщанныя 17 октября 1905 года, были взяты назадъ, и военно-полицейскій режимъ въ чисто восточныхъ азіатскихъ формахъ свирѣпствовалъ по всей странѣ.

Крайняя бездарность и реакціонность самодержавнаго правительства Россіи думской эпохи въ связи съ дряблостью, отсутствіемъ политиче-

скаго темперамента и монархической преданностью русскихъ либераловъ сдѣлали то, что когда въ результатѣ міровой войны и вызваннаго ею соціальнаго потрясенія произошла революція въ концѣ февраля 1917 года, то не только былъ выброшенъ изъ русской жизни абсолютизмъ, но и вмѣстѣ съ нимъ былъ значительно подорванъ либерализмъ со всѣми своими «конституціонными» идеями и принципами.

Однако, надо замѣтить, что эпоха временнаго правительства русской революціи до конца не могла совершенно отдѣлаться отъ юридической миѳологіи и конституціонно-парламентарныхъ предразсудковъ либерально-буржуазнаго стиля. По существу дѣло было чрезвычайно просто. И стоило только быть вѣрнымъ дѣйствительности для того, чтобы найти соотвѣтственную государственно-правовую формулу. А факты состояли въ слѣдующемъ:

Возстаніе въ Петроградѣ было и поднято, и проведено безъ малѣйшаго участія Государственной Думы или ея рѣшающихъ элементовъ. Напротивъ, можно утверждать на основаніи неоспоримыхъ данныхъ, что это возстаніе произошло и развилось вопреки желанію либеральнаго блока нашего пресловутаго парламента. Кадеты и примыкающія къ нимъ группы стремились отнюдь не къ революціи. Политика русскихъ либераловъ во время войны къ концу 1916 года уже окончательно сложилась на почвѣ англо-французской оріентаціи, и они пытались при помощи лорда Бьюкенена добиться одного, а именно—вырвать возможно болѣе уступокъ у царя, съ тѣмъ, чтобы при помощи конституціоннаго режима укрѣпить свою власть надъ страной.

Лишь послѣ того, какъ въ Петроградѣ развернулись революціонныя событія, Дума подъ ихъ давленіемъ приняла первый и послѣдній «нелегальный» актъ: въ отвѣтъ на указъ о роспускѣ Думы совѣтъ ея старѣйшинъ въ экстренномъ засѣданіи постановилъ «не расходиться, всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ», и только. Даже 27 февраля, когда къ возстанію примкнули революціонные полки общей численностью до 25.000 человѣкъ, и часть ихъ явилась къ Думѣ за командованіемъ и руководствомъ, нашъ, по выраженію В. Коковцова, «Слава Богу, парламентъ» занялъ въ высшей степени осторожную позицію. Съ одной стороны, совѣтъ старѣйшинъ принялъ двусмысленную резолюцію, въ которой рекомендовались возставшимъ «порядокъ и спокойствіе», и въ туманныхъ выраженіяхъ обѣщалось «живѣйшее участіе» Думы въ дѣлѣ «упраздненія старой власти и замѣны ея новой», а съ другой — царю были посланы телеграммы, менѣе всего направленныя къ ниспроверженію «старой власти». Текстъ этихъ телеграммъ весьма примѣчателенъ. Въ первой отъ 26-го февраля революція прямо характеризуется, какъ «анархія». Борьба между возставшими революціонными войсками и приверженцами стараго порядка называется «безпорядочной стрѣльбой», при чемъ неизвѣстно, почему «части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга». Единственно, о чемъ Дума проситъ «вѣнценосца» въ тотъ моментъ, когда побѣдоносныя войска переворота захватывали одну твердыню царизма за другой, — это «поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство».

Въ своихъ телеграммахъ на имя командующихъ фронтами отъ 26 февраля предсѣдатель Думы М. Родзянко умолялъ ихъ «поддержать, со своей стороны, передъ царемъ его обращеніе, и даже 27-го февраля, въ день побѣды революціи, Дума въ лицѣ своего предсѣдателя слѣдующимъ образомъ высказываетъ свое отношеніе къ ней: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Этими телеграммами Дума цѣликомъ отмежевала себя отъ революціи. Болѣе того: она здѣсь опредѣленно высказалась противъ переворота.

Рекомендуя, съ одной стороны, возставшимъ «порядокъ и спокойствіе» и употребляя, съ другой, отчаянныя усилія, чтобы путемъ образованія «новаго правительства» спасти «царя-вѣнценосца» съ его династіей, она естественно готовилась къ тому, чтобы подавить «анархію» и задушить растущее «недовольство». И неудивительно, что возставшія войска, явившіяся къ Думѣ 27 февраля, въ часъ дня, были настолько подавлены ея болѣе чѣмъ холоднымъ отношеніемъ къ революціи, что пришли въ замѣшательство и послѣ многочасового ожиданія едва не разошлись по домамъ.

Достаточно сказать, что единственное напутствіе, котораго делегаты возставшихъ войскъ добились съ большимъ трудомъ отъ депутатовъ крайней лѣвой партіи (соціаль-демократы меньшевики), звучало слѣдующимъ образомъ: «идите, дѣлайте, что хотите, только не безобразничайте».

Еще опредѣленнѣе за спасеніе династіи отъ гибели и за прекращеніе «смуты стихійной силы», къ которой присоединяются теперь и войска, выступили «вѣрноподданные члены Государственнаго Совѣта» лѣваго крыла, которые уже въ ночь на 28 февраля обратились къ «государю» съ особой телеграммой, гдѣ заклинали его немедленно созвать законодательныя палаты, дать отставку «нынѣшнему совѣту министровъ» и поручить «лицу, заслуживающему всенароднаго довѣрія», представить «списокъ новаго кабинета, способнаго управлять страной въ полномъ согласіи съ народнымъ представительствомъ». Революцію же «вѣрноподданные» характеризовали, какъ «полное крушеніе законнаго порядка», которое повлечетъ за собой «пораженіе на войнѣ, гибель династіи» и, конечно, «величайшія бѣдствія для Россіи».

Понятно послѣ этого, что при указанныхъ настроеніяхъ Думы и Государственнаго Совѣта революціонному народу оставалось только одно: взять непосредственно въ свои руки добытую путемъ возстанія государственную власть, прервать всякую традицію или преемственность власти милостію или «волею монарха» и затѣмъ независимо и суверенно создать свой собственный органъ для осуществленія революціонно-государственныхъ задачъ.

И дѣйствительно, уже 27 февраля собрался особый временный исполнительный комитетъ, составленный изъ рабочихъ, солдатъ и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей; въ тотъ же день онъ созвалъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, образованный изъ выборныхъ по одному депутату на одну тысячу рабочихъ и по одному на каждую роту возставшихъ солдатъ, а также изъ представителей демократическихъ и соціалистическихъ партій и группъ. И въ своемъ воззваніи отъ 28 февраля Совѣтъ совершенно ясно установилъ свою цѣль и значеніе; такъ какъ для «успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію», то Совѣтъ и принялъ всѣ соотвѣтственныя мѣры: «назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда», пригласилъ «все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всѣми мѣстными дѣлами»,—другими словами, Совѣтъ призналъ себя правомочнымъ органомъ революціонной государственной власти.

Но само собой разумѣется, исходъ возстанія и образованіе Совѣта Депутатовъ подѣйствовали ошеломляюще на думскихъ приверженцевъ «порядка» и враговъ всякой «анархіи» и «смуты». Они почувствовали, что изъ ихъ рукъ готова навсегда ускользнуть власть, и приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы удержать въ своихъ рукахъ руководство событіями. И это въ значительной степени вслѣдствіе податливости и слабости соціалъ-демократовъ (меньшевиковъ) и соціалистовъ-революціонеровъ имъ удалось.

Надо отдать справедливость нашимъ либераламъ, мастерамъ конституціоннаго обмана и юридическихъ хитросплетеній,—они сумѣли въ нѣсколькихъ пунктахъ чрезвычайно ловко обойти торжествующую революціонную массу и ихъ не то слишкомъ наивныхъ, не то слишкомъ уступчивыхъ вождей. Вопреки очевиднѣйшимъ фактамъ и бьющей въ глаза дѣйствительности была создана удивительная фикція, по которой во главѣ государства оказался не Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, эта «собственная властная организація» возставшаго народа, а избранный совѣтомъ старѣйшинъ Государственной Думы особый временный комитетъ, который первоначально весьма скромно опредѣлилъ свою задачу, какъ «водвореніе порядка въ Петроградѣ и сношеніе съ различными учрежденіями и лицами», но уже 28 февраля объявилъ себя «вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка», а вмѣстѣ съ тѣмъ и «созданіе новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ».

По существу въ этихъ первыхъ актахъ еще нѣтъ формальнаго присвоенія временнымъ комитетомъ верховной власти, хотя здѣсь, очевидно, комитетъ береть уже на себя часть функцій, которыя предлагали Дума и Государственный Совѣтъ выполнить самому царю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо замѣтить, что всѣ мѣры, предпринимавшіяся вначалѣ комитетомъ, осуществлялись имъ фактически съ вѣдома и согласія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, такъ что у послѣднихъ могло родиться впечатлѣніе, будто комитетъ и Дума на самомъ дѣлѣ признаютъ суверенитетъ революціоннаго народа и власть его непосредственнаго представительнаго органа въ видѣ Совѣта Депутатовъ.

Такъ, при назначеніи министровъ «перваго общественнаго кабинета» временный комитетъ считаетъ еще долгомъ сослаться на «содѣйствіе и сочувствіе столичныхъ войскъ и населенія» при достиженіи имъ «такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима», что онъ назначаетъ новый кабинетъ министровъ. Съ другой же стороны, какъ извѣстно, составъ и программа этого перваго «общественнаго» кабинета были одобрены Совѣтомъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, и въ число членовъ кабинета вошелъ одинъ изъ членовъ президіума Совѣта Депутатовъ А. Ѳ. Керенскій. До какой степени предполагалось необходимымъ въ первые дни согласіе рабочаго представительства для актовъ временнаго комитета показываетъ съ полной очевидностью одно изъ важнѣйшихъ его распоряженій, а именно—объ образованіи мѣстныхъ продовольственныхъ комитетовъ. Въ этомъ актѣ сказано, съ одной стороны, что онъ принимается «въ согласіи съ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ», а съ другой—когда тамъ характеризуется новая продовольственная власть, въ ней прямо говорится: «Новая власть въ лицѣ Продовольственной Комиссіи Комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ». И дѣйствительно, въ другихъ актахъ Совѣты Депутатовъ ставятся рядомъ съ временнымъ комитетомъ и выше остальныхъ министерствъ.

Но вотъ уже 7-го марта въ манифестѣ объ утвержденіи конституціи Финляндіи кабинетъ министровъ, обращаясь къ финнамъ, говоритъ про себя: «облеченные всей полнотой власти»,—подразумѣвается, власти верховной,—а 10-го марта въ самой невинной формѣ «временнаго переименованія» предпринимается мѣра громадной важности: Совѣтъ Министровъ возводится въ рангъ «временнаго правительства», при чемъ эта мѣра принимается самимъ министерствомъ безъ малѣйшаго упоминанія о согласіи на то другихъ политическихъ факторовъ страны и менѣе всего Совѣта Депутатовъ. Вотъ этотъ актъ во всей его красотѣ: «Временно, впредь до установленія постояннаго Правительства, именовать Совѣтъ Министровъ

Временнымъ Правительствомъ»,—таковъ указъ въ своей живописной краткости. Очевидно, что здѣсь «Временное Правительство» переходитъ на какіе-то новые рельсы. Кстати отмѣтить, что въ первомъ выпускѣ офиціальнаго сборника указовъ и постановленій Временнаго Правительства (27 февраля—5 мая 1917 г.) совершенно отсутствуетъ какая бы то ни была ссылка на участіе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ образованіи Временнаго Правительства.

Спрашивается: что же случилось въ промежутокъ между 27 февраля и 7—10 марта, благодаря чему родилось съ такой увѣренностью «Временное Правительство»? Отвѣтомъ на это служатъ два акта отреченія: царя Николая II и великаго князя Михаила Александровича, при чемъ въ послѣднемъ актѣ прямо говорится: «Прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ... Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа».

«Законный» титулъ былъ найденъ. Совѣтъ Депутатовъ былъ болѣе не нуженъ. Благодаря отреченію Николая II въ пользу Михаила, а послѣдняго въ пользу «Временнаго Правительства», былъ созданъ легальный переходъ власти непосредственно отъ «вѣнценосца» въ руки думскаго министерства, которое и не замедлило въ силу этого пожаловать себя въ званіе «Временнаго Правительства», одареннаго всей полнотой прежней самодержавной и неограниченной власти русскихъ царей. Благодаря этому можно было освободить себя отъ ненавистной связи съ революціоннымъ народомъ и прямо превратиться въ верховнаго и единственнаго, какъ говорилось впослѣдствіи, «исполнителя и охранителя народной воли».

И надо отдать справедливость Совѣту Депутатовъ первой эпохи,—онъ относится въ высшей степени пассивно ко всѣмъ этимъ юридическимъ и государственно-правовымъ манипуляціямъ и совершенно спокойно слѣдитъ за тѣмъ, какъ Совѣты и Совѣтская власть, рожденные впервые революціей 1905 года и воскресшіе въ 1917 г., постепенно, но весьма рѣшительно отодвигаются на второй планъ и мало-помалу низводятся до значенія чисто-фактическаго фактора, терпимаго учрежденія, которое признается офиціально лишь постольку, поскольку оно даетъ своихъ представителей на ряду съ другими общественными союзами въ различныя совѣщанія и комиссіи при отдѣльныхъ министерствахъ и имъ подобныхъ установленіяхъ.

Наоборотъ, Временное Правительство съ каждымъ днемъ идетъ все впередъ по пути остановки революціи и, пользуясь тѣмъ, что окончательное опредѣленіе формы правленія было отложено до созыва Учредительнаго Собранія, устанавливаетъ свою собственную «временную» форму правленія, которая во всѣхъ чертахъ является своего рода пьедесталомъ для грядущаго и ожидаемаго установленія конституціонной и парламентарной монархіи.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на общей политикѣ Временнаго Правительства, которое употребило всѣ усилія, чтобы парализовать передачу земли крестьянамъ, отдалить прекращеніе безсмысленной и преступной войны, пріостановить рѣшеніе рабочаго вопроса и затянуть реформу даже такого наслѣдія старины, какъ стараго цезарепапизма. Все это на-ряду съ тысячами другихъ чисто реакціонныхъ шаговъ подлежитъ освѣщенію въ другомъ мѣстѣ. Для насъ здѣсь важно лишь отмѣтить ту государственную конструкцію, къ которой въ разгарѣ своей дѣятельности пришло Временное Правительство.

И въ этомъ отношеніи мы имѣемъ цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ чертъ.

Во-первыхъ, оно совершенно освободилось даже отъ тѣни какой-либо формальной зависимости отъ другого представительнаго учрежденія. Ожиданіе и созывъ Учредительнаго Собранія послужили тѣмъ предлогомъ, при помощи котораго была устранена даже связь съ пресловутой Государственной Думой 4-го созыва. И несмотря на то, что офиціально Дума была распущена Временнымъ Правительствомъ лишь 6-го октября 1917 г., ни въ одномъ офиціальномъ актѣ Временнаго Правительства мы болѣе не встрѣчаемъ ни малѣйшей ссылки на нее, а когда это правительство оказывалось въ необходимости мѣнять свой составъ, оно дѣлало это путемъ самодержавнаго акта, которымъ оно самоизмѣнялось или самодополнялось. Форма постановленія въ этихъ случаяхъ была необычайно проста,—она гласила: «объявляется нижеслѣдующій составъ Временнаго Правительства», и больше ничего. Какія-либо ссылки или указанія на источникъ власти почитались излишними.

Во-вторыхъ, приписывая себѣ всѣ права старой императорской власти, Временное Правительство въ то же время старательно избѣгало малѣйшаго указанія на фактически, казалось бы, установившійся республиканскій строй. Въ этомъ смыслѣ Временное Правительство нельзя было даже назвать республиканской диктатурой. Осторожность въ данномъ отношеніи доходила до того, что даже на государственной печати и въ международныхъ актахъ оно именовало себя «Россійское Временное Правительство», умалчивая о томъ, отъ чьего имени и по какому порученію оно правитъ. Для того, чтобы скрыть истинную сущность водворившейся власти, было даже изобрѣтено особое наименованіе для Россіи въ видѣ «Россійской Державы», что значитъ буквально не что иное, какъ Россійское государство въ смыслѣ его положенія, какъ субъекта международныхъ сношеній. И этой анонимной и безымянной «Державѣ» и должны были присягать въ вѣрности русскіе граждане [1]). Лишь передъ самымъ своимъ крушеніемъ послѣ корниловской авантюры Временное Правительство, наконецъ, догадалось, что оно есть правительство страны, въ которой нѣтъ болѣе монарха, а слѣдовательно, страны болѣе или менѣе республиканской.

Въ-третьихъ, наконецъ, не имѣя времени для серьезныхъ преобразованій и не считая себя въ правѣ провести до Учредительнаго Собранія хотя бы земельную реформу, Временное Правительство заботливо реформировало и приспособляло къ новому режиму «народной воли» мельчайшіе атрибуты старой монархической власти и церковнаго гнета. Такъ, съ одной стороны, реформировались орденскіе знаки Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Бѣлаго Орла или св. Анны, съ точнымъ описаніемъ крестовъ, орловъ, девизовъ, надписей и цвѣта орденскихъ лентъ, а съ другой—публиковались указы «Святѣйшаго Правительствующаго Синода» объ учрежденіи новыхъ монастырей; пресловутому же митрополиту московскому Макарію, который прославился въ Сибири своей охотой на раскольниковъ, жаловалась правительствомъ усиленная пенсія... И хотя Временное Правительство дѣлало видъ, что въ «Россійской Державѣ» нѣтъ никакой формы правленія, на самомъ дѣлѣ она ощущалась слишкомъ хорошо и не могла не вызывать противодѣйствія.

Совершенно естественно Совѣты стали центромъ оппозиціи, вокругъ которыхъ группировались истинно-революціонные круги. И Временное

---

[1]) Очень характерна та присяга, которая была изобрѣтена Временнымъ Правительствомъ для старообрядцевъ. Тамъ, между прочимъ, было сказано: «Обѣщаюсь передъ Богомъ и своей совѣстью служить Россійскому Государству до послѣдней капли крови» и далѣе: «обязуюсь повиноваться Временному Правительству, нынѣ возглавляющему Россійское Государство, впредь до установленія образа правленія волей народа при посредствѣ Учредительнаго Собранія».

Правительство скоро перешло къ форменной войнѣ съ тѣми, отъ кого оно само получило свою власть, и кто по существу всегда имѣлъ право смѣнить одно министерство на другое [1]). Уже демонстраціи 21 апрѣля, повлекшія за собой первую перемѣну въ составѣ Временнаго Правительства, вызвали съ его стороны протесты, жалобы и угрозы. «Къ великой опасности для свободы,—заявляло оно въ своей апрѣльской декларації,—ростъ новыхъ соціальныхъ связей, скрѣпляющихъ страну, отстаетъ отъ процесса распада, вызваннаго крушеніемъ стараго государственнаго строя»; «стихійное стремленіе осуществлять желанія и домогательства отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія (читай: пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства) явочнымъ и захватнымъ путемъ по мѣрѣ перехода къ менѣе сознательнымъ и менѣе организованнымъ слоямъ населенія, грозитъ разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину», а въ результатѣ «встаетъ страшный призракъ междоусобной войны и анархіи, несущей гибель свободѣ».

И Временное Правительство, освободившееся отъ контроля Совѣтовъ, дѣйствительно и должно было стать на путь междоусобной войны. Демонстрація 3—5 іюля, показавшая истинную государственную волю тѣхъ самыхъ революціонныхъ массъ, которыя совершили отъ начала до конца февральскій переворотъ, обозначается въ постановленіи Временнаго Правительства отъ 7-го іюля уже какъ выступленіе «противъ Государственной власти», — слѣдовательно, совершенно отрицается за массами значеніе государственнаго фактора. Нежеланіе войскъ продолжать войну опредѣляется въ актѣ 12 іюля, какъ «позорное поведеніе», для прекращенія котораго возстанавливается смертная казнь. 2-го августа принимаются особыя «исключительныя мѣры» противъ народнаго движенія, которое Временное Правительство не могло остановить въ его революціонномъ развитіи; возстанавливаются внѣсудебный арестъ и высылка за границу для «опасныхъ» лицъ, и 4-го августа воскрешаются знаменитыя статьи царскаго уложенія о наказаніяхъ для виновныхъ не только «въ насильственномъ посягательствѣ на измѣненіе существующаго государственнаго строя въ Россіи», но и «на смѣщеніе органовъ Верховной въ государствѣ Власти» или даже «на лишеніе ихъ возможности осуществлять таковую». Наконецъ, въ сентябрѣ распубликовано постановленіе Временнаго Правительства отъ 6-го іюля, гдѣ за одинъ только «публичный призывъ къ неисполненію законныхъ распоряженій власти» полагаются крѣпость или тюрьма.

«Вся власть Совѣтамъ»,—было единственнымъ не только политически-цѣлесообразнымъ, но и юридически-правильнымъ отвѣтомъ на ту чудовищную узурпацію верховной власти, которую произвело Временное Правительство при попустительствѣ и отчасти содѣйствіи центральнаго совѣтскаго органа—Центральнаго Исполнительнаго Комитета, ибо массы должны были вернуть себѣ ту власть, которую онѣ взяли въ свои руки 27-го февраля, и которая была у нихъ украдена Временнымъ Правительствомъ.

Попытка Временнаго Правительства опереться при помощи генерала Корнилова на вооруженную силу была той искрой, которая воспламенила народное недовольство и сразу выдвинула новый организаціонный факторъ. Охватившіе всю страну крупные волненія и безпорядки, прямо

---

[1]) Эта мысль была высказана задолго до октябрьской революціи въ популярной брошюрѣ подъ заглавіемъ «Русская Революція 1917 г. и ея учрежденія» (стр. 21) гдѣ, буквально сказано слѣдующее: «Не изъ Думы вышла революція, а изъ народа. И если народъ въ лицѣ рабочихъ и солдатъ... и призналъ думскій комитетъ съ его министерствомъ, то это не значитъ, что Совѣтъ (Депутатовъ) не могъ бы самъ образовать новое министерство помимо думскаго комитета. Формальное право остается за Совѣтомъ». Изъ этого права впослѣдствіи, послѣ октябрьской революціи, Совѣтъ и сдѣлалъ соотвѣтственное примѣненіе.

направленные противъ властей и учрежденій, созданныхъ Временнымъ Правительствомъ, показали достаточно ясно. что за этой «Государственной Властью» не было никакой опоры въ массахъ. Съ другой же стороны, непрерывныя побѣды партіи большевиковъ съ ихъ лозунгомъ «вся власть Совѣтамъ» прокладывали путь истинно-народному демократическому строю [1]).

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени показательны резолюціи Петроградскаго и Московскаго Совѣтовъ: перваго—отъ 31-го августа, втораго—отъ 6-го сентября. Въ нихъ прямо отвергались «исключительныя полномочія Временнаго Правительства и его безотвѣтственность», требовалось возвращеніе къ первоначальному источнику революціонной власти, къ «рѣшительной власти революціоннаго пролетаріата и крестьянства», и была провозглашена «рѣшительная борьба широкихъ народныхъ массъ за власть», отнятую у нея Временнымъ Правительствомъ. Петроградскій Совѣтъ, протестуя 11-го сентября противъ попытки Временнаго Правительства опереться на особое «Демократическое Совѣщаніе», уже требуетъ «созданія власти изъ уполномоченныхъ представителей рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ организацій», а послѣ крушенія упомянутаго «Совѣщанія» прямо заявляетъ, что «отпоръ контръ-революціи можетъ быть данъ лишь организованными центрами революціонной демократіи—Совѣтами Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и имъ подобными органами». «Только Совѣты, раздавившіе мятежъ Корнилова, и могутъ спасти революцію», и потому они «должны сейчасъ мобилизовать всѣ свои силы... не дать захватить себя врасплохъ», тамъ, «гдѣ въ ихъ рукахъ находится полнота власти, они ни въ коемъ случаѣ не должны ее упускать», а для объединенія дѣйствій долженъ быть созванъ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ. Наконецъ, 25-го сентября ставятся всѣ точки надъ «і», и Съѣздъ призывается Совѣтомъ создать «истинно-революціонную власть».

II. Совѣтская власть и Учредительное Собраніе.

Конечно, октябрьскій переворотъ по существу совершенно не былъ тѣмъ, чѣмъ представляли его ожесточенные враги. Уже то обстоятельство, что онъ опирался на Совѣты, даетъ ему далеко не «авантюристскій» характеръ. Вѣдь Совѣты существовали задолго до октябрьской революціи. Совѣты были живой и организованной силой съ самаго начала февральской революціи. Несмотря на всѣ гоненія, которымъ они подвергались въ качествѣ органовъ классоваго движенія при господствѣ Временнаго Правительства, они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранили значеніе единственныхъ мѣстныхъ органовъ государственной власти до октября 1917 года. И даже тамъ, гдѣ у нихъ отняты были и финансовая поддержка государства, и офиціальное признаніе, они все же оставались до конца публично-правовыми учрежденіями революціонныхъ массъ. Этого забывать нельзя. Совершенно правильно поэтому декретъ о роспускѣ Учредительнаго Собранія отъ 6 января 1918 года подчеркнулъ преемственность власти Совѣтовъ, ибо «Россійская революція съ самаго начала своего выдвинула Совѣты Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, какъ массовую организацію всѣхъ трудящихся и эксплоатируемыхъ классовъ, единственно способную руководить борьбой этихъ классовъ за ихъ полное политическое и экономическое освобожденіе.

---

[1]) Замѣчательную сводку народныхъ волненій, направленныхъ противъ Временнаго Правительства, находимъ въ книгѣ «Октябрьскій переворотъ» А. Попова, 1918 г., стр. 71 и слѣд.

И въ дѣйствительности «въ теченіе всего перваго періода Россійской революціи Совѣты множились, росли и крѣпли», пока во время октябрьской революціи не произошло окончательно «передачи всей власти в руки Совѣтовъ». Такъ оно и было.

Ясно теперь, что лозунгъ: «вся власть Совѣтамъ» вовсе не обозначалъ полнаго уничтоженія прежняго и созданія неизвѣстнаго новаго. Совѣты были весьма извѣстны, и передача имъ всей власти была лишь разрѣшеніемъ борьбы между двумя системами учрежденій, которыя существовали рядомъ и конкурпровали между собой. Недаромъ при Временномъ Правительствѣ шли постоянныя жалобы со стороны умѣренной демократіи и либерализма на «двоевластіе». Это двоевластіе дѣйствительно существовало. И споръ между Совѣтами, съ одной стороны, и разными «демократически» образованными городскими и земскими учрежденіями мѣстнаго самоуправленія—съ другой, Временное Правительство стремилось разрѣшить именно въ пользу послѣднихъ противъ Совѣтскихъ учрежденій. Но это не удалось, и побѣдили Совѣты.

Кругъ былъ завершонъ. Пролетаріатъ и революціонная армія потребовали обратно то, что было у нихъ похищено послѣ 27-го февраля. И съ государственно-правовой точки зрѣнія этотъ актъ менѣе всего могъ быть опредѣленъ какъ «насиліе» или «предательская попытка прервать преемственность власти, берущей свое начало отъ первыхъ дней революціи», какъ впослѣдствіи выражались по поводу октябрьской революціи кадетскіе юристы и государственники. Наоборотъ, преемственность власти была прервана Временнымъ Правительствомъ и возстановлена рѣшеніемъ II Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, когда онъ постановилъ «образовать для управленія страной, впредь до созыва Учредительнаго Собранія, временное рабоче - крестьянское правительство, которое будетъ именоваться Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ», а «завѣдываніе отдѣльными отраслями государственной жизни» поручить комиссіямъ, которыя должны работать въ «тѣсномъ единеніи съ массовыми организаціями рабочихъ, работницъ, матросовъ, солдатъ, крестьянъ и служащихъ».

Необычайно странными и непонятными являются поэтому тѣ обвиненія, которыя были брошены «въ лицо» большевистскому перевороту. Согласно этимъ обвиненіямъ, выходитъ, будто совершенно безъ всякой причины, опираясь исключительно на «ложь и бахвальство», пользуясь однимъ «насиліемъ», при помощи «военнаго заговора», «партія большевиковъ, за спиной Петроградскаго Совѣта, прикрываясь его именемъ», учинила «преступную авантюру», «соблазнила и опутала темную часть солдатъ и рабочихъ», произвела «насиліе надъ волей демократіи», присвоила себѣ «права народа» и совершила «захватъ власти». Изъ этихъ утвержденій вытекаетъ какая-то полная необоснованность дѣйствій большевиковъ, которые будто бы были совершенно изолированы среди демократіи. Побѣда большевиковъ въ битвѣ за власть была не случайнымъ захватомъ власти, а естественнымъ и необходимымъ результатомъ долговременной и настойчивой борьбы, которую вели Совѣты противъ общенародной «демократіи» Временнаго Правительства, ибо Совѣты и были самъ революціонный народъ.

Октябрьская побѣда Совѣтовъ есть рѣшительный и въ высшей степени важный эпизодъ, но только эпизодъ, такъ какъ предстояло преодолѣніе «общенародной» демократіи и въ центрѣ, и на мѣстахъ. Въ центрѣ залогомъ этой демократіи было Учредительное Собраніе. И надо отмѣтить, что партія Совѣтовъ, иначе партія большевиковъ, побѣдившая вмѣстѣ съ Совѣтами, далеко не сразу нашла въ себѣ силы покончить и съ этой вражеской крѣпостью, расположенной въ собственномъ станѣ. Это только подтверждаетъ лишній разъ парадоксальное положеніе, что большевики

не столько создавали движеніе, сколько шли съ нимъ, хотя часто и впереди его [1]).

Лозунгъ Учредительнаго Собранія получилъ совершенно исключительную власть въ русскомъ революціонномъ сознаніи еще во время абсолютизма, когда лишь при помощи такого органа представлялось возможнымъ противопоставить верховной власти царя верховную власть народа. Самыя же организація, полномочія и задачи Учредительнаго Собранія никогда въ русскомъ обществѣ серьезно не обсуждались, до того представлялось невѣроятнымъ его появленіе. Можно даже сказать, что на этотъ счетъ не только въ массахъ, но и среди образованныхъ круговъ царили величайшая неопредѣленность, а порой и самое настоящее невѣжество. Такое положеніе дѣлъ, конечно, весьма благопріятствовало самымъ различнымъ манипуляціямъ съ Учредительнымъ Собраніемъ для достиженія самыхъ различныхъ политическихъ цѣлей.

И надо отдать справедливость основоположникамъ нашего Учредительнаго Собранія,—еще въ февральскіе дни они построили его такъ, что оно могло служить на пользу одной лишь реакціи и контръ-революціи.

Отмѣтимъ здѣсь лишь основныя черты нашего Учредительнаго Собранія, которыя придаютъ ему въ высшей степени оригинальный видъ.

Прежде всего основной задачей Учредительнаго Собранія было поставлено установленіе формы правленія. Такого рода задача въ лучшемъ случаѣ была совершенно безсодержательна, такъ какъ февральская революція безъ всякаго Учредительнаго Собранія сама и въ первые же дни окончательно рѣшила поставленный вопросъ: низвергнула монархію и фактически установила республику. За Учредительнымъ Собраніемъ могла бы быть признана лишь функція юридическаго оформленія этой республики, но вовсе не установленіе формы правленія. Но, конечно, откладывая установленіе формы правленія вплоть до Учредительнаго Собранія, авторы этой формулы тѣмъ самымъ развязывали себѣ руки до этого срока и могли дѣлать видъ, что въ Россіи послѣ революціи оказалась совершенная пустота вмѣсто формы правленія, а ее заполнить можно было въ любую сторону.

А, между тѣмъ, если бы наши мудрецы, юристы и государствовѣды заглянули въ теорію и практику Учредительныхъ Собраній, они увидѣли бы, что ни въ одной странѣ міра, гдѣ революція установила республику, никакое Учредительное Собраніе безъ совершенія государственнаго переворота не могло бы установить любую форму правленія, и въ томъ числѣ монархію. Вотъ почему совершенно правильно еще 31-го августа 1917 г. большевистская фракція Ц. И. К. потребовала немедленнаго декретированія демократической республики, и слишкомъ запоздало Временное Правительство со своимъ рѣшеніемъ, когда оно, наконецъ, провозгласило «Россійскую Республику» и въ началѣ октября наградило ее совѣщательнымъ учрежденіемъ—«Временнымъ Совѣтомъ», который, наконецъ, былъ названъ «Совѣтомъ Россійской Республики». Но, конечно, о демократическомъ характерѣ этой республики Временное Правительство умолчало, желая хотя бы здѣсь оставить для Учредительнаго Собранія просторъ въ дѣлѣ установленія «формы правленія», а для себя нужную на всякій случай лазейку.

---

[1]) И здѣсь умѣстнымъ будетъ отмѣтить, что авторъ этихъ строкъ уже въ своей брошюрѣ «Русская Революція 1917 г.», вышедшей въ концѣ 1917 года, не только указывалъ на подчиненный характеръ грядущаго Учредительнаго Собранія, предвидѣлъ возможность его разгона, но и требовалъ, чтобы Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выработалъ, «достаточно опредѣленно тѣ задачи, которыя подлежатъ рѣшенію Учредительнаго Собранія» и отнюдь не-расходился послѣ его созыва.

Исторія Учредительныхъ Собраній всего міра показываетъ намъ совершенную правоту дѣйствій большевиковъ въ ихъ требованіяхъ признанія «демократической республики», а затѣмъ и «республики Совѣтовъ» до Учредительнаго Собранія. Только при основаніи или образованіи новыхъ государствъ подъ вліяніемъ весьма исключительныхъ условій и международнаго вмѣшательства мы знаемъ Учредительныя Собранія, которыя дѣйствительно устанавливали форму правленія,—такъ было въ Бельгіи, въ Греціи, въ Болгаріи и т. п. Наоборотъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ Учредительныя Собранія созывались уже при господствѣ демократіи, они являлись только юридическими комиссіями, которыя ограничивались простой регистраціей и формулировкой ранѣе установившагося фактически порядка [1]),—такъ было въ Америкѣ, Швейцаріи и старой Франціи, гдѣ Учредительныя Собранія созывались для строго опредѣленной цѣли и въ рамкахъ уже установленной формы правленія вырабатывали лишь соотвѣтственную конституцію, какъ юридическое ея выраженіе; никакой формы правленія по своему свободному усмотрѣнію они нигдѣ не устанавливали.

Единственнымъ исключеніемъ здѣсь является французская новѣйшая практика 1848 года и 1871—1875 гг., гдѣ дѣйствительно Учредительное, или какъ оно называлось «Національное» Собраніе устанавливало самодержавно и независимо форму правленія; но не надо забывать, что такую власть эти собранія получили не ранѣе того, какъ они залили кровью парижскія мостовыя, и лишь послѣ того, какъ были разстрѣляны: французскій пролетаріатъ въ 1848 году, а французская коммуна—въ 1871 году, эти собранія присвоили себѣ учредительную власть во Франціи, вплоть до права свободнаго выбора между республикой и монархіей. Когда національное собраніе сначала въ Бордо, а затѣмъ въ Версалѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ выбирало между республикой маршала Макъ-Магона и монархіей графа Шамбора, оно имѣло уже у себя въ прошломъ на активѣ десятки тысячъ труповъ парижскихъ коммунаровъ. Наше Временное Правительство проектировало свое Учредительное Собраніе еще до корниловскихъ дней. Это безспорно наша достопримѣчательность.

Наше Учредительное Собраніе и въ другомъ отношеніи представляло собой совершенно исключительное явленіе въ общемъ ряду Учредительныхъ Собраній міра. Оно у насъ предполагалось полновластнымъ или всевластнымъ, т.-е. его постановленія предполагались окончательными и не подлежащими утвержденію народа. И подобно тому, какъ Временное Правительство почитало себя полномочнымъ преемникомъ самодержавной власти царей,—подобно этому оно считало необходимымъ передать и Учредительному Собранію ту же неограниченную власть, отнятую отъ народа еще въ февральскіе дни. Отсюда удивительный лозунгъ: «вся власть Учредительному Собранію», который съ самаго начала былъ противопоставленъ лозунгу большевиковъ, которые требовали: «вся власть Совѣтамъ». Спрашивается: кто изъ двухъ противниковъ былъ правъ? И здѣсь опять-таки вовсе не «анархическіе» или «соціалистическіе» принципы служили основаніемъ для требованій Совѣтской власти.

---

[1]) Въ особыхъ брошюрахъ мною велась строго-научно обоснованная полемика противъ «всевластнаго» Учредительнаго Собранія, имѣющаго право установить «форму правленія». См. мои брошюры «Россійское Учредительное Собраніе и его задачи» и «Всенародное голосованіе и Учредительное Собраніе», при чемъ въ послѣдней данъ обзоръ конституцій Франціи, Швейцаріи, Австраліи и Сѣверной Америки. Еще въ маѣ 1917 г. я послалъ 12 писемъ въ редакціи всѣхъ важнѣйшихъ соціалистическихъ газетъ на имя Центральнаго Исполнительнаго Комитета съ протестомъ противъ всевластнаго Учредительнаго Собранія, но ни одна изъ нихъ не напечатала такой ереси.

Дѣло въ томъ, что какъ разъ опытъ значительнѣйшихъ демократій міра показываетъ намъ, что нигдѣ, за исключеніемъ уже упомянутыхъ французскихъ образцовъ, Учредительныя Собранія такой самодержавной и неограниченной властью не обладали. Наоборотъ, какъ въ Америкѣ, такъ равно и въ Швейцаріи и въ Австралійскомъ союзѣ, вездѣ Учредительныя Собранія не только имѣютъ строго опредѣленныя полномочія и программы, но и сверхъ того подлежатъ какъ предварительной, такъ и послѣдующей санкціи непосредственныхъ органовъ учредительной власти. Такъ, въ одпѣхъ странахъ вопросъ о созывѣ и программѣ Учредительныхъ Собраній утверждается непосредственнымъ голосованіемъ народа, въ другихъ—по рѣшенію особыхъ собраній; самыя же постановленія Учредительныхъ Собраній передаются въ той или иной формѣ на послѣдующее одобреніе народа или путемъ плебисцита, или же черезъ особо для того выбранныя палаты или собранія. И даже въ старой Франціи, поскольку тамъ былъ принятъ предварительный или послѣдующій плебисцитъ, такое осуществленіе учредительной власти народа не вызывало возраженій.

Въ полномъ согласіи поэтому съ теоріей и практикой учредительной власти наши Совѣты, какъ непосредственные органы трудящихся и эксплоатируемыхъ, потребовали отъ нашего Учредительнаго Собранія, чтобы оно признало для себя обязательными тѣ задачи и принципы, которые были формулированы въ «Декларація правъ» революціоннаго народа на 3-мъ Съѣздѣ Совѣтовъ и которые составляли всю сущность нашего революціоннаго строительства. Когда же партія, образующая большинство Учредительнаго Собранія, отказалась принять къ обсужденію совершенно точное, ясное, не содержащее никакихъ кривотолковъ предложеніе верховнаго органа Совѣтской власти признать «декларацію правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа», признать октябрьскую революцію и Совѣтскую власть, то она этимъ самымъ нарушила права учредительной власти революціоннаго народа въ лицѣ его Совѣтовъ и тѣмъ самымъ вышла изъ предѣловъ, которые во всѣхъ демократіяхъ міра ограничивали и ограничиваютъ власть тѣхъ спеціальныхъ комиссій народа, которыя именуются Учредительными Собраніями.

И здѣсь, при роспускѣ Учредительнаго Собранія, за большевиками были вся традиція современнаго демократизма, вся новѣйшая наука государственнаго права Америки, Швейцаріи, Австраліи и даже нѣкоторыхъ выдающихся ученыхъ Франціи, какъ, напримѣръ, Боржо,—и весь авторитетъ истинно-демократической конструкціи учредительной власти. Не какъ варвары или тираны здѣсь поступили большевики, а какъ демократы въ истинномъ смыслѣ этого слова.

При сопоставленіи Учредительнаго Собранія и Совѣтовъ въ указанномъ выше смыслѣ можетъ возникнуть лишь вопросъ о томъ, поскольку самая система представительства, лежащая въ основѣ этихъ установленій, оправдываетъ ихъ претензіи на осуществленіе «всей власти» революціоннаго народа. Однако, сравненіе самаго источника делегацій Учредительнаго Собранія и Совѣтовъ не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній.

Въ основу россійскаго Учредительнаго Собранія была положена демократическая система парламентарнаго представительства, дополненная нѣкоторыми усовершенствованіями въ духѣ пропорціональности, расширенія избирательнаго права на женщинъ, допущенія къ выборамъ всѣхъ гражданъ, достигшихъ 20-лѣтняго возраста, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако же, были введены и нѣкоторыя ограниченія,—напримѣръ, были приняты обязательные партійные списки съ исключеніемъ свободныхъ кандидатуръ, а слѣдовательно, съ необходимостью для избирателей голосовать за всѣхъ кандидатовъ списка и въ томъ случаѣ, если желательно

было избраніе лишь нѣкоторыхъ. Въ результатѣ выборы дали то же самое, что давали всѣ подобныя системы буржуазнаго парламентаризма: съ одной стороны, иллюзію общенародности и равноправія, а съ другой—полную замѣну «демократіи» «адвокатократіей», или лучше сказать «интеллигентократіей» съ принесеніемъ интересовъ трудящихся въ жертву интересамъ капиталистически-буржуазныхъ слоевъ.

Такъ случилось и въ Россіи съ Учредительнымъ Собраніемъ. Вся подготовка къ выборамъ въ него проходила подъ активнѣйшимъ руководствомъ Временнаго Правительства, которое болѣе всего страшилось революціи и малѣйшаго поврежденія соглашенія съ буржуазіей. Въ силу этого списки господствующей партіи с.-р., выразительницы мелкобуржуазнаго мѣщанства, были заполнены именами правыхъ с.-р. на ряду съ немногими представителями трудящихся. Желая выбрать послѣднихъ, рядовой избиратель принужденъ былъ подавать голоса и за первыхъ. Преслѣдованія и официальная клевета противъ большевиковъ на ряду съ грандіозно поставленной за государственный счетъ агитаціей тоже сдѣлали свое дѣло. Въ Учредительномъ Собраніи, избранномъ милліонами голосовъ трудящихся, ихъ интересы оказались защищенными и представленными несравненно хуже, нежели интересы крупной и мелкой буржуазіи. Представители революціонныхъ массъ оказались въ меньшинствѣ.

Для всякаго, кто знакомъ съ современной критикой парламентарнаго представительства, такой исходъ не представляетъ ничего удивительнаго. И здѣсь единодушно сходятся не только такіе представители буржуазной науки, какъ Дюги и Еллинекъ, Фальбекъ и Гумпловичъ, Новгородцевъ и Острогорскій, но и соціалисты въ родѣ Антона Менгера и реакціонеры въ духѣ Побѣдоносцева. «Великая ложь» парламентаризма давно разоблачена и справа, и слѣва, и въ центрѣ. И почти единодушно всѣ сколько-нибудь серьезные критики парламентаризма пришли къ необходимости замѣны его представительствомъ соціально-хозяйственныхъ группъ,—иначе говоря, экономически обусловленнаго и на классы раздѣленнаго общества.

«Общенародное» представительство не есть представительство «подлиннаго народа»,—таковъ неизбѣжный, хотя и парадоксальный выводъ.

Наоборотъ, если мы обратимся къ избирательной системѣ Совѣтовъ, мы найдемъ здѣсь въ значительной степени воплощеніе того, о чемъ, между прочимъ, учили и Еллинекъ, и Дюги. Избирательная система Совѣтовъ не была декретирована сверху,—она родилась совершенно самостоятельно въ народныхъ низахъ въ революціонную эпоху. На первый взглядъ ея конструкція представляется безпорядочной и странной,—до такой степени она противорѣчитъ всѣмъ нашимъ установившимся понятіямъ о поголовномъ персональномъ равномѣрномъ и всеобщемъ избирательномъ правѣ. Однако, если мы попробуемъ вдуматься въ ея основныя черты, она теряетъ немедленно весь характеръ своей безпорядочности и произвольности [1]).

Прежде всего выясняется строго классовый характеръ новаго избирательнаго права,—не фикція общенародности, а дѣйствительно народное представительство трудящихся, демоса или народа, имѣется здѣсь въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Интересы борьбы съ классомъ капиталистовъ-эксплоататоровъ заставили прежде всего устранить ихъ изъ состава революціонныхъ учрежденій. Опытъ «соглашенія» съ цензовыми кругами стоилъ слишкомъ дорого пролетарскимъ массамъ. Врагамъ рево-

---

[1]) Весьма интересныя данныя объ организаціи Совѣтовъ мы находимъ въ статьѣ Г. С. Гурвича «Вся власть Совѣтамъ» (Сборникъ «Пролетарская революція и право», выпускъ I, 1918 г.), гдѣ на основаніи богатаго матеріала и съ большой тонкостью сдѣланъ анализъ роста Совѣтской организаціи на мѣстахъ.

люціи, естественно, не было мѣста въ боевыхъ учрежденіяхъ рабочаго населенія страны. Возможность вліянія, подкупа и поддѣлки такъ называемой «народной воли» этимъ сокращалась до послѣдней степени. Такимъ образомъ, если говорить объ истинномъ представительствѣ народа, то таковымъ должно быть признано не Учредительное Собраніе, а какъ разъ организація Совѣтовъ.

Слѣдующая черта, которая характеризуетъ собой совѣтскую систему, это—производство выборовъ не по территоріальнымъ участкамъ и числу голосовъ населенія, а по отдѣльнымъ хозяйственнымъ, профессіональнымъ и соціальнымъ организаціямъ, между которыми число депутатовъ опять-таки распредѣляется не поровну, а сообразно ихъ общественному значенію и вѣсу. На этомъ основаніи депутаты отъ даннаго района могутъ быть избираемы отъ слѣдующихъ общественныхъ соединеній: промышленныхъ предпріятій, профессіональныхъ союзовъ, желѣзнодорожныхъ организацій, почтово-телеграфныхъ учрежденій, рабочихъ кооперативовъ, волостей, сельскохозяйственныхъ коммунъ, политическихъ партій и интеллигентныхъ тружениковъ. Что касается пропорціи, то какъ показываетъ примѣръ Московскаго Совѣта, въ то время какъ однѣ организаціи,—напримѣръ, профессіональные союзы,—посылаютъ по 1-му депутату на 5.000 человѣкъ, но не болѣе 10, хотя бы число избирателей достигло 450.000, другіе,—какъ, напримѣръ, кооперативы,—только 1 или 2, какъ бы ни было велико число ихъ членовъ. Это зависитъ цѣликомъ отъ соціально-хозяйственной цѣнности организаціи, ибо здѣсь должны быть представлены не мнѣніе отдѣльныхъ избирателей, а интересы экономически и соціально-организованнаго общества.

Въ отличіе отъ «общенароднаго» представительства ничѣмъ не связанныхъ индивидовъ, взятыхъ безотносительно отъ ихъ соціальной связи, совѣтское представительство есть не только классовое, но и сверхъ того представительство коллективовъ, взятыхъ въ реальной обстановкѣ ихъ непосредственной хозяйственной связи, профессіональной и трудовой дѣятельности. И такъ какъ выборы производятся черезъ каждые три мѣсяца, то можно съ увѣренностью сказать, что депутаты, выбираемые отъ указанныхъ коллективовъ, дѣйствительно, смогутъ выразить и отразить всѣ важнѣйшіе интересы трудящихся, сорганизованныхъ и объединенныхъ въ данной мѣстности. Не мертвая территорія—не отвлеченно взятое число избирателей, а живые люди, активные работники и носители постоянно мѣняющихся общественныхъ интересовъ хозяйственнаго процесса,—таковъ базисъ, на которомъ построена Совѣтская власть. И, конечно, сравненіе здѣсь не въ пользу Учредительнаго Собранія.

Депутаты послѣдняго, представляющіе фиктивную волю страны, оказываются безконечно далекими отъ своихъ избирателей, которыхъ они не знаютъ и которымъ они сами неизвѣстны. Избранные при помощи искусственной механики индивидуальной пропорціи, они менѣе всего отвѣчаютъ дѣйствительнымъ интересамъ производства и обмѣна страны, ея творческой эволюціи и соціальнаго развитія. Наконецъ, благодаря своей принадлежности къ буржуазно-настроеннымъ слоямъ интеллигенціи и крестьянства эти депутаты должны были оказаться прямо во враждебномъ лагерѣ по отношенію къ тѣмъ народнымъ массамъ, которыя активно провели революцію и группировались вокругъ Совѣтовъ. Неизбѣжны были поэтому не только расхожденіе, но и настоящій конфликтъ между истинной демократіей Совѣтовъ и фиктивной демократіей Учредительнаго Собранія.

Совершенно вѣрно поэтому въ декретѣ о роспускѣ говорится, что Учредительное Собраніе, «выбранное по спискамъ, составленнымъ до октябрьской революціи», а слѣдовательно, по планамъ и въ цѣляхъ со-

зданія буржуазнаго фантома общенародной демократіи, «явилось выраженіемъ стараго соотношенія политическихъ силъ, когда у власти были соглашатели и кадеты», что это «Учредительное Собраніе, которое должно было явиться вѣнцомъ буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперекъ пути октябрьской революціи и Совѣтской власти», и только эта революція, «давъ власть Совѣтамъ и черезъ Совѣты трудящимся и эксплоатируемымъ», была выраженіемъ того убѣжденія, что «старый буржуазный парламентаризмъ пережилъ себя, что онъ совершенно несовмѣстимъ съ задачами осуществленія соціализма, что не общенаціональныя, а только классовыя учрежденія (каковы Совѣты) въ состояніи побѣдить сопротивленіе имущихъ классовъ и заложить основы соціалистическаго общества».

Однако, и самое классовое представительство очень легко потеряло бы свой классовый характеръ, если бы его организація нарушила живую и непосредственную связь делегата съ его избирателями и его зависимость отъ той соціальной группы, интересы которой онъ представляетъ. Буржуазный парламентаризмъ какъ разъ заинтересованъ въ томъ, чтобы путемъ удлиненія сроковъ мандата, установленія продолжительныхъ сессій, обязательности для депутата мѣста жительства въ центрѣ и запрещенія императивныхъ мандатовъ по возможности оторвать представителя отъ представляемыхъ и устранить ихъ контроль надъ его парламентской дѣятельностью. Цѣлый рядъ конституцій прямо запрещаетъ избирателямъ какъ связывать депутата обязательными порученіями, такъ и привлекать его къ отвѣтственности за его депутатскую дѣятельность, или же отзывать изъ парламента до истеченія срока полномочій. При помощи этихъ мѣръ даже представитель классовой группы легко превращается изъ уполномоченнаго своихъ избирателей въ своего рода начальство, которое затѣмъ не только затягивается господствующей кликой, но и переходитъ на сторону своихъ классовыхъ враговъ и становится предателемъ.

Совершенно иныя цѣли преслѣдуетъ организація Совѣтскаго представительства. Какъ мы уже видѣли Совѣты стремятся создать такой гибкій и чуткій аппаратъ въ лицѣ своихъ депутатовъ, который бы дѣйствительно не отставалъ отъ процесса непрестанной дѣятельности и развитія представляемыхъ депутатомъ соціально-экономическихъ организацій. Уже это исключаетъ длительность депутатскихъ мандатовъ. Но будучи учрежденіями классовыми, Совѣты стремятся къ точности и правильности выраженія классовыхъ интересовъ рабочаго населенія страны, а потому устанавливаютъ самую тѣсную, самую непосредственную связь депутата съ избирателями и его зависимость отъ ихъ классовой воли. Избирая депутата всего на три мѣсяца, посылая его въ отдаленные центры лишь на кратковременныя сессіи, будучи всегда въ состояніи провѣрить правильность его депутатской дѣятельности, избиратели Совѣтовъ въ то же самое время обладаютъ драгоцѣннымъ правомъ отзыва депутатовъ ранѣе срока ихъ мандата, а слѣдовательно, и правомъ, съ одной стороны, подвергать неугоднаго депутата политической отвѣтственности, а съ другой — замѣнять его лицомъ, которое способно лучше отозваннаго представить въ Совѣтѣ интересы трудящихся.

Избирательная система Совѣтовъ даетъ такое единство представителямъ и представляемымъ, избирателямъ и избираемымъ, что Совѣты на самомъ дѣлѣ могутъ претендовать на совершенно исключительную близость къ массамъ и на выраженіе съ доступными только для политическаго учрежденія тонкостью и правильностью интересовъ пролетаріата и рабочаго крестьянства. Вотъ почему Совѣтскій строй отказался отъ такъ называемаго референдума или непосредственнаго голосованія, къ которому, какъ извѣстно, прибѣгаютъ всѣ наиболѣе передовыя буржуаз-

ныя демократіи для осуществленія учредительной и отчасти законодательной власти. Наши Совѣты, благодаря указаннымъ пріемамъ и способамъ представительства, имѣя къ тому же полную возможность постоянно видоизмѣнять сообразно требованіямъ жизни способы выборовъ, представляютъ собой какъ бы аппаратъ непрерывнаго референдума, который каждые три мѣсяца регулярно и обязательно опрашиваетъ всѣхъ избирателей при посредствѣ выборовъ относительно всѣхъ важнѣйшихъ мѣропріятій Республики.

Роспускъ Учредительнаго Собранія былъ поэтому весьма легко выполненъ немедленнымъ созывомъ II Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, который по сравненію съ нашей распущенной конституантой безмѣрно точнѣе и правильнѣе представилъ собой интересы тѣхъ массъ, руками которыхъ была совершена революція и которымъ единственно съ 27-го февраля принадлежала вся власть въ Республикѣ. При такомъ положеніи вещей не было никакой необходимости въ особенномъ опросѣ населенія или всенародномъ голосованіи. Всероссійскій Съѣздъ вполнѣ и цѣликомъ могъ по своему составу и организаціи замѣнить собой спеціальные органы учредительной власти, обычные въ буржуазной республикѣ, и это тѣмъ болѣе, что слѣдующій за нимъ (въ трехмѣсячный срокъ) новый Съѣздъ всегда могъ дать окончательную санкцію принятымъ предыдущимъ Съѣздомъ учредительнымъ актамъ. И, дѣйствительно, уже 5-й Съѣздъ вотировалъ новую Совѣтскую Конституцію.

III. Ростъ Совѣтской власти и ея организація.

Гораздо труднѣе шли созданіе мѣстныхъ совѣтскихъ органовъ и замѣна всей системы государственнаго управленія, равно какъ и мѣстнаго самоуправленія, новыми учрежденіями классоваго типа. И надо понять размѣры происходившей перемѣны для того, чтобы представить себѣ всю громадность предпринятой и совершонной Совѣтами работы. И грандіозность сдѣланнаго еще усугубляется тѣмъ, что перестраивать приходилось не въ мирной обстановкѣ постепенной реформы, а въ горячечной атмосферѣ напряженной классовой борьбы, при чемъ каждый шагъ встрѣчалъ не только естественныя затрудненія, порожденныя самымъ процессомъ новаго строительства, но и активное сопротивленіе сторонниковъ буржуазіи, которые пользовались всякимъ уголкомъ или щелью стараго порядка, чтобы сдѣлать невозможной новую организацію власти Республики.

Сравнительно легко было замѣнить безотвѣтственное Временное Правительство съ его совѣщательнымъ придаткомъ послѣднихъ дней существованія въ видѣ Совѣта Республики другими истинно демократическими учрежденіями, непосредственно и тѣсно связанными съ рабоче-крестьянской массой. Они были уже налицо, эти новыя установленія: Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ, избранный Всероссійскимъ Съѣздомъ, и Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, въ качествѣ временнаго рабоче-крестьянскаго правительства. Эти учрежденія сразу же послѣ октябрьской революціи взяли въ центрѣ власть въ свои руки, и здѣсь основной задачей были лишь преодолѣніе саботажа и организація центральныхъ органовъ власти на началахъ демократическаго коллегіальнаго устройства съ непосредственной отвѣтственностью передъ Съѣздомъ, Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ и революціоннымъ народомъ въ его митингахъ и собраніяхъ.

Совершенно иное дѣло предстояло Совѣтской власти на мѣстахъ. Здѣсь былъ полный развалъ, порожденный недоконченнымъ и непослѣ-

дователѣнымъ «реформированіемъ» эпохи Временнаго Правительства. Во-первыхъ, были сохранены мѣстныя правительственныя установленія стараго царскаго режима, и если кое-гдѣ состоялась перемѣна лицъ, то въ общемъ система осталась прежняя. Во-вторыхъ, была начата демократическая реформа самоуправленія, которая по существу должна была устранить старое раздѣленіе на общественные и государственные органы на мѣстахъ, но опять-таки оказалась половинчатой и слабой, такъ что всего мѣстнаго управленія она въ свое завѣдываніе не взяла. Въ-третьихъ, наконецъ, выросли со времени февральской революціи классовые органы пролетарской диктатуры въ лицѣ Совѣтовъ, которые вели ожесточенную борьбу за власть и за радикальный соціалистическій переворотъ.

Ясно изъ сказаннаго, что Совѣтамъ пришлось на мѣстахъ выступить въ троякой роли. Во-первыхъ, они должны были укрѣпить государственную власть Совѣтской республики; во-вторыхъ, имъ предстояло принять на себя всю тяжесть мѣстнаго управленія и самоуправленія въ обычномъ смыслѣ этого слова и, въ-третьихъ, приступить къ тѣмъ новымъ задачамъ, которыя были поставлены переворотомъ, какъ началомъ и приступомъ къ соціалистической революціи. Какъ очевидно, Совѣтамъ, лишеннымъ къ тому же помощи и поддержки интеллигентныхъ квалифицированныхъ работниковъ, пришлось буквально все строить отъ начала до конца, и притомъ по формамъ и въ стилѣ, доселѣ не испытаннымъ.

Если обозначить три вышепоставленныхъ задачи Совѣтской власти: первую — какъ государственно-диктаторскую, вторую—какъ административно-демократическую и третью—какъ соціально-революціонную, то можно отмѣтить слѣдующее осуществленіе ихъ въ Совѣтской организаціи:

Въ дѣлѣ установленія и укрѣпленія пролетарской диктатуры вполнѣ естественно пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ борьбы, а впослѣдствіи отчасти и террора. Вначалѣ такую роль брали на себя особые военно-революціонные комитеты, дѣйствовавшіе вооруженной силой. Впослѣдствіи они были упразднены, и функціи ихъ перешли, съ одной стороны, къ военной организаціи регулярной совѣтской арміи красныхъ солдатъ и къ совѣтской милиціи съ общественно-полицейскими функціями, а съ другой—къ особымъ Чрезвычайнымъ Комиссіямъ по борьбѣ со спекуляціей, саботажемъ и контръ-революціей и къ Революціоннымъ Трибуналамъ. Всѣ эти установленія вошли въ общій составъ исполнительныхъ органовъ мѣстныхъ Совѣтовъ и ихъ Съѣздовъ, сохранили до сихъ поръ рѣзко классовый характеръ и получили связь съ соотвѣтственными центральными учрежденіями.

За годичный срокъ своего существованія Совѣты,—надо отдать имъ справедливость,—сумѣли въ значительной степени справиться съ этой чисто боевой задачей. Диктатура пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства—неоспоримый фактъ на территоріи Россійской Совѣтской Республики, и въ послѣднее время, несмотря на обостреніе революціонной борьбы и даже печальную необходимость примѣненія террора, все же дѣятельно разрабатывается планъ дальнѣйшаго упорядоченія и сокращенія террористическихъ мѣръ и введенія ихъ въ рамки классовой революціонной юстиціи.

Въ осуществленіи своей второй задачи административно-демократическаго характера Совѣтамъ удалось сдѣлать то, чего еще не достигли наиболѣе демократическія страны міра. Все мѣстное управленіе и самоуправленіе, начиная отъ сельскихъ обществъ, волостей и городскихъ муниципалитетовъ и кончая районнымъ-уѣзднымъ, окружнымъ-губернскимъ и областнымъ строемъ, все построено по одному общему типу, сосредоточено въ однѣхъ рукахъ и представляетъ собою цѣлостную гармонически развѣтвленную систему, которая завершается центральными учре-

жденіями. Однако, такая законченность далась не сразу. Какъ показываетъ исторія развитія Совѣтовъ со дней февральской революціи, въ особенности трудно пришлось Совѣтамъ какъ разъ въ эпоху торжества Совѣтской власти, послѣ октября. И здѣсь, для того, чтобы не нарушить нормальнаго и необходимаго хода управленія на мѣстахъ, а также въ цѣляхъ обслуживанія важнѣйшихъ мѣстныхъ интересовъ были приняты разныя переходныя формы.

Въ однихъ мѣстахъ Совѣты оставляли цѣликомъ старыя учрежденія городского и земскаго самоуправленія, но только подчиняли ихъ своему общему надзору и контролю. Въ другихъ они входили въ своеобразное соглашеніе съ земствами и муниципалитетами и распредѣляли компетенцію этихъ установленій такимъ образомъ, что часть мѣстныхъ задачъ и полномочій оставалась за ними, другую же часть Совѣты брали въ свои руки. Наконецъ, въ третьихъ они сразу же сдѣлали то, что было впослѣдствіи распространено на всю Совѣтскую Россію, а именно: земства и городскіе муниципалитеты были упразднены, и всѣ функціи мѣстнаго управленія и самоуправленія были взяты образовавшимися вновь или уже существовавшими Совѣтами. Въ одномъ отношеніи, однако, Совѣтская организація сдѣлала нѣкоторую уступку сотрудничеству съ непролетарскими элементами въ мѣстныхъ учрежденіяхъ: такія группы спеціалистовъ-интеллигентовъ, какъ врачи, техники, педагоги, юристы и т. п., не только нашли признаніе въ качествѣ служебныхъ подчиненныхъ агентовъ, но и получили большую степень вліянія въ исполнительныхъ органахъ Совѣтовъ подъ ихъ общимъ контролемъ и руководствомъ.

Въ одномъ отношеніи, однако, Совѣтамъ пришлось пойти по совершенно новымъ путямъ. И это въ области соціализаціи и націонализаціи производства, обмѣна и потребленія. Здѣсь уже пришлось прибѣгнуть къ новымъ построеніямъ и органамъ и создать цѣлый рядъ централизованныхъ спеціальныхъ вѣдомствъ на основахъ сотрудничества выдающихся техническихъ силъ, обширной совѣтской бюрократіи, представителей профессіональныхъ союзовъ и самоуправленія самыхъ различныхъ предпріятій, перешедшихъ въ руки самихъ рабочихъ. Особую роль начинаютъ играть въ данной области Совѣты Народнаго Хозяйства, фабрично-заводскіе комитеты, профессіональные союзы, кооперативы, продовольственныя учрежденія, а въ сельскихъ мѣстностяхъ—комитеты крестьянской бѣдноты и сельскохозяйственныя коммуны.

Постепенно всѣ эти учрежденія, тѣсно примыкая къ Совѣтамъ, какъ своему центру, начинаютъ распредѣляться въ особыя, довольно крупныя мѣстныя коммуны, гдѣ въ единую организацію сливаются всѣ учрежденія мѣстности, начиная съ ея военныхъ установленій и кончая органами культурнаго развитія массъ или распредѣленія среди гражданъ жилищъ и мебели. И хотя процессъ соціализаціи и націонализаціи потребовалъ привлеченія къ активной производительной работѣ массы интеллигентовъ и спеціалистовъ въ качествѣ совѣтскихъ сотрудниковъ, но нужно отдать справедливость Совѣтскимъ организаціямъ,—всѣ онѣ не только проникнуты истиннымъ демократизмомъ въ духѣ служенія прежде всего интересамъ трудящихся, но и притягиваютъ къ организаціонной работѣ все большія силы изъ среды пролетарскихъ массъ, которыя крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ управленіе обобществленнымъ хозяйствомъ и на живой практикѣ общественной работы пріобрѣтаютъ все большіе опытъ и знанія.

Всякій соціалистъ знаетъ прекрасно, что опытъ Россійской Совѣтской Республики не есть полное и законченное завершеніе соціалистическаго идеала. Россія въ этомъ отношеніи дѣлаетъ только первые начальные шаги. Ея организація есть государственно-хозяйственная форма переходнаго времени.

Но въ одномъ отношеніи она уже сдѣлала безмѣрно много: это въ сферѣ не фиктивной, а самой подлинной демократизаціи власти. Взявъ въ свои руки власть во время февральской революціи, пролетаріатъ и крестьянство временно выпустили ее изъ рукъ въ періодъ господства Временнаго Правительства по 25 октября (7 ноября) 1917 года. За это время реакція употребила всѣ усилія, чтобы повернуть теченіе революціи по давно засореннопу и загнившему руслу буржуазнаго парламентаризма и демократическаго обмана. Но историческое развитіе соціально-хозяйственныхъ силъ помогло россійской революціи въ октябрѣ вспыхнуть съ новой силой и вернуть утраченное. Государственная власть снова оказалась въ рукахъ пролстаріата и бѣднѣйшаго крестьянства. И на этотъ разъ она была организована.

Республика, ставящая себѣ цѣлью соціалистическій строй, не можетъ даже въ своемъ внутреннемъ устройствѣ игнорировать тѣ великія цѣли, которыя могутъ быть воплощены не въ узкихъ предѣлахъ одной страны, но лишь въ широкомъ международномъ и даже міровомъ размѣрѣ. Государственное устройство Россійской Совѣтской Республики должно было быть способно какъ разрѣшить всѣ конфликты національнаго и территоріальнаго характера внутри бывшей Россійской имперіи, такъ и вырасти до члена мірового соціалистическаго союза, способнаго охватить всѣ тѣ государства, которыя могутъ и должны образоваться на развалинахъ мірового капитализма.

Изслѣдуя поэтому Совѣтскій строй, какъ онъ былъ построенъ задолго до появленія новой Совѣтской конституціи, мы должны подвергнуть его испытанію еще съ одной стороны, а именно—съ точки зрѣнія его способности связать въ единую союзную организацію всѣ страны, которыя послѣдовательно и необходимо ходомъ всеобщей революціи будутъ поставлены на очередь соціальнаго переворота. И въ этомъ отношеніи мы должны опять-таки отмѣтить тѣ новыя черты, которыя съ самаго начала придаютъ Совѣтскому строю совершенно новыя и оригинальныя формы.

Какъ мы уже видѣли выше, Совѣты возникли не по велѣнію изъ центра, а родились на мѣстахъ. Они не только не встрѣтили поддержки со стороны Временнаго Правительства, но и, наоборотъ, какъ классовыя и вмѣстѣ революціонныя организаціи, подвергались всякимъ гоненіямъ. Въ своемъ ростѣ и распространеніи они цѣликомъ были предоставлены инициативѣ и энергіи пролстарскихъ круговъ, тѣсно связанныхъ съ партійно-соціалистическимъ движеніемъ. Ихъ объединеніе поэтому сразу же приняло характеръ добровольности и союзности съ предоставленіемъ широкой автономіи каждой отдѣльной, хотя бы и весьма малой организаціи. Не только глубоко проникающій демократизмъ, но и не менѣе далеко идущія самодѣятельность и самоопредѣленіе каждой Совѣтской ячейки рѣзко отличаютъ эти классовыя образованія отъ всякихъ другихъ, возникающихъ изъ центра и по его приказу.

Наподобіе федераціи партійныхъ мѣстныхъ организацій и Совѣтскія классовыя образованія получили по необходимости союзный или федеративный характеръ, который уже въ «Декларациіи правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа» отмѣченъ въ томъ положеніи, которое объявляетъ Россію «Республикой Совѣтовъ», при чемъ «вся власть въ центрѣ и на мѣстахъ принадлежитъ этимъ Совѣтамъ». И только логическимъ выводомъ изъ этого основного положенія явилось послѣдующее провозглашеніе свободы національнаго самоопредѣленія, ибо совершенно очевидно, что Совѣты въ своемъ свободномъ союзномъ строѣ оказались вполнѣ приспособленными къ тому, чтобы съ необычными доселѣ эластичностью и гибкостью дать выраженіе любымъ интересамъ не только хозяйственнаго, но и культурно-національнаго характера.

И когда та же «Декларація» говоритъ о «свободномъ союзѣ свободныхъ націй», какъ «федераціи совѣтскихъ національныхъ республикъ», или «дѣйствительно свободномъ и добровольномъ, а слѣдовательно, и тѣмъ болѣе полномъ и прочномъ союзѣ трудящихся всѣхъ націй Россіи», то этимъ самымъ открываются пути къ федераціи не только націй, но и всякихъ иныхъ территоріальныхъ и иныхъ соединеній внѣ Россіи или съ нею вмѣстѣ, такъ какъ естественно «предоставляя, по словамъ «Декларація», рабочимъ и крестьянамъ каждой націи принять самостоятельно рѣшеніе на своемъ собственномъ полномочномъ Совѣтскомъ съѣздѣ, желаютъ ли они и на какихъ основаніяхъ участвовать въ федеральномъ Правительствѣ и въ остальныхъ федеральныхъ Совѣтскихъ учрежденіяхъ», невозможно ограничить федерацію одними «націями», игнорируя болѣе существенныя широкія и основныя соціально-хозяйственныя единенія трудящихся разныхъ народовъ или государствъ.

И если сейчасъ легко себѣ представить по бывшимъ уже примѣрамъ съѣзды Совѣтовъ депутатовъ Сибири и Кавказа, Латвіи и Украины, то ничѣмъ по существу отъ нихъ не стали бы отличаться съѣзды Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ Пруссіи и Россіи. Польши и Венгріи, Италіи и Франціи и всѣхъ другихъ странъ. Организаціонный принципъ уже установленъ, и дѣло историческаго развитія дать ему тотъ или иной просторъ и примѣненіе.

Такъ, созданная октябрьской революціей государственная власть Совѣтовъ даетъ богатѣйшее сочетаніе новыхъ общественныхъ формъ и возможностей. При помощи диктатуры пролетаріата перестраиваетъ она всю систему управленія. Для осуществленія соціалистическаго строя она развиваетъ колоссальную хозяйственную и культурную дѣятельность. Наконецъ, для объединенія трудящихся всего міра создаетъ такія формы союзной или федеративной организаціи, которыя безъ затрудненій могутъ охватить всѣ страны и народы въ единое великое братство творческаго коллективнаго труда.

Нѣкогда, въ 1905 году, въ своей книгѣ, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ, я писалъ: «Русскій народъ не будетъ довольствоваться буржуазной революціей на старый манеръ,—онъ постарается воплотить въ своемъ государствѣ тѣ соціальные идеалы, которые переданы намъ западными братьями. Мы не будемъ рабски копировать европейскую исторію конца XVIII и начала XIX вѣка. Мы попытаемся идеи равенства, братства и свободы ввести въ области не только права, но и соціальной жизни массъ. Мы хотимъ не только нагнать Западную Европу,—мы хотимъ ее опередить. Силъ у насъ на это хватитъ» [1]).

Въ своемъ отзывѣ покойный Августъ Бебель на мои слова отвѣтилъ пожеланіемъ, чтобы это такъ случилось, и сомнѣніемъ въ возможности такого быстраго шага впередъ.

Въ настоящее время я могу гордиться сознаніемъ, что ожидаемое мною и моими товарищами въ 1905 г. совершилось, правда, черезъ 13 лѣтъ, но именно такъ, какъ мы этого ожидали.

Наша Совѣтская Республика—первый и великій этапъ по пути къ полному воплощенію соціалистическаго строя.

М. Рейснеръ.

---

[1]) M. v. Reusner, Die russischen Kämpfe um Recht und Freiheit, Halle a. S. 1905 S. 215.

ОТДѢЛЪ II.

Экономическая диктатура пролетаріата.

Экономическое развитіе и диктатура пролетаріата.

I.

Диктатуру пролетаріата окончательно похоронили на исходѣ прошлаго вѣка.

Точнѣе сказать, къ ней уже давно относились какъ къ трупу, а въ концѣ 90-хъ годовъ признали своевременнымъ во всеуслышаніе заявить, что пролетарская диктатура—трупъ, и что пора устроить ей всенародное погребеніе.

Впрочемъ, въ отношеніи къ диктатурѣ пролетаріата было еще больше пренебреженія. Буржуазной публикѣ повѣдали, что въ тѣхъ кругахъ, которые только и могли бы выступить носителями диктатуры, давно уже знали, что въ практической дѣятельности слѣдуетъ считаться не съ ея неизбѣжностью, не съ ея исторической необходимостью, а какъ разъ, наоборотъ, съ ея полнымъ излишествомъ и почти абсолютной невѣроятностью. И только буржуазный міръ по свойственной ему недалекости и изъ хитраго расчета дѣлалъ такой видъ, будто онъ вѣритъ, что новѣйшее соціалистическое движеніе, подобно его предшественникамъ до послѣдней четверти XIX вѣка, все еще направляетъ свои дѣйствія не на болѣе или менѣе мирную эволюцію, а на грозную насильственную революцію.

Бернштейнъ и К°, выступившіе могильщиками пролетарской диктатуры, по ихъ увѣреніямъ, просто отнимали у «реакціонной» части буржуазнаго міра возможность дурачить его «прогрессивную» часть посредствомъ запугиванія насильственно-переворотными стремленіями соціалъ-демократіи. Развитіе во всемъ капиталистическомъ мірѣ идетъ и дальше пойдетъ по «англійскому образцу»,—разумѣется, по тому образцу, въ который не укладывалось англійское рабочее движеніе первой половины XIX вѣка. И, само собой разумѣется, по тому образцу, который отметалъ, какъ случайныя и временныя, всѣ уклоненія отдѣльныхъ частей англійскаго рабочаго класса въ сторону революціонизма. Пока случаи такихъ «уклоненій» отдѣлялись одинъ отъ другого значительными промежутками времени, можно было успокоительно завѣрять, что здѣсь отсталыя группы рабочаго класса все еще борются за первыя предпосылки «нормальнаго развитія» и что онѣ войдутъ въ общее англійское русло, едва лишь добьются и для себя созданія такихъ предпосылокъ.

Теперь, оглядываясь назадъ, мы открываемъ, что диктатура пролетаріата, дѣйствительно, умерла за много годовъ раньше, чѣмъ состоялось ея открытое погребеніе. Обратимся къ такому классическому документу, какъ Эрфуртская программа германской соціалъ-демократической партіи. (Для послѣдующаго сравн. мое предисловіе къ книгѣ: К. К а у т с к і й, «Эрфуртская программа». Изд. «Коммунистъ», М., 1918). Она была не только программой германской соціалъ-демократіи,—она оказала огромное влія-

ніе на всѣ соціалистическія партіи, вырабатывавшія свои программы послѣ 1891 года, и на весь второй пролетарскій Интернаціоналъ. Рѣшительнѣйшее и единственное мѣсто этой программы, изъ котораго можно было бы вычитать указаніе на грядущую пролетарскую диктатуру, въ дословномъ переводѣ гласитъ: «Рабочій классъ не можетъ осуществить перехода средствъ производства въ обладаніе общества, не придя къ обладанію политической властью».

Мыслимы самые разнообразные способы и пути для того, чтобы «прійти къ обладанію политической властью». Мыслимъ, скажемъ, прусско-германскій способъ, когда буржуазія все болѣе заставляетъ существующій государственный аппаратъ считаться съ ея интересами, хотя она оставляетъ этотъ аппаратъ незатронутымъ и удерживаетъ на мѣстахъ почти всѣхъ старыхъ носителей политической власти. Экономической предпосылкой такого способа является сближеніе интересовъ землевладѣнія и капиталовладѣнія, присвоителей ренты и присвоителей различныхъ формъ капиталистической прибыли. Для рабочаго класса повтореніе такого пути оказалось бы возможнымъ лишь при томъ условіи, если бы экономическое развитіе все болѣе сближало интересы производителей прибавочной стоимости съ интересами ея присвоителей, интересы эксплоатируемыхъ съ интересами эксплоататоровъ.

Но, кромѣ прусско-германскаго способа, мыслимъ еще англійскій путь «къ обладанію политической властью». Какъ бы ни измѣнялись въ ходѣ развитія аграрные и капиталистическіе интересы, между ними всегда остаются нѣкоторыя противорѣчія. И пусть эти противорѣчія утрачиваютъ тѣ глубину и непримиримость, какими они характеризовались до половины прошлаго вѣка, — все же по временамъ они обостряются и настоятельно требуютъ разрѣшенія. Но такъ какъ силы двухъ борющихся сторонъ почти одинаковы, то ни одна изъ нихъ сама по себѣ не можетъ продиктовать другой свою волю. Судьей въ ихъ столкновеніяхъ является третья сила — рабочій классъ. Занимая такое положеніе, онъ можетъ торговаться и выторговывать для себя уступки то отъ аграріевъ (консерваторовъ), то отъ буржуазіи (либераловъ).

Начало протекціонистской агитаціи, отколъ отъ либерализма сильнаго и вліятельнаго крыла, руководимаго Чемберленомъ, повидимому, были бы способны положить конецъ подобнымъ мечтаніямъ. Но вскорѣ либерализмъ, казалось, пораженный на смерть, опять началъ быстро расти, и не только расти, но й развиваться въ ту «радикальную» партію, которая возвышается до безшабашной демагогіи Ллойдъ-Джорджа (его финансовая реформа), способной привести въ ужасъ старый солидный либерализмъ. Тѣ бреши и пустоты, которыя образовались въ либерализмѣ за уходомъ отъ него вліятельнѣйшихъ группъ капиталистической буржуазіи, заполнились какими-то новыми соціальными элементами.

Это—въ первую очередь всевозможные торговые и промышленные служащіе, въ широкомъ смыслѣ бухгалтерскій и техническій персоналъ, а также представители многочисленныхъ и все расширяющихся либеральныхъ профессій. Это—тотъ слой, создаваемый новымъ капиталистическимъ развитіемъ, который получилъ названіе «новаго средняго сословія» и который несравненно правильнѣе было бы называть новой мелкой буржуазіей. Это—капиталистическая форма тѣхъ же профессій, которыя въ своихъ докапиталистическихъ формахъ и докапиталистическихъ способахъ существованія назывались русской интеллигенціей.

«Новая мелкая буржуазія» мало и во всякомъ случаѣ не такъ прямо заинтересована въ сохраненіи и упроченіи капиталистической эксплоатаціи, какъ сама капиталистическая буржуазія. Отсюда—ожиданія быстраго хода «соціальной реформы» съ развитіемъ «среднихъ

классовъ» и усиленіемъ ихъ политическаго вліянія. И не только Бернштейнъ возвѣстилъ о ростѣ притупляющаго вліянія «среднихъ классовъ» на развитіе классовой борьбы,—въ книжкѣ о парламентаризмѣ, вышедшей въ одни годы съ комментаріемъ къ Эрфуртской программѣ, Каутскій учитывалъ, какъ одну изъ вѣроятныхъ возможностей, превращеніе либеральной партіи въ партію соціальныхъ реформъ.

Да и въ самомъ комментаріи къ Эрфуртской программѣ, остававшемся въ этомъ мѣстѣ неизмѣннымъ до самаго послѣдняго изданія, появившагося въ 1914 году, Каутскій истолковываетъ «достиженіе политической власти» пролетаріатомъ такимъ образомъ, что диктатура пролетаріата превращается въ туманную гипотезу, съ которой едва ли стоитъ считаться въ практической дѣятельности. Начинаетъ онъ достаточно энергично: «Мы считаемъ неизбѣжнымъ крушеніе современнаго общества... экономическое развитіе... приводитъ къ невыносимымъ для массы населенія условіямъ, которыя оставляютъ ей только выборъ между пассивной гибелью или активнымъ ниспроверженіемъ существующаго строя собственности». Но все это сказано только затѣмъ, чтобы продолжить благодушными разсужденіями: «Такой переворотъ можетъ принять самыя разнообразныя формы, въ зависимости отъ условій, при которыхъ онъ совершается. Онъ никоимъ образомъ не связанъ обязательно съ насиліями и кровопролитіями. Были уже случаи во всемірной исторіи, когда господствующіе классы были особенно проницательны, особенно трусливы и слабы и, такимъ образомъ, добровольно сдавались передъ лицомъ необходимости» (К. Каутскій, «Эрфуртская программа». Изд. «Коммунистъ». Стр. 105).

Это—не отвѣтъ на вопросъ, какъ же пролетаріатъ ниспровергнетъ существующій строй, а увиливаніе отъ отвѣта. Сказать, что дѣло можетъ обойтись безъ «насилій и кровопролитій»,—значитъ ничего не сказать, значитъ перенести вопросъ въ плоскость, въ которой онъ можетъ сильно, до дрожи интересовать обывателя, но рѣшительно ничего не даетъ для рабочаго класса и не имѣетъ ничего общаго со строго научной постановкой.

Перейдя къ вопросу о политической борьбѣ, ея возможностяхъ, формахъ и средствахъ (главы 9 и 10 въ пятомъ отдѣлѣ «Эрфуртской программы»), Каутскій останавливается исключительно на парламентскихъ методахъ. Послѣ 1905 года, послѣ всѣхъ уроковъ русской революціи и ея отзвуковъ на Западѣ, Каутскій счелъ возможнымъ просто перепечатывать свою книжку, заявляя въ предисловіи объ отрадномъ для него убѣжденіи, что не приходится ничего измѣнять въ той позиціи, которую онъ занялъ еще съ 1892 года. Активныя выступленія массъ, ихъ непосредственныя дѣйствія все еще лежатъ внѣ поля его зрѣнія. Впрочемъ, какъ показываетъ его большая книга о массовой стачкѣ, вышедшая въ 1914 году, теперь онъ снисходительно допускаетъ массовыя дѣйствія, но лишь въ качествѣ временнаго и служебнаго восполненія парламентскихъ методовъ.

Въ программѣ германской соціалъ-демократіи и въ комментаріяхъ къ ней много говорилось о демократизмѣ и парламентаризмѣ, усиленно подчеркивалось, что «они», можетъ-быть, и уступятъ безъ боя, и не звукомъ не упоминалось о диктатурѣ, хотя бы какъ объ одной изъ вѣроятныхъ возможностей.

Диктатура пролетаріата фактически умерла уже въ произведеніяхъ идейнаго вождя второго пролетарскаго Интернаціонала.

II.

«Пролетаріатъ не можетъ освободить самого себя, не уничтоживъ условій своего собственнаго существованія. Онъ не можетъ уничтожить условій своего собственнаго существованія, не уничтоживъ всѣхъ нечеловѣческихъ условій существованія общества, суммирующихся въ его соб-

ственномъ положеніи. Онъ недаромъ продѣлываетъ суровую, но закаляющую школу труда. Дѣло не въ томъ, что представляется цѣлью въ данный моментъ тому или иному пролетарію или даже пролетаріату въ цѣломъ,—дѣло въ томъ, что онъ такое и что онъ исторически вынужденъ дѣлать сообразно своему бытію. Его цѣль и его историческія дѣйствія съ очевидностью, непреложностью предначертаны его собственнымъ жизненнымъ положеніемъ, какъ и всей организаціей современнаго буржуазнаго общества» (К. Марксъ и Ф. Энгельсъ: «Святое семейство»).

Пролетарская диктатура излишня, такъ какъ въ процессѣ демократизаціи общества постепенно уничтожаются всѣ нечеловѣческія и обезчеловѣчивающія условія существованія общества, суммирующіяся въ собственномъ положеніи пролетаріата. Идея пролетарской диктатуры вредна, такъ какъ она, запугивая соціально-прогрессивные и нейтральные элементы, способна только затормозить всестороннюю демократизацію общества. Диктатура пролетаріата невозможна, такъ какъ процессомъ демократизаціи пролетаріатъ связывается со своими классовыми противниками и примиряется съ существующимъ обществомъ, при созданіи котораго онъ является уже не только объектомъ, играетъ не только страдательную роль, но и субъектомъ: въ возрастающей мѣрѣ принимаетъ свободное активное участіе въ его преобразованіи и развитіи.

Такъ торжествующе заявляли могильщики пролетарской диктатуры.

Новѣйшее капиталистическое развитіе развѣяло, какъ дымъ, всѣ демократическія иллюзіи.

Росли численность, организованность, сознательность, а слѣдовательно, и сила рабочаго класса, но еще быстрѣе росли и сплачивались силы его классовыхъ противниковъ.

Демократизація и соціальныя реформы остановились,—чувствовалось, что назрѣваетъ попятное движеніе, да во многихъ случаяхъ оно уже и дѣйствительно началось.

Объединеніе рабочихъ одного предпріятія само по себѣ еще не даетъ силы, которая равнялась бы силѣ одного даннаго предпринимателя. Въ случаѣ столкновеній со своими рабочими онъ привлекаетъ посторонихъ въ качествѣ замѣстителей или прямо штрейкбрехеровъ, и при извѣстныхъ условіяхъ они разбиваютъ дружно начавшуюся забастовку, эту первоначальную форму организаціи, охватывающей одно предпріятіе.

Сплоченіе рабочихъ, охватывающее рабочихъ цѣлой отрасли производства, въ свое время съ большой надеждой на успѣхъ начинало и проводило стачечную борьбу, ему еще не противостояла достаточно сильная организація предпринимателей этой же отрасли. Стачкой у одного пользовались другіе предприниматели, для того, чтобы перехватить покупателей и заказчиковъ у своихъ конкурентовъ. Упрочивалось представленіе, какъ будто буржуазія не была господиномъ даже въ своей собственной области, въ сферѣ производства. Власть каждаго предпринимателя ограничивалась не только волей рабочихъ, но и постоянной угрозой со стороны конкурирующихъ предпріятій. Возникали и расцвѣтали пышнымъ цвѣтомъ мечтанія о конституціонной фабрикѣ, которая будетъ управляться законами, установленными свободнымъ соглашеніемъ рабочихъ съ предпринимателями, превращающимися едва ли не въ англійскихъ королей, которые, по лицемѣрному увѣренію, «только царствуютъ, но не управляютъ».

Быстрое объединеніе производствъ въ картели, синдикаты и тресты и созданіе сильныхъ антистачечныхъ организацій предпринимателей воздвигли мощныя препятствія частичнымъ выступленіямъ и завоеваніямъ рабочаго класса. Не раздробленныя воли отдѣльныхъ предпринимателей, а единая воля всего класса капиталистовъ все чаще высту-

шаетъ теперь передъ каждой группой рабочаго класса, когда онъ предъявляетъ свои требованія и рѣшается поддержать ихъ объявленіемъ стачки. А классовая организація предпринимателей обладаетъ несравненно большими возможностями смирить бунтующихъ рабочихъ, чѣмъ обладалъ единичный предприниматель. Она перебрасываетъ группы рабочихъ, которые должны замѣстить бастующихъ, изъ области въ область, иногда изъ государства въ государство. Она перераспредѣляетъ заказы и все производство такимъ образомъ, чтобы равномѣрно распредѣлить убытки борьбы между всѣми предпринимателями. Она повсюду отыскиваетъ штрейкбрехеровъ, привлекаетъ ихъ изъ деревни, со «дна», изъ экономически отсталыхъ странъ. И хотя бы эти штрейкбрехеры были неспособны дѣйствительно наладить производство, оставленное забастовавшими опытными рабочими, одного ихъ появленія часто бываетъ достаточно для того, чтобы поселить мучительную тревогу въ бастующихъ и разбить ихъ солидарность.

Не къ возрастающей уступчивости предпринимателей ведетъ новѣйшее экономическое развитіе, а, напротивъ, къ возрастающей неуступчивости. Не «конституціонная фабрика», не демократія вырастаетъ въ сферѣ современнаго капиталистическаго производства,—все яснѣе, обнаженнѣе вырабатывается диктатура буржуазіи. Она, сознавая свою растущую въ объединеніи мощь, все рѣшительнѣе отбрасываетъ всякія прикрытія. Она заявляетъ, что требованія капиталистическаго производства неумолимы,—она повелѣваетъ, рабочій классъ подчиняется. И ярче всего выступаетъ диктатура буржуазіи какъ разъ въ руководящихъ господствующихъ, рѣшающихъ, типичныхъ отрасляхъ современной промышленности: въ горномъ дѣлѣ и металлургической промышленности, предуказывающихъ общій путь общественно-экономическаго развитія.

Но вѣдь передъ рабочимъ классомъ остается еще область политическихъ методовъ, область парламентскаго воздѣйствія черезъ государство, остается область преобразованія всѣхъ общественныхъ отношеній посредствомъ демократизуемаго государства.

Въ эпоху частаго расхожденія аграрныхъ и капиталистическихъ интересовъ въ обществѣ и государствѣ, казалось, не было никакой классовой диктатуры. Аграріи не могли удержать общество въ подчиненіи своимъ классовымъ интересамъ, потому что буржуазія отвоевывала у нихъ одну позицію за другой. Буржуазія не могла достигнуть самодержавнаго положенія, потому что ея власть встрѣчала сопротивленіе въ землевладѣніи, которое уступало позиціи только послѣ упорнаго и длительнаго сопротивленія. Въ борьбѣ земельной ренты и капиталистической прибыли классъ, живущій отъ третьей основной категоріи доходовъ, отъ заработной платы, рабочій классъ, игралъ роль «смѣющагося третьяго». Выступая то въ союзѣ съ буржуазіей, то противъ нея, онъ добивался того, что буржуазія и землевладѣльцы дѣлали не только то, что требовалось въ ихъ классовыхъ интересахъ, но и многое такое, что этимъ интересамъ отчасти противорѣчило и было необходимо исключительно для пролетаріата. Казалось, что не было чистаго господства ни одного класса: была борьба трехъ классовъ, политически равнозначущихъ, и былъ режимъ, который устанавливался ихъ взаимодѣйствіемъ и соглашеніемъ.

Новѣйшее капиталистическое развитіе безпощадно опрокинуло всѣ эти идиллическія построенія. Не миръ, а мечъ, не притупленіе, а величайшее обостреніе классовой борьбы и классовыхъ противорѣчій приноситъ съ собой новѣйшій капитализмъ. Сначала получается такое впечатлѣніе, какъ будто буржуазія и землевладѣльческій классъ просто на время отодвигаютъ свои собственныя противорѣчія передъ лицомъ общаго классоваго противника и вступаютъ во временные компромиссы. Сначала кажется, что эти комбинаціи—по преимуществу политическія, хотя онѣ и стро-

ятся на экономическомъ базисѣ. Буржуазія не можетъ повысить свою часть прибавочной стоимости, не согласившись на повышеніе той ея части, которая присваивается землевладѣніемъ. Кажется, какъ будто это не сліяніе, не срастаніе интересовъ ренты и прибыли, а временное перемиріе между ними. И пусть оно заключается на счетъ рабочаго класса, пусть оно оплачивается урѣзываніемъ его заработной платы, пониженіемъ его жизненнаго уровня,— все равно, это—какъ будто временная политическая комбинація, порожденная превходящими обстоятельствами, а не какая нибудь длительная классовая диктатура.

И только въ свѣтѣ послѣдующаго развитія стало ясно, что временные «либерально-консервативные» блоки и соглашенія въ дѣйствительности были первыми предвѣстниками и первыми симптомами коренныхъ измѣненій, совершившихся въ самыхъ глубинахъ экономической жизни.

Конфликты между присвоителями ренты и присвоителями различныхъ формъ капиталистической прибыли были возможны лишь потому, что и тѣ, и другіе представляли два болѣе или менѣе обособленныхъ класса; феодальная собственность, хотя бы и подчиняемая требованіямъ буржуазнаго производства, представляла нѣчто отдѣльное и противоположное капиталистической собственности. Но технико-экономическое развитіе новѣйшаго времени породило потребность преодолѣнія этой противоположности и создало средства для этого.

Современныя промышленныя и транспортныя предпріятія не могутъ вырастать медленно, органически, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ выростала, напр., англійская хлопчатобумажная фабрика. Доменная печь, судостроительная верфь, рельсопрокатный заводъ, трансокеанская судоходная компанія, желѣзная дорога и т. д. съ самаго начала должны появляться на свѣтъ, какъ гигантскія предпріятія и производства, иначе они будутъ нежизнеспособны, а чаще всего просто технически невозможны.

Если они не устраиваются на государственный счетъ, то существуетъ только одинъ способъ ихъ основанія: на акціонерныхъ началахъ. Акціонерная же форма дастъ возможность участвовать въ дѣлѣ только своимъ капиталомъ и ничѣмъ больше. Она въ сущности ничего не требуетъ отъ собственника акціи, кромѣ уплаты денегъ при ея куплѣ. Конечно, зато она и разоритъ мелкихъ капиталистовъ и биржевыхъ игроковъ, но крупный денежный капиталъ всегда сумѣетъ найти примѣненіе въ надежномъ и прибыльномъ дѣлѣ.

Въ связи съ такъ называемымъ «аграрнымъ кризисомъ»; съ паденіемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, порожденнымъ растущей русской и американской конкуренціей, капиталы, примѣнявшіеся въ земледѣліи, стали расти замедленнымъ темпомъ, если только не отливать изъ земледѣлія. Они направлялись въ руководящія отрасли современныхъ промышленности и транспорта. Аграрный протекціонизмъ помогъ не только замедлить паденіе ренты, но и добиться ея повышенія. Денежные капиталы, которые получали аграріи, опять-таки направились въ сферу промышленности.

Акціонеры современныхъ предпріятій—шахтъ, рудниковъ, чугуно-литейныхъ, машиностроительныхъ заводовъ, желѣзныхъ дороги и т. д.— не только представители буржуазіи, но и аграріи. Аграрій, какъ акціонеръ, глубоко связался съ промышленностью. Его интересы—не только аграрные, но и промышленно-капиталистическіе. Это—только одинъ изъ путей, какимъ современное развитіе сближаетъ, сливаетъ и сплавляетъ интересы присвоителей ренты и прибыли въ общіе интересы присвоителей прибавочной стоимости. Преодолѣвъ свои внутреннія несогласія, новый капиталистическій міръ сознаетъ въ себѣ силу. И онъ открыто пользуется своей мощью. Всѣми своими дѣйствіями

онъ говоритъ, что пока міръ принадлежитъ собственности, этотъ міръ останется собственностью собственниковъ. Государство, судъ, школа, войско,—все это существуетъ только для присвоителей прибавочной стоимости, все это должно творить только ихъ волю. Демократія оказалась миражемъ. Когда онъ разсѣивается, на его мѣстѣ оказывается д и к т а т у р а с о б с т в е н н о с т и.

Послѣ того, какъ новое капиталистическое общество раскрыло свое существо, сознаніе начинаетъ совершенно иначе оцѣнивать и прежнія стадіи развитія этого общества.

Еще только созрѣвая въ промышленный, капиталъ уже подчинялъ себѣ всѣ общественныя отношенія. Только формы подчиненія были иныя. Заставляя другихъ творить свою волю, онъ дѣйствовалъ такимъ способомъ, что они могли убаюкивать себя мечтой, будто свободно дѣлаютъ то, что имъ самимъ требуется. Этого тогда было достаточно для тогдашняго капитала, для его распространенія и развитія.

Да, впрочемъ, и въ настоящее время капиталъ, когда ему это потребуется, успѣшно создаетъ и поддерживаетъ подобный самообманъ въ эксплоатируемыхъ. Бросая ихъ въ бойню, разрушая несмѣтныя производительныя силы, уничтожая и калѣча милліоны людей, заставляя ихъ претерпѣвать нечеловѣческія страданія, отбрасывая все человѣчество къ варварству, онъ достигаетъ того, что рабы, послушные его диктатурѣ, умирающіе за интересы присвоителей прибавочной стоимости, самообольщаются мыслью, будто дѣло идетъ о защитѣ ихъ собственныхъ интересовъ и о свободѣ всего человѣчества.

III.

... «Но въ той мѣрѣ, какъ исторія идетъ впередъ, а вмѣстѣ съ ней яснѣе обрисовывается борьба пролетаріата, у нихъ (идеологовъ пролетаріата) уже нѣтъ необходимости искать науку въ своей собственной головѣ,—имъ остается только дать себѣ отчетъ въ томъ, что совершается передъ ихъ глазами, и сдѣлаться органами совершающагося» (К. М а р к с ъ: «Нищета философіи»).

Не демократія, а диктатура собственности,—вотъ что раскрываетъ исторія въ своемъ ходѣ.

Не демократія, а диктатура пролетаріата,—вотъ какой выходъ указываетъ наука, не отыскиваемая въ головѣ, а резюмирующая смыслъ совершающагося.

Новѣйшее экономическое развитіе создаетъ и необходимыя предпосылки для пролетарской диктатуры.

Промышленный капиталъ не явился на свѣтъ въ готовомъ видѣ, въ законченныхъ формахъ. Онъ еще долго сохранялъ въ себѣ многое отъ предъидущаго, отъ ремесленнаго періода экономическаго развитія.

Техническая и экономическая организація предпріятія еще долгое время оставалась неотдѣлимой отъ личности предпринимателя. Многое въ способахъ фабрикаціи оставалось тайной, которая такъ же старательно охранялась отъ всѣхъ посторонникъ, какъ ремесленно-цеховыя «мистеріи». Искусствомъ, а не наукой было и умѣніе организовать отношенія предпріятія къ рынку, на которомъ продавались готовые товары и пріобрѣтались машины и матеріалы, необходимые для производства. Потому, напримѣръ, на зарѣ русской капиталистической текстильной промышленности такъ часты были случаи, когда по смерти предпринимателя рушилось все основанное имъ дѣло.

Современной промышленности чуждъ такой эмпиризмъ. Ея производственные методы отдѣлились отъ личности организаторовъ, объекти-

вировались, существуютъ независимо отъ нихъ въ современной наукѣ: въ физикѣ, химіи, физіологіи животныхъ и растеній, бактеріологіи. Учетъ всѣхъ элементовъ производства тоже превратился въ науку.

Теперь нѣтъ такого органическаго срастанія между предпріятіемъ и личностью руководителя. Прежнія функціи предпринимателя выполняются обширнымъ и все болѣе растущимъ кадромъ техниковъ, химиковъ, счетоводовъ и т. д., получившихъ соотвѣтствующую научную подготовку. Собственникъ средствъ производства становится экономически и технически излишнимъ для производства. Его доходы пріобрѣтаютъ чисто паразитическій характеръ. Это—не вознагражденіе за какую-либо дѣятельность, а исключительно дань, взимаемая единственно на томъ основаніи, что онъ—собственникъ.

Изъ сферы производства типичный капиталистъ современности переноситъ свою дѣятельность въ совершенно иную область,—въ область торговли деньгами. Онъ «работаетъ» здѣсь такимъ образомъ, что концентрація и въ особенности централизація капиталовъ идетъ много быстрѣе, чѣмъ она осуществлялась бы въ развитіи и развитіемъ непосредственно самого капиталистическаго производства. Конечно, въ этомъ случаѣ капиталистъ является носителемъ и орудіемъ новѣйшаго технико-экономическаго развитія, которое требуетъ ускореннаго сосредоточенія все болѣе колоссальныхъ средствъ производства и сочетанія въ единомъ производительномъ цѣломъ тѣхъ его отраслей, которыя до того времени были раздѣльными. Но и эта функція отпадаетъ и становится излишней съ того времени, когда сами непосредственные производители возьмутъ въ свои руки всѣ производственныя отношенія. Тогда концентрація и распредѣленіе производительныхъ силъ будутъ осуществляться непосредственно, не принимая формы движеній денежнаго капитала.

Излишній для производства и фактически чуждый ему капиталистическій собственникъ, тѣмъ не менѣе, подчиняетъ его своимъ интересамъ. Ближайшимъ органомъ подчиненія производства диктатурѣ капитала является какъ разъ наемный технической и коммерческій персоналъ. Слуги капитала, его довѣренные въ предпріятіи, организуютъ и расцѣниваютъ всѣ производственныя отношенія, въ первую очередь съ цѣлью усилить вышибаніе прибавочнаго труда изъ рабочихъ, обезпечить капиталу повышающіеся барыши.

Но разъ развитіе фактически уже устраняетъ собственника изъ сферы производства, оно тѣмъ самымъ подготовляетъ почву для того, чтобы и юридически вышвырнуть его изъ производства: аннулировать его собственническія права.

Исторія привела къ тому, что отношенія капиталиста къ производству становятся чисто собственническими, чисто паразитическими. Однако онъ сохраняетъ свою власть надъ производствомъ, потому что за нимъ остается власть надъ наемнымъ техническимъ и счетоводческимъ персоналомъ, надъ фактическими организаторами и руководителями производства.

Исторія до сихъ поръ осуждала рабочаго на роль простого исполнителя: интересы капитала требовали, чтобы, какимъ бы абсурдомъ ни представлялось это съ технической точки зрѣнія и какъ бы ни тормозило развитіе производительныхъ силъ, организаторскій трудъ былъ рѣзко отграниченъ отъ исполнительскаго. Все капиталистическое производство строится на такомъ трусливомъ раздѣленіи. Вся постановка образованія въ буржуазномъ обществѣ задается одной цѣлью—оставить научную подготовку, предпосылку техническихъ и организаторскихъ функцій въ производственномъ и распредѣлительномъ аппаратѣ, привилегіей узкихъ круговъ, совпадающихъ и соприкасающихся съ буржуазіей.

Въ виду этого на первыхъ порахъ пролетаріатъ не въ состояніи непосредственно подчинить себѣ производственный и распредѣлительный механизмъ. Но исторія и не ставитъ передъ нимъ такой задачи. Современная промышленность доразвилась до такого уровня, что диктатура надъ нею принадлежитъ тому, кому принадлежитъ власть надъ организаторскимъ трудомъ.

Годъ пролетарской диктатуры въ Россіи показалъ, какое сопротивленіе и какими способами можетъ оказать техническій и счетоводческій персоналъ капиталистическаго механизма, связанный съ капиталистическими собственниками тысячью нитей и бездной традицій, привычекъ, иллюзій, воспитаніемъ и всѣмъ жизненнымъ укладомъ обособленный отъ пролетарскаго міра.

Но тотъ же годъ показалъ, что для побѣды здѣсь требуются только пролетарская настойчивость и выдержка.

Новѣйшее капиталистическое развитіе произвело полный переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ производства и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Оно привело человѣчество къ эпохѣ величайшихъ катастрофъ.

Опустошительной катастрофой завершается диктатура собственниковъ.

Но эта катастрофа заставляетъ пролетаріатъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что совершается передъ его глазами, и превратиться въ орудіе совершающагося.

Старый міръ, міръ диктатуры эксплоататоровъ, содрогается въ предсмертныхъ судорогахъ.

Открывается новая историческая эпоха,—эпоха пролетарской диктатуры, которая положитъ конецъ всякой эксплоатаціи, всякимъ отношеніямъ господства и подчиненія.

И предшествующее экономическое развитіе создало необходимыя предпосылки для того, чтобы пролетаріатъ захватилъ въ свои руки власть надъ производствомъ, а слѣдовательно, и надъ всѣми общественными отношеніями.

И. Степановъ.

Организація экономической диктатуры пролетаріата.

(О центрахъ регулированія).

Октябрьскій переворотъ явился результатомъ краха капитализма въ Россіи. Міровая имперіалистская война, превзошедшая всѣ самыя пессимистическія предсказанія относительно ея длительности при ея чудовищной, нечеловѣческой напряженности стала роковой п р о б о й на п р о ч н о с т ь организаціи народнаго хозяйства каждой воюющей страны. И эта организація, этотъ механизмъ, не выдержавъ страшнаго напряженія, разлетѣлся въ куски раньше всего въ странѣ, гдѣ онъ былъ наиболѣе молодъ, гдѣ онъ не успѣлъ овладѣть всѣмъ докапиталистическимъ хозяйствомъ страны и перестроить его, гдѣ онъ былъ построенъ на наименѣе прочномъ, еще не вполнѣ сложившемся фундаментѣ; въ странѣ, страдавшей одновременно и отъ развитія капитализма, и отъ недостаточности его развитія, въ странѣ, скованной путами докапиталистическаго политическаго режима и стоявшей поэтому на порогѣ своей буржуазной революціи; въ странѣ, гдѣ капиталистическія отношенія успѣли въ необычайной для всей исторіи человѣчества степени созрѣть въ рамкахъ чисто абсолютистскаго политическаго строя, въ то время какъ вокругъ, во всей Европѣ, у власти стояла буржуазія; въ странѣ, гдѣ пролетаріатъ былъ вооруженъ идеологіей, выкованной опытомъ классовой борьбы в с е г о европейскаго пролетаріата, и гдѣ буржуазія не была въ состояніи выдвинуть с в о е й революціонной партіи.

Въ этихъ условіяхъ буржуазная политическая революція оказалась лишь короткимъ прологомъ къ пролетарской политической революціи, которая, въ свою очередь по самой своей природѣ могла быть только введеніемъ въ соціальную революцію пролетаріата, и ничѣмъ инымъ.

Ужасающее паденіе производительныхъ силъ, особенно чувствительное для пролетаріата крупныхъ центровъ, вслѣдствіе все прогрессировавшаго въ теченіе войны разрыва сложной ткани хозяйственныхъ связей, повелительно требовало принятія рѣшительныхъ мѣръ, чтобы пріостановить это паденіе и приступить къ ихъ возстановленію.

Очередной задачей пролетарской революціи стало поэтому созданіе собственнаго механизма, собственной организаціи народнаго хозяйства страны,—иными словами, переходъ отъ капиталистическаго способа производства къ соціалистическому, п е р е с т р о й к а с п о с о б а п р о и з в о д с т в а.

Капиталистическій способъ производства, если разсматривать его съ интересующей насъ стороны, основывался на н е о р г а н и з о в а н н о м ъ общественномъ трудѣ. Эта неорганизованность проявлялась, съ одной стороны, въ р а з д р о б л е н н о с т и, распыленности общественнаго труда, отсутствіи его организованной связности (въ томъ, что обычно называютъ анархіей хозяйственной жизни), а съ другой—въ расщепленности общественнаго труда, въ противопоставленіи средствъ производства рабочей силѣ, к л а с с а к а п и т а л и с т о в ъ к л а с с у п р о л е т а р і е в ъ.

Развитіе капитализма было непрерывнымъ уничтоженіемъ раздробленности общественнаго труда путемъ его организаціи (въ предпріятія, картели, государственно-капиталистическіе тресты) и непрерывнымъ углубленіемъ и обостреніемъ другого элемента неорганизованности путемъ (вытекающей изъ организаціи общественнаго труда) организаціи полярно-противоположныхъ классовъ, на которые расщеплено капиталистическое общество.

Октябрьскій переворотъ, передавъ власть въ центрѣ и на мѣстахъ организованному въ Совѣты рабочему классу, привелъ прежде всего къ широкому повсемѣстному уничтоженію противопоставленія средствъ производства рабочей силѣ, ощущаемому пролетаріатомъ непосредственно, какъ проявленіе диктатуры капитала, и потому особенно ненавистному рабочимъ, т.-е. къ соціальному перерожденію всей организаціи народнаго хозяйства; разсматриваемое само по себѣ, это перерожденіе не только не устраняетъ, но даже усиливаетъ (вслѣдствіе связаннаго съ нимъ разрыва хозяйственныхъ связей) анархію хозяйственной жизни, приводя къ своеобразной синдикалистской коопераціи (при которой предпріятіе принадлежитъ занятымъ въ немъ рабочимъ, подобно тому, какъ земля перешла къ обрабатывающимъ ее трудовымъ крестьянамъ).

Развязавъ широкій массовый натискъ рабочихъ на капиталистическую организацію предпріятій, октябрьскій переворотъ черезъ созданную имъ центральную политическую власть пролетарской диктатуры разрушилъ путемъ захвата банковъ организаціонные центры финансоваго капитала и создалъ центральный органъ экономической диктатуры пролетаріата — Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Этотъ новый органъ соціальнаго переворота долженъ былъ объединить экономическое строительство пролетарской революціи и создать общій планъ народнаго хозяйства, т.-е. внести планомѣрность въ хозяйственную жизнь страны, уничтожить ея анархію и завершить, такимъ образомъ созидательную работу капитализма, то уничтоженіе раздробленности общественнаго труда, которое капитализмъ никогда не могъ довести до конца какъ въ силу индивидуалистической инерціи капиталистовъ, такъ и потому, что прогрессъ организованной связности общественнаго труда есть процессъ обнаженія диктатуры капитала передъ лицомъ концентрированной мощи организованнаго капиталистическимъ развитіемъ пролетаріата.

Въ противоположность стихійному процессу устраненія капиталистовъ изъ предпріятій и замѣщенія ихъ рабочимъ управленіемъ въ той или иной формѣ процессъ организаціи, а слѣдовательно, и централизаціи народнаго хозяйства, точно такъ же, какъ и самый органъ его осуществленія, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, является сначала чѣмъ-то надуманнымъ, теоретическимъ, отвлеченнымъ. Но онъ коренится въ неустранимой потребности пролетарской революціи, въ потребности внести планомѣрность въ хозяйственную жизнь.

Вслѣдствіе отвлеченнаго характера Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства первый періодъ его существованія, это—періодъ попытокъ его конкретизаціи, попытокъ реализовать идею, претворивъ ее въ дѣйствительность.

Реализація эта возможна, однако, только какъ овладѣніе экономической дѣйствительностью путемъ сознательнаго подчиненія ея законамъ, ея структурѣ, путемъ созданія органовъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства,—слѣдовательно, путемъ организаціи и реализаціи экономической диктатуры пролетаріата, ибо такіе органы Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства являются частными спеціальными центрами экономической диктатуры пролетаріата, связывающими захва-

ченныя рабочими предпріятія воедино и съ общимъ центромъ, безспльнымъ овладѣть ими непосредственно, и позволяющими. дѣйствительно овладѣть этими предпріятіями, а не попросту ихъ разрушить.

Развалъ капиталистической организаціи хозяйственной жизни, рушившейся подъ могучими ударами войны, привелъ къ распаденію страны на провинціи и вслѣдствіе этого къ тому, что въ періодъ пока только складывался Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, частными центрами и органами пролетарской экономической диктатуры стали организаціи территоріальнаго типа, районные совѣты народнаго хозяйства. Однако внесеніе планомѣрности въ хозяйственную жизнь требуетъ устраненія ея анархіи, дѣйствительной централизаціи всего народнаго хозяйства страны, возможной лишь путемъ приспособленія къ структурѣ народнаго, т.-е. всего не раздробленнаго по провинціямъ хозяйства.

Пока народное хозяйство страны не сложилось (въ эпоху докапиталистическую), какъ экономическія единицы, существуютъ въ сущности только провинціи (районы). Страна представляетъ въ экономическомъ отношеніи конгломератъ (кучу) провинцій. Народное хозяйство — уже не конгломератъ, а организмъ. Его органическими частями (не могущими въ противоположность провинціямъ существовать внѣ взаимной связи) являются его отрасли.

Прежде чѣмъ создать государственно - капиталистическіе тресты, преемникомъ и наслѣдникомъ которыхъ сталъ въ извѣстномъ смыслѣ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, капитализмъ въ предшествовавшую имъ эпоху создалъ организаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности—картели (синдикаты и тресты). И подобно тому, какъ капиталистическое государство прибѣгло (вынужденное войной) къ принужденію для организаціи некартелированныхъ отраслей народнаго хозяйства въ синдикаты и тресты, пролетаріатъ не только захватилъ существовавшіе въ дооктябрьской Россіи картели капиталистовъ, напримѣръ, «Продамета», «Кровля», перестроивъ ихъ для своихъ цѣлей (и разрушивъ ихъ при этомъ, какъ организаціи капиталистическія), но и создалъ цѣлый рядъ новыхъ, спеціальныхъ центровъ пролетарской экономической диктатуры, центровъ регулированія отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства.

Съ самаго момента ихъ возникновенія (первые изъ нихъ возникли въ февралѣ — мартѣ 1918 года) эти центры регулированія становятся органами Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. ихъ связь съ нимъ все укрѣпляется по мѣрѣ того, какъ складываются они и самъ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства. Эта связь есть связь полнаго и безусловнаго подчиненія; Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства опредѣляетъ программу работъ отрасли промышленности, размѣры производства, утверждаетъ смѣты, распоряжается какъ сырьемъ (поскольку оно не является сырьемъ, идущимъ исключительно для нуждъ данной отрасли промышленности), такъ и фабрикатами (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ продуктъ поступаетъ въ распоряженіе Народнаго Комиссаріата Продовольствія); онъ утверждаетъ всѣ законодательные акты, исходящіе отъ центра регулированія, даетъ руководящія указанія и директивы и въ случаѣ необходимости пересматриваетъ любое рѣшеніе такого центра.

Предпріятія тѣхъ отраслей народнаго хозяйства, гдѣ образованы центры регулированія, изъемлются изъ вѣдѣнія мѣстныхъ (районныхъ) совѣтовъ народнаго хозяйства и тѣмъ болѣе изъ вѣдѣнія неэкономическихъ организацій (совдеповъ, земельныхъ отдѣловъ и др.). Это отстраненіе мѣстныхъ организацій отъ распоряженія предпріятіями, которыя подчиняются исключительно центру регулированія соотвѣтственной отрасли промышленности (при чемъ районные органы центровъ регулированія и правленія отдѣльныхъ предпріятій составляются почти исключи-

тельно изъ представителей мѣстныхъ организацій, которыя, такимъ образомъ, внутренне связаны съ ними), не проходитъ безъ треній, иногда весьма серьезныхъ, такъ какъ районныя организаціи нерѣдко стремятся сохранить распоряженіе всѣми экономическими рессурсами района въ своихъ рукахъ, въ результатѣ чего возникаетъ борьба районовъ между собой и съ центромъ, примѣры которой достаточно многочисленны; однако чувство солидарности и коллективистское сознаніе рабочаго класса настолько сильны, что сторонники локализма ни на одномъ съѣздѣ (представителей отдѣльныхъ отраслей промышленности или представителей всего народнаго хозяйства) не играли сколько-нибудь замѣтной роли. Черезъ массу мелкихъ конфликтовъ и треній осуществляется централизація отдѣльныхъ отраслей промышленности, и за мѣстными совѣтами народнаго хозяйства остаются участіе въ органахъ центра регулированія, помощь имъ, контроль надъ ними и согласованіе отдѣльныхъ отраслей въ соотвѣтственномъ районѣ.

Центры регулированія въ сферѣ своей дѣятельности являются по своей конструкціи учрежденіями самостоятельными; права ихъ, изложенныя въ спеціальныхъ «положеніяхъ», въ сущности, въ предѣлахъ соотвѣтственной отрасли неограниченны: это—центры пролетарской диктатуры въ опредѣленной отрасли народнаго хозяйства. Всѣ дѣла отдѣльныхъ предпріятій данной отрасли народнаго хозяйства и большинство общихъ вопросовъ этой отрасли разрѣшаются соотвѣтственнымъ центромъ регулированія въ окончательной формѣ, т.-е. не требуютъ утвержденія высшихъ инстанцій, благодаря чему центръ можетъ развернуть свою самодѣятельность. Непосредственное и непрерывное руководство со стороны Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства достигается путемъ постояннаго участія въ центрѣ регулированія представителей Высшаго Совѣта, обладающихъ правомъ любой вопросъ перенести въ Высшій Совѣтъ; конечно, еще важнѣе то обстоятельство, что основные вопросы отрасли промышленности (размѣры производства, планъ хозяйства, смѣта, законодательство) разрѣшаются въ Высшемъ Совѣтѣ.

Составъ центровъ регулированія — самый разнообразный, въ зависимости отъ отрасли народнаго хозяйства. Повсюду, однако, подавляющее большинство (не менѣе $^2/_3$) состоитъ изъ представителей рабочаго класса,—этимъ обезпечивается неуклонное проведеніе пролетарской диктатуры. Основной частью центра регулированія является обычно созданное рабочимъ классомъ еще въ условіяхъ капитализма производственное объединеніе рабочихъ данной отрасли, ихъ профессіональный союзъ. Представители профессіональнаго союза обыкновенно не составляютъ большинства (большей частью только $^1/_3$ общаго состава), въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ болѣе старыхъ центрахъ регулированія) они составляютъ большинство; остальная часть большинства состоитъ изъ представителей всего рабочаго класса въ цѣломъ, его центральныхъ учрежденій (Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства и другихъ преимущественно народныхъ комиссаріатовъ, связанныхъ съ данной отраслью). Такой составъ дѣлаетъ маловѣроятной борьбу отраслей между собой и мѣшаетъ придать слишкомъ узко-профессіональный характеръ дѣятельности центровъ. Помимо представителей рабочаго класса, въ центры регулированія входятъ представители технически-административнаго персонала предпріятій, научные техники, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (преимущественно въ центры отраслей съ преобладаніемъ мелкой промышленности) временно и предприниматели, вліяніе которыхъ, конечно, порой, пока качественно еще слабо представительство рабочаго класса не соотвѣтствуетъ ихъ численности.

Возникли центры регулированія преимущественно слѣдующимъ образомъ: или путемъ захвата капиталистическихъ синдикатовъ, куда послѣ переворота назначались обычно комиссары пролетарской власти, перестраивавшіе всю организацію, или путемъ присоединенія менѣе крупныхъ предпріятій къ основному крупнѣйшему (національизированному), или путемъ захвата принудительныхъ синдикатовъ, созданныхъ соглашательской властью, при чемъ обычно представители промышленниковъ сохранялись, но превращались въ меньшинство посредствомъ введенія значительнаго количества представителей профессіональнаго союза и совѣтскихъ учрежденій; наконецъ,—и это самый обычный путь, — центръ регулированія (главный комитетъ) возникалъ, какъ естественный результатъ работъ созваннаго Совѣтской властью съѣзда или конференціи представителей всѣхъ учрежденій и группъ, заинтересованныхъ и активно дѣйствующихъ въ данной отрасли промышленности; съѣздъ или конференція намѣчали группу лицъ, наиболѣе подходящихъ для дѣла организаціи отрасли и урегулированія разсмотрѣнныхъ вопросовъ.

Фактическое состояніе центровъ регулированія, понятно, въ данный моментъ самое различное. При молодости этихъ организацій (старѣйшія изъ нихъ насчитываютъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ, другія—нѣсколько недѣль отъ роду) приходится дѣйствительно удивляться тому, что многія изъ нихъ успѣли не только ознакомиться съ соотвѣтственной отраслью промышленности (обслѣдовать ее и составить полныя статистическія сводки) и организаціонно внѣдриться въ нее, но и провести рядъ реальныхъ преобразованій (измѣненіе методовъ производства, остановка паденія и даже подъемъ производительности труда и пр.). Въ первое время главныя усилія центровъ регулированія направляются на самоорганизацію, на ознакомленіе съ состояніемъ отрасли промышленности, на установленіе связи съ предпріятіями, на взаимное ознакомленіе новыхъ дѣятелей отрасли промышленности другъ съ другомъ, на подборъ лицъ и на преодолѣніе финансовыхъ затрудненій; затѣмъ наступаетъ пора выработки законодательныхъ мѣропріятій, обязательныхъ постановленій, инструкцій, всевозможныхъ калькуляцій установленія твердыхъ цѣнъ, организаціи управленія, снабженія, контроля; наконецъ,—выработка хозяйственнаго плана и техническихъ мѣропріятій по улучшенію или расширенію промышленности. Въ зависимости отъ времени возникновенія и условій соотвѣтственной отрасли промышленности различные центры регулированія переживаютъ въ настоящій моментъ различныя изъ вышеописанныхъ стадій.

Характеръ центра регулированія опредѣляется характеромъ организуемой имъ отрасли народнаго хозяйства. Въ отрасляхъ промышленности, наиболѣе подготовленныхъ капиталистическимъ развитіемъ къ обобществленію, центры регулированія носятъ характеръ Центральнаго Управленія національизированными предпріятіями соотвѣтственной отрасли промышленности; это — небольшая коллегія (обычно отъ 6 до 9 лицъ), выполняющая функціи правленія капиталистическихъ трестовъ, но съ перерожденнымъ соціальнымъ составомъ: $^1/_3$ отъ профессіональнаго союза, $^1/_3$ отъ Высшаго Совѣта, $^1/_3$ техники; немногочисленныя (единичныя) предпріятія отрасли подчинены непосредственно Центральному Управленію (отсутствуютъ какіе бы то ни было районные органы); ихъ правленія, еще болѣе малочисленныя по составу, организованы аналогично Центральному. Такой характеръ носятъ Центральныя (или Главныя) Управленія, напр., сѣрно-кислотной промышленности, резиновой, нѣкоторыхъ отраслей металлообрабатывающей. Такія Главныя Управленія возникаютъ или путемъ присоединенія къ основному (обычно крупнѣйшему въ отрасли) національизированному предпріятію другихъ предпріятій той же отрасли, или путемъ реформированія Главнаго Комитета соотвѣтственной

отрасли. Образованіе Главнаго Управленія представляетъ почти чистый процессъ соціальнаго перерожденія, такъ какъ раздробленность данной отрасли была въ существенномъ преодолѣна предшествовавшимъ капиталистическимъ развитіемъ. Эти отрасли промышленности переживаютъ сравнительно быстро переходное состояніе, и Главное Управленіе послѣ короткаго переходнаго періода приступаетъ къ поднятію производительныхъ силъ въ своей отрасли.

Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ уже при капитализмѣ крупныя предпріятія окончательно вытѣснили мелкія, но гдѣ они сравнительно многочисленны (нѣсколько десятковъ), центръ регулированія принимаетъ форму Главнаго (Центральнаго) Комитета. Главный Комитетъ состоитъ обычно изъ 30 — 50 членовъ, представителей всѣхъ активно работающихъ въ данной отрасли учрежденій и группъ (съ раздѣленіемъ по третямъ, аналогично Главнымъ Управленіямъ); многочисленность состава обезпечиваетъ возможность подбора работниковъ для немногочисленнаго работающаго органа (изъ 5 — 12-ти лицъ), бюро или президіума, и придаетъ организаціи комитета эластичность. Благодаря не слишкомъ большому количеству предпріятій районные органы отсутствуютъ, но имѣются районные представители со спеціальными функціями. Отрасль промышленности сравнительно быстро переходитъ къ національзаціи всѣхъ предпріятій, то-есть къ устраненію предпринимателей. Процессъ организаціи, вслѣдствіе раздробленности отрасли промышленности, длится гораздо дольше и проходитъ болѣзненнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Однако, и здѣсь центръ регулированія—Главный Комитетъ—оказывается въ состояніи приступить къ осуществленію или хоть практическому намѣченію подъема производительныхъ силъ. Примѣромъ такой отрасли промышленности можетъ служить сахарная промышленность.

Въ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ крупная капиталистическая промышленность не успѣла стать единственной формой и гдѣ рядомъ со сравнительно немногочисленными крупными существуетъ много мелкихъ капиталистическихъ предпріятій, становится необходимымъ созданіе, помимо Главнаго Комитета, также и районныхъ комитетовъ, чѣмъ, конечно, усложняется организація и удлиняется организаціонный процессъ. Предприниматели не могутъ быть быстро устранены изъ большинства предпріятій и, слѣдовательно.—изъ отрасли промышленности, и входятъ въ незначительномъ количествѣ въ Главный Комитетъ и его органы, хотя и не играютъ тамъ активной роли. Главный Комитетъ принужденъ затрачивать свою энергію на постановку учета и распредѣленія фабрикатовъ, на организацію своихъ органовъ и своей связи съ предпріятіями. Мѣсто національзаціи заступаетъ монополія на продуктъ. Къ такимъ отраслямъ промышленности относятся, напр., текстильная, писчебумажная и др.

Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ отрасляхъ, которыя базируются на кустарной промышленности, т.-е. гдѣ кустарная промышленность вырабатываетъ полупродуктъ. Невозможность организовать многочисленныя (сотни и тысячи) мелкія кустарныя предпріятія и необходимость связать ихъ съ предпріятіями, перерабатывающими доставляемый полупродуктъ, ставятъ передъ Главнымъ Комитетомъ рядъ трудныхъ организаціонныхъ и финансовыхъ проблемъ. Создаются своеобразныя районныя организаціи: одновременно организаціи управленія по отношенію къ однимъ предпріятіямъ и организаціи вспомогательно-контрольнаго характера по отношенію къ другимъ. Самая организація промышленности носитъ поневолѣ болѣе поверхностный, менѣе глубокій характеръ. Примѣромъ такихъ отраслей промышленности могутъ служить крахмально-паточная, сухая перегонка дерева и др. Аналогично положеніе и въ такихъ отрас-

ляхъ промышленности, какъ мукомольная, гдѣ на ряду съ сотнями сравнительно крупныхъ товарныхъ мельницъ, работающихъ на отдаленные районы, имѣется безчисленное количество кустарныхъ сельскохозяйственныхъ мельницъ чисто мѣстнаго значенія.

Еще болѣе сложную организацію приходится создавать въ отрасляхъ промышленности съ полнымъ преобладаніемъ кустарныхъ предпріятій. Здѣсь помимо главнаго и районнаго комитетовъ, существуютъ еще болѣе мелкія районныя организаціи, такъ что получается цѣлая цѣпь связанныхъ другъ съ другомъ органовъ. Союзы мелкихъ предпринимателей такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, играютъ извѣстную роль въ виду невозможности устраненія мелкихъ предпринимателей (безъ радикальнаго техническаго переворота). Примѣромъ такой отрасли промышленности можетъ служить кожевенная.

Характеръ отрасли промышленности, а слѣдовательно, и характеръ центра регулированія находится в тѣсной зависимости не только отъ относительной роли въ ней крупныхъ и мелкихъ предпріятій, но и отъ ряда другихъ обстоятельствъ.

Одно изъ важнѣйшихъ—это связь отрасли промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ. Революція смела остатки крѣпостничества, вырвавъ съ корнемъ вмѣстѣ съ помѣщичьимъ полукрѣпостническимъ землевладѣніемъ заодно и землевладѣніе буржуазнаго типа; она уничтожила не только всѣ виды аренды, но и всю налоговую систему царизма. Она уничтожила, такимъ образомъ, эксплоатацію крестьянства со стороны господствующихъ классовъ и ихъ государства; но одновременно уничтоживъ или рѣзко ослабивъ у крестьянъ необходимость продавать производимый имп продуктъ, чтобы уплатить аренду и налоги, она привела къ тому, что продуктъ этотъ пересталъ быть товаромъ, то-есть, къ выдѣленію трудовыхъ крестьянъ изъ народнаго хозяйства, къ возврату къ натуральному хозяйству. Деньги потеряли для крестьянъ ихъ прежнее значеніе. Сокращеніе притока продуктовъ промышленности въ деревню вслѣдствіе развала промышленности и обезцѣненіе денегъ усиливаютъ тенденцію къ выдѣленію трудовыхъ крестьянъ изъ народнаго хозяйства. Вслѣдствіе этого крестьяне перестаютъ выступать не только какъ продавцы товаровъ, но и какъ продавцы рабочей силы, и поскольку они выступаютъ какъ таковые,—предъявляютъ требованія, ни съ чѣмъ несообразныя. Поэтому связь съ сельскимъ хозяйствомъ ставитъ отрасли промышленности въ совершенно иныя и болѣе трудныя условія, чѣмъ другія отрасли промышленности чисто индустріальнаго типа. Еще больше затрудненій въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя (въ условіяхъ, данныхъ исторіей) связаны съ крупнымъ земельнымъ хозяйствомъ. Примѣромъ можетъ служить сахарная промышленность. Предпріятія оказываются вовлеченными въ сложный комплексъ вопросовъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ аграрной проблемы, распредѣленіемъ земельныхъ участковъ. Сохраненіе крупнаго земельнаго хозяйства, необходимое для данной отрасли промышленности (вызывающееся помимо того и интересами всего народнаго хозяйства), требуетъ отъ центра регулированія самой напряженной борьбы съ мелкобуржуазной деревенской стихіей.

Комитету приходится вести ожесточенную партизанскую борьбу съ мѣстными крестьянскими обществами и съ мѣстными особенно мелкими (волостными) органами Совѣтской власти за сохраненіе и возсозданіе земельнаго хозяйства, предпріятій. Но какъ для тѣхъ отраслей промышленности, которыя связаны съ существованіемъ крупнаго земельнаго хозяйства (напр., сахарная), такъ и для тѣхъ, которыя почти или вовсе не вели собственнаго земельнаго хозяйства, и потому могутъ существовать и на основѣ мелкаго (крестьянскаго) земельнаго хозяйства (напр., винокуренная,

картофелетерочная, табачная, маслобойная отрасли промышленности), ихъ связь съ сельскимъ хозяйствомъ въ условіяхъ происходящей въ деревнѣ аграрной революціи заставляетъ ихъ значительную долю своей энергіи затрачивать на утвержденіе позицій предпріятій ихъ отрасли въ волнующемся хаосѣ современной деревни и невѣроятно распыляетъ ихъ работу. Такое отвлеченіе силъ отъ собственныхъ задачъ отрасли, конечно, затрудняетъ и задерживаетъ процессъ ея организаціи. Работа этихъ центровъ регулированія приковывается слѣдовательно къ аграрнымъ отношеніямъ необходимостью получить нужныя для предпріятій отрасли сырье и рабочую силу, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ и необходимостью сохранить земельное хозяйство и привлечь крестьянъ для работы въ немъ. Но въ то же самое время этотъ характеръ работы центровъ регулированія сельскохозяйственныхъ отраслей промышленности дѣлаетъ ихъ своеобразными центрами регулированія сельскаго хозяйства. Путемъ двойной связи предпріятій съ земельнымъ хозяйствомъ,—какъ потребители продуктовъ земледѣлія, служащихъ имъ сырьемъ, и какъ производители отбросовъ производства, весьма цѣнныхъ для земледѣльческихъ хозяйствъ,—кровно заинтересованные въ культурномъ подъемѣ земледѣлія центры регулированія сельскохозяйственныхъ отраслей промышленности располагаютъ въ предпріятіяхъ, являющихся скопленіемъ какъ рабочихъ, такъ и административно-техническаго персонала, организаціонными центрами для воздѣйствія на экономическую жизнь деревни. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ предпріятія, связанныя съ крупнымъ хозяйствомъ, которыя не только становятся центрами регулированія окрестнаго земледѣлія, но и могутъ стать (а отчасти становятся) опорными пунктами для дѣйствительной организаціи учета и заготовки продуктовъ продовольственнаго характера.

Связь предпріятій сельскохозяйственныхъ отраслей промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ вызываетъ еще одну особенность въ работѣ центровъ регулированія. Предпріятія эти большей частью были связаны съ крупными или средними земельными хозяйствами. Изгнаніе владѣльцевъ имѣній оставило и предпріятія безъ хозяевъ, и ненависть подозрительнаго крестьянскаго населенія къ землевладѣльцамъ (по своей интенсивности несравненно превосходящая ненависть рабочихъ къ предпринимателямъ) дѣлаетъ совершенно невозможнымъ функціонированіе предпріятій, поскольку они остаются, хотя бы только формально въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Главный комитетъ толкается всей обстановкой къ спѣшной націонализаціи всей отрасли, которой грозитъ опасность полнаго разрушенія при безпорядочномъ захватѣ отдѣльныхъ предпріятій окрестнымъ населеніемъ и мѣстными органами Совѣтской власти.

Но и сельское хозяйство въ свою очередь связано съ сельскохозяйственными отраслями промышленности, требующими культурнаго земельнаго хозяйства, поднимающими поэтому его урожайность и снабжающими окрестное населеніе отбросами своего производства, крайне важными для его хозяйства.

Всѣ эти обстоятельства вызываютъ измѣненія структуры главнаго комитета: въ него и во всѣ его органы (въ томъ числѣ и въ правленія предпріятій) входятъ представители крестьянскихъ обществъ.

Къ этимъ условіямъ близко подходятъ условія въ отрасляхъ промышленности, связанныхъ съ лѣснымъ хозяйствомъ,—напр., въ писчебумажной.

Большое вліяніе на характеръ центра регулированія оказываетъ непрерывный или сезонный характеръ отрасли промышленности. Въ сезонныхъ отрасляхъ промышленности центръ регулированія опирается на сравнительно небольшую группу постоянныхъ рабочихъ, такъ какъ сезонные рабочіе въ виду текучести ихъ состава не могутъ дать своихъ пред-

ставителей въ центръ регулированія, и вслѣдствіе ихъ несвязанности съ предпріятіемъ, ихъ незаинтересованности въ длительномъ преуспѣяніи его, въ его судьбѣ, ихъ представительство не можетъ имѣть хоть въ отдаленной степени того значенія, которое имѣютъ представители постоянныхъ рабочихъ, самое существованіе которыхъ тѣсно связано съ существованіемъ предпріятія (какъ разъ во время разрухи эта связь ощущается особенно остро). Центръ регулированія опирается, такимъ образомъ, на сравнительно весьма узкій фундаментъ.

Еще важнѣе то обстоятельство, что фундаментъ этотъ качественно иной, чѣмъ въ постоянныхъ (несезонныхъ) отрасляхъ промышленности. Сезонные рабочіе, главная масса рабочихъ отрасли, это—рабочіе неквалифицированные (чернорабочіе) или малоквалифицированные. Напротивъ, постоянные рабочіе сезонной отрасли промышленности, это—рабочіе квалифицированные, иногда высококвалифицированные, рабочая аристократія, весьма нерѣдко политически отсталая. Въ результатѣ рабочіе, представители профессіональнаго союза въ центрѣ регулированія, не стоятъ на послѣдовательно пролетарской классовой точкѣ зрѣнія и проникнуты узкимъ профессіонализмомъ и стремленіемъ сохранить свое (относительно) привилегированное положеніе.

Оригинальное положеніе получается въ сельскохозяйственныхъ отрасляхъ промышленности. Сезонные рабочіе рекрутируются изъ окреснаго крестьянскаго населенія. Пролетаріи, постоянные рабочіе предпріятія, являются элементомъ привилегированнымъ по сравненію съ собственниками-крестьянами, и вражда послѣднихъ къ первымъ (доходящая иногда чуть не до ненависти) происходитъ не только по причинѣ противодѣйствія со стороны рабочихъ стремленію крестьянъ подѣлить (уравнительно) имущество предпріятія, но и изъ непріязни низшей категоріи сезонныхъ рабочихъ къ привилегированнымъ постояннымъ, хорошо оплачиваемымъ и пользующимся всякими льготами.

Характеръ (профессіональнаго) рабочаго представительства въ центрѣ регулированія, зависящій, разумѣется, отъ многихъ обстоятельствъ и помимо того, является ли отрасль промышленности сезонной или нѣтъ, вліяетъ въ необычайной мѣрѣ на характеръ центра регулпрованія, ибо въ большинствѣ случаевъ конкретный контроль надъ предпріятіями возможенъ лишь при активной поддержкѣ профессіональнаго союза и его представителей въ центрѣ регулированія и органахъ послѣдняго. Культурная и политическая отсталость опредѣленной профессіональной части рабочаго класса отражается самымъ печальнымъ образомъ и на соотвѣтственномъ центрѣ (пролетарскаго) регулированія. Въ этихъ случаяхъ единственнымъ коррективомъ является усиленіе представительства рабочаго класса въ цѣломъ, т.-е. его центральныхъ учрежденій; въ противномъ случаѣ центръ регулированія можетъ стать игрушкой въ рукахъ предпринимателей, независимо отъ того, входятъ ли ихъ представители въ главный комитетъ (управленіе), или нѣтъ.

Дѣятельность центра регулированія зависитъ прежде всего отъ того, въ какомъ отношеніи отрасль промышленности больше всего стѣснена. Разумѣется, работа по устраненію этихъ стѣсненій и составляетъ главную дѣятельность центра регулированія.

Для однѣхъ отраслей промышленности самымъ жгучимъ вопросомъ является вопросъ полученія сырья. Трудности его полученія зависятъ либо отъ отсутствія сношеній съ заграничными странами (напримѣръ, въ резиновой промышленности), либо отъ отдѣленія Украины, произведеннаго имперіалистскимъ насиліемъ (металлообрабатывающая промышленность, табачная и др.), либо отъ перерыва сношеній, вызваннаго контръ-революціонными возстаніями (хлопчатобумажная промышленность, коже-

венная и др.), либо отъ вліянія аграрнаго переворота, вызвавшаго возвратъ трудовыхъ крестьянъ къ натуральному хозяйству (сахарная промышленность, картофелетерочная, отчасти маслобойная и др.), либо вслѣдствіе разрушенія частно-торговаго закупочнаго аппарата, взамѣнъ котораго революція еще не успѣла создать другого (маслобойная промышленность, льняная и др.); наконецъ, вслѣдствіе ряда другихъ общихъ (напримѣръ, разстройство транспорта) и частныхъ причинъ.

Для другихъ отраслей промышленности самымъ острымъ является вопросъ топливный. Отсѣченіе Украины, перерывъ сношеній съ Ураломъ и занятіе или перерывъ сношеній съ нефтеносными районами создали топливный кризисъ для всѣхъ предпріятій, пользовавшихся каменнымъ углемъ или нефтью въ качествѣ топлива; въ благопріятномъ положеніи оказались предпріятія, пользовавшіяся мѣстнымъ углемъ, торфомъ, дровами или водяной силой. Иногда въ такомъ благопріятномъ положеніи оказываются цѣлыя отрасли промышленности (деревообдѣлочная, писчебумажная и др.).

Для третьихъ отраслей самый страшный вопросъ—продовольственный (напримѣръ, для торфянаго дѣла). Въ сравнительно счастливомъ положеніи оказываются сельскохозяйственныя отрасли промышленности, или расположенныя по преимуществу въ районахъ, богатыхъ продовольствіемъ.

Для четвертыхъ—труднѣе всего вопросы полученія оборудованія. Имперіалистская война принудила цѣлый рядъ отраслей промышленности къ интенсивнѣйшей работѣ, къ страшному изнашиванію оборудованія безъ того, чтобы предпріятія прерывали работу для ремонта. Въ лучшемъ положеніи оказались въ этомъ отношеніи сезонныя отрасли промышленности, гдѣ перерывы между сезонами могутъ быть использованы для ремонта.

Въ пятыхъ отрасляхъ промышленности труднѣйшими вопросами оказываются вопросы сбыта. Этого нѣтъ, конечно, въ тѣхъ отрасляхъ, которыя производятъ продовольственные продукты. Затрудненія сбыта зависятъ отъ разнообразныхъ причинъ: отъ прекращенія войны (напримѣръ, въ сѣрно-кислотной промышленности, не говоря о спеціально-военныхъ), отъ трудностей транспорта, разстройства торгово-распредѣлительнаго аппарата и др.

Въ зависимости отъ основной области затрудненій главный комитетъ (управленіе) направляетъ свою организаціонную дѣятельность преимущественно въ опредѣляемую наличностью этихъ затрудненій сторону. Одни создаютъ заготовочный (закупочный) аппаратъ, который долженъ замѣнить разрушенный частновладѣльческій, или организуютъ товарообмѣнъ съ Украиной; другіе занимаются созданіемъ агентуры для закупки нужнаго оборудованія въ Западной Европѣ или пытаются поставить его приготовленіе у насъ; третьи пытаются создать распредѣлительный аппаратъ или урегулировать сбытъ техническихъ продуктовъ, замѣнивъ сбытъ неорганизованный отдѣльнымъ предпріятіямъ сбытомъ организованнымъ цѣлымъ отраслямъ промышленности, и т. д.

Немалую роль играетъ и то обстоятельство, пришлось ли отрасли промышленности демобилизоваться (и вообще перестраиваться для новыхъ цѣлей), или нѣтъ. Въ условіяхъ перестройки и слѣдовательно ломки всего организаціоннаго аппарата перестройка технической части предпріятій, связанная съ демобилизаціей, необычайно затруднительна и крайне скверно отражается на дѣлѣ организаціи отрасли, удлиняя и затрудняя его и, какъ слѣдствіе этого, самую демобилизацію.

Характеръ работы главнаго комитета (управленія) зависитъ, наконецъ, и отъ того, въ ходу ли данная отрасль промышленности или стоитъ. Въ послѣднемъ случаѣ задача центра регулированія значительно упрощается и сводится къ принятію подготовительныхъ мѣръ (напр., въ це-

ментной промышленности, винокуренной и др.); наоборотъ, перестройка организаціи работающей отрасли промышленности связана съ необычайными трудностями.

Процессъ организаціи Народнаго Хозяйства начался съ поверхности хозяйственной жизни, съ распредѣленія продуктовъ. Значительная часть центровъ регулированія возникла по иниціативѣ совѣтскихъ продовольственныхъ организацій. Ихъ первоначальной цѣлью были урегулированіе распредѣленія и переходъ въ будущемъ къ государственной (торговой) монополіи. Нѣкоторые изъ центровъ регулированія застряли еще на этой стадіи своего развитія. Но съ укрѣпленіемъ этихъ организацій мѣняются и ихъ цѣли: онѣ углубляются, внѣдряются въ хозяйственную жизнь и переходятъ отъ области распредѣленія къ области производства, къ перестройкѣ самого фундамента капиталистическаго общества. Главные комитеты являются при этомъ переходными организаціонными формами, позволяющими подготовить полное обобществленіе средствъ производства. Процессъ соціальнаго перерожденія организаціи Народнаго Хозяйства, замѣны капиталистическаго управленія рабочимъ совершается одновременно въ тысячахъ мѣстъ, но для того. чтобы процессъ этотъ могъ дойти до конца, необходимо продолжить и завершить организаціонную работу капитализма, — работу уничтоженія раздробленности Народнаго Хозяйства. Главные комитеты являются самыми дѣйствительными орудіями этой организаціонной работы. Они связываютъ всѣ предпріятія отдѣльной отрасли промышленности въ одно цѣлое, производятъ дѣйствительный учетъ всего хозяйства данной отрасли, регулируютъ сначала внѣшнюю сторону ея дѣятельности—сбытъ ея продуктовъ, затѣмъ и основную—ихъ производство, связываютъ на совмѣстной работѣ всѣхъ работниковъ данной отрасли и путемъ подбора наиболѣе подходящихъ подготовляютъ переходъ къ высшей формѣ—главному управленію данной отрасли и къ первой фазѣ дѣйствительнаго пролетарскаго овладѣнія данной отраслью, къ полной ея національзаціи. Организуя отдѣльныя отрасли Народнаго Хозяйства и уничтожая для Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства необходимость имѣть дѣло съ хаотической массой отдѣльныхъ предпріятій, они создаютъ для него впервые возможность сознательной и планомѣрной дѣятельности, возможность созданія общаго хозяйственнаго плана и возможность его проведенія въ жизнь: они становятся чувствительными и двигательными нервами народно-хозяйственнаго организма, мозгомъ котораго является Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства; этотъ организмъ пока складывается: его имя—соціалистическое общество. Работа главныхъ комитетовъ есть, слѣдовательно, работа организаціи соціалистическаго хозяйства, и пока она протекаетъ въ рамкахъ пролетарскаго государства, работа организаціи экономической диктатуры пролетаріата, создающая твердую почву для его политической диктатуры.

Въ своей работѣ организаціи отраслей Народнаго Хозяйства главные комитеты объединяютъ не только дѣятельность предпріятій, бывшихъ до сихъ поръ капиталистическими (уничтожая при этомъ ихъ капиталистическую организацію), они объединяютъ также и хозяйственную дѣятельность органовъ прежняго помѣщичье-буржуазнаго государства, разрушая при этомъ старую государственно-хозяйственную организацію. Разрушенная пролетарской революціей государственно-хозяйственная организація класса помѣщиковъ и капиталистовъ была многообразно переплетена съ частно-капиталистическимъ хозяйствомъ Чуть не всѣ вѣдомства (министерства военное, морское, путей сообщенія, финансовъ, въ особенности водочная монополія, земледѣлія и рядъ болѣе мелкихъ учрежденій) содержали въ своемъ составѣ массу иногда крупнѣйшихъ хозяйственныхъ

организацій, во всѣхъ направленіяхъ перекрещивавшихся и сплетавшихся другъ съ другомъ и съ частными предпріятіями и синдикатами. Въ эту категорію необходимо отнести и хозяйственную дѣятельность буржуазно-помѣщичьихъ самоуправленій. Хозяйственная дѣятельность государства отражала въ себѣ хаотичность хозяйственной дѣятельности буржуазнаго общества.

Пролетаріатъ, овладѣвъ политической властью, вынужденъ былъ на первыхъ порахъ оставить петронутой хозяйственную организацію уничтоженнаго государства эксплоататоровъ и ея раздробленность. Центры регулированія, организуя соотвѣтственную отрасль Народнаго Хозяйства въ цѣломъ, уничтожаютъ и претворяютъ въ новую пролетарскую организацію не только частно-капиталистическую неорганизованность, но и полуорганизованное государственное хозяйство класса эксплоататоровъ.

И эта работа организаціи экономической диктатуры пролетаріата, пролетарскаго овладѣнія хозяйственной жизнью развертывается въ послѣдніе мѣсяцы все шире и глубже, вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ тяжелѣйшимъ условіямъ этой работы. Четыре года имперіалистской міровой войны разрушили организацію Народнаго Хозяйства страны и сильно подорвали ея матеріальные ресурсы истребленіемъ продуктовъ и живой человѣческой силы, хищническимъ использованіемъ фабрично-заводскаго оборудованія и природныхъ богатствъ. Революція, самая глубокая и всесторонняя, какую только видѣлъ до сихъ поръ міръ, еще больше разрушила Народное Хозяйство страны, особенно въ эпоху соглашательства, эпоху нерѣшительности революціи, не препятствовавшей саботажу буржуазіи, и даже захватъ власти пролетаріатомъ не могъ, несмотря на прекращеніе имперіалистской войны, немедленно пріостановить дальнѣйшій развалъ народнаго хозяйства, ибо для созданія новой организаціи народнаго хозяйства необходимо время, и время же требуется, чтобы всѣмъ стали видны результаты ея дѣятельности; наконецъ, капиталистическая контръ-революція поставила работу по организаціи народнаго хозяйства Совѣтской республики въ условія, которыхъ не выдержала бы никакая иная власть, кромѣ рабочей: германскій имперіализмъ лишилъ Совѣтскую республику главныхъ источниковъ продовольствія, топлива и металловъ, имперіализмъ англо-французскій черезъ чехо-словаковъ и при помощи возстаній россійской буржуазіи—почти всѣхъ остальныхъ источниковъ продовольствія и металловъ.

Вопреки всѣмъ этимъ трудностямъ, вопреки мелкобуржуазной стихіи, въ которой живетъ и дѣйствуетъ пролетаріатъ Россіи, вопреки его собственной инерціи, народное хозяйство Совѣтской республики организуется. Старая капиталистическая система народнаго хозяйства, капиталистическій способъ производства, ставшій препятствіемъ для развитія производительныхъ силъ страны, сломанъ, и строится новый.

Когда это строительство будетъ въ общихъ чертахъ закончено, развитіе производительныхъ силъ будетъ происходить безпрепятственно,—соціальная революція будетъ закончена. Но это еще впереди.

Однако и сейчасъ, поскольку частично,—напримѣръ, въ отдѣльной отрасли промышленности,—складывается новая пролетарская организація ея, центръ регулированія и его органы, она приступаетъ къ разрѣшенію техническихъ задачъ, прежде всего къ возстановленію стараго уровня техники, достигнутаго капитализмомъ и рѣзко пониженнаго войной, къ ремонту износившагося фабрично-заводскаго оборудованія. Капиталистическій способъ производства оказался подъ конецъ способнымъ только къ работѣ разрушенія, пролетарская организація народнаго хозяйства берется за его возстановленіе.

Ея стремленіе, неизбѣжное при разрухѣ и страшномъ истощеніи хозяйственныхъ ресурсовъ,—экономія, строжайшая экономія во всемъ. Она прибѣгаетъ поэтому къ перераспредѣленію сырья и оборудованія въ предѣлахъ данной отрасли, и иногда одно такое перераспредѣленіе оказывается достаточнымъ, чтобы обезпечить предпріятія, которымъ грозитъ остановка. Такое перераспредѣленіе есть одновременно реальное связываніе предпріятій въ одно цѣлое. Она прибѣгаетъ къ концентраціи производства, сосредоточенію его въ немногочисленныхъ, технически наиболѣе совершенныхъ предпріятіяхъ, при одновременномъ закрытіи массы мелкихъ технически нерацiональныхъ.

Пролетарская организація народнаго хозяйства не останавливается, однако, на этихъ мѣрахъ. Уже сейчасъ проводится специализація предпріятій, проводится и проведенъ рядъ техническихъ преобразованій. Пока это только первыя ласточки предстоящаго колоссальнаго подъема производительныхъ силъ, первыя ласточки грядущей технической революціи. Уничтоживъ капиталистическое рабство, соціальная революція пролетаріата подготовляетъ уничтоженіе послѣдняго рабства человѣчества—свержение Царя-Голода, который справляетъ теперь свои послѣднія оргіи.

Л. Крицманъ.

Списокъ центровъ регулированія, дѣйствующихъ и организующихся.

Центральный Текстильный Комитетъ.
Главный Лѣсной Комитетъ.
Главный Нефтяной Комитетъ.
Главный Угольный Комитетъ.
Главный Торфяной Комитетъ.
Главный Дровяной Комитетъ.
Центральный Чайный Комитетъ.
Главный Мучной Комитетъ.
Главный Комитетъ кондитерской промышленности.
Главное Управленіе Государственными Волжско-Камскими химическими заводами.
Главное Управленіе государственными резиновыми фабриками.
Главное Управленіе молочными предпріятіями.
Главный Комитетъ удобрительныхъ туковъ.
Главный Спичечный Комитетъ.
Главный Табачный Комитетъ.
Главный Комитетъ строительныхъ матеріаловъ.
Главный Стекольный Комитетъ.
Главный Бумажный Комитетъ.
Главный Сахарный Комитетъ.
Главный Комитетъ крахмально-паточной промышленности.
Главное Управленіе винокуренными заводами.
Главный Комитетъ маслобойной промышленности (растительныхъ маселъ).
Главный Комитетъ лако-красочной промышленности.
Главный Комитетъ красочной промышленности.
Главный Комитетъ химико-фармацевтической промышленности.
Главный Комитетъ мѣховой промышленности.
Главный Кожевенный Комитетъ.
Главный Мыльный Комитетъ.
Главное Управленіе мѣдеобрабатывающими заводами.
Комитетъ Государственныхъ Сооруженій.
Главное Управленіе костеобжигательными заводами.
Управленіе заводами группы Сормово-Коломна.

Примѣчаніе: Списокъ этотъ безусловно неполонъ.

Тезисы о Главныхъ Комитетахъ и В. С. Н. Х.

1. Переживаемая нынѣ соціальная революція пролетаріата выдѣвигаетъ въ качествѣ основной и потому жгучей задачи момента созданіе переходныхъ организаціонныхъ формъ экономическаго переворота.

2. Основнымъ орудіемъ, рычагомъ пролетарскаго экономическаго переворота является Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, этотъ созданный политическимъ переворотомъ полновластный органъ диктатуры пролетаріата въ сферѣ народнаго хозяйства, единый, какъ едино само народное хозяйство. Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства является пролетарскимъ завершеніемъ объединяющей организаціонной тенденціи эпохи финансоваго капитала, выражавшейся въ диктатурѣ банковскихъ концерновъ, переходившей въ диктатуру единаго государственно-капиталистическаго треста, а также въ единствѣ профессіональнаго и политическаго движенія рабочаго класса.

3. Коренными отличіями Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства отъ государственно-капиталистическаго треста являются: а) противоположная соціальная структура въ результатѣ смѣны диктатуры капитала диктатурой пролетаріата, б) ограниченіе сферой народнаго хозяйства — результатъ прозрачности (незамаскированности) пролетарской диктатуры и в) послѣдовательное и открытое расширеніе своей дѣятельности на все народное хозяйство и, слѣдовательно, уничтоженіе всѣхъ параллельныхъ организацій.

4. Реальными слагаемыми народнаго хозяйства являются отдѣльныя отрасли его, въ частности отдѣльныя отрасли промышленности. Главные Комитеты, объединенія отдѣльныхъ организованныхъ отраслей народнаго хозяйства являются пролетарскимъ завершеніемъ объединяющей организаціонной тенденціи монополистическаго капитализма, выражавшейся въ созданіи господствовавшихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства картелей, синдикатовъ и трестовъ, а также въ созданіи производственныхъ профессіональныхъ союзовъ,

5. Коренными отличіями Главныхъ Комитетовъ отъ капиталистическихъ картелей являются: а) противоположная соціальная структура, б) ограниченіе сферой соотвѣтствующей отрасли народнаго хозяйства (отказъ отъ захвата сырья, если оно не является сырьемъ исключительно для данной отрасли, отъ захвата средствъ транспорта и т. д.), в) отсутствіе права распоряженія продуктами, вырабатываемыми данной отраслью промышленности, г) отсутствіе права опредѣлять максимальные необходимые размѣры производства, д) полное уничтоженіе всѣхъ параллельныхъ организацій, е) полное и безусловное подчиненіе Высшему Совѣту Народнаго Хозяйства.

6. Въ соотвѣтственной отрасли народнаго хозяйства Главный Комитетъ является полновластнымъ органомъ пролетарской диктатуры въ рамкахъ указаній и предписаній Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства и во всѣхъ дѣлахъ соотвѣтственной отрасли подчиненъ исключительно послѣднему. Отвлеченное (абстрактное) порожденіе пролетарской революціи. Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства приступаетъ черезъ Главные Комитеты къ реальному (конкретному) овладѣнію хозяйственной жизнью.

7. Въ основу взаимоотношеній между Высшимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства и Главными Комитетами кладутся строжайшая централизація, требуемая единствомъ народнаго хозяйства, и самодѣятельность Главныхъ Комитетовъ, безъ которой немыслима эта централизація. Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства обязательно разсматриваетъ: а) общій планъ работы и смѣту отрасли промышленности, б) всѣ законодательные акты, проектируемые Главнымъ Комитетомъ, в) всѣ вопросы, переносимые въ В. С. Н. Х. его представителями въ Главномъ Комитетѣ, располагающими неограниченнымъ правомъ veto, и, наконецъ, г) вопросы, переносимые въ В. С. Н. Х. самимъ Главнымъ Комитетомъ. Всѣ остальные вопросы отрасли промышленности рѣшаются Главнымъ Комитетомъ въ окончательной формѣ. Революціонный по-содержанію Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства практиковалъ до сихъ поръ унаслѣдованныя формы реакціоннаго бюрократизма, этого лжецентрализма, результатомъ чего были перегруженность В. С. Н. Х. случайный характеръ его работъ, отсутствіе руководства съ его стороны, пассивность или дѣйствія наобумъ со стороны низшихъ инстанцій; этотъ бюрокра-

тизмъ поддерживался естественнымъ въ первый моментъ недовѣріемъ къ еще находившимся въ стадіи организаціи подчиненнымъ органамъ, становящимся теперь недовѣріемъ къ силамъ революціи.

8. Самодѣятельность Главныхъ Комитетовъ невозможна, если они не являются организаціями свободными въ канцелярско-организаціонномъ отношеніи, т.-е. если они не занимаютъ отдѣльнаго помѣщенія, не имѣютъ собственной канцеляріи и т. п. Организаціи дѣйствующія должны быть вырваны изъ тисковъ мнимой централизаціи.

9. Главные Комитеты являются объединеніемъ всѣхъ активно дѣйствующихъ въ соотвѣтственной отрасли народнаго хозяйства силъ: проф. союза рабочихъ, техническаго и административнаго персонала, научно-техническихъ силъ, В. С. Н. Х. и соотвѣтствующихъ Народныхъ Комиссаріатовъ... только въ такомъ случаѣ возможно дѣйствительное ознакомленіе со всѣми элементами строящейся организаціи. Проведеніе послѣдовательной диктатуры пролетаріата обезпечивается большинствомъ въ $^2/_3$ представителей рабочаго класса. Согласно принципу вся власть всему пролетаріату въ цѣломъ, только половина (т.-е. $^1/_3$ всего числа) предоставляется профессіональному союзу, другая же половина — Центральнымъ Совѣтскимъ учрежденіямъ (предотвращеніе борьбы отраслей между собою).

10. Характеръ Главнаго Комитета неизбѣжно зависитъ отъ характера отрасли промышленности. Въ высокоорганизованныхъ (концентрированныхъ и централизованныхъ) капитализмомъ отрасляхъ Главный К-тъ будетъ переходить въ Главное (Центральное) Управленіе предпріятіями отрасли. Въ зависимости отъ характера отрасли можетъ быть необходимымъ представительство мелкихъ производителей сырья (крестьянъ, кустарей, кооперативовъ, ремесленниковъ, мелкихъ предпринимателей), организацій потребителей, представительство районовъ. Въ зависимости отъ того же фактора можетъ оказаться необходимой организація районныхъ комитетовъ.

11. Въ случаѣ преобладанія въ опредѣленной отрасли частныхъ предпріятій, націонализація которыхъ пока невозможна (основная задача пролетаріата — овладѣніе крупной промышленностью), слѣдуетъ явное представительство предпринимателей въ лицѣ ихъ Всероссійскаго объединенія предпочесть скрытому (подъ именемъ представительства технич.-административнаго персонала): это Всероссійское объединеніе должно быть объединеніемъ крѣпостныхъ, отвѣтственныхъ круговой порукой передъ Главнымъ Комитетомъ за выполненіе его предписаній (принудительное синдицированіе и трестированіе). Задача пролетаріата — устраненіе предпринимателей изъ предпріятій, а не закрываніе глазъ и перекрашиваніе вывѣсокъ.

12. Составъ Главныхъ Комитетовъ долженъ быть достаточно многочисленнымъ и включать всѣ необходимыя учрежденія, чтобы облегчить немногочисленному работающему органу содѣйствіе всѣхъ учрежденій и подборъ работниковъ, обезпечивая его достаточнымъ резервомъ; отсутствіе такой гибкости ведетъ иногда къ полной невозможности развернуть работу.

13. Главнѣйшія опасности, скрывающіяся въ организаціонной формѣ Главныхъ Комитетовъ: а) первая: превращеніе въ государственно-капиталистическіе тресты; средства борьбы — привлеченіе въ достаточномъ количествѣ лучшихъ представителей проф. союза и всемѣрное обслуживаніе работниками Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства; б) вторая: столкновенія между Главными Комитетами (анархія производства); средства борьбы — строжайшее подчиненіе Главныхъ Комитетовъ, находящихся въ томъ же городѣ, что и послѣдній, Высшему Совѣту Народнаго Хозяйства, имъ непосредственно (черезъ своихъ представителей въ Главномъ Комитетѣ, располагающихъ правомъ veto) и непрерывно руководимыхъ и контролируемыхъ; дѣйствительная передача распоряженія сырьемъ и фабрикатами отрасли въ руки Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства.

14. Основы успѣха работы Главныхъ Комитетовъ — уничтоженіе анархіи хозяйственной жизни, строжайшая централизація всей отрасли, уничтоженіе самостоятельности предпріятій и районовъ, т.-е. преодолѣніе распада Народнаго Хозяйства на районы, являющагося проявленіемъ разложенія капитализма (порожденнаго имперіалистской міровой войной, т.-е. кризисомъ капитализма).

Тезисы о районныхъ С. Н. Х. и В. С. Н. Х.

1. Въ періодъ организаціи В. С. Н. Х. районные С. Н. Х., не допуская дальнѣйшаго развала народнаго хозяйства, распаденія его на еще болѣе мелкіе районы, являются органами экономической диктатуры въ своемъ районѣ.

2. Въ тѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, которыя В. С. Н. Х. удается вновь объединить на всемъ пространствѣ Совѣтской Республики, районные С. Н. Х. являются его исполнительными и контрольными органами.

3. Задачи районныхъ С. Н. Х.:

а) выработка плановъ цѣлесообразнаго координированія (объединенія и взаимнаго согласованія) отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства въ предѣлахъ района;

б) участіе въ районныхъ органахъ Главныхъ Комитетовъ (путемъ делегированія представителей);

в) участіе въ заводоуправленіяхъ націонализированныхъ предпріятій;

г) контроль надъ органами Главныхъ Комитетовъ, при чемъ пріостановка ихъ дѣйствій недопустима, а лишь обжалованіе въ В. С. Н. Х.;

д) содѣйствіе органамъ Главныхъ Комитетовъ.

4. Длительная самостоятельность районныхъ С. Н. Х., хотя бы съ подчиненіемъ ихъ общему руководству В. С. Н. Х. (т.-е. отказъ отъ организаціи по отраслямъ), реакціонна, ибо:

а) консервируетъ районы, т.-е. разложеніе народнаго хозяйства;

б) уродуетъ рядъ отраслей, такъ какъ общіе для всѣхъ отраслей районы образовать невозможно и неизбѣжно принимаются во вниманіе только наиболѣе важныя для района отрасли;

в) дѣлаетъ возможной борьбу районовъ, въ виду ихъ относительной независимости другъ отъ друга, такъ какъ районы включаютъ всѣ, или почти всѣ важныя отрасли народнаго хозяйства, распоряжаются сырьемъ и продуктами, географически отдалены отъ центра, и уже потому не могутъ быть непрерывно и непосредственно руководимы и контролируемы В. С. Н. Х.;

г) нерационально используетъ спеціалистовъ: не для всей отрасли и не только по ихъ спеціальности, т.-е. не въ полной мѣрѣ *).

---

*) *Прим. ред.* Редакція оговаривается, что она не согласна съ нѣкоторыми тезисами тов. Крицмана.

Общія задачи экономической диктатуры и основные этапы экономическаго строительства.

I.

Общая цѣль экономической диктатуры пролетаріата и его хозяйственнаго строительства есть превращеніе капиталистическаго хозяйства въ соціалистическое.

Что такое соціалистическое хозяйство? Первой характерной чертой его является то, что всѣ средства производства составляютъ собственность всего общества трудящихся въ цѣломъ; не собственность отдѣльныхъ капиталистовъ, которымъ противостоитъ масса лишенныхъ собственности пролетаріевъ, продающихъ капиталистамъ свою рабочую силу, но также и не собственность единичныхъ непосредственныхъ производителей, или группъ такихъ производителей. Соціалистическое хозяйство составляетъ поэтому единое цѣлое какъ бы одно большое предпріятіе, руководимое единымъ центромъ по общему сознательно выработанному хозяйственному плану; оно не является совокупностью отдѣльныхъ предпріятій, руководимыхъ независимыми «хозяевами», конкурирующими другъ съ другомъ и скрывающими другъ отъ друга свои хозяйственные планы и методы производства. Задача соціалистическаго хозяйства—не обогащеніе отдѣльныхъ личностей и увеличеніе принадлежащаго имъ капитала, а наиболѣе полное и цѣлесообразное использованіе общественныхъ производительныхъ силъ для удовлетворенія потребностей общества трудящихся. Связь между отдѣльными производственными единицами (фабриками, заводами, сел.-хоз. коммунами), входящими въ составъ хозяйственной системы, связь между этими производственными ячейками и потребителями устанавливается не черезъ рынокъ, не путемъ стихійной и слѣпой игры спроса и предложенія. Рынокъ уничтожается, продукты перестаютъ быть товарами, деньги умираютъ. Товарообмѣнъ замѣняется сознательнымъ планомѣрнымъ распредѣленіемъ и передвиженіемъ продуктовъ между заводами, снабжающими другъ друга матеріалами для дальнѣйшей обработки, и между заводами и непосредственными потребителями. Наконецъ, присвоеніе предметовъ личнаго потребленія опредѣляется не «платежеспособностью» покупателя, зависящей въ первую голову отъ его «имущественнаго положенія», отъ его положенія, какъ собственника. Каждый членъ трудового общества получаетъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей изъ общественнаго продукта, въ производствѣ котораго онъ участвовалъ. На первыхъ ступеняхъ развитія его

доля зависитъ отъ размѣра выполненнаго имъ труда, въ дальнѣйшемъ при переходѣ къ развитому коммунизму она опредѣляется размѣромъ его личныхъ потребностей.

Создать такую систему хозяйства есть общая цѣль, общая задача Совѣтской власти, Правительства Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики. Эта цѣль достигается на путяхъ соціалистической революціи, ожесточенной классовой борьбы, въ которой пролетаріатъ путемъ диктатуры низвергаетъ и даже уничтожаетъ, какъ классъ, своего вѣковѣчнаго противника—буржуазію, классъ капиталистовъ.

Какъ же это дѣлалось и дѣлается, и какія основныя задачи возникаютъ на этомъ пути?

Этихъ основныхъ задачъ три. Первая изъ нихъ, предварительная классово-стратегическая задача — захватъ рѣшающихъ центровъ капиталистическаго хозяйства и установленіе пролетарской диктатуры во всѣхъ его звеньяхъ и ячейкахъ. Далѣе выдвигается задача перестройки отношеній производства и распредѣленія. Подчиненные господству пролетаріата, центры и ячейки перестраиваются на новый ладъ, между ними налаживаются новыя связи. Эта реорганизація стремится создать изъ массы независимыхъ предпріятій единообразную планомѣрно изъ центра руководимую рабочимъ классомъ систему. Многіе аппараты при этомъ приходится достраивать заново, ибо они, такъ сказать, не предусмотрѣны конституціей буржуазнаго общества. Наряду съ двумя первыми задачами выдвигается третья, къ выполненію которой въ широкихъ размѣрахъ можно приступить лишь послѣ того, какъ будетъ выполнена значительная часть двухъ первыхъ: это—дѣловая технически-организаціонная работа, имѣющая цѣлью сохранить и развить производительность общественныхъ предпріятій и обезпечить рабочій классъ всѣмъ необходимымъ. Въ простѣйшей своей формѣ (поддержаніе хода производства, снабженіе рабочихъ хлѣбомъ и пр.) эта работа также является классово-стратегической необходимостью. Вослѣдствіи она выдвигается, какъ обширная и самостоятельная задача.

Но каковы же тѣ пункты и ячейки, которые надо захватывать, перестраивать, развивать? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны памѣтить тѣ основныя сферы, области капиталистическаго хозяйства, которыя являются исходными точками строительной работы пролетаріата.

Такихъ сферъ мы можемъ памѣтить пять. Это, во-первыхъ, сфера кредита и денежнаго обращенія, сфера господства банковаго капитала, руководящимъ центромъ которой являются банки. Во-вторыхъ, область производства, сфера приложенія промышленнаго капитала, узлами которой являются промышленные тресты и синдикаты или руководящіе аппараты крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Въ-третьихъ, область товарнаго обращенія, сфера приложенія торговаго капитала, въ которой господствуютъ тѣ же синдикаты, крупныя торговыя фирмы и центры государственно-капиталистическихъ монополій. Изъ этой области мы выдѣляемъ низшія звенья товарнаго обращенія, обмѣнъ между розничными торговцами и непосредственными потребителями. Низшее товарное обращеніе вмѣстѣ съ личнымъ потребленіемъ составляетъ четвертую область, въ которой государственный капитализмъ за время войны создалъ цѣлую систему распредѣлительныхъ и нормирующихъ потребленіе аппаратовъ (продовольственная организація, карточная система, общественныя булочныя, столовыя, кухни и пр.). Тотъ же государственный капитализмъ

на Западѣ создалъ также организацію рынка рабочей силы, производилъ учетъ рабочей силы, ввелъ трудовую повинность и построилъ особыя бюро, вѣдающія распредѣленіемъ товара—рабочей силы—между фабриками и заводами.

Таковы основныя области капиталистическаго хозяйства. Но предѣлы господства капиталистическихъ отношеній не совпадаютъ съ границами народнаго хозяйства. Деревенское сельское хозяйство, малопроникнутое капиталистическими отношеніями, составляетъ по отношенію къ капиталистическому городу какъ бы особую область со своеобразными отношеніями производства и распредѣленія. Задачи соціалистическаго строительства въ деревнѣ составляютъ предметъ другихъ очерковъ настоящаго сборника. Намъ здѣсь придется останавливаться только на вопросѣ объ обмѣнѣ между городомъ и деревней, поскольку этотъ обмѣнъ составляетъ часть капиталистическаго обращенія.

Съ другой стороны, каждое капиталистическое «національное хозяйство», противопоставленное другимъ «національнымъ хозяйствамъ», составлять лишь часть мірового хозяйства. Вопроса объ организаціи внѣшней торговли или, выражаясь соціалистическимъ языкомъ, международнаго обмѣна мы также должны касаться въ общихъ чертахъ.

II.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ каждую изъ намѣченныхъ нами областей для того, чтобы выяснить ея специфическія особенности и тѣ специфическія задачи, которыя возникаютъ въ каждой изъ нихъ при выполненіи основныхъ задачъ перестройки капиталистическаго хозяйства.

Область кредита и денежнаго обращенія—это нервная система капиталистическаго хозяйства, банки—это его мозгъ. Огромное значеніе банковъ опредѣляется прежде всего тѣмъ, что они являются центрами, стягивающими и распредѣляющими ссудный капиталъ. Они финансируютъ крупныя промышленныя и торговыя предпріятія, снабжаютъ ихъ денежнымъ капиталомъ, этимъ primus motor (первымъ двигателемъ) производства и обращенія. Банки держатъ въ своихъ рукахъ денежный мѣшокъ капиталистическаго хозяйства, а кто держитъ его въ своихъ рукахъ, тотъ руководитъ всѣмъ.

Имѣя въ своихъ «портфеляхъ» рѣшающее количество акцій всѣхъ крупныхъ предпріятій, магнаты финансоваго капитала въ дѣйствительности руководятъ всѣмъ производствомъ и обращеніемъ, открываютъ, закрываютъ, сливаютъ предпріятія, диктуютъ имъ производственныя программы, регулируютъ ихъ сбытъ, и т. д.

Концентрируя въ своихъ рукахъ весь капиталистическій кредитъ, банки превращаются въ центральный расчетный аппаратъ между капиталистами. Этотъ расчетъ, правда, имѣетъ весьма запутанный и искусственный характеръ, такъ какъ въ него входитъ рядъ чисто фиктивныхъ операцій, но это, въ концѣ-концовъ, единственная форма расчета, которая могла быть создана капиталистическимъ обществомъ.

Руководя движеніемъ фиктивныхъ цѣнностей и фиктивныхъ капиталовъ, банки объединяютъ интересы всѣхъ получателей нетрудового дохода (владѣльцевъ земельной ренты, промышленныхъ привилегій, авторскихъ правъ и пр.), а потому превращаются въ центръ, объединяющій дѣйствія всѣхъ сторонниковъ буржуазнаго порядка, въ питательный центръ всѣхъ общественныхъ и политическихъ организацій, поддерживающихъ этотъ порядокъ.

Овладѣть банками поэтому—первая классово-стратегическая задача, которую долженъ выполнить возставшій рабочій классъ. Онъ долженъ прежде всего занять эту командную вышку капиталистическаго хозяйства, хотя бы въ новомъ хозяйственномъ строѣ она и утратила свое руководящее значеніе.

Работа по организаціи банковъ въ дальнѣйшемъ выдвигаетъ слѣдующія задачи:

Прежде всего банки должны быть объединены, и операціи ихъ централизованы (напр., всѣ текущіе счета одного лица въ разныхъ банкахъ должны быть сведены въ одинъ счетъ).

Всѣ операціи съ фиктивными цѣнностями (напр., по залогу цѣнныхъ бумагъ) ликвидируются, что непосредственно вытекаетъ изъ уничтоженія государственнаго долга и націонализаціи средствъ производства.

Финансированіе концентрируется въ единомъ Народномъ банкѣ, при чемъ это финансированіе принимаетъ все болѣе характеръ ассигнованія пролетарскимъ государствомъ средствъ на веденіе дѣла въ смѣтномъ порядкѣ. Кредитъ, какъ частно-правовое отношеніе между банкомъ и предпріятіемъ, все болѣе замѣняется отношеніемъ общественно-правовымъ, выдачей средствъ подъ отчетъ на общественнополезныя предпріятія.

Банкъ все болѣе превращается въ центральную кассу и въ центральный финансово-расчетный аппаратъ, изъ которыхъ и въ которые производятся всѣ платежи государства, его учрежденій и предпріятій, и черезъ которые производится непосредственный расчетъ между ними путемъ переписыванія со счета на счетъ.

Простѣйшія операціи—вклады на текущій счетъ и переводы—сохраняются, и развитіе чековой операціи имѣетъ цѣлью сократить обращеніе денежныхъ знаковъ и подготовить переходъ къ безденежному обороту путемъ бухгалтерскихъ записей и расчета квитанціями.

Мы должны здѣсь отмѣтить, что банкамъ, кромѣ организаціи чисто-финансоваго расчета, въ первые дни октябрьской революціи ставилась задача организовать центральную общественную бухгалтерію, которая учитывала бы весь ходъ производства и обращенія и подводила бы балансъ состоянію всѣхъ частей производственнаго аппарата и всѣхъ его отдѣльныхъ единицъ. Впослѣдствіи выяснилось, что эта задача должна быть возложена на другіе органы.

III.

Если банки—мозгъ, то производство—живая сердцевина, питательный аппаратъ капиталистическаго хозяйства. Банки регулируютъ движеніе цѣнности, производство создаетъ мѣновую цѣнность, добываетъ и обрабатываетъ потребительныя цѣнности. Производство—основная база всякаго общества, отношенія производства опредѣляютъ весь строй общественныхъ отношеній, отъ правильнаго хода производства зависитъ самое существованіе пролетаріата, зависитъ его классовая судьба. Разстройство производства разлагаетъ, деклассируетъ пролетаріатъ, лишаетъ его политической силы.

Особенно важное хозяйственное и общественное значеніе имѣютъ основныя отрасли производства: производство угля, нефти, руды, желѣза, машинъ, химическихъ веществъ, текстильная промышленность и транспортъ. Во всѣхъ отрасляхъ особое значеніе имѣютъ крупныя предпріятія, объединяющія массы наиболѣе развитыхъ рабочихъ.

Овладѣть рѣшающими центрами и рѣшающими отраслями производства—важная классово-стратегическая задача. Руководители ихъ непосредственно распоряжаются судьбами рабоча-

го класса. Въ ихъ рукахъ скопляются большія массы денежнаго капитала, который является не только двигателемъ промышленности, но и «нервомъ всѣхъ вещей», нервомъ политики.

Эта задача весьма важна, но рѣшить ее гораздо труднѣе, чѣмъ овладѣть банками. Банки значительно болѣе централизованы; они дѣлаютъ чисто бумажную работу. Овладѣніе же производствомъ сразу ставитъ передъ новыми руководителями сложныя матеріально-техническія задачи. Въ особенности это надо сказать о Россіи, гдѣ управленіе производствомъ къ началу революціи не было централизовано въ рукахъ трестовъ, а существовавшіе синдикаты дѣйствовали преимущественно въ области обращенія. Нужно было овладѣвать цѣлымъ рядомъ предпріятій, управляющіе центры которыхъ (правленія, дирекціи) были независимы другъ отъ друга. На первыхъ порахъ поэтому надо было ограничиться полнымъ захватомъ лишь немногихъ крупнѣйшихъ предпріятій. Во всѣхъ прочихъ приходилось, не отстраняя непосредственно старыхъ руководителей, учредить надъ ними классовую опеку, которая должна была служить школой для будущихъ новыхъ руководителей производства (рабочій контроль).

Полное овладѣніе всей системой производственныхъ ячеекъ поэтому совпадало съ работой по ихъ коренной реорганизаціи, т.-е. съ задачей второго порядка. Эта работа шла параллельно съ построеніемъ высшихъ центровъ связи и руководства.

Спеціальными технически-организаціонными задачами въ области производства должны быть созданіе единообразнаго, централизованнаго, сплошного учета производства, постановка правильнаго расчета его (выработка такъ-наз. производственныхъ программъ) и, наконецъ, выработка общаго дѣлового плана производства и распредѣленія, программы взаимнаго приспособленія производства и снабженія въ разныхъ отрасляхъ къ ихъ потребностямъ и къ требованіямъ потребителей. Кромѣ этой «бумажной» работы, необходимы непосредственныя технически-организаціонныя мѣропріятія для устраненія разрухи и подъема производительныхъ силъ: сосредоточеніе производства на лучшихъ (преимущественно крупнѣйшихъ) предпріятіяхъ, специализація заводовъ (постановка на нихъ производства только одного какого-нибудь продукта), нормализація производства (т.-е. приведеніе производства на заводахъ одной и той же отрасли къ одному типу продукта, уничтоженіе разносортности товаровъ), болѣе совершенная организація труда, подъемъ трудовой дисциплины и пр.

IV.

Товарное обращеніе было кровеносной системой капиталистическаго хозяйственнаго организма. Оно осуществляло общественный обмѣнъ веществъ, необходимый во всякой системѣ общественнаго хозяйства. Нарушеніе обмѣна немедленно влечетъ за собой разстройство производства, такъ какъ оно разстраиваетъ снабженіе фабрикъ и заводовъ средствами производства. Оно тотчасъ же разстраиваетъ и личное потребленіе, обрекаетъ рабочій классъ на недопотребленіе, иногда на голодъ. Особенно отрицательно вліяетъ на производительное и личное потребленіе нарушеніе обмѣна между городомъ и деревней. Оно затрудняетъ притокъ въ городъ сырья и хлѣба.

Уже изъ этого ясно важное классово-стратегическое значеніе организаціи обращенія. Поскольку же въ извѣстный моментъ нѣтъ объективной возможности разрѣшить потребительскій кризисъ путемъ поднятія производства, поскольку волей-неволей приходится жить въ значительной

мѣрѣ изъ стараго товарнаго запаса, правильная организація учета и распредѣленія товаровъ пріобрѣтаетъ особую важность.

При организаціи обращенія можно различать: 1) центральное распредѣленіе средствъ производства, 2) центральное распредѣленіе промышленныхъ продуктовъ личнаго потребленія и 3) центральную организацію по обмѣну между городомъ и деревней; послѣдняя организація получаетъ отъ двухъ первыхъ товары для сбыта въ деревню и въ то же время объединяетъ закупку въ деревнѣ сырья и продовольствія для городовъ. Эти три вида организаціи должны различаться между собой по постановкѣ дѣла и по сложности задачи, которая идетъ въ возрастающемъ порядкѣ отъ перваго ко второму и третьему.

«Стратегически» важнѣйшая задача въ условіяхъ современной разрухи есть быстрая и правильная постановка послѣдняго вида распредѣлительной организаціи, вѣдающей обмѣномъ между городомъ и деревней (она строится въ тѣсной связи съ построеніемъ низшаго распредѣлительнаго аппарата). Особенное значеніе здѣсь имѣетъ правильная постановка продовольственнаго дѣла. Организація хлѣбной монополіи является образчикомъ для постановки распредѣлительнаго аппарата. Государство объединяетъ въ своихъ рукахъ всю закупку хлѣба, устанавливая на него обязательныя «твердыя» цѣны. Организуется рабочая продовольственная агентура, выдѣляемая низшими распредѣлительными организаціями (или рабочими союзами). Эта агентура устанавливаетъ прямую и постоянную связь города съ деревней.

По овладѣніи существующими распредѣлительными центрами (синдикатами, государственными «совѣщаніями» и комитетами) на всѣ промышленные товары вводятся государственныя монополіи, основанныя на учетѣ товаровъ у источниковъ производства и на складахъ. Центры монополій при помощи особыхъ агентовъ (ихъ надо вербовать либо въ средѣ професс.-производственныхъ союзовъ, либо въ средѣ рабочихъ кооперативовъ) распредѣляютъ продукты по твердымъ цѣнамъ, сносясь съ соотвѣтствующими производственными центрами и съ центрами низшей распредѣлительной организаціи.

Организаціонная работа въ области обращенія по необходимости должна развиваться очень медленно, ибо: 1) она опирается на овладѣніе производствомъ; 2) торговля въ Россіи, и особенно поскольку она связана съ деревней, всего менѣе централизована, а потому требуетъ большихъ организаціонныхъ усилій и большого числа агентовъ [1]); 3) торговое дѣло еще больше, чѣмъ банковое, можетъ обходиться безъ громоздкаго аппарата, и потому, особенно въ формѣ мелкой и спекулятивной торговли, поддается съ трудомъ охвату рабочимъ классомъ; 4) въ области обращенія реорганизующая работа въ то же время есть непосредственно дѣловая работа.

Только доведеніе ея до конца обезпечиваетъ соціалистическое хозяйство отъ мелкобуржуазнаго перерожденія, къ которому можетъ привести появленіе новыхъ мелкихъ капиталовъ, создаваемыхъ спекулятивной торговлей. Дѣловая работа въ этой области есть важная классово-стратегическая работа по обезпеченію «тыла» соціалистическаго хозяйства отъ буржуазнаго разложенія.

V.

Реорганизація низшаго товарнаго обращенія и личнаго потребленія имѣетъ значеніе прежде всего въ томъ смыслѣ, что она обезпечиваетъ благосостояніе рабочихъ массъ (классово-

[1]) Опытъ показываетъ, что при распредѣленіи продуктовъ личная связь съ получателями и поставщиками необходима; только соціалистическая агентура сильно отличается отъ буржуазнаго коммивояжерства.

стратегическая сторона), организуетъ присвоеніе на соціалистическихъ началахъ и лишаетъ буржуазію возможности реализовать свой нетрудовой доходъ и уцѣлѣвшіе остатки денежнаго капитала.

Эта работа, также чисто-дѣловая по преимуществу, гораздо проще, чѣмъ организація производства и центральнаго распредѣленія. Капиталистическое государство за время войны создало уже низшіе и промежуточные распредѣлительные аппараты (продовольственная организація), потребители организованы въ кооперативы, примыкающіе къ продовольственной организаціи. Рабочія массы непосредственно участвуютъ въ этой работѣ, съ которой онѣ безъ труда справляются.

Важной классово-стратегической задачей въ этой области является переходъ въ руки рабочаго класса всѣхъ низшихъ распредѣлительныхъ ячеекъ (продовольственныхъ комитетовъ, кооперативовъ, мелочныхъ лавокъ). Эти аппараты должны перейти въ вѣдѣніе такъ-наз. потребительскихъ коммунъ, которыя образуются изъ бывшихъ кооперативовъ. Господство въ коммунахъ обезпечивается за рабочими. Коммуны должны выдѣлять изъ своей среды агентовъ для распредѣлительной организаціи. Продукты распредѣляются по классовымъ нормамъ (пайкамъ), повышеннымъ для рабочихъ, пониженнымъ для нетрудящихся. Черезъ посредство коммунъ организуется правильный учетъ потребности общества въ предметахъ личнаго потребленія.

Существенной классово-стратегической задачей здѣсь является также обобществленіе и перераспредѣленіе жилищъ, которое одновременно есть дѣловое разрѣшеніе жилищнаго вопроса. Рабочіе переселяются въ большіе, хорошо оборудованные буржуазные дома (которые, кстати сказать, всегда имѣютъ и военно-стратегическое значеніе при вооруженной борьбѣ на улицахъ городовъ). Это непосредственно повышаетъ благосостояніе борющагося пролетаріата и способствуетъ ослабленію, деклассаціи буржуазіи.

Дальнѣйшія задачи—это техническія улучшенія въ области личнаго потребленія, связанныя съ обобществленіемъ всѣхъ предпріятій, продуктъ которыхъ непосредственно потребляется. Потребительскія коммуны (и другія рабочія организаціи) открываютъ дешевыя и гигіеничныя общественныя столовыя взамѣнъ буржуазныхъ ресторановъ, устраиваютъ общія кухни въ общественныхъ домахъ и пр.

Распредѣленіе рабочей силы—для Россіи вопросъ второстепеннаго значенія. Учетъ рабочей силы и трудовая повинность не являются настоятельной необходимостью, ибо притокъ необученной рабочей силы изъ деревни всегда обезпеченъ. Что касается обученной рабочей силы, то и она имѣется въ излишкѣ, изъ-за разстройства промышленности. Какъ стимулъ, побуждающій къ работѣ, трудовая повинность вполнѣ замѣняется трудовой дисциплиной, проводимой профессіональными союзами.

Частичное примѣненіе трудовой повинности оказывается необходимымъ при мобилизаціи пролетаріата для общественныхъ нуждъ (посылка продовольственныхъ агентовъ въ деревню, посылка агитаторовъ на фронтъ и пр.) Она можетъ имѣть примѣненіе къ буржуазіи, и особенно къ буржуазнымъ спеціалистамъ-интеллигентамъ (инженерамъ, техникамъ и т. п.). Буржуазію трудовая повинность привлекаетъ къ производительному труду, спеціалистовъ она лишаетъ возможности саботировать. Введеніе классоваго пайка обезпечиваетъ осуществленіе трудовой повинности для буржуазіи. Въ такомъ же смыслѣ должно дѣйствовать введеніе такъ-наз. бюджетно-трудовыхъ книжекъ, которыми долженъ быть снабженъ каждый членъ потребитель-

ской коммуны и въ которыхъ отмѣчаются, съ одной стороны, полученные имъ продукты потребленія, а съ другой—выполненная имъ, по указанію профессіональнаго союза, работа. Классовые пайки и бюджетно-трудовыя книжки—новая форма карточной системы, создаваемая диктатурой пролетаріата.

Хотя мѣры въ области распредѣленія рабочей силы и не имѣютъ первоочереднаго значенія, но съ развитіемъ организаціонной и дѣловой работы онѣ могутъ выдвинуться впередъ и въ соціалистической Россіи.

Объ организаціи обмѣна между городомъ и деревней говорилось выше. Здѣсь надо еще отмѣтить, что потребительскія коммуны должны быть организованы и въ деревнѣ. Только здѣсь онѣ должны быть закупочно-потребительскими коммунами, которыя одновременно распредѣляютъ городскіе товары и собираютъ хлѣбъ и сырье для отправки въ городъ. Крестьянская бѣднота при содѣйствіи рабочихъ агентовъ, присланныхъ изъ города, должна взять въ свои руки существующіе кредитные, сел.-хоз. и потребительскіе кооперативы и создать изъ нихъ единую организацію. Черезъ такія организаціи можетъ происходить снабженіе деревенскихъ производительныхъ коммунъ средствами производства и денежными пособіями отъ государства.

Что касается внѣшней торговли, то монополизація ея государствомъ есть необходимая стратегическая мѣра. При неограниченной свободѣ ввоза и вывоза иностранный капиталъ можетъ легко разстроить всю соціалистическую организацію производства и обращенія.

Монополизація внѣшней торговли производится безъ труда при существованіи таможенныхъ границъ и таможенной охраны. Для осуществленія этой монополіи создается государственный центръ по ввозу и вывозу, который работаетъ въ тѣсной связи съ органами центральнаго распредѣленія.

Всѣ намѣченныя нами выше задачи могутъ быть осуществлены только въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Уже на послѣднихъ стадіяхъ развитія капитализма дѣленіе на области хозяйства стало весьма условнымъ: финансовый капиталъ объединилъ руководство банками, промышленностью и торговлей, слилъ вмѣстѣ отдѣльныя разновидности капитала. Соціалистическое хозяйство должно строиться какъ вполнѣ единое цѣлое. Поэтому однимъ изъ первыхъ шаговъ въ дѣлѣ соціалистическаго строительства должно быть основаніе единаго организующаго и руководящаго хозяйственнаго центра. Банки могли быть таковымъ только въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ главное значеніе имѣло движеніе мѣновой цѣнности. Соціалистическому обществу необходимъ центръ, который въ первую очередь ставилъ бы себѣ цѣлью организацію общественнаго производства и распредѣленія. Такой центръ былъ созданъ Совѣтской властью въ первый же періодъ октябрьской революціи (5 дек. 1917 г.) въ лицѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Ему была поручена организующая работа во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства [1]).

---

[1]) Практически компетенція В. С. Н. Х. оказалась гораздо уже.

Вопросы кредита и денежнаго обращенія остались въ вѣдѣніи комиссаріата финансовъ. В. С. Н. Х. контролируетъ хозяйственное финансированіе.

Въ области производства (въ широкомъ смыслѣ слова) ж.-д. транспортъ остался въ вѣдѣніи комиссаріата путей сообщенія; сел.-хоз. производство—въ рукахъ комиссаріата земледѣлія; національзированныя мельницы—въ вѣдѣніи комиссаріата продовольствія;

Обмѣномъ между городомъ и деревней и низшимъ распредѣлительнымъ аппаратомъ вѣдаетъ также комиссаріатъ продовольствія; только кооперативный распредѣлительный аппаратъ подчиненъ Высшему Совѣту Н. Х.

Распредѣленіе рабочей силы, поскольку оно существуетъ, отнесено къ компетенціи комиссаріата труда. В. С. Н. Х. занятъ преимущественно организаціей производства центральнаго распредѣленія; ему подчиненъ также торговый флотъ.

VI.

Итакъ, мы намѣтили конкретныя задачи, возникающія въ разныхъ областяхъ народнаго хозяйства. Теперь мы можемъ говорить о тѣхъ ступеняхъ, э т а п а х ъ, которые за годъ проходило соціалистическое строительство въ этихъ областяхъ. Въ виду того, что эти этапы оказывались въ нихъ довольно различными и проходились съ различной скоростью, мы будемъ придерживаться той же системы обозрѣнія отдѣльныхъ областей и въ заключеніе попробуемъ сдѣлать общую сводку и намѣтить общіе этапы всей хозяйственной работы въ цѣломъ:

О б л а с т ь к р е д и т а и д е н е ж н а г о о б р а щ е н і я, въ виду ея исключительнаго экономическаго, соціальнаго и политическаго значенія, была первой областью, въ которую рабочая власть внесла коренныя измѣненія.

Лишь только послѣ первыхъ дней саботажа, а затѣмъ и открытой забастовки банковскихъ чиновниковъ, ставшихъ на сторону буржуазіи, былъ налаженъ Государственный Банкъ (ноябрь—середина декабря 1917 г.), Совѣтская власть з а н я л а вооруженной силой в с ѣ ч а с т н ы е б а н к и въ Петербургѣ и Москвѣ (17 декабря). Въ тотъ же день былъ изданъ д е к р е т ъ о н а ц і о н а л и з а ц і и всѣхъ частныхъ банковъ, присоединеніи ихъ къ Гос. Банку и превращеніи банковаго дѣла въ м о н о п о л і ю государства (въ цѣляхъ предотвращенія открытія н о в ы х ъ частныхъ банковъ) [1]).

Такимъ образомъ, мозгъ капиталистическаго хозяйства былъ взятъ, денежный мѣшокъ буржуазіи оказался въ рукахъ пролетаріата [2]). Отвѣтомъ банковскихъ служащихъ, этихъ вольныхъ и невольныхъ подголосковъ финансоваго капитала, была всеобщая забастовка. Она затянулась почти на три мѣсяца, привела къ фактическому закрытію частныхъ банковъ и крайне затруднила ихъ реорганизацію.

П е р в ы й э т а п ъ—классово-стратегическій захватъ банковъ—былъ пройденъ очень рано и очень быстро; дальнѣйшіе этапы—основной перестройки и развитія дѣловыхъ операцій—сильно затянулись, въ виду саботажа враждебныхъ рабочему классу банковскихъ спеціалистовъ.

До начала лѣта 1918 г. фактически работалъ одинъ только Госуд. Банкъ. Этимъ окольнымъ путемъ въ несовершенной формѣ осуществились первыя реорганизаціонныя требованія — объединеніе банковскаго аппарата и централизація финансированія.

Этотъ второй періодъ (середина декабря—лѣто 1918 г.) можно назвать періодомъ перестройки банковаго аппарата, ликвидаціи капиталистическихъ привѣсковъ къ этому аппарату и постепеннаго перехода къ новой дѣловой постановкѣ его.

Государственный Банкъ со своими отдѣленіями функціонировалъ какъ центральная платежная касса, изъ которой производилась выплата субсидій національзированнымъ предпріятіямъ и ассигнованій государственнымъ учрежденіямъ. Онъ выдавалъ также «ссуды» (фактически субсидіи) частнымъ предпріятіямъ подъ формальное обезпеченіе постройками,

---

[1]) Исключеніе было сдѣлано для т.-н. кредитной коопераціи, въ результатѣ чего «кооперативный» Московскій Народный Банкъ и рядъ городскихъ обществъ взаимнаго кредита, которые, по существу, являются обыкновенными коммерческими банками, продолжаютъ существовать и до сихъ поръ.

[2]) Индивидуальные денежные мѣшки буржуазіи, банковые сейфы (несгораемые ящики), были вскрыты, золото, находившееся въ нихъ, конфисковано, деньги перенесены на текущіе счета (съ которыхъ они выдавались на личныя потребности малыми порціями), цѣнныя бумаги подвергнуты регистраціи.

оборудованіемъ и товарными запасами и подъ контроль рабочихъ организацій этихъ заводовъ. Притокъ вкладовъ въ Гос. Банкъ пріостановился, и даже государственныя предпріятія слабо вносили свои поступленія. Только къ лѣту 1918 г. явилась реальная возможность выставить и провести требованіе о внесеніи націонализированными предпріятіями всѣхъ свободныхъ средствъ на текущій счетъ въ Гос. Банкъ. Только съ этого момента, очевидно, и можно было начать работу по организаціи центральнаго финансоваго расчета черезъ Гос. Банкъ.

Крайнее упрощеніе операцій Гос. Банка (работали, главнымъ образомъ, отдѣлы текущихъ счетовъ и переводовъ) вполнѣ соотвѣтствовало тому измѣненію его задачъ, которое принесла съ собой революція.

Возобновленіе работы прежняго аппарата частныхъ банковъ началось, какъ уже указано, съ весны—лѣта 1918 г., и этотъ моментъ можно считать началомъ новаго періода—преобладанія технически-дѣловой работы и завершенія организаціонной и ликвидаціонной работы. Всѣ эти работы подвигались впередъ довольно туго. Еще и къ осени 1918 г. фактическаго объединенія б. частныхъ банковъ съ аппаратомъ Гос. Банка въ Москвѣ и Петербургѣ не произошло: сказывались послѣдствія затяжной стачки и саботажа.

Централизація счетовъ бывшихъ частныхъ банковъ шла, наоборотъ, гораздо скорѣе и, напр., въ Москвѣ къ осени подвинулась весьма значительно.

Вопросъ о развитіи чековой операціи могъ быть поставленъ только лѣтомъ 1918 г. Разстройство производства и финансовъ требовало продолженія выпуска бумажныхъ денегъ, что, конечно, также создавало препятствія къ разрѣшенію этой задачи.

Денежное обращеніе въ теченіе всѣхъ трехъ-памѣченныхъ нами періодовъ не подвергалось никакимъ реформамъ. Проекты обмѣна старыхъ ассигнацій на новыя, съ конфискаціей части стоимости старыхъ ассигнацій (такіе проекты возникали еще съ зимы 1918 г.), не осуществились вслѣдствіе техническихъ затрудненій и того, что предпосылкой ихъ должно было бы быть прекращеніе дальнѣйшаго выпуска бумажныхъ денегъ, а это было неосуществимо по уже указаннымъ причинамъ [1]).

Переходъ къ соціалистическому хозяйству дѣлаетъ область приложенія банковаго капитала сравнительно маловажной сферой хозяйства и весьма упрощаетъ свойственныя ей операціи. Поэтому хотя къ осени 1918 г. присоединеніе частныхъ банковъ къ Гос. Банку еще не было закончено, хотя и не былъ подведенъ ликвидаціонный балансъ отпавшимъ операціямъ съ фиктивными цѣнностями, но Гос. Банкъ достаточно удовлетворительно справлялся со своими задачами, и жалобы на плохую работу банковскаго аппарата, на задержку въ уплатѣ и недостатокъ денежныхъ знаковъ, которые раздавались всю зиму и весну 1918 г., исчезли.

VII.

Въ области производства «стратегическій захватъ» начался одновременно съ захватомъ банковъ и даже раньше. Но по разсмотрѣннымъ выше причинамъ здѣсь онъ принялъ другую форму.

---

[1]) Осенью 1918 г. выдвинуты проекты натурализаціи заработной платы и натуральнаго хлѣбнаго налога въ деревнѣ. Одновременно поставленъ на практическую почву вопросъ о развитіи бездепежнаго оборота между націонализированными предпріятіями черезъ производственные и распредѣлительные центры. Всѣ эти мѣры, имѣющія конечной цѣлью полное устраненіе денегъ, какъ орудія обращенія и платежнаго средства, являются болѣе дѣйствительными способами борьбы съ кризисомъ денежнаго обращенія, и всѣ данныя говорятъ за то, что онѣ будутъ осуществлены въ близкомъ будущемъ.

Въ теченіе перваго періода (ноябрь—январь), который можно назвать временемъ первоначальнаго захвата и, кромѣ того, временемъ предварительныхъ организаціонныхъ шаговъ, охватъ производства выражался, съ одной стороны, въ полной экспропріаціи (націонализаціи) отдѣльныхъ крупныхъ предпріятій. Конфискація этихъ предпріятій по внѣшности имѣла карательный характеръ. Предпріятія объявлялись собственностью республики за неподчиненіе декрету о рабочемъ контролѣ, за нежеланіе продолжать производство въ виду задолженности казнѣ и пр. [1]). На такія предпріятія назначались временныя правительственныя правленія изъ рабочихъ, избранныхъ заводскими организаціями, и надежныхъ заводскихъ инженеровъ.

Съ другой стороны, на всѣхъ предпріятіяхъ въ промышленности и торговлѣ былъ введенъ рабочій контроль (декретъ 16 ноября 1917 г.), который было бы правильнѣе назвать классовой рабочей опекой надъ производствомъ и обращеніемъ.

Декретъ о рабочемъ контролѣ не отстранялъ капиталистовъ и директоровъ отъ управленія и не передавалъ руководства предпріятіями въ руки рабочихъ. Рабочія контрольныя организаціи не дѣлались представителями предпріятія. Гос. Банкъ не могъ, напр., выдавать ссуды на ихъ имя.

Но контроль, который былъ на нихъ возложенъ, не былъ формальнымъ контролемъ за выполненіемъ точно установленныхъ нормъ; (такихъ нормъ и нельзя было создать. Это былъ контроль по существу, наблюденіе за цѣлесообразностью дѣйствій предпринимателя и его агентовъ въ экономической и технической областяхъ. Вся дѣловая переписка была открыта рабочимъ организаціямъ. Онѣ могли пріостановить рѣшеніе юридическаго хозяина и предписать ему другое рѣшеніе, при чемъ постановленія заводскихъ контрольныхъ органовъ были обязательны для капиталистовъ и могли быть отмѣнены лишь высшей контрольной инстанціей, которая также цѣликомъ состояла изъ представителей пролетаріата.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ это были опека пролетаріата надъ капиталистическимъ производствомъ, если разсматривать вопросъ со стороны формальной, и регулированіе его рабочими организаціями, если разсматривать его по существу.

Это регулированіе производилось притомъ не въ общественномъ масштабѣ,—оно имѣло характеръ вмѣшательства отдѣльныхъ рабочихъ организацій въ дѣйствія отдѣльныхъ предпринимателей. Центральные органы рабочаго контроля фактически не возникли (ихъ вытѣснили центральные органы управленія). Рабочій контроль остался распыленнымъ, и это породило много отрицательныхъ явленій, прежде всего развитіе «мѣстныхъ» точекъ зрѣнія. Но рабочій контроль былъ школой, подготовившей рабочее управленіе предпріятіями. Онъ былъ первоначальной формой пролетарской диктатуры въ разбросанныхъ ячейкахъ капиталистическаго хозяйства.

5 дек. 1917 г. былъ учрежденъ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, о задачахъ котораго говорилось выше. До середины января 1918 г. онъ находился въ стадіи предварительной организаціи.

Къ концу января 1918 г. намѣчался переходъ къ болѣе широкому охвату производства. 26 января былъ націонализированъ рѣчной торговый флотъ. Подготовлялась націонализація другихъ основныхъ отраслей

---

[1]) Такимъ образомъ, были націонализированы крупнѣйшія уральскія предпріятія—Богословское, Симское, Кыштымское, Русско-Бельгійское металлург. о-ва (въ Донецкомъ бассейнѣ), Путиловскій, Невскій, Сестрорѣцкій заводы (Петербургъ), огромныя электрическія предпріятія—Общество 1886 г. и «Электропередача». Изъ нихъ только послѣднее конфисковано «въ виду общегосударственнаго значенія предпріятія».

производства. Такими національзаціями цѣлыхъ отраслей предполагалось замѣнить частичныя конфискаціи. На очереди стояла донецкая каменноугольная, бакинская нефтяная и южная металлургическая промышленность.

Но нѣмецкое наступленіе на Украину сняло съ очереди національзацію каменноугольной и металлургической промышленности на югѣ Россіи. Заключеніе брестскаго мира и усиленный натискъ нѣмецкаго имперіализма привели къ тому, что дальнѣйшія общія національзаціи вообще были отложены. Въ послѣдующее время продолжается только процессъ частичныхъ національзацій (изъ которыхъ многія производились мѣстными органами власти). Этотъ процессъ, впрочемъ, привелъ къ тому, что весной 1918 г. 80% копей и заводовъ Урала оказались національзированными, а Уралъ сталъ въ это время главнымъ горнозаводскимъ райономъ Россіи. По всей Россіи 50% металлообрабатывающихъ предпріятій было въ рукахъ рабочаго государства.

Въ общемъ в т о р о й э т а п ъ работы по организаціи производства (февраль—май 1918 г.) можно назвать періодомъ приведенія въ систему захваченныхъ и вновь созданныхъ центровъ, накопленія организаціоннаго опыта и пріостановки прямого наступленія на капиталъ.

Въ этотъ періодъ, съ одной стороны, строится В. С. Н. Х., высшій центръ управленія производствомъ и распредѣленіемъ, а съ другой—н а щ у п ы в а е т с я н о в а я ф о р м а у п р а в л е н і я національзированными предпріятіями на мѣстахъ. Опытъ рабочаго контроля и работы первыхъ рабочихъ правленій національзированныхъ заводовъ обсуждаются въ печати и на собраніяхъ.

На этой дискуссіи отражаются, съ одной стороны, та наклонность къ болѣе «осторожной» политикѣ по отношенію къ промышленному капиталу, которая вызывалась стремленіемъ возможно скорѣе возстановить производительность заводовъ и опасеніями возможной поддержки русскаго капитала нѣмецкимъ, а съ другой—борьба съ тѣми «мѣстными» сепаратистскими наклонностями, которыя развились вслѣдствіе распыленности рабочаго контроля.

Предлагалось на національзированныхъ ранѣе и вновь національзируемыхъ заводахъ сохранить р у к о в о д с т в о з а с т а р ы м и д и р е к т о р а м и подъ надзоромъ правительственныхъ комиссаровъ. Нѣкоторое время возлагались надежды на помощь буржуазныхъ организаторовъ въ дѣлѣ налаживанія производства. Предлагался частичный в ы к у п ъ національзируемыхъ заводовъ путемъ выдачи старымъ хозяевамъ облигацій или уступки имъ нѣкоторой доли а к ц і й вновь образуемыхъ государственныхъ т р е с т о в ъ.

На смѣну этимъ проектамъ явились предложенія придать управленію ф о р м у е д и н о л и ч н о й д и к т а т у р ы, назначать изъ центра комиссаровъ-директоровъ. При этомъ ссылались на необходимость централизаціи управленія и борьбы съ «мѣстными» стремленіями рабочихъ правленій. Отвѣтственныхъ с п е ц і а л и с т о в ъ-инженеровъ предлагали сдѣлать н е з а в и с и м ы м и отъ рѣшеній рабочихъ даннаго завода и подчинить только комиссарамъ и высшимъ центрамъ.

Апрѣльскій желѣзнодорожный декретъ ввелъ именно такую систему управленія на жел. дорогахъ (т.-н. «жел.-дор. диктатура»), которая довольно скоро опять смѣнилась коллегіальнымъ и выборнымъ началомъ, впрочемъ, уже въ болѣе централизованной формѣ.

На м а й с к о м ъ с ъ ѣ з д ѣ с о в ѣ т о в ъ народнаго хозяйства въ общемъ побѣдила к о л л е г і а л ь н а я и в ы б о р н а я с и с т е м а управленія, при условіи у т в е р ж д е н і я кандидатовъ центромъ.

На каждомъ національзированномъ заводѣ рѣшено устраивать фабр.-завод. управленіе, одна треть членовъ котораго избирается рабочими завода, входящими въ профессіональную организацію, двѣ трети назначаются совѣтомъ Н. Х., при чемъ половина этихъ кандидатовъ намѣчается профессіональнымъ объединеніемъ данной отрасли. Въ составѣ управленія одна треть мѣстъ должна быть отведена техникамъ-спеціалистамъ.

Такая форма управленія, по мысли ея защитниковъ, обезпечиваетъ участіе въ управленіи рабочихъ массъ (кандидаты совѣтовъ н. х. тоже преимущественно вербуются изъ числа мѣстныхъ рабочихъ), но въ то же время придастъ его дѣятельности общеклассовый характеръ, обезпечиваетъ отъ преобладанія мѣстныхъ интересовъ.

Въ этотъ же періодъ (февраль—май) строится В. С. Н. Х., въ нѣдрахъ котораго вырастаетъ цѣлая система производственныхъ отдѣловъ и секцій, вѣдающихъ отраслями и группами промышленности (горный отдѣлъ, отдѣлъ металла, отдѣлъ волокнистыхъ веществъ, химическій и т. д.). Эти отдѣлы завѣдуютъ центральнымъ управленіемъ предпріятіями и центральнымъ распредѣленіемъ ихъ продуктовъ.

Нѣкоторыя отрасли подчиняются вѣдѣнію такъ-называемыхъ «главковъ» и «центровъ», т.-е. главныхъ комитетовъ, образуемыхъ по образцу центральныхъ управленій промышленныхъ трестовъ. Они состоятъ при В. С. Н. Х., пользуясь сравнительно большой автономностью. Каждый изъ нихъ самъ создаетъ свои мѣстные органы, независимые отъ мѣстныхъ совѣтовъ народнаго хозяйства; въ устройствѣ этихъ комитетовъ преобладаетъ принципъ вертикальной централизаціи и горизонтальной децентрализаціи управленія и распредѣленія.

По образцу В. С. Н. Х. строятся низшія звенья системы совѣтовъ народнаго хозяйства (согласно постановленію при В. С. Н. Х. отъ 23 дек. 1917 г.): это—областные и губернскіе совѣты н. х. Изъ нихъ вспомогательными вопросами общегосударственнаго значенія вѣдаютъ только областные совѣты. Въ горнозаводскихъ районахъ (на Югѣ до прихода нѣмцевъ, на Уралѣ до чехо-словацкаго возстанія) эти совѣты усиленно развиваютъ свою дѣятельность, проявляя иногда наклонность къ областному сепаратизму, съ которымъ центръ ведетъ борьбу.

Съ мая 1918 г. начинается новый, третій этапъ, который можно назвать періодомъ возобновленія натиска на капиталъ, организованнаго овладѣнія производствомъ и реализаціи накопленнаго организаціоннаго опыта.

Процессъ націонализаціи вмѣстѣ съ ослабленіемъ натиска нѣмецкаго имперіализма и упроченіемъ Совѣтской республики возобновляется. 2 мая націонализированы остатки сахарной промышленности. Въ іюнѣ проводится націонализація нефтяной промышленности. Въ серединѣ іюня одновременно націонализированы двѣ крупныхъ промышленныхъ комбинаціи: группа машиностроительныхъ и металлургическихъ заводовъ «Сормово-Коломна» (6 заводовъ) и группа крупнѣйшихъ химическихъ заводовъ Ушкова и К⁰.

28 іюня изданъ такъ-называемый декретъ о «всеобщей націонализаціи», согласно которому объявлены общественной собственностью всѣ заводы нѣкоторыхъ отраслей и всѣ предпріятія, имѣющія крупный основной капиталъ (болѣе 1—3 милл. рублей), въ остальныхъ отрасляхъ [1]).

---

[1]) Цѣликомъ націонализированы: каменноугольныя, рудныя, резиновыя, древесноцеллюлозныя, жел.-дор. предпріятія; всѣ крупныя предпріятія націонализированы въ отрасляхъ: по обработкѣ металла и машиностроенію, въ текстильной, электротехнической, деревообрабатывающей, табачной, керамической, кожевенной, мукомольной и другихъ отрасляхъ.

Въ декретѣ сдѣлана о г о в о р к а, что, впредь до организаціи новаго управленія въ національзированныхъ предпріятіяхъ и особыхъ распоряженій В. С. Н. Х. по каждому предпріятію отдѣльно, они остаются въ безвозмездномъ арендномъ пользованіи прежнихъ владѣльцевъ. За ихъ прежними хозяевами остаются прежнія права на полученіе доходовъ, но они обязаны руководить предпріятіями и финансировать ихъ на прежнихъ основаніяхъ.

Хотя, такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ формальнымъ актомъ, который непосредственно не мѣняетъ самаго устройства управленія, но этотъ декретъ снимаетъ съ пути всякія внѣшнія препятствія къ внутренней реорганизаціи промышленности и побуждаетъ къ усиленной работѣ въ этомъ направленіи. Къ осени поэтому сталъ на практическую почву вопросъ объ обобществленіи подмосковныхъ каменноугольныхъ копей, паровозо- и вагоностроительныхъ заводовъ и пр.

VIII.

Изъ д ѣ л о в ы х ъ з а д а ч ъ въ производственной области первой была поставлена на очередь д е м о б и л и з а ц і я промышленности. Зимой 1917—18 г., въ первый періодъ «бури и натиска», она была проведена довольно стихійнымъ способомъ, почти безъ общаго плана и руководства, въ виду слабости только-что возникшаго В. С. Н. Х.

Съ весны 1918 г. параллельно развитію организаціоннаго строительства была начата усиленная кампанія въ пользу правильной постановки производственнаго у ч е т а (рѣчи Ленина). Въ связи съ недостаткомъ статистическихъ силъ (вліяніе интеллигентскаго саботажа) только къ осени отдѣлъ статистики В. С. Н. Х. приступилъ къ централизаціи статистики, въ частности промышленнаго учета. Но уже весной 1918 г. началъ правильно ставиться ф и н а н с о в ы й у ч е т ъ. Упорядочивается отпускъ національзированнымъ предпріятіямъ авансовъ, вырабатываются смѣты предпріятій (напр., въ маѣ полугодовая смѣта всѣхъ заводовъ Урала).

Лѣтомъ 1918 г. выдвинулся на очередь (сперва въ отдѣлѣ металла В. С. Н. Х.) вопросъ о правильномъ р а с ч е т ѣ производства, т.-е. о выработкѣ производственныхъ программъ для отдѣльныхъ отраслей и предпріятій. Осенью 1918 г. областной совѣтъ н. х. сѣвернаго района публикуетъ первую полугодовую производственную программу металлообрабатывающихъ заводовъ сѣвернаго (петербургскаго) района; затѣмъ появляется программа писчебумажнаго производства и т. д.

Равнымъ образомъ начинаетъ ставиться на очередь вопросъ о выработкѣ о б щ а г о р а б о ч а г о п л а н а производства и распредѣленія, о чемъ говорилось уже на майскомъ съѣздѣ совѣтовъ н. х.

Что касается работы по у л у ч ш е н і ю т е х н и ч е с к а г о с о с т о я н і я промышленности, то политическія событія ставили этой работѣ огромныя препятствія, и она шла разбросанно и съ перерывами. Захватъ Украины нѣмецкими войсками разстроилъ снабженіе Россіи углемъ, металломъ и другими видами сырья. То же надо сказать о захватѣ части Урала чехо-словаками, о перерывѣ въ подвозѣ хлопка изъ Туркестана, отчасти нефти изъ Баку и пр. Въ общемъ поэтому производительность большинства отраслей продолжала падать.

Но поскольку технически-организаціонная работа не наталкивалась на совершенно неодолимыя препятствія, она уже съ весны 1918 г. (кампанія въ пользу поднятія трудовой д и с ц и п л и н ы, относящаяся ко второму, организаціонному этапу производственнаго строительства) давала во многихъ случаяхъ очень успѣшные результаты.

Зимой и весной, до занятія Урала чехо-словацкими бандами, уральскій областной совѣтъ п. х. велъ энергичную работу по спеціализаціи производства и сосредоточенію его на лучшихъ заводахъ. Путемъ героическихъ усилій, опиравшихся на самодѣятельность рабочихъ массъ (на Уралѣ управленіе заводами съ самаго начала было коллегіальное и в ы б о р н о е), совѣту удалось къ лѣту 1918 г. обезпечить заводы рудой гораздо лучше, чѣмъ это было сдѣлано весной 1917 г. Топлива также было заготовлено достаточное количество. Выплавка чугуна начала расти.

Точно такъ же наканунѣ самаго захвата нѣмцами Украины появились опредѣленные признаки перелома въ южномъ горнозаводскомъ районѣ, прежде всего на національзированныхъ предпріятіяхъ (заводы и копи въ Макеевкѣ, Петровскіе заводы, заводъ Гартмана и пр.). Производительность начала расти. Нѣмецкая оккупація, какъ извѣстно, привела къ полному краху южной промышленности.

Захватъ Урала и Волги чехо-словаками вновь разстроилъ ходъ снабженія и производства во всей Россіи. Надо отмѣтить, что до занятія турками Баку производство нефти удавалось поддерживать въ размѣрѣ 65—70% прежняго масштаба, несмотря на разстройство сообщенія и снабженія.

Малозатронутыя оккупаціями отрасли промышленности (напр., подмосковная угольная, писчебумажная, кожевенная) съ весны 1918 г. начали приходить въ порядокъ. Равнымъ образомъ вполнѣ былъ налаженъ жел.-дор. транспортъ, усилилось движеніе, а приростъ числа больныхъ вагоновъ и паровозовъ замедлился. Въ порядкѣ былъ и національзированный рѣчной флотъ.

Дѣловая, технически-организаціонная работа должна составить главное содержаніе ч е т в е р т а г о этапа промышленнаго строительства, который можно считать начавшимся съ осени 1918 г. Почва для такой работы подготовлена предшествующей общеорганизаціонной работой. Дальнѣйшихъ катастрофъ въ области снабженія не предвидится. Вопросы дѣловой, технической организаціи все болѣе выступаютъ поэтому впередъ.

До освобожденія Урала и Украины, до полученія широкой технической помощи съ Запада, отъ возставшаго европейскаго пролетаріата, эта работа по необходимости будетъ имѣть очень узкіе предѣлы. О развитіи производительныхъ силъ думать не приходится,—надо только заботиться о сохраненіи ихъ и о повышеніи дѣйственности того, что находится въ нашемъ распоряженіи.

IX.

Въ области о б р а щ е н і я простой захватъ регулирующихъ центровъ не производитъ классово-стратегическаго дѣйствія. Здѣсь имѣютъ значеніе перестройка и д о с т р о й к а этихъ центровъ, особенно же дальнѣйшая организаціонно-дѣловая работа: взятіе товаровъ на дѣйствительный учетъ, постановка дѣйствительнаго контроля надъ ихъ распредѣленіемъ, созданіе организованной связи между производствомъ и потребленіемъ.

Въ этой области нельзя поэтому выдѣлить періода «бури и натиска». Въ январѣ 1918 г. (т.-е., слѣд., позже, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше областяхъ) здѣсь начинается комбинированный процессъ о в л а д ѣ н і я распредѣлительными центрами и ихъ организаціонной п е р е с т р о й к и. Этотъ этапъ длится до конца весны 1918 г., когда онъ переходитъ въ слѣдующую ступень—постепеннаго охвата обращенія центральными органами.

Въ январѣ 1918 г. былъ національзированъ синдикатъ южныхъ металлургическихъ заводовъ «Продамета». Вмѣстѣ съ государственнымъ

центромъ учета и распредѣленія металловъ, «Расмеко», онъ былъ включенъ въ металлургическій отдѣлъ В. С. Н. Х. Государственное «совѣщаніе по топливу» введено въ отдѣлъ топлива В. С. Н. Х., а центръ Донецкой казенной угольной монополіи, «Монотопъ», подчиненъ южному областному совѣту Н. Х. [1]). Въ январѣ же образуется главный комитетъ текстильной промышленности «Центротекстиль», подчинившій себѣ прежніе государственные распредѣлительные центры, главный кожевенный комитетъ и пр.

Всѣ эти организаціи перестраивались на основѣ удаленія буржуазнаго элемента или оставленія ему меньшинства мѣстъ въ руководящихъ коллегіяхъ (послѣднее, напр., въ кожевенномъ комитетѣ). Въ результатѣ обычно возникали стачки служащихъ, которыя сильно тормозили развитіе работы.

Только съ конца весны начался поэтому второй періодъ, который характеризуется постановкой правильнаго у ч е т а товаровъ, выработкой п л а н о в ъ р а с п р е д ѣ л е н і я и проведеніемъ въ жизнь т в е р д ы х ъ ц ѣ н ъ. Лучше всего эта работа шла въ отрасляхъ, производящихъ средства потребленія. Эти отрасли (текстильная, кожевенная и др.) сосредоточены преимущественно въ центрѣ Россіи, такъ что оккупаціи и возстанія не прерывали связи съ ними. Кромѣ того, въ виду децентрализованности сбыта этихъ отраслей, имъ особенно важно было быстро наладить распредѣленіе. Хуже шло дѣло съ распредѣленіемъ средствъ производства: горнозаводскіе районы лежатъ преимущественно на окраинахъ (Украина, Уралъ, Кавказъ), связь съ ними поддерживалась плохо или вовсе порывалась. Въ машиностроительной отрасли до октябрьской революціи не существовало даже статистики, не говоря уже о распредѣлительныхъ центрахъ, государственныхъ или хозяйскихъ.

Лѣтомъ 1918 г. явилась возможность осуществить на дѣлѣ текстильную и кожевенную м о н о п о л і ю. Рядъ монополій, преимущественно въ отрасляхъ, производящихъ средства потребленія, стоялъ осенью на очереди дня. Изъ отраслей, производящихъ средства производства, ближе всего къ осуществленію полной монополіи было производство топлива. Центръ распредѣленія металлическихъ продуктовъ осенью только достраивался.

Второй этапъ работы въ области распредѣленія, начавшійся весной 1918 г., этапъ общаго охвата обращенія путемъ введенія у ч е т а, п л а н о в ъ р а с п р е д ѣ л е н і я и т в е р д ы х ъ ц ѣ н ъ, пройденъ къ осени не во всѣхъ отрасляхъ. Переходъ къ т р е т ь е м у этапу, проведенію м о н о п о л і й, заведенію складовъ, сѣти агентовъ, полной націонализаціи торговли и замѣнѣ ея сплошной сѣтью распредѣлительныхъ ячеекъ— дѣло будущаго, теперь уже близкаго.

До нѣкоторой степени особнякомъ стоитъ работа по организаціи обмѣна между городомъ и деревней, которая сводилась преимущественно къ организаціи п р о д о в о л ь с т в е н н а г о д ѣ л а. Судьба хлѣбной монополіи, этой оси продовольственнаго дѣла, весьма любопытна и характерна, какъ образчикъ работы Совѣтской власти въ области обращенія.

Хлѣбная монополія основана весной 1917 г. кадетскимъ министромъ Шингаревымъ. Высшимъ центромъ ея еще во времена Керенскаго было министерство (впослѣдствіи комиссаріатъ) продовольствія. На мѣстахъ ея органами были областные, губернскіе и городскіе продовольственные комитеты. Они были составлены въ большинствѣ изъ представителей такъ-

---

[1]) Съ занятіемъ нѣмцами Украины угольная монополія, возникшая еще при Керенскомъ, рухнула. Не осуществилась и монополія на металлы.

называемыхъ «демократическихъ» организацій (думы, земства, кооперативы, частью совѣты рабочихъ депутатовъ) со значительнымъ представительствомъ организацій капиталистовъ. При Керенскомъ весь этотъ аппаратъ былъ очень слабъ и дѣйствовалъ крайне плохо, учетъ хлѣба не былъ организованъ, планы закупки и распредѣленія хлѣба не соблюдались, хлѣба извлекалось изъ деревни мало, твердыя цѣны обходились вслѣдствіе распространенія мѣшечничества.

Въ ноябрѣ 1917 г. верхушка этого аппарата—министерство продовольствія—п е р е ш л а в ъ р у к и С о в ѣ т с к о й в л а с т и въ разстроенномъ видѣ, въ виду стачки служащихъ. Періодъ овладѣнія низшими звеньями этой системы затянулся съ ноября до весны, частью даже лѣта 1918 г. Долгое время продовольственные комитеты были оставлены почти въ прежнемъ своемъ составѣ изъ опасенія общей остановки всего аппарата, что обрекло бы города на голоданіе. По отношенію къ старымъ «продкомамъ» соблюдался н е й т р а л и т е т ъ; служащіе ихъ, явно враждебные Совѣтской власти, оставались на мѣстѣ, продовольственная машина работала вяло и медленно.

В е с н о й 1918 г. непригодность старой системы ясно обнаружилась. Старые пріемы буржуазно-коммерческаго характера не годились для извлеченія изъ деревни хлѣба, спрятаннаго деревенскими кулаками, которые пресытились бумажными деньгами и вообще не хотѣли давать хлѣба мятежнымъ городамъ. Агенты продовольственной организаціи были неумѣлыми коммерсантами, а поставить дѣло по-новому они были не въ состояніи. Суженіе района, изъ котораго можно было извлекать хлѣбъ (отдѣленіе Украины, позже и Поволжья), требовало энергичной работы революціонныхъ методовъ.

Начинается новый, в т о р о й періодъ въ исторіи совѣтской хлѣбной монополіи. Съ весны 1918 г. начинаются ч и с т к а п р о д о в о л ь с т в е н н ы х ъ к о м и т е т о в ъ и полное подчиненіе ихъ совѣтскимъ учрежденіямъ. Въ то же время къ работѣ по извлеченію хлѣба изъ деревни привлекаются рабочія массы. Продовольственной организаціи придается классовый пролетарскій характеръ.

По предложенію тов. Ленина, организуются р а б о ч і е п р о д о в о л ь с т в е н н ы е о т р я д ы. Они отправляются въ деревню съ винтовкой за спиной, съ газетой и брошюрой въ рукахъ, въ сопровожденіи транспортовъ съ городскими товарами. Опираясь въ деревнѣ на крестьянскую бѣдноту, которой они помогаютъ организоваться въ особые комитеты, направленные противъ кулаковъ, продовольственные отряды отбираютъ запасы хлѣба у кулаковъ по твердымъ цѣнамъ (въ случаѣ сопротивленія безплатно), снабжаютъ частью этого хлѣба деревенскихъ бѣдняковъ и обмѣниваютъ у среднихъ крестьянъ излишки хлѣба на городскіе товары. Къ концу лѣта была создана цѣлая «продовольственная армія».

Но въ этотъ самый моментъ захватъ чехо-словаками послѣднихъ хлѣбородныхъ губерній на Востокѣ, куда было двинуто много отрядовъ, крайнее обостреніе голода въ городахъ передъ новымъ урожаемъ повели къ в р е м е н н о й п р і о с т а н о в к ѣ э т о й р а б о т ы. Въ серединѣ августа Московскій и Петербургскій совѣты раб. деп. издали постановленія о свободномъ ввозѣ полутора пудовъ пищевыхъ продуктовъ на одно лицо, — иначе сказать, въ извѣстныхъ предѣлахъ легализовали мѣшечничество. Получилась частичная пріостановка хлѣбной монополіи, и появились предложенія о замѣнѣ государственнаго снабженія «самоснабженіемъ» населенія. Твердыя цѣны наканунѣ сбора урожая были повышены болѣе чѣмъ вдвое [1]).

---

[1]) До этого момента онѣ оставались неизмѣнными съ осени 1917 г. и сильно отстали отъ общаго роста цѣнъ.

Но это былъ только періодъ пріостановки, который продлился полтора мѣсяца. Съ 1 октября свободный провозъ былъ отмѣненъ, начался усиленный притокъ въ города хлѣба, извлекаемаго рабочей продовольственной агентурой. Для подвоза уже нехватало вагоновъ. Старая работа возобновилась въ расширенной и усовершенствованной формѣ.

По предложенію Ленина, каждый рабочій союзъ, каждая фабрика должны взять подъ свою постоянную опеку извѣстную волость въ деревнѣ. Продовольственные отряды превращаются въ постоянную классовую продовольственную агентуру въ деревнѣ. При посредствѣ ея не только можетъ быть поставленъ небывало точный учетъ хлѣба и сырья, они не только будутъ извлечены изъ деревни, но и рабочіе будутъ помогать организаціи крестьянской бѣдноты, перестройкѣ сельскаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ и планомѣрному приспособленію сельскохозяйственнаго производства къ городскому. Этотъ типъ классовой организаціи закупочнаго аппарата стоитъ въ тѣсной связи съ такой же постановкой низшаго распредѣленія предметовъ потребленія въ городахъ. Итакъ, развитіе хлѣбной монополіи прошло за годъ четыре характерныхъ этапа: 1) доживаніе старой буржуазной системы (декабрь—апрѣль), 2) эпоха «бури и натиска» (нѣсколько запоздавшая здѣсь по сравненію съ другими областями), быстрой перестройки центровъ, быстраго созданія массовыхъ щупальцевъ и первыхъ опытовъ ихъ примѣненія (апрѣль—августъ), 3) временное омертвѣніе новой системы (августъ — октябрь) и 4) возрожденіе ея въ болѣе обширномъ масштабѣ и въ болѣе высокой формѣ (съ октября 1918 г.).

Революціонное дѣловое строительство въ области хлѣбной монополіи находится въ полномъ разгарѣ. Оно значительно опередило прочую работу въ области обращенія. Оно является поучительнымъ образцомъ примѣненія совершенно новыхъ методовъ въ продовольственномъ дѣлѣ. Эти методы были совершенно недоступны великой французской революціи, съ которой часто сравниваютъ россійскую рабочую революцію, ибо это—образецъ массоваго революціоннаго творчества пролетаріата. Этотъ образецъ даетъ указанія и для постановки центральнаго распредѣленія промышленныхъ продуктовъ, которое, впрочемъ, не потребуетъ столь же громоздкаго аппарата.

X.

Организація низшей сферы товарнаго обращенія и личнаго потребленія имѣетъ, какъ уже указано, большое классово-стратегическое значеніе. Несмотря на это, до весны 1918 г. эта область оставалась почти совершенно незатронутой, въ виду все того же преувеличенно-бережнаго отношенія къ системѣ продовольственныхъ и въ данномъ случаѣ также кооперативныхъ ячеекъ, которая вѣдала этой сферой въ городахъ. Что касается деревни, то здѣсь организаціонная работа всегда далеко отстаетъ отъ работы въ городахъ.

12 апрѣля 1918 г. опубликованъ декретъ, который долженъ былъ быть первымъ шагомъ по пути превращенія потребительскихъ обществъ въ потребительскія коммуны. Онъ былъ выработанъ по соглашенію съ меньшевиками, руководителями коопераціи, а потому имѣетъ чисто-компромиссный характеръ. Декретъ допускаетъ существованіе рядомъ двухъ видовъ коопераціи—рабочей и общегражданской, на чемъ особенно настаивали меньшевики и что особенно противорѣчитъ созданію единой системы коммунъ. Согласно декрету, «кооперативы обслуживаютъ въ своемъ районѣ все населеніе» и должны всячески облегчать доступъ

въ нихъ новыхъ членовъ (вступительный взносъ для малодостаточныхъ устанавливается въ 50 копеекъ). Кооперативы остаются частными союзами, вхожденіе въ нихъ необязательно, исполненіе намѣченныхъ декретомъ требованій на дѣлѣ ничѣмъ не обезпечено.

Для многихъ рабочихъ кооперативовъ декретъ послужилъ, впрочемъ, толчкомъ къ работѣ по объединенію всего окрестнаго населенія. Большая часть кооперативовъ, подъ вліяніемъ соглашателей, оставила его мертвой буквой. Осенью 1918 г. московскій комитетъ коммунистической партіи долженъ былъ поставить на очередь вопросъ о завоеваніи кооперативовъ «снизу» въ цѣляхъ подчиненія ихъ общей линіи рабочей политики.

Медленное развитіе работы въ этомъ направленіи отчасти объясняется тѣмъ, что одновременно она болѣе энергично велась по другому направленію. Продажа продуктовъ въ городахъ находится въ рукахъ кооперативовъ (а также муниципальныхъ лавокъ и частныхъ торговцевъ), но нормировка потребленія и распредѣленіе продуктовъ между раздаточными пунктами—въ рукахъ продовольственныхъ организацій. На эту часть системы и было обращено съ весны преимущественное вниманіе.

Лѣтомъ 1918 г., послѣ того какъ была закончена реорганизація продовольственныхъ комитетовъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, а затѣмъ и въ провинціи началась работа по переустройству низшаго распредѣленія на классовыхъ началахъ. Вводятся такъ-называемые «классовые пайки». Жители городовъ разбиты на четыре категоріи, при чемъ въ первыя двѣ категоріи отнесены дѣти и рабочіе (въ первую категорію зачислены рабочіе, занятые тяжелымъ трудомъ, во вторую—занятые обычнымъ трудомъ). Въ третью категорію внесены преимущественно лица интеллигентнаго труда, въ четвертую—нетрудовые элементы. Потребители первой категоріи получаютъ усиленный паекъ, второй—нормальный третьей—сокращенный и четвертой—завѣдомо недостаточный. Послѣднимъ предоставляется пользоваться услугами мѣшечниковъ, этихъ поставщиковъ буржуазіи (поскольку мѣшечничество не искоренено вовсе), либо добиваться перехода въ высшія категоріи, принявшись за производительный трудъ.

Пока производилась эта работа, которую и надо считать первымъ этапомъ строительства въ данной области, вопросъ о потребительскихъ коммунахъ могъ оставаться въ теоретической плоскости. Съ осени онъ опять выступаетъ на сцену вмѣстѣ съ вопросомъ о передачѣ коммунамъ всего аппарата розничной торговли. Это и составитъ содержаніе начавшейся теперь второй стадіи довольно запоздалаго развитія.

Къ осени же, особенно послѣ убійства Урицкаго и покушенія на Ленина, когда усилился массовый натискъ на буржуазію и ея агентовъ, были приняты (также съ запозданіемъ) широкія мѣры по перераспредѣленію жилищъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ, а также въ провинціальныхъ городахъ жители лучшихъ, удобнѣйшихъ домовъ были также раздѣлены на спеціальныя категоріи, при чемъ буржуазные и паразитическіе элементы были подвергнуты выселенію. На ихъ мѣсто изъ лачугъ и подваловъ были переселены рабочіе. Въ такихъ домахъ организуются общественныя кухни, библіотеки, клубы и пр.

Лѣтомъ, и особенно съ осени, усиленно организовывались общественныя столовыя, которыя цѣликомъ замѣнили прежніе буржуазные рестораны [1]). Это время вообще отмѣчено усиленной дѣло-

---

[1]) Одновременно производилась муниципализація и другихъ предпріятій, которыя работаютъ на непосредственное удовлетвореніе личныхъ потребностей (бани, парикмахерскія, прачечныя и пр.).

вой работой въ области организаціи личнаго потребленія. Она шла въ ногу съ усиленнымъ культурнымъ строительствомъ, которое, несмотря на принятыя параллельно «жестокія» мѣры противъ буржуазіи, привлекло, наконецъ, на сторону Совѣтской власти широкія массы трудовой интеллигенціи и въ огромной мѣрѣ способствовало росту широкой популярности Совѣтской власти въ рабочихъ массахъ.

Что касается учета и распредѣленія рабочей силы, то намѣченныя выше задачи въ этой области выполнялись въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время въ формѣ частичныхъ «мобилизацій буржуазіи» для различныхъ надобностей (рытье окоповъ, чистка снѣга, погребеніе умершихъ отъ холерной эпидеміи въ Петербургѣ и пр.). Всѣ эти мѣры носили пока случайный характеръ и не обнаруживали никакихъ «этаповъ» развитія. Можно только отмѣтить, что зимой онѣ рѣдко имѣли реальный успѣхъ, съ весны уже проходили въ жизнь въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринимались, а осенью (въ періодъ «краснаго террора» и натиска на буржуазію) приняли одно время широкое распространеніе.

Что касается мобилизацій рабочихъ, то онѣ также производились частично различными рабочими организаціями для выполненія общественныхъ задачъ (продовольственные отряды, посылка агитаторовъ на чехо-словацкій и южный фронты). Мобилизацій для хозяйственныхъ цѣлей (кромѣ продовольственной кампаніи) не производилось.

Учетъ рабочей силы велся по обычному типу рабочей статистики комиссаріатомъ труда и биржами труда.

По вопросу объ организаціи внѣшняго товарообмѣна здѣсь достаточно отмѣтить, что въ апрѣлѣ 1918 г. былъ изданъ декретъ о національзаціи внѣшней торговли, т.-е. о сосредоточеніи всего ввоза и вывоза въ рукахъ комиссаріата торговли. До того ввозъ и вывозъ разрѣшались по особымъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ тѣмъ же комиссаріатомъ. Вслѣдствіе почти полной пріостановки товарообмѣна съ заграницей съ весны 1918 г., новая система почти не имѣла примѣненія до осени 1918 г., когда сталъ на практическую почву вопросъ объ обмѣнѣ съ Германіей, Швеціей и Финляндіей.

XI.

Суммируя вкратцѣ все сказанное выше, мы можемъ намѣтить въ грубыхъ чертахъ нѣсколько періодовъ или этаповъ экономическаго строительства въ цѣломъ за первый годъ существованія Совѣтской соціалистической республики. Они совпадаютъ въ общемъ съ тѣми этапами, которые проходило строительство въ области производства.

Первый періодъ (ноябрь—февраль, до заключенія брестскаго мира)—періодъ «бури и натиска», совпадающій съ первымъ періодомъ острой гражданской войны.

Въ области кредита и денежнаго обращенія, производства и отчасти товарнаго обращенія мы видимъ въ это время частью захватъ немногихъ рѣшающихъ пунктовъ, частью сравнительно мирное овладѣніе болѣе «нейтральными» аппаратами, ломку и перестройку этихъ аппаратовъ, внѣдреніе во всѣ низшія ячейки и установленіе надъ ними классовой опеки. Въ то же время ведется предварительная работа по постройкѣ высшаго руководящаго центра.

Къ этому времени относятся: овладѣніе Гос. Банкомъ (ноябрь), національзація частныхъ банковъ (19 дек.), учрежденіе В. С. Н. Х.

(5 декабря), декретъ о рабочемъ контролѣ (14 ноября), рядъ карательныхъ конфискацій отдѣльныхъ крупныхъ предпріятій, націонализація рѣчного флота (26 янв.), націонализація «Продаметы», подчиненіе В. С. Н. Х. «совѣщанія по топливу», организація «Центротекстиля», Главн. Кожев. Комитета и пр.

Въ области продовольственнаго дѣла—это періодъ болѣе или менѣе мирнаго сожительства со старыми продовольственными комитетами и «коммерческаго» извлеченія хлѣба изъ деревни.

Въ области организаціи личнаго потребленія и распредѣленія рабочей силы—полное затишье.

Второй періодъ (февраль—май)—періодъ пріостановки революціоннаго натиска на капиталъ, приведенія въ систему захваченныхъ аппаратовъ, стягиванія силъ и водворенія дисциплины въ рядахъ рабочаго класса.

Въ области банковаго дѣла за это время подвигаются (хотя и очень слабо) организація Гос. Банка и овладѣніе аппаратомъ частныхъ банковъ, упорядочивается финансированіе.

Въ области производства націонализаціи пріостановлены, идетъ усиленное искаціе новыхъ формъ управленія, и ведется борьба противъ «мѣстныхъ» тенденцій. Принимаются мѣры къ поднятію производительности труда (въ формѣ частныхъ техническихъ улучшеній на мѣстахъ и общей кампаніи за трудовую дисциплину). Въ области обращенія идетъ работа по организаціи распредѣлительныхъ центровъ. Въ продовольственной области уже начинается обостреніе борьбы за хлѣбъ, и дѣлаются первыя попытки реорганизаціи продовольственнаго дѣла. Въ области низшаго товарнаго обращенія и потребленія ставится въ теоретической и компромиссной формѣ вопросъ о потребительскихъ коммунахъ.

Къ этому времени относятся декреты: о смѣтахъ націонализированныхъ предпріятій (25 марта), о жел.-дор. диктатурѣ (28 марта), о продовольственномъ товарообмѣнѣ (1 апр.), въ которомъ намѣчается планъ извлеченія хлѣба изъ деревни при помощи деревенской бѣдноты, о потребительской кооперации (12 апр.).

Третій періодъ (май—конецъ уборки урожая)—возобновленіе натиска на капиталъ въ формѣ организованнаго овладѣнія ячейками, не захваченными въ первый періодъ, и въ формѣ новой организаціи присвоенія продукта; походъ рабочихъ массъ на деревенскихъ кулаковъ и перестройка хлѣбной монополіи на основѣ классовой самодѣятельности.

Въ этотъ періодъ банковый аппаратъ расширяется путемъ возстановленія работы бывшихъ частныхъ банковъ. Націонализаціи возобновляются. пролетарское управленіе реализуется въ производствѣ. Въ области обращенія закладывается дѣлой фундаментъ подъ зданіе будущихъ монополій. Въ области продовольствія реорганизуются продовольственные комитеты, рабочая продовольственная армія направляется въ деревню. Въ области низшаго распредѣленія подготовляются классовые пайки, и начинается жилищная кампанія. Въ области распредѣленія рабочей силы—усиленныя частичныя мобилизаціи буржуазіи.

Къ этому времени относится рядъ декретовъ о націонализаціи, въ особенности декретъ о «всеобщей націонализаціи» (28 іюня), декретъ о продовольственной диктатурѣ (13 мая), постановленія московскаго и петербургскаго совѣтовъ раб. деп. о классовыхъ пайкахъ и пр.

Четвертый періодъ (съ осени 1918 г.)—завершеніе пролетарскаго овладѣнія хозяйствомъ и переходъ преимущественно къ дѣловымъ задачамъ.

Въ банковомъ дѣлѣ идетъ работа окончательнаго налаживанія дѣловыхъ операцій. Въ производствѣ—заботы о постановкѣ учета, особенно расчета производства, и о выработкѣ общаго плана; продолжается реализація пролетарскаго управленія, и выдвигаются задачи технической реорганизаціи производства. Въ области обращенія—переходъ къ монополіямъ, въ продовольственномъ дѣлѣ—установленіе постоянной связи города и деревни. Въ области низшаго распредѣленія и личнаго потребленія намѣчается работа по организаціи потребительскихъ коммунъ, по обобществленію розничной торговли, а также предпріятій, продукты которыхъ непосредственно потребляются (столовыя и пр.), по распредѣленію жилищъ и пр.

Общій смыслъ этой схемы основныхъ этаповъ состоитъ въ томъ, что россійскій пролетаріатъ, овладѣвъ въ началѣ года рѣшающими стратегическими позиціями буржуазіи, долго и усиленно учился управлять производствомъ и обращеніемъ. Эту науку онъ уже наполовину прошелъ. Онъ овладѣлъ рычагами хозяйственной машины и теперь можетъ подумать о томъ, чтобы усовершенствовать по возможности техническіе винтики и колеса.

Болѣе того: онъ можетъ теперь подумать и о томъ, чтобы наилучшимъ образомъ использовать эту машину для себя. Онъ можетъ уже спеціально заняться организаціей соціалистическаго распредѣленія продуктовъ и личнаго потребленія, а это, несмотря на большой упадокъ производства который излѣчитъ только содѣйствіе новаго пролетарскаго Интернаціонала, можетъ во многихъ отношеніяхъ улучшить его положеніе.

Поддерживая и бережно охраняя уцѣлѣвшія производительныя силы, правильно распоряжаясь товарнымъ запасомъ, заведя прочныя связи съ деревней, наладивъ жилищный вопросъ, рабочій классъ будетъ жить не такъ ужъ плохо, во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше. чѣмъ до войны, и безконечно лучше, чѣмъ если бы сейчасъ возстановился буржуазный порядокъ.

Рабочій классъ это чувствуетъ и понимаетъ. Соціалистическое хозяйство стало для него своимъ, кровнымъ дѣломъ, отъ котораго онъ не откажется. Онъ все болѣе чувствуетъ себя въ соціалистической республикѣ хозяиномъ въ своемъ домѣ. Онъ сдѣлаетъ все, чтобы этотъ домъ сталъ его вѣчнымъ и нерушимымъ владѣніемъ.

Н. Осинскій.

Національзація промышленности.

I.

Экономическія и политическія условія, въ какихъ приходилось осуществлять Совѣтской власти національзацію промышленности, были необычайно трудны и тяжелы.

Истощенное войной хозяйство, 60% производства котораго въ теченіе 3 лѣтъ войны непроизводительно растрачивалось; паденіе производительности труда вслѣдствіе предшествующей систематической голодовки рабочихъ массъ и безпрестанныхъ мобилизацій, взявшихъ наиболѣе активную часть рабочихъ; паденіе южнаго и западнаго районовъ Россіи, снабжавшихъ промышленность углемъ, металломъ и продовольствіемъ: гражданская война съ бѣлой гвардіей и наступленіемъ имперіалистовъ,— вотъ условія, въ которыхъ приходилось проводить величайшій актъ экономической политики пролетаріата.

Но національзація промышленности диктовалась всѣмъ положеніемъ вещей.

Съ переходомъ государственной власти въ руки пролетаріата переходъ средствъ производства отъ капиталистовъ къ рабочимъ дѣлается неизбѣжнымъ на другой же день послѣ переворота.

Необходимость немедленно сломать сопротивленіе противника, немедленно укрѣпить свою экономическую базу, поднять производство приводитъ къ рѣшительной національзаціи финансовыхъ средствъ, банковъ, къ національзаціи фабрикъ, заводовъ, къ національзаціи сырья, полуфабрикатовъ и готовыхъ продуктовъ.

Основнымъ положеніемъ соціализма всегда являлись обобществленіе средствъ производства и «экспропріація экспропріаторовъ». Въ осуществленіи этого принципа всѣ соціалисты видѣли достиженіе двоякой цѣли: вырывалось изъ рукъ господствовавшаго класса капиталистовъ наиболѣе сильное и дѣйствительное средство и орудіе господства, угнетенія и эксплоатаціи рабочихъ массъ; съ другой стороны, обобществленіе средствъ производства являлось завершеніемъ предшествовавшаго экономическаго прогресса и создавало почву для дальнѣйшаго его развитія, сознательно и планомѣрно направляемаго соціалистическимъ обществомъ.

Въ капиталистическомъ, буржуазномъ строѣ національзація промышленности, монополія того или иного продукта, приводитъ къ усиленію вліянія господствующаго класса, а слѣдовательно, и къ усиленію эксплоатаціи трудящихся классовъ.

Но когда у власти становится пролетаріатъ, тогда его первѣйшей задачей является національзація промышленности. Въ жизнь вступаютъ новыя правовыя формы, создаются новыя основы общественной жизни, происходитъ крушеніе института частной собственности.

Оглядываясь назадъ, на истекшій годъ, мы ясно видимъ, какъ шагъ за шагомъ Совѣтская власть неуклонно шла по пути національзаціи всей промышленности, осуществляя этимъ тѣ задачи, къ какимъ привели все предшествующее объективное экономическое развитіе и революція.

II.

Практическое проведеніе націонализаціи происходило, какъ и можно было заранѣе предполагать, съ большими затрудненіями. Выше мы уже указывали на тѣ тяжелыя общія экономическія условія, въ какихъ приходилось проводить націонализацію.

Но, помимо общихъ условій, трудность заключалась въ недостаткѣ организаторовъ, знающихъ людей, которые могли бы взять на себя техническое и административное управленіе предпріятіями. Въ этихъ условіяхъ, конечно, нельзя было думать произвести націонализацію сразу, однимъ ударомъ изъ центра.

Процессъ націонализаціи шелъ и сверху, и снизу, и изъ центра, и изъ периферіи.

Приходится, къ сожалѣнію, признать, что полнаго и точнаго учета всѣхъ націонализированныхъ предпріятій до сихъ поръ не имѣется. Цѣлый рядъ отраслей промышленности былъ цѣликомъ и безъ исключенія націонализированъ, и управленіе ими централизовано въ Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства.

Въ настоящее время цѣликомъ націонализированы слѣдующія отрасли промышленности:

1) горная, 2) нефтяная, 3) резиновая, 4) электротехническая, 5) сахарная, 6) водный транспортъ.

Въ значительной части націонализированы главнѣйшія и крупнѣйшія предпріятія, на долю которыхъ выпадаетъ большая часть производства слѣдующихъ отраслей промышленности:

1) Металлургической и машиностроительной, 2) текстильной, 3) химической, 4) полиграфической.

Если мы обратимся къ даннымъ по отдѣльнымъ предпріятіямъ,—даннымъ, значительно преуменьшеннымъ, собираемымъ Отдѣломъ Организаціи Производства В. С. Н. Х.,—то мы увидимъ слѣдующую картину движенія во времени числа націонализированныхъ предпріятій:

Націонализація предпріятій.

ВРЕМЯ НАЦІОНАЛИЗАЦІИ.	Націонализировано предпріятій.	Секвестровано предпріятій.
Съ 23 октября по 15 мая	234	70
„ 15 мая „ 1 іюня	110	80
„ 1 іюня „ 1 іюля	132	61
„ 1 іюля „ 1 августа	91	3
Итого	567	214

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что въ то время, какъ въ первые мѣсяцы въ среднемъ націонализировалось по 50-ти предпріятій въ мѣсяцъ, въ послѣдніе мѣсяцы каждый мѣсяцъ націонализировалось по 100.

До іюня націонализація шла, главнымъ образомъ, снизу: мѣстные совѣты и совѣты народнаго хозяйства производили націонализацію и объявляли государственной собственностью по тѣмъ или инымъ мотивамъ цѣлый рядъ предпріятій.

Было націонализировано и секвестровано предпріятій на 1-е іюля 1918 года.

	Націонализировано.		Секвестровано.	
	Число.	%%	Число.	%%
1. Совѣтомъ Народныхъ Коммисаровъ и Высш. Сов. Народн. Хозяйства . .	107	23	25	12
2. Областными Совѣтами Народнаго Хозяйства	216	46	124	58
3. Мѣстными органами	142	31	62	30

Такимъ образомъ, процессъ націонализаціи шелъ снизу, и дѣятельность мѣстныхъ, особенно областныхъ, совѣтскихъ органовъ обгоняла дѣятельность центра. Но съ 1-го іюля, наоборотъ, начался сравнительно быстрый процессъ централизаціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельность центра получила вполнѣ опредѣленное преобладаніе. 28-го іюня 1918 года былъ изданъ извѣстный декретъ, которымъ были націонализированы всѣ крупныя предпріятія во в с ѣ х ъ отрасляхъ промышленности. Этимъ сразу націонализація была вдвинута въ широкія прочныя рамки. Въ дальнѣйшемъ дѣло свелось исключительно къ органической работѣ, созданію заводоуправленій и центральныхъ правленій, вѣдающихъ сразу нѣсколькими предпріятіями или же отраслями промышленности.

Націонализація промышленности началась и развивалась, главнымъ образомъ, въ области т я ж е л о й индустріи; только съ теченіемъ времени захватывались остальныя отрасли промышленности. Въ этомъ отношеніи какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ совѣтскіе органы понимали ясно все громадное значеніе овладѣнія въ первую очередь добычей топлива, т.-е. рудниками, копями и нефтяными промыслами, а затѣмъ тяжелой металлургической и машиностроительной промышленностью. Даже съ первыхъ шаговъ, несмотря на специфическій «карательный» характеръ, какой имѣла націонализація вначалѣ,—даже въ это время скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, она обращалась, главнымъ образомъ, на предпріятія тяжелой индустріи. Но постепенно въ кругъ націонализаціи захватывались предпріятія другихъ отраслей, и, такимъ образомъ, самая націонализація какъ бы «выравнивалась».

По тѣмъ же даннымъ Отдѣла Организаціи Производства В. С. Н. Х., которыя, несмотря на свою завѣдомую неполноту, являются все же единственными данными, мы видимъ слѣдующую группировку націонализированныхъ предпріятій по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности:

Національзировано предпріятій по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности.

№№	НАИМЕНОВАНІЕ ГРУППЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.	Количество національзированныхъ предпріятій на 1-е іюня.		Количество національзированныхъ предпріятій на 1-е августа.	
		Число.	%	Число.	%
1	Горнометаллургическая и металлообрабатывающая	218	42	294	37
2	Топливо	21	4	25	3
3	Электротехническая	18	3	19	3
4	Волокнистыхъ. веществъ	26	5	47	6
5	Химическія	42	8	72	9
6	Дерево и бумага	62	12	94	12
7	Минералы	10	2	67	8
8	Пищевыхъ и вкусов. продуктовъ .	61	12	74	9
9	Полиграфическія	17	3	33	5
10	Смѣшанныя производства	46	9	66	8
		521	100	791	100

36% общаго числа національзированныхъ предпріятій на 1-е августа приходятся на горную и металлообрабатывающую промышленность (294 предпріятія изъ 791); 9% составляли предпріятія химической промышленности, волокнистыхъ веществъ—6%, количество полиграфическихъ предпріятій къ августу увеличилось съ 17 до 33 и возросло съ 3 до 5% къ общему числу предпріятій.

К. Каутскій въ своей брошюрѣ «На другой день послѣ соціальной революціи» былъ правъ, указывая, что «для превращенія въ собственность государства всего болѣе пригодны національныя средства транспорта: желѣзныя дороги, пароходы (мы ихъ національзировали одними изъ первыхъ; въ настоящее время національзированный флотъ насчитываетъ до 17-ти тысячъ судовъ, В. М.), а также предпріятія въ производствѣ сырья и полуфабрикатовъ, рудники, лѣса, желѣзодѣлательные и машиностроительные заводы и т. п.».

Практика русской революціи подтвердила правильность этого замѣчанія.

III.

Система организаціи заводоуправленій и правленій имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ управленія національзированной промышленностью. Организаторская работа въ этомъ направленіи должна была преодолѣвать громадныя трудности. Съ устраненіемъ капиталистовъ, за немногими исклю-

ченіями, произошло и устраненіе высшаго административно-техническаго персонала: директоровъ, управляющихъ, главныхъ инженеровъ. Устраненіе происходило или въ силу саботажа высшаго административно-техническаго персонала, активно примыкавшаго къ изгоняемымъ капиталистамъ, тѣсно связаннаго съ ними и выступавшаго единымъ фронтомъ противъ рабочихъ, или же въ силу полной неприспособленности директоровъ, управляющихъ, главныхъ инженеровъ, завѣдующихъ и т. п. къ новымъ требованіямъ, къ новымъ производственнымъ отношеніямъ, къ новымъ формамъ управленія хозяйственной жизнью страны.

Дѣйствительно, капиталистическое хозяйство выработало особый типъ администратора-техника, знающаго, какъ вести предпріятіе въ условіяхъ конкуренціи, выжиманія изъ рабочихъ максимума энергіи, прижимокъ, надувательства и хищничества. И вотъ теперь передъ такимъ администраторомъ-техникомъ ставится новая задача: вести хозяйство въ интересахъ общества, забыть объ эксплоатаціи рабочихъ, перейти отъ системы хищничества и погони за прибылью къ планомѣрному руководству и т. д. и т. п. Естественно, что настолько переродиться директора, управляющіе, главные инженеры и т. п., воспитанные и вскормленные капитализмомъ, не могутъ. Новое соціалистическое хозяйство имъ такъ же чуждо, какъ и они ему. Въ результатѣ неизбѣжные конфликты, столкновенія и оставленіе предпріятія или изгнаніе изъ предпріятія.

Когда-то, въ предшествующее, дореволюціонное время, многіе изъ соціалистовъ, писавшихъ о соціальной революціи (Каутскій, Бебель и др.), полагали, что руководителей капиталистическимъ хозяйствомъ удастся мирно и безболѣзненно сдѣлать, принимая во вниманіе ихъ опытъ, знанія и умѣнье, техническими руководителями соціалистическаго хозяйства. Они жестоко ошиблись. Воспитанный въ капиталистической атмосферѣ, старый руководитель капиталистическаго хозяйства, за немногими исключеніями, оказался непригоденъ для новаго соціалистическаго хозяйства.

Найти, воспитать новыхъ руководителей и организаторовъ соціалистическаго хозяйства, чтобы проникнуться имъ сознаніемъ и духомъ соціализма,—такова страшно важная задача. И легко себѣ представить, съ какими трудностями пришлось столкнуться нашей молодой національнизированной промышленности на этомъ пути.

Таково одно изъ серьезныхъ затрудненій въ дѣлѣ управленія національнизированными предпріятіями, которое понемногу все же удается преодолѣвать. Въ настоящее время подобраны довольно значительные кадры знающихъ инженеровъ и техниковъ, стоящихъ во главѣ управленія національнизированными предпріятіями.

Но пришлось столкнуться въ процессѣ проведенія управленія національнизированными предпріятіями и съ другимъ серьезнымъ препятствіемъ, исходившимъ отъ рабочихъ.

Со стороны части рабочихъ при проведеніи національнализаціи былъ проявленъ своеобразный синдикализмъ. Они полагали, что управленіе національнализированными предпріятіями должно перейти въ руки соотвѣтствующаго профессіональнаго союза. Въ первые мѣсяцы послѣ октября прокатилась цѣлая волна подобнаго синдикализма. Желѣзнодорожники полагали, что желѣзныя дороги должны были быть какъ бы ихъ собственностью и находиться въ полномъ ихъ владѣніи, рѣчники то же самое проводили въ отношеніи рѣчного флота, рабочіе того или иного предпріятія точно такъ же думали, что предпріятіе при національнализаціи должно принадлежать имъ. Управленіе національнизированными предпріятіями, къ сожалѣнію, пошло вначалѣ по этому пути.

Центральные комитеты желѣзнодорожниковъ, рѣчниковъ, заводскіе комитеты отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вступили въ управленіе соотвѣтствующими предпріятіями.

Скоро, однако, вскрылись вредность и непригодность подобной системы управленія націонализированной промышленностью.

Развились профессіональный сепаратизмъ, безконтрольное распоряженіе средствами; многолюдные комитеты больше засѣдали и обсуждали, чѣмъ распоряжались и дѣлали дѣло. Нужно, однако, было, повидимому, пройти эту школу, чтобы найти правильную форму организаціи.

Подобное ошибочное уклоненіе было сравнительно быстро изжито, и общерабочіе интересы и общественные восторжествовали надъ узкимъ, мѣщанскимъ профессіонализмомъ.

Въ результатѣ укрѣпилась и повсюду теперь проводится система управленія, которая сочетаетъ знаніе и опытъ техническаго персонала, знаніе, опытъ и заинтересованность въ дѣлѣ рабочихъ опредѣленной профессіи или отдѣльнаго націонализированнаго предпріятія и, наконецъ, общіе интересы и цѣли и общее руководство. Эта система была утверждена на первомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ Народнаго Хозяйства (съ 26 мая по 4 іюня 1918 г.).

Мы не будемъ подробно останавливаться на разсмотрѣніи разработаннаго «Положенія объ управленіи націонализированными предпріятіями», а приведемъ лишь его наиболѣе важные пункты.

На каждомъ заводѣ, фабрикѣ, рудникѣ и т. п., перешедшемъ въ собственность Совѣтской республики, образуется фабрично-заводское управленіе. Двѣ трети фабрично-заводскаго управленія назначаются областнымъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства или Высшимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства (если предпріятіе непосредственно подчинено центральному правленію), при чемъ Совѣтъ Народнаго Хозяйства имѣетъ право предоставить областному или всероссійскому профессіональному объединенію выдвигать половину кандидатовъ.

Одна треть членовъ управленія избирается профессіонально-организованными рабочими предпріятія. Фабрично-заводское управленіе должно включать въ свой составъ одну треть спеціалистовъ изъ числа техническихъ и коммерческихъ служащихъ.

Списокъ членовъ фабрично-заводскаго управленія, по конструированіи его и избраніи предсѣдателя, представляется на утвержденіе ближайшаго органа высшаго управленія.

Ближайшій органъ высшаго управленія имѣетъ право, если въ этомъ встрѣчается необходимость, назначать въ фабрично-заводское управленіе націонализированнаго предпріятія своего представителя, который получаетъ право рѣшающаго голоса и право пріостанавливать рѣшенія фабрично-заводскаго управленія, противорѣчащія общественнымъ интересамъ, переносяодновременно пріостановленное рѣшеніе на разсмотрѣніе ближайшаго органа высшаго управленія.

Такъ организуются и организовались фабрично-заводскія управленія на отдѣльныхъ заводахъ, фабрикахъ и рудникахъ націонализированныхъ предпріятій.

Но, помимо управленія отдѣльнымъ предпріятіемъ, необходимо было создать высшіе органы управленія группами предпріятій и цѣлыми отраслями промышленности.

Въ составѣ Областныхъ Совѣтовъ Народнаго Хозяйства для этой цѣли образуются органы управленія предпріятіями по отраслямъ производства. Эти органы (областныя правленія націонализированныхъ предпріятій) образуются изъ кандидатовъ, избранныхъ на совмѣстныхъ конференціяхъ представителей областныхъ профессіональныхъ производствен-

ныхъ объединеній и утвержденныхъ Областнымъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства. Въ составъ областнаго правленія делегируется не менѣе одного представителя областныхъ профессіональныхъ объединеній и не менѣе одного представителя В. С. Н. Х.

Въ составѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства образованы центральныя управленія націонализированными предпріятіями. Таковы управленія резиновой промышленностью, сахарной, группой заводовъ металлургической и машиностроительной промышленности (Сормово-Коломна) и др.

Въ составъ центральнаго правленія делегируются представители центральныхъ профессіональныхъ объединеній. Наконецъ, общее руководство отдѣльными отраслями промышленности сосредоточено въ рукахъ Главныхъ и Центральныхъ Комитетовъ и Отдѣловъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Всего Главныхъ и Центральныхъ Комитетовъ насчитывается въ настоящее время 14 (изъ нихъ наиболѣе важные: Центротекстиль—вѣдающій текстильной промышленностью, Главкожа—кожевенной. Главсахаръ, Главлѣсъ и т. д.) и наиболѣе важные отдѣлы В. С. Н. Х.—отдѣлъ Металла, Горный, Химическій, Полиграфическій и др.

Такъ организовано снизу доверху управленіе націонализированной промышленностью и вылито въ стройную систему, строго-централизованную.

Путь былъ труденъ, но опытъ и коллективное творчество сравнительно быстро справились съ этой задачей, и теперь мы имѣемъ вполнѣ опредѣленную, живую организацію управленія націонализированной промышленностью.

IV.

Результаты націонализаціи сказываются сильнѣйшимъ образомъ уже въ силу самаго факта перехода средствъ производства, матеріаловъ и готовыхъ издѣлій промышленности и прибыли изъ рукъ частныхъ предпринимателей въ руки государства.

Это сказалось прежде всего въ вопросѣ демобилизаціи промышленности. Теперь можно съ полной увѣренностью утверждать, что безболѣзненность, съ какой была проведена демобилизація большей части нашей промышленности, объясняется именно переходомъ предпріятій въ руки государства.

При демобилизаціи капиталисты просто прикрывали предпріятія, распуская рабочихъ. Благодаря націонализаціи происходило переоборудованіе заводовъ, имъ давались новые заказы, ихъ поддерживали и финансировали, несмотря на тѣ неизбѣжные убытки, какіе получались при этомъ. Только благодаря націонализаціи удалось спасти большую и важнѣйшую часть металлургической и машиностроительной промышленности, а также химическую и др.

Въ задачи настоящей статьи не входитъ разсмотрѣніе общаго экономическаго положенія страны и тѣхъ проблемъ, какія встаютъ въ области организаціи производства, но необходимо подчеркнуть, что правильное разрѣшеніе производственныхъ задачъ стало возможно только въ силу націонализаціи.

Государство сосредоточило въ своихъ рукахъ добычу топлива, а благодаря этому и его распредѣленіе: 100 милліоновъ пудовъ нефти, какое имѣется въ настоящее время у насъ, 60 милліоновъ пудовъ торфа, добытыхъ нами, около 100 милліоновъ пудовъ угля, вслѣдствіе цѣлесообразнаго ихъ распредѣленія, несмотря на крайнюю недостаточность, даютъ возможность поддерживать транспортъ и производство.

Благодаря націонализаціи части машиностроительной промышленности явилась возможность поднять и усилить производство и ремонтъ вагоновъ и паровозовъ, а также поставить производство с.-х. машинъ и орудій.

Въ текстильной промышленности нами было національнзировано до 700 милліоновъ аршинъ тканей, что дало твердую основу для товарообмѣна. Ежемѣсячное производство текстильной промышленности достигало 200 милл. аршинъ тканей и поступало также въ распоряженіе государства.

Національнзація промышленности неизбѣжно ведетъ и къ національнзаціи торговли. Разъ средства производства, матеріалы и готовые продукты сосредоточены уже въ рукахъ государства, то неизбѣжнымъ становится переходъ въ руки государства и распредѣлительнаго аппарата.

Наше соціалистическое хозяйство должно представлять единую систему, производственныя функціи которой неразрывно связаны съ распредѣлительными. Національнзація промышленности въ своемъ развитіи приводитъ къ народному хозяйству, во всѣхъ своихъ частяхъ построенному по единому плану удовлетворенія производственныхъ и потребительныхъ нуждъ страны,—иначе говоря, даетъ прочную основу для соціалистическаго строя.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Національнзація промышленности, проведенная въ истекшемъ году, дала возможность окончательно сломать сопротивленіе буржуазіи и саботажъ высшаго техническаго персонала.

2) Національнзація промышленности, осуществляемая вначалѣ путемъ національнзаціи отдѣльныхъ предпріятій затѣмъ вылилась въ форму національнзаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности и, наконецъ, всей промышленности.

3) Національнзація дала возможность безболѣзненно произвести демобилизацію промышленности и направить производство на удовлетвореніе потребностей страны.

4) Благодаря національнзаціи въ рукахъ государства сосредоточены громадные запасы сырья, полуфабрикатовъ и готовыхъ издѣлій.

5) Организація правильнаго товарообмѣна стала возможна только послѣ національнзаціи промышленности.

6) Въ настоящее время достигнута централизація управленія національнзированными предпріятіями, благодаря чему создана основа планомѣрнаго, организованнаго управленія хозяйственной жизнью страны Совѣтской властью.

Вл. Милютинъ.

Совѣтскій законъ о землѣ.

Сколько-нибудь полныхъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ проводится на мѣстахъ совѣтскій законъ о землѣ, еще нѣтъ.

Вообще полное осуществленіе декрета о землѣ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ совершенно немыслимо уже по причинѣ крайней технической сложности работъ, необходимыхъ для проведенія его въ жизнь, и отсутствія въ распоряженіи мѣстныхъ Совѣтовъ нужныхъ спеціалистовъ.

Замѣтимъ, что на окраинахъ и въ другихъ оторванныхъ отъ культурныхъ центровъ мѣстахъ Совѣтская власть установилась совсѣмъ недавно. самый законъ дошелъ туда, можно сказать, на-дняхъ, и въ такихъ южныхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., Сѣверный Кавказъ, земля оказалась уже запаханной прежде, чѣмъ могъ возникнуть вопросъ о томъ или иномъ проведеніи земельнаго закона. А въ иныхъ мѣстахъ борьба съ контръ-революціей, вѣдь, не закончена еще и до сего дня.

Кромѣ того, значительная часть бывшей помѣщичьей и крестьянской земли засѣяна прошлой осенью средствами ея бывшихъ или теперешнихъ фактическихъ владѣльцевъ. Это обстоятельство исключаетъ пока озимыя поля изъ распредѣленія или, во всякомъ случаѣ, препятствуетъ проведенію его согласно закону.

Наконецъ, считаются въ деревняхъ и съ тѣмъ, что въ теченіе ближайшаго времени должны вернуться изъ плѣна милліоны земледѣльцевъ, которые предъявятъ въ каждой деревнѣ свои права на землю.

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ предпринятое теперь распредѣленіе земель вездѣ и всюду признается лишь в р е м е н н ы м ъ, лишь мѣрой п е р е х о д н о й къ будущему полному осуществленію земельнаго закона, въ который жизнь, несомнѣнно, внесетъ не одну поправку.

Тѣмъ не менѣе начало положено уже тѣмъ основнымъ фактомъ, что. во-первыхъ, вся помѣщичья земля перешла въ фактическое пользованіе крестьянъ, а во-вторыхъ, вся земля вообще, и крестьянская въ томъ числѣ. поступила въ той или иной степени для распредѣленія между крестьянами на тѣхъ или иныхъ болѣе или менѣе уравнительныхъ началахъ.

Практика создала н ѣ с к о л ь к о т и п о в ъ р а с п о р я ж е н і я з е м л е й, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Первый типъ опредѣляется наличностью одного или нѣсколькихъ изъ слѣдующихъ условій.

Помѣщичьихъ имѣній въ области нѣтъ, или ихъ немного, земли въ округѣ достаточно. Совѣтская власть слаба или установилась совсѣмъ недавно.

Въ такихъ мѣстахъ,—гдѣ-нибудь на юго-востокѣ Европейской Россіи или въ Сибири,—обыкновенно не ощущается м ѣ с т н о й надобности въ измѣненіи земельныхъ распорядковъ въ такой степени, какъ въ другихъ мѣстностяхъ. Здѣсь сила закона успѣла сказаться пока, главнымъ образомъ, въ томъ, что отпали п р а в о в ы я п р е п я т с т в і я, мѣшавшія

бѣдноте пользоваться землей. Помѣщичья земля, если она есть, иногда дѣлится, съ разрѣшенія Совѣта, между окрестными деревнями на кругъ и воздѣлывается крестьянами каждой деревни уже въ мѣру ихъ силъ и средствъ. Изъ свободнаго фонда, гдѣ онъ есть, земля отводится каждому желающему въ любомъ количествѣ. Совѣтъ заботится здѣсь прежде всего о томъ, чтобы вся земля или по возможности большее количество ея было засѣяно. Конечно, ни о какой нормѣ, ни о запрещеніи наемнаго труда тутъ чаще всего рѣчи нѣтъ.

Но это, несомнѣнно, лишь первые шаги въ дѣлѣ проведенія закона. Къ нимъ нерѣдко теперь же вносятся значительныя поправки. Напримѣръ, богатые крестьяне обязываются Совѣтомъ,—и это проводится на дѣлѣ,—предоставить свой инвентарь тѣмъ изъ малоимущихъ крестьянъ, кому его нехватаетъ, для обработки ихъ участковъ, или же богатѣи обязываются вспахать и засѣять для общественныхъ надобностей тѣ участки посѣвной площади данной деревни, которые почему-либо остались необработанными. Иные Совѣты постановили урожай съ озимыхъ полей снять общественнымъ порядкомъ и уравнительно распредѣлить по ѣдокамъ, а излишекъ передать въ Совѣтъ. Кое-гдѣ предположено взять урожай на учетъ е щ е н а к о р н ю для лучшаго контроля.

Нѣсколько неожиданнымъ на первый взглядъ, но довольно распространеннымъ слѣдствіемъ такого зачаточнаго проведенія закона и, въ сущности, значительной поправкой къ нему служитъ о б щ е с т в е н н а я з а п а ш к а. Можно назвать цѣлыя деревни и цѣлыя волости въ разныхъ концахъ Россіи, осуществившія общественную запашку. При этомъ весь наличный инвентарь, бывшій помѣщичій и частно-хозяйскій, крестьянскій, идетъ во временное общественное пользованіе подъ руководствомъ Совѣта. Совѣтъ же снабжаетъ общину сѣменами по извѣстной нормѣ на ѣдока.

Такимъ образомъ, получается слѣдующая оригинальная система хозяйства: фактически обобществленная земля, частновладѣльческій инвентарь, коллективный трудъ и коллективно распредѣляемый продуктъ.

Второй типъ распоряженія землей создается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовали паразитическія, полуфеодальныя помѣстья, практиковавшія аренду, отработки, испольную и другія крѣпостническія системы эксплоатаціи.

Такія помѣстья, по общему правилу, были разгромлены, а помѣщичья земля, уже вѣками обрабатывавшаяся крестьянами съ помощью ихъ собственнаго инвентаря, распредѣлена между ними по той или иной потребительной нормѣ на ѣдока.

Это распредѣленіе временное, приблизительное. Въ него вошли о з и м ы я, засѣянныя старымъ порядкомъ. Вообще такое распредѣленіе далеко еще не ломаетъ всѣхъ перегородокъ, оставшихся на землѣ въ наслѣдіе отъ помѣщичьяго, общиннаго и частновладѣльческаго режима. Предстоитъ еще просто расчистка земли отъ средневѣковыхъ пережитковъ, не говоря уже о болѣе справедливомъ передѣлѣ в с е й земли (въ томъ числѣ и крестьянской) и объ организаціи хозяйства на новыхъ началахъ.

Дальнѣйшее проведеніе закона неизбѣжно подниметъ вопросъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи средствъ производства.

Къ тому же во время экспропріаціи помѣщиковъ бѣднота оставалась обыкновенно на задпемъ планѣ. Львиная доля попадала обыкновенно крѣпкому мужику, хотя бы уже по той простой причинѣ, что у него было на чемъ вывезти экспропріированное имущество. Теперь бѣднота вынуждена обращаться за инвентаремъ къ крестьянской буржуазіи, какъ за одолженіемъ, за которое надо изрядно платить. И хорошо еще, если мѣстный Совѣтъ хочетъ и можетъ вмѣшаться въ это. Но слабость мѣстной Совѣтской власти какъ-разъ и характерна для областей съ описаннымъ укладомъ

земельныхъ отношеній. Это именно тѣ области, гдѣ кулацкіе элементы нерѣдко проникаютъ въ совѣты, прикидываясь сторонниками Совѣтской власти, и распоряжаются тамъ по своему усмотрѣнію.

Третій типъ распоряженія землей наблюдается въ тѣхъ районахъ сельскаго хозяйства, гдѣ развилось крупное сельскохозяйственное производство, нерѣдко построенное по послѣднему слову сельскохозяйственной техники. Въ такихъ районахъ и культурный уровень населенія обычно выше, и Совѣтская власть крѣпче. Въ нихъ есть организованные батраки и рабочіе сельскохозяйственной промышленности, иногда, еще во время революціи 1905 года, заложившіе здѣсь первыя ячейки политическихъ и профессіональныхъ организацій. Разгромъ имѣній въ такихъ областяхъ— случай сравнительно рѣдкій. Имѣнія были взяты на учетъ со всѣмъ инвентаремъ, хозяйственнымъ обзаведеніемъ и запасомъ продуктовъ. Изъ такихъ имѣній теперь образованы, при содѣйствіи Совѣтской власти, коллективныя трудовыя хозяйства—с е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы я к о м м у н ы. Въ составъ коммунъ входятъ рабочіе экономій и бѣднѣйшіе крестьяне, у которыхъ нѣтъ своего инвентаря.

Обращеніе бывшихъ помѣщичьихъ имѣній въ трудовыя коммуны— явленіе весьма распространенное, имѣющее подъ собой такую солидную почву, какъ полная невозможность для очень значительной части крестьянства, особенно вернувшагося съ фронта, иначе приступить къ земледѣльческому труду. Можно не только назвать десятки и сотни такихъ трудовыхъ коммунъ, но и указать цѣлые уѣзды, гдѣ почти всѣ бывшія помѣщичьи имѣнія обращены въ трудовыя сельскохозяйственныя коммуны. Въ томъ случаѣ, если идея коммунистическаго хозяйства не встрѣчаетъ сочувствія среди мѣстныхъ крестьянъ, земельный отдѣлъ Совѣта ведетъ хозяйство на свой счетъ, подъ управленіемъ своихъ завѣдующихъ, наемнымъ трудомъ. Иногда имѣнія отводятся подъ коммуны городскихъ рабочихъ.

Излишекъ земли большихъ экономій, обращенныхъ въ трудовыя коммуны, поступаетъ для надѣленія недостаточныхъ хозяйствъ по извѣстной потребительной нормѣ. При этомъ самое распредѣленіе производится съ большой планомѣрностью, но все же носитъ временный характеръ. Точно такъ же излишекъ инвентаря, мертваго и живого, распредѣляется Совѣтомъ между малоимущими хозяевами по невысокой, обыкновенно довоенной, цѣнѣ. Крупныя сельскохозяйственныя орудія Совѣтъ удерживаетъ въ своемъ распоряженіи для общественнаго пользованія. Вообще интересы крестьянской бѣдноты соблюдаются здѣсь съ наибольшей полнотой, противъ деревенской буржуазіи принимаются наиболѣе энергичныя мѣры.

Мы не входимъ здѣсь въ критику закона и способовъ его примѣненія. Но намъ хотѣлось бы сдѣлать нѣкоторые выводы изъ вышеизложеннаго.

Ясно, что говорить о соціализаціи земли можно пока лишь въ отношеніи ничтожной доли ея, отошедшей подъ трудовыя коммуны. Послѣднія дѣйствительно являются зародышами будущаго соціалистическаго, коммунистическаго хозяйства на землѣ. Пользованіе же остальной массой земли происходитъ на старыхъ основахъ частно-собственническаго хозяйства, мѣстами съ широкимъ примѣненіемъ при запашкахъ этой весны артельнаго начала, столь хорошо знакомой деревнѣ «помочи».

Распредѣленіе земли прошло пока лишь черезъ свою предварительную, временную фазу и даже далеко еще не охватило всего количества земель въ тѣхъ или иныхъ округахъ (крестьянскихъ, надѣльныхъ и въ большинствѣ случаевъ к у п ч и х ъ земель, озимыхъ помѣщичьихъ полей и т. д.).

Этотъ фактъ имѣетъ огромное соціальное и политическое значеніе. Онъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что произведенный передѣлъ земли не устранилъ еще въ деревнѣ всѣхъ пережитковъ крѣпостнической

эпохи—черезполосицы, кабальной зависимости отъ богатѣевъ и т. п.; онъ показываетъ, во-вторыхъ, что въ деревнѣ предстоитъ еще жестокая классовая борьба, въ которой деревенская бѣднота должна сказать свое послѣднее слово.

Ближайшимъ образомъ борьба пойдетъ за хлѣбъ, за общественное использованіе будущаго урожая; далѣе—за средства производства, за болѣе справедливое распредѣленіе инвентаря и всей земли.

Какія бы формы ни приняла эта борьба, указанныя объективныя условія позволяютъ намъ высказать свою глубокую увѣренность въ томъ, что пролетарское и полупролетарское большинство деревни, не успѣвшее еще какъ слѣдуетъ сорганизоваться для перваго натиска на деревенскую буржуазію, окажетъ попрежнему свое содѣйствіе городскому пролетаріату въ его борьбѣ съ буржуазіей, вообще за установленіе соціалистическаго строя.

Это, однако, вовсе не предрѣшаетъ формъ сельскаго хозяйства на распредѣленной на новыхъ началахъ землѣ. Дѣйствительная соціализація земли, предусмотрѣнная всего лишь однимъ параграфомъ одного маленькаго раздѣла закона (§ 35, раздѣлъ 7-й). вовсе не обусловливается еще хотя бы и самымъ совершеннымъ проведеніемъ этого закона. Послѣдній лишь расчищаетъ почву для введенія соціалистическаго хозяйства на землѣ.

Водворится ли оно и какъ скоро въ деревнѣ,—будетъ зависѣть отъ того въ какой мѣрѣ подвинется впередъ соціализація хозяйства въ странѣ вообще и въ какой мѣрѣ въ особенности сумѣютъ сельскія трудовыя коммуны, коммунистическое меньшинство деревни, убѣдить частно-собственническое большинство ея путемъ наглядняго примѣра въ прямой выгодности коллективнаго сельскаго хозяйства передъ единоличнымъ.

В. Карпинскій.

Хлѣбная монополія.

Капитализмъ, какъ хозяйственная система, характеризуется двумя основными соціально-экономическими признаками: 1) анархіей производства и 2) эксплоатаціей человѣка человѣкомъ.

Предѣлы той и другой опредѣлялись въ каждую данную эпоху общими условіями производительности и національнаго богатства, съ одной стороны, и степенью организованности борющихся классовъ и группъ—съ другой. Реальная доля трудящихся въ общественномъ доходѣ падала, но борьба за повышеніе ея шла непрерывно. Организація производства и снабженія отдѣльными союзами капиталистовъ—синдикаты и тресты—прокладывала себѣ путь въ противовѣсъ полной хозяйственной анархіи, вводя экономическую борьбу сильныхъ организованныхъ группъ вмѣсто взаимной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ безконечнаго числа отдѣльныхъ предпринимателей.

Война сразу измѣнила и раздвинула всѣ прежде существовавшіе предѣлы анархіи производства и эксплоатаціи труда и довела ихъ до неслыханныхъ и экономически невозможныхъ размѣровъ. Параллельно съ организованнымъ разгромомъ культуры, съ сокращеніемъ посѣвныхъ площадей и паденіемъ урожайности, съ отвлеченіемъ милліоновъ рабочихъ рукъ отъ производительнаго труда къ дѣлу убійства и фабрикаціи орудій убійства началась чудовищная вакханалія наживы и грабежа, захватившая прежде всего дѣло снабженія городовъ хлѣбомъ.

Въ капиталистическомъ строѣ хлѣбная торговля была всегда областью спекуляціи, и соціальная природа милліоновъ, нажитыхъ на хлѣбной торговлѣ, была всегда цинично ясна. Въ одной современной американской пьесѣ проигравшійся биржевикъ говоритъ: «Мой противникъ нажился на искусственномъ взвинчиваніи цѣнъ на хлѣбъ.—это нечестно; вотъ я составилъ свое состояніе благодаря е с т е с т в е н н о й причинѣ—голоду въ Индіи,—это другое дѣло». Но аграріи и хлѣботорговцы всего міра вполнѣ схожи другъ съ другомъ въ своей соціальной природѣ. Разница лишь въ размахѣ. Средневѣковый эпосъ всѣхъ почти народовъ воспроизводитъ съ разными варіантами легенду о богатомъ крестьянинѣ, который въ годину голода и войны заперъ свои полные хлѣбомъ амбары отъ голодныхъ согражданъ.

Будущій авторъ исторической міровой легенды о хлѣбѣ насущномъ не будетъ нуждаться въ цифровомъ и бытовомъ матеріалѣ для того, чтобы изобразить соціальную природу героевъ хлѣбной скупки во время послѣдней имперіалистической войны. Бѣшеная спекуляція на берлинской хлѣбной биржѣ въ первыя же недѣли послѣ объявленія войны, рѣзкіе скачки цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи, когда въ угоду англійскимъ фермерамъ правительство задерживало отправку хлѣба изъ Индіи или Канады, чудовищ-

ные «хлѣбные заговоры» (Wheat corners) англо-американскаго хлѣбнаго треста, задерживавшаго готовые къ отправкѣ корабли съ хлѣбомъ въ Нью-Іоркъ и Виннипегъ для того, чтобы взвинтить цѣны на хлѣбъ по ту сторону океана, въ Ливерпулѣ и Лондонѣ [1]); наконецъ, подвиги нашихъ собственныхъ, отечественныхъ — самарскихъ, рыбинскихъ, одесскихъ и иныхъ—королей хлѣбной спекуляціи и нашихъ господъ мукомоловъ, чудовищные барыши которыхъ исчислены были въ свое время, еще при самодержавіи, съ достаточной точностью статистиками изъ союза городовъ,— все это дастъ ему огромный, своего рода легендарный матеріалъ. Но въ средневѣковой легендѣ голодные вымираютъ, а жаднаго богача казнитъ стихія: по одной версіи, его съѣдаютъ мыши въ хлѣбномъ амбарѣ, куда онъ прячется отъ гнѣва народнаго, по другой—онъ гибнетъ отъ наводненія. Въ капиталистическомъ строѣ дѣло происходитъ иначе. Такъ какъ во время войны голодные нужны государству для того, чтобы убивать, быть пушечнымъ мясомъ и въ то же время не переставать воздѣлывать поля и работать на фабрикахъ, то капиталистическое государство вынуждено реквизировать хлѣбъ, лежащій въ амбарахъ, объявить на него твердыя цѣны и раздавать его голоднымъ по карточкамъ. А владѣльцы самыхъ полныхъ амбаровъ дѣлаются предсѣдателями такихъ учрежденій, какъ Reichsgetreid stelle (государственная хлѣбная палата въ Германіи), и вмѣсто спекулятивной прибыли получаютъ высокій гонораръ.

Но государственно-капиталистическое хозяйство требуетъ созданія весьма сложнаго аппарата. Реквизировать каждый отдѣльный амбаръ было бы слишкомъ долгой и примитивной работой, и вотъ разъ навсегда отмѣняется частная собственность на собранный хлѣбъ, и буржуазно-имперіалистскій аграрный союзный совѣтъ Германской имперіи объявляетъ хлѣбъ государственной собственностью и отмѣняетъ хлѣбную торговлю. И для того, чтобы возмѣстить аппаратъ частной торговли, начинается строительство сложнаго общественнаго аппарата снабженія.

Построить этотъ аппаратъ и утвердить его оказалось дѣломъ весьма сложнымъ даже и въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Германія, и трудности строительства усугубляются, конечно, той яростной агитаціей, которую ведутъ противъ хлѣбной монополіи, съ одной стороны, хлѣбные дѣльцы въ отставкѣ, а съ другой—недоумѣвающіе, голодные обыватели.

Въ Россіи твердыя цѣны на хлѣбъ для гражданскаго населенія были введены осенью 1916 года, а хлѣбная монополія—25 марта 1917 г., непосредственно послѣ того, какъ пало правительство поощренія дворянскихъ аппетитовъ, не выдержавъ своего собственнаго экономическаго безсилія.

Когда вопросъ о «твердыхъ цѣнахъ» былъ поднятъ осенью 1916 года, споръ объ ихъ размѣрѣ носилъ ясно выраженный классовый характеръ: помѣщики и зажиточные крестьяне, собравшіеся на областные и губернскіе съѣзды, не скрывали своихъ классовыхъ аппетитовъ, вопили, просили, требовали, грозили. Это были послѣдніе съѣзды романовско-помѣщичьей Россіи, гдѣ въ послѣдній разъ провозглашалось право класса крупныхъ землевладѣльцевъ на экспропріацію народныхъ милліоновъ. Дань, которую городскіе потребители хлѣба и бѣднѣйшее крестьянство должны были имъ платить, считалась еще тогда однимъ изъ важныхъ факторовъ образованія цѣнъ. Съ протестомъ же противъ введенія въ исчисленіи твердыхъ цѣнъ этого фактора выступилъ тогда только представитель союза городовъ. Торгъ былъ долгій и жаркій, и представитель союза городовъ былъ, конечно, въ меньшинствѣ. Однако, его неожиданно поддержалъ военный

---

[1]) Подробно о спекуляціи хлѣбомъ во время войны см. статью: «Экономическія предпосылки фиксаціи цѣнъ» въ сборникѣ «Экономика и политика твердыхъ цѣнъ», изд. В. С. П. Х., а также брошюру: «Цѣны на хлѣбъ и мѣропріятія по снабженію населенія хлѣбомъ въ Англіи, Германіи и Франціи во время войны», изд. союза городовъ.

министръ Шуваевъ, которому нужно было имѣть дешевый хлѣбъ для арміи. Въ результатѣ были приняты компромиссныя цѣны.

Аппаратомъ снабженія, которому поручены были закупки хлѣба по новымъ цѣнамъ, должны были явиться губернскіе уполномоченные и ихъ канцеляріи. Кое-гдѣ города пытались брать на себя организацію муниципальнаго снабженія, а въ Сибири выбирали даже явочнымъ порядкомъ продовольственные комитеты всеобщимъ голосованіемъ. Но это были лишь немногочисленныя, робкія, изолированныя попытки, вся же система въ цѣломъ оказалась, конечно, полнѣйшимъ ублюдкомъ и не дала никакихъ результатовъ. Губернскіе уполномоченные вздыхали тамъ и тутъ о томъ, что «разрушена хлѣбная торговля Россіи», но сами не могли, конечно, справиться со своей задачей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ зимой 1917 г. Петроградъ, оставшійся безъ хлѣба, свергъ иго Романовыхъ, споръ снова разгорѣлся, но на этотъ разъ уже въ совершенно иной формѣ.

Въ такъ называемой «государственной продовольственной комиссіи» прежній дѣятель союза городовъ явился уже представителемъ «совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», и выступалъ уже не изолированно, а вмѣстѣ съ группой совѣтской делегаціи противъ делегатовъ Государственной Думы и разнаго рода биржевыхъ дѣятелей, втершихся въ продовольственныя дѣла. Эти господа сдѣлали своимъ лозунгомъ провозглашеніе «свободы торговли въ свободной Россіи» («Да здравствуетъ свободная торговля въ свободной Россіи»—историческая телеграмма биржевого дѣльца Роховича предсѣдателю Совѣта рабочихъ депутатовъ Чхеидзе); другая же сторона выдвигала необходимость не только ввести твердыя цѣны, но и создать государственный аппаратъ хлѣбнаго снабженія, т.-е. ввести въ Россіи институтъ хлѣбной монополіи. И такъ страшенъ былъ призракъ голодныхъ массъ, что членъ временнаго правительства, министръ земледѣлія, кадетъ А. И. Шингаревъ присоединился къ совѣтской делегаціи, и законъ о монополіи былъ подписанъ 25 марта 1917 года. Законъ создавалъ сложный аппаратъ продовольственнаго снабженія въ центрѣ и на мѣстахъ

Государственный продовольственный комитетъ, созданный на паритетныхъ началахъ, долженъ былъ направлять продовольственную политику наверху, въ производительныхъ губерніяхъ должны были работать заготовительные продовольственные комитеты, въ потребительныхъ—распредѣлительные. Тѣ и другіе выбирались не всеобщимъ голосованіемъ, а по принципу представительства отъ группъ. Совѣтамъ было отведено видное мѣсто, но не обойдены были и биржи, и разныя цензовыя и полуцензовыя организаціи.

Введенная на исходѣ третьяго года войны и экономическаго и финансоваго безпстемья хлѣбная монополія, однако, не стала частью большого экономическаго плана. Методы калькуляціи твердыхъ цѣнъ проводились не на основаніи общаго плана товарообмѣна. Твердыя цѣны были введены только на хлѣбъ, о товарообмѣнѣ говорили только вскользь, а всѣ попытки делегатовъ Совѣта рабочихъ депутатовъ въ государственномъ продовольственномъ комитетѣ сдѣлать хлѣбныя мѣропріятія лишь частью общей системы организаціи народнаго хозяйства и труда потерпѣли у временнаго правительства полное фіаско. Правда, попытки превратить вѣдомственную работу продовольствія въ широкую работу снабженія продолжались делегатами С. Р. Д. и при коалиціонномъ правительствѣ, но и здѣсь они натыкались на упорную стѣну глухого непониманія, съ одной стороны, и огромнаго піэтета къ классовымъ и групповымъ интересамъ—съ другой.

Такимъ образомъ, монополія на хлѣбный обмѣнъ являлась не составной частью государственной системы снабженія, а простымъ вѣдомственнымъ мѣропріятіемъ, система же установленія твердыхъ цѣнъ—простымъ

статистическимъ упражненіемъ, а не политическимъ актомъ. Достаточно вспомнить, что въ то самое время, какъ министерство земледѣлія пыталось фиксировать цѣны на хлѣбъ, министерство промышленности не переставало, внимая воплямъ шахтовладѣльцевъ, санкціонировать повышеніе цѣнъ на уголь, и что процессъ этотъ достигъ своего апогея именно при Керенскомъ, чтобы составить себѣ представленіе о томъ дикомъ безсистемьѣ и той классовой почтительности, которые царили тогда во всей экономической политикѣ страны. Не соблюдалось даже элементарное требованіе согласованія цѣнъ, фиксируемыхъ на разные товары.

Октябрьскій переворотъ не принесъ съ собой сразу, да и не могъ принести значительныхъ улучшеній въ этой области. Періоды соціальной ломки и острой политической борьбы обычно характеризуются временной зампикой въ функціонированіи всего народно-хозяйственнаго аппарата.

Соціальная ломка и политическая борьба послѣдняго періода отразились въ силу цѣлаго ряда причинъ нарочито тяжело на продовольственномъ дѣлѣ, и нигдѣ, можетъ-быть, не велось такой ожесточенной борьбы за власть, какъ въ лонахъ продовольственныхъ организацій всякаго масштаба. Умѣренныя партіи, не сочувствовавшія перевороту, всячески пытались сдѣлать изъ дѣла питанія народа орудіе политической борьбы; сторонники Совѣтской власти въ свою очередь пытались овладѣть во что бы то ни стало продовольственнымъ аппаратомъ, и дѣлали это не всегда умѣло, не всегда осторожно, и нерѣдко понижали такимъ образомъ и безъ того невысокій коэфиціентъ полезнаго дѣйствія продовольственныхъ организацій.

Фактической задачей института государственной монополіи является изоляція товарной массы отъ воздѣйствія платежеспособнаго спроса или распредѣленіе товара между потребителями на основахъ соціальной справедливости, а не по индивидуальной платежеспособности каждаго. Въ мирное время буржуазныя правительства вводили обычно монополіи лишь въ интересахъ фиска (монополія на спички во Франціи, на водку въ Россіи, и т. п.), война заставила ввести монополіи на нехватающіе продукты массоваго потребленія въ интересахъ потребителей. Здѣсь мы наблюдаемъ даже такія явленія, какъ доплата государствомъ за ввозной хлѣбъ съ цѣлью удержанія твердыхъ цѣнъ, объявленныхъ у себя дома (Франція. Англія). Эти доплаты въ одиѣхъ странахъ и монополіи въ другихъ являются опредѣленной политикой дешеваго хлѣба, не ставкой на увеличеніе доходовъ фиска, а ставкой на смягченіе соціальнаго недовольства. Успѣшность же достиженія такого результата зависитъ цѣликомъ отъ прочности и мощности того аппарата снабженія, который вытѣснитъ частное предпринимательство во всѣхъ его формахъ и дѣйствительно изолируетъ товаръ отъ протянутыхъ рукъ общественныхъ группъ, захватившихъ большія доли общественнаго дохода, выраженнаго въ денежныхъ знакахъ. Введеніе хлѣбнаго равенства при неравенствѣ денежномъ представляетъ нарочитыя трудности, ибо по законамъ соціальной механики товары будутъ всегда стремиться туда, гдѣ имѣются денежные избытки.

И въ этомъ отношеніи, несмотря на всѣ трудности и неудачи въ области постройки аппарата снабженія, съ которыми пришлось имѣть дѣло совѣтскимъ работникамъ въ первый годъ пролетарской диктатуры въ Россіи, слѣдуетъ все-таки сказать, что общая работа въ направленіи введенія соціальнаго равенства, общая перестройка всего соціально-экономическаго уклада жизни—это и есть та основная работа, которая создастъ необходимыя предпосылки для правильнаго функціонированія аппарата снабженія и распредѣленія. По мѣрѣ того, какъ перестройка соціальнаго организма будетъ итти впередъ, будутъ, конечно, отпадать и специфическія трудности снабженія всѣхъ поровну, и не нужно будетъ затрачивать такъ много энергіи на преодолѣніе соціальнаго трепія.

Такимъ образомъ, получивъ въ наслѣдство отъ стараго режима институтъ хлѣбной монополіи, русскіе коммунисты должны будутъ, принявъ его въ свои руки, придать ему совершенно иной соціальный характеръ. И постольку, поскольку въ области соціальнаго переустройства мы стоимъ передъ реально начатой работой, а не только передъ принципіальной декларацією, мы должны себѣ сказать, что всѣ неудачи и недочеты перваго года монополіи отнюдь не должны насъ смущать.

Если принять во вниманіе, что монополія была введена только на хлѣбъ,—продуктъ, производство котораго распылено по милліонамъ отдѣльныхъ хозяйствъ и который, слѣдовательно, наболѣе поддастся «утечкѣ», и что первые шаги для введенія товарообмѣна въ широкомъ государственномъ масштабѣ были сдѣланы лишь во второй половинѣ 1918 г., если вспомнить, наконецъ, къ какой небывалой транспортной разрухѣ привела Россію война и каково состояніе ея денежнаго хозяйства, то отнюдь не приходится удивляться дефектамъ въ работѣ монополизаціоннаго аппарата. Приходится, наоборотъ, констатировать, что несмотря на всѣ трудности и технические дефекты, аппаратъ уцѣлѣлъ, институтъ сохранился; теперь же необходимо не только укрѣпить и усовершенствовать его технически, но и создать тѣ условія, при которыхъ онъ можетъ функціонировать безъ замшки.

Въ настоящій моментъ противъ государственныхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежитъ «изолировать» хлѣбные продукты «отъ воздѣйствія платежеспособнаго спроса» тѣхъ, кто предлагаетъ за хлѣбъ спекулятивныя цѣны и продастъ его только группамъ, имѣющимъ денежные избытки, выдвигается цѣлая армія такъ называемыхъ «мѣшочниковъ», которые въ свою очередь пытаются изолировать хлѣбъ отъ воздѣйствія государственной машины. И въ результатѣ вмѣсто прежнихъ легальныхъ хлѣбныхъ биржъ образуется своего рода нелегальный рынокъ, цѣны котораго исчисляются съ такимъ расчетомъ, чтобы покрыть всѣ издержки возможныхъ реквизицій и преслѣдованій.

И такъ какъ этимъ господамъ удается провозить малыя партіи хлѣба и продавать его, главнымъ образомъ, въ тѣхъ городахъ, гдѣ населеніе имѣетъ денежные избытки, то отсюда дѣлаются выводы о негодности общественнаго аппарата снабженія и о необходимости возстановить частную торговлю или легализировать, по крайней мѣрѣ, самостоятельное самоснабженіе отдѣльныхъ группъ населенія, вырывающихъ другъ у друга кусокъ.

Въ былыя времена во время холерныхъ эпидемій били врачей, разносили организованные ими для борьбы съ эпидеміей бараки и уничтожали дезинфекціонныя средства, увѣряя, что въ нихъ-то и гнѣздится зараза. Это были мрачныя времена политическаго гнета, и темныя силы умѣло использовали ихъ для борьбы съ самоотверженными работниками культуры. Времена измѣнились, политическій гнетъ уничтоженъ, но еще тяготѣютъ надъ нашимъ сознаніемъ, какъ страшное наслѣдство старыхъ временъ, прежніе методы анализа общественныхъ бѣдствій и прежнее неумѣніе распознать ихъ подлинную природу. Какъ раньше говорили, будто врачи и дезинфекціонныя средства отравляли колодцы и насаждали заразу, такъ теперь увѣряютъ, что хлѣбная монополія и продовольственные комитеты насаждаютъ голодъ.

Но въ отношеніи хлѣбной монополіи сказывается не только неумѣніе проанализировать причины голода и сказать себѣ прямо и открыто, что голодъ есть расплата за преступленія войны,—тутъ на ряду со спутанностью мысли идетъ рука объ руку еще и другой признакъ массовой психологіи, интересы милліоновъ такъ трудно осознать и осмыслить, интересы своей группы такъ узко и жадно понятны каждому въ той бѣшеной борьбѣ группъ за захватъ лишняго куска, которая составляетъ страшную неподкрашенную реальность переживаемаго момента. И фактъ,

что полученный для своей группы лишній кусокъ понижаетъ въ конечномъ счетѣ паекъ в с ѣ х ъ, отнюдь не смущаетъ господъ-захватчиковъ. Наоборотъ, дѣлаются своеобразныя заключенія отъ противнаго: разъ мы или я добыли кусокъ помимо монополіи, то, стало-быть, именно она, монополія, лишила куска всѣхъ остальныхъ, не добывшихъ.

Странная логика, свойственная, однако, отнюдь не только обывателямъ и ловкимъ дѣльцамъ, надѣющимся вернуть времена наживы. Оказывается, что къ соціальной ариѳметикѣ не всегда способны даже и патентованные экономисты и статистики.

Продовольственное дѣло,—пишетъ, напримѣръ, либеральный экономистъ Кафенгаузъ въ «Нашей Родинѣ» отъ 17-го мая, 1918 г.,—хорошо ли, но ведется фактически колоссальной арміей мелкихъ мѣшочниковъ, которые снабжаютъ хлѣбомъ в с ю (курсивъ мой, М. С.) страну.

Какую чудодѣйственную операцію долженъ былъ продѣлать экономистъ Кафенгаузъ надъ понятіемъ «вся», для того, чтобы рѣшиться сдѣлать выводъ такой безупречной неточности! Онъ ни слова не говоритъ намъ о томъ, путемъ какихъ статистическихъ операцій онъ убѣдился, что нѣкоторыя группы населенія, пользующіяся въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстностяхъ мѣшочнымъ хлѣбомъ, равны всей, хотя бы и укороченной брестскимъ договоромъ Россіи. Но ясно, что для того, чтобы притти къ такому выводу, онъ и всѣ иже съ нимъ должны были выкинуть за бортъ четыре правила ариѳметики.

Но эта страшная спутанность понятій и упорное нежеланіе отдѣлить частное отъ общаго идетъ еще дальше. Вмѣсто того, чтобы проанализировать тѣ обіція условія, въ которыхъ развертывается историческая схватка монополій или организованнаго начала съ мѣшочничествомъ или царствомъ интересовъ частныхъ группъ, вмѣсто того, чтобы указать, наконецъ, субъективные дефекты лицъ и учрежденій, проводящихъ въ жизнь монополію, монополія осуждается въ принципѣ, какъ общественно-правовой аппаратъ, и насъ приглашаютъ смести этотъ послѣдній уже для того, чтобы вернуть къ жизни старый, надежный, частно-правовой аппаратъ. И тутъ опять отмѣняются всѣ правила статистики и логики, и дѣлаются два произвольныхъ допущенія: 1) что частная торговля справится съ той транспортной разрухой, съ которой не справляются государственно-общественныя учрежденія, и 2) что она снабдитъ хлѣбомъ все населеніе городовъ и потребительныхъ мѣстностей, и притомъ въ достаточномъ количествѣ. И такъ велика эта вѣра въ чудодѣйственную силу хлѣбныхъ скупщиковъ, что имъ прощаютъ всѣ ихъ міровые грѣхи по части спекуляціи и чуть ли не сознательно игнорируютъ ихъ соціальную природу. И такъ какъ они блестяще использовали въ свое время въ своихъ выгодахъ недостатокъ кораблей и вагоновъ, то, вѣроятно, потому вопреки всякой логикѣ именно имъ предлагается теперь бороться съ транспортной разрухой въ интересахъ не своего кармана, а всего населенія.

Но такова ужъ логика пріоритета групповыхъ интересовъ надъ общими, что частно-правовое хозяйство кажется представителямъ ея всегда продуктивнѣе общественно-правового, пока оно хорошо снабжаетъ опредѣленныя группы.

Но даже тамъ, гдѣ не дѣлается выводъ непосредственно въ пользу возстановленія хлѣбныхъ биржъ, мы встрѣчаемся съ однимъ любопытнымъ новообразованіемъ массовой психологіи: въ средѣ полудеклассированной бѣдноты выработалась особая психологія групповаго стяжанія.

Между умирающей психикой индивидуализма и неокрѣпшей еще психикой коммунизма возникаетъ особый типъ кооперативной психики—добычи продукта не для себя лично, а для компактной организованной группы. Объединяются въ закупочныя и потребительныя группы и мыс-

лять только интересами этихъ группъ, требуя имъ нарочитыхъ правъ. Теченіе это весьма сильно, и поскольку оно перекидывается и въ чисто-пролетарскіе слои, оно принимаетъ тамъ обликъ своеобразнаго продовольственнаго синдикализма: закупки фабриками, заводами и даже цѣлыми союзами; при этомъ всегда выдвигается на первый планъ общественный, якобы, характеръ такихъ закупокъ—для в с е г о кооператива, для ц ѣ л о й фабрики. Всѣмъ продовольственнымъ работникамъ приходилось бороться съ этимъ групповымъ эгоизмомъ, и борьба ведется еще до сихъ поръ. Дать этому теченію полную волю значило бы открыть плотину и дать хлынуть потоку, который затопитъ и твердыя цѣны, и равномѣрное распредѣленіе. да и самый институтъ хлѣбной монополіи. Это была бы жестокая борьба за захватъ куска, въ которой многіе осуждены на пораженіе.

Но на ряду съ преодолѣніемъ этихъ психологическихъ препятствій и на ряду съ осуществленіемъ необходимыхъ соціальныхъ предпосылокъ для укрѣпленія хлѣбной монополіи необходимы еще и чисто-экономическія предпосылки.

Послѣвоенный періодъ, въ который мы живемъ, даетъ картину отчаянной деградаціи нашего денежнаго хозяйства. Денежная единица становится все менѣе и менѣе устойчивой, и такъ стремителенъ темпъ паденія ея, что всѣ обычныя, медленно дѣйствующія средства для возстановленія условій относительной устойчивости оказываются неприложимыми. При такихъ условіяхъ деньги, какъ мѣновая единица, утрачиваютъ все больше и больше свое значеніе.

Съ другой стороны, поскольку спекулятивная прибыль изъята изъ обращенія, какъ факторъ образованія цѣнъ, поскольку процессъ націонализаціи промышленности и огосударствленія обмѣна захватываетъ все новыя и новыя отрасли производства, мы стоимъ передъ проблемой выработки и новыхъ принциповъ обмѣна, въ особенности поскольку дѣло касается о б м ѣ н а т р у д а г о р о д с к о г о н а т р у д ъ з е м л е д ѣ л ь ч е с к і й.

Чтобы сдѣлать дѣйствительными назначаемыя твердыя цѣны на хлѣбъ, необходимо уйти за предѣлы хлѣбо вѣдомственныхъ политикъ двухъ старыхъ режимовъ, ибо фиксація цѣнъ можетъ имѣть сколько-нибудь реальную базу лишь въ системѣ продуктообмѣна, когда она касается ряда важнѣйшихъ продуктовъ первой необходимости, аппаратъ снабженія которыми взятъ въ руки государства.

Самые методы калькуляціи должны быть измѣнены и построены не столько на старомъ пріемѣ опредѣленія коэфиціентовъ роста себѣстоимости, сколько на вычисленіи трудовыхъ эквивалентовъ общественнаго обмѣна.

Тутъ выдвигается одна изъ важнѣйшихъ задачъ предсоціалистическаго хозяйства: введеніе эквивалентовъ обмѣна одного вида человѣческаго труда на другой.

Рабочій не пользуется полнымъ продуктомъ своего труда, и при обмѣнѣ товаровъ или обмѣнѣ одного вида человѣческаго труда на другой рабочій получаетъ только тѣ продукты чужого труда, которые составляли эквивалентъ неэкспропріированной части его рабочаго времени. Съ другой стороны, пользоваться полнымъ продуктомъ труда можно было, вѣроятно, только на островѣ, гдѣ живетъ нѣсколько Робинзоновъ и гдѣ организація распредѣленія не требуетъ никакого добавочнаго труда. Съ обобществленіемъ снабженія и организаціей производства формы распредѣленія дѣлаются весьма сложными, поглощая большое количество человѣческаго труда, который не является на первый взглядъ непосредственно-производительнымъ. Такимъ образомъ, дѣленіе рабочаго дня промышлен-

пыхъ и земледѣльческихъ рабочихъ на двѣ основныхъ части остается, но вторая часть перестаетъ быть добычей капитала, а распредѣляется между работниками государственныхъ организацій обмѣна, идетъ въ общественный фондъ воспроизводства и т. д.

Соотвѣтственно съ этимъ мѣняется и соотношеніе между той частью рабочаго дня, которая обмѣнивается на часы труда, производящіе непосредственныя потребительныя цѣнности, и на тѣ часы труда, которые поглощаются государственной машиной обмѣна и другихъ общественно полезныхъ видовъ труда. Но новое раздѣленіе можетъ быть построено и вычислено только тогда, когда будутъ приняты во вниманіе и разныя условія снабженія въ городѣ и деревнѣ или различныхъ мѣстностяхъ страны—земледѣльческихъ, промышленныхъ, отдаленныхъ отъ производительныхъ районовъ и т. д. И всѣ эти исчисленія, которыя должны приводить разнаго рода трудъ къ простому труду, должны быть закрѣплены въ видѣ «твердыхъ цѣнъ» на продукты труда. Если система вольныхъ цѣнъ составляетъ какъ бы святая-святыхъ капиталистическаго режима, а въ чисто соціалистическомъ строѣ мы совсѣмъ не будемъ имѣть дѣла съ денежными эквивалентами труда, то совершенно очевидно, что промежуточный періодъ, въ который мы живемъ теперь, долженъ имѣть и свою промежуточную стадію эволюціи понятія «ц ѣ н а». Изъ этого понятія можно и должно удалить въ порядкѣ раціонализированныхъ процессовъ снабженія и производства всѣ элементы экспропріаціи прибавочной стоимости и спекулятивной наживы, но зато это же понятіе должно, наконецъ, стать само по себѣ символомъ обмѣна часа общественно-полезнаго труда нормальной напряженности на часъ такого же труда въ другой отрасли человѣческой дѣятельности. Деньги превращаются въ счетныя деньги и утрачиваютъ характеръ «самостоятельнаго» фактора.

Сумѣть ввести эти продукто-трудовые эквиваленты въ жизнь, сумѣть ввести ихъ, притомъ какъ условіе реализаціи производительныхъ плановъ,—это значитъ рѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ предсоціалистическаго хозяйства и это значитъ въ то же время поставить институтъ хлѣбной монополіи на прочную экономическую базу. При такой базѣ хлѣбная монополія будетъ дѣйствительно одной изъ экономическихъ основъ диктатуры пролетаріата.

Русскихъ коммунистовъ нерѣдко обвиняютъ въ томъ, что, измѣняя идеаламъ соціализма, они подмѣняютъ ихъ какимъ-то особеннымъ «распредѣлительнымъ» соціализмомъ. Нелишне, однако, напомнить этимъ легковѣснымъ обвинителямъ, что распредѣлительныя системы потребленія ввели отнюдь не коммунисты и даже не соціалисты, а ввела ихъ желѣзная логика военной необходимости руками буржуазно-имперіалистскихъ правительствъ въ порядкѣ соціальной профилактики. И если европейскіе соціалисты требовали отъ правительствъ введенія такихъ мѣръ въ жизнь, а русскіе коммунисты, пришедшіе къ власти, не только не упразднили ихъ, но и, наоборотъ, сдѣлали чуть ли не основой своей продовольственной политики, то не ясно ли, что хлѣбная монополія и связанныя съ ней «уравнительныя» и «классовыя» системы распредѣленія знаменуютъ собой цѣлый этапъ въ экономическомъ развитіи Европы, а не нарочитое изобрѣтеніе плохихъ коммунистовъ?

Если вдуматься въ существо происшедшаго измѣненія, то приходится отдать себѣ отчетъ въ томъ, что мы переживаемъ соціально-экономическій сдвигъ, значеніе котораго колоссально. И если партія коммунистовъ въ Россіи, отдавая себѣ отчетъ въ происходящемъ экономическомъ процессѣ, дѣлаетъ его той реальной экономической базой, на которой она строитъ надстройку пролетарской диктатуры и перехода къ соціалистическому хозяйству, то европейскія правительства обречены избирать дру-

гой путь: противорѣчивыхъ метаній между неизбѣжнымъ переходомъ къ публично-правовому хозяйству и отстаиваніемъ до послѣдней возможности права опредѣленныхъ классовъ на владѣніе землей и орудіями производства.

Стоитъ только всмотрѣться въ процессъ перехода отъ частно-правового хозяйства къ общественно-правовому, какъ онъ теперь совершается въ Европѣ, чтобы сразу увидѣть этотъ двойственный противорѣчивый характеръ экономической политики разлагающагося капитализма. Въ Германіи правительство аграріевъ вынуждено вопреки самому себѣ, обуздать аппетиты послѣднихъ съ самаго начала войны и ввести хлѣбную монополію для того, чтобы сдѣлать дѣйствительными твердыя цѣны на хлѣбъ и обезпечить хлѣбный паекъ рабочимъ.

Хлѣбъ достается всѣмъ по праву на него, а не по покупательной способности. Власть денегъ ограничивается, ибо этого императивно требуютъ абсолютный недостатокъ хлѣба въ странѣ и необходимость дорожить рабочей силой. Черезъ эти объективные факторы не въ силахъ перескочить даже всесильная буржуазія. Она бросаетъ аграріямъ подачку дешеваго труда военноплѣнныхъ, даетъ имъ, гдѣ и когда можетъ, «преміи» и «надбавки» и все-таки вынуждена строить тотъ аппаратъ снабженія, благодаря которому парализуется всемогущество платежеспособнаго спроса и товарная масса изолируется отъ воздѣйствія его. Въ хозяйственной системѣ, построенной на денежномъ обращеніи, въ хозяйственной системѣ, гдѣ деньги являются не только эквивалентомъ труда, но и самостоятельнымъ факторомъ образованія цѣнъ, строится и укрѣпляется такая система, которая пытается свести на-нѣтъ покупательную мощь денегъ. Война, начатая для укрѣпленія капитализма и разсчитанная на обузданіе соціальныхъ броженій, открываетъ неожиданно дверь для огромныхъ противорѣчій въ экономикѣ капиталистическаго режима.

Еще рѣзче сказывается это въ Англіи, когда правительство Асквита, защищающее «свободу торговли» изо всѣхъ силъ и не устающее твердить о ней рабочимъ, вынуждено ввести законъ о правѣ государства на реквизиціи цѣлыхъ отраслей промышленности для того, чтобы взять на основаніи его подъ государственный контроль угольныя копи, а годъ спустя реквизировать и весь торговый флотъ страны. Это дѣлается подъ угрозой всеобщей забастовки углекоповъ и нарастающаго соціальнаго броженія низовъ, дѣлается вопреки всѣмъ принципамъ, декларациямъ и лицемѣрнымъ проповѣдямъ,—дѣлается потому, что военная экономика, слишкомъ далеко заведшая анархію производства и норму эксплоатаціи, не позволяетъ сдѣлать иначе. Самымъ пикантнымъ является то, что всѣ эти акты пишутся въ качествѣ дополненія къ тому самому введенному съ начала войны знаменитому закону о защитѣ королевства, который явился въ рукахъ правителей Англіи главнымъ орудіемъ угнетенія трудящихся, отнятія у нихъ права стачекъ и права контроля надъ интенсивностью труда и заработной платой и всѣхъ правъ ихъ союзовъ и позволилъ ввести цензуру, произвольные аресты и даже агентовъ-провокаторовъ.

Подобно магу, вызвавшему къ жизни таинственныя силы, съ которыми онъ не въ состояніи справиться, правительства Европы не въ состояніи справиться съ тѣми экономическими силами, которыя они же ввели въ исторію объявивъ войну. И смущенный лепетъ Рейсимана (Runciman), министра торговли въ министерствѣ Асквита, объявившаго о введеніи новаго закона, хотя онъ всего лишь нѣсколько дней назадъ заявлялъ съ той же парламентской трибуны о незыблемости свободы торговли, непреложности закона спроса и предложенія, заставляетъ журналъ «Economist» вспомнить двѣ строфы изъ Байрона о дамѣ, которая «сдалась, твердя ах, никогда не сдамся я!».

Германія накладываетъ руку на хлѣбъ и металлы. Англія реквизируетъ шерсть, уголь, корабли. Военное хозяйство имѣетъ какъ бы свои символы, и, будучи вынужденнымъ сдаться и итти по пути государственной регулировки промышленности и земледѣлія, правительство каждой страны идетъ опять-таки не по случайному пути, а по пути, диктующемуся самымъ характеромъ ея народнаго хозяйства. На Западѣ весь этотъ экономическій фундаментъ не имѣетъ еще до сихъ поръ вполнѣ соотвѣтствующихъ ему соціально-политическихъ надстроекъ, и поэтому вся экономическая работа имѣетъ противорѣчивый характеръ и является актомъ соціальной самозащиты буржуазіи, а не рѣшительнымъ дѣйствіемъ пролетаріата, диктующаго свою волю.

Но то, что буржуазія дѣлаетъ противорѣчиво и въ интересахъ своей коллективной организаціи, буржуазнаго, имперіалистическаго государства, то пролетаріатъ о б я з а н ъ дѣлать послѣдовательно и планомѣрно въ интересахъ г р о м а д н а г о б о л ь ш и н и с т в а. Захватывая и подчиняя себѣ область п р о и з в о д с т в а, онъ идетъ къ соціалистическому хозяйству, реорганизуя соотвѣтствующимъ образомъ и распредѣленіе. Чѣмъ тверже будетъ его рука, тѣмъ безболѣзненнѣе будетъ процессъ перехода.

М. Смитъ.

Муниципализація жилищъ.

I. Соціально-экономическія предпосылки муниципализаціи жилищъ.

Вызванное міровой войной разрушеніе народнаго хозяйства уже къ концу перваго года войны повело къ рѣзкому ухудшенію условій существованія трудящихся классовъ. Растущее обнищаніе грозило накопленіемъ недовольства въ широкихъ массахъ, и это заставляло имперіалистскія правительства искать средствъ для смягченія матеріальнаго положенія массъ. Однимъ изъ таковыхъ средствъ явилось запрещеніе повышать наемную плату за жилище, ростъ которой тяжело отражался на положеніи городской бѣдноты.

Установленныя такимъ образомъ «твердыя цѣны» на жилище въ условіяхъ обезцѣненія денегъ и разрушенія народнаго хозяйства повели къ цѣлому ряду тяжелыхъ послѣдствій для жилищнаго вопроса.

При обезцѣненіи денегъ и непрерывномъ ростѣ всѣхъ цѣнъ автоматически росли расходы по управленію, содержанію и ремонту зданій. Если къ началу 1916 г. рубль обезцѣнился до 50 коп., къ началу 1917 г. до 20 коп., а къ концу его до 10 коп., то соотвѣтственно этому обезцѣненію должны были увеличиться номинально и расходы по домовладѣнію.

При быстромъ ростѣ расходовъ и при «твердыхъ цѣнахъ» на жилище неизбѣжно было одно изъ двухъ: или домовладѣльцы должны были отказаться отъ своей чистой прибыли, или должны были рѣзко сократиться необходимые расходы по эксплоатаціи владѣній. Произошло послѣднее.

Не желая отказываться отъ полученія нетрудовыхъ доходовъ для поддержанія своего классоваго «standard of life», домовладѣльцы прибѣгли къ хищнической эксплоатаціи ихъ имущества, всемѣрно сокращая расходы по управленію, содержанію и ремонту домовъ; стремясь возможно больше выжать изъ своей собственности, собственники домовъ во многихъ случаяхъ за 3—4 года войны не вбили ни одного гвоздя, не покрасили ни разу крыши.

Съѣдая такимъ образомъ фондъ возстановленія капитала, затраченнаго на постройку домовъ, домовладѣльцы начали жить за счетъ разрушенія жилищъ.

Надо замѣтить, что еще раньше, чѣмъ началось систематическое разрушеніе жилищъ ихъ собственниками, совершенно пріостановилось всякое домостроительство, которое при низкихъ цѣнахъ за жилище и при высокой стоимости возведенія постройки не могло дать предпринимателю обычнаго барыша.

Для того, чтобы остановить процессъ разрушенія жилищъ и возстановить ремонтъ домовъ, логически мыслимы были два пути: или предоставить домовладѣльцамъ повысить реальную величину жилищной платы до прежняго уровня, т.-е. допустить номинальное ея повышеніе во много разъ, или же устранить классъ домовладѣльцевъ, продолжающій жить за счетъ хищнической эксплоатаціи ихъ собственности.

Что касается повышенія въ нѣсколько разъ квартирной платы, то оно наталкивалось на непреодолимыя затрудненія: **бюджеты широкихъ массъ городского населенія тѣсно приспособились къ низкому уровню квартирныхъ цѣнъ, къ небольшимъ относительно расходамъ на жилище, и для того, чтобы поднять квартирную плату въ нѣсколько разъ, государственной власти пришлось бы не только отмѣнить здѣсь твердыя цѣны, но и оказать прямую физическую поддержку домовладѣльцамъ** въ борьбѣ съ квартиронанимателями, не имѣющими въ своемъ бюджетѣ средствъ для огромнаго увеличенія квартирной платы.

На такой путь не рѣшалось стать даже самодержавное буржуазно-помѣщичье правительство, какъ ни дороги были ему интересы домовладѣльцевъ и какъ ни мало оно считалось съ требованіями трудовыхъ классовъ.

Что касается второго пути для разрѣшенія жилищной проблемы — полнаго устраненія домовладѣльцевъ и лишенія ихъ права проживать наемную плату, предназначаемую на содержаніе жилищъ, то этотъ путь до октябрьской революціи былъ немыслимъ по соціально-политическимъ условіямъ.

* * *

По мѣрѣ того, какъ затягивалась война и продолжали оставаться твердыя цѣны, предназначавшіяся вначалѣ на короткое время, жилищная проблема все болѣе заходила въ тупикъ.

Къ концу войны, когда рубль обезцѣнился въ 10 и болѣе разъ, наемная плата за жилище, какъ таковое (безъ отопленія), повысилась, какъ показываютъ податные оцѣночные матеріалы, не болѣе, чѣмъ на 10 — 15%.

Иначе сказать, **реальная величина платы за жилище къ концу 1917 г. была въ 8 — 10 разъ ниже довоеннаго уровня, далеко отставая отъ всѣхъ существующихъ твердыхъ цѣнъ.**

Если имѣть въ виду, что расходы по содержанію, управленію и ремонту домовъ поглощали въ мирное время до 30 — 40% всей наемной платы, то съ повышеніемъ ихъ въ 10 разъ пропорціонально общему росту цѣнъ они стали въ 3 — 4 раза превышать весь валовой доходъ владѣнія.

Такимъ образомъ, если даже весь валовой доходъ затрачивать на покрытіе расходовъ, то и тогда только для того, чтобы устранить хищническую эксплоатацію домовъ и остановить ихъ дальнѣйшее разрушеніе, надо было въ 3 — 4 раза поднять существовавшую наемную плату,— иначе сказать, даже полное устраненіе класса домовладѣльцевъ и обращеніе всѣхъ доходовъ полностью на содержаніе и ремонтъ зданій къ концу 1917 г. уже не спасали положенія, и чтобы хоть сколько-нибудь предотвратить неизбѣжное разрушеніе наличнаго запаса жилищъ, надо было, кромѣ устраненія собственниковъ, найти средства для максимальнаго удешевленія издержекъ по содержанію и ремонту зданій.

Такимъ средствомъ могла быть лишь замѣна экономически невыгодныхъ мелкихъ и среднихъ домовладѣльческихъ хозяйствъ крупными хозяйствами, допускающими значительное сбереженіе въ расходахъ по эксплоатаціи.

Только объединивъ мелкія и среднія владѣнія въ крупныя хозяйства, только сконцентрировавъ управленіе домами и организовавъ въ широкомъ масштабѣ ремонтныя работы и заготовку матеріаловъ для нихъ, можно было значительно удешевить расходы по эксплоатаціи домовъ безъ ущерба для нихъ [1]).

Такъ стояла жилищная проблема къ концу войны и къ началу переворота; новой Совѣтской власти, какъ и въ другихъ областяхъ общественно-экономической жизни, доставалось тяжелое наслѣдство; чтобы предотвратить дальнѣйшій распадъ, необходимы были, какъ и въ другихъ вопросахъ, смѣлые шаги, радикальныя мѣры.

Вступивъ на путь муниципализаціи жилищъ, Совѣтская власть сдѣлала тотъ шагъ, который диктовался всей совокупностью условій; устраняя классъ домовладѣльцевъ и отнимая у нихъ право непроизводительно растрачивать средства, предназначаемыя для содержанія жилищъ, передавая недвижимости въ руки мѣстныхъ Совѣтовъ и открывая тѣмъ возможность замѣны мелкихъ хозяйствъ крупными и экономически-выгодными, муниципализація открывала путь для разрѣшенія жилищной проблемы, заведенной въ тупикъ войной и разваломъ народнаго хозяйства [2]).

II. Декретъ о муниципализаціи жилищъ.

Для того, чтобы то или иное соціальное преобразованіе было поставлено въ порядокъ дня и проведено въ жизнь, оно должно стать требованіемъ какого-либо опрѣдѣленнаго, стоящаго за нимъ класса. За требованіемъ 8-часового рабочаго дня или контроля надъ производствомъ стоялъ промышленный пролетаріатъ, за экспропріацію крупнаго землевладѣнія боролось крестьянство, и поэтому тѣ и другіе лозунги были лозунгами соціалистическаго переворота.

Не то въ вопросѣ объ экспропріаціи домовладѣнія и муниципализаціи его: **это требованіе не является требованіемъ какого-либо опредѣленнаго класса.**

---

[1]) Что могли дать концентрація домохозяйства и максимальное использованіе преимуществъ крупныхъ хозяйствъ, объ этомъ можно судить по тому, что огромное большинство владѣній не только въ провинціальныхъ городахъ, но и въ столицахъ представляетъ собой мелкія и среднія хозяйства.

Въ Москвѣ, напримѣръ, около $^3/_5$ всѣхъ владѣній имѣло годичный валовой доходъ ниже 9.000 р. Съ другой стороны, издержки по содержанію мелкой и средней собственности въ нѣсколько разъ выше расходовъ по содержанію крупной. Такъ, напримѣръ, по даннымъ инструкціи для оцѣнки недвижимостей въ Москвѣ, утвержденной Московской Городской Управой въ 1913 г., обыкновенные расходы по домовладѣнію (кромѣ расходовъ на отопленіе) отнимали въ одномъ и томъ районѣ города:

Во владѣніяхъ съ валовой доходностью въ:	Процентовъ.
1.000 — 1.500 руб.	45
5.000 — 6.000 „	30
9.000 — 10.000 „	26
25.000 — 30.000 „	21
120.000 и выше „	11

т.-е. концентрація домохозяйства открываетъ возможность сократить въ 3 — 4 раза издержки по эксплоатаціи для огромной массы домовъ.

[2]) Разрушивъ имперіалистической войной народное хозяйство, буржуазія не имѣла въ своемъ багажѣ никакихъ средствъ для борьбы съ его разваломъ. Въ частности по отношенію къ жилищной проблемѣ во всей дореволюціонной буржуазной экономической литературѣ мы не находимъ даже намека на какую-либо программу ближайшей жилищной политики; со времени же октябрьской революціи у нея нѣтъ никакой другой программы, кромѣ генерала на бѣломъ конѣ, отъ котораго она ожидаетъ разрѣшенія всѣхъ проблемъ.

Въ немъ заинтересованы всѣ слои городской демократіи, но въ то же время механизмъ повседневныхъ жизненныхъ отношеній не дѣлаетъ какой-либо классъ борцомъ за это требованіе: наниматели помѣщеній — не какой-либо классъ, объединенный солидарностью интересовъ,—наниматели помѣщеній, какъ таковые, къ какому бы классу они ни принадлежали, есть просто городскіе обыватели, а такъ какъ политическая исторія—это борьба классовъ, то поэтому муниципализація земель и домовъ, несмотря на ея легкую осуществимость, несмотря на всѣ ея выгодныя для соціализма стороны, не попала въ программы партій, выковываемыя въ процессѣ повседневной классовой борьбы.

Даже въ процессѣ начавшагося соціалистическаго переворота вопросъ объ экспропріаціи городского домовладѣнія и муниципализаціи недвижимостей долгое время оставался внѣ поля зрѣнія главнаго борца за переворотъ, пролетаріата, вниманіе котораго было поглощено борьбой за экспропріацію промышленнаго и финансоваго капитала. И только рѣзкое обостреніе жилищной проблемы и начавшаяся систематическая работа по переустройству всѣхъ капиталистическихъ отношеній постепенно остановили вниманіе Совѣтской власти на городскомъ домовладѣніи. Эти условія были причиной того, что муниципализація въ общегосударственномъ масштабѣ была поставлена въ порядокъ дня съ очень большимъ запозданіемъ: только 20 августа, т.-е. черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ переворота, былъ принятъ Центр. Исп. Комитетомъ основной декретъ объ отмѣнѣ права частной собственности в городахъ, и только съ этого времени муниципализація городского домовладѣнія была поставлена, наконецъ, въ порядокъ дня Совѣтскаго строительства.

Декретъ 20 августа является крупнымъ этапомъ въ совѣтской работѣ: послѣ націонализаціи промышленности и соціализаціи земель Совѣтская власть кладетъ здѣсь начало обобществленію мѣстной хозяйственной жизни городовъ.

Указанный декретъ объявляетъ полную муниципализацію всѣхъ земель во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ: «Отмѣняется право частной собственности на всѣ безъ исключенія участки, какъ застроенные, такъ и незастроенные, какъ принадлежащіе частнымъ лицамъ и промышленнымъ предпріятіямъ, такъ и вѣдомствамъ и учрежденіямъ, находящимся въ предѣлахъ всѣхъ городскихъ поселеній» (ст. 1).

При этомъ, отмѣняя частную собственность на землю, декретъ, однако, не уничтожаетъ земельную ренту и лишь передаетъ ее муниципалитетамъ: «Во всѣхъ безъ исключенія городскихъ поселеніяхъ органамъ мѣстной власти принадлежитъ право устанавливать арендную плату за остающіеся въ пользованіи частныхъ лицъ, обществъ или установленій земельные участки какъ застроенные, такъ и незастроенные» (2-е примѣчаніе къ ст. 2).

Соотвѣтственно этому по смыслу декрета земельная рента попрежнему будетъ входить составнымъ элементомъ въ плату за жилище.

Декретъ ничего не говоритъ, будетъ ли въ арендную плату за землю входить одна лишь дифференціальная земельная рента, или также и абсолютная; однако, если принять во вниманіе послѣдующія толкованія, законодатели имѣли въ виду сохраненіе одной лишь диференціальной ренты.

Провозглашая полную муниципализацію всѣхъ городскихъ земель, декретъ держится иной тактики по отношенію къ строеніямъ; послѣднія муниципализируются безусловно лишь въ крупныхъ и среднихъ городахъ, но и здѣсь дѣло идетъ на первое время лишь о частичной муниципализаціи: «Въ городскихъ поселеніяхъ съ числомъ жителей свыше 10.000 отмѣняется право частной собственности на всѣ строенія, которыя вмѣстѣ съ находящейся подъ ними землей имѣютъ стоимость или доходность свыше редѣла, установленнаго органами мѣстной власти» (ст. 2).

Если сопоставить съ этимъ предоставляемое декретомъ право впослѣдствіи расширять сферу муниципализаціи: «Органамъ мѣстной власти предоставляется послѣдующими постановленіями понижать первоначально установленный предѣльный размѣръ стоимости или доходности владѣній, въ коихъ строенія остаются въ частной собственности» (4 примѣчаніе къ ст. 2), то станет ясно, что законодатель, учитывая недостатокъ въ первое время организаціонныхъ силъ и навыковъ, считалъ необходимой постепенность въ захватѣ частной собственности.

Передавая экспропріированныя земли мѣстной власти и устанавливая этимъ муниципализацію ихъ, декретъ, однако, соединяетъ съ муниципализаціей жилищнаго дѣла частичную націонализацію его: «Органамъ мѣстной власти предоставляется часть чистыхъ доходовъ, получаемыхъ съ переданныхъ имъ недвижимостей, но не болѣе $^1/_3$ такихъ доходовъ, употреблять на покрытіе недоборовъ по городскому оцѣночному сбору, происшедшихъ въ связи съ изданіемъ настоящаго декрета, а также на удовлетвореніе общихъ нуждъ городского хозяйства. Часть чистыхъ доходовъ съ недвижимостей въ размѣрѣ $10^0/_0$ мѣстная власть обязана отчислять въ общегосударственный жилищный фондъ, средства котораго предназначаются для образованія новыхъ городскихъ поселеній и на пособіе отдѣльнымъ городамъ для городского строительства. Весь остальной чистый доходъ отъ недвижимостей поступаетъ въ мѣстный городской жилищный фондъ, назначаемый на ремонтъ строеній, на возведеніе зданій, на проведеніе улицъ и т. д.».

Декретъ 20 августа стоитъ на той же позиціи безвозмезднаго отчужденія, какъ и всѣ другіе декреты Совѣтской Республики, касающіеся отмѣны собственности. Это противорѣчитъ тѣмъ предположеніямъ, которыя намѣчались въ соціалистической литературѣ для будущей политики переворота и по которымъ соціализмъ долженъ придти въ моментъ наивысшаго расцвѣта производительныхъ силъ, и пролетарская власть можетъ легко позволить себѣ роскошь оплаты собственническихъ правъ (Каутскій).

Вопреки ожиданіямъ соціализмъ пришелъ не въ моментъ высшаго расцвѣта, а во время всеобщаго развала народнаго хозяйства и прогрессирующаго обнищанія массъ. Въ такихъ условіяхъ самый смыслъ устраненія собственниковъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, заключался именно въ томъ, чтобы избавить народное хозяйство отъ непроизводительнаго потребленія паразитическихъ классовъ и остановить растущее обнищаніе производительнаго населенія; поэтому Совѣтская власть по самому существу дѣла не могла позволить себѣ роскоши вознагражденія собственниковъ, которое оставляло бы за непроизводительными классами право на часть національнаго продукта.

Въ интересахъ сохраненія народнаго хозяйства отъ дальнѣйшаго разрушенія и милліоновъ трудящихся отъ вырожденія и смерти Совѣтская власть должна была быть жестокой по отношенію къ десяткамъ тысячъ собственниковъ.

III. Первые этапы работы.

Еще до изданія декрета отъ 20 августа въ Москвѣ въ Кронштадтѣ и 2—3 другихъ городахъ были сдѣланы попытки муниципализаціи жилищъ.

Въ Москвѣ декабрьскимъ постановленіемъ 1917 г. были фактически муниципализированы владѣнія съ валовымъ доходомъ свыше 750 руб. въ мѣсяцъ.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи огромнаго штата муниципальныхъ управляющихъ-смотрителей, необходимыхъ для завѣдыванія тысячами муниципализированныхъ владѣній, и не желая откладывать проведеніе му-

нципализаціи, Московскій Совѣтъ передалъ управленіе домами въ руки Домовыхъ Комитетовъ; такимъ образомъ, основной организаціонный вопросъ муниципализаціи недвижимостей: кому передать управленіе ими—муниципальной ли администраціи, или организаціямъ нанимателей помѣщеній—рѣшенъ былъ въ пользу этихъ послѣднихъ.

Домовымъ Комитетамъ предоставлено было получать наемную плату, съ правомъ повышать ее, и производить расходы по содержанію и управленію домами, съ обязанностью ч и с т ы й доходъ за покрытіемъ расходовъ вносить въ Кассы Совѣта.

Вскорѣ затѣмъ по ряду обстоятельствъ Совѣтъ установилъ о б я з а т е л ь н ы я отчисленія Домовыми Комитетами въ Кассу Совѣта, н е з а в и с и м о о т ъ р а з м ѣ р о в ъ р а с х о д о в ъ п о в л а д ѣ н і ю; эти обязательныя отчисленія установлены были въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ наемной платѣ на 1 января 1917 года.

Дальнѣйшій ходъ дѣлъ показалъ, что передача управленія недвижимостями Домовымъ Комитетамъ не дала желательныхъ результатовъ. Домовые Комитеты, являясь организаціей обывателей, долгое время упорно отказывались превратиться въ управляющихъ экспропріированными владѣніями, и Жилищному Совѣту пришлось потратить около 2 мѣсяцевъ на то, чтобы только подчинить ихъ себѣ.

Кромѣ того, скоро обнаружились и другіе органическіе недостатки Домовыхъ Комитетовъ въ качествѣ управляющихъ домами.

Будучи по существу представителями квартиронанимателей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы платить за квартиру возможно меньше, Домовые Комитеты являлись заинтересованной стороной. На практикѣ это приводило къ тому, что комитеты избѣгали всякаго повышенія наемной платы и всемѣрно сокращали самые необходимые расходы по содержанію и ремонту домовъ, и это происходило не только на окраинахъ, гдѣ населеніе не могло платить сильно повышенную плату, но и въ центрѣ, гдѣ наниматели не хотѣли заботиться о состояніи зданій. Въ конечномъ счетѣ хищническая эксплоатація владѣція не только не исчезла, но даже усилилась, и вся разница въ этомъ отношеніи сводилась лишь къ тому, что прежде за счетъ такой эксплоатаціи жили собственники, а теперь въ еще болѣе усиленной степени квартиронаниматели.

Къ этому основному недостатку Домовыхъ Комитетовъ присоединялся еще рядъ другихъ: управленіе домами переходило въ руки лицъ, совершенно неприспособленныхъ къ такому дѣлу или смотрящихъ на него какъ на случайную добавочную работу къ ихъ постоянной профессіи: въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ, измѣнявшихъ составъ Комитета, управленіе переходило изъ рукъ въ руки; попрежнему сохранялось мелкое и среднее домовое хозяйство со всѣми присущими ему недостатками, которые теперь даже усиливались, и т. д.

Шестимѣсячный опытъ съ Домовыми Комитетами, обнаружившій всю ихъ несостоятельность, какъ органовъ управленія муниципальными жилищами, заставилъ Московскій Совѣтъ искать другихъ путей, и въ августѣ 1918 г. президіумомъ Московскаго Совѣта было принято постановленіе о квартальныхъ хозяйствахъ.

По этому постановленію Жилищно-Земельному Отдѣлу Совѣта предоставлено объединять всѣ владѣнія одного или нѣсколькихъ кварталовъ въ одно квартальное хозяйство, охватывающее до 350 квартиръ. Такое хозяйство находится подъ управленіемъ особаго управляющаго, назначаемаго Жилищно-Земельнымъ Отдѣломъ изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ населеніемъ квартала или имѣющихся въ распоряженіи Отдѣла.

Управляющій отвѣтственъ исключительно передъ Жилищно-Земельнымъ Отдѣломъ. На ряду съ управляющимъ устанавливается наблюдатель-

ная комиссія, члены которой также *назначаются* изъ населенія квартала тѣмъ же порядкомъ, какъ и управляющій. Роль Комиссіи—исключительно совѣщательная и наблюдательная.

Всѣ доходы хозяйства поступаютъ непосредственно въ сберегательную кассу на текущій счетъ хозяйства, и все расходы за исключеніемъ мелкихъ, производятся выдачей управляющимъ чековъ на сберегательную кассу.

Цѣлью такой организаціи управленія являлось: образовать вмѣсто мелкихъ и среднихъ домовыхъ хозяйствъ крупныя и экономически болѣе выгодныя квартальныя хозяйства; передать управленіе изъ рукъ случайныхъ лицъ въ руки спеціалистовъ дѣла; создать правильную кассовую организацію хозяйства и правильный контроль (Наблюдательныя Комиссіи); замѣнить заинтересованные въ хищнической эксплоатаціи и избираемые квартиронанимателями Домовые Комитеты совѣтской администраціей, извлекая въ то же время (путемъ системы рекомендаціи кандидатов изъ обывательской среды все наиболѣе годные для дѣла элементы.

Одновременно съ введеніемъ муниципальной администраціи въ видѣ управляющихъ квартальными хозяйствами въ Москвѣ намѣчается муниципализація всѣхъ хозяйственныхъ функцій по обслуживанію домовъ: Совѣтъ въ лицѣ своихъ различныхъ отдѣловъ беретъ въ свои руки ремонтъ жилищъ, уборку дворовъ и улицъ, очистку снѣга и нечистотъ въ неканализированныхъ еще владѣніяхъ, снабженіе муниципализированныхъ жилищъ топливомъ и т. п. Такимъ образомъ, намѣчается обобществленіе огромной отрасли городского хозяйства, валовой оборотъ которой въ довоенное время превышалъ 200 милл. руб. на золотую валюту въ годъ при 15 милліардахъ общаго валового дохода всего народнаго хозяйства Россіи.

Значительное сходство съ московскимъ типомъ муниципализаціи въ ея послѣдней стадіи представляетъ муниципализація жилищъ въ Кронштадтѣ, гдѣ были муниципализированы всѣ дома безъ исключенія. Для управленія, содержанія и ремонта муниципальныхъ жилищъ городъ былъ разбитъ на 6 районовъ, въ каждомъ изъ которыхъ были образованы Районные Комитеты, при которыхъ были созданы штаты работниковъ-спеціалистовъ ремонтно-строительнаго дѣла; въ центрѣ же здѣсь стоитъ Центральный Ремонтно-Строительный и Квартирный Комитетъ съ Отдѣлами: снабженія, техническимъ, оцѣночнымъ, финансовымъ и др.

Опытъ, продѣланный отдѣльными городами, легъ въ основу работы по проведенію декрета отъ 20 августа о муниципализаціи жилищъ.

Для достиженія плановомѣрности въ проведеніи муниципализаціи мѣстными Совѣтами основной декретъ 20 августа требуетъ, чтобы каждый Совѣтъ до введенія декрета въ жизнь намѣтилъ себѣ ясный планъ работы въ формѣ «Исполнительнаго Декрета» и получилъ его одобреніе отъ руководящаго центра въ лицѣ Комиссаріата Внутреннихъ Дѣлъ: «Одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе сего основного декрета мѣстные Совдепы обязаны издать въ дополненіе къ нему исполнительный декретъ, опредѣляющій моментъ вступленія въ силу основного декрета, сферу его дѣйствія, органы по проведенію его въ жизнь, обязанности нанимателей, арендаторовъ и домовладѣльцевъ и другія вытекающія изъ сего декрета послѣдствія для мѣстнаго населенія» (ст. 21). «Исполнительный декретъ мѣстнаго Совдепа долженъ быть предварительно представленъ на разсмотрѣніе Комиссаріата Внутреннихъ Дѣлъ и получить его утвержденіе» (ст. 22).

Въ связи съ этимъ для руководства по проведенію на мѣстахъ какъ муниципализаціи домовладѣнія, такъ и начавшейся стихійной муниципализаціи розничной торговли и другихъ отраслей мѣстной промышленности при Отдѣлѣ мѣстнаго хозяйства Комиссаріата Внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ специальный подотдѣлъ муниципализаціи.

Короткій срокъ существованія подотдѣла и общія тяжелыя условія работы (отсутствіе свободныхъ организаторскихъ силъ, затрудненія при сношеніяхъ центра съ провинціей) еще не дали подотдѣлу возможности развернуть свою работу.

Однако за короткій срокъ подотдѣлъ успѣлъ разработать примѣрный исполнительный декретъ, который намѣчаетъ организаціонный планъ муниципализаціи для городовъ различнаго типа, и, кромѣ того, имъ организованы семинаріи и совѣщаніе по муниципализаціи недвижимостей изъ мѣстныхъ работниковъ для совмѣстной разработки инструкцій по ея проведенію и для подготовки работниковъ къ предстоящей работѣ.

Указанное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе 93 делегата отъ 60 городовъ, приняло примѣрный текстъ исполнительнаго декрета и подъ руководствомъ подотдѣла муниципализаціи намѣтило главнѣйшіе принципы и основныя линіи предстоящей организаціонной работы.

Принятые совѣщаніемъ тезисы по докладу Д. Кузовкова «Основные вопросы муниципализаціи» гласятъ:

I. «Исходя изъ того, что классъ домовладѣльцевъ, жившій въ теченіе 4 лѣтъ за счетъ хищнической эксплоатаціи домовъ, продолжаетъ проживать наемную плату за жилища, предназначаемую на содержаніе и ремонтъ ихъ, тѣмъ самымъ усиливая разрушеніе жилищъ, принимающее катастрофическій характеръ, слѣдуетъ признать, что для того, чтобы остановить дальнѣйшее разрушеніе жилищъ необходимы:

а) скорейшее устраненіе домовладѣльцевъ, продолжающихъ жить на счетъ хищнической эксплоатаціи домовъ;

б) скорѣйшее объединеніе мелкихъ и среднихъ домовыхъ хозяйствъ в крупныя хозяйственныя единицы, что должно дать экономію въ расходахъ по управленію, ремонту и содержанію жилищъ;

в) закрытіе части домовъ, которые безъ крупныхъ расходовъ по ремонту грозятъ быстрымъ разрушеніемъ, и организація въ широкомъ масштабѣ ремонта остальныхъ, болѣе сохранившихся.

II. Изъ тѣхъ 7 основныхъ частей, изъ которыхъ слагалась плата за жилище, получавшаяся домовладѣльцемъ (части, идущія 1) на покрытіе расходовъ по управленію и содержанію домовъ, 2) на текущій и капитальный ремонтъ, 3) на амортизацію части чистого дохода домовладѣльца, шедшія 4) на расширеніе производства (накопленіе капитала), 5) на личное непроизводительное потребленіе класса домовладѣльцевъ, и, наконецъ, 6) дифференціальная и 7) абсолютная земельная рента), въ настоящее время, принимая во вниманіе паденіе производительныхъ силъ народного хозяйства и обнищаніе массъ, а также новыя соціально-политическія условія, Жилищно-Земельными Отдѣлами могутъ быть вычеркнуты (окончательно) абсолютная земельная рента и часть платы, шедшая на содержаніе паразитическаго класса домовладѣльцевъ, а также въ отдѣльныхъ случаяхъ (временно) части платы, предназначавшіяся на расширеніе производства и амортизацію.

Отказъ отъ дифференціальной ренты, пока существуютъ созданные капитализмомъ города, создалъ бы привилегированное положеніе для отдѣльныхъ лицъ, а отказъ отъ оплаты расходовъ по управленію, содержанію и ремонту домовъ быстро превратилъ бы наличный запасъ жилищъ въ груду развалинъ.

Жилищно-Земельные Отдѣлы Совѣтовъ обязаны поэтому со всей возможной рѣшительностью указывать какъ населенію, такъ и Совѣтамъ на всю необходимость и неизбѣжность повышенія жилищной платы до размѣровъ, необходимыхъ для предохраненія жилищъ отъ разрушенія.

III. Исходя изъ того, что ближайшей основной задачей муниципализаціи жилищъ является борьба съ разрушеніемъ ихъ, необходимо при-

знать неправильной и близорукой тактику тѣхъ Совѣтовъ, которые муниципализируютъ лишь болѣе крупныя и болѣе доходныя владѣнія, оставляя всю массу менѣе доходнаго мелкаго и средняго домовладѣнія въ хищнической эксплоатаціи собственниковъ.

IV. Считая,

а) что раціональная постановка крупныхъ экономически выгодныхъ домовыхъ хозяйствъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если такія хозяйства будутъ сплошными;

б) что отказъ отъ муниципализаціи менѣе доходныхъ владѣній по самому существу неправиленъ,—необходимо предложить всѣмъ Ж.-З. Отдѣламъ приступить къ образованію на первое время, хотя бы въ незначительномъ количествѣ, крупныхъ сплошныхъ хозяйствъ».

Особенно большое организаціонное значеніе имѣлъ четвертый, послѣдній тезисъ. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ,—главнымъ образомъ финансоваго характера,—Совѣты обычно прибѣгали къ такъ называемой «выборочной» муниципализаціи болѣе крупныхъ владѣній, разбросанныхъ по всему городу, продолжая вести въ нихъ прежнее, т.-е. сравнительно мелкое, домовое хозяйство; принятіемъ указаннаго тезиса представители Совѣтовъ отказывались отъ прежней тактики и переходили къ постепенной «сплошной» муниципализаціи городского домовладѣнія и образованію крупныхъ хозяйственныхъ единицъ.

Вполнѣ понятно, что работа по проведенію муниципализаціи, представляющая огромныя трудности и требующая продолжительнаго времени, только еще начинается, и мы не можемъ еще подвести итоги ни для отдѣльныхъ городовъ, ни тѣмъ болѣе для всей страны. Несомнѣнно только одно: первый этапъ работы, когда господствуютъ неясность организаціонной мысли и непродуманность плана, къ началу 2-го года революціи, благодаря опыту отдѣльныхъ городовъ, пройденъ, и для муниципализаціи уже намѣчены опредѣленныя формы; это значительно облегчитъ и ускоритъ работу тѣхъ городовъ, которые приступаютъ къ муниципализаціи только послѣ изданія общегосударственнаго декрета, тѣмъ болѣе, что организація центральнаго руководящаго органа ускоритъ усвоеніе пріобрѣтеннаго опыта начинающими.

* * *

Какое значеніе будетъ имѣть муниципализація жилищъ въ общемъ соціалистическомъ строительствѣ? Экономическая статистика показываетъ, что производство и содержаніе жилищъ составляютъ крупнѣйшую отрасль всего народнаго хозяйства. По даннымъ англійскаго подоходнаго налога (за $190^3/_4$ г.), изъ общей суммы доходовъ отъ капиталовъ въ 701,4 милл. фун. стерлинговъ на доходы отъ городскихъ недвижимостей падало 198 милл. фунтовъ. Въ Россіи, гдѣ урбанизація сравнительно слаба, чистый доходъ домовладѣльцевъ превышалъ 800 милл. руб. на золотую валюту, валовой же доходъ домовладѣнія превышалъ 1,5 милліарда, при общемъ валовомъ доходѣ народнаго хозяйства въ 15 милл. руб. на золото.

Занимая такое большое мѣсто въ общемъ народномъ хозяйствѣ, производство и содержаніе городскихъ жилищъ являются въ то же время областью распыленнаго мелкаго и средняго производства, царствомъ мелкобуржуазныхъ отношеній, малозатронутымъ общей тенденціей капитализма къ концентраціи.

Достаточно, напримѣръ, напомнить, что даже въ Москвѣ большая половина домовладѣній представляла собой мелкое хозяйство съ годовымъ оборотомъ ниже 9.000 руб.

Муниципализація городскихъ недвижимостей поведетъ къ концентраціи домостроительства, управленія, ремонта и снабженія жилищъ, къ обобществленію огромной отрасли народнаго хозяйства, бывшей въ состояніи полнаго распыленія. Муниципализація производства и содержанія жилищъ будетъ имѣть такое же значеніе, какъ синдицированіе или трестированіе нѣсколькихъ крупныхъ отраслей промышленности, не законченное процессомъ капиталистическаго развитія; на ряду съ муниципализаціей торговли и націонализаціей промышленности муниципализація этой огромной отрасли народнаго хозяйства будетъ имѣть крупнѣйшее значеніе въ дѣлѣ собиранія народнаго хозяйства и соціалистическаго строительства.

Д. Кузовковъ.

Государственный кредитъ и революція.

Міровая война не только оказалась не въ силахъ разрѣшить громадныя противорѣчія внутри капиталистическаго міра, но и еще болѣе обострила ихъ и запутала. Въ частности вопросъ о добываніи средствъ для войны оказался послѣ четырехлѣтнихъ военныхъ дѣйствій въ высшей степени сложнымъ и привелъ къ полной путаницѣ капиталистическихъ отношеній. Веденіе войны потребовало отъ всѣхъ участвующихъ въ ней капиталистическихъ странъ такого громаднаго количества средствъ, о которомъ дѣятели прежнихъ временъ не имѣли даже приблизительнаго представленія. «Міръ еще не видывалъ подобныхъ цифръ»,—говорилъ бывшій англійскій премьеръ Асквитъ, внося въ парламентъ представленіе о новыхъ военныхъ кредитахъ. Съ другой стороны, германскій министръ финансовъ Гельферихъ, внося въ рейхстагъ требованіе новыхъ военныхъ кредитовъ, которыми общая сумма кредитовъ на войну увеличивалась до 40 милліардовъ марокъ (это было еще въ началѣ войны), сказалъ, что половины этой суммы было бы достаточно для того, чтобы построить всю сѣть германскихъ желѣзныхъ дорогъ со всѣмъ ихъ подвижнымъ составомъ, а она строилась въ теченіе цѣлаго столѣтія. По вычисленіямъ нѣкоторыхъ финансистовъ, одинъ годъ настоящей войны стоилъ больше, чѣмъ всѣ войны въ теченіе всего XIX столѣтія.

Въ настоящее время, пока война еще не окончилась (статья написана въ октябрѣ), невозможно дать хоть сколько-нибудь точный подсчетъ ея стоимости. Былъ, правда, сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ подсчета стоимости войны, но въ большинствѣ случаевъ они далеко отстаютъ отъ дѣйствительности. Къ тому же въ большинствѣ случаевъ эти подсчеты не учитываютъ колоссальной растраты человѣческихъ жизней, разрушенія зданій, желѣзныхъ дорогъ, уничтоженія кораблей и грузовъ, запасовъ продуктовъ и т. п.

Приведемъ одинъ изъ этихъ подсчетовъ, болѣе современный и, съ другой стороны, основанный, главнымъ образомъ, на свѣдѣніяхъ о государственныхъ долгахъ,—слѣдовательно, наиболѣе интересный для поставленнаго нами въ данный моментъ вопроса.

Согласно этому подсчету, произведенному Швейцарскимъ Банковскимъ Союзомъ, общій размѣръ стоимости міровой войны составляетъ сумму, приблизительно равную 850—900 милліардамъ франковъ. Въ сравненіи съ прошлыми войнами міровая война обошлась дороже: наполеоновскихъ войнъ—на 879.030 милліоновъ франковъ, франко-прусской войны—на 893.775 милліоновъ франковъ, бурской войны—на 894.615 милліоновъ франковъ, русско-японской — на 888.650 милліоновъ франковъ и балканской войны—на 894 милліарда франковъ. Словомъ, цифры прошлыхъ войнъ представляютъ въ сравненіи со стоимостью настоящей войны весьма незначительныя величины.

Наибольшія суммы расходовъ упали на долю Англіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Германіи, которыя оказывали кредитъ остальнымъ державамъ.

По отдѣльнымъ годамъ войны военные расходы распредѣляются такимъ образомъ, что въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ войны 1914 года общій размѣръ расходовъ по мобилизаціямъ и на военныя дѣйствія опредѣляется въ 50 милліардовъ франковъ, въ 1915 году на эту надобность ушло 130 милліардовъ, въ 1916 году—190 милліардовъ франковъ, въ 1917 году—300 милліардовъ франковъ и въ 1918 году—230 милліардовъ франковъ (приблизительная цифра, явно преуменьшенная).

Расчетъ общей стоимости войны въ 900 милліардовъ франковъ сдѣланъ на основаніи свѣдѣній о государственныхъ долгахъ воюющихъ странъ, такъ какъ суммы на покрытіе военныхъ расходовъ добывались, главнымъ образомъ, посредствомъ займовъ на внутреннемъ или иностранныхъ рынкахъ.

При такомъ способѣ учета расходы по отдѣльнымъ странамъ должны быть разбиты слѣдующимъ образомъ:

Страны.	Задолженность до войны.	Задолжен. по послѣдн. свѣдѣн.	Стоимость войны.
	Въ милліон. франковъ.		
Великобританія	17.907	162.275	144.368
Австралія	479	4.892	4.413
Канада	1.740	5.246	3.506
Новая Зеландія	2.320	3.177	847
Южная Африка	3.001	3.808	807
Франція	34.188	127.050	92.862
Италія	14.467	34.590	20.123
Россія	26.369	131.436	105.067
Сѣв.-Америк. С. Ш.	6.261	40.207	33.946
Германія	6.038	131.661	127.625
Австрія	13.682	57.866	44.004
Венгрія	6.970	29.560	22.590
Всѣ воюющія державы	133.422	791.763	658.341

Цифра 658.341 милліоновъ франковъ округлена Швейцарскимъ Банковскимъ Союзомъ до 850—900 милліардовъ франковъ изъ расчета, что война продолжится до конца 1918 года и что, такимъ образомъ, воюющимъ державамъ придется еще производить какъ военныя ассигнованія, такъ и займы для ихъ покрытія [1]).

По даннымъ Копенгагенскаго Общества для изученія соціальныхъ послѣдствій войны, стоимость войны за два года составляетъ по отношенію къ національному доходу: въ Англіи — 112%, во Франціи — 110%, въ Россіи—138% и въ Германіи—116%, а по отношенію къ національному богатству: въ Англіи — 17%, во Франціи — 14%, въ Россіи — 16% и въ Германіи—16%.

Разумѣется, исчисленія національнаго дохода и національнаго богатства могли быть сдѣланы только приблизительно и, несомнѣнно, сильно преуменьшены; но, съ другой стороны, стоимость войны также, несомнѣнно, преуменьшена, а если принять во вниманіе значительное возрастаніе стоимости войны за послѣдніе годы, то можно притти къ выводу, что, во всякомъ случаѣ, болѣе половины національнаго богатства отдѣльныхъ странъ истреблено за время этой войны.

---

[1]) Данныя заимствованы изъ реферата В. Громана объ изданіи Швейцарскаго Банковскаго Союза въ «Торгово-Пром. Газетѣ» отъ 3-го сент. 1918 г., № 108.

Однако, насъ въ данномъ случаѣ больше всего интересуетъ не столько этотъ истребительный характеръ войны, поставившій міровую, и въ особенности европейскую, цивилизацію на край гибели, сколько формальная сторона этого процесса истребленія, выразившаяся въ колоссальномъ накопленіи государственныхъ долговъ. Ростъ государственныхъ долговъ воюющихъ странъ принялъ такіе ужасающіе размѣры, о которыхъ прежнія поколѣнія не имѣли даже приблизительнаго представленія. Экономическія послѣдствія этого гигантскаго накопленія государственной задолженности, несомнѣнно, весьма велики. Вѣдь, по заключаемымъ теперь долгамъ придется платить впослѣдствіи, и цѣлыя поколѣнія плательщиковъ налоговъ должны будутъ отдавать значительную часть своихъ доходовъ для уплаты по этимъ колоссальнымъ долгамъ, если, конечно, предположить, что и послѣ войны останется незыблемымъ тотъ экономическій строй, который до невѣроятныхъ размѣровъ злоупотреблялъ этимъ способомъ финансированія войны. Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ во вниманіе, что съ возрастаніемъ военныхъ расходовъ за послѣднее время государственная задолженность воюющихъ странъ къ 1 января 1919 г. должна составить около 1.000 милліардовъ франковъ и что большинство этихъ долговъ заключено изъ высокаго процента, то окажется, что послѣ войны, если предположить, что она завершится къ концу 1918 года, и не считать громадныхъ ликвидаціонныхъ расходовъ, неизбѣжныхъ при условіи сохраненія капиталистической системы, однихъ процентовъ по этимъ займамъ придется платить отъ 40 до 50 милліардовъ франковъ ежегодно.

Между тѣмъ, сумма всѣхъ государственныхъ бюджетовъ воюющихъ странъ значительно меньше этой суммы. Правда, нужно сказать, что съ происходящимъ во время войны повсемѣстнымъ обезцѣненіемъ цѣнности денегъ облегчается уплата процентовъ по внутреннимъ займамъ, но для иностранныхъ займовъ, заключенныхъ большей частью въ валютѣ страны-заимодавца, обезцѣненіе денегъ внутри страны явится не облегченіемъ, но, наоборотъ, страшнымъ обремененіемъ тяжести уплаты.

Здѣсь передъ капиталистическимъ строемъ стоитъ одна изъ тѣхъ труднѣйшихъ проблемъ, разрѣшить которую онъ не будетъ въ состояніи. Какъ мы увидимъ далѣе, въ конечномъ итогѣ система государственнаго кредита во время войны должна привести, съ одной стороны, къ полному закабаленію гражданъ каждой страны въ пользу своихъ капиталистовъ, а съ другой—къ закабаленію отсталыхъ капиталистическихъ странъ въ пользу побѣдившаго американскаго имперіализма. Но прежде чѣмъ перейти къ анализу послѣдствій государственной военной задолженности, разсмотримъ сначала вопросъ, почему именно эта форма оказалась главнѣйшимъ способомъ финансированія войны, а не какая-либо другая. И здѣсь мы прежде всего должны хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомиться съ буржуазной теоріей государственнаго кредита.

Въ буржуазныхъ учебникахъ финансоваго права мы читаемъ, что «государственный кредитъ—громадная сила, безъ которой невозможна была бы культурная работа современныхъ государствъ и общинъ». Многіе крупные расходы невозможно было бы предпринять, не прибѣгая къ помощи кредита. Затѣмъ предпринимаются многіе расходы, плодами коихъ будутъ пользоваться будущія поколѣнія, и, слѣдовательно, на нихъ и надо возложить бремя по уплатѣ таковыхъ, а государственный кредитъ именно и дастъ возможность, какъ говоритъ Штейнъ, «будущіе доходы употребить въ настоящее время» (Озеровъ). Разумѣется, во время войны, которая требуетъ такихъ колоссальныхъ расходовъ, которые не подъ-силу вынести настоящему поколѣнію, буржуазная наука требуетъ перенесенія громадной тяжести ея расходовъ «на будущія поколѣнія». Буржуазные финан-

систы съ пѣной у рта доказываютъ, что внѣ государственнаго кредита нѣтъ выхода, было бы даже безразсудной попыткой думать, что современное поколѣніе могло бы одно вынести невѣроятную тяжесть міровой войны, и буржуазная практика старалась съ большимъ усердіемъ проводить эту теорію въ дѣйствительности съ рискомъ довести ее до абсурда.

Разумѣется, путемъ налоговъ вести эту войну невозможно,—говорятъ финансисты. Правда, опытъ Англіи показываетъ, что этимъ путемъ можно найти значительныя средства, но все же ихъ будетъ недостаточно для веденія современной войны. Во время войны долженъ выручить государственный кредитъ, который буржуазными финансистами признавался тѣмъ философскимъ камнемъ, надъ изобрѣтеніемъ котораго трудилась безъ всякаго успѣха средневѣковая алхимія. «Таинственная сила», которая помогла государственнымъ обществамъ достигнуть высшей степени человѣческаго прогресса (что же можетъ быть выше „капиталистическаго строя!), должна помочь и въ минуты жесточайшаго испытанія. Вѣдь, это единственный способъ не разориться, а разбогатѣть во время войны, которая ведется именно для захвата богатства. Къ буржуазнымъ финансистамъ какъ нельзя лучше подходятъ слова Маркса: «Вполнѣ послѣдовательна та современная доктрина, согласно которой народъ становится тѣмъ богаче, чѣмъ больше дѣлаетъ долговъ. Государственный кредитъ дѣлается credo капитала» («Капиталъ», т. I., перев. 1889 г., стр. 638).

И накопленіе тысячемилліарднаго долга показываетъ это стремленіе капиталистическихъ странъ превратить войну,—это неслыханное орудіе разоренія,—въ орудіе обогащенія владѣющихъ классовъ. Но, къ своему ужасу, къ концу войны капиталисты начинаютъ чувствовать, что это орудіе ломается въ ихъ рукахъ. Мало того: своими острыми концами оно больно ранитъ отсталые слои самаго класса капиталистовъ и, приводя къ сильнѣйшему обостренію классовыхъ противорѣчій, готово обратиться даже противъ наиболѣе счастливыхъ его обладателей.

Но наиболѣе рѣзко противорѣчіе между матеріальной стороной процесса войны, колоссальнымъ истребленіемъ цѣнностей, и способомъ ея формальнаго покрытія, приводящимъ къ громадной суммѣ государственнаго долга, сказывается въ отсталыхъ капиталистическихъ странахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни кричали буржуазные финансисты, что государственный кредитъ перелагаетъ тяжесть войны на будущія поколѣнія, разореніе, которое несетъ война и которое особенно больно обрушивается прежде всего на отсталыя страны, ясно показываетъ, что дѣло здѣсь не въ способѣ покрытія, что процессъ разрушенія, уничтожая основной капиталъ страны, грозитъ и источникамъ будущаго обогащенія. Капиталисты во время войны не желали платить налоговъ или просто отдавать свои средства государству для веденія войны, а предпочитали примѣнять систему займовъ, разсчитывая еще долгое время по окончаніи войны собирать съ плательщиковъ налоговъ ежегодную громадную дань въ видѣ процентовъ по займамъ. Но именно тѣ слои, которымъ капиталисты любезно предоставили всю тяжесть разоренія войны, въ результатѣ дошли до такого обнищанія, что на будущіе послѣ войны годы не только не въ состояніи создавать новыя цѣнности и отдавать ихъ капиталистамъ въ видѣ налоговъ, но и трудъ ихъ прежде всего долженъ пойти на возстановленіе основного капитала, на что потребуется цѣлый рядъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ отсталыхъ капиталистическихъ странахъ капиталисты не только не могутъ разсчитывать на сверхприбыли въ результатѣ войны, но даже полученіе основной прибыли становится сомнительнымъ. На извѣстной стадіи войпа становится невыгодной даже для нѣкоторыхъ группъ капиталистовъ,—по крайней мѣрѣ, «таинственная сила» государственнаго кредита отказывается ихъ выручать. Въ этихъ странахъ даже буржуазные круги

начинаютъ усваивать ту, въ сущности, весьма простую истину, что матеріальную тяжесть войны нельзя переложить на будущія поколѣнія, на которыя можетъ быть возложена только тяжесть о п л а т ы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ выразился одинъ экономистъ: «Изъ будущаго желѣза нельзя изготовить ни одного штыка, и изъ будущей жатвы нельзя испечь ни одного хлѣба». А если испортится машина для производства штыковъ, если, вслѣдствіе недостатка орудій и рабочихъ рукъ, уменьшится производство хлѣба, то какъ возможно будетъ брать въ свою пользу этотъ «будущій хлѣбъ», который еще нужно добыть, что является болѣе трудной задачей, чѣмъ раньше. При такихъ условіяхъ «будущія прибыли» класса капиталистовъ, которыя онъ разсчитываетъ получить въ видѣ процентовъ по займамъ, становятся весьма проблематическими.

До сихъ поръ мы касались здѣсь отношеній внутри страны, но гораздо болѣе сложными являются отношенія между различными капиталистическими странами. Въ самомъ дѣлѣ, внутри отдѣльной страны упомянутое противорѣчіе еще можетъ быть разрѣшено до извѣстной степени. Такъ, напримѣръ, тяжесть уплаты процентовъ по внутреннимъ займамъ можетъ быть значительно облегчена хотя бы тѣмъ процессомъ обезцѣненія цѣнности денегъ, который имѣетъ теперь всеобщій характеръ. Такъ, у насъ въ Россіи уплата процентовъ по государственнымъ займамъ должна была составить около 3-хъ милліардовъ рублей, между тѣмъ какъ весь государственный бюджетъ до войны не превышалъ $3\frac{1}{2}$ милліардовъ, а собственно налоговый бюджетъ, исключая переходящіе источники, равнялся приблизительно 2-мъ милліардамъ. Однако, эти цифры довоеннаго бюджета и предполагавшагося платежа по долгамъ трудно сравнивать между собой. Если бы мы стали теперь уплачивать проценты по внутреннимъ займамъ, то при страшномъ паденіи цѣнности денегъ, при громадномъ увеличеніи государственныхъ расходовъ, при которомъ бюджетъ на второе полугодіе 1918 года равняется 29-ти милліардамъ рублей, а за весь 1918 годъ—приблизительно 46 милліардамъ, эта уплата не представлялась бы ужъ такой страшной. Такимъ образомъ, обезцѣненіе денегъ внутри страны приводитъ и къ обезцѣненію государственнаго долга и, слѣдовательно, къ нѣкоторому смягченію противорѣчій, вслѣдствіе всеобщаго разоренія. Возможны и другіе способы этого смягченія даже для капиталистическаго строя,—напримѣръ, конверсія, т.-е., уменьшеніе уплаты процентовъ по займамъ, и т. п.

Но тотъ же самый процессъ разоренія, приносимаго войной, значительно обостряетъ противорѣчія между буржуазіей передовыхъ капиталистическихъ странъ и отсталыми странами. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ внѣшняго кредита значительно отличается отъ внутренняго и приводитъ къ совершенно другимъ послѣдствіямъ.

Если внутренній государственный кредитъ страны не приноситъ никакихъ новыхъ цѣнностей и представляетъ собой способъ наживы одного класса насчетъ другого, то характеръ внѣшняго кредита совершенно иной. Здѣсь отсталая страна получаетъ отъ болѣе развитой извѣстное количество предметовъ, правда, въ большинствѣ случаевъ служащихъ не орудіями производства, а орудіями истребленія, и впослѣдствіи должна возвратить эквивалентъ въ видѣ какихъ-либо продуктовъ изъ своего производства. Правда, въ большинствѣ случаевъ уплата отсрочивается до окончанія войны, но въ данномъ случаѣ уплата процентовъ играетъ гораздо большую роль, чѣмъ при внутреннемъ кредитѣ. Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ проценты должны уплачиваться въ валютѣ страны-заимодавца, такъ что обезцѣненіе своей валюты, которое помогаетъ расплачиваться съ внутренними долгами, здѣсь еще болѣе обостряетъ положеніе. Такъ, напримѣръ, у насъ въ Россіи пришлось бы платить процентовъ по внѣшнимъ

займамъ около 750 милліоновъ, а такъ какъ всѣ они заключены въ золотой валютѣ, то тяжесть этихъ долговъ была бы неизмѣримо тяжелѣе тяжести внутреннихъ долговъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что военные долги носятъ исключительно непроизводительный характеръ. Если въ мирное время отсталое государство получало отъ болѣе развитой капиталистической страны машины и орудія, то при ихъ помощи могло создать фондъ, изъ котораго можно было найти средства для уплаты; теперь же система внѣшняго кредита сводится къ тому, что въ нее ввозятся пушки и снаряды, а изъ нея вывозятъ по большей части сырье. Снаряды всѣ будутъ очень быстро растрачены или отняты болѣе сильнымъ врагомъ, а вывозъ сырья, охрана котораго явится послѣ войны для всѣхъ странъ основой экономической политики, подорветъ жизненныя силы и безъ того разоренаго войной государства. Такимъ образомъ, при помощи государственнаго кредита наиболѣе развитыя капиталистическія страны страшно усиливаются за счетъ болѣе отсталыхъ странъ.

Чѣмъ дальше идетъ процессъ разоренія, приносимаго войной, тѣмъ меньше становится число тѣхъ странъ, которыя въ состояніи не только разоряться сами, но и помогать разоренію другихъ странъ. Если въ началѣ войны главными поставщицами государственнаго кредита для странъ согласія были Франція и Англія, то чѣмъ болѣе разрушительнымъ становился процессъ войны, тѣмъ слабѣе становилась денежная сила этихъ странъ, и въ противовѣсъ имъ выдвигалась новая громадная сила, значительно менѣе затронутая войной, въ лицѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Если Соединенные Штаты до войны были должны Европѣ около 6-ти милліардовъ франковъ, то за первые же годы войны ихъ обогащеніе за счетъ воюющихъ странъ было такъ велико, что они не только очень быстро уплатили свой долгъ Европѣ, но и сами сдѣлались главнымъ кредиторомъ всѣхъ европейскихъ странъ. Пораженіе Германіи, которая и раньше нѣкоторую часть своихъ займовъ реализовала на американскомъ рынкѣ, заставитъ ее, несомнѣнно, уплатить побѣдительницѣ громадную контрибуцію. При такихъ условіяхъ Америка становится дѣйствительно властелиномъ всей Европы и всего міра. Въ видѣ государственнаго кредита Америка владѣетъ теперь тѣмъ громаднымъ насосомъ, посредствомъ котораго она будетъ всасывать въ себя всѣ богатства міра.

Для болѣе отсталыхъ странъ—Франціи, Италіи и даже Англіи—государственный кредитъ все болѣе и болѣе будетъ становиться весьма тяжелымъ орудіемъ. Капиталисты этихъ странъ будутъ въ состояніи при его помощи выкачать меньше средствъ, чѣмъ будетъ выкачано изъ ихъ собственной страны. При полномъ разореніи своихъ странъ они послѣ войны не будутъ въ состояніи возстановить свою хозяйственную жизнь безъ помощи Америки. При этихъ условіяхъ въ ихъ руки будетъ попадать только та часть прибавочной цѣнности, которую имъ соблаговолитъ оставить ихъ властелинъ въ лицѣ американскаго имперіализма. При такихъ условіяхъ та самая мѣра, которую примѣнила по отношенію къ своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ долгамъ Совѣтская Россія,—аннулированіе государственныхъ займовъ,—будетъ, по всей вѣроятности, выгодной и для цѣлаго ряда капиталистическихъ странъ, растратившихъ въ теченіе этой войны все свое достояніе и попавшихъ въ кабалу американскимъ трестамъ. Но, разумѣется, примѣненіе этой мѣры возможно будетъ только въ томъ случаѣ, если въ этихъ странахъ восторжествуетъ рабочая власть, такъ какъ ни при какихъ условіяхъ классъ капиталистовъ не осмѣлится посягнуть на святая-святыхъ капиталистическаго строя. Еще Марксъ говорилъ, что сомнѣніе въ прочности государственнаго кредита равносильно хулѣ на Духа Святого. На такую смѣлость, конечно, не пойдутъ капиталисты. Но ихъ

сопротивленіе этой мѣрѣ, означающей, въ сущности, крахъ капиталистическаго строя, будетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе будутъ сказываться гибельныя послѣдствія войны, чѣмъ яснѣе будетъ, что при настоящихъ условіяхъ существованіе капитализма возможно только въ видѣ гегемоніи небольшой кучки американскихъ капиталистовъ; чѣмъ больше будетъ итти процессъ происходящей теперь усиленнымъ темпомъ «пролетаризаціи капитала», тѣмъ ближе крахъ капиталистическаго общества.

Система государственнаго кредита приводитъ къ неслыханному обостренію противорѣчій внутри капиталистическаго міра, противорѣчію между магнатами капитализма и его приказчиками, капиталистами болѣе отсталыхъ странъ. И это обостреніе противорѣчій между капиталистами помѣшаетъ ихъ объединенію между собой въ развертывающейся великой схваткѣ между трудомъ и капиталомъ. Вѣдь, и эти противорѣчія могутъ быть разрѣшены только однимъ путемъ,—путемъ революціи, которая при настоящихъ условіяхъ не можетъ не быть соціалистической.

Д. Богольповъ.

Задачи соціальнаго обезпеченія въ Совѣтской Россіи.

Въ настоящій моментъ, когда происходитъ ликвидація старой войны съ Германіей, когда мы втянуты въ новую войну съ англо-французскимъ имперіализмомъ и ведемъ гражданскую войну, когда происходитъ ломка капиталистическихъ отношеній, задачи соціальнаго обезпеченія выдвигаются жизнью на первый планъ.

Война съ Германіей оставила въ наслѣдство милліоны инвалидовъ и осиротѣлыхъ семей. Еще не сдѣланъ точный подсчетъ, во сколько человѣческихъ жизней обошлась намъ эта имперіалистская бойня. Имѣющіяся данныя говорятъ, что это число колоссально. Такъ, по даннымъ Всероссійскаго Земскаго Союза, черезъ его лѣчебныя учрежденія прошло $4^1/_2$ милліона солдатъ, изъ которыхъ только $48^0/_0$ выписались здоровыми, а болѣе половины—или инвалидами, или нуждающимися въ долѣчиваніи. Кромѣ того, въ плѣну въ Германіи и Австріи числится до 3 милліоновъ плѣнныхъ, изъ которыхъ не меньше половины больныхъ и увѣчныхъ.

Кромѣ инвалидовъ, война дала не менѣе милліона осиротѣлыхъ семействъ, оставшихся большей частью безъ средствъ къ существованію. Гражданская война, война съ чехо-словаками, бѣлогвардейцами, стоящими за ихъ спинами англо-французами, японцами и американцами дастъ новые кадры раненыхъ, больныхъ, убитыхъ и осиротѣлыхъ семей.

Война вноситъ развалъ въ промышленную жизнь страны, сокращаетъ производство, выбрасываетъ массы рабочихъ и создастъ новые кадры соціально необезпеченныхъ.

Но и мирный трудъ на фабрикахъ и заводахъ, въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ дастъ сотни тысячъ больныхъ, увѣчныхъ, инвалидовъ, нуждающихся въ соціальномъ обезпеченіи.

Заболѣваемость и смертность рабочаго класса во много разъ превышаютъ таковыя въ состоятельныхъ классахъ населенія и создаютъ колоссальную армію инвалидовъ и семействъ вдовъ и сиротъ, лишившихся своихъ кормильцевъ и не имѣющихъ возможности собственными силами поддерживать свое существованіе.

Если къ этому прибавить усиленную заболѣваемость и смертность отъ пониженія питанія изъ-за недостатка продовольствія, вслѣдствіе той же войны съ бѣлогвардейцами, чехо-словаками и пр., то станетъ ясно, какая колоссальная задача въ области соціальнаго обезпеченія ставится въ настоящее время передъ Рабоче-Крестьянскимъ Правительствомъ.

Какое же наслѣдіе получила Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика отъ царскаго и соглашательскаго режимовъ, и что она сдѣлала для соціальнаго обезпеченія трудящихся и жертвъ имперіалистической бойни?

Царскій и соглашательскій режимы оставили въ наслѣдство Совѣтской Россіи законъ 1912 г. о пенсіяхъ военно-увѣчнымъ, бросившій инвалидамъ войны нищенскія пенсіи въ размѣрѣ отъ 30 до 216 руб. въ годъ. и пайки семьямъ солдатъ, въ среднемъ въ размѣрѣ не болѣе 10 руб. на члена семьи въ мѣсяцъ.

Рабоче-Крестьянское Правительство однимъ изъ первыхъ своихъ актовъ увеличило пенсіи увѣчнымъ воинамъ, поднявъ ихъ для полныхъ инвалидовъ до 1125 руб. въ годъ. Кромѣ того, оно ввело классовые пайки для семей солдатъ, лишивъ этимъ пайка кулацкіе элементы и на освободившіяся суммы увеличивъ паекъ городской и деревенской бѣдноты.

Откладывая полное обезпеченіе инвалидовъ прежнихъ войнъ въ размѣрѣ прожиточнаго минимума на нѣкоторое время, до введенія въ ближайшемъ будущемъ общаго закона о соціальномъ обезпеченіи, Рабоче-Крестьянское Правительство ввело для солдатъ красной арміи, ведущихъ борьбу за соціалистическое отечество, и ихъ семействъ обезпеченіе въ размѣрѣ 450—3000 руб. для красноармейцевъ, въ зависимости отъ степени утраты трудоспособности, и 1500—2250 руб. для семей, въ зависимости отъ числа дѣтей. Кромѣ того, оно распространило выдачу продовольственнаго пайка на семьи солдатъ дѣйствительной службы и увеличило дѣтскій паекъ до размѣра пайка взрослаго.

Кромѣ пенсіоннаго обезпеченія инвалидовъ войны, Рабоче-Крестьянское Правительство тратитъ большія средства (на второе полугодіе 1918 г. испрашивается 94 милліона руб.) на долѣчиваніе, протезированіе, обученіе увѣчныхъ воиновъ и на призрѣніе безпомощныхъ инвалидовъ.

Переживаемыя событія—борьба съ чехо-словаками, бѣлогвардейцами, англо-французскимъ имперіализмомъ—создаютъ огромные кадры жертвъ контръ-революціи. Занятіе мѣстъ чехо-словаками, англо-французскими, красновскими и другими бандами, бѣлогвардейскія возстанія сопровождаются бѣгствомъ трудовыхъ слоевъ населенія и разрушеніемъ ихъ хозяйства, казнями совѣтскихъ работниковъ, послѣ которыхъ остаются осиротѣлыя семьи.

Рабоче-Крестьянское Правительство ассигновало въ фондъ помощи этимъ жертвамъ контръ-революціи 100 милліоновъ рублей, издало декретъ о созданіи центральной и мѣстныхъ комиссій для оказанія этой помощи.

Въ настоящее время уже образована при Народномъ Комиссаріатѣ Соціальнаго Обезпеченія центральная комиссія изъ представителей комиссаріатовъ: Соціальнаго Обезпеченія, Внутреннихъ Дѣлъ, Труда, Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства, Здравоохраненія, Финансовъ и др., посланы уполномоченные для организаціи помощи на мѣстахъ: на южный фронтъ, волжскій (въ Симбирскъ, Саратовъ, Казань), сѣверный фронтъ (въ Вологду), намѣчается посылка на Сѣверный Кавказъ и Уралъ.

Для соціальнаго обезпеченія рабочаго класса Совѣтская Республика съ первыхъ шаговъ приступила къ осуществленію п о л н а г о с о ц і а л ь н а г о с т р а х о в а н і я на началахъ: 1) распространенія страхованія на всѣхъ безъ исключенія рабочихъ и на всѣ виды потери трудоспособности: отъ болѣзни, увѣчья, инвалидности, старости, материнства, а также на безработицу, 2) обезпеченія потерявшимъ трудоспособность прожиточнаго минимума, 3) возложенія страхового бремени на предпріятія и учрежденія, освободивъ отъ взносовъ рабочихъ, 4) передачи управленія всѣмъ дѣломъ страхованія въ руки рабочихъ, съ устраненіемъ отъ него предпринимателей. Царское и соглашательское правительства очень мало сдѣлали въ этомъ отношеніи для рабочаго класса. Страховые законы 1912 г. коснулись лишь рабочихъ крупной фабрично-заводской промышленности и оставили за бортомъ страхованіе рабочихъ мелкой промышленности, торговый и сельскохозяйственный пролетаріатъ, рабочихъ

транспортной промышленности, домашней промышленности и пр. Страхованіе распространялось лишь на болѣзнь и увѣчье, взносы въ значительной части ($^3/_5$) падали на рабочихъ, пособія были нищенскія, отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ заработка.

Новелла 1917 г. соглашательскаго правительства Керенскаго мало измѣнила дѣло. Кругъ страхуемыхъ увеличился лишь рабочими мелкой промышленности; торговые, сельскохозяйственные, транспортные, домашніе рабочіе, прислуга, даже рабочіе казенныхъ предпріятій попрежнему остались за бортомъ. Высшій размѣръ пособій остался тотъ же ($^2/_3$ заработка); половина взносовъ падала на рабочихъ.

Рабоче-Крестьянское Правительство въ ноябрѣ и декабрѣ издало декреты, которыми положено было начало полному соціальному страхованію. Изданъ былъ декретъ о страхованіи на случай болѣзни и безработицы, который распространялся на всѣхъ безъ исключенія наемныхъ рабочихъ, возложилъ взносы цѣликомъ на предпріятія и учрежденія, повысилъ пособіе до размѣра полнаго заработка и передалъ завѣдываніе дѣломъ страхованія въ руки рабочихъ, отстранивъ отъ управленія предпринимателей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рабоче-Крестьянское Правительство приступило къ разработкѣ о б щ а г о с т р а х о в о г о з а к о н а, проектъ котораго уже готовъ и въ ближайшее время будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Всероссійскаго Страхового Рабочаго Съѣзда и на утвержденіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

Этотъ общій страховой законъ, несомнѣнно, составитъ новую эру въ области соціальнаго обезпеченія трудящихся, превзойдя собой все то, что имѣется въ этомъ отношеніи въ самыхъ передовыхъ странахъ міра, и явится преддверіемъ къ соціализму.

Онъ осуществитъ всѣ виды страхованія, коснется всѣхъ живущихъ собственнымъ трудомъ, обезпечитъ каждаго потерявшаго трудоспособность въ размѣрѣ прожиточнаго минимума и дастъ осиротѣлой и нетрудоспособной семьѣ рабочаго послѣ его смерти необходимую для существованія пенсію; наконецъ, онъ возложитъ бремя страхованія на предпринимателей и учрежденія, освободивъ отъ взносовъ рабочихъ. Всѣ виды страхованія будутъ объединены въ общестраховой кассѣ, съ отдѣленіями для различныхъ его видовъ. Вся Совѣтская Россія покроется общегородскими и окружными кассами соціальнаго обезпеченія, гдѣ каждый живущій собственнымъ трудомъ въ случаѣ потери трудоспособности получитъ необходимые лѣченіе, уходъ, пособіе, а въ случаѣ постоянной инвалидности пенсію, и гдѣ осиротѣлая семья найдетъ необходимую поддержку. Для этого потребуются колоссальныя затраты (до $25^0/_0$ заработной платы), но это не остановитъ Рабоче-Крестьянское Правительство отъ этого необходимаго шага по пути къ соціализму.

Одной изъ крупныхъ задачъ соціальнаго обезпеченія является обезпеченіе осиротѣлыхъ и вообще безпризорныхъ дѣтей. Буржуазный строй оставилъ въ наслѣдство Совѣтской Республикѣ воспитательные дома съ «подкидышами» и такъ-называемый «питомническій промыселъ» — отдачу дѣтей изъ воспитательныхъ домовъ въ деревню, крестьянамъ, на «воспитаніе», гдѣ дѣти умирали, какъ мухи, и гдѣ смертность дѣтей составляла ровно $100^0/_0$. Это въ полномъ смыслѣ слова были «морилки дѣтей», «фабрики ангеловъ». Старый строй оставилъ въ наслѣдство грязные пріюты для дѣтей бѣдноты, съ дядьками въ качествѣ воспитателей во главѣ, и богатые институты для дѣтей состоятельныхъ и привилегированныхъ классовъ, гдѣ дѣти воспитывались въ духѣ самодержавія, православія и бездѣлья.

Рабоче-Крестьянскому Правительству пришлось начать радикальную ломку и чистку указанныхъ учрежденій для дѣтей и реорганизовать ихъ на началахъ коммунистическаго соціальнаго обезпеченія.

Съ этой цѣлью пришлось упразднить старые воспитательные дома и питомническій промыселъ и на ихъ мѣстахъ воздвигнуть новые д о м а м а т е р и и р е б е н к а, дѣтскія ясли и патронажи въ деревняхъ на такихъ началахъ, чтобы матери, не имѣющія возможности сами воспитывать своихъ дѣтей по тѣмъ или другимъ причинамъ, не порывали съ ними связи, не «подкидывали» ихъ, а открыто приносили и отдавали на воспитаніе, постоянно поддерживая связь со своими дѣтьми. Въ такомъ видѣ «дома матери и ребенка», «ясли» и пр. превращаются въ дома общественнаго воспитанія дѣтей грудного и младенческаго возраста. Дѣти здѣсь получаютъ надлежащее питаніе, уходъ и воспитаніе, подъ наблюденіемъ особо неструктированныхъ сестеръ, врачей и воспитателей.

Такіе образцовые «дома матери и ребенка» Рабоче-Крестьянское Правительство имѣетъ въ Москвѣ, и провинція начинаетъ покрываться ими. Этимъ нанесенъ будетъ ударъ буржуазному порядку вещей, отправлявшему на тотъ свѣтъ, вслѣдствіе ненормальныхъ семейныхъ отношеній, сотни тысячъ малютокъ, и будетъ сохранена жизнь не одной сотнѣ тысячъ дѣтей.

Такую же ломку Рабоче-Крестьянскому Правительству пришлось произвести и въ области обезпеченія дѣтей старшаго возраста въ отношеніи пріютовъ, институтовъ и пр.

Пришлось приводить ихъ въ санитарное состояніе, одѣвать дѣтей, изгонять дядекъ, вводить новый составъ воспитателей, вводить трудовое начало. Въ отношеніи институтовъ пришлось освободить ихъ отъ дѣтей привилегированныхъ и состоятельныхъ родителей и открыть ихъ двери дѣтямъ городской и сельской бѣдноты.

Главные принципы, которые Рабоче-Крестьянское Правительство кладетъ въ основу соціальнаго обезпеченія,—это о б я з а т е л ь н а я г о с у д а р с т в е н н а я п о м о щ ь н а р а ц і о н а л ь н ы х ъ н а ч а л а х ъ п е т р у д о с п о с о б н ы м ъ и в п а в ш и м ъ в ъ н у ж д у: помощь, чуждая всякой примѣси благотворительности и нищенскихъ подачекъ и разсчитанная на то, чтобы всякаго впавшаго въ нужду, если это возможно, опять поставить на ноги и возвратить его къ трудовой жизни: если же невозможно вслѣдствіе его инвалидности, то дать ему соотвѣтствующій уходъ.

Руководствуясь этимъ, Комиссаріатъ Соціальнаго Обезпеченія оказываетъ помощь только нетрудоспособнымъ и не имѣющимъ другихъ источниковъ существованія. Руководствуясь этимъ, Комиссаріатъ Соціальнаго Обезпеченія началъ непримиримую борьбу съ паразитизмомъ и тунеядствомъ во всѣхъ ихъ видахъ. Онъ вводитъ трудовое начало во всѣ учрежденія по обезпеченію дѣтей, научая ихъ съ первыхъ шаговъ ихъ жизни труду и самодѣятельности. Онъ открываетъ двери дѣтскихъ домовъ соціальнаго обезпеченія только дѣтямъ городской и сельской бѣдноты, изгоняя изъ нихъ состоятельные и привилегированные элементы, присосавшіеся туда при царскомъ и соглашательскомъ режимахъ. Онъ открываетъ двери инвалидныхъ, вдовыхъ, старческихъ и т. п. домовъ только для потерявшихъ трудоспособность и не имѣющихъ средствъ къ существованію, изгоняя изъ нихъ трудоспособные элементы, обучая труду инвалидовъ и тѣмъ возвращая ихъ къ трудовой жизни, субсидируя трудовыя коммуны для инвалидовъ и давая тѣмъ возможность послѣднимъ трудиться и не быть бременемъ для государства. Онъ лишаетъ пенсій трудоспособныхъ и имѣющихъ другіе источники существованія ставленниковъ стараго режима.

Перестраивая соціальное обезпеченіе на указанныхъ началахъ, изгоняя благотворительность, Рабоче-Крестьянское Правительство осуществляетъ коммунистическое соціальное обезпеченіе, при которомъ каждый впавшій въ инвалидность и нужду, каждый нетрудоспособный,—будь то ребенокъ или взрослый,—можетъ разсчитывать не умереть съ голода и получить раціональную помощь отъ государства. Этимъ Совѣтская Республика дѣйствительно обезпечиваетъ всѣхъ, кто въ этомъ нуждается, изгоняя изъ общества паразитизмъ, воспитывая гражданъ въ трудѣ и соціалистическихъ навыкахъ.

Чтобы совершить эту грандіозную работу, необходимо привлечь къ дѣлу соціальнаго обезпеченія рабочія организаціи: профессіональныя, страховыя и пр.; въ этомъ отношеніи необходимо слiяніе всѣхъ органовъ, вѣдающихъ дѣломъ соціальнаго обезпеченія: отдѣлъ соціальнаго страхованія при Комиссаріатѣ Труда, пенсіонные отдѣлы различныхъ комиссаріатовъ, различныя пенсіонныя, сберегательно-вспомогательныя и т. п. кассы въ одномъ самостоятельномъ органѣ, Комиссаріатѣ Соціальнаго Страхованія и Соціальнаго Обезпеченія. Только объединивъ все дѣло соціальнаго обезпеченія въ одномъ органѣ, только давъ ему самостоятельность и независимость, Рабоче-Крестьянское Правительство въ силахъ будетъ осуществить грандіозныя задачи, которыя ставитъ передъ нимъ коммунистическое соціальное обезпеченіе.

Народный Комиссаръ Соціальнаго Обезпеченія

А. Винокуровъ.

Задачи народнаго здравоохраненія въ Совѣтской Россіи.

Въ области охраненія народнаго здравія совѣтская медицина должна была поставить передъ собою прежде всего тѣ основныя демократическія задачи, которыя не выполняла прежняя, такъ наз. общественная (т.-е. бывш. городская и земская) медицина. Эти задачи: безплатность и общедоступность медицинской помощи,на-ряду съ повышеніемъ квалифицированности ея, устраненіе антисанитарныхъ и прямо вредныхъ условій жизни и работы трудящихся.

Старая (земская и городская) медицина сдѣлала очень многое и цѣнное въ направленіи демократизаціи лѣчебно-санитарнаго дѣла. Но многаго она и не могла сдѣлать, если бы даже и желала. Извлечь городскую бѣдноту изъ затхлыхъ подземелій въ просторныя комнаты благоустроенныхъ домовъ, дѣйствительно бороться съ соціальными болѣзнями, создать нормальныя условія труда для работника,—все это недостижимо, если останавливаться передъ частной собственностью, какъ священною и неприкосновенною. Старая санитарія остановилась передъ этимъ, какъ передъ предѣломъ, «его же не прейдеши». Совѣтская власть, какъ власть коммунистическая, сломала эту преграду. И передъ совѣтской санитаріей открылась возможность проведенія дѣйствительной, а не словесной санитарной, и въ частности жилищной, политики въ интересахъ бѣдноты; передъ совѣтской медициной стала перспектива дѣйствительной, а не словесной демократизаціи лѣчебнаго дѣла.

Но всѣ эти реформы требовали колоссальныхъ денежныхъ затратъ. Напримѣръ, для проведенія одной только реформы оказанія безплатной медицинской помощи на дому въ одной только Москвѣ потребовалось нѣсколько милліоновъ рублей. Повышеніе качества медицинской помощи, общедоступность специальной помощи[1]).—все это ложилось бы прямо непосильнымъ бременемъ и на мѣстные и на общегосударственные финансы.

Медицинское дѣло до самаго послѣдняго времени было построено у насъ на принципѣ вѣдомственности. Вѣдомственныя перегородки перерѣзывали единое живое тѣло медицинской организаціи. Въ результатѣ городскія и земскія учрежденія и организаціи вели свое особое существованіе, правительственныя (т.-е. М-ва Внут. Дѣлъ) дѣйствовали самостоятельно отъ нихъ; военныя—«самостійно» отъ тѣхъ и другихъ; благотворительныя (такъ наз. вѣдомства императрицы Маріи)—автономно отъ всѣхъ, и т. д. безъ конца. Ясно, что такое положеніе могло привести только къ политической несогласованности въ цѣляхъ, вредительному разнобою въ дѣйствіяхъ, совершенно ненужному распыленію силъ и средствъ.

Отсюда передъ совѣтской медициной встала другая организаціонная задача: объединеніе всей медицины, организація ея какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ по одному общему плану, устраненіе всякихъ мундирныхъ

---

[1]) Одно только введеніе безплатной зубоврачебной помощи обошлось Московскому Совѣту въ нѣсколько милліоновъ рублей.

отличій и привилегій въ медицинскомъ дѣлѣ. Ностъ ряда подготовительныхъ шаговъ реформа объединенія была окончательно осуществлена декретомъ Совѣта Нар. Ком. о созданіи Комиссаріата Здравоохраненія отъ 11 іюля.

Кромѣ упорядоченія всего медицинскаго дѣла, это объединеніе дало финансовую возможность проведенія крупнѣйшихъ лѣчебно-санитарныхъ реформъ въ интересахъ бѣдноты. Запасы средствъ и учрежденій оказались колоссальными. Ихъ было много въ мирное время. Они возросли во время войны. Они оставались преступно неиспользованными (если только не расхищались), потому что и во время Романова, и во время Керенскаго ихъ скрывалъ отъ общаго употребленія мундирный чиновникъ своего «вѣдомства».

Когда въ Москвѣ совѣтская медицина получила возможность включить въ себя «вѣдомственныя» учрежденія (имп. Маріи и т. д.), открылась изумительная картина. Эти больницы представляютъ собою колоссальныя богатства, онѣ прекрасно обставлены, но онѣ или неиспользованы совершенно, или использованы вовсе не такъ, какъ это нужно въ интересахъ городского населенія. Въ результатѣ одна только реорганизація этихъ больницъ по одному городскому плану дала возможность сразу повысить медицинское дѣло въ Москвѣ, открыть такія отдѣленія, о которыхъ московское населеніе только мечтало, и все это не только безъ дополнительныхъ затратъ, но даже при сокращеніи прежнихъ непроизводительныхъ расходовъ.

То же и въ области санитаріи. Исторія каждой эпидеміи вопіяла противъ несогласованныхъ дѣйствій былыхъ вѣдомствъ. И если бы, напримѣръ, борьба съ нынѣшней холерной эпидеміей велась по правиламъ вѣдомственнаго разнобоя, то истощенная, разоренная войной и голодающая Россія жестоко поплатилась бы отъ надвинувшейся эпидеміи. И только концентрація всей борьбы въ Комиссаріатѣ Здравоохраненія дала возможность повести дѣло съ такой экономіей силъ и средствъ и съ такой интенсивностью, что даже корреспонденты заграничныхъ буржуазныхъ газетъ должны были признать, что Совѣтская Россія на этотъ разъ побѣдила холеру съ невиданнымъ ранѣе успѣхомъ.

Для объясненія этого успѣха, а также для характеристики всей медицинской организаціи сверху донизу, необходимо имѣть въ виду, что вся эта организація построена на пролетарской основѣ. Совѣты Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ на мѣстахъ выбираютъ свои медико-санитарные отдѣлы, которые и руководятъ всей врачебно-санитарной дѣятельностью; врачи, какъ таковые, являются не болѣе, какъ спеціалистами, помогающими своими познаніями, совѣтами правильно поставить дѣло здравоохраненія; разумѣется, обязанностью Совѣтовъ является предоставить этимъ спеціалистамъ возможность широко и безпрепятственно развернуть свою дѣятельность. И во всѣхъ практическихъ начинаніяхъ, въ обсужденіи плана ихъ, въ проведеніи ихъ въ жизнь самое дѣятельное и непосредственное участіе принимаютъ пролетарскія организаціи: фабрично-заводскіе комитеты, профессіональные союзы, рабочіе кооперативы и т. д.

Необходимо отмѣтить также увеличивающійся съ каждымъ мѣсяцемъ ростъ страховой медицины. Кругъ страхуемыхъ расширенъ на всѣ виды наемнаго труда; даже въ среду трудовыхъ элементовъ крестьянства начинаютъ проникать организаціи страховой медицины. Такимъ образомъ, количественно страховая медицина распространяется на большій кругъ населенія Совѣтской Республики; качественно же она организуется, какъ типовая пролетарская медицина, въ то же время высоко квалифицированная и научно-поставленная. Въ будущемъ она приведетъ къ той націонализаціи медицинскаго дѣла, которая явится завершеніемъ лѣчебно-санитарной реформы на пролетарскихъ началахъ.

Народный Комиссаръ Здравоохраненія Семашко.

ОТДѢЛЪ III.

ПРОЛЕТАРІАТЪ И КУЛЬТУРА.

Просвѣтительная политика Совѣтской власти.

Въ странѣ, искусственно погруженной въ невѣжество, просвѣтительныя задачи не могли не стать во весь ростъ на слѣдующій же день послѣ народной революціи, передавшей власть въ руки трудовой массы. Бросается въ глаза, что ни завоеваніе политической власти, ни завоеваніе положенія экономическаго хозяина страны не могутъ быть прочны, если не завоеваны народомъ также и знанія.

Лишь при высокомъ уровнѣ народнаго просвѣщенія возможно сознательное, обнимающее массы до дна народовластіе. Въ промежутокъ особо важную роль должна была бы сыграть интеллигенція, пользовавшаяся одіозной привилегіей исключительной образованности и считавшаяся въ Россіи сугубо народолюбивой. Еще въ эпоху революціи 1905—06 гг. Каутскій съ надеждой указывалъ на то, что въ Россіи дѣло рабочаго класса облегчено будетъ преданнымъ союзникомъ его революціонной интеллигенціей. Но Каутскій не предвидѣлъ тогда, что въ часъ реальнаго осуществленія его мечтаній, въ часъ соціальной революціи и онъ-то самъ окажется врагомъ пролетарскаго авангарда!

Нѣтъ худа безъ добра! Отвратительный саботажъ со стороны большинства русской, въ томъ числѣ въ первую голову такъ называемой соціалистической интеллигенціи былъ пролетаріату прекраснымъ урокомъ и подчеркнулъ сугубо непреложную необходимость для него поскорѣе овладѣть реальными знаніями, насколько успѣется для себя и во всей полнотѣ для дѣтей своихъ.

Эта-то задача огромной важности и пала на плечи Комиссаріата по Просвѣщенію.

Выполнить ее было до крайности трудно, ибо въ лагерѣ саботантовъ однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ отрядовъ были какъ разъ господа учителя, увлеченные на этотъ путь Всеросс. Учит. Союзомъ. Саботированъ былъ чиновниками и центральный аппаратъ бывшаго Министерства Нар. Просв.

Мы оказались среди руинъ, безъ путеводителя, безъ реальной связи со школой, оторванными отъ провинціи и съ невѣроятно ограниченными спеціально педагогическими силами.

На пути нашемъ возникали за этотъ годъ и другія препятствія. Достаточно назвать наполовину разрушившую то, что понемногу наладилось,—эвакуацію Комиссаріата въ Москву во время германскаго наступленія передъ брестскимъ миромъ.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время центральный аппаратъ, а въ значительной мѣрѣ и мѣстный, налаженъ, учительство въ значительной своей части (низы) искренно идетъ съ нами, въ другой плетется за нами волей-неволей.

Два слова о томъ механизмѣ, которымъ мы замѣнили старое министерство и его органы на мѣстахъ.

Въ центрѣ Комиссаріата стоятъ Народный Комиссаръ и его замѣститель и коллегія, въ настоящее время изъ 12 лицъ, рѣшающая всѣ текущія дѣла, выходящія за рамки компетенціи завѣдующихъ отдѣлами. Принципіальные вопросы рѣшаются государственной Комиссіей по Нар. Образованію, куда, кромѣ членовъ коллегіи и завѣдующихъ отдѣлами, входятъ представители отъ центровъ Совѣтской власти, отъ рабочихъ профессіональныхъ и культурныхъ организацій и отъ той части учительства, которая стоитъ на платформѣ лояльнаго сотрудничества съ Совѣтской властью.

Наконецъ, особо важные вопросы,—напр., принципы общей реформы школы,—обсуждаются на Всероссійскихъ Съѣздахъ, первый изъ которыхъ, весьма многолюдный, дружный и прошикпутый коммунистическими идеалами, происходилъ въ Москвѣ въ августѣ.

На мѣстахъ дѣломъ народнаго просвѣщенія руководятъ Отдѣлы Народнаго Образованія при Исполнительныхъ Комитетахъ губернскихъ, уѣздныхъ, городскихъ и, наконецъ, волостныхъ. При губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ отдѣлахъ, соотвѣтствующихъ центральной коллегіи, имѣются Совѣты по Народному Образованію, соотвѣтствующіе на мѣстахъ Государственной Комиссіи.

Само собой, главнѣйшей заботой Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія было выработать общія начала коренной реформы на смѣну унаслѣдованнаго нами отъ царскаго режима школьнаго аппарата.

На мѣсто школъ всѣхъ родовъ и видовъ, прежде всего рѣзко дѣлившихся: на низшую школу—для простонародья и среднюю—для привилегированныхъ сословій и зажиточныхъ классовъ, а затѣмъ на женскія и мужскія, реальныя и классическія, общія и спеціальныя учебныя заведенія, Комиссаріатъ поставилъ Единую Трудовую Школу.

Единство этой школы должно понимать двояко. Во-первыхъ, разрушается классовая перегородка, и школа превращается въ одну лѣстницу. Въ принципѣ всякій ребенокъ Россіи вступаетъ въ школу одного и того же типа и имѣетъ равную со всякимъ другимъ возможность окончить высшее образованіе. Во-вторыхъ, до 16 лѣтъ избѣгается всякая спеціализація. Образованіе дается въ полномъ смыслѣ общее, политехническое, одинаковое для обоихъ половъ. Само собой разумѣется, это не препятствуетъ проведенію принципа индивидуализаціи и возможно большей полиморфіи внутри каждой школы. Спеціализація въ полномъ смыслѣ этого слова допускается только послѣ 16 лѣтъ на пріобрѣтенномъ уже фундаментѣ общаго и политехническаго образованія. Школа объявлена абсолютно свѣтской; аттестаты, какъ документы, дающіе особыя права, отвергнуты, и древніе языки объявлены необязательными.

Школа эта, единая въ принципѣ, раздѣляется на двѣ ступени, по четыре года каждая; восьмилѣтній курсъ этотъ въ принципѣ признанъ обязательнымъ.

Школа наша явится реально общедоступной. Во имя достиженія этой цѣли не только отмѣняется всякая плата за право ученія, но и дѣти обезпечиваются безплатной горячей пищей, а бѣднѣйшіе—обувью и одеждой. Нечего и говорить, что всѣ учебныя пособія доставляются ученикамъ школой.

Комиссаріатъ прекрасно понимаетъ, какъ необъятны трудности, лежащія на этомъ пути. Страна разорена и голодна, учебныхъ пособій далеко не хватаетъ на нужды даже старой школы, тѣмъ менѣе на столь колоссально расширенную новую. Но Комиссаріатъ при поддержкѣ всего Совѣтскаго правительства вступитъ въ борьбу съ этой нуждой и надѣется ослить ее, если не сразу, то въ близкомъ будущемъ.

Объявляя восьмилѣтній курсъ принципіально о б я з а т е л ь н ы м ъ, Комиссаріатъ поручаетъ всѣмъ совѣтамъ учесть общее количество дѣтей школьнаго возраста, размѣстить всѣхъ, кого физически возможно включить въ школы, по учебнымъ заведеніямъ, остальнымъ выдать свидѣтельство въ томъ, что они временно находятся внѣ школы не по винѣ или нежеланію родителей. Выяснивъ количество такихъ дѣтей для каждой мѣстности, Комиссаріатъ немедленно приступитъ къ развитію школьной сѣти. Для ближайшаго года предполагается открыть десять тысячъ школъ первой ступени и тысячу школъ второй ступени [1]).

Трудовой характеръ школы заключается въ томъ, что трудъ, какъ чисто-педагогическій, такъ и въ особенности производительный, будетъ положенъ въ основу обученія.

Въ школѣ первой ступени это будетъ трудъ по преимуществу въ стѣнахъ учебнаго заведенія: въ кухнѣ, въ саду, въ спеціальныхъ мастерскихъ и т. п. Трудъ долженъ носить производительный характеръ въ особенности въ смыслѣ обслуживанія дѣтьми всѣхъ доступныхъ ихъ силамъ нуждъ школьнаго общежитія. Онъ носитъ на этой ступени характеръ преимущественно домашній и ремесленный, въ городѣ, естественно, болѣе приближаясь къ типу мастерской, въ деревнѣ—къ типу фермы. При этомъ предполагается, однако, выносить на лѣто въ деревню по возможности всѣ городскія школы.

Въ школѣ второй ступени производительный и широко общественный характеръ труда подчеркивается рѣзче. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣтьми съ тринадцати лѣтъ. Съ этого года возможны легкая, но р е а л ь н а я работа внѣ ш к о л ы, участіе въ фабричномъ или заводскомъ трудѣ, помощь серьезному сельскому хозяйству, сотрудничество на какомъ-нибудь промыслѣ, содѣйствіе какому-нибудь дѣлу, общественному или государственному. Съ этого возраста мы с л и в а е м ъ дѣтскій трудъ, участіе ребенка въ борьбѣ общества за существованіе и развитіе съ его воспитаніемъ. Школа, не сводя глазъ съ подростка, оберегая его отъ вреда, обращая всякій актъ его труда на пользу его общему физическому и умственному развитію, ведетъ его въ самую гущу общественныхъ производительныхъ работъ.

Эта задача наиболѣе нова и наиболѣе отвѣтственна.

Только путемъ опыта и внимательнаго сотрудничества педагога съ техниками и рабочей администраціей фабрикъ и заводовъ нащупаемъ мы постепенно правильные методы тѣснаго общенія жизни педагогической и промышленной.

Между тѣмъ тутъ-то и встрѣчаемъ мы то оригинальное, что свойственно только коммунистическому подходу къ школьной проблемѣ.

Каждый разъ, какъ Марксу приходилось говорить о воспитаніи, онъ обращался именно къ вопросу о дѣтскомъ трудѣ и настаивалъ на томъ, что не воспрещеніе дѣтскаго труда, а его упорядоченіе и превращеніе въ политехническую основу образованія путемъ раціональнаго соединенія съ наукой, физическими упражненіями и эстетическимъ развитіемъ дадутъ гармоничнаго и истинно современнаго человѣка.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ трудовая основа общеобразовательной школы. Конечно, для подростка возможны и нѣкоторая спеціализація, изученіе п о п р е и м у щ е с т в у той или другой техники; отдѣльныя школы второй ступени могутъ по мѣстнымъ условіямъ сосредоточивать, естественно, свое вниманіе на мѣстномъ производствѣ, такъ, однако, чтобы все же на примѣрѣ конкретнаго производства развивать въ ученикѣ всѣ возможности и ознакомить его со всей культурой, а не замыкать его въ спеціальность. Настоящая же спеціализація, переходъ къ п р о ф е с с і о-

[1]) За этотъ годъ открыто приблизительно какъ разъ такое количество школъ. (*Прим. 1919 г.*).

нальной подготовкѣ, по мнѣнію Комиссаріата, допустима лишь на третьей ступени съ шестнадцати лѣтъ, въ школахъ, которыя мы называемъ высшими, или въ заведеніяхъ внѣшкольнаго типа.

Комиссаріатъ считаетъ крайне желательнымъ на второй ступени разрушить невольную, но чрезмѣрную спеціализацію между городской и деревенской школами. Необходимо не только превращать городскія школы на лѣто въ колоніи, но и ввозить поочередно на нѣкоторое время въ теченіе зимняго сезона учениковъ деревенскихъ школъ второй ступени въ фабрично-заводскіе и культурные центры.

Для реализаціи бѣгло намѣченной здѣсь грандіозной реформы, разработанной Комиссаріатомъ въ сотрудничествѣ съ первымъ Всероссійскимъ Съѣздомъ по народному образованію относительно подробно, необходимо, конечно, значительное количество хорошо подготовленныхъ учителей.

Школьная политика Комиссаріата сводилась къ слѣдующему: 1) по возможности парализовать вліяніе саботажнаго Всер. Уч. Союза; 2) сплотить въ широкій профессіональный союзъ въ особенности низовое учительство, опираясь при этомъ на такъ называемый Союзъ Уч.-Интернаціоналистовъ; 3) сравнять въ правахъ учителей низшихъ и среднихъ школъ, по возможности нивелируя также оплату ихъ труда; 4) поднять какъ можно выше общій уровень этой оплаты; 5) всемѣрно содѣйствовать развитію и умноженію учебныхъ заведеній для подготовки учителей; 6) пока прибѣгать какъ можно шире къ организаціи учительскихъ курсовъ.

Политика эта была одобрена на цѣломъ рядѣ учительскихъ съѣздовъ и нашла окончательное опредѣленіе послѣднихъ пунктовъ на Московской Конференціи по вопросу о подготовкѣ учителей.

Во всѣхъ намѣченныхъ отношеніяхъ Комиссаріатомъ достигнутъ весьма реальный успѣхъ. Учительскій союзъ обезсиленъ и проситъ пощады. Низовое учительство организуется все лучше, и десятки получаемыхъ Народнымъ Комиссаромъ съ учительскихъ съѣздовъ привѣтственныхъ телеграммъ показываютъ непрерывный ростъ симпатіи народнаго учительства къ Совѣтской власти [1]).

Заимствую страницу изъ официальнаго отчета Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію, поданнаго въ сентябрѣ 1918 года Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, о дѣйствіяхъ Комиссаріата для поднятія экономическаго, моральнаго и интеллектуальнаго уровня учителей:

«25-го іюня Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, по представленію Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію, принялъ мѣры, стоящія совершенно особнякомъ въ лѣтописяхъ школьной исторіи не одной Россіи. Вознагражденіе народныхъ учителей было повышено сразу болѣе чѣмъ вдвое, съ выплатою имъ разницы за три мѣсяца назадъ, начиная съ марта. Соотвѣтствующая статья расхода поднялась въ бюджетѣ народнаго просвѣщенія за второе полугодіе 1918 г. почти до милліарда, по мѣрѣ приближенія къ идеалу дѣйствительно всеобщаго обученія, по мѣрѣ открытія сѣти новыхъ школъ (въ которыхъ содержаніе учительскаго персонала предполагается еще повысить, школьные работники будущей трудовой единой школы всѣ переводятся по отношенію къ оплатѣ труда въ первую, т.-е. высшую, категорію). Этотъ расходъ долженъ достигнуть нѣсколькихъ милліардовъ: годичный бюджетъ единой трудовой школы, когда ея планъ будетъ окончательно развернутъ, со всѣми добавочными расходами на обмундированіе, на постройки и т. д. долженъ дойти до шести милліардовъ рублей. Но трудовая Россія ничего не пожалѣетъ для того, чтобы имѣть школу,

[1]) Учит; Союзъ былъ совершенно безболезненно распущенъ, а учительство организовано въ болѣе широкій, насчитывающій уже до 80000 членовъ, союзъ работниковъ школы и социалистической культуры. (*Прим. 1919 г.*).

достойную стомилліоннаго народа рабочихъ и крестьянъ, впервые въ мірѣ взявшаго власть непосредственно въ свои руки [1]).

Поднять матеріальный уровень труженика народной школы—это значило, однако, сдѣлать лишь половину дѣла и притомъ не самую важную. Буржуазное общество не только держало тѣло просвѣтителя народныхъ массъ въ голодѣ и холодѣ,—оно старалось держать его умъ въ темнотѣ: исторія учительскаго саботажа показала, какъ дальновидна была въ этомъ случаѣ буржуазія. Новой Россіи нуженъ не только не забитый нуждой физически, но и умственно бодрый, дѣйствительно образованный, дѣйствительно культурный учитель. Учрежденія для подготовки учителей стараго типа, учительскіе институты и учительскія семинаріи, совершенно не отвѣчали этой задачѣ. Ихъ курсъ намѣренно держался на высотѣ средней школы, хотя въ нихъ обучались не подростки, а взрослые, притомъ въ учительскихъ институтахъ даже уже испытавшіе свои силы въ школьной работѣ: въ учительскіе институты принимались только преподававшіе уже въ начальной школѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Совѣщаніе по подготовкѣ преподавателей, устроенное Народнымъ Комиссаріатомъ во второй половинѣ августа 1918 г., выработало новые планы какъ учительскихъ семинарій, такъ и институтовъ. Вторые превращаются въ высшія учебныя заведенія, соотвѣтствующія педагогическому факультету университета. Въ курсъ учительскихъ семинарій вмѣсто закона Божія и т. п. введены новые предметы, какъ, напримѣръ, исторія соціализма, основы теоріи права и т. д. [2]).

Вотъ краткіе итоги совѣтской работы въ области подготовки учителей. Вновь открыто послѣ октября 1917 г.: учительскихъ институтовъ—4, учительскихъ семинарій—42, постоянныхъ педагогическихъ курсовъ—10, краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ—110. Приняты въ вѣдѣніе Комиссаріата и преобразованы 31 учительская семинарія и 6 постоянныхъ педагогическихъ курсовъ. При Комиссаріатѣ были организованы въ теченіе нынѣшняго лѣта центральные педагогическіе курсы по новой программѣ, привлекшіе болѣе 800 слушателей, исключительно народныхъ учителей и учительницъ. Курсы, на которыхъ въ качествѣ лекторовъ выступали тов. Бухаринъ, Рейснеръ и др., прошли съ огромнымъ подъемомъ».

Прибавлю къ этому, что подобная же работа идетъ и въ провинціи, особенно въ Сѣверной области, гдѣ въ Петроградѣ организованы были курсы сначала на 400, а потомъ на 2,000 учителей, а по области—11 такихъ курсовъ съ 200—500 слушателей на каждомъ [3]).

Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія считаетъ необходимымъ, не ограничиваясь заботами о дѣтяхъ школьнаго возраста, теперь же поставить себѣ цѣль—устроить при всѣхъ школахъ первой ступени двухлѣтній подготовительный и обязательный дѣтскій садъ. Въ ожиданіи Дошкольнаго Отдѣла развернулъ широкую дѣятельность по организаціи дѣтскихъ площадокъ, клубовъ и колоній. Среди послѣднихъ особаго вниманія заслуживаютъ дѣтскія трудовыя колоніи въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ онѣ являются первымъ камнемъ въ задуманномъ Комиссаріатомъ превращеніи этого лучшаго подъ гигантскимъ Петербургомъ мѣста въ огромное Дѣтское Село, куда переселено будетъ много тысячъ пролетарскихъ дѣтей. Въ теченіе лѣта колонія эта пріютила до 1,500 дѣтей, часть которыхъ осталась и теперь; предполагается еще до наступленія 1919 года расширить колонію до 2,000 дѣтей и больше.

---

[1]) Фактически бюджетъ Единой школы на 1-ое полугодіе 1919 г. уже значительно превысилъ эту сумму и переходитъ за 10 милліардовъ.

[2]) Съ тѣхъ поръ всѣ семинаріи принципіально рѣшено превратить въ институты. (*Прим. 1919 г.*).

[3]) Работа эта весьма значительно расширилась за 1918—19 годъ. Точныя цыфры будутъ опубликованы въ особомъ отчетѣ Комиссаріата Нар. Просв.

Въ дѣлѣ питанія и призрѣнія дѣтей Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія находится въ живомъ контактѣ съ Комиссаріатомъ Соціальнаго Обезпеченія [1]).

Волей Совѣта Народныхъ Комиссаровъ въ руки Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія перешли всѣ школы другихъ вѣдомствъ, а по обстоятельствамъ времени почти абсолютно всѣ частныя учебныя заведенія.

Переходя къ реформѣ в ы с ш е й ш к о л ы, укажу, что реформа эта, задуманная Комиссаріатомъ, обсуждалась всѣми университетами и высшими техническими школами Россіи какъ на мѣстахъ, такъ и на двухъ многолюдныхъ совѣщаніяхъ въ Москвѣ.

Часть пожеланій Комиссаріата была принята профессурой, часть была проведена вопреки мнѣнію профессуры, но при гарантіи съ ея стороны подчиниться требованіямъ революціоннаго народа. Основныя черты реформы высшей школы таковы: высшее образованіе Россіи объявляется общедоступнымъ. Каждый гражданинъ или гражданка, достигшіе 16-лѣтняго возраста, могутъ вступить въ любое высшее учебное заведеніе. Къ слушанію лекцій допускаются всѣ непосредственно. Къ практическимъ работамъ непосредственно допускаются лица, оказавшіяся по провѣркѣ способными приступить къ таковымъ. Лица, недостаточно подготовленныя, получаютъ эту подготовку по планамъ и подъ руководствомъ профессуры даннаго учебнаго заведенія на особыхъ подготовительныхъ курсахъ.

Профессора занимаютъ каѳедры на основаніи опредѣленнымъ образомъ организованныхъ всероссійскихъ конкурсовъ, возобновляемыхъ черезъ каждыя 10 лѣтъ по каждой каѳедрѣ (для учителей Единой Школы также обязательны выборность совѣтскими органами и періодическіе перевыборы).

Обладающія такимъ составомъ высшія школы пользуются широкой автономіей, при чемъ въ самоуправленіи ихъ участвуютъ въ справедливой пропорціи профессора и студенты. Доценты и другія лица преподавательскаго персонала высшихъ учебныхъ заведеній получили званіе профессора и уравнены съ ними въ правахъ.

Кромѣ основной Учебной Ассоціаціи, отвѣчающей прежнимъ задачамъ высшей школы, каждая изъ нихъ обязана развернуть еще и Ассоціацію Просвѣтительную, являющуюся серьезной помощью дѣлу внѣшкольнаго образованія народа. Просвѣтительная Ассоціація, во-первыхъ, выражается въ организаціи лекторскаго института для подготовки лекторовъ въ народные университеты, которыми начинаетъ покрываться земля Русская, и, во-вторыхъ, въ открытіи общедоступныхъ курсовъ, въ сгущенной формѣ дающихъ суть и новѣйшія завоеванія отдѣльныхъ наукъ не для спеціалистовъ, а для людей, желающихъ пополнить свое общее образованіе.

Комиссаріатъ предполагаетъ также въ дальнѣйшемъ вмѣнить въ обязанность всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ организовать въ ихъ нѣдрахъ особыя Научныя Ассоціаціи спеціально для разработки научныхъ проблемъ и чистоученой работы. Однако, въ виду страннаго сопротивленія профессуры, въ особенности университетской, Комиссаріатъ пришелъ къ выводу о большей раціональности организаціи такихъ научныхъ институтовъ внѣ пока еще, очевидно, слишкомъ немощнаго для подобной тріединой жизни университета [2]).

---

[1]) Согласно постановленію Совнаркома всѣ дѣтскія учрежденія Наркомсобеза переходятъ въ Наркомпросъ.

[2]) Къ сожалѣнію, эту реформу не удалось провести полностью, и университеты подвергались обновленію лишь по частямъ (напр. уничтоженіе старостатовъ, упраздненіе юридическаго факультета и замѣна его широкимъ факультетомъ общественныхъ наукъ и т. п.). Вообще университеты поддаются реформе туго. Важнымъ является рѣшеніе открыть при каждомъ особые рабочіе факультеты. Отмѣчу еще открытіе нѣсколькихъ новыхъ университетовъ и высшихъ институтовъ. (*Прим. 1919 г.*).

Просвѣтительная Ассоціація высшихъ учебныхъ заведеній подводитъ насъ вплотную къ задачамъ внѣшкольнаго образованія, которому Комиссаріатъ придаетъ, разумѣется, огромное значеніе.

Въ ожиданіи прилива новыхъ коммунистически просвѣщенныхъ массъ, которыя дастъ намъ школа, мы должны экстренно итти навстрѣчу жаждѣ взрослыхъ къ познанію. Для этой цѣли предполагаются созданіе цѣлаго ряда народныхъ университетовъ въ столицахъ, городахъ и деревняхъ, а также развитіе густой сѣти библіотекъ для пользованія народа, какъ осѣдлыхъ, такъ и циркулирующихъ, наконецъ, организація учебныхъ экспедицій въ деревню и продажа литературы черезъ посредство органовъ путей сообщенія и почтово-телеграфнаго вѣдомства.

Дабы внести единство въ дѣятельность крупныхъ центральныхъ библіотекъ, онѣ слиты въ настоящее время подъ руководствомъ Центральной Библіотечной Комиссіи, разрабатывающей вопросы наибольшей общедоступности ихъ путемъ организаціи, между прочимъ, обмѣна книгами и разсылки ихъ абонентамъ. Публичная библіотека въ Петроградѣ получила новую, глубоко-демократичную конституцію и значительныя средства для своего расширенія. Отмѣтимъ здѣсь также, что централизованы и превращены въ достояніе науки и всѣ казенные архивы.

Побѣдоносному народу досталось громадное достояніе царское, барское, церковное. На ряду съ официальными музеями Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія создалъ новые музеи, превративъ въ нихъ историческіе, художественно наиболѣе цѣнные дворцы царей и вельможъ. Охраняя ихъ въ смутную годину броженія, когда культурно высокоцѣнное имущество ненавистныхъ классовъ подвергалось опасности быть уничтоженнымъ, Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія создалъ особый органъ,—Комиссію по охранѣ памятниковъ искусства и старины,—который не только сохранилъ многое, безъ его вмѣшательства обреченное на гибель, но и превратился въ центръ національзаціи и демократическаго использованія всего культурнаго достоянія низвергнутыхъ привилегированныхъ группъ.

Равнымъ образомъ бывшіе императорскіе, нынѣ государственные театры не только были сохранены Комиссаріатомъ, но и получили широкую художественную автономію и, несмотря на невѣроятно тяжелыя условія переходного времени, функціонируютъ удовлетворительно, все болѣе и по репертуару, и черезъ посредничество особыхъ спектаклей, организуемыхъ для рабочей публики, приближаясь къ единственно достойному зрителю—трудовому народу. Государственные театры Петербурга, довольно долго ведшіе саботажную политику, кончили тѣмъ, что недавно поднесли Народному Комиссару весьма трогательный благодарственный адресъ.

Кромѣ того, Комиссаріатъ поддерживаетъ совѣтскіе театры и сѣть коммунальныхъ театровъ Петербурга.

Театральный Отдѣлъ дѣятельно разрабатываетъ вопросы сценическихъ методовъ обученія въ общей школѣ, спеціально театральнаго образованія, дѣтскаго театра, исторіи и теоріи театра, опубликовывая журналы и труды, посвященные этимъ вопросамъ [1]).

Равнымъ образомъ отъ министерства двора и отъ синода перешедшіе къ намъ государственный оркестръ, пѣвческая капелла и синодальный хоръ преобразованы на демократическихъ основаніяхъ. Государственный оркестръ даетъ въ настоящее время каждую недѣлю одинъ концертъ, такъ сказать музыкально-академическаго характера, два народныхъ концерта въ великолѣпныхъ залахъ Зимняго дворца, превращеннаго въ Народный Дворецъ Искусствъ, и одинъ концертъ поочередно въ районахъ.

---

[1]) Въ настоящее время театральная политика объединена согласно особому декрету и руководится Центральнымъ Государственнымъ Комитетомъ по дѣламъ театровъ или Центротеатромъ. (*Прим. 1919 г.*).

Оба лучшихъ, быть-можетъ, въ мірѣ хора, капелла и синодальный, превращены въ общедоступныя Народныя Академіи Музыки и Пѣнія. Чисто народный характеръ придалъ также различнымъ музыкальнымъ школамъ, унаслѣдованнымъ отъ военнаго и морского вѣдомствъ. Консерваторіи приняты Комиссаріатомъ Народнаго Просвѣщенія въ свое вѣдѣніе, и вскорѣ созывается конференція дѣятелей музыки для обсужденія коренной реформы этихъ высшихъ музыкальныхъ учебныхъ заведеній. Музыкальнымъ Отдѣломъ организуются, кромѣ того, во всѣхъ крупнѣйшихъ центрахъ курсы пѣнія для учителей, и разработанъ планъ музыкальнаго образованія въ Единой Трудовой Школѣ. Націонализирована потная торговля, и положенъ предѣлъ спекуляціи на потномъ рынкѣ.

Отдѣлъ изобразительныхъ искусствъ, упразднивъ совершенно дряхлую Академію Художествъ, радикально демократизировалъ состоявшее при ней высшее учебное заведеніе. Оно сдѣлано общедоступнымъ. Профессора были перевыбраны самими учениками, и такимъ образомъ основаны были Государственныя Свободныя Художественныя Мастерскія. Также освѣжены и художественныя школы: Живописи, Ваянія и Зодчества, Штиглица, Строгановское училище и т. п.

При Отдѣлѣ изобразительныхъ искусствъ имѣется художественно-промышленный отдѣлъ, занятый вопросомъ о подъемѣ художественной стороны производства и для этой цѣли руководящій въ настоящее время фарфоровымъ заводомъ, гранильной фабрикой и организующій обширныя мастерскія въ Царскомъ Селѣ. Отмѣтимъ здѣсь, что фарфоровый заводъ дѣлаетъ по заказу Комиссаріата Продовольствія въ сотняхъ тысячъ посуду для крестьянъ, украшенную новымъ гербомъ Совѣтской республики и революціонными изреченіями.

На Отдѣлъ изобразительныхъ искусствъ пала также обязанность устраненія наиболѣе безобразныхъ въ моральномъ и эстетическомъ отношеніяхъ памятниковъ и открытія новыхъ памятниковъ великимъ дѣятелямъ революціи, мыслителямъ и поэтамъ.

Въ большинствѣ случаевъ эти памятники имѣютъ пока временный характеръ и служатъ какъ бы монументальной основой для пропаганды революціонныхъ идей въ массахъ. Лучшіе изъ нихъ будутъ увѣковѣчены. До настоящаго дня открыты въ Петроградѣ памятники Радищеву, Добролюбову и Фердинанду Лассалю, въ Москвѣ готовы постоянный памятникъ Достоевскому, весьма оригинальный Степану Разину и др.

Кромѣ того, изготовляются каменныя и металлическія доски съ изреченіями, способствующими той же монументальной пропагандѣ революціонныхъ и коммунистическихъ истинъ.

Въ области литературы Комиссаріатъ упразднилъ совершенно посмертную литературную собственность и монополизировалъ на пять лѣтъ право изданія освобожденныхъ, такимъ образомъ, литературныхъ трудовъ, дабы, изъявъ изъ рукъ частныхъ предпринимателей, дать ихъ народу въ возможно совершенномъ видѣ и по самой доступной цѣнѣ.

Въ ожиданіи первыхъ, критически провѣренныхъ, выдержанныхъ въ новомъ духѣ изданій нашихъ классиковъ, изъ которыхъ первымъ въ этомъ отношеніи будетъ вскорѣ выходящій Некрасовъ, Государственное Издательство при Комиссаріатѣ бросило на рынокъ огромное количество произведеній классиковъ, воспользовавшись для этого имѣвшимися матрицами, что дало возможность продавать по неслыханно въ послѣвоенное время дешевой цѣнѣ полныя собранія сочиненій: Щедрина, Успенскаго, Толстого, Тургенева, Чехова, Жуковскаго, Крылова, Кольцова, Никитина и т. д. Я перечисляю здѣсь только тѣхъ авторовъ, сочиненія которыхъ или уже изданы полностью, или появились первыми томами.

Въ ближайшее время начинаетъ функціонировать отдѣлъ иностранной литературы подъ руководствомъ Максима Горькаго. Предвидится и даль-

нѣйшее расширеніе издательства при непосредственномъ участіи этого писателя.

Научный отдѣлъ задается цѣлью мобилизаціи всѣхъ научныхъ силъ Россіи для работы по разрѣшенію проблемъ, ставимыхъ жизнью передъ Совѣтской властью. Академія Наукъ, Ассоціація Точныхъ Знаній и цѣлый рядъ всякаго рода научныхъ обществъ работаютъ въ контактѣ съ научнымъ отдѣломъ.

Какъ черезъ этотъ отдѣлъ, такъ и черезъ отдѣлъ высшихъ учебныхъ заведеній открытъ цѣлый рядъ новыхъ ученыхъ и учебныхъ институтовъ. Таковыми являются: Физическій Институтъ въ Москвѣ, Рентгенологическій Институтъ въ Петроградѣ, Институтъ Фотографіи и Фототехники тамъ же, университеты въ Воронежѣ, Тамбовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, Политехникумъ въ Вознесенскѣ [1]). Для послѣдняго мѣстнымъ населеніемъ собрано 7 милліоновъ рублей. Кострома для открытія въ ней университета собрала также 2 милліона рублей.

Въ скоромъ времени начнетъ функціонировать чрезвычайно важный для Россіи Горный Институтъ въ Москвѣ, долженствующій спеціально способствовать разработкѣ мѣстнаго угля.

Въ близкомъ контактѣ съ научнымъ отдѣломъ Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія работаетъ вновь организованный научно-техническій отдѣлъ при Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства.

Въ нѣкоторомъ контактѣ съ послѣднимъ находится также и Кинокомитетъ при Комиссаріатѣ Народнаго Просвѣщенія, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Москвѣ широко развертывающій свою дѣятельность во всѣхъ областяхъ кинодѣла, отъ изготовленія и закупки матеріаловъ до съемки и организаціи кинотеатровъ.

Наконецъ, высшее учрежденіе соціалистической науки въ Россіи, Соціалистическая Академія Общественныхъ Наукъ, состоитъ также въ вѣдѣніи Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія и явится какъ учено-учебное заведеніе великимъ разсадникомъ коммунистическаго сознанія въ нашей странѣ [2]).

Изъ этого суммарнаго очерка читатель видитъ, какъ велика и обильна область, руководимая сейчасъ Комиссаріатомъ Народнаго Просвѣщенія, какая работа кипитъ въ его рамкахъ и какіе скромные по отношенію къ идеалу, но болѣе чѣмъ замѣтные успѣхи уже достигнуты при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Помимо настоящей статьи и краткаго отчета, представленнаго нѣкоторое время назадъ Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія готовитъ обширный докладъ, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ сторонахъ своей дѣятельности, снабженный цифровыми данными и сопровождаемый той смѣтой, которая подастся имъ на утвержденіе центральной власти на конецъ 1918 года.

Колоссальны трудности, окружающія работу Комиссаріата. Но, гордясь своей ролью одного изъ товарищей въ дружной семьѣ совѣтскихъ комиссаріатовъ, онъ одинаково далекъ отъ робости, ведущей къ оппортунизму, и отъ порывистости, превращающейся въ отчаяніе, когда поставленная высокая цѣль не оказывается достигнутой сразу въ полномъ объемѣ [3]).

А. Луначарскій.

---

[1]) Университеты открыты также въ Костромѣ и Смоленскѣ, организованы Академія исторіи матеріалистической культуры и т. д. (*Прим. 1919 г.*).

[2]) Занятые борьбою и государственнымъ строительствомъ комиссаріаты не смогли удѣлить достаточно времени Академіи. Для ея процвѣтанія нужны болѣе спокойныя времена.

[3]) Настоящая статья написана годъ тому назадъ. Вся теоретическая ея часть остается вѣрной. Практически же въ чемъ достигнуты успѣхи, частью отмѣчено въ примѣчаніяхъ, а частью будетъ подробно перечислено въ особомъ отчетѣ, подготовляемомъ къ октябрьскому празднику 1919 г.

Внѣшкольное образованіе и „Пролеткульты“.

I.

Въ дѣлѣ организаціи народнаго просвѣщенія послѣ октябрьской революціи особое вниманіе пришлось удѣлить внѣшкольному образованію. Революція выдвинула въ этомъ отношеніи совершенно исключительныя задачи.

Постановка школьнаго дѣла была такъ плоха, что даже лица, прошедшія школьную учебу, не имѣли того запаса знаній, который бы ихъ удовлетворялъ. Подавляющее большинство населенія оставалось даже совсѣмъ внѣ школы. Между тѣмъ у широкихъ массъ подъ вліяніемъ войны, и особенно революціи, пробудилась исключительная жажда знанія и стремленіе къ ученію.

У государства не было никакого аппарата для удовлетворенія этихъ запросовъ. Пришлось заново, на чистомъ мѣстѣ создавать какъ программу дѣятельности, такъ и самую организацію внѣшкольнаго образованія въ общегосударственномъ масштабѣ.

Параллельно съ работой на мѣстахъ, гдѣ подъ вліяніемъ назрѣвшей потребности возникъ цѣлый рядъ всевозможныхъ просвѣтительныхъ организацій разнаго типа, началась и руководящая дѣятельность Внѣшкольнаго Отдѣла Комиссаріата по Народному Просвѣщенію.

Въ основу работы Внѣшкольнаго Отдѣла (какъ и въ основу всей дѣятельности Совѣтскихъ учрежденій) была поставлена самодѣятельность самихъ трудовыхъ массъ.

«Дѣло внѣшкольнаго образованія можетъ быть только тогда поставлено на должную высоту (гласятъ тезисы, принятые Отдѣломъ), если оно будетъ дѣломъ рукъ самого пролетаріата и крестьянства; поэтому планъ организаціи дѣла внѣшкольнаго образованія будетъ цѣлесообразенъ только тогда, когда онъ будетъ базироваться на самодѣятельности населенія и будетъ лишь помогать организаціи этой самодѣятельности и питать ее. Организаціонныя ячейки, вырастающія на самодѣятельности массъ, являются базисомъ всего дѣла внѣшкольнаго образованія. Выше стоящіе центральные органы имѣютъ цѣлью лишь содѣйствовать работѣ этихъ ячеекъ, всячески помогать имъ съ надлежащей глубиной и широтой производить свою работу».

Такимъ образомъ, центральный аппаратъ, созданный при Комиссаріатѣ Нар. Просвѣщенія, хотѣлъ явиться, главнымъ образомъ, контролирующей и направляющей силой. Главный центръ тяжести возлагался на мѣстную работу и мѣстную инициативу.

Программа дѣятельности Отдѣла въ области внѣшкольнаго образованія широко охватила всѣ назрѣвшія потребности массъ.

Прежде всего намѣтилась необходимость скорѣйшаго открытія достаточнаго количества элементарныхъ школъ для взрослыхъ и школъ повышеннаго типа—народныхъ университетовъ. Эти учебныя заведенія для взрослыхъ должны были дать возможность народнымъ массамъ пополнить свое образованіе и пройти всѣ ступени знанія, включая университетскій курсъ.

Намѣчались отряды передвижныхъ лекторовъ-спеціалистовъ для широкаго и повсемѣстнаго распространенія знаній путемъ лекцій и созданія передвижного народнаго университета.

Для распространенія прикладныхъ знаній намѣчались спеціальные школы и курсы по сельскому хозяйству, техникѣ всякаго рода и т. п.

Чтобы дать руководство для основного цикла лекцій-курсовъ по внѣшкольному образованію для самыхъ широкихъ массъ, была создана краткая программа, такъ называемая «Азбука Гражданина», которая давала схему лекцій по основнымъ вопросамъ естественныхъ, историческихъ и соціальныхъ знаній. Такой курсъ долженъ былъ дать слушателямъ основу цѣльнаго коммунистическаго міровоззрѣнія.

Учитывая всю важность книги, какъ источника знанія, Внѣшкольный Отдѣлъ создалъ планъ широкаго развитія какъ издательскаго дѣла, такъ и библіотечнаго. Надо было не только издать и переиздать рядъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, сочиненія классиковъ, учебники, пособія и т. д., но и создать различнаго типа примѣрные каталоги и библіографическіе списки.

На ряду съ расширеніемъ книгоиздательскаго и библіотечнаго дѣла надо было обратить вниманіе и на другія формы внѣшкольно-просвѣтительной работы: музеи, выставки, кинематографы, театръ и т. д.

Въ цѣляхъ превращенія музеевъ въ могучее средство образованія и просвѣщенія массъ былъ намѣченъ планъ созданія центральнаго соціальнаго музея, съ отдѣленіями на мѣстахъ.

Схема организаціи такого музея намѣтилась въ слѣдующемъ видѣ:

Музей долженъ показать роль коллектива въ трудной борьбѣ и распасться на отдѣлы: 1) Достиженія техники. 2) Развитіе рабочей силы (производительность труда и т. д.). 3) Роль коллектива въ производительной силѣ труда (концентрація капитала и кустарное производство). 4) Роль анархіи производства въ растратѣ производительныхъ силъ (конкуренція, перепроизводство, кризисы, гибель предпріятій и т. д.). 5) Раздѣлъ міра (колоніальная политика). 6) Милитаризмъ. 7) Борьба за коллективизмъ. 8) Соціалистическій идеалъ.

Музеи на мѣстахъ должны были, кромѣ того, широко освѣтить какъ мѣстное производство, такъ и всѣ особенности мѣстнаго края.

Кинематографъ, передвижной и стаціонарный, привлекался въ полной мѣрѣ къ удовлетворенію задачъ внѣшкольнаго образованія. Спеціальныя ленты научнаго и соціальнаго характера восполняли лекціи и уроки, предназначенные для широкой массы.

Особое вниманіе было удѣлено Народнымъ Домамъ, какъ центрамъ духовной жизни массъ, объединяющимъ всѣ виды и проявленія просвѣтительной работы. Народные Дома, главнымъ образомъ, въ связи съ ростомъ кооперации начали множиться еще до революціи, но ихъ развитіе было скована внѣшнимъ гнетомъ. Внѣшкольный Отдѣлъ намѣтилъ для народныхъ домовъ новую широкую программу работы, которая дѣлала ихъ дѣйствительно средоточіемъ всей внѣшкольной работы. Здѣсь сосредоточиваются эпизодическія лекціи и университетскіе курсы, ведутся систематическія школьныя занятія, имѣются образцовая библіотека, постоянный музей и временная выставка, здѣсь устраиваются спек-

такли и концерты, тутъ открытъ книжный складъ, здѣсь находятся пріютъ правленія и комиссіи разныхъ просвѣтительныхъ организацій и союзовъ и всякаго рода клубы.

Созданіе цѣлой сѣти такихъ домовъ было намѣчено Комиссаріатомъ въ первую очередь.

Работа по созданію рабочихъ и крестьянскихъ клубовъ, и въ частности клубовъ для юношества, также была поставлена на очередь Комиссаріатомъ Просвѣщенія. Клубы, являясь созданіемъ самихъ народныхъ массъ, были въ сущности маленькими народными домами, помогавшими не только тѣсному общенію трудящихся, но и, главное, просвѣтительной работѣ среди нихъ.

Кромѣ этой работы, центральному Комиссаріату пришлось заняться выработкой законоположеній и общихъ директивъ, учетомъ всероссійской работы внѣшкольнаго характера, созывомъ общероссійскихъ съѣздовъ и конференцій, подготовкой кадровъ инструкторовъ и работниковъ внѣшкольнаго дѣла, теоретической работой педагогическаго характера и т. п.

Содѣйствуя мѣстнымъ организаціямъ въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія, Комиссаріатъ Нар. Просвѣщенія проводилъ принципъ поддержки мѣстныхъ начинаній не только въ идейномъ, но и въ финансовомъ отношеніи. При этомъ изъ центра ассигновывались средства лишь при условіи, что и мѣстные совѣты, по крайней мѣрѣ, въ той же мѣрѣ несутъ на себѣ денежную поддержку этой работы.

Какъ именно распредѣляются расходы по внѣшкольному оборудованію, можно судить по смѣтѣ Комиссаріата на второе полугодіе 1918 г. Смѣта охватываетъ 33 губ. Европейской Россіи, но, кромѣ того, въ нее включено 7 мил. р. на Сибирь, Кавказъ и Средне-Азіатскія владѣнія. Общій размѣръ смѣты—40 мил. руб. Чтобы получить представленіе обо всѣхъ расходахъ на внѣшкольное образованіе, эту сумму надо удвоить, такъ какъ, согласно условіямъ финансированія, мѣстные совѣты ассигнуютъ такія же суммы, какъ и центральный Комиссаріатъ.

Изъ 40 мил. руб. наибольшую долю берутъ библіотеки—12 мил.: расширеніе библіотечной сѣти привлекаетъ исключительное вниманіе Комиссаріата. На школы и курсы для взрослыхъ ассигновано 7.440.000 р.; на народные дома—4 мил. руб., на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ отдѣловъ внѣшкольнаго образованія—3.440.000 р.; на районные центры внѣшкольнаго образованія (дома-музеи, народные дома и т. д.)—3.600.000 р.; на чтенія, лекціи, бесѣды и пр.—2.800.000 р.; на подготовительныя, организаціонныя работы—1 мил. р.; на народные университеты—800 тыс. р., на народный театръ—800 тыс. р., на кинематографъ—400 тыс. р., на клубы, читальни—400 тыс. р.

Кромѣ того, въ полугодовую смѣту Внѣшкольнаго Отдѣла Комиссаріата Народн. Просвѣщенія включено 10 мил. р. въ фондъ на постройку народныхъ домовъ; 10 мил. р.—въ фондъ на устройство народныхъ университетовъ и 10 мил. руб. на содержаніе культурно-просвѣтительныхъ учрежденій при національзированныхъ государствомъ фабрикахъ и заводахъ и при профессіональныхъ союзахъ.

Кромѣ Внѣшкольнаго Отдѣла Комиссаріата по Просвѣщенію, извѣстную часть работы по внѣшкольному просвѣщенію народныхъ массъ несутъ и нѣкоторые другіе отдѣлы,—напр., издательскій, кинематографическій, театральный, музейный, изобразительныхъ искусствъ и др.

Издательскій отдѣлъ Комиссаріата выпустилъ и намѣтилъ къ изданію всѣхъ русскихъ классиковъ и рядъ книгъ научнаго и популярнаго характера. Въ цѣляхъ удешевленія книги государство національзировало большую часть авторовъ, работы которыхъ надо было переиздать. Книги печатаются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ въ національзированныхъ

типографіяхъ, поэтому ихъ продажная цѣна баснословно низка (1—3 р. за томъ, вмѣсто существующихъ на рынкѣ цѣнъ въ 5—15 и болѣе рублей).

Большую работу въ смыслѣ удешевленія и распространенія хорошей книги выполнило и Издательство Центральн. Исполнит. Комитета Совѣтовъ, которое, главнымъ образомъ, занято изданіемъ соціалистической, популярной и научной литературы.

Кинематографическій Отдѣлъ Комиссаріата Народн. Просвѣщенія централизуетъ въ своихъ рукахъ все производство фильмъ и содѣйствуетъ муниципализаціи и націонализаціи самихъ кинематографическихъ предпріятій. Сейчасъ уже всѣ находящіяся въ обращеніи фильмы проконтролированы Отдѣломъ въ смыслѣ ихъ художественной и идейной цѣнности. Но, конечно, главная работа—созданіе новыхъ лентъ, удовлетворяющихъ запросамъ времени и пригодныхъ для просвѣтительной работы среди массъ.

Кинематографическій Отдѣлъ выдѣлилъ рядъ спеціальныхъ комиссій для отбора и подготовки фильмъ, предназначенныхъ для дѣтскаго возраста, для преподаванія различныхъ научныхъ дисциплинъ, пропаганды соціалистическихъ идей, ознакомленія съ классиками литературы русской и европейской и т. п.

Кинематографъ во всѣхъ странахъ былъ въ рукахъ коммерсантовъ и служилъ цѣлямъ пропаганды буржуазнаго міропониманія, поэтому очень немногія изъ существующихъ лентъ могутъ быть использованы безъ вреда для народнаго сознанія. Приходится, въ сущности, создавать заново большинство фильмъ, особенно на темы общественно-бытового, литературнаго и историческаго характера.

Постепенный переходъ кинематографическихъ предпріятій въ руки мѣстныхъ отдѣловъ Нар. Просвѣщенія превращаетъ ихъ изъ мѣста забавы и развлеченія въ просвѣтительныя учрежденія исключительной важности.

Театральному Отдѣлу Комиссаріата и особенно мѣстнымъ театрально-музыкальнымъ секціямъ Совѣтовъ пришлось мало-по-малу такую же работу продѣлать и съ театрами: они постарались превратить ихъ тоже въ орудіе просвѣщенія массъ. Въ этихъ цѣляхъ надо было, во-первыхъ, установить опредѣленный контроль надъ репертуаромъ, ввести въ него новыя пьесы и сопроводить ихъ объяснительными лекціями; во-вторыхъ, надо было приблизить театръ къ народнымъ массамъ путемъ распространенія билетовъ въ лучшіе театры черезъ посредство профессіональныхъ союзовъ и другихъ рабочихъ организацій и путемъ устройства новыхъ театровъ въ рабочихъ районахъ и деревняхъ и организаціи передвижныхъ труппъ. Наконецъ, намѣтился постепенный переходъ всѣхъ театральныхъ предпріятій въ руки государства или мѣстныхъ Отдѣловъ Народн. Просвѣщенія, т.-е. полное превращеніе театровъ въ орудіе просвѣщенія широкихъ массъ.

Музейному Отдѣлу надо было, съ одной стороны, учесть и націонализировать богатѣйшія художественныя сокровища, находившіяся въ частныхъ рукахъ, а съ другой—равномѣрно распредѣлить ихъ по всей странѣ и сдѣлать доступными для массъ. Впервые тысячи предметовъ искусства предстали передъ глазами народа.

На мѣстахъ внѣшкольная работа, кромѣ отдѣловъ Нар. Просвѣщенія, ведется и рядомъ другихъ организацій. Особенно много дѣлаютъ въ этомъ отношеніи профессіональные союзы и кооперативы. Нѣкоторыя профессіональныя организаціи,—напримѣръ, союзъ желѣзнодорожниковъ,—произвели въ этомъ смыслѣ грандіозную работу: они наладили сотни курсовъ для взрослыхъ, напоминающихъ университеты начальнаго типа, создали кадры кочующихъ лекторовъ, передвижные библіотеки, передвижные театры, ѣздящіе по линіямъ въ спеціально оборудованныхъ вагонахъ, клубы и т. д.

Немало сдѣлали и кооперативы, особенно рабочіе. Въ деревняхъ кооперативы особенное вниманіе обратили на созданіе народныхъ домовъ. Въ городахъ они наладили сотни рабочихъ клубовъ.

Клубное движеніе въ городахъ сдѣлало исключительные успѣхи, и клубы стали во многихъ случаяхъ истинными ячейками всей общественной и просвѣтительной работы на мѣстахъ. Въ нихъ устраиваются митинги и партійныя собранія, лекціи и концерты, ведутся спеціальныя школы для взрослыхъ (общеобразовательнаго характера и спеціальные—рисованія, пѣнія, театральныя и т. д.). Здѣсь же имѣются библіотека-читальня и небольшой книжный магазинъ, главнымъ образомъ, для распространенія текущей литературы.

Работа центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій и организацій Совѣтской республики въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія такъ огромна, что итоги ея сказываются уже теперь. Широкая масса населенія, обойденная школой, получаетъ теперь возможность пріобщиться къ знанію и пополнить свое образованіе. Кромѣ того, всѣ отрасли внѣшкольной просвѣтительной работы (библіотеки, книжное дѣло, театръ, кинематографъ и т. д.) постепенно переходятъ подъ общее руководство Комиссаріата Просвѣщенія или мѣстныхъ отдѣловъ, и такимъ путемъ создается планомѣрность всего просвѣтительнаго механизма.

Этимъ закладывается основа для просвѣщенія народныхъ массъ въ духѣ коммунистическихъ идей.

II.

Въ рядѣ организацій, работающихъ въ области просвѣщенія въ Совѣтской Россіи, своеобразное положеніе занимаютъ самостоятельныя пролетарскія просвѣтительныя организаціи—«Пролеткульты», ставящія себѣ задачей работу надъ выработкой пролетарской культуры.

Основы «Пролеткультовъ» были заложены на Петроградской конференціи рабочихъ культурно-просвѣтительныхъ организацій въ октябрѣ 1917 г. (за нѣсколько дней до революціи) и на аналогичной Московской конференціи въ февралѣ 1918 г. Въ сентябрѣ 1918 г. состоялась и общероссійская конференція, подведшая итоги за годъ и положившая начало объединенію всѣхъ «Пролеткультовъ» Россіи вокругъ Центральнаго Комитета и центральнаго органа («Пролетарская Культура»).

Въ задачу «Пролеткультовъ» входитъ выработка самостоятельной пролетарской духовной культуры, охватывающей всѣ области человѣческаго духа—науку, искусство, бытъ. Новая соціалистическая эпоха должна создать новую культуру, основы которой уже закладываются. Эта культура явится плодомъ творческихъ усилій рабочаго класса и будетъ совершенно самостоятельна. Работа надъ пролетарской культурой должна стать рядомъ съ политической и экономической борьбой рабочаго класса.

Но, создавая свою культуру, рабочій классъ отнюдь не долженъ отмахиваться отъ богатаго культурнаго наслѣдія прошлаго, отъ завоеваній, матеріальныхъ и духовныхъ, сдѣланныхъ классами, чуждыми и враждебными пролетаріату. Это прошлое пролетаріи долженъ критически просмотрѣть, взять изъ него все цѣнное, освѣтить со своей точки зрѣнія, использовать въ цѣляхъ созданія своей собственной культуры. Самостоятельность пролетарскаго культурнаго творчества при наличности критическаго отношенія къ отжившей культурѣ прошлаго ничуть не будетъ поколеблена отъ такого использованія и изученія буржуазной культуры.

Эта основная позиція въ дѣлѣ созданія пролетарской культуры была достаточно отчетливо выяснена уже на первыхъ конференціяхъ «Пролеткультовъ». Въ резолюціи Петроградской конференціи было сказано: «Кон-

ференція подчеркиваетъ, что культурно-просвѣтительное движеніе должно занимать мѣсто рядомъ съ политикой, профессіональнымъ движеніемъ и кооперацією», и дальше: «Конференція полагаетъ, что какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ пролетаріатъ проявитъ самостоятельное творчество, но для этого онъ долженъ овладѣть всѣмъ культурнымъ достояніемъ прошлаго и настоящаго».

Московская резолюція гласила: «Приступая къ осуществленію соціалистическаго преобразованія общества, пролетаріатъ долженъ немедленно закладывать основы первой классовой соціалистической культуры. Чтобы проявить самостоятельное творчество въ области искусства и науки, пролетаріатъ долженъ предварительно овладѣть всѣмъ культурнымъ достояніемъ стараго буржуазнаго міра, но онъ долженъ отнестись критически ко всѣмъ плодамъ старой культуры, воспринимая ее не только какъ ученикъ, но и какъ строитель, призванный воздвигнуть новое зданіе, используя жизнеспособные элементы стараго». Исходя изъ этого положенія, москвичи ставили «Пролеткультамъ» двойную задачу: «а) дать пролетаріату цѣльное и законченное міровоззрѣніе, проникнутое боевымъ соціалистическимъ духомъ, и воспитать сильныхъ и неутомимыхъ борцовъ за грядущій соціализмъ; б) организованно и планомѣрно выявлять новыя достиженія пролетаріата въ области науки, изящной литературы, искусства и т. п.»

Эта работа надъ новой культурой должна итти совершенно самостоятельнымъ путемъ. «Пролеткульты» должны быть чисто-классовыми, рабочими организаціями, вполнѣ автономными въ своей дѣятельности.

Вторая конференція петроградцевъ особенно ясно формулировала эту мысль: «Пролетарская культура, выражая собою внутреннее содержаніе новаго творца жизни—пролетаріата—и конечнаго его идеала—соціализма, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи можетъ строиться только самостоятельными усиліями того же пролетаріата, вѣрнаго своимъ классовымъ задачамъ и воспринимающаго жизнь въ строгомъ соотвѣтствіи съ этими задачами».

Всероссійская конференція свела эти положенія о цѣляхъ и задачахъ «Пролеткультовъ» въ точные тезисы, формулированные такимъ образомъ:

«Первая Всероссійская конференція Пролетарскихъ Культурно-Просвѣтительныхъ организацій, указывая,

а) что культурно-просвѣтительное движеніе среди пролетаріата должно занять самостоятельное мѣсто рядомъ съ политическимъ и экономическимъ движеніемъ;

б) что задачей его является выработка пролетарской культуры, которая съ уничтоженіемъ классоваго дѣленія станетъ общечеловѣческой;

в) что строительство этой новой культуры должно базироваться на общественномъ трудѣ и товарищескомъ сотрудничествѣ,—полагаетъ:

1) въ цѣляхъ достиженія поставленной задачи пролетаріатъ долженъ постичь всѣ достиженія прежней культуры, усвоить изъ нея все то, что носитъ на себѣ печать общечеловѣческаго;

2) всѣ эти усвоенія онъ долженъ воспринять критически и переработать въ горнилѣ своего классоваго сознанія;

3) пролетарская культура должна носить характеръ революціоннаго соціализма, чтобы пролетаріатъ могъ вооружить себя новымъ знаніемъ и организовать свои чувства посредствомъ новаго искусства и преобразовать свои бытовыя отношенія въ новомъ духѣ, истинно-пролетарскомъ, т.-е. коллективистическомъ;

4) въ дѣлѣ строительства новой культуры пролетаріатъ долженъ проявить максимумъ своей классовой энергіи, своей самодѣятельности,

пользуясь также помощью революціонно-соціалистической интеллигенціи, поскольку это возможно;

5) закладывая фундаментъ новой формы рабочаго движенія «Пролеткультовъ», отстаивая ихъ организаціонную самостоятельность, чтобы во всемъ объемѣ могло развернуться строгоклассовое пролетарское творчество,—конференція полагаетъ, что государственныя учрежденія, центральныя и местныя, должны способствовать всѣми средствами новому движенію, чтобы прочнѣе закрѣпить завоеванія пролетарской революціи, чтобы побѣдить буржуазію не только матеріально, но и духовно, чтобы скорѣе возвести новое зданіе грядущаго соціалистическаго общества».

Задачи пролетаріата въ области созданія своей науки и искусства на той же конференціи формулированы такимъ образомъ: «Конференція... признаетъ основной задачей въ научной области соціализацію науки, т-е., во-первыхъ, систематическій пересмотръ научнаго матеріала съ коллективно-трудовой точки зрѣнія; во-вторыхъ, его систематическое изложеніе примѣнительно къ условіямъ и потребностямъ пролетарской работы; въ-третьихъ, массовое распространеніе научныхъ знаній въ такомъ преобразованномъ видѣ».

Организаціонными средствами для соціализаціи науки были намѣчены: созданіе новаго рабочаго университета въ видѣ цѣлостной системы культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, построенныхъ на товарищескомъ сотрудничествѣ учащихъ и учащихся, и выработка Рабочей Энциклопедіи—стройнаго, доведеннаго до наибольшей простоты и ясности изложенія методовъ и достиженій науки съ пролетарской точки зрѣнія.

Въ области искусства задачи пролетаріата были намѣчены конференціей въ такомъ видѣ: «Пролетаріату для организаціи своихъ силъ въ соціальной работѣ, борьбѣ и строительствѣ необходимо свое классовое искусство. Духъ этого искусства—трудовой коллективизмъ: оно воспринимаетъ и отражаетъ міръ съ точки зрѣнія трудового коллектива, выражаетъ связь его чувства, его боевой и творческой воли», «сокровища стараго искусства не должны восприниматься пассивно... Пролетаріатъ долженъ брать ихъ въ своемъ критическомъ освѣщеніи, въ своемъ новомъ истолкованіи, раскрывающемъ ихъ скрытыя коллективныя основы и ихъ организаціонный смыслъ».

Касаясь самаго характера работы надъ новымъ искусствомъ, конференція подчеркнула необходимость тѣснаго товарищескаго сотрудничества всѣхъ участниковъ ея, непосредственно воспитывающаго въ направленіи соціалистическаго идеала.

«Пролеткультъ», стремясь пробудить пролетарское творчество въ области научной и художественной и помочь его выявленію, ставитъ въ основу своей дѣятельности творческую самостоятельность массъ.

Въ области методовъ своей работы «Пролеткультъ» идетъ своими особыми путями. Онъ стремится создать для пролетаріата обстановку, соотвѣтствующую и облегчающую творческую работу надъ новой культурой. Поэтому онъ широко примѣняетъ систему студій—литературныхъ, драматическихъ, изобразительныхъ искусствъ. Студіи—это не только школы, но и мѣсто исканій новыхъ путей. Студіи порываютъ съ принципомъ авторитарности и строятся на товарищескихъ началахъ равенства и коллективнаго творчества.

При помощи студій «Пролеткульты» объединяютъ всѣ новые творческіе элементы рабочаго класса и помогаютъ имъ свободно выявить свои исканія въ области пролетарской культуры.

Эти общія положенія и планы, намѣченные конференціями, не остались висящими въ воздухѣ. «Пролеткульты» возникли въ рядѣ городовъ Совѣтской Россіи и кое-гдѣ (напр., въ обѣихъ столицахъ) произвели до-

вольно замѣтную работу въ смыслѣ закладки основъ и выработки путей для работы надъ пролетарской культурой.

Въ области литературной «Пролеткульты» создали свои студіи, гдѣ критически изучалась литература прошлаго, гдѣ писатели-рабочіе знакомились съ литературной техникой и подвергали критическому разбору произведенія участниковъ студіи. Московскій и Петроградскій «Пролеткульты» выпустили рядъ сборниковъ произведеній пролетарскихъ писателей и издаютъ періодическіе журналы съ отдѣлами беллетристики и поэзіи. За первый же годъ, благодаря «Пролеткультамъ», выдвинулось нѣсколько дотолѣ неизвѣстныхъ пролетарскихъ писателей.

Въ сферѣ театральной намѣтились два теченія. Петроградскій «Пролеткультъ» обратилъ главное вниманіе на созданіе центральнаго пролетарскаго театра со своимъ особымъ репертуаромъ. Московскій «Пролеткультъ» поставилъ во главу угла выработку кадра актеровъ-пролетаріевъ и въ этихъ цѣляхъ за какихъ-нибудь четыре-пять мѣсяцевъ создалъ два десятка районныхъ драматическихъ студій для рабочихъ. Есть всѣ основанія думать, что къ веснѣ 1919 г. изъ этихъ студій создадутся районные пролетарскіе театры.

Районныя студіи ведутъ работу въ тѣсной связи съ драматическими рабочими кружками, въ нихъ не только происходитъ обученіе техникѣ актерской, но и намѣчаются исканія новыхъ путей театра. Всѣ студійцы время отъ времени объединяются для общихъ постановокъ. Такъ, въ честь октябрьской революціи былъ данъ вечеръ силами всѣхъ студій (были поставлены инсценировка «Возстанія» Верхарна, пластическій номеръ и сцена изъ «Зорь»).

Въ области изобразительныхъ искусствъ «Пролеткультъ» тоже главное вниманіе обращаетъ на районныя студіи, гдѣ пролетаріатъ имѣетъ возможность изучать живопись, скульптуру и т. п.

Въ сферѣ музыкальной районныя студіи «Пролеткульта» (напр., Московскаго) въ первую очередь заняты обученіемъ хоровому пѣнію. На ряду съ репертуаромъ революціонныхъ пьесъ, частью въ новой гармонизаціи, обширное мѣсто отведено изученію народныхъ мотивовъ и русской народной пѣснѣ вообще.

Большое вниманіе «Пролеткультъ» удѣляетъ рабочимъ клубамъ — этимъ рабочимъ мастерскимъ пролетаріата по выработкѣ новой культуры. Такіе клубы основываются на творческой активности членовъ и служатъ не только мѣстомъ отдыха и развлеченій, но и мѣстомъ пріобрѣтенія знаній и самостоятельной работы надъ коллективнымъ созиданіемъ пролетарской культуры.

«Пролеткульты» обращаютъ большое вниманіе на работу среди пролетарскаго юношества, особенно чутькаго къ запросамъ момента и болѣе свободнаго отъ гнетущаго вліянія буржуазной культуры.

Работа россійскихъ «Пролеткультовъ», благодаря созданію общероссійскаго центра, пріобрѣла теперь болѣе планомѣрный и организованный характеръ. Но работа «Пролеткультовъ» не можетъ остановиться на этомъ. Созданіе пролетарской культуры явится результатомъ творческихъ усилій всего мірового пролетаріата. Поэтому скоро станетъ на очередь дня вопросъ о «Международномъ Пролеткультѣ», о координированіи и объединеніи культурно-просвѣтительныхъ организацій пролетаріата всѣхъ странъ. Успѣхи міровой революціи сдѣлаютъ возможнымъ какъ политическое объединеніе рабочаго класса, такъ и его культурное сближеніе во имя созданія новой соціалистической культуры.

«Международный Пролеткультъ» можетъ стать реальностью уже въ недалекомъ будущемъ.

В. Керженцевъ.

Революція въ наукѣ.

«Ученіе Маркса—дитя буржуазной науки, но рожденіе этого дитяти стоило матери жизни».

Роза Люксембургъ.

I.

(Единство науки и практики. «Пролетарская наука». Монизмъ науки и его экономическіе корни).

Въ своей «Критикѣ философіи права Гегеля» Марксъ говоритъ, что пролетаріатъ — это *сердце* революціи, а философія—ея *голова*.... Великолѣпнѣйшая мысль выражена здѣсь не совсѣмъ еще марксовской терминологіей («Критика» появилась въ 1844 году), ибо позднѣе Марксъ и Энгельсъ покончили съ «философіей» въ старомъ смыслѣ слова: они слили ее воедино съ наукой. Философія превратилась, благодаря Марксу, въ науку, а наука сама стала «философіей». Философія и наука, послѣ полнаго цикла антагонистическаго развитія, стали въ міровоззрѣніи Маркса тѣмъ же синтетическимъ единымъ цѣлымъ, какимъ онѣ были въ самомъ началѣ, въ міропониманіи грековъ.

И поэтому приведенную выше фразу Маркса можно выразить, употребляя болѣе зрѣлую терминологію марксизма [1]), слѣдующимъ образомъ:

Пролетаріатъ—это сердце революціи, наука же является ея головой.

И въ самомъ дѣлѣ, начинающаяся всемірная пролетарская революція будетъ торжествомъ нашей соціалистической науки, а въ частности россійская пролетарская революція является торжествомъ марксистскаго научнаго анализа россійской дѣйствительности.

Какъ гордо звучитъ приведенная фраза Маркса, если сравнить ее съ мелкобуржуазной, топорной фразой Фихте: «философствовать—значитъ не дѣйствовать, а дѣйствовать — значитъ не философствовать»!

Какъ нельзя лучше въ этихъ двухъ фразахъ отражается весь антагонизмъ пролетарскаго, жизненнаго, революціоннаго, съ одной стороны, и буржуазнаго, банкротскаго, празднаго взгляда на науку—съ другой.

За эту именно «бездѣятельность» упрекалъ Марксъ буржуазныхъ теоретиковъ въ послѣднемъ своемъ тезисѣ о Фейербахѣ, говоря, что «философы только объясняли міръ различнымъ образомъ, дѣло въ томъ, чтобы его измѣнить».

---

[1]) Напр., «Людвига Фейербаха» Энгельса.

Наука, какъ органъ дѣйствія, какъ его «голова», и дѣйствіе, какъ научное дѣйствіе,—вотъ какъ смотритъ на дѣло соціалистическій пролетаріатъ.

Энгельсъ правильно подмѣтилъ, что «чистые ученые», чуждые жизненной дѣятельности, существуютъ только въ буржуазномъ ученомъ мірѣ; соціалистическіе же ученые были всегда одновременно и практиками и борцами за свои идеи, находились и находятся въ самой гущѣ «дѣйствованія». Но, кромѣ того, очень часто эти буржуазные ученые своими лицемѣрными фразами о томъ, что они — «внѣ политики», прикрываютъ лишь свою борьбу противъ рабочаго класса и противъ соціализма.

И вотъ, съ одной стороны, покончить, съ этимъ фарисействомъ противопоставленія дѣятельности человѣка и науки, а съ другой—осуществить единеніе науки и практики, сплотить ихъ въ одно творческое цѣлое, какъ заодно въ человѣкѣ работаютъ сердце и голова, — одна изъ важнѣйшихъ задачъ великой пролетарской соціалистической революціи. Между революціей и наукой намѣчается плодотворный синтезъ.

Ибо въ то же время, какъ великая борьба пролетаріата революціонизируетъ науку, точно такъ же наука революціонизируетъ обездоленный, невѣжественный рабочій классъ, выковывая въ процессѣ его борьбы за освобожденіе его научное, классовое сознаніе.

Такимъ путемъ разрѣшается то на первый взглядъ непреодолимое противорѣчіе, которое заключается въ понятіи такъ называемой «пролетарской культуры». Пролетарская культура невозможна, потому что всякая культура является только надстройкой надъ новыми производственными отношеніями; обобществленіе же средствъ производства, которое происходитъ внутри капитализма, и которое выдвигаетъ рабочій классъ на сцену исторіи, наталкивается на тотъ рѣшающій фактъ, что эти обобществленныя средства производства находятся какъ разъ въ рукахъ враждебнаго класса, и этотъ классъ угнетаетъ рабочихъ, между прочимъ, и тѣмъ, что лишаетъ ихъ культуры.

Только завладѣвая средствами производства, рабочій классъ получаетъ впервые возможность строить свою культуру и науку. Но, обобществляя окончательно средства производства и экспропріируя буржуазію, пролетаріатъ уничтожаетъ классы, уничтожаетъ самого себя и опять-таки дѣлаетъ невозможной чисто-«пролетарскую» культуру, ибо онъ создаетъ соціалистическую, общественную культуру. Создается положеніе, при которомъ то, что раньше было еще невозможно, теперь становится уже невозможнымъ. До революціи «пролетарская культура» была невозможна потому, что самое существованіе пролетаріата есть варварство, есть пощечина для культуры, ея отрицаніе. Послѣ же революціи «пролетарская культура» будетъ уже не пролетарской, а соціалистической, общечеловѣческой.

Но, скажутъ, остается еще переходный періодъ,—періодъ диктатуры пролетаріата. Этотъ періодъ является самымъ яркимъ періодомъ противорѣчій. Къ свободѣ идутъ черезъ желѣзное насиліе пролетарской диктатуры, къ равенству—черезъ «классовый паекъ», а къ братству—черезъ гражданскую войну.

«Пролетарская наука» превращается въ практику, въ орудіе борьбы за власть и за экономическое существованіе; наука превращается въ политику. Буржуазное противорѣчіе между политикой и наукой, между дѣятельностью и наукой находитъ здѣсь впервые свой синтезъ: наука становится политической силой пролетаріата, а политика пролетаріата становится наукой.

Намѣчаются, слѣдовательно, синтезъ и выходъ изъ противорѣчія «пролетарской науки», изъ противорѣчія между пролетаріатомъ и наукой.

Необходимость вырваться изъ переходнаго періода какъ можно скорѣе, необходимость начать какъ можно скорѣе соціалистическое творчество, дабы удержать за собой власть и пользоваться все болѣе растущей поддержкой народныхъ массъ, ставитъ на очередь передъ пролетаріатомъ въ первую голову вопросъ о наукѣ, ибо если капитализмъ базировался на наукѣ, то обобществленіе средствъ производства и веденіе всей жизни страны пролетаріатомъ (даже въ передовыхъ странахъ недостаточно подготовленнымъ, и притомъ при сопротивленіи и саботажѣ буржуазныхъ спеціалистовъ и ученыхъ) являются совсѣмъ невозможными безъ науки, поднявшейся на болѣе высокую ступень.

Наука ускоряетъ всякое дѣйствіе и дастъ возможность произвести его съ наименьшей затратой энергіи. Поэтому вопросъ о наукѣ является первоочереднымъ вопросомъ для пролетаріата послѣ захвата имъ власти. Это становится для рабочихъ столь же яснымъ, какъ, напр., и то, что, желая удержать власть, они должны вырвать изъ рукъ буржуазіи и помѣщиковъ ихъ монополію на военное знаніе и искусство, должны создать свой классовый командный составъ. У пролетаріата нѣтъ науки, но у него есть сознаніе необходимости бороться за обладаніе наукой.

Вопросъ о наукѣ встаетъ, такимъ образомъ, передъ широкими рабочими массами во всей своей грандіозности и вслѣдствіе ихъ отсталости во всей своей трудности. Но эти трудности по плечу рабочему классу, ибо онъ въ процессѣ производства присутствовалъ при примѣненіи на дѣлѣ самыхъ тонкихъ и самыхъ искусныхъ научныхъ открытій и методовъ, а въ общественной жизни онъ побѣждалъ, благодаря усвоенію соціальныхъ ученій марксизма, т.-е. того, что пока составляетъ единственно-научную область общественной науки и ея высшую точку развитія.

Само собой разумѣется, что наука въ рукахъ пролетаріата начнется съ грубой, насущной «практики»: на заводахъ и въ Совѣтахъ.

Но это именно какъ разъ и составитъ самую прочную базу истинной общечеловѣческой науки и оздоровитъ въ корнѣ корней старую буржуазную науку.

Кто читалъ когда-нибудь «Діалоги» великаго Галилео Галилея, тотъ никогда не забудетъ, какъ великія физическія и философскія открытія Галилея, да и всей вообще буржуазной науки о природѣ, выросли изъ тогдашнихъ мастерскихъ и мануфактуръ, изъ развивающагося товарнаго производства.

Но какая глубокая и основная разница двухъ эпохъ и двухъ системъ общественной жизни! Тамъ изобрѣтеніе и наука р а д и п р е д м е т а, р а д и т о в а р а и, въ концѣ-концовъ, ради п р и б ы л и; здѣсь, на порогѣ соціалистическаго общества, научная работа закипитъ р а д и р а з р ѣ ш е н і я с о ц і а л ь н а г о к р и з и с а, р а д и у д о в л е т в о р е н і я о б щ е с т в е н н ы х ъ н у ж д ъ и с т е р з а н н а г о ч е л о в ѣ ч е с т в а. Техника въ тѣснѣйшемъ единеніи съ политикой (а не торговлей, какъ тамъ и тогда). Наука о природѣ, срастающаяся въ одно синтетическое цѣлое съ наукой объ обществѣ.

Кто внимательно вдумается въ это «экономическое» заданіе диктатуры пролетаріата, тотъ пойметъ, изъ какихъ глубокихъ корней выросъ научный монизмъ марксизма, монизмъ науки, какъ единаго жизненнаго синтеза общественныхъ и естественныхъ наукъ.

II.

(Задачи революціи въ наукѣ. Критика разрозненности буржуазныхъ наукъ. Объединяющее значеніе техники, какъ основной науки для исторіи и переходной къ естествознанію. Объединяющее значеніе діалектическаго матеріализма, какъ метода. Лѣстница науки. Хаосъ общественныхъ наукъ. Сознательное примѣненіе діалектическаго матеріализма въ естествознаніи, математикѣ и исторіи. Философія, какъ критика, теорія и методологія науки. Познаваемость міра).

Велики задачи пролетарской революціи въ наукѣ. Но не всѣ отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что переворотъ здѣсь будетъ не менѣе глубокъ, чѣмъ въ политикѣ и всей вообще общественной жизни. Наукѣ предстоитъ пережить революцію, но не какую-нибудь только реформу.

Новая соціалистическая, обобществленная наука не будетъ продолженіемъ старой, а ея антагонистическимъ синтезомъ.

Какъ 500 лѣтъ назадъ буржуазная наука, несмотря на пылающіе костры инквизиціи, начинала съ самой безжалостной критики прошлаго міропониманія, выступая на взглядъ многихъ и многихъ даже вопреки «здравому разуму» (напр., въ вопросѣ объ ирраціональныхъ числахъ, перемѣнныхъ величинахъ, дифференціальномъ «противорѣчивомъ» методѣ и т. п.), такъ и теперь новая соціалистическая наука начнетъ съ критики буржуазной науки.

На каждомъ шагу тутъ будетъ противопоставленіе. Сравните марксизмъ съ буржуазной экономіей, философіей, исторіей, и вы увидите, что размежевка идетъ здѣсь по всей линіи и по самымъ кореннымъ вопросамъ.

Начнемъ хотя бы съ разрозненности буржуазной науки и нашего марксистскаго научнаго монизма.

Тотъ же дуализмъ, который мы видимъ, напр., въ буржуазномъ искусствѣ, когда его подраздѣляютъ на чистое искусство и прикладное, проявляется и въ наукѣ, когда ее подраздѣляютъ на чистыя науки и прикладныя, когда науку противопоставляютъ техникѣ.

Какой здѣсь намѣчается синтезъ въ области соціалистической науки, мы говорили уже выше. Какъ пролетарская революція объединяетъ науку и практику у самаго ихъ основанія,—это доказываетъ переворотъ въ педагогикѣ, который можно наблюдать въ развитіи идеи единой трудовой школы. Старые, надоѣвшіе уже споры о реалистическомъ или гуманистическомъ (филологическомъ) воспитаніи, старая критика оторванности отъ жизни, академичности прежняго воспитанія молодежи находятъ свое простое и самое радикальное разрѣшеніе въ школѣ труда. Единство науки и практики становится здѣсь постояннымъ содержаніемъ умственнаго воспитанія молодежи.

Но синтезъ техники и науки дѣйствуетъ объединяюще не только въ выше указанной области. Извѣстенъ антагонизмъ, до сихъ поръ не преодолѣнный въ буржуазной наукѣ, между естественными и соціальными науками, между наукой о природѣ и наукой объ обществѣ. И вотъ техника, которая получила равноправіе въ наукѣ, является какъ разъ такой наукой, которая является переходной между чисто-естественными и чисто-общественными науками.

Такимъ образомъ, объединеніе техники съ наукой не только вноситъ единство въ отношенія практической дѣятельности и научной теоріи, но и объединяетъ самое науку, вноситъ въ нее необыкновенную стройность.

Интересно, что техника является не только переходной наукой отъ естествознанія къ такъ называемой «соціологіи», но и самой основной наукой въ системѣ историческаго матеріализма. Историческій матеріализмъ связываетъ въ послѣднемъ счетѣ всѣ измѣненія общественной жизни съ измѣненіями въ производственныхъ отношеніяхъ общества. Это знаютъ всѣ, но не всѣ удѣляютъ достаточно вниманія тому ученію Маркса, что вся исторія базируется на состояніи средствъ производства въ обществѣ, что измѣненіе производственныхъ отношеній зависитъ отъ измѣненій въ техникѣ.

Техника является, впрочемъ, основной наукой не только для науки объ обществѣ, но и для естествознанія. Всякому марксисту должно быть понятно, что въ исторіи развитія естествознанія и математики запросы техники, подталкивающее значеніе техники для научныхъ открытій, огромны и неоспоримы.

Такимъ образомъ, пролетарская революція, ставя науку въ тѣснѣйшую зависимость отъ запросовъ жизни, объединяя сердце революціи — пролетаріатъ и ея голову—науку, сплачиваетъ науку и придастъ ей внутреннюю цѣльность въ самыхъ основныхъ направленіяхъ

Ибо что же значитъ поставить науку въ зависимость отъ практики—это матеріализмъ. Поставить развитіе естествознанія и математики въ зависимость отъ запросовъ техники — это матеріализмъ. Въ основѣ общественныхъ наукъ поставить технику—это тотъ же историческій матеріализмъ.

И вотъ мы тутъ наталкиваемся на новый объединяющій моментъ науки, именно, единый научный методъ.

Ибо не только объединеніемъ науки съ техникой осуществляется дѣло монизма науки, но и не менѣе единствомъ научнаго метода изслѣдованія истины. Методъ этотъ уже намѣченъ марксизмомъ и называется діалектическимъ матеріализмомъ, ибо историческій матеріализмъ есть только примѣненіе діалектическаго матеріализма въ области исторіи.

Какую стройность вноситъ единый методъ діалектическаго матеріализма въ разрозненность современной буржуазной науки,—это можно наблюдать на проблемѣ «системы» науки. Эта трудная проблема, являющаяся неразрѣшимой до сихъ поръ для буржуазной философіи, будетъ легко разрѣшена соціалистической наукой, и рѣшеніе это уже намѣчено марксизмомъ.

Приведеніе всѣхъ наукъ въ одну законченную «систему»—вопросъ, какъ его ставилъ, напр., Огюстъ Контъ, является такимъ же схоластическимъ вопросомъ, какъ и вопросъ о «системѣ растеній» или «системѣ животнаго міра». Въ естествознаніи этотъ вопросъ разрѣшенъ благополучно и блестящимъ образомъ при помощи Дарвиновскаго эволюціонизма. «Классификацію» растеній и животныхъ замѣнила исторія развитія растеній и животныхъ, даже шире: эволюціонная лѣстница всего біологическаго міра. То же самое и съ частными науками: «классификація» наукъ замѣняется ихъ историческимъ развитіемъ и связью. А вмѣсто логической «системы» наукъ развиваются ихъ раздѣленіе и группировка по ихъ содержанію, по ихъ причинной, матеріалистической зависимости. Начиная съ физики, кончая философіей и другими «идеологіями» на самомъ верху, получается стройная матеріалистическая лѣстница наукъ. Вмѣсто схоластической утопіи создать «систему наукъ» получается діалектическое единеніе всѣхъ наукъ въ одну общечеловѣческую науку объ окружающемъ насъ мірѣ.

Но какъ это стало возможнымъ? Только благодаря тому, что, кромѣ науки о природѣ, стала впервые возможной и наука объ обществѣ. Она была невозможной въ разбитомъ на классы буржуазномъ обществѣ вмѣстѣ съ

его идеалистическими предразсудками и метафизикой (фетишизмомъ) въ исторіи, но она стала возможной благодаря историческому матеріализму пролетаріата.

Посмотрите, какую ясность вноситъ историческій матеріализмъ въ совокупность общественныхъ наукъ, и насколько вѣское слово приходится здѣсь сказать пролетарской революціи въ наукѣ,—это можно наблюдать, если сравнить естествознаніе съ «соціологіей».

Возьмите хотя бы Вундта или другихъ видныхъ буржуазныхъ теоретиковъ, занимавшихся «приведеніемъ въ систему» частныхъ наукъ, и сравните у нихъ группы естественныхъ наукъ и «гуманистическихъ» (какъ они часто называютъ общественныя науки). Сколько стройности въ естествознаніи, и какой хаосъ въ буржуазной соціологіи! Естественныя науки уже улеглись въ стройную лѣстницу, и поэтому ихъ установка почти не отличается у представителей самыхъ разнообразныхъ теченій: физика и химія, біологія (ботаника и зоологія), физіологія, психологія,—вотъ «система» естественныхъ наукъ, опирающихся одна на другую и соотвѣтствующихъ по своему содержанію исторіи естествознанія и исторіи развитія природы. И тутъ же рядомъ гуманистическія (общественныя) науки, раздѣленныя и сгруппированныя у каждаго по-иному, да еще обогащенныя до полной неразберихи разными «философскими» и «нормативными» науками или сверхнауками. Попытайтесь теперь привести въ порядокъ эту «гуманистическую» неразбериху при помощи историческаго матеріализма, и вы увидите, въ какую ясную картину будутъ укладываться общественныя науки, начиная съ переходныхъ къ естественнымъ (географіи и техники), идя дальше черезъ экономію и первичную культуру и поднимаясь «вверхъ» ко все болѣе удаляющимся отъ экономической базы «идеологическимъ» наукамъ.

Постройка такой восходящей лѣстницы единой науки, возникающей изъ діалектическаго единенія всѣхъ наукъ, становится впервые возможной благодаря пролетарской революціи и составляетъ величайшую историческую задачу соціалистическаго общества.

Эта задача можетъ быть не только поставлена, но и осуществлена, благодаря единому научному методу діалектическаго матеріализма. Но тутъ-то именно и возникаютъ самыя крупныя и трудныя задачи. «Великая основная мысль о томъ,—говоритъ Энгельсъ,—что міръ состоитъ не изъ готовыхъ, законченныхъ п р е д м е т о в ъ, а представляетъ собою совокупность процессовъ, въ которой предметы, кажущіеся неизмѣнными, равно какъ и дѣлаемые головой мысленные ихъ снимки, понятія, находятся въ безпрерывномъ измѣненіи: то возникаютъ, то уничтожаются,—эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла въ общее сознаніе, что едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать ее въ ея общемъ видѣ. Но о д н о дѣ л о п р и з н а в а т ь е е н а с л о в а х ъ, а и н о е дѣ л о п р и м ѣ н я т ь е е в ъ к а ж д о м ъ о т дѣ л ь н о м ъ с л у ч а ѣ, в ъ к а ж д о й д а н н о й о б л а с т и и з с л ѣ д о в а н і я»[1]).

Діалектическій матеріализмъ поставленъ передъ пролетаріатомъ какъ задача и намѣченъ какъ методъ, но провести его всецѣло и воплотить во всѣхъ областяхъ науки будетъ въ состояніи только лишь соціалистическое общество.

Всякая новая эпоха въ наукѣ начинала прежде всего, съ новыхъ научныхъ методовъ. И поэтому вопросъ о методѣ даже въ переходную эпоху, эпоху борьбы пролетаріата за науку, является научнымъ вопросомъ нашего поколѣнія.

---

[1]) Фридрихъ Энгельсъ, «Людвигъ Фейербахъ», пер. Плеханова, 19.

На этой почвѣ необходимы немедленныя начинанія и непосредственныя научныя и педагогическія наши усилія.

Возьмите о б л а с т ь е с т е с т в е н н ы х ъ н а у к ъ. Всѣ великія открытія естествениковъ сдѣланы благодаря методу діалектическаго матеріализма, который является теперь просто характернымъ для естественныхъ наукъ. Особенно послѣднія открытія въ физикѣ, хотя бы изслѣдованія вокругъ такъ называемой электрической природы матеріи, теорія іоновъ въ химіи, менделизмъ въ біологіи,—развѣ они не являются блестящимъ подтвержденіемъ діалектическаго матеріализма? Вся бѣда только въ томъ, что современные естествеиники, воспитанные въ буржуазныхъ предразсудкахъ, примѣняютъ этотъ методъ безсознательно, какъ извѣстный герой Мольера, который говорилъ 40 лѣтъ прозой, но не зналъ объ этомъ.

Стоитъ только нашимъ молодымъ соціалистическимъ ученымъ примѣнить сознательно и подробнѣе разработать діалектическій матеріализмъ въ естествознаніи, и они подвинутъ впередъ науку о природѣ семимильными шагами, обогащая человѣчество великими открытіями и изобрѣтеніями.

Та же самая картина в ъ м а т е м а т и к ѣ. Матеріалистическая теорія математики должна окончательно восторжествовать, лишая, такимъ образомъ, математику того флера мистицизма, которымъ буржуазные ученые окутали ее и сдѣлали малодоступной. А діалектика въ математикѣ? Казалось бы, математика (особенно математика перемѣнныхъ величинъ, ирраціональныхъ и безконечныхъ) является классической областью діалектики, а между тѣмъ діалектику примѣняютъ въ математикѣ только несознательно. Сознательная діалектика въ математикѣ означаетъ не только неслыханное развитіе и прогрессъ математики, но и неизмѣримыя заслуги передъ человѣчествомъ въ видѣ развитія и утонченія самой діалектики, ибо ничто такъ не въ состояніи усовершенствовать діалектическій методъ, какъ сознательное примѣненіе его въ математикѣ. Всякій мало-мальски знающій такъ называемую высшую математику знаетъ, какую основную роль играла въ ней, напр., безконечность. Какъ глубоко должно лежать въ основѣ математики діалектическое противорѣчіе, если такой видный современный англійскій математикъ, какъ Р э с с е л ь, не чуждается дать слѣдующее опредѣленіе безкопечности: «коллекція членовъ б е з к о н е ч н а, когда она содержитъ, какъ части, другія коллекціи, имѣющія столько же членовъ, какъ и она сама». А какимъ образомъ безъ сознательной діалектики застреваетъ въ противорѣчіяхъ столь основная математическая дисциплина, какъ «теорія множествъ»,—это доказываетъ «п а р а д о к с ъ», изобрѣтенный тѣмъ же самымъ Р э с с е л е м ъ: множество множествъ, «неподчиненныхъ» себѣ само себѣ «подчинено» и одновременно «не подчинено» [1]). Дѣло съ парадоксомъ обстоитъ тѣмъ хуже, что ни одной изъ двухъ альтернативъ принять тоже нельзя, ибо изъ каждой вытекаетъ ея собственное противорѣчіе. Именно: 1) если принять, что множество множествъ, «не подчиненныхъ» себѣ, «подчинено» себѣ, то оно принадлежитъ къ «неподчиненнымъ», и, значитъ, оно «не подчинено» себѣ, 2) такимъ же образомъ изъ предположенія, что множество множествъ, «неподчиненныхъ» себѣ «не подчинено» себѣ, вытекаетъ, что оно именно «подчинено» себѣ. Съ этой «безсмыслицей» въ самыхъ основахъ математики бьются уже нѣсколько лѣтъ самъ Рэссель и другіе лучшіе математики и измышляютъ, пока тщетно, для разрѣшенія парадокса гипотезы за гипотезами, одна вычурнѣе другой. Какъ жаль, что они не діалектики!

---

[1]) Множества, «подчиненныя» себѣ,—это такія, которыя однородны со своими составными, такъ, напр., конечная сумма конечныхъ суммъ сама есть конечная сумма, сумма четныхъ чиселъ сама есть четное число. «Неподчиненныя»—это такія, которыя неоднородны со своими составными: сумма нечетныхъ чиселъ не всегда нечетное число.

И дальше: діалектическій матеріализмъ въ области исторіи, въ области общественныхъ наукъ. Что тутъ еще почти все остается сдѣлать,—это извѣстно, ибо въ буржуазномъ обществѣ общественныя науки не могли стать наукой. Марксъ заложилъ только геніальныя основы. Какой просторъ для молодой соціалистической науки, для открытій соціалистическихъ ученыхъ, если они только смѣло примѣнятъ методъ историческаго матеріализма! Какая тутъ ждетъ еще науку революція!

И, наконецъ, какую мощную роль въ объединеніи дѣятельности и науки, въ объединеніи соціальныхъ и естественныхъ наукъ, въ объединеніи метода научныхъ изслѣдованій должна сыграть еще научная философія, какъ наука о матеріализмѣ, наука о методѣ!

Да, все-таки философія, хотя марксизмъ покончилъ съ «философіей». ибо только послѣ того, какъ изъ философіи будетъ выброшено все метафизическое, все умозрительное, она можетъ стать наукой. Философія была сначала критикой теологіи, что превратило философію въ ея собственное отрицаніе—въ науку. Наука стала, въ свою очередь, критикой философіи, что опять-таки породило философію, какъ критику науки, т.-е. высшую ступень философіи. Критика критики философіи, говоря гегелевскимъ языкомъ, а проще: критика науки—вотъ задача научной философіи. Марксъ и Энгельсъ указывали, какъ на единственный «оставшійся» (послѣ естествознанія и исторіи) предметъ философіи, на логику и діалектику. «...Историческіе взгляды Маркса,—говоритъ Энгельсъ,—наносятъ философіи смертельный ударъ въ области исторіи, точно такъ же, какъ діалектическій взглядъ на природу дѣлаетъ ненужной и невозможной всякую философію природы. Теперь задача заключается не въ томъ, чтобы придумывать связь, существующую между явленіями, а въ томъ, чтобы открывать ее въ самихъ явленіяхъ. За философіей, изгнанной изъ природы и изъ исторіи, остается, поскольку остается лишь область чистой мысли, ученіе о законахъ процесса мышленія, логика и діалектика». Но мы скажемъ конкретнѣе: критика, теорія и методологія науки—вотъ научная задача, остающаяся за философіей.

Задача эта громадна. Насколько объединяющую и діалектически синтетическую роль сыграетъ въ наукѣ такая «философія»,—это вполнѣ понятно.

Наука станетъ критической наукой.

Всѣ вышеприведенныя объединяющія творческія задачи науки возможны лишь въ объединенномъ, безклассовомъ, соціалистическомъ обществѣ. Но борьба за эту науку начнется раньше; она-то и составляетъ задачу диктатуры пролетаріата вмѣстѣ съ его научной «революціей снизу». т.-е. революціей въ педагогикѣ, въ школѣ труда.

Намъ предстоитъ пережить эту глубочайшую революцію въ наукѣ, раньше чѣмъ человѣчество создастъ науку.

Съ развернутыми знаменами идетъ пролетаріатъ навстрѣчу этой революціи науки.

Вопреки всему «непознаваемому» буржуазнымъ міромъ, вопреки отчаяннымъ воплямъ этого міра: «Ignorabimus!» (не узнаемъ!), вопреки колѣнопреклоненному передъ теологіей кантіанству, не знающему вещей въ себѣ, пролетаріатъ съ непоколебимой вѣрой идетъ впередъ, на завоеваніе истины.

Около краснорѣчивой фразы Маркса, съ которой мы начали наши разсужденія, пролетаріатъ напишетъ на своемъ научномъ знамени гордый «2-й тезисъ Маркса о Фейербахѣ»:

> «Вопросъ о томъ, способно ли человѣческое мышленіе познать предметы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности,— вовсе не теоретическій, а практическій вопросъ. Практикой долженъ

доказать человѣкъ истину своего мышленія, т.-е. доказать, что оно имѣетъ дѣйствительную силу и не останавливается по сю сторону явленій. Споръ же о дѣйствительности мышленія, изолирующаяся отъ практики, есть чисто схоластическій споръ».

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ неокантіанцевъ предлагалъ надъ вратами науки поставить надпись, которую Данте видѣлъ надъ вратами ада: «lasciate ogni speranza!» (оставьте всякую надежду!).

Когда-то въ старомъ мірѣ думали, что міръ ограничивается Средиземнымъ моремъ, что на границѣ этого міра стоятъ «столпы Геркулеса» (нынѣ (Гибралтарскій проливъ), за которыми начинается невѣдомое, таинственное и страшное. И когда къ этимъ «столпамъ» приходили такіе люди, какъ Колумбъ и Васко-де-Гама, и говорили: «Идите туда, на невѣдомый океанъ. и вы найдете новый путь къ старой землѣ»,—ихъ считали сумасшедшими и порой хотѣли убить.

Но пролетаріатъ никогда не забудетъ такихъ людей, какъ Колумбъ, и окружитъ вѣчной любовью тѣхъ, кто когда-то, минуя «столпы Геркулеса», столпы «непознаваемаго», направлялъ свои хилые корабли въ страну заходящаго солнца, въ страшную пучину невѣдомаго океана, шла на своихъ парусахъ новыхъ путей къ старой землѣ, и находилъ новыя земли.

А на золотыхъ вратахъ своей науки онъ напишетъ не отчаянное: «lasciate!», а жизнерадостное и спокойное:

«Эти ворота ведутъ во вселенную,—войди, и ты постигнешь царство небесъ».

Станиславъ Бобинскій.

Революція и церковь.

I. Православная церковь при самодержавіи.

Говоря въ настоящей статьѣ о церкви въ эпоху нашей второй революціи, мы имѣемъ въ виду лишь православную церковь, бывшую до январскаго декрета 1918 года государственной церковью въ Россіи. Роль церкви въ той великой общественной борьбѣ, которая прошла передъ нами за минувшій годъ, не можетъ быть правильно понята и оцѣнена безъ предварительнаго анализа того положенія, какое занимало православіе при самодержавіи, еще до революціи 1905 года. Съ этого мы и начнемъ.

а) Царь—глава церкви. Православное духовенство—его чиновники.

Полное торжество россійскаго самодержавія, относящееся къ началу XVIII вѣка, означало для православной церкви окончательное подчиненіе государству.

Ея высшее учрежденіе—Святѣйшій Синодъ—состояло изъ архіереевъ по назначенію императора и находилось подъ постояннымъ контролемъ свѣтскаго чиновника, оберъ-прокурора, этого «ока государева».

Со времени упраздненія патріаршества при Петрѣ I самодержавный царь совмѣщалъ въ себѣ высшую свѣтскую и духовную власть. Онъ являлся «верховнымъ защитникомъ» господствующей религіи, хранителемъ ея догматовъ, блюстителемъ церковнаго благочинія. Въ этомъ смыслѣ актъ о престолонаслѣдіи 1794 г. называетъ его «главою церкви» [1]).

Столь широкія прерогативы монарха въ области церковной жизни стояли въ тѣсной связи съ теоріей божественнаго происхожденія царской власти, благополучно дожившей до XX вѣка и закрѣпленной въ основныхъ законахъ Россійской имперіи, ст. 1-я которыхъ гласила: «Императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ».

Но разъ самодержавный глава государства дѣйствуетъ по велѣнію самого божества, его власть распространяется и на служителей церкви: еще Екатерина II не постѣснялась заявить, что для епископовъ воля монарха «должна быть выше законовъ евангельскихъ».

Православные архіереи, назначаемые и смѣщаемые императорами, были, въ сущности, государственными сановниками, въ распоряженіи которыхъ состояла цѣлая армія духовныхъ чиновниковъ—низшее духовенство, а вся церковь—просто однимъ изъ министерствъ, вѣдомствомъ,

---

[1]) Суворовъ. Учебникъ церк. права, стр. 574.

во главѣ котораго стоялъ оберъ-прокуроръ [1]). Синодъ же игралъ роль учрежденія, послушно ставившаго свой церковный штемпель на распоряженіяхъ верховной власти, касавшихся церковно-религіозной жизни.

Превращенное въ синодальную команду [2]), православное духовенство было надежнѣйшимъ орудіемъ царскаго самодержавія, которое не остановилось передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ священниковъ своего рода полицію, превративъ одно изъ христіанскихъ таинствъ въ средство политическаго сыска. Указомъ 1716 г., неоднократно потомъ повтореннымъ, духовнымъ пастырямъ повелѣвалось неукоснительно доносить губернаторамъ обо всемъ томъ противоправительственномъ, что будетъ открыто на исповѣди. До самаго послѣдняго времени сохранялъ свою силу циркуляръ Синода, предписывавшій полковымъ священникамъ сообщать по начальству о томъ, что будетъ имъ сказано на духу.

Чиновники въ рясахъ не только слѣдили за самыми сокровенными помыслами царскихъ подданныхъ, но и неустанно проповѣдывали повиновеніе и покорность властямъ и оправдывали какъ всѣ беззаконія и звѣрства самодержцевъ, такъ и весь существующій строй, покоящійся на эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. За свою вѣрную службу духовенство щедро награждалось золотыми и брильянтовыми крестами, орденами и прочими знаками отличій [3]). Объ обезпеченіи землей церквей и монастырей и о денежныхъ воспособленіяхъ служителямъ православной церкви намъ придется еще говорить въ иной связи.

Въ качествѣ самой надежной опоры трона и защитника частной собственности православное духовенство было призвано воспитывать молодое поколѣніе. Преподаваніе «закона божьяго» было обязательно во всѣхъ школахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, отъ низшихъ до университетовъ включительно. Всюду и вездѣ шла обработка головъ дѣтей и юношества въ желательномъ для правительства и господствующихъ классовъ духѣ.

б) Привилегіи православной церкви при самодержавіи.

Извѣстный мракобѣсъ оберъ-прокуроръ Синода К. Побѣдоносцевъ далъ такой идеалъ отношеній между официальной церковью и полицейскимъ государствомъ: «Государство, — писалъ онъ, — тѣмъ сильнѣе... чѣмъ явственнѣе въ немъ обозначается представительство духовное. Только подъ этимъ условіемъ поддерживаются и утверждаются въ средѣ народной... уваженіе къ закону и довѣріе къ государственной власти.... Довѣріе массы народа къ правителямъ основано на вѣрѣ, т.-е. не только на единовѣріи народа съ правительствомъ, но и на увѣренности, что правительство имѣетъ вѣру и по вѣрѣ дѣйствуетъ»... Отсюда «неоспоримое преимущество» передъ всѣми остальными отношеніями церкви и государства будетъ имѣть такая система: «Государство признаетъ одно вѣроисповѣданіе изъ числа всѣхъ истиннымъ вѣроученіемъ и одну церковь исключительно поддерживаетъ и покровительствуетъ, къ предосужденію всѣхъ остальныхъ церквей и вѣроисповѣданій» [4]).

Этотъ «идеалъ» и былъ осуществленъ въ самодержавной Россіи. Православная церковь находилась въ особо привилегированномъ положе-

---

[1]) Съ 1824 г. оберъ-прокуроръ Синода былъ формально уравненъ въ правахъ съ министрами.

[2]) Такъ именуются служители алтаря въ официальныхъ документахъ XVIII вѣка.

[3]) Въ 1909 г., напр., на брильянтовые ордена архіереямъ, по смѣтѣ Синода, значилось 14.500 р.

[4]) Цитир. по ст. Никольскаго «Госуд. церковь въ XVIII и XIX вв.». (Русск. истор., Изд. Міръ, кн. IX, стр. 132—3.

нiи». Въ качествѣ государственной, «первенствующей» и «господствующей», только православная религiя пользовалась поддержкой и покровительствомъ со стороны правительства.

Всѣ прочiя вѣроученiя были въ глазахъ власти «лжеученiями», терпимыми лишь постольку, поскольку они издавна исповѣдывались крупными національностями, входившими въ составъ Россійской имперiи, загнать которыя въ лоно казеннаго православiя не представлялось никакой возможности даже для всемогущаго полицейскаго государства.

По официальнымъ, весьма неточнымъ [1]), даннымъ, въ 1897 году на 128,92 милл. жителей имперiи приходилось:

			въ %
Православныхъ и единовѣрцевъ	87,1	мил.	67,6
Старообрядцевъ	2,2	»	1,7
Католиковъ	11,5	»	8,9
Протестантовъ	3,6	»	2,8
Евреевъ	5,2	»	4,3
Магометанъ	13,9	»	10,8
Прочихъ	5,4	»	4,1

Но только православное духовенство пользовалось неограниченной свободой религiозной пропаганды. Его миссiонерская дѣятельность облегчалась и поощрялась спецiальными законами. Такъ, губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность «всей предоставленной имъ властью содѣйствовать духовному начальству» въ охраненiи незыблемости православной вѣры, «наблюдая тщательно, чтобы ереси и расколы... не были распространяемы между жителями ввѣренной имъ губернiи».

Въ силу этого закона къ услугамъ православнаго миссiонера при «собесѣдованiяхъ» съ сектантами всегда была мѣстная полицiя, которая путемъ «всяческаго содѣйствiя» облегчала посрамленiе инаковѣрующихъ.

Между тѣмъ духовенству всѣхъ другихъ религiй строжайше воспрещалась [2]) всякая проповѣдь своего вѣроученiя среди лицъ другихъ вѣроисповѣданiй, тѣмъ болѣе не допускалось «совращенiе православнаго въ неправославную вѣру»,—за это дѣянiе законъ грозилъ лишенiемъ правъ и арестантскими ротами. За одно порицанiе православiя «съ намѣренiемъ поколебать оное» полагалась ссылка въ каторжныя работы.

Но и въ томъ случаѣ, когда православный безъ всякой агитацiи со стороны пожелалъ бы перейти въ другую религiю, ни одна «инославная» церковь не имѣла права принять его въ свое лоно. Что касается пріема лицъ, принадлежащихъ къ другимъ христiанскимъ и нехристiанскимъ религiямъ, то для инославныхъ церквей онъ былъ возможенъ лишь съ надлежащаго разрѣшенiя власти [3]).

Рядъ другихъ законовъ предохранялъ православную церковь отъ уменьшенiя паствы, а пастырей—отъ сокращенiя притока «доброхотныхъ» даянiй. Дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ неправославными должны были быть обязательно крещены и воспитаны въ православной вѣрѣ. Отпаденiе отъ православiя разсматривалось какъ уголовное преступленiе и имѣло своимъ послѣдствiемъ наложенiе опеки на имущество отпавшаго и отобранiе у него дѣтей; самъ же «пре-

---

[1]) Многiе сектанты скрывали свое вѣроисповѣданiе.

[2]) Подъ угрозой различныхъ наказанiй, до каторги включительно.

[3]) Суворовъ. Курс. церк. права, стр. 688—92. Рейснеръ. «Государство и вѣрующая личность», стр. 186 и сл.

ступникъ» рисковалъ быть отданнымъ на «увѣщаніе духовному начальству», которое могло кончиться его пожизненнымъ заключеніемъ въ монастырской тюрьмѣ[1]).

Преслѣдованіе „еретиковъ“ и притѣсненіе негосударственныхъ религій.

Каждый подданный царя долженъ былъ быть приписанъ къ государственной или одной изъ «дозволенныхъ» религій, подобно тому, какъ онъ былъ приписанъ къ соотвѣтствующему полицейскому участку. Съ помощью чиновниковъ въ рясахъ самодержавное правительство осуществляло свой контроль надъ образомъ дѣйствій и мыслей подданныхъ въ не меньшей степени, чѣмъ оно это дѣлало черезъ чиновниковъ въ мундирахъ. И поскольку иныя, неправославныя, религіи терпѣлись въ государствѣ, ихъ служители также считались какъ бы духовными чиновниками, состоящими на службѣ у правительства и дѣйствующими подъ его контролемъ.

Переходъ въ какое-либо изъ нетерпимыхъ въ государствѣ вѣроученій [2]) или былъ сопряженъ съ утратой тѣхъ или иныхъ гражданскихъ правъ, или влекъ за собой уголовную кару.

Такъ, напр., браки старообрядцевъ и сектантовъ не признавались законными, а потому такіе «отпавшіе» не имѣли законной семьи и твердыхъ имущественныхъ правъ [3]). Послѣдователямъ же нѣкоторыхъ сектъ, признававшихся «особо вредными»,—напр., духоборцы, штундисты, хлысты и т. п.,—грозили лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на вѣчное поселеніе.

Стѣснялась всячески и свобода отправленія раскольниками и сектантами ихъ обрядовъ. Вслѣдствіе полицейскихъ преслѣдованій большинство сектантскихъ общинъ могло существовать лишь въ «подпольѣ».

Но и «дозволенныя» религіи терпѣли немалыя притѣсненія со стороны самодержавной власти: вспомнимъ, напр., гоненія, которымъ подвергалось католическое духовенство въ Западномъ краѣ.

Въ особомъ положеніи находилась еврейская религія. Она считалась «терпимой», существовалъ даже казенный раввинатъ, но въ то же время ея послѣдователи были, какъ извѣстно, совершенно безправными людьми въ государствѣ [4]). Мало того: во время еврейскихъ погромовъ, устраивавшихся при дѣятельномъ участіи правительственныхъ агентовъ въ цѣляхъ отвлеченія вниманія народныхъ массъ отъ борьбы съ самодержавной властью, евреевъ можно было грабить и убивать безнаказанно.

Преслѣдованія старообрядцевъ и сектантовъ имѣли иную подкладку. Правительство охраняло здѣсь не столько интересы православнаго духовенства, сколько свои собственные.

Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія самодержавно-полицейскаго государства всякая «ересь» считалась недопустимой. Уходя изъ церкви, человѣкъ тѣмъ самымъ ускользаетъ отчасти изъ-подъ тѣхъ всесторонніхъ правительственныхъ опеки и контроля, на которые претендуетъ всякое полицейское государство въ отношеніи своихъ подданныхъ. Вѣдь старо-

---

[1]) Такого рода «вѣчники» до самаго послѣдняго времени имѣлись, напр., при Спасо-Евоимьевскомъ монастырѣ. (См. ст. Пругавина «Суздальскіе узники», «Былое», авг.—сент.).

[2]) Состояніе «внѣвѣроисповѣдное» совсѣмъ не признавалось государствомъ.

[3]) Журналъ комитета министровъ о введеніи въ Россіи вѣротерпимости.

[4]) Черта осѣдлости, воспрещеніе покупки земли и занятія сельскимъ хозяйствомъ, «процентная норма» при пріемѣ въ учебныя заведенія, недоступность ряда профессій и т. д.

обрядческіе попы и наставники не состояли на службѣ у государства, а у сектантовъ вообще не было духовенства, какъ особыхъ лицъ, стоявшихъ надъ религіозной общиной.

Всякая «ересь» ставила, далѣе, подъ сомнѣніе истинность вѣроученія официальной церкви, которая своимъ авторитетомъ поддерживала самодержавіе и весь существующій строй.

Наконецъ,—это самое важное,—сектантское движеніе было одной изъ формъ противоправительственной оппозиціи. Пока, съ одной стороны, состоявшая на службѣ у государства церковь властно вмѣшивалась во всѣ стороны жизни россійскаго гражданина, а съ другой—все міропониманіе широкихъ массъ рабочихъ и крестьянъ базировалось на религіи, а всякій политическій и соціальный протестъ неизмѣнно отливался въ религіозную форму: еретичество было однимъ изъ средствъ борьбы низовъ съ тѣмъ гнетомъ, который лежалъ на нихъ при самодержавіи.

Это и дѣлало сектантовъ особо опасными съ точки зрѣнія правительства, вполнѣ основательно полагавшаго, что «всякая ересь содержитъ въ себѣ зародышъ революціи» [1]).

Богатства православной церкви при самодержавіи.

Развитіе церковной собственности въ Россіи происходило совершенно аналогично соотвѣтствующему процессу въ Западной Европѣ. Въ эпоху преобладанія натуральнаго хозяйства собственность церкви состояла, главнымъ образомъ, изъ земли, земельныя богатства церкви росли благодаря княжескимъ, а потомъ царскимъ пожалованіямъ, вкладамъ на поминъ души или при постриженіи, покупкамъ, наконецъ, въ результатѣ захватовъ сосѣднихъ крестьянскихъ земель. Уже въ XIV и XV вв. духовенство, какъ часть военно-землевладѣльческаго класса, сосредоточивало въ своихъ рукахъ значительныя земельныя богатства. Въ XVI столѣтіи ростъ церковнаго землевладѣнія, пользовавшагося особыми податными и судебными льготами, начинаетъ принимать угрожающіе размѣры. На церковныхъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ не разъ слышатся голоса объ отобраніи у церкви ея земельныхъ богатствъ въ пользу казны. Но эти домогательства, исходившія изъ интересовъ боярскаго и дворянскаго землевладѣнія, не достигли цѣли: духовенство сумѣло отстоять свои земли, и дѣло не пошло дальше отмѣны судебныхъ и податныхъ привилегій церкви, запрещенія новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній безъ царскаго разрѣшенія. Впрочемъ, это запрещеніе осталось больше на бумагѣ, и духовенство правдами и неправдами продолжало увеличивать свою недвижимость. Очень рано начинаетъ расти и движимое имущество церкви, особенно монастырей, занимавшихся оптовой торговлей хлѣбомъ и другимъ сырьемъ, выступавшихъ въ роли банкировъ и т. д. Богатства церкви на ряду съ ея спеціальными функціями, какъ посредника между божествомъ и вѣрующими, опредѣлили ея соціальное могущество, которое въ то же время было могуществомъ духовенства, ибо «богатства нищихъ», какъ нѣкогда называли церковную собственность, давно уже превратились въ богатства духовенства.

Къ половинѣ XVIII в. на церковныхъ земляхъ сидѣло около милліона «душъ» крѣпостныхъ. Богатѣйшіе монастыри были въ то же время крупнѣйшими собственниками, оставлявшими далеко за собою свѣтскихъ земельныхъ магнатовъ. Такъ, напр., извѣстный Троице-Сергіевъ монастырь

---

1) Слова рождя французскихъ клерикаловъ Брюнетьера.

имѣлъ вотчины въ 15 избъ, на его земляхъ сидѣло 106 тыс. душъ крѣпостныхъ; за Александро-Невской лаврой числилось болѣе 25 тыс. душъ, за Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ—21.590, и т. д. Въ то же время у крупнѣйшихъ свѣтскихъ вельможъ того времени—гр. Шереметева, Разумовскаго, Строганова — насчитывалось 44.561, 36.000 и 19.000 «душъ». Торжество дворянско-бюрократической монархіи, стремившейся превратить духовныхъ владыкъ въ простыхъ чиновниковъ, въ «духовную команду», имѣло для нашего церковнаго землевладѣнія тѣ же послѣдствія, какъ и въ протестантскихъ странахъ Запада. При Екатеринѣ II церковному землевладѣнію былъ нанесенъ серьезный ударъ: указомъ 1764 г. земли и крѣпостные были отобраны у духовенства и церковныхъ учрежденій безъ всякаго выкупа, но на содержаніе монастырей и архіереевъ стали отпускаться спеціальныя суммы изъ казны, которая стала теперь получать съ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ почти 3 милл. р. ежегоднаго оброка.

Какъ и на Западѣ, часть секуляризированныхъ имѣній попала въ руки дворянства: при Екатеринѣ и Павлѣ болѣе 50 тыс. душъ бывшихъ церковныхъ крестьянъ было роздано помѣщикамъ [1]).

Но это «ограбленіе» церкви въ пользу помѣщичьяго государства вовсе не означало, что духовенство лишилось всѣхъ своихъ богатствъ.

Во-первыхъ, денежныя богатства церкви остались въ полной неприкосновенности; во-вторыхъ, секуляризація, обратившая земельныя богатства монастырей и архіереевъ въ собственность государства, не остановила дальнѣйшаго роста церковнаго землевладѣнія. При отобраніи церковныхъ имѣній въ казну нѣкоторое количество земли и угодій было оставлено за церковными учрежденіями.

Согласно дѣйствовавшимъ при самодержавіи законамъ, монастырямъ отводилось по 100—150 дес. и больше, не считая разнаго рода угодій (луговъ, рыбныхъ ловлей) и «оброчныхъ статей» (мельницъ и т. п.).

Что касается бѣлаго духовенства, то на каждый церковный причтъ отводилось, смотря по мѣстнымъ условіямъ, отъ 34 до 99 дес. земли, не считая усадебной [2]).

По закону, всякое пріобрѣтеніе недвижимости церковными учрежденіями могло происходить лишь «съ высочайшаго соизволенія», но это ограниченіе лишь замедляло ростъ церковнаго землевладѣнія, но отнюдь не прекращало его.

Къ началу XX вѣка земельная собственность православной церкви достигла весьма внушительныхъ размѣровъ: въ 1905 году она составляла 2.611.635 дес., изъ нихъ церквамъ принадлежало 1.871.858 дес., монастырямъ—739.777 дес. [3]) (на каждаго монаха и монахиню [4]) въ среднемъ приходилось 40 дес.).

Изъ распредѣленія монастырской земли между отдѣльными обителями видно, насколько далеко ушло большинство ихъ отъ идейной нормы. Въ томъ же 1905 г. изъ 642 монастырей:

36	монастырей	имѣли	по	50	десятинъ.		
57	»	»	отъ	50	до	100	дес.
133	»	»	»	100	»	200	»

---

[1]) Никольскій. Госуд. церковь въ XVIII—XIX вв. («Русск. ист.», изд. Міръ. кн. 9, стр. 1412).

[2]) Т. X, ч. 2 законовъ межевыхъ, ст. 349, прим. 3645 (изд. 1893 г.).

[3]) Статистика землевладѣнія въ 1915 г.

[4]) Въ 1902 г. насчитывалось монаховъ и монахинь 58.138.

235	монастырей	имѣли	отъ	200	до	500 дес.
94	»	»	»	500	»	1000 »
59	»	»	»	1000	»	3000 »
12	»	»	»	3000	»	5000 »
7	»	»	»	5000	»	10000 »
6	»	»	»	свыше		10000 дес. [1]).

Изъ шести монастырей, владѣвшихъ болѣе чѣмъ 10 тыс. дес. земли, Соловецкому принадлежало 66 тыс. дес., Кожеозерскому — 24.836 дес., Троицко-Зеленецкому—19.272 дес., Саровской пустыни—26.239 дес., Успенскому Могилевскому — 19.872 дес., Григорьевскъ-Бирюковскому — 25.963 дес. [2]).

За послѣднія десятилѣтія передъ революціей 1905 года монастырское землевладѣніе все увеличивалось.

Съ 1885 по 1906 годъ число монастырей возросло на 270 [3]). Съ 1890 по 1900 г. монастырямъ и архіерейскимъ домамъ было отведено 24.291 дес. казенной земли.

Росла и земельная собственность бѣлаго духовенства: въ 1890 г. по даннымъ Синода въ Европейской Россіи у церквей было 1.671.198 дес., въ 1905 г.—1.871.858 дес., т.-е. за 15 лѣтъ произошло увеличеніе на 200 тыс. дес.

Самодержавное правительство неустанно заботилось и о дальнѣйшемъ увеличеніи церковнаго землевладѣнія. Такъ, въ наказѣ землеустроительнымъ комиссіямъ (отъ 19 сентября 1906 г.) читаемъ, что таковыя комиссіи обязуются при разсмотрѣніи ходатайствъ крестьянъ о продажѣ имъ казенныхъ земель выдѣлять участки для причтовъ. Со своей стороны св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ властямъ выяснить, какое количество земли нужно для причтовъ уже существующихъ, и какое количество потребуется для церквей, которыя могутъ быть построены. Руководясь этимъ подсчетомъ, землеустроительныя комиссіи должны были выдѣлить соотвѣтствующіе участки и не пускать ихъ въ продажу крестьянамъ [4]).

У насъ нѣтъ полныхъ данныхъ о цѣнности всей земельной собственности, принадлежащей православной церкви. По даннымъ департамента земледѣлія за 1889 г. цѣнность земли, находившейся во владѣніи однѣхъ только церквей, составляла (безъ строеній) 11 мил. 195 тыс. руб. (довоенныхъ!) [5]).

Съ развитіемъ капитализма особенную цѣнность пріобрѣтаетъ городская недвижимость, и мы видимъ, что церковь охотно помѣщала свои капиталы въ разнаго рода городскія строенія. По приблизительному подсчету въ 1903 году въ Петербургѣ церквамъ и монастырямъ принадлежало 266 дворовыхъ мѣстъ, занятыхъ жилыми домами. Одной Александро-Невской лаврѣ принадлежало болѣе 30 домовъ и болѣе 40 лабазовъ въ самомъ городѣ и 8.000 дес. пашни да 4.000 дес. сѣнокоса подъ самой столицей. Въ Москвѣ въ томъ же году приходскія церкви владѣли 908 домами; монастыри — 146. Кромѣ того, у монастырей имѣлись 32 подворья, огороды и незастроенные пустыри

---

[1]) Кильчевскій. Богатства и доходы духовенства. Изд. 2-е, 1908 г., стр. 8—9.

[2]) Ib.

[3]) За первое десятилѣтіе царствованія «благочестивѣйшаго» Александра III (1881—1890) возникло 166 новыхъ монастырей; еще никогда на всемъ протяженіи нашей церковной исторіи число монастырей не росло такъ быстро. (Ib., 5).

[4]) Земли, находившіяся въ личномъ владѣніи духовныхъ лицъ, сюда не входятъ; въ 1905 г. у 9.840 «пастырей» было 337.206 дес. такихъ земель.

[5]) Любинецкій. Землевладѣніе церквей и монастырей Росс. имп., стр. 17 и сл.

на окраинахъ. Въ Кіевѣ церквамъ и монастырямъ принадлежатъ 114 домовъ [1]).

Принимая во вниманіе общеизвѣстный фактъ колоссальнаго роста земельной ренты въ крупныхъ городахъ за послѣднее время, а также учитывая то обстоятельство, что принадлежащіе церкви дома, лавки и подворья обычно расположены въ центрѣ города, мы должны будемъ признать, что городская недвижимость монастырей и церквей представляла собою огромную цѣнность, опредѣлить которую, къ сожалѣнію, пока нѣтъ возможности.

Съ развитіемъ экономическихъ отношеній церковная собственность вообще измѣнила свой характеръ: чѣмъ больше прогрессировало денежное хозяйство въ странѣ, тѣмъ все большую роль среди богатствъ церкви играла движимая собственность.

Скажемъ напередъ, что наши свѣдѣнія о принадлежавшихъ православной церкви капиталахъ [2]) чрезвычайно скудны. «Всеподданнѣйшіе» отчеты оберъ-прокурора Синода на этотъ счетъ краснорѣчиво умалчиваютъ.

Извѣстно, напр., только, что еще въ 1859 г. у части церквей вѣчныхъ вкладовъ было на 8,2 милл. руб. [3]). Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка одинъ изслѣдователь подсчиталъ, что у 167 монастырей (далеко не самыхъ богатыхъ!) однихъ только вѣчныхъ вкладовъ имѣлось не менѣе 7 милліоновъ руб. [4]).

Для болѣе позднихъ годовъ мы можемъ приблизительно опредѣлить лишь капиталъ центральнаго учрежденія православной церкви — св. Синода: въ 1906 г. на его текущихъ счетахъ въ банкахъ лежало не менѣе 60 милл. руб. (рубли довоенные) [5]).

Еще труднѣе опредѣлить размѣры доходовъ церкви, и прежде всего потому, что церковная отчетность дастъ завѣдомо ложныя преуменьшенныя свѣдѣнія, что признается и самимъ духовенствомъ [6]).

Общая сумма доходовъ, получаемыхъ церквами и монастырями отъ эксплоатаціи ихъ земель, домовъ и разныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, остается неизвѣстной: это—священная тайна, которая не проникала даже въ отчеты царю оберъ-прокурора Синода.

Кромѣ того, ежегодные доходы монастырей и церквей составлялось изъ пособій отъ казны, $^0/_{0}^{0}{}_{0}$ по вкладамъ, а также всякаго рода доходовъ, связанныхъ съ отправленіемъ богослуженія и торговлей предметами культа (кружечный и кошельковый доходъ, доходъ отъ продажи вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ грамотъ [7]), мѣстъ подъ могилы на кладбищахъ [8]), масла, свѣчей [9]), доходъ отъ поминаній покойниковъ [10]), крестныхъ ходовъ и т. п.

---

[1]) Кильчевскій, II.

[2]) Принадлежащія церкви разнаго рода драгоцѣнности, хранящіяся въ ризницахъ, мы оставляемъ въ сторонѣ.

[3]) Кильчевскій, 12.

[4]) Ростиславовъ. «Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ монастырей».

[5]) Кильчевскій, 21.

[6]) Въ засѣданіи «Предсоборнаго Присутствія» 12 дек. 1906 г. прото ерей Буткевичъ говорилъ: «Въ церковныхъ приходо-расходныхъ книгахъ правды никогда не бываетъ ни одного слова». Никакихъ возраженій со стороны членовъ присутствія это признаніе не вызвало. («Церк. Вѣд.», 1907 г., № 2).

[7]) Чистая прибыль отъ продажи этихъ предметовъ составляетъ 12 руб. на каждый рубль и идетъ на стипендіи бѣднѣйшимъ ученикамъ духовнаго званія.

[8]) Напр., въ Алекс.-Невской лаврѣ могилы перваго разряда оцѣниваются въ 400 руб. за мѣсто, второго—въ 150 руб., третьяго и четвертаго—въ 75 и 50 руб.

[9]) Продаются вдвое дороже ихъ стоимости.

[10]) Еще недавно таксы на поминовенія публиковались въ газетахъ: такъ, въ Алекс.-Невской лаврѣ за вѣчное поминовеніе брали не менѣе 4000 руб., за поминовеніе на литургіи—200 руб., за однократное—10 руб. (Кильчевскій, стр. 15).

Сколько-нибудь точныя цифры мы имѣемъ лишь относительно доходовъ, приводимыхъ въ отчетахъ оберъ-прокурора Синода и касающихся только центральнаго вѣдомства и епархій. Такъ, въ 1906 году бюджетъ Синода составлялъ 44.127.701 руб. [1]; «мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ» въ 1902 г. было собрано на 41.988.058 руб. Если считать, что въ 1906 г. «епархіальныя средства» остались тѣ же (а, надо думать, въ дѣйствительности они возрасли), то получаемъ кругленькую сумму въ 86 милл. рублей!

До сихъ поръ мы говорили о доходахъ православной церкви какъ юридическаго лица (доходы различныхъ ея учрежденій); но помимо того духовенство получаетъ немалые доходы въ качествѣ отдѣльныхъ («физическихъ») лицъ. Денежныя средства, получаемыя служителями православной церкви изъ казны, входятъ въ смѣту Синода [2].

Доходъ, получаемый приходскимъ духовенствомъ отъ находящихся въ его пользованіи причтовыхъ земель, не поддается никакому учету.

Остается еще опредѣлять доходъ духовенства, получаемый за требы, который можетъ быть весьма приблизительно исчисленъ лишь въ денежной своей части [3]. По самымъ скромнымъ подсчетамъ, основаннымъ на статистикѣ рожденій, браковъ и смертей, денежный доходъ за требы въ началѣ 1900 годовъ составлялъ не менѣе 16,57 милл. р. [4].

До сихъ поръ мы говорили о православномъ духовенствѣ какъ о цѣломъ. Однако, внутри его имѣются группы, очень различныя по своему соціально-экономическому положенію, начиная отъ псаломщиковъ, настоящихъ пролетаріевъ по своему экономическому положенію, и кончая настоятелями богатыхъ городскихъ церквей, архимандритами, игуменами, архіереями и митрополитами, этими настоящими «князьями церкви», получавшими помимо казеннаго жалованья спеціальные доходы отъ лавръ, часовенъ, архіерейскихъ домовъ, подворій и т. п.

Вотъ, напр., изъ какихъ статей слагались кругленькія суммы, получавшіяся представителями высшей церковной іерархіи:

Доходы московскаго митрополита:		Доходы новгородскаго архіепископа:	
жалованье	6.000 руб.	жалованье	1.500 руб.
столовыя	4.000 »	столовыя	4.000 »
отъ архіер. дома. . . .	8.000 »	отъ архіер. дома. . . .	2.000 »
» Чудова монастыря .	6.000 »	съ Новгор. подворья .	300.000 »
» Сергіевой лавры . .	12.000 »		
» Иверской часовни . .	45.000 »		
Всего . . .	81.000 руб.	Всего . . .	307.500 руб.

Петербургскій митрополитъ получалъ ежегодно 259 тыс. руб. дохода, изъ которыхъ: жалованья и столовыхъ—9 тыс., отъ Александро-Невской лавры — 250 тыс.! Тѣ же 9 тыс. жалованья и столовыхъ получалъ и кіевскій митрополитъ, но и къ его «скромному» окладу присоединялась

---

[1]) Эта сумма получается изъ слѣд. статей:

Смѣта Синода	29.126.155
% съ синодскихъ капиталовъ и др. средствъ.	9.869.406
% отчисл. съ доходовъ церквей	1.978.301
Пособія отъ казны	2.688.765
Смѣтные остатки	465.074
Итого	44.127.701

[2]) Въ 1906 г. на содержаніе однихъ только причтовъ было отпущено изъ казны 10,5 милл. руб.

[3]) Извѣстно, что сельскіе батюшки берутъ за требы не только деньгами, но и всякаго рода продуктами (хлѣбомъ, яйцами, мясомъ и т. п.).

[4]) Кильчевскій, 28—9.

внушительная прибавка въ видѣ доходовъ отъ архіерейскаго дома (10 тыс.) и отъ Кіево-Печерской лавры (65 тыс. руб.); въ результатѣ бюджетъ кіевскаго владыки составлялъ 84 тыс. руб. Но и это еще не все: по должности настоятеля ему же причиталась $^1/_3$ такъ называемыхъ «братскихъ» доходовъ [1]), плюсъ предпринимательская прибыль отъ эксплоатаціи архіерейскаго подворья, полнымъ хозяиномъ котораго является мѣстный епископъ [2]).

Скопленные такимъ путемъ капитальцы эти отрекшіеся отъ міра духовные сановники частью кладутъ на текущій счетъ въ банки и сберегательныя кассы, завѣщая потомъ крупныя суммы своимъ родственникамъ [3]), частью употребляютъ на покупку собственной земли.

Такъ, изъ 9.840 духовныхъ лицъ, имѣвшихъ въ 1905 г. благопріобрѣтенную недвижимость, 671 лицо имѣло отъ 50 до 100 дес. земли (всего 47.992 дес.) (это уже мелкіе помѣщики!), 589 лицъ имѣло отъ 100 до 1000 дес.(всего 145.292 дес.), наконецъ, 26 духовныхъ лицъ имѣло 47.845 дес., или въ среднемъ по 1840 дес. на брата, являясь, такимъ образомъ, если не крупнѣйшими, то крупными помѣщиками.

Не будемъ распространяться здѣсь о всѣмъ извѣстномъ «привольномъ» житьѣ-бытьѣ князей церкви, но, чтобы избѣжать упрека въ голословности, сошлемся на указъ самого Синода (отъ 28 м. 1892 г.), который ужъ никакъ нельзя заподозрѣть въ желаніи дискредитировать высшее «черное» духовенство. «До свѣдѣнія св. Синода,—читаемъ мы здѣсь,—многократно доходили изъ епархій свѣдѣнія о храненіи настоятелями и настоятельницами монастырскихъ суммъ въ своихъ кельяхъ вмѣстѣ съ собственными деньгами и о безконтрольномъ расходованіи ихъ на такія потребности, удовлетвореніе которыхъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ иноческой простотѣ, каковы, напр., украшеніе настоятельскихъ келій дорогой мебелью, коврами и картинами иногда свѣтскаго содержанія, покупка для настоятелей и настоятельницъ дорогихъ экипажей и лошадей, устройство... роскошныхъ обѣдовъ съ дорогими заграничными винами... бывали случаи торговли настоятелей иконами и крестиками въ собственную пользу. Встрѣчаются и такіе случаи, когда настоятели вопреки требованіямъ монастырскаго устава дозволяютъ, къ соблазну братіи, помѣщать долгое время въ монастырскихъ зданіяхъ своихъ родственниковъ... въ цѣляхъ предоставленія имъ спокойной удобной жизни, особливо въ лѣтнее время» [4]).

Можно себѣ представить, что аналогичный образъ жизни вели и высшіе іерархи церкви, только размахъ, такъ сказать, былъ у нихъ пошире, чѣмъ у «настоятелей монастырей».

Послѣ всего сказаннаго видно, что матеріальные интересы православнаго духовенства, особенно высшаго, тѣснѣйшимъ образомъ сближали его какъ съ феодальнымъ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и съ представителями денежнаго и торгово-промышленнаго капитала.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что при самодержавіи служители православной церкви составляли, подобно дворянству, особое, привилегированное сословіе, въ 1902 году насчитывавшее въ своихъ рядахъ 105.339 лицъ бѣлаго [5]) и 58.139 лицъ монашествующаго духовенства.

---

[1]) Доходы, идущіе въ раздѣлъ между монахами монастыря.

[2]) Кильчевскій, стр. 42.

[3]) Въ противоположность прежнимъ монахамъ монастырскія власти (архіереи, архимандриты, игумены) имѣютъ по закону право дѣлать завѣщанія. Вклады духовенства въ однѣ только сберег. кассы составляли въ 1903 году (по Евр. Россіи) 54,4 мил. р. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какъ велика сумма вкладовъ, принадлежащихъ высшему духовенству.

[4]) Цитир. у Кильчевскаго, стр. 43.

[5]) Считая ихъ семьи, получаемъ 640 тыс. чел.

По закону церковныя земли не подлежать отчужденію; онѣ не могутъ переходить въ руки мірянъ. Земли, предоставленныя государствомъ разнымъ церковнымъ учрежденіямъ, не подлежали ни казенному земельному налогу, ни городскимъ, ни земскимъ сборамъ [1]).

Въ качествѣ особаго сословія духовенство имѣло спеціальные капиталы, предназначенные на содержаніе вдовъ и сиротъ духовнаго званія [2]); сироты лицъ духовнаго званія принимались въ духовныя семинаріи и училища на казенный счетъ; лица духовнаго званія не подлежали призыву къ исполненію воинской повинности [3]), и т. д.

Положеніе православнаго духовенства, какъ служителей господствующей государственной религіи, спеціальными законами огражденной отъ всякой конкуренціи со стороны другихъ религіозныхъ учсній, какъ соціальной группы, въ рукахъ которой сосредоточивалась огромная движимая и недвижимая собственность, наконецъ, положеніе его, какъ особаго привилегированнаго сословія въ государствѣ,—вотъ что должно было опредѣлить соціальную позицію церкви въ эпоху революціи.

II. Церковь и революція 1905 г.

Тринадцать лѣтъ назадъ, когда рабочему классу Россіи удалось нанести первый серьезный ударъ самодержавію, этотъ ударъ затронулъ и интересы православнаго духовенства.

Съ одной стороны, царскому правительству въ ряду другихъ лицемѣрныхъ уступокъ пришлось сдѣлать уступки и въ религіозномъ вопросѣ. 17 апрѣля 1905 года былъ изданъ указъ, которымъ провозглашалась вѣротерпимость, но далеко не полная и не для всѣхъ религій.

Правда, указомъ отмѣнялись стѣсненія, которымъ подвергались старообрядцы, сектанты и католическое духовенство; были распечатаны старообрядческія церкви и часовни, были отмѣнены нѣкоторыя ограниченія въ отношеніи государственной и общественной службы для «раскольниковъ» и сектантовъ, прекращены закрытія монастырей въ Царствѣ Польскомъ, и т. д.

Но религіозныя общества старообрядцевъ и сектантовъ все же не были уравнены въ правахъ даже съ такъ называемыми «инославными» церквами.

Теперь разрѣшался переходъ изъ православія въ другія религіи, но бракъ и семья православнаго, перешедшаго въ нехристіанскую религію, не признавались «законными». Мало того: законъ, грозившій лишеніемъ правъ и заключеніемъ въ арестантскія роты за совращеніе изъ православія, сохранялъ свою силу, а лица, виновныя въ основаніи новыхъ «особо вредныхъ» сектъ, какъ и прежде, подлежали ссылкѣ на поселеніе.

Нечего и говорить, что и послѣ указа внѣвѣроисповѣдное состояніе закономъ не признавалось.

Наконецъ, для 6-милліоннаго еврейскаго народа не было сдѣлано никакихъ облегченій.

Отношенія между православіемъ и другими, лишь терпимыми религіями въ сущности остались прежними, и не даромъ указъ говоритъ

---

[1]) Суворовъ. Учебникъ церковнаго права, 495.

[2]) Въ 1902 г. эти капиталы составляли 10,46 мил. р.

[3]) Послѣднюю привилегію православное духовенство раздѣляло со служителями и нѣкоторыхъ другихъ церквей.

о православной церкви, какъ о «первенствующей и господствующей въ Россійской имперіи» [1]).

Но и жалкая апрѣльская уступка была сведена почти что на-нѣтъ въ результатѣ пораженія революціи въ 1906 г. Какъ бы то ни было, указъ «о вѣротерпимости» далъ извѣстную возможность отхода изъ православія тѣмъ, кто до сихъ поръ насильственно удерживался въ его лонѣ. Такъ, на основаніи указа, въ одномъ только 1905 году сразу «отпало» изъ православія: въ католичество—болѣе 170 тыс. чел., въ магометанство—36 тыс., въ лютеранство—11 тыс.

Уже такое неожиданно быстрое сокращеніе православной паствы не могло понравиться пастырямъ, ибо оно означало, прежде всего, извѣстное сокращеніе доходовъ православнаго духовенства, а церковь, какъ извѣстно, скорѣе проститъ отрицаніе девяти десятыхъ своего вѣроученія, чѣмъ покушеніе на одну десятую своихъ доходовъ.

Но и въ 1905 году не одна только купая вѣротерпимость заставила православное духовенство дрожать за свои доходы. Крестьянская революція въ деревняхъ угрожала не только дворянскому, но и церковному землевладѣнію; обнищавшее проголодавшееся крестьянство требовало отобранія въ свою пользу земель не только помѣщичьихъ, но и монастырскихъ и церковныхъ. Наконецъ, крахъ самодержавія, съ которымъ духовная «команда» находилась въ самой тѣсной связи, являясь лишь частью бюрократически-полицейской машины, означалъ бы для православной церкви потерю и многихъ другихъ изъ ея привилегій. При такихъ условіяхъ задушить крестьянскую революцію, а съ ней и революцію вообще, стало для духовенства жизненной необходимостью въ такой же мѣрѣ, какъ и для дикихъ помѣщиковъ и кровно связанной съ послѣдними старой власти.

И огромное большинство [2]) духовенства, особенно высшаго, стало однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ чернаго блока. Вмѣстѣ съ полиціей, лавочниками, босяками и подонками интеллигенціи епископы и протоіереи принялись за организацію «черныхъ сотенъ», союза русскаго народа и т. п., призывали съ амвоновъ къ борьбѣ съ революціей, къ погромамъ евреевъ и интеллигенціи.

Хорошо извѣстна и контръ-революціонная роль духовенства въ нашей палатѣ, «безподобной палатѣ»,—3-й Государственной Думѣ. Такимъ образомъ, съ 1905—06 гг. церковь, издавна бывшая опорой самодержавія въ борьбѣ съ революціей, становится активной контръ-революціонной силой наряду съ высшей свѣтской бюрократіей, крупной буржуазіей и помѣщиками.

III. Церковь и революція 1917—18 гг.

Февральско-мартовская революція 1917 года поставила государственную церковь въ совершенно необычное положеніе. Съ крушеніемъ самодержавной монархіи православное духовенство лишалось своего вѣкового защитника и покровителя; становилось очевиднымъ, что пришелъ конецъ и тѣмъ грубымъ принудительнымъ пріемамъ, съ помощью которыхъ доселѣ поддерживался авторитетъ православной церкви, и гарантировались доходы ея служителей. Вмѣстѣ съ низверженнымъ царемъ должны были отойти въ область преданія урядники и прокуроры, ко-

[1]) Рейснеръ. «Государство и вѣрующая личность», стр. 416.

[2]) Въ 1-й и во 2-й Думахъ еще встрѣчались демократически-настроенные священники и даже епископы (Михаилъ), нѣкоторые изъ которыхъ сидѣли даже на скамьяхъ соціалистовъ-революціонеровъ, но духовенство въ массѣ осталось вѣрно старой власти.

торые стояли на стражѣ поповскихъ доходовъ и помогали православному духовенству въ его борьбѣ съ раскольниками, сектантами и пр. Не могли уцѣлѣть и тѣ законы, которые искусственно держали въ православіи людей, давно отпавшихъ отъ него въ душѣ.

Иначе говоря, служители церкви должны были помириться съ мыслью, что отнынѣ Россія во всякомъ случаѣ становится государствомъ новѣйшаго типа, гдѣ свѣтская власть отказывается бороться съ инаковѣрующими способами «святѣйшей инквизиціи» [1]).

Передъ православной церковью сталъ вопросъ о приспособленіи къ новому режиму,—вопросъ о томъ, какъ сохранить, по крайней мѣрѣ, возможно бо́льшую долю прежнихъ привилегій.

При этомъ православные пастыри мыслили себѣ взаимоотношенія между церковью и новымъ буржуазнымъ государствомъ по бельгійскому типу, какъ наиболѣе удобному для церкви при современныхъ условіяхъ: попы надѣялись, съ одной стороны, избавиться отъ всякаго контроля со стороны свѣтской власти, въ рабствѣ у которой они находились при самодержавіи, отъ всякаго вмѣшательства этой власти во внутреннюю жизнь церковныхъ организацій — назначеніе на церковныя должности, надзоръ за церковными имуществами и т. п., а съ другой—новая власть должна была попрежнему оплачивать служителей государственной церкви изъ казенныхъ средствъ, оставить за православнымъ духовенствомъ его прежнее положеніе въ школѣ, арміи и т. д. Словомъ, имѣлись въ виду не отдѣленіе церкви отъ государства и осуществленіе принципа свободы совѣсти, а лишь освобожденіе церкви отъ всякой опеки со стороны государства, но при условіи сохраненія за православіемъ значенія государственной религіи.

Эту программу православнаго духовенства охотно поддержала и наша буржуазія [2]). Либеральныя партіи ничего не имѣли противъ того, чтобы отмѣнить стѣсненія и ограниченія, которымъ подвергались при самодержавіи лица, не принадлежавшія къ православной церкви или отпея отпавшія; но въ ихъ планы отнюдь не входило лишать православіе его привилегированнаго положенія, какъ государственной религіи. Чрезвычайно характерно, что въ программѣ крупнѣйшей изъ нашихъ либеральныхъ партій, «кадетской», объединившей вокругъ себя послѣ паденія царизма всѣ крупнобуржуазные элементы, мы не находимъ требованія отдѣленія церкви отъ государства: «православная церковь,—читаемъ тамъ,—и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки», и только.

Буржуазія крѣпко держится за союзъ церкви съ государствомъ, потому что государственная церковь является однимъ изъ орудій классового господства буржуазіи. Опытъ Западной Европы показываетъ, что церковь отлично приспособляется къ самымъ различнымъ политическимъ формамъ, но всюду и вездѣ она выступаетъ, какъ консервативная сила, освящающая существующій строй своимъ авторитетомъ и ведущая непримиримую борьбу съ соціалъ-демократіей. И наши россійскіе капиталисты имѣли всѣ основанія полагать, что и безъ самодержавія православное духовенство будетъ доказывать отъ писанія извѣчность и непреложность соціальнаго неравенства, святость и неприкосновенность частной собствен-

---

[1]) Привыкнувъ къ своему особо привилегированному положенію по сравненію со служителями другихъ церквей и по всяческимъ правительственнымъ воспособленіямъ, православное духовенство не допускало и мысли, что въ одинъ прекрасный день передъ нимъ закроется казенный сундукъ, и придутъ тяжкія времена «свободной конкуренціи» между всѣми вѣроученіями и ихъ жрецами-проповѣдниками. Православная церковь надѣялась и въ новой Россіи сохранить за собою привилегированное положеніе церкви государственной.

[2]) И не только крупная: с.-р. Рудневъ и открытіе Собора.

ности, ненужность классовой борьбы и т. п., будетъ громить всякихъ соціалистовъ и коммунистовъ, стремящихся разрушить столь милый сердцу буржуазіи капиталистическій строй. А такъ какъ подобнаго рода мысли уже съ дѣтства должны внѣдряться въ головы крестьянъ и рабочихъ, то нельзя оставить безъ направляющаго вліянія духовенства и школу.

Но для болѣе успѣшнаго выполненія этой охранительной роли церковь должна стоять въ тѣснѣйшей связи съ государственнымъ аппаратомъ, содержаніе духовенства, духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ, оплата преподаванія такъ называемаго закона Божія должны попрежнему производиться изъ казенныхъ средствъ. Такимъ образомъ, и духовенство, и русская буржуазія сходились на необходимости сохранить за православной церковью характеръ государственной. Въ то же время признавалось необходимымъ провести нѣкоторыя измѣненія въ самой церковной организаціи, дабы облегчить оставшимся безъ поддержки царскаго жандарма православнымъ попамъ конкуренцію съ духовенствомъ иныхъ исповѣданій.

Эту реформу долженъ былъ осуществить церковный Соборъ, состоящій изъ представителей отъ духовенства и «мірянъ».

Вводя свѣтскій элементъ въ составъ Собора, его организаторы хотѣли тѣмъ самымъ поднять авторитетъ православной церкви въ глазахъ широкихъ демократическихъ массъ, выдавая рѣшенія Собора за подлинный голосъ «всего православнаго населенія Россіи».

Но русская революція недаромъ происходитъ въ XX вѣкѣ, въ эпоху развитого капитализма,—не только для пролетаріата, но и для крестьянства прошли уже тѣ времена, когда вся идеологія массъ носила религіозный характеръ, когда всякій соціальный протестъ, всякое политическое движеніе неизбѣжно принимали религіозную оболочку. Уже въ 1905 году, въ эпоху нашей первой революціи, россійскій рабочій классъ выступалъ подъ идейной гегемоніей соціалъ-демократіи, требованія крестьянскихъ массъ также носили отпечатокъ вліянія либо соціалъ-демократовъ, либо соціалистовъ-революціонеровъ. Уже тогда вопросы церковнаго устройства, столь жгучіе для какого-нибудь англійскаго ремесленника или крестьянина XVII вѣка, не привлекали вниманія широкихъ массъ; характерно, что, напримѣръ, на югѣ Россіи многія сектантскія общины просто превратились въ партійныя ячейки [1]).

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что въ 1917 г. ни крестьянство, ни тѣмъ болѣе пролетаріатъ не проявили ни малѣйшаго интереса къ созываемому Собору и предстоящей церковной «реформѣ». Иные вопросы волновали революціонную демократію, съ лихорадочной поспѣшностью строившую свои новыя могучія организаціи—партійныя и совѣтскія.

Зато для буржуазіи, нѣсколько оттѣсненной уже отъ власти за первые мѣсяцы революціи, не имѣвшей ни малѣйшаго вліянія въ Совѣтахъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, терявшей свое вліяніе въ перезбиравшихся на демократическихъ основаніяхъ органахъ мѣстнаго самоуправленія,—для буржуазіи церковный Соборъ явился однимъ изъ средствъ сплотить подъ флагомъ устроенія православной церкви всѣ консервативные элементы, интересамъ которыхъ неминуемо угрожало дальнѣйшее развитіе революціи, и въ то же время попытаться сбить съ толку наиболѣе отсталыя массы мнимымъ демократизмомъ Собора, пріобрѣсти среди нихъ извѣстное вліяніе хотя бы въ

---

[1]) См. П. Масловъ. «Аграрный вопросъ въ Россіи», т. II, «Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе», стр. 87—89.

вопросахъ церковно-религіозныхъ, если ужъ въ области политической безраздѣльно царилъ авторитетъ соціалистовъ.

При такихъ условіяхъ соціальный составъ Собора оказался далеко не демократическимъ: если среди его членовъ и фигурировало нѣсколько крестьянъ, изъ кулаковъ по преимуществу, то соборное б о л ь ш и н с т в о составилось изъ черносотенныхъ князей церкви (митрополитовъ, архіереевъ, архимандритовъ), крупнѣйшихъ помѣщиковъ (въ родѣ графа Олсуфьева, князя Трубецкого, Родзянко, Самарина), капиталистовъ-кадетовъ (Астровъ) и буржуазной интеллигенціи (профессоръ Котляревскій, бывшій экономистъ, а нынѣ православный попъ Булгаковъ и др.).

Эти «міряне» и задавали въ сущности тонъ на соборныхъ засѣданіяхъ. Соборъ высказался за полную свободу православной церкви отъ всякаго вмѣшательства со стороны государства и въ то же время п р о г и в ъ отдѣленія церкви отъ государства. Въ началѣ ноября онъ возстановилъ патріаршую власть: пусть хоть въ церкви будетъ конституціонная монархія, если ужъ нельзя сохранить эту «драгоцѣнность» въ государствѣ!

Соборъ открылся въ половинѣ августа прошлаго года; то было время полнѣйшаго безсилія меньшевистско-эсеровскихъ совѣтовъ, открывавшее полный просторъ бонапартистскому режиму г. Керенскаго, время отхода отъ соціаль-соглашателей все новыхъ и новыхъ массъ рабочихъ и солдатъ, наконецъ, періодъ спѣшной мобилизаціи контръ-революціонныхъ силъ страны, имперіалистической буржуазіи и помѣщиковъ, подготовлявшихъ военную диктатуру, которая уничтожила бы всѣ завоеванія революціи. Церковный Соборъ началъ засѣдать приблизительно одновременно съ «Всероссійскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ», «Совѣщаніемъ московскихъ общественныхъ дѣятелей», такъ называемымъ «Московскимъ Государственнымъ Совѣщаніемъ». «С в я т о е» с о б р а н і е и с т а л о о д н и м ъ и з ъ ц е н т р о в ъ п о д н и м а в ш е й г о л о в у к о н т р ъ - р е в о л ю ц і и.

Съ созывомъ Собора политическія выступленія служителей церкви пріобрѣтаютъ организованный характеръ.

Официально церковный Соборъ имѣлъ претензію стоять внѣ политики: «Православная церковь не есть партія и возвышается надъ всякой партійной борьбой».—заявлялъ членъ Собора г. Булгаковъ. На этомъ основаніи Соборъ отказался отъ представительства въ такъ называемомъ «предпарламентѣ».

Но всѣ подобныя заявленія были сплошнымъ лицемѣріемъ. Характерно, что въ связи съ выборами въ Учредительное Собраніе «святые отцы» дали духовенству и пасомымъ весьма опредѣленный совѣтъ: «Идите на выборы... и подавайте голосъ за внѣпартійные (!) списки церковныхъ людей».

Но помимо избирательной кампаніи организованное въ Соборъ православное духовенство принимало живѣйшее участіе въ той напряженной классовой борьбѣ, которая развернулась съ осени прошлаго года и продолжается и по сей день.

Первымъ политическимъ выступленіемъ Собора была почти царская встрѣча, устроенная высшимъ духовенствомъ генералу Корнилову, прибывшему на Московское государственное совѣщаніе въ цѣляхъ подготовки своей диктатуры. Но вотъ въ Москвѣ «не удалось», и Корниловъ вкупѣ съ главой правительства Керенскимъ принимается за систематическую подготовку контръ-революціоннаго переворота. Добиваясь возстановленія смертной казни для солдатъ въ тылу и возстановленія всѣхъ николаевскихъ порядковъ въ арміи, Корниловъ нарочно сдастъ нѣмцамъ Ригу, ссылаясь на отсутствіе дисциплины въ войскахъ. Буржуазія поднимаетъ новую непстовую травлю противъ солдатъ.

Этотъ дикій вой немедленно находитъ отзвукъ въ хорѣ служителей церкви. Въ особомъ соборномъ посланіи, которое потомъ вагонами развозилось по фронтамъ и раздавалось особыми уполномоченными Собора, православное духовенство повторяетъ грязныя выдумки буржуазныхъ газетъ о позорномъ бѣгствѣ «цѣлыхъ воинскихъ частей», «грабежѣ мирныхъ жителей», о «нѣмецкихъ шпіонахъ и предателяхъ-измѣнникахъ изъ тыла, отравившихъ у арміи духъ», подстрекающихъ къ «избіенію начальниковъ», и т. п. [1]).

Обостряется экономическая борьба, и капиталъ въ лицѣ банкира Рябушинскаго грозитъ смирить «ненасытныхъ» рабочихъ «костлявой рукой голода», устроивъ грандіозный локаутъ. А православные попы, поднимая очи горѣ, изрекаютъ: «Рабочіе, трудитесь, не жалѣя силъ, и подчиняйте ваши требованія благу родины» [2]).

Но вотъ корниловщина потерпѣла крахъ, выплыла наружу и вся «хитрая механика» заговорщиковъ; передъ героемъ Московскаго совѣщанія встала перспектива суда, а можетъ-быть, и смертной казни. Тогда православный Соборъ спѣшно телеграфируетъ временному правительству, умоляя «во имя Божіе и Христовой любви къ ближнему» сохранить жизнь генералу-измѣнику.

Служители церкви не вспомнили о заповѣди «не убій», когда по приказу генерала Корнилова разстрѣливали сотни с о л д а т ъ, не желавшихъ воевать ради умноженія барышей капиталистовъ?

Тѣмъ временемъ въ странѣ вспыхнула давно назрѣвавшая к р е с т ь я н с к а я революція. «Коалиціонное» правительство спѣшно разсылало карательныя экспедиціи по деревнямъ и сажало въ тюрьмы членовъ земельныхъ комитетовъ.

Но эти репрессіи лишь раздражали изголодавшееся по землѣ крестьянство, не желавшее больше удовлетворяться одними хорошими посулами гг. с.-р. и приступившее теперь самочинно къ ликвидаціи всякаго крупнаго землевладѣнія.

На помощь правительству, безсильному остановить стихійное движеніе крестьянства, и спѣшитъ теперь нашъ Соборъ.

«Святые» отцы снова взываютъ къ «чадамъ православной церкви», выступая на этотъ разъ на защиту п о м ѣ щ и ч ь е й и ц е р к о в н о й собственности.

«То и дѣло,—говорится въ «посланіи»,—слышимъ объ ограбленіи церквей, монастырей, з е м л е в л а д ѣ л ь ц е в ъ... Во множествѣ приходовъ различныхъ епархій крестьяне насильственно забрали себѣ церковную и ч а с т н о в л а д ѣ л ь ч е с к у ю землю, запахиваютъ самовольно причтовое поле, вырубаютъ церковные и частновладѣльческіе лѣса».

Святые отцы обзываютъ крестьянъ по этому случаю «разбойниками» и, грозя гнѣвомъ самого Господа Бога и отлученіемъ отъ церкви, требуютъ «немедленно возвратить церквамъ, обителямъ, причтамъ и частнымъ владѣльцамъ награбленные у нихъ земли, лѣса и урожаи» [3]).

Соборъ увѣщеваетъ деревенскую бѣдноту текстомъ изъ писанія: «Когда умножается богатство, не прилагайте къ тому сердца»; но сами «святые отцы», какъ видимъ, отнюдь не забывали «на небо посматривать, а по землѣ пошаривать».

---

[1]) См. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» отъ 14 и 19 сент. 1917 г.: «Соборное посланіе къ арміи и флоту».

[2]) Ibid.

[3]) «Церковно-Общественный Вѣстникъ», 13 ноября 1917 г.

Ихъ безпокоятъ не только захваты монастырскихъ и причтовыхъ «земель, лѣсовъ и урожаевъ», но и замѣтное сокращеніе «доброхотныхъ даяній» вѣрующихъ за время революціи.

Въ томъ же посланіи члены Собора сокрушенно вздыхаютъ: «Давно ли церкви постоянно обогащались пожертвованіями угодій, домовъ и всякихъ продуктовъ отъ богатыхъ и бѣдныхъ людей? Давно ли крестьянскія общества съ лишеніемъ для себя нарѣзывали по 33 десятины собственнаго надѣла для новостроющагося храма?»... Теперь не то: не только не даютъ «доброхотно», но и прямо «грабятъ».

И православное духовенство стыдитъ далѣе свою паству: «Посмотрите на иновѣрцевъ, они въ настоящемъ году умножили свои заботы къ своимъ храмамъ и духовнымъ лицамъ» [1]).

Такъ сокращеніе притока «доброхотныхъ даяній» и захватъ крестьянами церковныхъ земель все болѣе и болѣе гнали духовенство вправо, сближая его интересы съ интересами выживаемаго изъ деревни помѣщика.

Но все выше вздымалась новая волна революціи, смывшая въ октябрѣ правительство Керенскаго.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ новой рабоче-крестьянской власти былъ декретъ о землѣ, въ силу котораго «помѣщичьи имѣнія, равно какъ и всѣ земли—удѣльныя, монастырскія, церковныя»—должны были немедленно перейти «въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ комитетовъ и уѣздныхъ совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ».

Побѣду октябрьской революціи духовенство встрѣтило уже со скрежетомъ зубовнымъ. Рухнула не только феодальная собственность,—побѣдоносный пролетаріатъ приступалъ къ взрыву основъ буржуазнаго общества, съ которымъ церковь находилась въ не менѣе тѣсной связи, чѣмъ съ самодержавіемъ и крупнымъ землевладѣніемъ [2]).

Но рабочіе и крестьяне побѣдили не сразу,—во многихъ мѣстахъ страны буржуазія оказала упорное сопротивленіе. И въ эти памятные дни Соборъ присоединилъ свой голосъ къ тому потоку лжи и клеветы на молодую Совѣтскую власть, который несся изъ стана контръ-революціи.

Въ посланіи «По поводу междоусобной распри» [3]) октябрьскій переворотъ объявляется возстаніемъ одной части войска и народа, обольщенной обѣщаніями всякихъ земныхъ благъ и скораго мира, на другую часть; народныя массы запугиваются грядущими бѣдствіями гражданской войны; громы и проклятія мечутся на головы «лукавыхъ лжеучителей», т.-е. большевиковъ, которые обзываются «измѣнниками родины», «чинящими неслыханное предательство Россіи и вѣрныхъ союзниковъ нашихъ» [4]).

Еще въ 1903 году, на второмъ своемъ съѣздѣ, россійская соціалъ-демократическая рабочая партія включила въ свою программу требованіе «неограниченной свободы совѣсти» и «отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви».

Ставъ въ октябрѣ 1917 года у власти, пролетаріатъ осуществилъ это требованіе въ ряду другихъ пунктовъ программы-минимумъ, которые не были проведены въ жизнь въ предыдущій «соглашательскій» періодъ революціи. 20 января 1918 года рабоче-крестьянское правительство издало

---

[1]) Ib. Что доходы духовенства сократились еще до отдѣленія церкви отъ государства,—видно и изъ Соборнаго посланія отъ 15 дек., гдѣ «люди не отъ міра сего» снова взываютъ: «Имѣйте всемѣрное попеченіе о трудящихся для васъ отцовъ духовныхъ... Это—долгъ вашъ передъ Богомъ». («Ц.-Общ. Вѣстникъ»).

[2]) Поскольку пролетаріатъ проводилъ рабочій контроль, націонализацію банковъ и отдѣльныхъ отраслей промышленности, уничтожалъ крупную буржуазію какъ классъ, церковь лишалась самыхъ щедрыхъ своихъ «благотворителей».

[3]) «Ц.-Общ. Вѣсти.», 21 ноября 1917 г.

[4]) Относительно внѣшней «ориентаціи» самой церкви, см. ниже.

декретъ «о свободѣ совѣсти, церковныхъ и религіозныхъ обществахъ»[1]). Принципъ отдѣленія церкви отъ государства проводится въ декретѣ гораздо полнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ законодательствѣ другихъ государствъ[2]). Объясняется это тѣмъ, что въ силу указанныхъ уже выше причинъ современная буржуазія въ общемъ отнюдь не расположена разставаться съ однимъ изъ лучшихъ орудій своего классоваго господства. Весьма показателенъ тотъ фактъ, что отдѣленіе церкви отъ государства осуществлено, главнымъ образомъ, въ старыхъ и новыхъ колоніяхъ европейскихъ странъ, гдѣ уже вслѣдствіе пестроты національнаго и вѣроисповѣднаго состава иммигрантовъ исторически и не могло возникнуть государственной церкви.

Изъ большихъ европейскихъ государствъ, гдѣ государственная церковь издавна была могущественной соціальной силой, отдѣленіе церкви отъ государства проведено лишь во Франціи, при чемъ соотвѣтствующій законъ прошелъ далеко не легко, преимущественно голосами соціалистовъ и радикаловъ, т.-е. представителей пролетаріата и мелкой буржуазіи[3]).

Въ Совѣтской Россіи, гдѣ послѣ октябрьскаго переворота господство буржуазіи было опрокинуто, отдѣленіе церкви отъ государства могло быть проведено вполнѣ послѣдовательно.

Остановимся теперь на самомъ содержаніи декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства. Ст. 3 провозглашаетъ свободу совѣсти: «Каждый гражданинъ,—читаемъ здѣсь,—можетъ исповѣдывать любую религію или не исповѣдывать никакой». Всякія ограниченія въ правахъ, которыя были связаны по царскимъ законамъ съ принадлежностью къ нѣкоторымъ религіямъ или съ «неисповѣдываніемъ никакой вѣры», отмѣняются[4]).

Любая церковь, любое религіозное общество, существующія въ предѣлахъ Совѣтской Республики, получаютъ полную свободу проповѣди и отправленія культа. Мѣстнымъ властямъ воспрещается издавать какія-либо постановленія, «которыя стѣсняли бы или ограничивали свободу совѣсти» (ст. 2).

Декретъ устанавливаетъ здѣсь лишь одно совершенно необходимое ограниченіе. Въ ст. 5-й говорится: «Свободное исполненіе религіозныхъ обрядовъ обезпечивается постольку, поскольку они не нарушаютъ общественнаго порядка и не сопровождаются посягательствомъ на права гражданъ и Совѣтской Республики. Мѣстныя власти имѣютъ право принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія въ этихъ случаяхъ общественнаго порядка и безопасности».

Это ограниченіе, нисколько не стѣсняющее религіозной свободы, устанавливается лишь для того, чтобы контръ-революціонное духовенство не могло превратить церковной каѳедры въ политическую трибуну, а

---

[1]) «Извѣстія Ц. И. К. Совѣтовъ Кр., Раб. и Солд. Деп.», 1918 г. № 16 (280).

[2]) Въ настоящее время въ той или иной степени отдѣленіе церкви отъ государства проведено, кромѣ Россіи, во Франціи (съ 1905 г.), въ Португаліи (съ 1911 г.), въ Уэльсѣ (Англія) (съ 1912 г.), въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи: въ Базелѣ (съ 1910 г.) и Женевѣ (съ 1907 г.). Еще раньше отдѣленіе церкви отъ государства произошло въ Мексикѣ (1874 г.) и Бразиліи (1889 г.), а также въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки. Кромѣ того, оно существуетъ въ британскихъ колоніяхъ Южной Африки, въ Австраліи и Новой Зеландіи.

[3]) При окончательномъ голосованіи закона въ палатѣ было подано: за — 341 голосъ, противъ—233; въ сенатѣ меньшинство было еще значительнѣе: 162 противъ 181.

[4]) Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ Сѣв.-Американ. Соед. Штатахъ, несмотря на отдѣленіе церкви отъ государства, сохранились извѣстныя права ограниченія, связанныя съ принадлежностью къ той или иной церкви. Такъ, «согласно конституціи штата Нью-Гемпширъ отъ 1787 года, сохранившей силу и до нашихъ дней, высшія должности могутъ занимать только протестанты, въ Мериландѣ—лишь христіане и евреи, а въ Пенсильваніи, Сѣв. Каролинѣ, Миссисипи и Тенесси только тѣ получаютъ доступъ къ государственнымъ должностямъ, кто вѣритъ въ Бога и безсмертіе души» (Каутскій, «Католическая церковь и соц.-демократія», стр. 31).

крестные ходы — въ выступленія противъ Совѣтской власти, или въ преслѣдованіи къ еврейскимъ и инымъ погромамъ, въ чемъ православное духовенство достаточно искусилось при самодержавіи.

Въ этомъ пунктѣ нашъ декретъ сходится, напр., съ французскимъ закономъ, который приравниваетъ отправленія культа къ обыкновеннымъ публичнымъ собраніямъ, регулированіе же всякаго рода религіозныхъ процессій внѣ закрытыхъ помѣщеній возлагаетъ на муниципальныя власти.

Съ отдѣленіемъ церкви отъ государства православіе теряетъ всѣ свои привилегіи, всѣ религіи ставятся въ одинаковыя условія, государство не оплачиваетъ никакого культа. «Церковныя и религіозныя общества, — говорится въ ст. 10, — не пользуются никакими преимуществами или субсидіями ни отъ государства, ни отъ мѣстнаго самоуправленія» [1]).

Полный разрывъ государства съ церковью выражается далѣе въ томъ, что согласно декрету «дѣйствія государственныхъ и иныхъ публично-правовыхъ общественныхъ установленій не сопровождаются никакими религіозными обрядами или церемоніями» (ст. 4). Въ силу этого принципа отмѣняется и «религіозная клятва или присяга», которая замѣняется въ необходимыхъ случаяхъ «торжественнымъ обѣщаніемъ» (ст. 7).

Полное устраненіе какихъ бы то ни было религіозныхъ элементовъ изъ публично-правовыхъ актовъ проводится далеко не всюду, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства. Вопіющую непослѣдовательность встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, гдѣ президентъ республики и правительства отдѣльныхъ штатовъ устанавливаютъ особые праздничные дни благодаренія Богу или поста и покаянія, а всякое засѣданіе конгресса открывается молитвой, совершаемой особыми духовными лицами, получающими за это приличное вознагражденіе. Мало того: очевидно, въ цѣляхъ спеціальной обработки солдатскихъ головъ республика содержитъ особое духовенство для арміи и флота [2]).

Не вмѣшиваясь въ религіозныя убѣжденія гражданъ, Совѣтская Республика считаетъ, однако, себя въ правѣ требовать отъ всѣхъ безъ исключенія исполненія гражданскаго долга; поэтому ст. 6 декрета опредѣленно говоритъ: «Никто не можетъ, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія, уклоняться отъ исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей». Лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ по рѣшенію народнаго суда допускается освобожденіе гражданина отъ какой-либо обязанности, выполненіе которой онъ считаетъ несовмѣстимымъ со своими религіозными убѣжденіями. Но въ такомъ случаѣ одна гражданская обязанность должна быть замѣнена другой.

Ст. 8 изъемлетъ веденіе актовъ гражданскаго состоянія изъ рукъ духовенства разныхъ исповѣданій и передастъ ихъ исключительно гражданскимъ властямъ. Еще ранѣе декретами 19 и 20 декабря 1917 года было введено положеніе, согласно которому въ Совѣтской Республикѣ отнынѣ признаются законными лишь гражданскіе браки, церковный же бракъ

---

[1]) Исходя изъ принципа, что вѣрующіе сами должны содержать духовенство (см. ст. 11), декретъ сразу лишаетъ духовенство всякой матеріальной поддержки со стороны государства. Французскій законъ обнаруживаетъ въ этомъ вопросѣ совершенно излишнюю слабость къ служителямъ церкви: онъ не только устанавливаетъ пенсію престарѣлымъ священникамъ, но и гарантируетъ всему духовенству полученіе жалованья въ теченіе перваго года въ прежнемъ размѣрѣ, въ теченіе второго—$^2/_3$ его, въ теченіе третьяго—половину, и т. д.

[2]) См. Н. Суворовъ, «Учебникъ церковнаго права», стр. 554. Во время настоящей войны должность полковыхъ священниковъ возстановило и французское правительство. Хорошо «отдѣленіе» церкви отъ государства!

объявляется частнымъ дѣломъ брачущихся [1]); устанавливается порядокъ веденія записи рожденій, а расторженіе браковъ возлагается исключительно на Совѣтскую власть (мѣстный судъ) [2]).

Въ вопросѣ объ отдѣленіи церкви отъ школы совѣтскій декретъ идетъ дальше французскаго закона, разрѣшающаго религіозное образованіе для школьниковъ внѣ учебныхъ часовъ, при чемъ мѣстомъ обученія могутъ быть и школьныя зданія. Ст. 9 нашего декрета гласитъ: «Школа отдѣляется отъ церкви. Преподаваніе религіозныхъ вѣроученій во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ, а также частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могутъ обучать или обучаться частнымъ образомъ».

Само собой разумѣется, что никакимъ предметамъ культа или богослуженію въ стѣнахъ школы не можетъ быть мѣста.

Гораздо радикальнѣе совѣтскій декретъ и въ чрезвычайно важномъ вопросѣ о судьбѣ церковныхъ имуществъ. Во Франціи съ отдѣленіемъ церкви отъ государства въ собственность государства, департаментовъ и общинъ перешли лишь зданія, предназначенныя для отправленія культа или для жительства духовенства [3]), но все прочее недвижимое и движимое имущество было передано соотвѣтствующимъ «богослужебнымъ ассоціаціямъ», которыя получаютъ всѣ права частныхъ обществъ и могутъ владѣть собственностью, выступать въ качествѣ юридическаго лица [4]), образовывать между собой союзы.

Эта статья закона, очевидно, продиктована желаніемъ сохранить по возможности за церковными союзами ихъ богатства и предоставить широкую возможность накоплять ихъ въ будущемъ. Такимъ образомъ, съ отдѣленіемъ церкви отъ государства матеріальные ресурсы церкви пострадали весьма мало: въ 1905 году французская буржуазія не рѣшилась обратить въ національную собственность церковныя имущества, какъ это сдѣлали ея предки въ эпоху великой французской революціи.

Русскій декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства объявляетъ «народнымъ достояніемъ» всѣ имущества существующихъ въ Россіи церковныхъ и религіозныхъ обществъ (ст. 13). Правда, «зданія и предметы, предназначенные спеціально для богослужебныхъ цѣлей, отдаются согласно декрету въ безплатное пользованіе [5]); такимъ образомъ, всѣмъ вѣроисповѣданіямъ обезпечивается возможность отправленія культа и владѣнія различными священными предметами.

Но церковныя и религіозныя общества, приравненныя теперь къ частнымъ обществамъ и союзамъ [6]), не получаютъ, однако, права владѣть собственностью и пользоваться правами юридическаго лица вообще [7]).

По поводу этой статьи декрета было немало шума въ буржуазной печати, изображавшей дѣло такъ, какъ будто Совѣтская власть лишаетъ

---

[1]) Обязательный гражданскій бракъ введенъ въ законодательство и нѣкоторыхъ странъ, до сихъ поръ не перешедшихъ къ системѣ отдѣленія церкви отъ государства,—напр., въ Германіи, Италіи, Румыніи, Венгріи. Во Франціи гражданскій бракъ былъ введенъ еще въ эпоху великой революціи Учредительнымъ Собраніемъ, онъ уцѣлѣлъ и потомъ, несмотря на отмѣну закона объ отдѣленіи церкви отъ государства при консулатѣ.

[2]) См. Собраніе узак. и распоряж. Рабоче-Кр. правительства, №№ 10 и 11 (28—9 дек. 1917 г.).

[3]) Такого рода зданія могутъ сдаваться въ пользованіе религіознымъ ассоціаціямъ, притомъ послѣ извѣстнаго срока за плату.

[4]) На конгрегаціи (монашескіе ордена) это право не распространяется.

[5]) См. ст. 13 декрета.

[6]) Ст. 10.

[7]) Ст. 12.

церковь всякой возможности поддерживать отправленіе культа. Однако, совершенно такое же ограниченіе для религіозныхъ союзовъ существуетъ и по американскимъ законамъ, а, между тѣмъ, въ Америкѣ преспокойно существуютъ всевозможныя религіи и секты, имѣющія свои храмы и другія мѣста для молитвы, своихъ священниковъ, проповѣдниковъ и т. п. [1]).

Несомнѣнно, лишая религіозные союзы правъ юридическаго лица, нашъ законъ ставитъ весьма серьезныя препятствія къ новому накопленію богатствъ въ рукахъ церкви. Но съ точки зрѣнія пролетаріата такое накопленіе можетъ быть только вреднымъ,—оно только усиливало бы соціальный вѣсъ церкви.

Единственное оправданіе, которое обычно приводится въ пользу сохраненія за церковью ея богатствъ, заключается въ томъ, будто таковыя въ значительной мѣрѣ употребляются ею на дѣла благотворительности. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Если въ старину церковь и удѣляла изъ своихъ огромныхъ доходовъ кое-какія крохи на призрѣніе нищихъ, вдовъ и сиротъ, инвалидовъ и т. п., то за послѣднее время скромная благотворительность свелась къ совершенно смѣхотворнымъ размѣрамъ. Такъ, въ 1909 г. по всей Россіи при православныхъ церквахъ и монастыряхъ насчитывалось 285 больницъ, въ которыхъ содержалось всего 3.850 больныхъ и 1.086 богадѣленъ, на 13.826 мѣстъ; но и эти богоугодныя заведенія лишь отчасти содержались на счетъ церкви; часть расходовъ несли казна и частныя лица [2]). Изъ 3.724.412 руб., собранныхъ церковно-приходскими попечительствами, на благотворительныя цѣли пошло всего 436.157 руб.

Съ развитіемъ денежнаго хозяйства церковь, какъ правило, утрачиваетъ свои благотворительныя функціи, которыя въ эпоху капитализма переходятъ частью къ частнымъ обществамъ и союзамъ, страхующимъ своихъ членовъ на случай смерти, инвалидности и т. п., частью—къ государству, которое содержитъ воспитательные дома, больницы, богадѣльни и т. п. Наконецъ, въ наши дни, подъ давленіемъ организованныхъ рабочихъ массъ, буржуазное государство вынуждено организовать всякаго рода соціальное страхованіе. Такимъ образомъ, даже въ рамкахъ капиталистическаго общества церковная благотворительность становится излишней. Еще меньше нуждается въ ней Совѣтская Россія, проводящая въ широкихъ размѣрахъ страхованіе трудящихся не только на случай болѣзни, потери трудоспособности и т. п., но и на случай безработицы.

Въ такомъ случаѣ падаетъ послѣдній доводъ тѣхъ, кто отстаиваетъ право церкви на собственность лицемѣрными ссылками на благотворительную дѣятельность религіозныхъ обществъ. А разъ церковь остается лишь союзомъ вѣрующихъ, ей вовсе не требуются излишняя собственность и ея накопленіе.

Январскій декретъ рабоче-крестьянскаго правительства коснулся, разумѣется, не только господствующей православной церкви, но и всѣхъ другихъ, въ той или иной степени терпѣвшихся въ самодержавномъ государствѣ и въ то же время, какъ мы видѣли, находившихся подъ его контролемъ.

Эти религіи получили теперь полную свободу какъ религіозной пропаганды, такъ и культа, въ то же время избавившись отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти въ ихъ внутреннюю жизнь.

---

[1]) Суворовъ. Учебникъ церковнаго права, 554.

[2]) Какъ велико было пособіе отъ казны,—установить, къ сожалѣнію, нельзя; но извѣстно, напр., что на содержаніе больницы и лѣчебницы при кіевскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ было отпущено въ 1907 году 80 тысячъ руб. (Кильчевскій, стр. 17).

Съ другой стороны, не получая и при самодержавіи казенныхъ субсидій, не располагая крупными капиталами и недвижимой собственностью, «инославныя» церкви оказались очень мало задѣтыми декретомъ съ матеріальной стороны.

Иное дѣло православное духовенство. Январскій декретъ не только закрывалъ передъ нимъ казенный сундукъ, не только изгонялъ «пастырей» изъ школъ, больницъ, арміи и флота, но и лишалъ церковь тѣхъ огромныхъ недвижимыхъ богатствъ и капиталовъ, которые она скопила подъ крылышкомъ самодержавной монархіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что служители православной церкви, отброшенные въ лагерь контръ-революціи еще въ мартѣ 1917 года, еще тѣснѣе сблизились съ побѣжденными классами послѣ октября.

Декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства осуществлялъ, наконецъ, на дѣлѣ все то, что въ 1905 году фигурировало лишь въ программахъ соціалистическихъ партій, притомъ онъ, несомнѣнно, затрогивалъ интересы какъ князей церкви, такъ и широкой массы бѣлаго и монашествующаго духовенства, хотя и не въ одинаковой степени.

Если въ 1905—06 гг. лишь ничтожная часть низшаго духовенства шла съ демократіей, то послѣ октября 1917 г. батюшки, стоящіе за Совѣтскую власть, встрѣчаются еще рѣже, чѣмъ среди интеллигенціи.

«Большевистская зараза» проникла лишь въ самые обездоленные и эксплоатируемые высшимъ духовенствомъ слои церковныхъ людей, которые ничего не теряли съ отдѣленіемъ церкви отъ государства.

Въ печать неоднократно проскальзывали сообщенія о борьбѣ послушниковъ и рядовыхъ монаховъ нѣкоторыхъ монастырей противъ игуменовъ, о возникновеніи союзовъ псаломщиковъ, стоящихъ на платформѣ Совѣтской власти; сообщалось объ единичныхъ случаяхъ преслѣдованія большевистски-настроенныхъ батюшекъ со стороны ихъ духовнаго начальства.

Но сколько-нибудь широкаго движенія среди низшаго клира въ сторону сближенія съ борющимся пролетаріатомъ пока не замѣтно.

Декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства вызвалъ ожесточенное сопротивленіе со стороны церкви. 19 января патріархъ Тихонъ обратился къ вѣрующимъ съ особымъ посланіемъ, гдѣ грозилъ церковнымъ отлученіемъ авторамъ и исполнителямъ декрета, а спустя недѣлю состоялось и особое постановленіе собора по этому вопросу. На этомъ документѣ стоитъ остановиться подробнѣе. Служители алтаря лицемѣрно вопятъ здѣсь о «неслыханныхъ насиліяхъ», совершаемыхъ якобы надъ церковью новой властью, о желаніи Совѣтскаго правительства «лишить православный народъ храмовъ Божіихъ съ ихъ святынями»; возмущаются «отстраненіемъ, пастырей духовныхъ «отъ воспитанія народа»; не забываютъ, разумѣется, упомянуть о томъ, будто съ изданіемъ декрета «содержаніе церквей и духовенства становится невозможнымъ».

Весь декретъ оцѣнивается въ «соборномъ постановленіи», какъ «сатанинскій умыселъ» Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, узаконяющаго «открытое гоненіе противъ православной церкви», какъ дерзновенное покушеніе на самое ея существованіе.

Постановленіе заканчивается угрозами «тягчайшихъ каръ церковныхъ, вплоть до отлученія отъ церкви», по адресу тѣхъ, кто издалъ декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, или кто будетъ проводить его въ жизнь. Призывая «весь народъ православный... сплотиться вокругъ храмовъ для защиты... святынь», Соборъ призываетъ «праведный судъ Божій» на «дерзновенныхъ хулителей и гонителей церкви».

Но эти лицемѣрные вопли и угрозы, за которыми слишкомъ прозрачно выступала бѣшеная злоба служителей алтаря, лишенныхъ теперь былыхъ привилегій и богатствъ, произвели тогда весьма слабое впечатлѣніе на широкія массы. Церковь нашла зато огромное сочувствіе у буржуазіи и даже у интеллигенціи, слывшей прежде «безбожной», а теперь вдругъ воспылавшей религіознымъ энтузіазмомъ и выступившей на защиту «ограбленной» церкви.

Это шествіе вчерашнихъ вольнодумцевъ «въ Каноссу» смутило даже тогда еще «нейтральныхъ» (?!) меньшевиковъ, которые сочли необходимымъ выступить въ печати въ защиту отдѣленія церкви отъ государства, не преминувъ, однако, лягнуть Совѣтскую власть за ея излишнюю якобы торопливость и прямолинейность въ проведеніи декрета.

Когда сила буржуазіи и саботажъ интеллигенціи въ предѣлахъ Совѣтской республики были сломлены, у православной церкви нашелся новый союзникъ. Такимъ союзникомъ оказалась продовольственная разруха, отъ которой страдаютъ центръ и сѣверъ Россіи. Православное духовенство превосходно учло то обстоятельство, что въ моментъ стихійныхъ бѣдствій наиболѣе отсталыя массы легко подпадаютъ подъ власть, казалось, уже изжитыхъ религіозныхъ настроеній: всѣ несчастія объясняются попустительствомъ небесныхъ властей, отъ которыхъ ожидаютъ и прекращенія бѣдствій, все начинаютъ объяснять гнѣвомъ властей небесныхъ, отъ вмѣшательства которыхъ ждутъ теперь спасенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ авторитетъ служителей церкви, этихъ посредниковъ между разгнѣваннымъ божествомъ и грѣшными людьми.

И православное духовенство поспѣшило использовать положеніе, связавъ въ своей противосовѣтской агитаціи мнимыя «гоненія на вѣру» со стороны большевиковъ съ голодомъ, ниспосланнымъ якобы самимъ Богомъ въ наказаніе «гонителямъ». Повышенная воспріимчивость и легковѣріе голодныхъ массъ создали превосходную атмосферу для инсценировки всякаго рода чудесъ, знаменій, для устройства всенародныхъ моленій, крестныхъ ходовъ и т. п.

Съ помощью этихъ средствъ церковь одновременно и повышала свои оскудѣвшіе доходы (чудеса — вещь прибыльная!) и возвращала себѣ давно утраченное вліяніе на массы.

Въ этомъ новомъ походѣ на Совѣтскую власть православное духовенство шло рука объ руку со всѣми контръ-революціонными силами, начиная отъ «дикаго помѣщика», все еще мечтающаго получить обратно землю, и кончая деревенскими кулаками, требовавшими отмѣны твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ. И еще весной этого года церковь надѣялась стать организаціоннымъ центромъ для новой мобилизаціи всѣхъ контръ-революціонныхъ силъ. Спасеніе Россіи сейчасъ только въ «объединеніи различныхъ слоевъ русскаго народа вокругъ церкви»,—самонадѣянно заявлялъ ея глава патріархъ Тихонъ [1]).

Другого могущественнаго союзника въ борьбѣ съ большевистской властью церковь искала за границами Совѣтской республики, при чемъ ея «оріентація», какъ и оріентація крупной буржуазіи, мѣнялась въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Въ Кіевѣ епископъ Никодимъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и святой водой, встрѣчалъ у дверей собора ставленника нѣмцевъ гетмана Скоропадскаго, возстановившаго самодержавіе на Украинѣ.

Въ Москвѣ тотъ же «смиренный» Тихонъ принималъ ближайшее участіе въ заговорѣ противъ Совѣтской власти, подготовлявшемся Локкартомъ и К°.

---

[1]) См. «Бесѣда съ патріархомъ» («Своб. Россія» отъ 22 мая).

Тамъ, гдѣ торжествуетъ (надѣемся, временно!) сейчасъ контръ-революція, православное духовенство откровенно выступаетъ за возвращеніе къ самодержавной монархіи: на Украинѣ и на Дону оно совершенно открыто служило панихиды по бывшемъ царѣ. Въ Сибири, гдѣ, кстати сказать, новое правительство уже успѣло отмѣнить декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, попы вмѣстѣ съ буржуазіей мечтаютъ пока о военной диктатурѣ.

Но чѣмъ опредѣленнѣе будетъ выступать церковь въ великой соціальной борьбѣ нашихъ дней, тѣмъ яснѣе будетъ становиться ея контръреволюціонная сущность даже для самыхъ отсталыхъ, политически неразвитыхъ слоевъ крестьянства.

Работая вмѣстѣ съ тѣми общественными силами, которыя стремятся къ возврату политическаго и соціальнаго господства буржуазіи и помѣщиковъ, къ превращенію Совѣтской Россіи въ арену столкновенія имперіалистическихъ государствъ, православное духовенство все тѣснѣе связываетъ свою судьбу съ судьбой тѣхъ. кого безпощадно долженъ раздавить пролетаріатъ въ своей борьбѣ за соціализмъ.

Ничего добраго не сулитъ «пастырямъ духовнымъ» и ихъ блокъ съ кулачествомъ, который становится все замѣтнѣе по мѣрѣ обостренія борьбы за хлѣбъ между деревенской бѣднотой и крестьянскими богатеями: чѣмъ активнѣе сельскіе батюшки будутъ выступать заодно съ кулаками, тѣмъ скорѣе потеряютъ всякій авторитетъ въ глазахъ массы бѣднѣйшаго крестьянства, тѣмъ скорѣе будетъ изживать эта масса остатки своей религіозности,

На ближайшее время Совѣтской власти придется, очевидно, держаться слѣдующей тактики въ отношеніи церкви: безпощадная борьба съ православнымъ духовенствомъ, насколько оно открыто выступаетъ· противъ Совѣтской власти или участвуетъ въ тайныхъ противъ нея заговорахъ, во-первыхъ; послѣдовательное и неуклонное проведеніе въ жизнь принципа отдѣленія церкви отъ государства, во-вторыхъ. Предоставляя гражданамъ полнѣйшую свободу въ отправленіи культа и не вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь религіозныхъ общинъ, Совѣтская власть будетъ всѣми силами бороться противъ попытокъ духовенства сохранить свои богатства и привилегіи.

Но, помимо того, пролетаріату предстоитъ чисто идейная борьба съ церковью,—борьба за ея власть надъ умами рабочихъ и крестьянъ.

Вѣдь и послѣ отдѣленія церкви отъ государства религія сохраняетъ свою способность поддерживать невѣжество въ массахъ и отвлекать пролетаріатъ отъ борьбы за «рай на землѣ», усыпляя его мозги надеждой на рай небесный.

Духовенство, какъ показываетъ опытъ Франціи и Америки, съ неменьшимъ рвеніемъ проповѣдуетъ борьбу съ соціалъ-демократіей, хотя и не располагаетъ уже тѣми могущественными средствами обработки головъ, какія имѣются въ его распоряженіи въ странахъ, гдѣ сохранилась государственная церковь.

Создавая новый міръ, пролетаріатъ нуждается въ цѣлостномъ и законченномъ научномъ міропониманіи, которое несовмѣстимо ни съ какой вѣрой въ потустороннее, сверхъестественное, не поддающееся контролю человѣческаго сознанія, надъ которымъ перестаютъ, наконецъ, господствовать соціальныя силы. А разъ это такъ, неизбѣжна и настоятельно необходима идейная борьба коммунистовъ со всякой религіей. И здѣсь. повторяя слова В. Либкнехта на съѣздѣ въ Галле, мы скажемъ: «Мы можемъ низложить религію, противо-

полагая ей науку». Но въ такомъ случаѣ коммунисты должны совершенно отрѣшиться въ отношеніи религіи отъ той позиціи «нейтралитета», которая до сихъ поръ пользовалась такимъ авторитетомъ у всѣхъ оппортунистовъ международной соціалъ-демократіи.

Что наша просвѣтительная работа въ этомъ направленіи пойдетъ гигантскими шагами, — за это ручаются намъ не только широчайшая постановка дѣла народнаго образованія въ Совѣтской Россіи, но и—что еще важнѣе—наши успѣхи въ дѣлѣ социалистическаго строительства жизни.

«Религіозное отраженіе реальнаго міра,—говоритъ Марксъ,—можетъ вообще исчезнуть лишь тогда, когда условія практической, будничной жизни людей будутъ каждодневно представлять имъ вполнѣ ясныя и разумныя отношенія человѣка къ человѣку и къ природѣ»[1]).

И къ этому строю общественныхъ отношеній смѣло и неуклонно идетъ россійскій пролетаріатъ.

Н. Лукинъ (Н. Антоновъ).

---

1) Марксъ, «Капиталъ», т. I, пер. Струве, стр. 41.

Революція и дѣти.

Статья Вѣры Михайловны Бончъ-Бруевичъ (Величкиной).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для сборника «Диктатура пролетаріата» Вѣрѣ Михайловнѣ Бончъ-Бруевичъ была поручена статья «Революція и дѣти», которую ранѣе В. М. предполагала назвать «Положеніе дѣтей въ старой и новой Россіи». Разбирая бумаги после ея смерти, мы нашли въ нихъ набросанный карандашомъ планъ этой работы и также въ карандашной записи введеніе въ статью. По плану эта работа должна была состоять изъ слѣдующихъ главъ: 1) Картина стараго строя (голодъ, нищета); 2) Работа дѣтей за нѣсколько грошей; 3) Февральская революція; 4) Мальчики вмѣсто лошадей; 5) Восьмичасовой рабочій день (ремесленныя мастерскія); 6) Новый строй; 7) Дѣти не работаютъ; 8) Право населенія наблюдать; 9) Обезпеченіе дѣтей; 10) Всѣ дѣти въ школѣ; 11) Охрана здоровья дѣтей; 12) Ясли, дѣтскіе сады; 13) Лѣтнія колоніи; 14) Дѣтскія площадки-полуколоніи; 15) Питаніе дѣтей; 16) Школа трудовая; 17) Школьныя болѣзни; 18) Школьныя амбулаторіи (зубы); 19) Борьба съ туберкулезомъ, лѣсныя школы, школы-санаторіи; 20) Вспомогательная школа; 21) Дефективныя дѣти; 22) Физическое образованіе; 23) Трудовыя дружины; 24) Участіе населенія.

Начиная съ 11 параграфа, матеріалъ для этой статьи Вѣрой Михайловной былъ только подготовленъ и сохранился въ видѣ рукописи доклада, который она намѣревалась сдѣлать на губернскомъ съѣздѣ народнаго образованія отъ школьно-санитарнаго отдѣла, состоявшемся въ концѣ сентября 1918 года. Докладъ этотъ она уже сама читать за болѣзнью не могла и поручила его прочесть тов. Гуревичу.

Комитетъ памяти Вѣры Михайловны, озабоченный, чтобы эта ея посмертная работа обязательно появилась въ сборникѣ, посвященномъ годовщинѣ октябрьской революціи,—той революціи, въ дѣло которой она съ особенной любовью вложила всѣ свои силы и все свое разумѣніе,—для осуществленія этой задачи выдѣлилъ изъ своей среды редакціонную коллегію, состоящую изъ В. Д. Бончъ-Бруевича, М. В. Головинскаго и Е. П. Радина, которая проредактировала изъ всѣхъ оставшихся матеріаловъ эту послѣднюю статью, надъ которой трудилась такъ рано, такъ неожиданно ушедшая отъ насъ Вѣра Михайловна. Завѣты ея въ области школьной санитаріи, въ области всесторонней заботы о ребенкѣ близки и дороги всѣмъ товарищамъ, работавшимъ въ тѣсномъ единеніи вмѣстѣ съ ней на томъ же полѣ дѣятельности. И мы увѣрены, что эти завѣты сдѣлаются вполнѣ родными для всего мыслящаго передового пролетаріата Россіи, къ которому всегда неустанно обращалась Вѣра Михайловна, зовя его на общую работу для совершенства воспитанія дѣтей въ школѣ и дома.

Освобожденіе ребенка отъ гнета старой жизни, поднятіе на должную высоту тѣлеснаго и духовнаго его воспитанія и обученія—дѣло самого пролетаріата,—всегда говорила почившая. И этотъ священный завѣтъ россійскій пролетаріатъ осуществитъ обязательно, найдя дѣятельную поддержку въ учебныхъ, ученыхъ, педагогическихъ и медицинскихъ силахъ нашей страны, которыя съ все возрастающимъ рвеніемъ и энергіей выстраиваются въ грозную и сильную колонну для борьбы съ рутиной, косностью и отсталостью въ вопросахъ всестороннего воспитанія, питанія и образованія ребенка, этого проклятаго наслѣдія стараго порядка нашей общественной и семейной жизни.

Съ мыслью о неустанной работѣ на этомъ поприщѣ жизни и дѣятельности ушла отъ насъ Вѣра Михайловна.

Съ мыслью о ней редакція бережно передаетъ грядущимъ поколѣніямъ ея послѣднюю работу, ея послѣдніе завѣты...

Редакція.

I.

Нѣкоторымъ мѣриломъ культурнаго уровня страны являются положеніе въ ней подрастающаго поколѣнія и высота дѣтской смертности. И въ этомъ отношеніи Россія до послѣдняго времени занимала одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Въ цѣляхъ охраны дѣтей отъ невѣроятной эксплоатаціи ихъ капиталомъ былъ созданъ только одинъ законъ. Въ 1882 году по этому закону на фабрики и заводы не могли приниматься дѣти моложе 12-ти лѣтъ. И трудъ малолѣтнихъ 12—14 лѣтъ не долженъ былъ продолжаться дольше 8-ми часовъ. Кромѣ того, дѣти не допускались къ труднымъ работамъ.

Другой законъ ограничивалъ только часами рабочій день дѣтей, работающихъ въ мастерскихъ. Но ни тотъ, ни другой законъ не исполнялись. Кромѣ того, дѣйствіе этого закона ограничивалось разными послѣдующими циркулярами, а хозяева мастерскихъ просто нашли 10-часовой рабочій день для нихъ невыгоднымъ: «У насъ работа безъ часовъ»,—заявляли они инспекціи.

Ограниченія рабочаго дня для небольшихъ мастерскихъ никогда не существовало.

И въ результатѣ, когда одинъ московскій педагогическій кружокъ сдѣлалъ опросъ поступающихъ въ школу дѣтей, оказалось, что 85% дѣвочекъ и 58% мальчиковъ до 8-лѣтняго возраста уже работали.

И, наконецъ, какъ заключительный аккордъ разрушающагося стараго строя, особымъ циркуляромъ 19 октября 1915 года былъ отмѣненъ старый законъ, хотя сколько-нибудь защищающій малолѣтнихъ отъ непосильнаго труда. И маленькіе труженики цѣлыми толпами наполняли фабрики и заводы, не только работая весь длинный рабочій день, но и отрабатывая сверхурочныя работы, чтобы лишь жалкими грошами этихъ малолѣтнихъ могли прокормиться семьи уведенныхъ въ міровую бойню людей. Февральская революція быстро установила 8-часовой рабочій день. И дѣтскій рабочій день на фабрикахъ и заводахъ уменьшился до 8-ми часовъ, сравнѣ со взрослыми. И только... Другихъ измѣненій для дѣтей введено не было.

Такое отношеніе вызвало горячій протестъ самихъ малолѣтнихъ рабочихъ, наиболѣе сознательныхъ элементовъ, что не могло не вызвать появленія въ прессѣ цѣлаго ряда писемъ, гдѣ маленькіе труженики заявляли, что въ то время, какъ всѣ рабочіе отдыхаютъ, и въ то время, какъ на улицахъ идутъ торжественныя процессіи, происходятъ праздники, развѣваются красныя знамена, маленькіе труженики попрежнему сидятъ въ

темныхъ и тѣсныхъ норахъ, дошивая какой-нибудь дамскій ботикъ или обметывая петли нарядnаго костюма. Только въ маѣ былъ отмѣненъ знаменитый министерскій циркуляръ 1915 года. Къ концу лѣта былъ, наконецъ, выпущенъ циркуляръ о запрещеніи работы дѣтей моложе 14-ти лѣтъ. Но фактически ничего не было сдѣлано. Малолѣтки продолжали работать, особенно по мастерскимъ, т.-е. тамъ, гдѣ наиболѣе эксплоатировался дѣтскій трудъ.

Послѣ октябрьской революціи Комиссаріатъ Труда не удовольствовался одними министерскими циркулярами, но организовалъ инспекцію, которая наблюдала, чтобы дѣти дѣйствительно не работали, которая фактически извлекаетъ ихъ изъ мастерскихъ и возвращаетъ къ дѣтской жизни и школѣ. Дѣти теперь не беззащитны; нѣтъ такого ребенка, который не нашелъ бы себѣ защиты и пріюта, если онъ убѣжалъ изъ мастерской отъ своего хозяина. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ возникали дворцы материнства и младенчества. Въ Петербургѣ на средства предпринимателей по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ соргапизовались ясли. Такіе же ясли разсыпались и по всей Россіи для дѣтей рабочихъ дошкольнаго возраста. Возникъ цѣлый рядъ дѣтскихъ садовъ, и новая школа стала строиться съ дѣтскаго сада [1]).

Однимъ изъ первыхъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній октябрьской революціи возникъ въ Петроградѣ въ началѣ ноября школьно-санитарный отдѣлъ при Народномъ Комиссаріатѣ по Просвѣщенію, подъ непосредственнымъ руководительствомъ В. М. Бончъ-Бруевичъ.

Окруженный всеобщимъ саботажемъ врачей, школьно-санитарный отдѣлъ, въ лицѣ очень небольшой группы сотрудниковъ, взялъ въ свои руки школьно-санитарное дѣло въ Совѣтской Республикѣ тогда, когда голодъ стоялъ уже на порогѣ новой Россіи. На нужду петроградскихъ дѣтей въ свѣжемъ воздухѣ и хлѣбѣ отозвался первымъ школьно-санитарный отдѣлъ, организовавшій массовый вывозъ пролетарскихъ дѣтей въ трудовыя дѣтскія колоніи...

Нельзя было строить, не имѣя подъ руками сотрудниковъ; трудно было спокойно работать, когда создавалась угроза имперіалистическаго захвата красному Петрограду, но все же школьно-санитарный отдѣлъ работалъ, проводя красной нитью самый завѣтный лозунгъ покойной Вѣры Михайловны: здоровье дѣтей—дѣло рукъ самихъ рабочихъ.

Былъ созданъ на такомъ съ виду сухомъ и спеціальномъ дѣлѣ, какъ школьная санитарія, школьно-санитарный совѣтъ, составившійся въ большей своей части изъ представителей пролетарскихъ организацій и широкихъ слоевъ населенія [2]). «Возрожденіе школы и новыя жизненныя теченія возможны только тогда, когда дѣло это возьметъ въ свои руки на ряду со спеціальными научными силами само населеніе, пролетарскіе слои его. Всѣ намѣченные планы и всѣ реформы въ дѣтской и школьной жизни возможно провести только тогда, когда за дѣло возьмутся организованныя пролетарскія массы и сами же будутъ наблюдать за проведеніемъ въ жизнь указанныхъ реформъ»,—писала и неустанно говорила Вѣра Михайловна.

Для этой цѣли, для регулярнаго наблюденія за врачебно-санитарнымъ состояніемъ школъ и за физическимъ и умственнымъ развитіемъ дѣтей при школьно-санитарномъ отдѣлѣ она организовала главный школьно-санитарный совѣтъ.

---

[1]) На этихъ словахъ обрывается введеніе, написанное Вѣрой Михайловной за нѣсколько дней до ея смерти. *Редакція.*

[2]) Отъ словъ: «однимъ изъ первыхъ начинаній...» до этой выноски вставка редакціи. *Прим. ред.*

Задачи главнаго школьно-санитарнаго совѣта.

1) Объединеніе и согласованіе дѣятельности мѣстныхъ школьныхъ санитарныхъ совѣтовъ и организацій.

2) Обсужденіе и разработка общихъ мѣропріятій, относящихся къ охранѣ здоровья учащихся и учащихъ.

3) Постановка физической культуры и наблюденіе за проведеніемъ ея въ жизнь въ школѣ.

4) Обсужденіе вопросовъ, относящихся къ постановкѣ образованія и воспитанія отсталыхъ и дефективныхъ дѣтей.

5) Наблюденіе за правильной постановкой питанія учащихся и распредѣленія фонда питанія.

6) Разсмотрѣніе и обсужденіе вопросовъ о подготовкѣ педагогическаго персонала для школы 1 и 2 ступеней по отношенію къ физической культурѣ, о подготовкѣ школьныхъ врачей, руководителей физическихъ учрежденій и ручного труда.

7) Обсужденіе смѣтныхъ предположеній объ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства на проведеніе въ жизнь мѣропріятій по физическому образованію и охранѣ здоровья учащихся и учащихъ.

8) Разработка инструкцій о составѣ, основахъ и порядкѣ дѣятельности мѣстныхъ школьно-санитарныхъ совѣтовъ.

9) Обсужденіе наиболѣе важныхъ вопросовъ педагогической практики, подлежащихъ изслѣдованію въ школьно-гигіенической лабораторіи, и оцѣнка результатовъ дѣятельности лабораторіи.

10) Содѣйствіе организаціи врачебно-педагогическихъ изслѣдованій.

11) Обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ опытныхъ учрежденій и школьно-гигіеническаго музея.

12) Общее руководство изданіемъ журнала по вопросамъ физическаго образованія и школьной гигіены.

13) Организація комиссій по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ, обвиняемыхъ въ общественно-опасныхъ дѣяніяхъ.

14) Содѣйствіе внѣшкольному физическому образованію (гигіена физическихъ упражненій, приспособленныхъ къ военнымъ цѣлямъ) организація дружинъ юныхъ коммунистовъ (юковъ), различные виды спорта и содѣйствіе организаціи школьныхъ спортивныхъ обществъ.

15) Поддержка связи съ комиссіями какъ Народнаго Комиссаріата Здравоохраненія, такъ и Народнаго Комиссаріата Просвѣщенія.

16) Распространеніе въ школѣ и среди широкихъ слоевъ населенія черезъ школьныхъ врачей знаній по гигіенѣ, медицинѣ и по борьбѣ съ заразными болѣзнями.

Главный школьно-санитарный отдѣлъ представляетъ собой постоянный рабочій органъ, руководящій всѣмъ дѣломъ физическаго образованія и охраны здоровья дѣтей всѣхъ возрастовъ. Въ постоянный составъ его, кромѣ ученыхъ спеціалистовъ по вопросамъ, составляющимъ вѣдѣніе Совѣта, входятъ еще представители отъ Ц. П. К., отъ П. К. Московскаго С. Р. и Кр. Деп., отъ М. С. Проф. Союзовъ, отъ Ц. С. Всер. Проф. Союзовъ, отъ Ц. Б. Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ, представители отъ родительскихъ организацій, отъ школьныхъ врачей, отъ педагоговъ и отъ Всероссійскаго Федеративнаго Союза медицинскихъ работниковъ. Въ послѣднее время въ совѣтъ сталъ входить и представитель школьно-санитарнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ; предположено пригласить представителей медико-санитарныхъ отдѣловъ отъ районовъ. Кромѣ того, совѣтъ приглашаетъ на свои совѣщанія и разнаго рода спеціалистовъ. Школьно-санитарный отдѣлъ управляется коллегіей врачей, состоящей изъ трехъ

лицъ. По такому же типу организуются школьно-санитарные совѣты и на мѣстахъ.

Губернскіе, городскіе и уѣздные школьно-санитарные совѣты являются центральными органами медико-санитарныхъ отдѣловъ по вопросамъ школьной санитаріи.

Исполнительнымъ органомъ медико-санитарнаго отдѣла по вопросамъ школьной санитаріи является школьно-санитарный подотдѣлъ, представляющій собой коллегію врачей. Школьно-санитарные совѣты образуются изъ коллегіи, управляющей школьно-санитарнымъ подотдѣломъ, изъ представителей центральныхъ пролетарскихъ организацій даннаго района, представителей школьной санитаріи, педагогическихъ силъ и широкихъ массъ населенія. Сзѣдущія лица и спеціальныя комиссіи изъ врачей и другого медицинскаго и педагогическаго персонала созываются коллегіей для разработки отдѣльныхъ вопросовъ и для проведенія тѣхъ или иныхъ мѣръ въ области школьной санитаріи.

Тамъ, гдѣ уѣздные города не могутъ имѣть подотдѣловъ школьной санитаріи за отсутствіемъ необходимаго количества врачей, они организуютъ школьно-санитарное бюро, какъ трудовой и совѣщательный органъ мѣстнаго медико-санитарнаго отдѣла по вопросамъ школьной санитаріи. Одинъ изъ членовъ уѣзднаго медико-санитарнаго отдѣла завѣдуетъ бюро. Школьно-санитарныя бюро образуются изъ школьныхъ врачей, педагоговъ и представителей пролетарскихъ и родительскихъ организацій.

Для объединенія дѣятельности совѣтовъ устраиваются періодическіе ихъ съѣзды. Школьно-санитарные совѣты на мѣстахъ не только объединяютъ все дѣло охраны здоровья дѣтей и физическаго образованія подрастающаго поколѣнія, но и пробудятъ вниманіе и интересъ въ широкихъ слояхъ населенія къ нуждамъ и потребностямъ дѣтей. Мы вложимъ, такимъ образомъ, наше будущее въ хорошія руки.

Въ настоящее время вся школа реформируется у насъ сверху донизу, вся она строится на новыхъ трудовыхъ и коммунистическихъ началахъ, на тѣхъ началахъ, которыми постепенно проникается и весь нашъ общественный строй. Школа является лабораторіей, въ которой выковываются будущіе граждане соціалистической Россіи. И поэтому она должна быть проникнута соціалистическимъ духомъ, а для этого нужно, чтобы всѣ активные работники школьнаго дѣла правильно представили себѣ идеи соціализма и были подготовлены для проведенія ихъ въ жизнь въ школѣ. Врачебное дѣло здѣсь неотдѣлимо отъ педагогическаго, школьный врачъ обязательно долженъ быть и педагогомъ.

Школьный врачъ прежняго времени былъ въ школѣ только случайностью или необходимымъ зломъ, и чѣмъ онъ меньше вмѣшивался въ ходъ школьной жизни, тѣмъ было только удобнѣе для педагоговъ. О жизни ребенка, какъ внѣшней, такъ и внутренней, психической, старая буржуазная школа очень мало заботилась. Она готовила себѣ только послушныхъ чиновниковъ и вѣрныхъ служителей капиталу и безжалостно ломала и давила все, что принимало иныя, не входящія въ ея расчеты формы. На нужды народнаго образованія отпускались чрезвычайно малыя средства, и никто не заботился о томъ, какія дѣти выходили изъ школъ. А выходили они оттуда, какъ изъ тюрьмы, слабыя, малокровныя, съ искривленными позвоночниками и часто съ порочными наклонностми и нервно-больные. Въ виду отсутствія своевременно оказанной помощи или соотвѣтствующаго для нихъ учрежденія они превращались въ калѣкъ или же, предоставленныя сами себѣ, безъ надлежащаго надзора и руководства, въ силу своей умственной или физической слабости, становились благопріятной почвой для развитія въ себѣ разныхъ антисоціальныхъ наклонностей,

что создавало необходимость интернировать ихъ въ уродливыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ для этой цѣли прежнимъ правительствомъ и носящихъ названіе «пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ», которые въ конецъ губили слабую, первную натуру ребенка. Словомъ, преступное пренебреженіе къ охранѣ дѣтскаго здоровья стало приносить свои плоды, ведя страну по пути умственнаго и физическаго вырожденія.

Школьно-санитарный отдѣлъ ставитъ основной своей задачей оздоровленіе населенія посредствомъ охраны здоровья дѣтей всѣхъ возрастовъ и правильной постановки физическаго образованія какъ въ самой школѣ, такъ и особенно для той части юношества, которая осталась внѣ школы. Насколько остро стоитъ этотъ вопросъ, говорятъ слѣдующія данныя:

Изслѣдованія показали, что въ настоящее время, по даннымъ реакціи Pirquet, 55% (!) туберкулезныхъ дѣтей; въ возрастѣ 11 лѣтъ реакція Pirquet дастъ уже 81%, а въ 14 лѣтъ—93%. На основаніи другихъ методовъ изслѣдованія обнаруженъ туберкулезъ у дѣтей 6-ти лѣтъ въ 30%, въ 11—14 л.—70%. Среди умершихъ дѣтей 5—10 лѣтъ уже 25% погибшихъ отъ туберкулеза. Изслѣдованія, произведенныя въ Швейцаріи, которая славится среди другихъ странъ своими заботами о дѣтяхъ, показали, что дефективныхъ дѣтей, какъ психически, такъ и физически, т.-е. слѣпыхъ и глухихъ и т. п., насчитывается до 26%. Болѣе 87% имѣютъ каріозные зубы. Очевидно, если не будутъ приняты очень серьезныя мѣры и не будутъ измѣнены условія жизни пролетарскихъ дѣтей, населенію грозитъ вырожденіе.

Очень мало сдѣлано также въ области охраны психическаго здоровья дѣтей. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена забота о такъ называемыхъ нервныхъ дѣтяхъ, уклоняющихся отъ обычнаго типа тѣми или другими сторонами своего характера. Школа стараго типа, преслѣдуя проявленія дѣтскихъ аномалій, уродовала дѣтскую душу. И вслѣдствіе дикихъ пріемовъ педагогики изъ такихъ неуравновѣшенныхъ дѣтей получались нерѣдко люди съ изломаннымъ характеромъ и личностью, а именно будущіе преступники. Другіе, съ болѣе тонкой нервной организаціей, доходили до помѣшательства и самоубійства. И мы поставлены теперь передъ совершенно опредѣленной задачей необходимости руководства школьнаго врача-педагога первно-психической гигіеной учениковъ, какъ школьнаго, такъ даже и дошкольнаго возраста, чтобы предупреждать болѣзнь въ зародышѣ, руководя педагогическими мѣропріятіями въ отношеніи первныхъ дѣтей. Поэтому необходима забота о своевременномъ выдѣленіи дефективныхъ и отсталыхъ дѣтей въ особыя школы и вспомогательныя группы. Что же касается нормальной школы, то она должна строиться по типу свободной трудовой школы, такъ какъ только такая школа въ наиболѣе полной мѣрѣ обезпечиваетъ гармоническое развитіе всѣхъ физическихъ и умственныхъ силъ ребенка.

Задачи врача въ такой школѣ чрезвычайно разносторонни. Врачей добраго стараго времени, которые только осматривали дѣтей при поступленіи въ школу да потомъ подавали посильную медицинскую помощь, отнынѣ уже быть не должно. Врачъ въ Единой Трудовой Школѣ долженъ быть обязательно педагогомъ, и въ школьной жизни онъ долженъ играть самую активную роль, ставя своей задачей охрану какъ физическаго, такъ и психическаго здоровья и предупреждая разнаго рода заболѣванія. Поэтому онъ долженъ быть равноправнымъ членомъ школьнаго совѣта и совмѣстно съ преподавателями распредѣлять порядокъ, характеръ групповыхъ занятій и продолжительность ихъ. Онъ долженъ слѣдить за питаніемъ дѣтей, ихъ одеждой и даже за гигіеническими условіями ихъ домашней жизни. Сюда входитъ забота объ устройствѣ горячихъ завтраковъ въ школѣ, о снабженіи всѣхъ дѣтей удовлетворительной и приспособлен-

ной къ различнаго рода случаямъ одеждой на урокахъ, въ мастерскихъ, для спорта, на экскурсіяхъ и т. п., и, наконецъ, наблюденія за жилищными условіями и за условіями сна ребенка, при чемъ въ неблагопріятныхъ случаяхъ школьный врачъ обязанъ принять тѣ или другія мѣры къ обезпеченію ребенка гигіенической домашней обстановкой. Кромѣ того, школьный врачъ долженъ быть достаточно освѣдомленъ о домашнихъ занятіяхъ дѣтей, исполняетъ ли онъ дома какую-нибудь работу, не перутомляется ли онъ, занимается ли спортомъ и т. п.

Затѣмъ врачъ долженъ наблюдать за физическимъ и умственнымъ развитіемъ дѣтей, производя періодически ихъ осмотръ и принимая мѣры въ случаѣ замѣченнаго ослабленія организма или появленія психическихъ уклоненій. Здѣсь школьный врачъ опредѣляетъ, отвѣчаетъ ли программа обученія въ школѣ психическому развитію ребенка, т.-е. понимаетъ ли каждый ученикъ, чему его учатъ, и можетъ ли онъ оцѣнить значеніе сообщаемыхъ ему свѣдѣній. На обязанности школьнаго врача лежитъ также слѣдить за огражденіемъ школы отъ заразныхъ болѣзней и принимать рѣшительныя мѣры въ случаѣ появленія таковыхъ въ школѣ. Школьный врачъ обязательно составляетъ врачебно-педагогическія характеристики учащихся, устанавливаетъ существованіе у нихъ уклоненій отъ психической нормы. При экономической разрухѣ, вызванной міровой войной, школьному врачу придется особенно много заботиться о физическомъ благополучіи дѣтей. Недостатокъ продуктовъ питанія и топлива вызываетъ большую смертность и заболѣваемость среди дѣтей какъ у насъ, такъ и въ западно-европейскихъ странахъ. Школьно-санитарный отдѣлъ организовалъ у себя особый подотдѣлъ для наблюденія за дѣтскимъ питаніемъ. Декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ проведено увеличеніе пищевого пайка для дѣтей. Комиссаріату Народнаго Просвѣщенія поручено организовать школьные горячіе завтраки и столовыя, Комиссаріату Здравоохраненія—столовыя для дѣтей внѣ школы. Все это стоитъ огромныхъ денегъ. Нужно собрать на мѣстахъ фондъ дѣтскаго питанія. Еще лучше на мѣстахъ пойдутъ на помощь этому дѣлу натурой.

Школьная амбулаторія.

Принимая во вниманіе громадный процентъ туберкулезныхъ дѣтей, широкое распространеніе нервности въ школѣ и опасность оставленія дѣтей дефективныхъ среди нормальныхъ, школьно-санитарный отдѣлъ не считаетъ возможнымъ возложить выдѣленіе дѣтей всѣхъ указанныхъ категорій на одного школьнаго врача, который не можетъ быть спеціалистомъ по всѣмъ областямъ медицины, и признаетъ необходимымъ устройство спеціальной дѣтской амбулаторіи, такъ сказать, коллективнаго школьнаго врача, съ участіемъ ряда спеціалистовъ, черезъ руки которыхъ проходилъ бы каждый ребенокъ передъ поступленіемъ въ школу. Такое всестороннее изслѣдованіе гарантировало бы отъ поступленія въ школу тормозящихъ обученіе здороваго ребенка дефективныхъ дѣтей и дало бы возможность помѣщать болѣе слабыхъ дѣтей въ спеціальныя, соотвѣтствующія состоянію ихъ здоровья школы (лѣсныя школы и школы-сады).

Для систематическаго наблюденія за здоровьемъ дѣтей желательно контрольное изслѣдованіе въ концѣ учебнаго года. Кромѣ научнаго интереса, это контрольное изслѣдованіе можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для выработки дальнѣйшихъ мѣропріятій въ смыслѣ улучшенія школьно-санитарнаго дѣла. Такая школьная амбулаторія является профилактическимъ учрежденіемъ, санитарнымъ фильтромъ дѣтей при ихъ поступленіи въ школу. Въ этой амбулаторіи врачи-спеціалисты смогутъ ставить діагнозы въ сомнительныхъ случаяхъ и наблюдать за правильнымъ

лѣченіемъ дѣтей. Эта амбулаторія явилась бы хорошимъ коллективнымъ школьнымъ врачомъ, охватывающимъ всѣ отрасли дѣтской медицины. Въ теченіе года такая амбулаторія въ тѣсномъ контактѣ со школьнымъ врачомъ должна вести наблюденіе и лѣченіе всѣхъ школьныхъ дѣтей, а также взять на себя роль районной дѣтской амбулаторіи, гдѣ могли бы лѣчиться всѣ дѣти мѣстнаго района.

Статистика говоритъ намъ, что въ школьномъ возрастѣ число дѣтей, обладающихъ каріозными зубами, колеблется отъ 87% до 97%. Помимо всѣхъ другихъ заболѣваній, которыя ведетъ за собой каріозъ зубовъ, заболѣваніе самой полости рта, желудочно-кишечныя заболѣванія и др., онъ способствуетъ еще развитію туберкулеза и ведетъ прямо къ вымиранію наиболѣе слабыхъ дѣтей. Поэтому необходимо вести самый тщательный контроль надъ зубами малолѣтнихъ и наладить систематическое, правильное лѣченіе ихъ. Для этого надо создать отдѣльныя зубныя амбулаторіи, тоже своего рода коллективнаго зубного врача.

Борьба съ дѣтскимъ туберкулезомъ.

Одной изъ важнѣйшихъ задачъ школьно-санитарнаго дѣла является борьба съ такимъ соціальнымъ зломъ, какъ туберкулезъ, преобладающій у дѣтей, главнымъ образомъ, въ школьномъ возрастѣ и уносящій именно въ эти годы огромное количество жертвъ.

Распространеніе этой опасной заразы должно въ настоящее время еще болѣе усилиться въ виду тяжелыхъ жизненныхъ и продовольственныхъ условій, а также отчасти вслѣдствіе того, что теперь къ намъ возвращаются изъ Германіи наши военнопленные, среди которыхъ нѣсколько сотъ тысячъ больныхъ туберкулезомъ.

Необходимость борьбы съ туберкулезомъ, такимъ образомъ, очевидна, да она и общепризнана. Можно ли, однако, бороться съ этимъ тяжелымъ недугомъ? Если обратиться къ опыту культурныхъ западно-европейскихъ странъ, мы увидимъ, что борьба съ туберкулезомъ не только возможна, но и при правильной постановкѣ даетъ даже блестящіе результаты. Такъ, напримѣръ, въ Англіи на каждые 10.000 человѣкъ въ 1861 году умирало отъ туберкулеза 25 человѣкъ, а въ 1896 г., послѣ того, какъ были приняты мѣры противъ распространенія этой болѣзни, лишь 13. Отсюда ясно, что съ туберкулезомъ справиться можно, стоитъ только начать планомѣрную, упорную борьбу съ нимъ.

Несомнѣнно, что въ основу борьбы съ туберкулезомъ должно быть положено улучшеніе общихъ гигіеническихъ условій населенія и самой школы; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются и мѣры спеціальнаго характера. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ средствъ борьбы съ этимъ зломъ является перенось школы на лѣтнее время въ деревню, переселеніе городскихъ дѣтей, задыхающихся въ душныхъ улицахъ города, на лѣто за городъ, съ созданіемъ такъ называемыхъ дѣтскихъ колоній.

Лѣсная школа.

Для болѣе слабыхъ и склонныхъ къ заболѣванію туберкулезомъ дѣтей должны организовываться «лѣсныя школы».

Организація «лѣсныхъ школъ» явилась слѣдствіемъ того, что не для всѣхъ дѣтей примѣнимъ нормальный школьный режимъ. Условія обычной городской жизни сами по себѣ очень неблагопріятны для слабыхъ дѣтей. Если къ этому прибавить четыре-пять часовъ пребыванія въ школахъ, даже сносно обставленныхъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что у

болѣе слабыхъ дѣтей обнаруживается къ концу учебнаго года общее ухудшеніе состоянія здоровья.

Для укрѣпленія здоровья такихъ дѣтей необходимо было бы держать ихъ въ колоніяхъ болѣе продолжительное время, захвативъ часть учебнаго года, что вредно отразилось бы на ихъ школьныхъ занятіяхъ.

Это навело на мысль соединенія школы съ колоніей. Идея этихъ школъ сводится къ тому, чтобы дѣти съ мая по октябрь проводили цѣлые дни на свѣжемъ воздухѣ въ лѣсу, соединяя игры со школьными занятіями. Дѣти обычно живутъ дома, по цѣлые дни, съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера, проводятъ на открытомъ воздухѣ въ школѣ, гдѣ получаютъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ; уроки въ этихъ школахъ бываютъ только до полудня, и каждый урокъ продолжается не болѣе получаса. Послѣ обѣда дѣти отдыхаютъ, лежа часа два на кушеткахъ въ лѣсу, затѣмъ устраиваютъ подвижныя игры, гимнастику, огородныя работы и т. п. Въ дождливую погоду все это происходитъ на крытыхъ верандахъ и только въ крайнемъ случаѣ—въ зданіи школы.

Школьныя занятія соотвѣтствуютъ программамъ нормальныхъ школъ, съ преобладаніемъ естественныхъ наукъ, изучаемыхъ на лонѣ природы.

Судя по отчетамъ «лѣсныхъ школъ» въ Шарлоттенбургѣ, близъ Берлина, до 25% дѣтей возвращаются послѣ полугодового пребыванія въ лѣсной школѣ нормальными и совершенно здоровыми, около 60% возвращаются со значительными улучшеніями. Улучшается состояніе здоровья анемичныхъ и золотушныхъ, вѣсъ обычно значительно повышается. Особенно бросается въ глаза повышеніе работоспособности и вниманія дѣтей; только очень маленькій процентъ долженъ вторично вернуться въ лѣсную школу.

Для еще болѣе слабыхъ и больныхъ съ открытымъ туберкулезомъ устраиваются уже настоящіе санаторіи и школы-санаторіи.

Но санаторіи и даже лѣсная школа борются съ болѣзнью уже тогда, когда она развилась. Большого успѣха въ борьбѣ съ туберкулезомъ, какъ соціальнымъ зломъ, мы этимъ путемъ не достигнемъ. Нужно предупреждать самую возможность зарожденія и распространенія болѣзни. Поэтому всюду, во всѣхъ городахъ, а въ такихъ большихъ, какъ Москва, по всѣмъ районамъ города должны организовываться группы борьбы съ туберкулезомъ, которыя берутъ на себя обслѣдованіе условій жизни дѣтей и заботу о нихъ въ районѣ ихъ дѣйствія.

Группы борьбы съ туберкулезомъ состоятъ изъ врачей или изъ помощниковъ врачей. Они посѣщаютъ тѣ семьи, гдѣ должно ждать развитія туберкулеза, улучшаютъ питаніе тамъ, гдѣ оно недостаточно, улучшаютъ санитарныя условія жилищъ и при невозможности этого достигнуть устраиваютъ дѣтей въ общежитія и лѣсныя школы, гдѣ они будутъ жить въ болѣе нормальныхъ условіяхъ. Группами борьбы съ туберкулезомъ устраиваются спеціальныя амбулаторіи для борьбы съ дѣтскимъ туберкулезомъ въ каждомъ районѣ, гдѣ на ряду съ необходимыми медикаментами будутъ даваться молоко и другое дополнительное питаніе, а также открываться дѣтскія столовыя. При амбулаторіи должны быть открыты для ознакомленія населенія небольшія постоянныя выставки по туберкулезу.

Дефективныя дѣти.

Не менѣе необходима и борьба съ умственными и моральными дефектами у дѣтей. Для дѣтей съ неокрѣпшимъ и уже расшатаннымъ характеромъ, со стремленіями, направленными въ дурную сторону, или съ умственной недостаточностью тѣмъ болѣе необходимо правильное воспитаніе, а правильно оно можетъ быть поставлено только подъ руководствомъ врача.

Моральная и умственная дефективность представляетъ собой цѣлую гамму ступеней, начиная отъ самыхъ легкихъ случаевъ умственной отсталости, которая безъ большого труда можетъ быть устранена болѣе внимательной индивидуализаціей личности ребенка, и до самыхъ тяжелыхъ, иногда неизлѣчимыхъ формъ дефективности, которая при буржуазномъ строѣ приводила къ такъ называемой до сихъ поръ «дѣтской преступности».

Школьно-санитарный отдѣлъ считаетъ своей прямой обязанностью дать возможность заняться всесторонним изученіемъ природы дефективнаго ребенка. Съ этой цѣлью онъ организуетъ институтъ дефективнаго ребенка, прямыми и непосредственными задачами котораго будетъ слѣдующее:

1) Изученіе и изслѣдованіе дѣтской дефективности и соціальныхъ факторовъ, съ нею связанныхъ.

2) Подготовка новыхъ кадровъ спеціалистовъ-работниковъ, въ которыхъ теперь ощущается такой огромный недостатокъ. Распространеніе свѣдѣній о воспитаніи дефективныхъ дѣтей.

3) Опытное воспитаніе-обученіе этихъ дѣтей.

Институтъ дефективнаго ребенка.

Въ основу воспитанія въ институтѣ дефективнаго ребенка должны быть положены, во-первыхъ, тщательная индивидуализація, а во-вторыхъ, трудовой характеръ воспитанія, воспитаніе трудовой творческой самодѣятельности.

Институтъ дефективнаго ребенка долженъ состоять изъ пяти болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ между собою частей, а именно:

1) Опытный испытательно-наблюдательный пунктъ-распознаватель и разслѣдователь дефективныхъ дѣтей.

2) Опытная вспомогательная школа для легкихъ случаевъ умственной отсталости.

3) Опытная лѣчебно-воспитательная колонія для болѣе тяжелыхъ формъ дефективности, особенно нравственной.

4) Опытная школа-санаторій для нервно- и психически-больныхъ дѣтей.

5) Опытная лѣчебница для дѣтей, мало поддающихся перевоспитанію какъ съ умственной, такъ и съ моральной стороны.

Учебный отдѣлъ института.

При институтѣ учреждаются постоянные продолжительные (а въ случаѣ надобности краткосрочные) курсы для подготовки спеціалистовъ-врачей и спеціалистовъ-педагоговъ съ практическими занятіями во всѣхъ поименованныхъ испытательныхъ и лѣчебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ.

Широкое распространеніе знаній о дефективныхъ дѣтяхъ и о соціальныхъ проблемахъ, сюда относящихся, осуществляется путемъ лекцій, собесѣдованій и показательнаго осмотра учрежденій института.

Институтъ долженъ приходить на помощь школьно-санитарнымъ подотдѣламъ медико-санитарнаго отдѣла при Совдепахъ и способствовать имъ въ устройствѣ главныхъ типовъ аналогичныхъ учрежденій въ провинціи, каковыми являются вспомогательная школа и лѣчебно-воспитательныя колоніи (особенно для морально-дефективныхъ).

При институтѣ должна быть хорошо снабженная библіотека.

Въ музей института входятъ собранные и систематизированные матеріалы, печатные и иные, а также спеціальныя пособія и, наконецъ, работы воспитанниковъ.

Физическое образованіе.

Вторая чрезвычайно важная задача школьно-санитарнаго дѣла въ Россіи, это—правильная постановка физическаго образованія. Нѣтъ, кажется, націи, гдѣ физическое образованіе находилось бы въ такомъ пренебреженіи, какъ у русской. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы даемъ громадный процентъ заболѣваемости въ дѣтскомъ возрастѣ, чрезвычайно раннюю смертность и особенно раннее одряхлѣніе. Въ то время какъ буржуазные классы вырождаются отъ чрезмѣрнаго питанія и полнаго отсутствія физическаго труда, пролетаріатъ отъ хроническаго недоѣданія и отъ ненормальныхъ условій труда преждевременно дряхлѣетъ и теряетъ трудоспособность. Съ самыхъ первыхъ дней появленія на свѣтъ ребенокъ растетъ въ ненормальныхъ условіяхъ, такъ какъ матери не могутъ или не умѣютъ ходить за своими дѣтьми. Далѣе идетъ школа, гдѣ вслѣдствіе нелѣпыхъ пріемовъ обученія и воспитанія дѣтскій организмъ окончательно уродуется и человѣкъ остается искалѣченнымъ на всю жизнь. Подрастающее поколѣніе не умѣетъ у насъ ни ходить, ни дышать, ни даже ѣсть какъ слѣдуетъ, движенія его связаны. Все это вмѣстѣ развиваетъ тѣ застѣнчивость и подавленность, которыя намъ такъ хорошо знакомы у дѣтей въ школьномъ возрастѣ. Само собой разумѣется, что всестороннее гармоническое развитіе личности возможно лишь при условіи полной реформы буржуазной школы.

Такое полное и всестороннее развитіе личности возможно провести только въ трудовой школѣ, при правильно поставленныхъ методахъ труда. въ связи съ разнаго рода физическими занятіями и упражненіями—лыжнымъ спортомъ, греблей, катаніемъ на конькахъ, подвижными играми и ритмической гимнастикой, дающей возможность такъ овладѣть ритмомъ тѣхъ или другихъ трудовыхъ процессовъ, что самая техника уже не представитъ тѣхъ колоссальныхъ трудностей, требующихъ громадной затраты силъ, какъ это происходитъ въ настоящее время.

Съ вопросами физическаго воспитанія и развитія тѣсно связано научное изученіе трудовыхъ процессовъ. На протяженіи цѣлыхъ столѣтій буржуазія преслѣдовала цѣли самой безчеловѣчной эксплоатаціи трудящихся массъ, при чемъ жизнь и здоровье пролетаріата совершенно не принимались во вниманіе. Ужасныя условія труда на фабрикахъ и мастерскихъ, недостаточное питаніе, почти полное отсутствіе элементарной медицинской помощи, мракъ невѣжества,—вотъ тѣ цѣпи, въ которыхъ крѣпко держали народныя массы. Въ настоящее время, когда Совѣтская власть энергично взялась за коренное переустройство всѣхъ сторонъ жизни, изученіе трудовыхъ процессовъ и выработка правильныхъ навыковъ, съ устраненіемъ вредныхъ условій труда, которыя калѣчили человѣческую личность, есть прямая обязанность тѣхъ органовъ власти, въ рукахъ которыхъ воспитаніе подрастающаго поколѣнія. Въ противномъ случаѣ пролетаріатъ будетъ обреченъ на медленное и мучительное вымираніе. И по мѣрѣ того, какъ интересъ къ физическому образованію у реформаторовъ старой школы все увеличивается, по мѣрѣ того, какъ всѣми стало чувствоваться, что реформа школы неполноцѣнна, если не будетъ цѣлесообразно разрѣшенъ вопросъ о правильной постановкѣ физическаго образованія въ Единой Школѣ, передъ школьно-санитарнымъ совѣтомъ сталъ вопросъ о необходимости созданія въ кратчайшій срокъ научнаго института, который сталъ бы разсадникомъ новыхъ знаній въ этой области, до сихъ поръ мало еще разработанной не только у насъ, но и на Западѣ. Ставя себѣ цѣлью научно подготовлять инструкторовъ и руководителей физическаго образованія въ Россіи, институтъ физической культуры долженъ также слу-

жить лабораторіей для тѣхъ молодыхъ творческихъ силъ страны, которыя желаютъ посвятить себя разработкѣ вопросовъ этой новой научной дисциплины.

Такимъ образомъ, сюда входитъ громадная масса вопросовъ о физическомъ дошкольномъ развитіи, о правильной постановкѣ физическаго развитія въ школѣ, о трудовыхъ процессахъ и т. д.

Сложность этой проблемы заставила поручить ея разработку особому учрежденію, гдѣ коллективнымъ трудомъ многихъ спеціалистовъ можно было бы достигнуть извѣстныхъ результатовъ. Кромѣ того, институтъ беретъ на себя задачу подготовлять инструкторовъ для распространенія среди трудящихся массъ и въ школахъ правильныхъ понятій о физическомъ развитіи.

Для достиженія поставленныхъ цѣлей при институтѣ физической культуры должны быть организованы: во-первыхъ, научная лабораторія, во-вторыхъ, лекціи и практическія занятія, въ-третьихъ, музей, въ-четвертыхъ, библіотека, въ-пятыхъ, изданіе трудовъ, въ-шестыхъ, показательныя мастерскія для изученія трудовыхъ процессовъ. Въ качествѣ практическаго испытанія всѣхъ научныхъ методовъ открывается опытная трудовая школа.

При институтѣ физической культуры для военной подготовки подростковъ образовались группы содѣйствія. Группы содѣйствія занялись организаціей трудовыхъ дружинъ юныхъ коммунистовъ, такъ называемыхъ «юковъ», которыя, объединяя подрастающую молодежь коммунистическими принципами и устраивая ихъ жизнь на трудовыхъ началахъ внѣ тѣсной семейной обстановки, дадутъ намъ въ будущемъ готовые отряды юныхъ борцовъ за соціализмъ, новое поколѣніе сознательныхъ и физически развитыхъ гражданъ, которымъ будутъ дороги коммунистическія начала обновленной Россіи.

Преподаваніе гигіены въ школѣ.

Одной изъ самыхъ важныхъ задачъ школьнаго врача является преподаваніе въ школѣ гигіены и подача первой помощи. Это особенно важно въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, потому что въ такихъ мѣстахъ врачъ является иногда единственнымъ источникомъ гигіеническихъ свѣдѣній. Преподаваніе гигіены въ школѣ первой ступени должно вестись въ формѣ живыхъ бесѣдъ, исходя отъ извѣстныхъ дѣтямъ жизненныхъ фактовъ. Но отнюдь не должно закрывать отъ учащихся доступные ихъ пониманію широкіе горизонты науки. Гигіена первой ступени должна рисовать передъ учащимися идеалъ гармонически развитаго и всесторонне здороваго человѣка, указывая ему на пути культивированія разныхъ сторонъ его организма. Такая гигіена должна пропитывать всѣ поры школы первой ступени съ перваго и до послѣдняго часа пребыванія ребенка въ школѣ, подчиняя требованіямъ гигіены все, начиная съ мѣста положенія, зданія школы и кончая чистотой учебниковъ и рукъ учащихся, прививая имъ шагъ за шагомъ стойкіе гигіеническіе привычки и навыки.

Въ школѣ второй ступени гигіена уже должна пониматься какъ наука о здоровьѣ человѣка во всей широтѣ этого вопроса,—наука, не только указывающая на пути и способы охраны здоровья человѣка, но и толкающая человѣчество къ идеалу гармонично и всесторонне развитаго человѣческаго организма. Такая гигіена должна исходить изъ жизни и возвращаться къ ней, т.-е. быть не сухой отвлеченной наукой, а наукой, освѣщающей по возможности всѣ факты физическаго существованія человѣка,—наукой, выковывающей изъ опыта и знаній, накопленныхъ человѣчествомъ, могучее орудіе для защиты его жизни и здоровья.

Къ преподаванію гигіены тѣсно примыкаетъ и преподаваніе подачи первой помощи, необходимымъ знаніемъ которой долженъ быть вооруженъ каждый человѣкъ.

Распространеніе же среди широкихъ массъ населенія основныхъ понятій о гигіенѣ и о борьбѣ съ заразными болѣзнями тоже входитъ въ обязанности дѣятелей по школьной санитаріи. Съ этими цѣлями должны организовываться популярныя лекціи по гигіенѣ и медицинѣ, съ широкимъ использованіемъ кинематографа и привлеченіемъ самого населенія для фактическаго проведенія въ жизнь мѣропріятій, намѣчаемыхъ лекціями (использованіе противохолерныхъ прививокъ, уничтоженіе насѣкомыхъ, проведеніе въ жизнь принциповъ чистоты и т. д.). Вмѣстѣ съ лекціями должны устраиваться и небольшія подвижныя витрины, показательныя библіотеки популярныхъ брошюръ по данному вопросу и продажа на мѣстахъ лучшихъ изъ нихъ.

Подготовка школьныхъ врачей.

Принимая во вниманіе непозволительное пренебреженіе здоровьемъ ребенка въ школѣ, учитывая, какъ мало сдѣлано въ дѣлѣ подготовки школьныхъ врачей для выработки изъ нихъ истинныхъ защитниковъ дѣтскаго здоровья въ школѣ, мы видимъ, какое огромное поле дѣятельности для центральныхъ школьно-санитарныхъ учрежденій открывается въ области подготовки школьныхъ врачей.

Школьная санитарія въ новой трудовой школѣ, охрана здоровья дѣтей и правильная постановка физическаго ихъ образованія являются настоятельной задачей школы. Возникаетъ огромный спросъ на школьныхъ врачей, особенно если принять во вниманіе, что школьные врачи нужны не только для городскихъ школъ, но и для сельскихъ, хотя бы одинъ врачъ на нѣсколько волостей.

Отвѣчая на этотъ запросъ, школьно-санитарный отдѣлъ временно организовываетъ трехмѣсячные курсы для школьныхъ врачей-инструкторовъ, разсчитывая, что преподаваніе гигіены и подготовка врачей найдутъ мѣсто въ высшей медицинской школѣ, обновленной и отвѣчающей пролетарскимъ требованіямъ, изъ которыхъ первымъ является охрана здоровья дѣтей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести двѣ цифры, и онѣ скажутъ краснорѣчивѣе всѣхъ длинныхъ разсужденій о томъ, что сдѣлало рабоче-крестьянское правительство въ области школьной санитаріи съ октября 1917 года на томъ пустомъ мѣстѣ, которое представляло собою школьно-санитарное дѣло при буржуазныхъ правительствахъ, какъ царскомъ, такъ и соглашательскомъ—Керенскаго.

Отдѣлъ школьныхъ трудовыхъ колоній отошелъ ко второму полугодію 1918 года изъ школьно-санитарнаго отдѣла въ отдѣлъ Единой Школы и все же сумѣлъ со скромной цифры въ 464.170 р. перваго полугодія 1918 г. возрасти до огромной суммы въ 5.966.219 рублей, исчисленной на второе полугодіе 1918 г.

Если показательное *тире*, стоящее въ смѣтѣ на весь 1917 г. противъ школьно-санитарнаго отдѣла, указываетъ, какъ мало дѣлали и даже не думали о школьной санитаріи при буржуазномъ правительствѣ, какъ Николая Романова, такъ и Керенскаго, врачи-чиновники министерства, то колоссальный ростъ смѣты на второе полугодіе 1918 года свидѣтельствуетъ, что можетъ и должно сдѣлать рабоче-крестьянское правительство для здоровья дѣтей, если во главѣ дѣла станетъ пролетарскій органъ, каковымъ явился главный школьно-санитарный совѣтъ.

Вся работа необходимо должна итти совмѣстно съ пролетарскими организаціями. Только тогда она будетъ жизненна и дѣйствительно плодотворна.

И теперь мы уже можемъ видѣть, что участіе пролетаріата въ созданіи своей школы дало результаты. Повсюду уже новая полная жизнь; пролетарская трудовая школа начинаетъ смѣнять отжившую схоластическую школу-учебу стараго режима.

Такія школы сначала начали возникать сами собою, создаваться самимъ населеніемъ, и теперь въ концѣ года пролетарской диктатуры онѣ покроютъ сплошною сѣтью всю Совѣтскую Россію.

Подрастающее поколѣніе пропикается живымъ духомъ инициативы и труда, и на смѣну пынѣшнему пролетаріату, сбросившему старые оковы и завоевавшему своимъ дѣтямъ новый строй жизни, выступитъ новое поколѣніе, вооруженное уже серьезными знаніями и достаточно подготовленное къ дальнѣйшей борьбѣ и къ новымъ побѣдамъ надъ природой и пережитками стараго строя. Жизнь не вернется назадъ. Создается новое поколѣніе. На насъ лежитъ тяжелая и почетная обязанность сдѣлать первые шаги въ этой творческой работѣ, и, несмотря на всѣ подводные камни на этомъ пути, мы можемъ смѣло сказать, что родился новый міръ.

Вѣра Бонч-Бруевичъ.

Октябрьскій цеус отъ

ОТДѢЛЪ IV.

ПРОЛЕТАРІАТЪ И ПРАВО.

Пролетарское право.

«Весь міръ насилья мы разроемъ
До основанья, а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ».

I.

Понимая право въ буржуазномъ смыслѣ, мы о пролетарскомъ правѣ и говорить не можемъ, ибо цѣль самой соціалистической революціи заключается въ упраздненіи этого права, въ замѣнѣ его новымъ соціалистическимъ порядкомъ. Для буржуазнаго правовѣда слово «право» неразрывно связано съ понятіемъ государства, какъ органа охраны, орудія принужденія въ рукахъ господствующаго класса. Съ паденіемъ или, правильнѣе, отмираніемъ государства естественно падаетъ, отмираетъ и право въ буржуазномъ смыслѣ. О пролетарскомъ же правѣ мы можемъ говорить лишь какъ о правѣ переходнаго времени, періода диктатуры пролетаріата, или уже о правѣ соціалистическаго общества въ совершенно новомъ смыслѣ этого слова, ибо съ устраненіемъ государства, какъ органа угнетенія въ рукахъ того или иного класса, взаимоотношенія людей, соціальный порядокъ будутъ регулироваться не принужденіемъ, а сознательной доброй волей трудящихся, т.-е. всего новаго общества.

Задачи буржуазныхъ революцій въ этомъ отношеніи были значительно легче, чѣмъ задачи революціи соціалистической. Извѣстны революціонныя слова Вольтера: «Если вы хотите имѣть хорошіе законы, жгите свои старые и творите новые». Но мы знаемъ, какъ мало исполнялись эти слова буржуазными переворотами, хотя бы даже самымъ рѣшительнымъ изъ нихъ, Великой Французской Революціей. Она безпощадно жгла замки феодаловъ и крѣпостные акты на эти замки, она упразднила привилегіи и ихъ держателей, она смѣнила весь феодальный строй буржуазнымъ. Но самое угнетеніе человѣка человѣкомъ осталось, и даже старые законы оказались несожженными и продолжали примѣняться. Правовой памятникъ французской революціи, «Code civile» Наполеона, былъ написанъ лишь черезъ 10 лѣтъ послѣ революціи (въ 1804 г.), когда побѣдила контръ-революція, не говоря уже о чисто контръ-революціонныхъ кодексахъ, какъ объ уставѣ судопроизводства и уголовномъ уложеніи (въ 1808 и 1810 гг.).

Марксъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ сочиненій (1843 г.) ярко рисуетъ основную разницу между революціями буржуазными и соціалистическими: «Буржуазная революція растворяетъ старыя феодальныя формы организаціи путемъ политическаго освобожденія самостоятельной личности, но не придавая новой формы экономической связанности и подчиненности этой личности... Она раздѣляетъ личность на гражданина и человѣка,

при чемъ всѣ экономическія общественныя отношенія гражданъ относятся къ сферѣ ихъ личныхъ дѣлъ, стоящихъ внѣ интересовъ государства». «Человѣкъ какъ будто ведетъ двойную жизнь, небесную и земную, жизнь въ политическомъ общежитіи, гдѣ онъ чувствуетъ себя гражданиномъ, и жизнь въ буржуазномъ обществѣ, гдѣ онъ дѣйствуетъ какъ частное лицо, и либо смотритъ на другихъ людей, какъ на средства, либо самъ унижается до роли средства или игрушки въ чужихъ рукахъ». Частные интересы должны подчиняться интересамъ общимъ, ибо сытъ ли человѣкъ въ буржуазномъ государствѣ, или нѣтъ, долженъ ли онъ до глубокой старости изнемогать въ непосильномъ трудѣ за жалкое существованіе, остается ли у него время для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, это—частное дѣло, эгоистическій интересъ каждой отдѣльной личности, до которыхъ нѣтъ дѣла государству. «Государство можетъ превратиться въ свободное государство (Freistaat, означаетъ и республику), не превращая человѣка въ человѣка свободнаго».

Для буржуазной революціи достаточно было, смотря по ея рѣшительности, поставить у власти вмѣсто одного класса или совмѣстно съ нимъ другой, измѣнить форму организаціи государственной власти. А способъ угнетенія свободно мѣнялся и безъ существенной перемѣны въ текстѣ закона. Какъ разъ постоянство закона кажется самымъ существеннымъ устоемъ человѣческаго общества, поскольку оно основано на принципѣ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Такъ, законы рабовладѣльческаго Рима переживаютъ не только феодальный строй, но и всѣ фазисы развитія капитализма, вплоть до имперіализма.

«Es erben sich, Gesetz und Rechte
Wie eine ewige Krankheit fort».

(«Законъ и право переходятъ по наслѣдству, какъ вѣчная болѣзнь. Гете»).

Буржуазная революція не только не всегда слушалась словъ Вольтера и не такъ ужъ рѣшительно жгла старые законы, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда старые законы были сожжены, этого оказалось недостаточно, чтобы ихъ искоренить изъ памяти и обращенія людей. «Человѣческій умъ это — надежный складъ, въ которомъ каменныя скрижали Моисея съ его завѣтами являются столь же дѣйствительными фактами, какъ и всякое новѣйшее правительственное распоряженіе о хлѣбныхъ карточкахъ, въ немъ древне-историческое переплетается съ современнымъ въ единую и равносильную дѣйствительность» (Реннеръ). Отсюда и берутъ начало всѣ теоріи о божественномъ происхожденіи такихъ институтовъ, какъ священная собственность, о «прирожденномъ» характерѣ сословныхъ привилегій, или объ «естественномъ правѣ» хозяина на услуги рабочаго и т. д.

Какъ соціализмъ въ теоріи является безпощадной критикой всего существующаго, такъ и пролетарская революція является прежде всего безпощаднымъ разрушителемъ всего существующаго государственнаго и общественнаго строя. Она сразу нарушаетъ двѣ статьи царскаго уголовнаго уложенія, стт. 100 и 126, и освобождаетъ прокуроровъ контръ-революціи отъ лишнихъ разсужденій: подвести ли данную революцію подъ ст. 100 (карающую за буржуазную или политическую революцію, за «ниспроверженіе государственной власти»), или ст. 126 (имѣющую въ виду соціалистическій переворотъ, «ниспроверженіе общественнаго строя»).

И какъ во всемъ, такъ и въ области права, пролетарская революція впервые сознательно и безповоротно проводитъ требованія истиннаго демократизма. Она проводитъ въ жизнь слова Вольтера и торжественно бросаетъ на костеръ всѣ 16 томовъ «Свода законовъ Россійской имперіи» вмѣстѣ съ самой имперіей и ея имперіализмомъ. И напрасно изъ уцѣ-

лѣвшихъ въ этомъ пожарищѣ и обожженныхъ листочковъ нѣкоторые изъ нашихъ революціонеровъ стали кроить «уложеніе русской революціи», вмѣсто того, чтобы закрѣпить въ статьи дѣйствительныя завоеванія пролетарской революціи или отмѣтить вѣхи для правильнаго ея теченія,— другими словами, чтобы творить новые, дѣйствительно революціонные законы.

Пролетарская революція обязываетъ къ творчеству. Она должна быть смѣла не только въ разрушительной работѣ, но и въ правосозидательной роли. И совершенно неумѣстны, казалось бы, въ декретахъ Рабоче-Крестьянскаго Правительства ссылки на прежніе законы мирнаго или военнаго времени, тогда какъ эти законы прежнихъ правительствъ должны представлять пустое мѣсто.

Но соціалистическій переворотъ не есть простой прыжокъ въ неизвѣстное. Это—длительный, болѣе или менѣе продолжительный процессъ гражданской войны, въ результатѣ которой буржуазный общественный строй съ его дѣленіемъ на классы угнетателей и угнетенныхъ перерождается въ соціалистическій. И этотъ переходный періодъ требуетъ особаго права переходнаго времени отчасти потому, что самый строй мѣняется не въ одинъ мигъ, отчасти же потому, что старый строй продолжаетъ жить въ головахъ людей, какъ традиція прошлаго. И это особенно чувствуется въ рядахъ тѣхъ слоевъ пролетаріата, которые только что пробуждаются и пока «вращаются въ традиціонной идеологіи и умственно питаются объѣдками буржуазіи».

Рабоче-крестьянская революція нашла формулу, вѣрно рѣшающую задачу. Въ декретѣ о судѣ (№ 1) мы читали, что новые суды «руководятся въ своихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ законами свергнутыхъ правительствъ лишь постольку, поскольку таковые не отмѣнены революціей и не противорѣчатъ революціонной совѣсти и революціонному правосознанію».

Это, съ одной стороны, было отвѣтомъ на всѣ попытки сохраненія старыхъ законовъ, хотя и сожженныхъ, но все-таки живущихъ въ головахъ людей: «лишь постольку, поскольку», а съ другой—это былъ отвѣтъ тѣмъ, кто насъ упрекалъ въ анархическихъ тенденціяхъ именно за отверженіе законовъ прежнихъ правительствъ, а упрекали насъ какъ разъ наши марксисты (съ правой стороны). Я отвѣтилъ этимъ нашимъ оппонентамъ слѣдующей цитатой: «Господа, что вы понимаете подъ отстаиваніемъ законности? Отстаиваніе права, относящагося къ прошлой общественной эпохѣ,—права, выработаннаго представителями исчезнувшихъ или исчезающихъ общественныхъ интересовъ, стоящихъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ потребностями общества? Строй не основывается на законахъ. Это—лишь юридическій предразсудокъ. Законъ, напротивъ, долженъ исходить изъ даннаго общественнаго строя... Законы неизбѣжно мѣняются вмѣстѣ съ мѣняющимися условіями жизни. Отстаиваніе старыхъ законовъ противъ новыхъ нуждъ и требованій общественнаго развитія является въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ лицемѣрной защитой отжившихъ сепаратныхъ интересовъ противъ современныхъ интересовъ всего общества. Подобными защитниками законности объявляются господствующими сепаратные интересы, которые въ дѣйствительности болѣе не являются господствующими. Защита эта навязываетъ обществу законы, противорѣчащіе условіямъ жизни, средствамъ сообщенія и даже самому способу производства... Такія фразы о законности исходятъ либо изъ сознательнаго обмана, либо изъ безсознательнаго самообмана».

И что же? Нашлись марксисты, которые и эту цитату объявили анархистской, и мнѣ пришлось открыть имъ секретъ, что эта цитата взята дословно изъ извѣстной рѣчи К. Маркса передъ кельнскими при-

сяжными засѣдателями. Нѣтъ, мы не анархисты, а, напротивъ, придаемъ большое, можетъ-быть, подчасъ даже чрезмѣрное значеніе законамъ, но только законамъ новаго строя. И эти законы настолько же соотвѣтствуютъ старымъ законамъ, насколько новый строй можетъ быть согласованъ съ отвергнутымъ или отмирающимъ строемъ.

II.

«Вся власть отнынѣ принадлежитъ Совѣтамъ. Комиссары бывшаго Временнаго Правительства отстраняются. Предсѣдатели Совѣтовъ сносятся непосредственно съ Революціоннымъ Правительствомъ». Таковъ былъ декретъ (№ 5) II Всероссійскаго Съѣзда, положившій основу пролетарскому праву въ полномъ его объемѣ. Намъ нечего останавливаться на томъ, какъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ буржуазнаго какъ чистаго, такъ и коалиціоннаго революціоннаго Правительства Совѣты неоднократно доходили до момента, остро ставившаго вопросъ о взятіи въ свои руки всей власти. Но естественно, что дѣйствительно взять всю власть въ свои руки могли только Совѣты, стоящіе на точкѣ зрѣнія диктатуры пролетаріата и соціалистической революціи, ибо ни у кого не было сомнѣній, что ни буржуазія, ни ея союзники по контръ-революціи помѣщики съ княземъ Львовымъ во главѣ добровольно, безъ боя, власти изъ рукъ не упустятъ:—«Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой».

Если вспомнить дни первой февральской революціи, то мы замѣчаемъ извѣстное сходство: тогда власть на мѣстахъ перешла къ комиссарамъ, каковыми Временное Правительство механически назначило однимъ росчеркомъ пера предсѣдателей земскихъ управъ и городскихъ головъ. Мѣстная власть, такимъ образомъ, очутилась въ рукахъ организованныхъ въ земско-городской союзъ буржуазіи и аграріевъ съ кн. Львовымъ, какъ предсѣдателемъ «Земгора», во главѣ. Лишь постепенно часть комиссаровъ на мѣстахъ подъ давленіемъ революціоннаго народа замѣнялась чисто-буржуазнымъ или даже революціоннымъ элементомъ, а въ іюлѣ былъ вынужденъ уйти и кн. Львовъ. Замѣна Временнаго Правительства Рабоче-Крестьянскимъ Правительствомъ, а на мѣстахъ—власти буржуазныхъ комиссаровъ Пролетарско-Крестьянскими Совѣтами устранила отъ власти классъ буржуазіи и поставила на ея мѣсто классъ пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства. И это все! Цензъ имущества замѣненъ цензомъ труда. Капиталъ у власти замѣненъ трудомъ:—«Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ»

Долгое время все пролетарское государственное право исчерпывалось декретомъ (№ 5) изъ двухъ строчекъ. Лишь въ январѣ появилось новое названіе Совѣтской Россіи: «Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика». Тогда же декларація Съѣзда установила извѣстные основные принципы Совѣтской власти. И лишь на V Всероссійскомъ Съѣздѣ 10 іюля 1918 г. утверждена конституція Р. С. Ф. С. Республики. Но конституція эта повторяетъ и закрѣпляетъ лишь то, что уже существуетъ, и что является простымъ выводомъ изъ декрета № 5 о всей власти Совѣтамъ. Это только письменное изложеніе пролетарскаго творчества.

Но переходъ всей власти къ Совѣтамъ одновременно разрушилъ не только государственный строй, но и строй общественный. Рабоче-Крестьянская Совѣтская Республика, какъ всякое государство, также является государствомъ классовымъ, но его задача — не угнетеніе неимущихъ въ интересахъ кучки богачей, а наоборотъ, диктатура неимущихъ, т.-е. громаднаго большинства, для «подавленія ничтожнаго по числу меньшинства

шинства, т.-е. буржуазіи, съ цѣлью уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и водворенія соціализма, при которомъ не будетъ ни дѣленія на классы, ни государственной власти». Въ Совѣтской республикѣ вновь происходитъ объединеніе въ единое цѣлое трудящагося гражданина съ трудящимся человѣкомъ

Всякая пролетарская революція начинаетъ съ того, что она на дѣлѣ разбиваетъ словесную теорію Монтескье о раздѣленіи властей. Взгляните на Сов. Раб. Депутатовъ въ Петроградѣ или на Федеративный Комитетъ въ Ригѣ въ 1905 году: туда направлялись всѣ не только за политической защитой и совѣтами, за законами и правительственными распоряженіями, но даже и по судебнымъ дѣламъ, не исключая гражданскихъ споровъ. Слѣдственныя комиссіи при Военно-Революціонныхъ Комитетахъ въ 1917 году были тѣми же органами власти, куда обращались даже по бракоразводнымъ дѣламъ. А Совѣтская власть съ 25 октября 1917 года въ Р. С. Ф. С. Р. является одновременно властью законодательной и исполнительной, а равно и судебной. Она не отрицаетъ техническаго дѣленія труда, но она отказывается отъ лицемѣрныхъ теорій независимости одной власти отъ другой. Диктатура пролетаріата и крестьянской бѣдноты является единой мощной Совѣтской властью.

Мы знаемъ, какъ Парижская Коммуна «разбила и сломала всю буржуазную машину; даже судейскіе чины потеряли свою кажущуюся независимость: они должны были впредь избираться открыто, быть отвѣтственными и смѣняемыми».

Революція 25 октября продолжала опытъ Парижской Коммуны во всероссійскомъ масштабѣ. Постоянное войско и полиція, какъ мы знаемъ, были уже сломлены до 25 октября. Революція 25 октября своимъ декретомъ отъ 28 октября о переходѣ всей власти повсемѣстно къ Совѣтамъ принципіально разбила весь аппаратъ стараго чиновничества. Но только принципіально, а не фактически. Потребовались забастовка и саботажъ буржуазнаго чиновничества, чтобы его разбить и фактически. А судъ? Несмотря на то, что старый судъ продолжалъ произносить приговоры отъ имени Временнаго Правительства, всюду, гдѣ пролетарская революція уже побѣдила, потребовалось много усилій, чтобы убѣдить товарищей въ необходимости упразднить старый судъ. Я сказалъ бы, что въ дѣйствіяхъ, напр., противъ саботажа чиновъ продовольственной управы наши революціонеры были болѣе рѣшительны, чѣмъ противъ суда. Какъ разъ потому, что судъ казался чѣмъ-то постороннимъ, революція въ теченіе цѣлаго мѣсяца допускала, чтобы по сотнямъ камеръ въ собственномъ станѣ проводилась открытая легальная агитація за Временное Правительство, противъ сторонниковъ котораго тутъ же велась вооруженная борьба.

Массы еще до октября относились съ полнымъ недовѣріемъ къ старому суду. Это недовѣріе наглядно проявлялось въ ихъ попыткахъ создавать свои революціонные суды,—напр., на Выборгской сторонѣ въ Петроградѣ, въ Красномъ Кронштадтѣ и т. д. Но въ то время, какъ народныя массы фактически упразднили старые суды, среди товарищей во главѣ Рабоче-Крестьянскаго Правительства не сразу побѣдила такая, хотя и смѣлая, но естественная мысль. Лишь 24 ноября 1917 года появился декретъ о судѣ (№ 1), упраздняющій всѣ безъ изъятія старые суды. И только 4 декабря 1917 г. былъ фактически закрытъ Правительствующій Сенатъ, послѣ того какъ онъ еще наканунѣ собирался выпустить въ печати свой указъ-прокламацію противъ большевиковъ, и не выпустилъ его только потому, что рабочіе Сенатской типографіи, а затѣмъ машинисты Сената отказались отъ его воспроизведенія.

Декретъ хотя и вводитъ особую судебную власть, но это только техническое раздѣленіе труда, ибо онъ эту власть передаетъ не особой кастѣ судебныхъ дѣятелей, но народному суду изъ рабочихъ же. И если мы еще въ декретѣ допустили изъятіе для предсѣдателей Народнаго Суда, призывая на эти мѣста старыхъ судей (ст. 2 декрета гласитъ: «прежніе мировые судьи не лишаются права при изъявленіи ими на то согласія, быть избранными въ мѣстные (народные) судьи»), то саботажъ и забастовка старыхъ судей спасли насъ отъ ихъ участія въ творчествѣ Народнаго Пролетарскаго Суда. Ибо по опыту провинціи, гдѣ старые судьи не вездѣ бастовали, мы должны сказать, что правотворческая роль Народнаго Суда здѣсь стоитъ значительно ниже, чѣмъ тамъ, гдѣ они отсутствуютъ. Формальная сторона рѣшеній у нихъ, можетъ-быть, въ общемъ и лучше, чѣмъ въ чисто рабочемъ или Рабоче-Крестьянскомъ Судѣ, но рѣшенія ихъ пестрятъ ссылками на разныя статьи того или иного тома Свода Зак., завѣдомо сожженныхъ въ великомъ пожарищѣ 25 октября 1917 г., а оригинальная мысль отсутствуетъ.

Такъ пролетарская революція пріобрѣла новую силу, участвующую въ ея созидательной работѣ,—Народный Судъ. Бывали моменты въ исторіи, когда и буржуазные юристы путемъ судебныхъ рѣшеній творили право. Но они это творчество понимали или понимаютъ, какъ примѣненіе старыхъ прецедентовъ (помните щедринскій «Кашинскій Судъ, въ которомъ установился прецедентъ»), или какъ рецепцію, т.-е. позаимствованіе уже существовавшаго (напр., римскаго) права, и т. д. Но Народному Суду рабоче-крестьянскаго государства позаимствовать неоткуда. Напротивъ, всякое позаимствованіе ведетъ къ сознательной или безсознательной контръ-революціи. Народный Судъ оправдалъ наши надежды, и мы оказались правыми, утверждая, что пролетарское право приводитъ къ упрощенію взаимоотношеній людей, ибо мы всегда считали безсмыслицей требовать отъ гражданъ обязательнаго подчиненія законамъ, которые имъ непонятны, и величайшимъ лицемѣріемъ говорить о справедливости въ государствѣ, гдѣ знаніе всѣхъ законовъ обязательно (ибо ихъ незнаніемъ отговариваться не разрѣшается), а въ то же время эти законы настолько сложны, что ихъ понимать и вѣрно толковать могутъ только спеціалисты-юристы.

Я не отрицаю, что помощь теоріи и Народному Суду необходима, но теоріи не буржуазной, а соціалистической. И поэтому я для пролетарскаго правотворчества ожидаю большихъ успѣховъ отъ новой «Соціалистической академіи общественныхъ наукъ», народныхъ университетовъ и т. д. Имъ предстоитъ громадная работа—освободить головы пролетаріата отъ буржуазнаго образа мышленія, не говоря уже о снабженіи ихъ общеобразовательными познаніями. Тогда въ Совѣтахъ и совѣтскихъ учрежденіяхъ пролетарская правосознательная работа освободится отъ послѣднихъ остатковъ буржуазной опеки.

III.

Пролетарской революціи на первыхъ порахъ представилась чрезвычайно трудная задача. Старыхъ законовъ она признавать не могла, но создать новые кодексы не такъ ужъ легко. Допустимъ, что мы будемъ работать быстрѣе, чѣмъ французская революція, гражданскій кодексъ которой вышелъ въ свѣтъ лишь черезъ 10 лѣтъ послѣ революціи,—все-таки пройдутъ мѣсяцы, пока не будутъ написаны новые законы. Вдобавокъ взаимоотношенія людей въ переходное время не отличаются постоянствомъ, и говорить о закрѣпленномъ на письмѣ правѣ переходнаго момента можно только со значительными оговорками.

Я уже сказалъ, что декретъ о судѣ ввелъ извѣстную формулу для признанія старыхъ законовъ «лишь постольку, поскольку они не отмѣнены революціей и не противорѣчатъ революціонной совѣсти и революціонному самосознанію». Но примѣчаніе къ ст. 5 сверхъ того поясняетъ, что объективно должны считаться «отмѣненными всѣ законы, противорѣчащіе декретамъ Ц. И. К. и Раб.-Крест. Правительства, а также программамъ-минимумъ Р. С.-Д. Р. П. и партіи С.-Р.». Мнѣ нынѣ не приходится вдаваться въ полемику по поводу послѣдней фразы, ибо мы уже на фактахъ можемъ провѣрить ея цѣлесообразность и глубокій ея смыслъ.

Въ обѣихъ программахъ-минимумъ партій, побѣдившихъ въ революціи, содержится требованіе отмѣны сословныхъ различій, а равно отмѣны частной помѣщичьей собственности на землю. 8 мѣсяцевъ революціи прошло, а требованія эти, сами по себѣ буржуазно-демократическія, не были даже поставлены. Напротивъ, до іюля во главѣ Временнаго Правительства стоялъ князь Львовъ, а крестьянскія возстанія противъ помѣщиковъ подавлялись помѣщиками-комиссарами военной силой. И вотъ Революція 25 октября декретомъ № 3 объявляетъ помѣщичью собственность на землю отмѣненной безъ выкупа, а декретомъ № 31 (12 ноября 1917 года) уничтожаетъ сословія и гражданскіе чины. Это—не просто словесная декларація, это—раскрѣпощеніе русской деревни на дѣлѣ. И, конечно, основное значеніе имѣетъ первый, т.-е. декретъ о землѣ, ибо до сихъ поръ еще не изданъ декретъ, карающій за пользованіе отмѣненными титулами, и даже неизвѣстно, будетъ ли вообще таковой изданъ, а ни у кого уже нѣтъ сомнѣнія, что дворянское сословіе и Совѣтская Власть—понятія несоединимыя. Дворянство въ Россіи исчезло, и можетъ вернуться только путемъ контръ-революціи, и то лишь на короткое время.

Во всѣхъ соціалистическихъ программахъ мы читаемъ требованіе объ отдѣленіи церкви отъ государства и школы отъ церкви. И опять та же картина: за 8 мѣсяцевъ первой революціи всѣ молчатъ объ этомъ требованіи. Мало того: когда 23 января 1918 года (декретъ № 263) былъ опубликованъ декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и школы отъ церкви, наши тоже-соціалисты пугали насъ, что этотъ декретъ ужъ во всякомъ случаѣ приведетъ къ гибели Совѣтской власти. А «учредиловцы» въ своемъ районѣ его прямо отмѣняютъ. Но въ дѣйствительности Совѣтская власть легко выдерживаетъ борьбу съ церковью. Крестные ходы уже перестали быть грозными демонстраціями, а изъ деревни учащаются извѣстія о томъ, какъ крестьяне сами изгоняютъ своихъ поповъ. И это несмотря на то, что какъ разъ по этому вопросу совѣтская агитація шла очень вяло до самаго послѣдняго времени. Конечно, въ будущемъ главная роль въ этомъ отношеніи будетъ принадлежать совѣтской школѣ.

Это все изъ области политической, касающейся человѣка-гражданина. Но обратимся къ человѣку, какъ частному лицу. Впервые здѣсь право приступаетъ къ раскрѣпощенію человѣка на дѣлѣ, а не только на словахъ. Когда въ свое время освобождали крестьянъ, освободили ихъ лично, но помѣщики «токмо оставили» за собой право на землю. Мы видѣли уже, что эту несправедливость октябрьская революція исправила въ первую очередь. Но она идетъ дальше и вноситъ раскрѣпощеніе иного рода: 8-часовой рабочій день, а вслѣдъ за тѣмъ націонализацію одного производства за другимъ. Отъ свободы договора революція перешагнула къ трудовой повинности, а рядомъ съ этимъ заработная плата переходитъ въ соціальное обезпеченіе по принципу прожиточнаго минимума. Мы хорошо знаемъ, что это еще не достигнуто и что при нашихъ дореволюціонныхъ усло-

віяхъ чрезмѣрной разницы между высшимъ и низшимъ заработкомъ это чрезвычайно трудно и, можетъ-быть, обязательно должно привести къ временному всеобщему недоѣданію. Мы допускаемъ даже мысль, что временно, но одинаково для всѣхъ придется повысить рабочій день, если производительность не поднимется или даже понизится.

Но, разсматривая эти вопросы съ точки зрѣнія буржуазнаго права, мы теряемъ всякую почву. Гдѣ же тутъ свобода договора? А при обязательной работѣ обязанность работать одновременно смѣшивается съ правомъ на работу. А «право на лѣнь» (остроумно выставленное Лафаргомъ) въ противоположность праву на трудъ превратится въ обязательный отдыхъ (лѣнь) въ интересахъ народнаго здравія. Гдѣ найти точку опоры буржуазному правовѣду, если право превращается въ обязанность, а обязанность перескакиваетъ право?

Пролетарское право развѣнчало договорное начало, и будущія поколѣнія не безъ иронической улыбки будутъ читать въ нѣкоемъ проектѣ «Уголовнаго Уложенія 1918 г.» попытку даже отношенія красноармейца къ Р. С. Ф. С. Республикѣ поставить на чисто договорную почву, привлекая къ уголовной отвѣтственности забывшаго свою пролетарскую честь красноармейца, какъ за досрочное нарушеніе договора.

Не новое ли преступленіе коммунистовъ-большевиковъ отмѣна свободы договора? Прочтите у Маркса любую страницу о свободѣ договора рабочаго. Машина революціонизируетъ въ самомъ основаніи договоръ рабочаго и капиталиста... Прежде рабочій продавалъ только свою собственную рабочую силу, которой онъ свободно распоряжался, какъ вольный человѣкъ. Нынѣ онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ становится «торговцемъ живымъ товаромъ» («Капиталъ», 36-о, I). Вы понимаете, что эти слова Маркса—злая иронія.

А свобода договора дѣйствительно пошатнулась, если при любомъ взысканіи или добровольномъ полученіи денегъ можетъ быть возбужденъ вопросъ о нуждѣ и собственныхъ средствахъ, или трудоспособности и происхожденіи отыскиваемаго требованія. А всѣ эти вопросы по пролетарскому праву свободно можетъ возбуждать не только судъ, но и Комиссаръ банка или Комиссаръ Труда и т. п. Вексель Шейлока тутъ болѣе немыслимъ.

Не лучше, чѣмъ со священной частной собственностью, декреты пролетарской революціи обращаются съ такими же священными институтами, какъ семья и наслѣдованіе. Наслѣдованіе просто-на-просто отмѣнено, оставляя внѣ запрета только мелкія имущества (не свыше 10.000 р.) и предоставляя до введенія общаго соціальнаго обезпеченія супругу или самымъ ближайшимъ родственникамъ въ случаяхъ ихъ неспособности къ труду и неимѣнія собственныхъ средствъ изъ оставшагося имущества недостающія до прожиточнаго минимума средства къ существованію. Такимъ образомъ, разрушена матеріальная основа буржуазной семьи, и она погибла бы и безъ декретовъ о разводѣ и гражданскомъ бракѣ.

Но священная семья была разрушена и до этого. Не было закона, о введеніи котораго поступало бы столько ходатайствъ, какъ именно закона о разводѣ. Я въ качествѣ Народнаго Комиссара юстиціи получалъ ежедневно полдюжины заявленій, писемъ, даже телеграммъ съ просьбами объ ускореніи новаго декрета. Нашъ декретъ о разводѣ хотя бы по одностороннему заявленію одного супруга окончательно вычеркнулъ всякій вопросъ о принужденіи по отношенію къ браку и оставилъ единственнымъ мотивомъ для его существованія обоюдную любовь. А отмѣняя понятія «незаконнаго сожительства» и «внѣбрачнаго ребенка» и раздѣляя браки только формально на зарегистрированные гражданской властью и на неправильно или совсѣмъ незарегистрированные, пролетарская революція разъ навсегда покончила съ позорной страницей буржуаз-

паго лицемѣрія, не за страхъ, а за совѣсть защищавшаго два одинаково священныхъ въ буржуазномъ обществѣ института—законный бракъ и узаконенную проституцію, и горячо борющагося противъ всякаго незаконнаго, т.-е. незарегистрированнаго ни въ церкви, ни въ полиціи сожительства.

Мы видимъ, какъ революція пролетаріата прямо или косвенно низвергаетъ одинъ за другимъ устои буржуазнаго общества. Мы перечислили въ этомъ отдѣлѣ всего восемь коротенькихъ декретовъ. А въ результатѣ камня на камнѣ не осталось изъ всего буржуазнаго права.

IV.

Предо мной сейчасъ 71 томикъ Собранія Узаконеній и распоряженій Раб.-Крест. Правительства, содержащій 778 декретовъ. Эта толстая книга намъ кажется тонкой книжкой сравнительно съ 16 томами стараго свода законовъ или ежегоднымъ собраніемъ узаконеній стараго правительства. Но если мы отбросимъ тѣ распоряженія, которыя относятся къ частнымъ случаямъ (конфискаціи, націонализаціи и вопросамъ организаціонным), то останется только тоненькая книжка, содержащая основныя положенія новаго пролетарскаго права.

Насталъ моментъ приступить къ кодификаціи, къ сводкѣ всего пролетарскаго права переходнаго времени въ систематическій сборникъ. Это будетъ кодексъ, который долженъ быть доступнымъ для самыхъ широкихъ массъ. Но удастся ли намъ составить такой кодексъ въ ближайшіе мѣсяцы? А если удастся, то надолго ли онъ вообще сохранитъ свою силу? Ибо, только просматривая книгу декретовъ, мы убѣждаемся, какъ непостоянны и измѣнчивы создаваемые революціей институты и законоположенія.

Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы отбросили учредительное собраніе, нами самими же желанное и созванное. Мало того: мы уже сами отбросили или въ самыхъ основаніяхъ измѣнили даже учрежденія, нами же впервые созданныя. Пролетарская революція не претендуетъ на вѣчныя и неизмѣнныя завоеванія. Пролетарская революція, это—процессъ развитія путемъ гражданской войны. Поменьше отсталости, побольше подвижности,—таковы ея лозунги. Ибо въ день окончательной побѣды этой революціи закончится и процессъ отмиранія Рабоче-Крестьянскаго Государства и отмиранія самаго пролетарскаго права, понимая право въ старомъ смыслѣ.

Первое мѣсто въ книгѣ I нашего кодекса Пролетарскаго Права, конечно, займетъ наша Совѣтская Конституція. Эти 90 статей основныхъ законовъ Р. С. Ф. С. Республики замѣняютъ вкратцѣ нѣсколько томовъ прежняго Свода. Правда, Конституція предусматриваетъ нѣсколько инструкцій въ развитіе ея основныхъ положеній, но это относится уже къ спеціальнымъ вопросамъ, напр., къ технической сторонѣ совѣтскихъ выборовъ, и весьма вѣроятно, что онѣ будутъ напечатаны въ особой книгѣ вмѣстѣ съ остальными инструкціями, наказами, руководствами и т. п., которые въ старомъ сводѣ были разбросаны по всѣмъ томамъ.

За Конституціей должны итти права и обязанности гражданъ какъ россійскихъ, такъ и чужестранцевъ. Да у насъ и не будетъ такого дѣленія на туземцевъ и чужестранцевъ, а согласно ст. 20 Конституціи только на трудящихся и нетрудящихся. Ясно, что и это дѣленіе только временное, до отмѣны дѣленія на классы вообще, когда всѣ станутъ трудящимися. Тутъ же будутъ коротенькія временныя статьи о переходѣ изъ одного гражданства въ другое, можетъ-быть, еще и изъ одного класса въ другой. И это все.

Самымъ важнымъ Отдѣломъ книги I будетъ Отдѣлъ соціальнаго права. Замѣтьте, что это тоже книга, которая раньше помѣщалась въ X томѣ и называлась частнымъ или гражданскимъ, т.-е. буржуазнымъ

правомъ. Но вы съ трудомъ узнаете эту старую знакомую: не осталось въ ней почти ничего буржуазнаго и весьма мало частнаго («приватнаго»). Вы открываете первыя страницы: о семейномъ правѣ, о священной семьѣ буржуазіи, и не находите ничего священнаго. Это единственное мѣсто гдѣ свободное соглашеніе восторжествовало, вытѣснивъ оттуда всякія постороннія примѣси (въ видѣ церковнаго или гражданскаго таинства принужденія). Впредь до введенія полнаго соціальнаго обезпеченія въ пролетарскомъ семейномъ правѣ сохранились еще остатки прежняго въ видѣ алиментовъ (при условіи неимѣнія своихъ средствъ и отсутствія трудоспособности). Соціальное обезпеченіе устранитъ и этотъ остатокъ стараго міра.

За семейнымъ правомъ пойдутъ «имущественныя права»,—вѣрнѣе, отмѣна и ограниченіе этихъ правъ; тутъ отмѣна частной собственности на землю и соціализація земли, націонализація производствъ и городскихъ домовъ и порядокъ управленія націонализированными имуществами, наконецъ, допустимость примѣненія пережитковъ частной собственности переходнаго времени.

Дальше пойдетъ кодификація всѣхъ правилъ о трудѣ, какъ о трудѣ производительномъ, такъ и о трудѣ совѣтской или частной службы. Это та часть соціальнаго права, которая въ той или иной формѣ перейдетъ въ новое общество. Но мы уже видѣли, что тамъ трудъ изъ обязанности и повинности превратится въ право, или, какъ сказалъ Марксъ, «трудъ перестанетъ быть только средствомъ для жизни, а станетъ самъ первой необходимостью жизни».

За этимъ отдѣломъ пойдутъ еще кое-какіе остатки договорнаго права, скорѣе ограниченія свободы договора. Но прибавится новый отдѣлъ — международное право. По отношенію къ прочимъ странамъ наша Республика сохранитъ и торговыя, и договорныя отношенія до введенія повсѣстно соціализма. И чтобы разъ навсегда порвать съ длиннѣйшими разнаго рода договорами съ разными государствами, мы попытаемся формулировать тѣ положенія, которыя мы безспорно признаемъ за всѣми странами.

Не знаю, помѣстится ли все это въ одной книгѣ, но это будетъ основное право, обязательное для всѣхъ. И оно не будетъ представлять прежней закаменѣлой обязательности, ибо даже измѣненіе Конституціи предоставлено Центральному Исполнительному Комитету. Но все-таки по отношенію къ этой I книгѣ мы примѣняемъ суровый принципъ непреклонности.

Иное дѣло дальнѣйшія узаконенія: это—техническія инструкціи, руководства, въ которыхъ обязательны лишь самыя общія мѣста. Будутъ ли это правила о судопроизводствѣ, о почтово-телеграфной или желѣзнодорожной службѣ, или, наконецъ, о совѣтскомъ земледѣліи, огородничествѣ или пчеловодствѣ,—обязательность всюду будетъ одинаково условна. То же будетъ съ примѣрной инструкціей объ уголовныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ, объ отбываніи наказаній или о народномъ образованіи и вообще просвѣщеніи. Это будутъ книги довольно объемистыя, но предназначенныя только для того или иного разряда лицъ, для того или иного особаго случая и т. д. Не знаю, насколько удастся строго провести въ жизнь это дѣленіе, но въ принципѣ оно у насъ принято. Мы уже имѣемъ цѣлый рядъ такихъ инструкцій вмѣсто прежнихъ законовъ: инструкціи для Народныхъ Судей, для Карательныхъ Отдѣловъ, объ отдѣленіи церкви отъ государства и т. д.

Но и при существованіи подобнаго кодекса, къ составленію котораго нынѣ необходимо приступить въ спѣшномъ порядкѣ, останется еще одна задача: сдѣлать этотъ кодексъ доступнымъ для всѣхъ. Конечно, нашъ кодексъ будетъ значительно меньше старыхъ, которыхъ не зналъ и не прочелъ съ начала до конца ни одинъ юристъ. Конечно, та или иная часть его будетъ преподаваться въ обязательной, общей или

спеціальной, школѣ. Но все-таки останется задача популяризаціи этого новаго, хотя и переходнаго права.

Я остановился на формѣ катехизиса и пытался составить «Народный Судъ» въ вопросахъ и отвѣтахъ. Къ сожалѣнію, книжка эта, столь необходимая, сдана въ типографію почти 6 мѣсяцевъ назадъ, и вслѣдствіе нашей типографской разрухи все еще не появилась. Я сдалъ въ печать въ такой же формѣ и нашу Совѣтскую Конституцію, зная то предубѣжденіе, какое у всякаго читателя имѣется противъ постатейнаго изложенія того или иного закона. Эти руководства составлены въ качествѣ частныхъ изданій безъ обязательной силы. Но весьма возможно, что эта форма, какъ болѣе популярная, найдетъ примѣненіе и для официальныхъ изданій. Нѣчто въ родѣ этого мы встрѣчаемъ въ англійской, особенно американской кодификаціи. У насъ тогда будутъ рядомъ два кодекса: постатейный и популярный. Можетъ-быть, этотъ послѣдній и будетъ формой пролетарскаго права будущаго, когда оно потеряетъ всякую тѣнь буржуазнаго строя, ибо для всякаго изъ насъ очевидно, что пролетарское право есть прежде всего упрощеніе, популяризація нашего новаго общественнаго строя.

Насъ упрекаютъ, съ одной стороны, въ томъ, что мы издаемъ слишкомъ много декретовъ, а съ другой—что у насъ нехватаетъ цѣлаго ряда самыхъ необходимыхъ законовъ. Оба упрека одновременно и основательны, и неосновательны. У насъ безусловно нехватаетъ самыхъ необходимыхъ декретовъ,—напримѣръ, хотя бы инструкціи объ уголовныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ. Но при недостаткѣ стоящихъ на нашей платформѣ юристовъ это болѣе чѣмъ естественно. Съ другой стороны, скороспѣлые декреты въ такой области особенно опасны. Мы съ полнымъ основаніемъ упрекаемъ Временное Правительство Львова и Керенскаго, что оно въ теченіе 8 мѣсяцевъ не издало ни одного руководящаго закона, но все время плелось за ходомъ революціи. Но оно было явно контръ-революціонно и нарочно поступало такъ, разсчитывая на близкое наступленіе реакціи. Намъ этого упрека никто не сдѣлаетъ.

Но зато декреты о землѣ, о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, о семьѣ и наслѣдствѣ, объ отдѣленіи церкви и т. д. какъ будто не всѣ были своевременны, ибо не всѣ еще проведены въ жизнь. Но и это мнѣніе неправильно. Мы правильно поступили, поставивъ эти вѣхи, и одно то обстоятельство, что изъ этихъ основныхъ декретовъ ни одного отмѣнять не приходилось, и что нынѣ они одинъ за другимъ проводятся въ жизнь, указываетъ на ихъ цѣлесообразность. Даже такой умный буржуазный юристъ, какъ Менгеръ, пишетъ, что «глазъ настоящаго законодателя обращенъ не на прошлое. но непреклонно на будущее». Въ революціонное время въ этомъ и заключается разница сознательнаго организованнаго руководства революціей отъ стихійнаго, если хотите, анархическаго переворота. При всемъ недостаткѣ силъ, при всѣхъ несовершенствахъ нашего аппарата любая страница нашего сборника декретовъ и въ не меньшей мѣрѣ нашего кодекса пролетарскаго права показываетъ, что это есть надстройка серьезнаго матеріальнаго переворота, а не временной случайной вспышки. То тѣсное взаимодѣйствіе между пролетаріатомъ и творимымъ имъ же правомъ, которое наиболѣе наглядно проявляется въ практикѣ народнаго суда, красной нитью проходитъ черезъ всю пролетарскую революцію. Она не боится ошибокъ или временныхъ неудачъ, ибо въ то время какъ буржуазія при всякой неудачѣ теряетъ одну лишнюю надежду, пролетаріатъ, какъ классъ восходящій, и при каждой ошибкѣ становится однимъ опытомъ богаче.

П. Стучка.

Пролетаріатъ и гражданское право.

Писать въ юбилейномъ сборникѣ, посвященномъ годовщинѣ непре кращающейся пролетарской революціи, о пролетаріатѣ и гражданскомъ правѣ, объ отношеніи пролетаріата къ гражданскому праву, о томъ, что сдѣлано пролетаріатомъ въ области гражданскаго права или, вѣрнѣе, въ области тѣхъ отношеній, которыя въ буржуазномъ строѣ регулируются гражданскимъ правомъ,—значитъ, писать обо всей хозяйственной, экономической и даже соціальной политикѣ стоящаго у власти пролетаріата. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ производственныя хозяйственныя отношенія буржуазнаго государства регулируются по началамъ гражданскаго права вообще и входящаго въ его составъ промышленнаго и торговаго права въ частности. Буржуазія, сбрасывая во время своихъ революцій феодально-цеховый гнетъ, препятствовавшій развитію производительныхъ силъ, стремилась создать «свободныя» условія для развитія и укрѣпленія своего класса, для безпрепятственнаго накопленія въ своихъ рукахъ огромныхъ богатствъ, для всесторонняго использованія въ цѣляхъ личной наживы всѣхъ природныхъ силъ, для безмѣрной эксплоатаціи, необходимой для накопленія богатствъ, живой рабочей силы, покупаемой и продаваемой въ формѣ своеобразнаго товара. Она поэтому требовала созданія свободной частной собственности на землю со всѣми ея принадлежностями, свободнаго обращенія продуктовъ (чужого труда) въ видѣ товаровъ, организаціи взаимныхъ отношеній между людьми на почвѣ хозяйства по началамъ свободы конкуренціи, т.-е. свободныхъ (по формѣ) договоровъ и соглашеній. Для поддержанія прочности и непрерывности индивидуальнаго накопленія богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ она отстаивала переходъ богатствъ по наслѣдству и свободу завѣщаній, свободу посмертныхъ распоряженій своимъ имуществомъ. Иными словами, буржуазія выставила требованіе и добилась введенія въ дѣйствіе чистаго гражданскаго права, создававшаго «свободу» для собственниковъ.

Всѣ матеріальныя и даже духовныя потребности людей должны были удовлетворяться по началу свободы конкуренціи,—личной иниціативы. А если эта свобода конкуренціи исключалась для очень многихъ членовъ общества, если обнаруженіе иниціативы для нихъ дѣлалось невозможнымъ вслѣдствіе отсутствія у нихъ матеріальныхъ силъ, то тѣмъ хуже для нихъ. Не для нихъ стремилось поднимавшееся третье сословіе создать хорошія «свободныя» условія жизни. Оно ихъ готово было вовсе не считать гражданами «свободнаго» «правового» государства, членами новаго общества. Идеологи третьяго сословія, идеологи буржуазіи не стѣснялись заявлять объ этомъ открыто, несмотря на всѣ свои пышныя слова о правахъ человѣка и гражданина. «Мы всѣ одинаковые люди,—говорилъ Вольтеръ,—но мы не одинаковые члены общества». Учитель Екатерины Дидро

шелъ дальше, восклицая: «Гражданиномъ дѣлаетъ собственность» (C'est la propriété qui fait le citoyen). Окончательно поставилъ точку надъ «і» въ самый разгаръ французской буржуазной революціи Дюпонъ-де-Немуръ, при обсужденіи избирательнаго ценза откровенно ограничившій предѣлы буржуазнаго общества: «У кого нѣтъ собственности, тотъ не членъ общества»

Только для круга собственниковъ создавала буржуазія свои права человѣка и гражданина, только для нихъ она устанавливала свое «свободное» гражданское право, только въ отношеніяхъ собственниковъ между собой могла примѣняться, если вообще примѣнялась, свобода конкуренціи. И недаромъ, характеризуя эти буржуазно-революціонныя права человѣка, молодой, 27-лѣтній Карлъ Марксъ болѣе 70 лѣтъ назадъ писалъ (въ статьѣ «Къ еврейскому вопросу»): «Человѣческія права не освобождаютъ человѣка отъ собственности, а предоставляютъ ему свободу собственности, не освобождаютъ его отъ грязной погони за наживой (Vom Schmutze des Erwerbes), а даютъ ему свободу промысла».

Но если въ отношеніяхъ между собственниками какъ будто съ виду и фигурировали «свобода», свободная конкуренція, свободная инициатива, свободныя договорныя соглашенія, хотя и здѣсь тамъ и сямъ выглядывало чуть прикрытое экономическое принужденіе, то въ области отношеній между буржуазіей и трудящимися, между капиталомъ и трудомъ, между собственниками, обладавшими имуществомъ, и рабочими, единственнымъ неотдѣлимымъ отъ нихъ имуществомъ которыхъ являлась ихъ рабочая сила,—въ этихъ отношеніяхъ подъ видомъ «свободнаго» договора, свободнаго соглашенія выступало неприкрытое экономическое принужденіе. Въ этихъ отношеніяхъ буржуазный строй установилъ странную свободу, которую ему угодно было называть свободой труда, но которую съ гораздо большимъ основаніемъ слѣдовало бы назвать свободой безграничнѣйшей и самой необузданной эксплоатаціи труда, свободой не для трудящихся, а для примѣняющихъ въ цѣляхъ наживы ихъ трудъ собственниковъ. И эта свобода труда, установленная во вредъ трудящимся, считалась оплотомъ буржуазнаго общества, такъ что, напр., такой вѣрный стражъ буржуазнаго строя, какъ высшій американскій судъ, упорно не разъ признавалъ неконституціонными, противорѣчащими американской конституціи, законы, издававшіеся американскимъ конгрессомъ и такъ или иначе ставившіе хоть какія-нибудь преграды безпредѣльной эксплоатаціи труда новыхъ фабрично-заводскихъ рабовъ.

Во всѣхъ областяхъ своей жизни буржуазія установила такимъ образомъ начало свободы, не всегда даже по формѣ искренно, но почти всегда лицемѣрно по существу. Она требовала, чтобы государство не вмѣшивалось въ эту область отношеній, мечтая затаенно о томъ, что здѣсь она, пользуясь экономическимъ преобладаніемъ, сумѣетъ сама за себя постоять, хотя на словахъ объясняла, что невмѣшательство государства будетъ здѣсь полезно для всѣхъ, что изъ единенія разумныхъ эгоизмовъ отдѣльныхъ лицъ получится всеобщее благополучіе,—благополучіе всего общества. Но, очевидно, что подъ всѣми и подъ всѣмъ обществомъ она понимала только ту часть общества, которую признавали ея идеологи, упомянутые выше. Всеобщаго благополучія не получалось не только въ средѣ «не-членовъ общества», не-собственниковъ, но даже и въ средѣ самихъ собственниковъ.

Однако, формально-индивидуалистическія частныя начала гражданскаго права оставались незатронутыми долгое время, до выступленія на сцену въ видѣ самостоятельной силы будущихъ могильщиковъ буржуазнаго строя—пролетаріевъ. Ихъ настоятельныя требованія положить предѣлъ безмѣрной эксплоатаціи труда, грозившей вырожденіемъ и вымира-

ніемъ дѣйствительнаго оплота общества—живой рабочей силы, понудили буржуазію, нехотя и упираясь, отступить отъ началъ частнаго права, наложивъ на него крохотныя соціальныя заплаты. Пролетаріатъ, какъ классъ, такимъ образомъ, еще въ нѣдрахъ буржуазнаго общества сталъ пробивать бреши въ стройной по виду системѣ гражданскаго права. Идея пролетаріата, какъ класса, замѣнить неорганизованное анархическое, разорванное, только безсознательно соединяемое силами, невидными участникамъ производства, стоящими за ихъ спиной, регулированіе (или, вѣрнѣе, неурегулированіе) отношеній между людьми, направленныхъ на обезпеченіе ихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей, сознательной планомѣрной организаціей возможно болѣе широкаго обезпеченія удовлетворенія этихъ потребностей, получила здѣсь свое первое выраженіе. Окончательное развитіе эта идея пролетаріата, какъ класса, можетъ, разумѣется, получить только за предѣлами разрушаемаго или разрушеннаго буржуазнаго общества, когда вмѣсто прежней основы—частнаго права собственности и правовыхъ юридическихъ титуловъ общество будетъ построено на единомъ и цѣльномъ фундаментѣ—труда, когда уже нельзя будетъ сказать, что неимѣющій собственности—не членъ общества, когда, наоборотъ, громко и ясно будетъ провозглашено и станетъ осуществляться правило: кто не трудится, будучи къ труду способенъ, тотъ не членъ общества, не участвуетъ въ пользованіи тѣми благами, которыя членами общества создаются.

Передъ трудовымъ обществомъ стоятъ, слѣдовательно, въ особенности на первое время, совершенно иныя задачи, чѣмъ передъ обществомъ собственниковъ. Трудовое общество не можетъ стремиться къ укрѣпленію положенія однихъ за счетъ ослабленія и ухудшенія другихъ. Оно не знаетъ привилегированныхъ отдѣльныхъ лицъ,—оно знаетъ живыхъ людей, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ способныхъ къ труду и уже безъ всякаго исключенія обладающихъ извѣстными, могущими все болѣе и болѣе расширяться, матеріальными и духовными потребностями. Обезпечить надлежащее примѣненіе наличной рабочей силы и удовлетворить полностью всѣ человѣческіе запросы и потребности,—такова основная задача новаго построеннаго на трудовомъ началѣ общества.

Эта задача выполнима путемъ планомѣрной организаціи производства и распредѣленія,—организаціи, ясно учитывающей всѣ наличныя и возможныя силы, средства и потребности всей людской массы данной мѣстности или впослѣдствіи всего человѣчества. Трудовое общество никоимъ образомъ не можетъ, въ особенности въ начальный періодъ своего существованія, сохранить анархію производственныхъ и связанныхъ съ ними отношеній. Оно сверхъ того никакъ не можетъ допустить, чтобы въ силу случайности юридическаго титула къ отдѣльнымъ лицамъ прикрѣплялись (по началамъ частной собственности), въ ихъ пользу исключительно предназначались совершенно не соотвѣтствующія ихъ личнымъ силамъ и выходящія далеко за предѣлы ихъ разумныхъ потребностей средства и орудія производства. Оно не можетъ допустить, чтобы случайность рожденія или прихоть, либо даже обдуманное желаніе живого человѣка могли служить основаніемъ для пріобрѣтенія оставленныхъ умершимъ и ставшихъ ему ненужными благъ (по началамъ наслѣдственнаго права). Оно не можетъ допустить исключительнаго присвоенія отдѣльнымъ лицомъ продуктовъ умственнаго труда нерѣдко многихъ поколѣній (исключительныя права). Оно не можетъ оставить и заботы о рожденіи и воспитаніи новаго здороваго поколѣнія (прежнее семейное и опекунское право). Однимъ словомъ, трудовое общество должно уничтожить всю существовавшую въ буржуазномъ обществѣ частноправовую форму экономическихъ отношеній, всю частно-правовую регу-

лировку отношеній имущественныхъ и отчасти личныхъ, — иначе все гражданское право [1]).

Такое уничтоженіе частно-правовой регулировки должно быть произведено пролетаріатомъ въ первую голову въ отношеніяхъ собственности на средства производства и обращенія и на имущественныя отношенія вообще. Удары въ этой области должны быть столь сокрушительны, что потрясенное «общество» должно казаться погибающимъ. «Разруха» является неотъемлемой и неизбѣжной принадлежностью этихъ первыхъ пріемовъ пролетарской хозяйственной политики. Недаромъ недавно собравшіеся, наиболѣе ожесточенные въ настоящее время враги пролетарскаго режима (сибирское и иныя «правительства»), на первомъ планѣ помѣстили въ своей программѣ пунктъ объ «уничтоженіи разрухи путемъ ликвидаціи органовъ Совѣтской власти». Но недаромъ и Марксъ съ Энгельсомъ еще въ «Коммунистическомъ манифестѣ» набрасывая, первыя очертанія имѣющаго быть созданнымъ коллективистическаго строя, писали: «Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ для того, чтобы концентрировать всѣ средства производства въ рукахъ государства, т.-е. сорганизованнаго въ господствующій классъ пролетаріата, и возможно скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ. Разумѣется, это не можетъ быть выполнено вначалѣ иначе, какъ путемъ деспотическихъ посягательствъ на право собственности и на буржуазныя производственныя отношенія, т.-е. путемъ такихъ мѣропріятій, которыя съ экономической точки зрѣнія должны казаться недостигающими цѣли и невыносимыми (курсивъ мой, А. Г.), но которыя съ дальнѣйшимъ ходомъ вещей перерастутъ свои собственныя рамки, а кромѣ того, являются неизбѣжными въ качествѣ средства къ коренному преобразованію способа производства».

Такимъ образомъ, если пролетаріатъ долженъ «разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія», если онъ, съ одной стороны, долженъ уничтожить юридическіе правовые титулы, служащіе случайнымъ основаніемъ такого частнаго обезпеченія и частнаго обогащенія, то, съ другой—онъ долженъ умножить, увеличить общественное обогащеніе, возможно скорѣе и возможно больше увеличить массу производительныхъ силъ, дабы имѣть возможность предоставить всему населенію самое полное общественное обезпеченіе всѣхъ его постоянно возрастающихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. И пролетаріатъ не можетъ иначе выполнить эту свою задачу, какъ путемъ замѣны прежняго неорганизованнаго порядка, при которомъ тайныя, непознанныя, стоявшія за спиной производителей отношенія безсознательно диктовали свою волю живымъ людямъ, новой планомѣрной организаціей борьбы, направленной на подчиненіе природныхъ силъ людскимъ потребностямъ, новой планомѣрной организаціей распредѣленія между людьми, между членами трудового общества матеріальныхъ и духовныхъ продуктовъ, добываемыхъ разрабатываемыхъ и создаваемыхъ трудомъ всего общества. Въ этой послѣдней области провозглашаемыя законами, декретами правовыя начала мало принесли бы пользы дѣлу,—здѣсь необходима огромная длительная организаціонно-практическая работа.

Пролетаріатъ, слѣдовательно, имѣетъ неотложныя задачи въ двоякомъ направленіи: задачу отрицательную, задачу уничтоженія въ области

[1]) Ср. Марксъ и Энгельсъ («Коммунистическій манифестъ»): «Всѣ прежніе общественные классы, добившись господства, старались упрочить свое положеніе, распространяя свой способъ присвоенія на все общество. Пролетаріи же могутъ овладѣть общественными производительными силами лишь тогда, когда они уничтожатъ свой способъ присвоенія, а тѣмъ самымъ и вообще тотъ способъ присвоенія, который господствуетъ въ современномъ обществѣ. Пролетаріямъ нечего упрочивать; они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія».

частно-правовыхъ титуловъ (собственности, наслѣдства, договоровъ и т. д.), и задачу положительную, задачу созиданія въ области организаціоннаго строительства. И эти двѣ задачи пролетаріата, организованнаго въ господствующій классъ, неразрывно между собой переплетены. Онъ не можетъ ограничиться отмѣной частной собственности на готовыя и накопленныя блага безъ того чтобы не позаботиться о надлежащемъ использованіи и распредѣленіи этихъ благъ. Онъ не можетъ ограничиться отмѣной частныхъ, случайныхъ способовъ пріобрѣтенія въ цѣляхъ индивидуальнаго обезпеченія средствъ къ жизни безъ того, чтобы не постараться организовать общее и организованное обезпеченіе для всѣхъ. Въ буржуазномъ строѣ въ основу клались индивидуальные способы удовлетворенія всяческихъ потребностей. Не только хлѣбъ насущный пріобрѣтался на такихъ началахъ. Потребность обезпеченія здоровья, врачебная помощь могла быть получена отдѣльными лицами у отдѣльныхъ врачей или въ больницахъ, болѣе или менѣе несомнѣнная помощь талантливыхъ, выдающихся, знающихъ врачей только за большія деньги, т.-е. только представителями господствующихъ классовъ. Удовлетвореніе потребности знанія, полнаго, болѣе или менѣе всесторонняго образованія доставалось также только имущимъ. Удовлетвореніе потребности культурныхъ удовольствій и наслажденій также достигалось только путемъ частныхъ, неурегулированныхъ заявленій отдѣльныхъ лицъ (билеты въ театры, на выставки, пріобрѣтеніе книгъ, подписка въ библіотекахъ и т. д.) и за большое вознагражденіе. Представительство интересовъ и защита въ судахъ также давались въ усовершенствованномъ видѣ, по началу частныхъ соглашеній съ щедро оплачиваемыми монополистами-талантами. Массѣ же если что-нибудь и доставалось въ этой области, то только второго или послѣдняго сорта. Пролетаріатъ же долженъ организовать дѣло обезпеченія всѣхъ этихъ (поскольку онѣ въ новомъ общественномъ строѣ сохраняются) и новыхъ нарождающихся потребностей такъ, чтобы не отдѣльныя частныя лица могли случайно получить удовлетвореніе, а чтобы удовлетворялся весь трудовой коллективъ. Онъ долженъ стремиться увеличить до самыхъ широкихъ размѣровъ фондъ обезпеченія потребностей, дабы каждый членъ этого коллектива могъ получить полное и всестороннее удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. А пока этотъ обезпечительный фондъ недостаточно обиленъ, придется давать неполное удовлетвореніе, но организованное такъ, чтобы оно давалось всѣмъ.

Однако, и на эту первую ступень можетъ не оказаться возможности шагнуть сразу. И приходится поэтому въ организаціи распредѣленія прибѣгать къ мѣрамъ половинчатымъ, къ полуорганизованности, съ одной стороны, а съ другой — организація пролетаріата въ господствующій классъ вовсе не знаменуетъ собой немедленнаго высвобожденія всего трудового коллектива изъ-подъ власти идеологіи, внушавшейся ему побѣжденными классами, высвобожденія изъ-подъ власти идеологіи буржуазной и феодальной. Пролетаріатъ въ силу самаго факта объединенія, собиранія его въ одинѣхъ и тѣхъ же трудовыхъ мастерскихъ, проникался имъ же порождаемой коллективистической идеологіей. Но, покидая мастерскую, онъ окунался въ атмосферу идей и идеекъ господствующихъ классовъ, которыя своимъ постояннымъ прикосновеніемъ, своимъ постояннымъ щекотаніемъ, какъ карлики великана, обезсиливали пролетарскія массы духовно, прибавляли къ матеріальному порабощенію духовное порабощеніе.

Что же сдѣлалъ въ указанномъ направленіи организованный въ господствующій классъ россійскій пролетаріатъ за это столь короткое время (меньше года, ибо, когда пишется эта статья, еще нѣтъ годовщины со времени овладѣнія пролетаріями аппаратомъ государственной власти)?

И въ области разрушенія, и въ области созиданія принципіальнаго и компромисснаго сдѣлано такъ много, несмотря на неслыханно и непредвидѣнно неблагопріятныя окружающія условія, что мѣста для пессимизма быть не можетъ, что безъ всякихъ колебаній можно сказать: мы гигантскими шагами приближаемся къ тому моменту, когда, если судить по примѣру Россіи, каждый живой человѣкъ станетъ дѣйствительнымъ членомъ новаго, грядущаго, вольнаго, гармоничнаго и радостнаго коллектива, имя которому человѣчество.

За время съ февральской до октябрьской революціи основы частнохозяйственнаго строя остались незатронутыми. Не затрагивались и основы гражданскаго права. Но стопло только стать у власти пролетаріату, какъ раздался стукъ разрушительныхъ ударовъ топора, приложеннаго къ самымъ корнямъ буржуазнаго строя. Въ первые же дни пролетарскаго переворота была отмѣнена декретомъ немедленно и безъ всякаго выкупа помѣщичья собственность на землю. Затѣмъ былъ изданъ законъ о соціализаціи всей земли, которымъ отмѣнена навсегда всякая собственность на землю, нѣдра, воды, лѣса и живыя силы природы; отмѣна частной собственности относительно всего лѣса вновь подтверждена позднѣйшимъ декретомъ о лѣсахъ отъ 27 мая 1918 г. Такимъ образомъ, частноправное прикрѣпленіе къ отдѣльнымъ лицамъ, возможность частноправнаго обращенія были уничтожены по отношенію къ одному изъ главнѣйшихъ средствъ производства—къ землѣ со всѣми ея принадлежностями. Взамѣнъ частноправнаго введено зато общественное, организованное распредѣленіе между сельскохозяйственнымъ населеніемъ земли съ ея принадлежностями для приложенія къ ней труда. Совершено это организованное распредѣленіе посредствомъ тѣхъ же декретовъ и другихъ, устанавливавшихъ органы распредѣленія—земельные комитеты, а затѣмъ земельные отдѣлы совдеповъ. Усовершенствуется это распредѣленіе путемъ разнаго рода инструкцій, вырабатываемыхъ центральной и мѣстной совѣтской властью, а также въ подготовленномъ къ изданію кодексѣ законовъ о землѣ. Кромѣ того, въ цѣляхъ фактическаго предоставленія возможности прилагать свой трудъ къ землѣ былъ принятъ въ пользу трудящихся цѣлый рядъ организаціонныхъ мѣръ, главнѣйшія изъ которыхъ: объявленіе въ монопольномъ распоряженіи республики всѣхъ изготовленныхъ и изготовляемыхъ внутри страны, а также ввозимыхъ изъ-за границы сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій въ цѣляхъ обезпеченія сельскаго хозяйства орудіями производства и удовлетворенія нуждъ трудящагося сельскаго населенія; декретъ о созданіи комитетовъ деревенской бѣдноты и снабженіи ихъ въ числѣ прочихъ предметовъ сельскохозяйственными орудіями безплатно или по дешевымъ цѣнамъ; подготовленный къ изданію декретъ объ организаціи сельскохозяйственныхъ коммунъ.

Изъ частнаго оборота почти цѣликомъ изъяты строенія, обезпечивающія, главнымъ образомъ, потребность въ жильѣ. Сначала, еще въ декабрѣ 1917 г., въ видѣ подготовительной мѣры запрещены всѣ сдѣлки по продажѣ, залогу и т. п. всѣхъ недвижимостей и земель въ городахъ. Затѣмъ въ августѣ 1918 г. было отмѣнено (отмѣненное уже разъ закономъ о соціализаціи земли) право частной собственности на всѣ застроенные и незастроенные участки въ городскихъ поселеніяхъ, а въ городахъ съ населеніемъ свыше 10,000 человѣкъ на всѣ строенія, которыя имѣютъ доходность свыше установленной мѣстными совѣтами, при чемъ частная собственность сохранена лишь постольку, поскольку нѣтъ аппарата для передачи всякихъ строеній въ руки государства. Кромѣ того, еще въ октябрѣ было предоставлено городскимъ самоуправленіямъ (или замѣнившимъ ихъ совдепамъ) реквизировать пустующія, годныя для жилья помѣщенія и вселять (уплотнять) въ жилыя помѣщенія лицъ, нуждаю-

щихся въ помѣщеніи или живущихъ въ перенаселенныхъ или опасныхъ для здоровья квартирахъ, установлены размѣры помѣщеній (количество комнатъ и т. д.), на которыя могутъ обитатели претендовать (эта мѣра была чрезвычайно широко использована мѣстными совдепами). Предоставлены въ пользованіе населенія для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей во время, свободное отъ занятій, всѣ зданія и помѣщенія низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, созданъ цѣлый рядъ организацій, въ томъ числѣ государственныхъ сооруженій, для развитія строительства въ цѣляхъ обезпеченія населенія жильемъ.

Въ значительной степени изъяты изъ частнаго оборота средства производства добывающей и обрабатывающей крупной промышленности. Сначала, еще въ ноябрѣ 1917 г., былъ установленъ рабочій контроль во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Затѣмъ начались конфискація и объявленіе собственностью Россійской республики, главнымъ образомъ, за отказъ подчиняться рабочему контролю всего имущества отдѣльныхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій (первыми, еще въ декабрѣ 1917 г., были обращены въ собственность республики имущества акціонерныхъ обществъ Богословскаго и Симскаго горныхъ округовъ, Русско-Бельгійскаго металлургическаго, «Общества электрическаго освѣщенія 1886 года», Сергинско-Уфалейнаго и Кыштымскаго горнаго округа и Путиловскихъ заводовъ). Послѣ этого, въ виду дальнѣйшей націонализаціи производства, были прекращены (29 декабря 1917 г.) платежи дивидендовъ по акціямъ, и воспрещены всѣ сдѣлки съ цѣнными бумагами. Далѣе началась передача въ собственность республики промышленныхъ предпріятій опредѣленныхъ отраслей: націонализированы (7 марта) спичечныя и свѣчныя фабрики, сахарная и нефтяная промышленность (3 мая и 22 іюня). Наконецъ, 28 іюня въ цѣляхъ рѣшительной борьбы съ хозяйственной и продовольственной разрухой и для упроченія диктатуры рабочаго класса и бѣднѣйшаго крестьянства были объявлены собственностью Россійской соціалистической республики крупнѣйшія предпріятія всѣхъ отраслей промышленности. Кромѣ того, для организаціи и развитія производства и для обезпеченія населенія соотвѣтственными продуктами былъ созданъ цѣлый рядъ учрежденій. Въ цѣляхъ организаціи народнаго хозяйства и выработки общихъ нормъ и плана регулированія экономической жизни страны былъ созданъ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства. Была создана комиссія практиковъ, которой поручены собираніе отъ всѣхъ вѣдомствъ, учрежденій и организацій заказовъ на полезные продукты, передача этихъ заказовъ безработнымъ и закрываемымъ заводамъ и провѣрка того, насколько предоставленіе этихъ заказовъ и выполненіе ихъ проводятся въ жизнь. Организованы районные и мѣстные совѣты народнаго хозяйства для организаціи и регулированія всей экономической жизни каждаго промышленнаго района въ соотвѣтствіи съ общегосударственными и мѣстными интересами. Для руководства отдѣльными отраслями промышленности въ цѣляхъ ихъ развитія и снабженія совѣтской республики и населенія соотвѣтственными продуктами организованъ цѣлый рядъ главныхъ комитетовъ: главный золотой, главный сахарный, главный торфяной, удобрительныхъ туковъ (въ цѣляхъ организаціи, поднятія производства и развитія въ Россіи туковой промышленности и обезпеченія населенія удобреніями), нефтяной, спичечный (въ цѣляхъ организаціи и развитія въ Россіи спичечной промышленности и планомѣрнаго снабженія населенія спичками), резиновой промышленности, главный комитетъ лѣсной политики и деревообрабатывающей промышленности («Главлѣсъ»), красочной промышленности («Центрокраска»), главный угольный комитетъ, химико-фармацевтической промышленности и др.

Изъято изъ частнаго правооборота все транспортное дѣло почти со всѣми подсобными предпріятіями. Еще въ январѣ объявленъ общенаціональной недѣлимой собственностью совѣтской республики весь торговый флотъ, затѣмъ объявлены государственной собственностью всѣ крупнѣйшія зернохранилища; наконецъ. собственностью Россійской соціалистической республики объявлены всѣ крупнѣйшія предпріятія по желѣзнодорожному транспорту. Съ другой стороны, изданъ цѣлый рядъ постановленій, касающихся развитія и усовершенствованія транспортнаго дѣла. Въ цѣляхъ устраненія невѣроятной разрухи въ транспортномъ дѣлѣ, вызванной демобилизаціей царской арміи, изданы декреты объ охранѣ дорогъ и объ увеличеніи ихъ провозоспособности, о постройкѣ продовольственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Забота о расширеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ возложена на комитетъ государственныхъ сооруженій. Учрежденъ отдѣлъ водныхъ сообщеній для управленія торговымъ, морскимъ, рѣчнымъ флотомъ и водными сообщеніями. Созданы дорожныя секціи при совдепахъ для организаціи дорожнаго строительства,

Изъяты изъ сферы частнаго оборота вся внѣшняя торговля (въ цѣляхъ непосредственнаго и планомѣрнаго доставленія продуктовъ населенію) и почти вся внутренняя торговля. По закону о соціализаціи земли, торговля хлѣбомъ какъ внѣшняя, такъ и внутренняя должна быть государственной монополіей, какъ равно и торговля сельскохозяйственными машинами и сѣменами монополизируется органами Совѣтской власти. Затѣмъ 23 апрѣля національзирована вся внѣшняя торговля, при чемъ всѣ торговыя сдѣлки по покупкѣ и продажѣ всякаго рода предметовъ съ иностранными государствами и съ заграничными фирмами могутъ производиться только отъ лица Россійской республики. По отношенію къ внутренней торговлѣ предпринятъ цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ къ полной ея національзаціи (общія и для отдѣльныхъ отраслей торговли), затѣмъ отдѣльныя отрасли ея національзированы цѣликомъ. Такъ, объявлены въ монопольномъ распоряженіи государства всѣ сельскохозяйственныя машины и орудія. Еще въ декабрѣ воспрещена продажа мануфактуры съ фабрикъ частнымъ лицамъ. Національзированы всѣ предпріятія по оптовой торговлѣ рисомъ, перцемъ, кофе и пряностями. Созданы комитеты цѣнъ для наблюденія за торговлей и за правильнымъ распредѣленіемъ продуктовъ между населеніемъ. Создана «Центроткань» для учета продуктовъ текстильной промышленности. Постановлено пріобрѣсти въ распоряженіе Р. С. Ф. С. Р. весь наличный запасъ тканей, имѣющихся въ предѣлахъ республики, и всю будущую выработку тканей для правильнаго распредѣленія ихъ между населеніемъ. Наконецъ, постановлено, что всѣ ткани, находящіяся въ оптовыхъ и фабричныхъ складахъ въ предѣлахъ Р. С. Ф. С. Р., поступаютъ въ распоряженіе государства. Изданъ декретъ объ обязательномъ товарообмѣнѣ.

Изъято изъ частнаго оборота все почти банковое дѣло. Банки, на частныхъ началахъ державшіе въ своихъ рукахъ субсидируемыя ими торговыя, промышленныя, транспортныя и иныя предпріятія, были національзированы. Еще въ декабрѣ всѣ банки были переданы государству, а въ январѣ конфискованы въ пользу Совѣтской республики всѣ акціонерные капиталы бывшихъ частныхъ банковъ, и уничтожены банковыя акціи.

Для подготовленія національзаціи всего частнаго страхового дѣла установленъ государственный контроль надъ всѣми видами несоціальнаго страхованія. Созданъ особый комиссаріатъ по дѣламъ страхованія и борьбы съ огнемъ. Подготовленъ переходъ всѣхъ страховыхъ организацій въ руки Совѣтской республики.

Въ области приложенія труда для полученія средствъ къ существованію почти совершенно устранены частноправовыя начала. Условія труда

въ частныхъ хозяйствахъ опредѣляются коллективными (тарифными) условіями, односторонними или двухсторонними, но, во всякомъ случаѣ, въ окончательномъ счетѣ зависящими отъ утвержденія ихъ органомъ Совѣтской власти (Народнымъ Комиссаріатомъ Труда). Въ Совѣтскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ условія труда нормируются также не по началамъ частнаго права. Помимо того, что по закону о соціализаціи земли предоставлена (фактически) большинству населенія возможность приложенія своего труда къ земледѣлію, провозглашена въ январской деклараціи правъ трудящихся и въ іюльской Совѣтской конституціи трудовая повинность. Организованы биржи труда для правильнаго и планомѣрнаго распредѣленія рабочей силы.

Къ обезпеченію трудящихся людей, лишенныхъ возможности добывать себѣ средства къ жизни, также предпринятъ рядъ шаговъ. Создано и весьма дѣйственно проводится въ жизнь страхованіе отъ безработицы и болѣзни.

Даже удовлетвореніе духовныхъ потребностей населенія и обезпеченіе его здоровья отчасти организованы планомѣрно. Правда, дѣлаются только шаги къ отмѣнѣ авторскаго права и передачѣ въ руки Совѣтской республики книжнаго дѣла, но создано государственное издательство для снабженія книгами трудового люда по себѣстоимости, по льготной цѣнѣ или даже безплатно. Правда, еще не національзировано все врачебное дѣло, но создана инспекція труда для охраны жизни, здоровья и труда всѣхъ лицъ, занятыхъ какой бы то ни было хозяйственной дѣятельностью, созданы Народный Комиссаріатъ Здравоохраненія, санитарно-школьные отдѣлы, организована коллегія по охранѣ и обезпеченія материнства и младенчества; вводится въ жизнь національзація аптечнаго, зубоврачебнаго дѣла, и т. д. Упразднена либеральная профессія адвокатовъ, которые давали судебную помощь населенію на основаніи частноправныхъ сдѣлокъ и соглашеній, и вводится болѣе или менѣе планомѣрная организація судебной и правовой помощи населенію, поскольку потребность въ такой помощи еще можетъ ощущаться. И даже въ области обученія и просвѣщенія созданная единая трудовая школа покоится на началѣ учета всѣхъ дѣтей соотвѣтственно школьному возрасту и обязательному проведенію ихъ черезъ эту государственную единую школу.

Уничтоженъ пролетаріатомъ цѣлый огромный отдѣлъ гражданскаго буржуазнаго права: отмѣнено безъ всякихъ изъятій право наслѣдованія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда частная собственность еще не отмѣнена, она перестаетъ быть собственностью въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ буржуазное право. За предѣлы жизни ея обладателя она своей тѣни отбрасывать не можетъ. Эта отмѣна посмертнаго перехода имущества къ другимъ частнымъ лицамъ какъ по распоряженію умершаго, такъ и въ силу самаго закона, наноситъ ударъ самой идеѣ частной собственности, какъ чего-то могущаго вѣчно, изъ рода въ родъ, быть прикрѣпленнымъ къ частнымъ лицамъ. Эта отмѣна права наслѣдованія имѣетъ, такимъ образомъ, огромное воспитательное значеніе для пролетаріевъ и примыкающихъ къ нимъ элементовъ, высвобождая ихъ изъ-подъ власти собственнической, внушенной имъ буржуазными классами идеологіи. Но, отмѣняя безъ всякаго ограниченія права наслѣдованія, пришлось считаться съ отсутствіемъ пока у насъ всеобщаго соціальнаго обезпеченія, планомѣрно для всѣхъ организованнаго, въ частности для недостигшихъ или потерявшихъ трудоспособность вообще. Считаясь съ этимъ обстоятельствомъ, пришлось создать кустарный суррогатъ соціальнаго обезпеченія изъ имущества умершаго въ пользу его близкихъ, полагая въ основу, однако, не степень близости, а степень нужды и нетрудоспособности.

Пролетаріатъ чрезвычайно видоизмѣнилъ прежнюю область семейнаго частнаго права. Но и въ этой области ему пришлось считаться съ

усиленно привившейся идеологіей господствующихъ классовъ, съ одной стороны, а съ другой—съ необходимостью раскрѣпощенія отъ сохранившихся въ этой области у насъ въ Россіи обильныхъ слѣдовъ и пережитковъ патріархально-феодальнаго строя. Тѣмъ не менѣе, пролетаріатъ у насъ совершенно разъединилъ семейное право съ правомъ брачнымъ и опекунскимъ, разбивъ, такимъ образомъ, строй буржуазнаго семейнаго права. И въ противоположность буржуазному праву, установившему въ области брачныхъ отношеній начало принужденія (къ сохраненію узъ), постоянства и полового подчиненія (женщины мужчинѣ), пролетаріатъ установилъ здѣсь крайнюю свободу соединенія и разставанія, установилъ полное отсутствіе взаимнаго принудительнаго подчиненія. Въ семейныхъ отношеніяхъ пролетаріатъ, сохраняя пока начала индивидуальной семьи, тѣмъ не менѣе, считаетъ одинъ фактъ происхожденія ребенка отъ данныхъ лицъ достаточнымъ для признанія за нимъ соотвѣтственныхъ правъ и обязанностей по отношенію къ родителямъ, разрывая тѣмъ самымъ скрѣпы парной семьи и подготовляя сознаніе къ признанію равныхъ основаній для распространенія общественнаго попеченія на всѣхъ дѣтей безъ различія ихъ происхожденія. А организаціей образцоваго опекунскаго общественнаго попеченія о дѣтяхъ, лишенныхъ родительскаго попеченія, пролетаріатъ подготовляетъ тотъ же переходъ къ распространенію общественнаго попеченія на всѣхъ дѣтей. (Въ области брачныхъ отношеній пролетаріатъ вынужденъ былъ установить формальную регистрацію браковъ передъ Совѣтской властью, какъ мѣру борьбы съ религіозными вліяніями, столь сильно противодѣйствующими проникновенію пролетаріевъ и къ нимъ примыкающихъ идеями соціализма).

Заканчивая это неполное по необходимости (тема слишкомъ громадна) обозрѣніе того, что сдѣлано пролетаріатомъ за срокъ меньше года (въ области тѣхъ отношеній, которыя въ буржуазномъ строѣ регулируются если можно такъ сказать, гражданскимъ правомъ), можно смѣло сказать, что отъ всего такъ-называемаго гражданскаго права не оставлено почти ничего, что во всѣхъ почти областяхъ (хозяйственной, главнымъ образомъ) жизни пролетаріатъ приблизился или далеко пошелъ по пути приближенія къ замѣнѣ планомѣрной, всѣхъ обезпечивающей организаціей неорганизованной стихіи прежнихъ частноправныхъ отношеній. Это приближеніе пролетаріата къ планомѣрной организаціи обезпеченія, удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ потребностей трудящихся массъ обнаружено было бы гораздо болѣе рельефно, если бы не приходилось ограничиться только мѣрами и постановленіями центральной пролетарской Совѣтской власти, а можно было бы показать, что сдѣлано на мѣстахъ пролетаріями и полупролетаріями отчасти во исполненіе постановленій центральной власти, отчасти независимо отъ этихъ постановленій. Но изложеніе всей мѣстной работы въ указанномъ направленіи завело бы насъ слишкомъ далеко. Необходимо пока ограничиться сказаннымъ.

А. Гойхбергъ.

Пролетарская революція и уголовное право.

Фаустъ: «Я не могу такъ высоко цѣнить слова».

I.

Среди идеологій, посредствомъ которыхъ господствующіе классы удерживаютъ въ орбитѣ своего вліянія угнетенныя массы, праву всегда отводилось особо почетное мѣсто. Призванному охранять производственныя отношенія и закрѣплять эксплоатацію труда капиталомъ, праву, естественно, надлежало сообщить высшій мистическій авторитетъ, создать изъ него фетишъ. Этотъ апріорный выводъ нетрудно провѣрить бѣглымъ обзоромъ «теорій» о происхожденіи и сущности права. Съ момента рожденія права по днесь официальные ученые происхожденіе права объясняютъ метафизически. На зарѣ исторіи общества, расколовшагося на классы, установленіе права приписывалось Божеству, въ подлинномъ смыслѣ слова. Съ развитіемъ знаній ученіе о божественномъ происхожденіи права смѣнилось ученіемъ о происхожденіи его отъ иныхъ мистическихъ силъ, или метафизическихъ существъ, въ родѣ: «природы», «народнаго духа», «объективнаго духа», «общей воли», «совокупной воли», «воли государства», «разума», какъ высшаго существа, и т. п. фикцій. И до сихъ поръ среди свѣтилъ буржуазной юриспруденціи господствуютъ эти фантастическія теоріи (историческая школа Савиньи, Пухты, считающая право продуктомъ «народнаго духа»), и чрезвычайно знаменательно для буржуазной науки, что донынѣ у нея нѣтъ научнаго обоснованія происхожденія права.

Такъ же убога, безсознательно или завѣдомо, буржуазная наука и въ вопросѣ о сущности, о содержаніи, о природѣ права. По этому предмету существуетъ тысяча и одна теорія, болѣе или менѣе причудливо сочетающая пустые, безсодержательные, формальные признаки. Въ послѣднемъ итогѣ всѣ эти «теоріи» въ лучшемъ случаѣ опредѣляютъ право, какъ совокупность нормъ, принудительно регулирующихъ человѣческія отношенія; въ худшемъ—какъ нормы, охраняющія «свободу» или разграничивающія сферу «свободы».

И только Іерингъ, самый выдающійся среди буржуазныхъ ученыхъ правовѣдовъ, позволилъ себѣ утверждать, что право служитъ защитѣ интересовъ силой, и приписать «борьбѣ интересовъ» значеніе фактора права. Развивая эту теорію, Іерингъ договорился въ своей работѣ «Цѣль въ правѣ» до «права революціи», выступающаго на сцену, взамѣнъ писаннаго права, всякій разъ, когда послѣднее не удовлетворяетъ нуждамъ народа.

Вполнѣ понятно, что жрецы официальной юриспруденціи считаютъ Іеринга, талантливѣйшаго изъ буржуазныхъ юристовъ, еретикомъ за это развѣнчаніе окутанной ореоломъ святости правовой идеологіи. Нѣтъ нужды,

что эта мысль не нова, что еще въ древности Фразимахъ училъ, что право—продуктъ силы, что оно защищаетъ интересы сильныхъ; но то былъ софистъ, а не официальный ученый, профессоръ.

Все же надо признать, что среди буржуазныхъ ученыхъ Іерингъ былъ тѣмъ, кто наиболѣе поколебалъ авторитетъ права, укрѣпляемый такъ заботливо и старательно официальной «наукой» и служителями правосудія.

Въ воздаяніе за это святотатство нашъ отечественный ученый правовѣдъ (Петражицкій), открывшій корни права въ «атрибутивно-императивныхъ эмоціяхъ», бросилъ по адресу послѣдователей Іеринга презрительную кличку «пошлыхъ оппортунистовъ».

Какъ ни дерзки были отдѣльные буржуазные мыслители, но ни одинъ изъ нихъ не разсѣкъ того прочнаго круга, въ которомъ замыкалась идеологія права. «Chacun a les défauts de ses qualités»,—говорятъ французы.

Мистическіе покровы и съ этой священной буржуазной категоріи сялъ величайшій пролетарскій мыслитель, опредѣлившій мѣсто идеологическимъ «надстройкамъ». Марксъ показалъ, что право есть общественное отношеніе, что оно вырастаетъ изъ производственныхъ отношеній, ими создается, имъ соотвѣтствуетъ, съ ними видоизмѣняется, развивается, усложняется, съ ними и умираетъ. Стоило лишь обнажить корни общественныхъ отношеній, чтобы обнаружить моментъ рожденія права.

Божественное происхожденіе права (jus divinum), безначальнаго и вѣчнаго, было посрамлено. Фетишизмъ права вскрытъ: ему отведено надлежащее мѣсто на землѣ классоваго общества. Оно уже не выражаетъ «духа» народа, воли его, оно не продуктъ «соглашенія» (договора), не антитеза силы, насилія, а внѣшняя охрана классоваго господства организованнымъ насиліемъ, траншея капиталистическихъ производственныхъ отношеній.

Оно родилось съ раздѣленіемъ общества на классы и умретъ со смертью классоваго общества.

Родовой, коммунистическій бытъ не знаетъ права. Отношенія людей здѣсь регулируются привычками, навыками общежитія, обычаемъ, взаимнымъ добровольнымъ уваженіемъ, довѣріемъ. Коммунизму не нужны органы права,—ихъ задачу выполняютъ хозяйственные органы. Необходимость права возникаетъ, и оно появляется на свѣтъ съ рожденіемъ экономическаго неравенства, съ началомъ раскола общества на классы съ противоположными интересами. Право—продуктъ непримиримости классовыхъ противорѣчій, средство угнетенія одного класса другимъ, узда, смирительная куртка, съ помощью которой господствующій классъ удерживаетъ подавляемыя массы въ состояніи подчиненія и лишаетъ ихъ средствъ борьбы за освобожденіе отъ ига угнетателей.

Нѣтъ и не можетъ быть мира между классами, между враждебными по природѣ своей общественными силами. Онѣ могутъ или жить въ состояніи борьбы, или умереть. И только оппортунисты-соціалисты и съ ними представители «соціологической» школы права полагаютъ, что право примиряетъ классовыя противорѣчія, смягчаетъ столкновенія, и что право безсмертно. Отъ этого предразсудка не эмансипировался даже такой блестящій представитель школы, какъ Менгеръ, который,—какъ онъ самъ заявляетъ,—«отстаиваетъ въ области права» интересы обездоленныхъ слоевъ населенія, и только потому, что и этотъ талантливый юристъ не освободился отъ метафизическаго мышленія классическихъ правовѣдовъ, и у него «человѣческая природа» является тѣмъ «категорическимъ императивомъ», который поддерживаетъ въ немъ трусливую мысль, будто человѣчество никогда не сможетъ совершенно обойтись безъ государства съ его законодательствомъ, съ его принудительной и карательной властью. Менгеръ-«марксистъ» забылъ, что, «воздѣйствуя на природу, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу».

Но объ этомъ рѣчь впереди.

Итакъ, право рождается изъ непримиримаго антагонизма классовъ; существуетъ, пока налицо классовый строй; умираетъ вмѣстѣ со смертью классоваго общества, и, значитъ, его нѣтъ въ коммунистическомъ обществѣ.

Вполнѣ естественно, какъ это явствуетъ изъ предыдущаго, что меньшинство, соединенное въ господствующій классъ, въ классъ угнетателей большинства, силится изобразить исторію права, какъ естественно-прогрессирующій процессъ, создать видимость мирной эволюціи права, не знающей скачковъ.

Но для всякаго марксиста ясно, что тенденція буржуазныхъ классовъ—простое жонглированіе формами права.

Ростъ производительныхъ силъ неизбѣжно приводитъ къ такому фазису эволюціи производственныхъ отношеній, когда право, правовыя формы становятся изъ средствъ охраны оковами этихъ отношеній, тормозомъ развитія матеріальныхъ интересовъ. Тогда происходятъ революціи, и разрушается существовавшій правовой порядокъ. Законы, какъ карточные домики, летятъ кувыркомъ, и новый классъ, получившій власть отъ революціи,—если онъ меньшинство,—лицемѣрно спасаетъ видимость легальнаго процесса, замазывая вторженіе революціи въ это святая-святыхъ господствующаго меньшинства.

Если революція удачна, и побѣду одержало меньшинство, то, хотя она выковываетъ новое право, новыя правовыя формы угнетенія низвергнутаго и подавленнаго класса, меньшинство обрабатываетъ умы, чтобы сохранить иллюзію связи со старымъ правовымъ порядкомъ, чтобы не разрушить въ порабощенныхъ массахъ фетишистическаго предразсудка, взращиваемаго юристами, будто законы—основа общества, будто общество немыслимо безъ нихъ, будто оно покоится на правѣ, между тѣмъ какъ, по удачному выраженію Маркса, не общество покоится на законахъ, а законы на обществѣ.

Блестящая къ тому иллюстрація передъ нашими глазами. Я имѣю въ виду фарсъ съ инсценировкой «отреченія» Николая Романова. Когда февральская революція низвергла тронъ, буржуазные «философы» права—кадетскіе мудрецы—симулировали отреченіе Николая II и обосновывали этимъ «добровольнымъ» актомъ, какъ «источникомъ» права, всѣ правовые акты временнаго правительства и самое его рожденіе. Такъ, на-спѣхъ, грубыми мазками замазывали вторженіе революціи въ область права фигляры буржуазнаго правовѣдѣнія «ученые», «юристы». Они канонизировали царя, какъ «источникъ» буржуазнаго права. И въ согласіи съ этими общими положеніями слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что лишь тогда, когда одержитъ побѣду рабочій классъ, когда большинство становится господствующимъ классомъ,—лишь тогда этой лицемѣрной игрѣ въ «легальный» процессъ права пѣтъ мѣста, не можетъ быть мѣста, ибо поверженный храмъ права—проклятый храмъ, храмъ насилія надъ нимъ, памятникъ его классоваго порабощенія, его горя, его слезъ. Его интересъ—не «подновлять» этотъ гробъ; у него противоположная задача—сдѣлать свой успѣхъ наглядньмъ урокомъ того, какъ слѣдуетъ ломать цѣпи права, чтобы, кодексы «права» бросивъ въ корзину, какъ ненужную ветошь, выковать въ процессѣ борьбы новое пролетарское право для обузданія своихъ классовыхъ враговъ. Пролетаріату нѣтъ нужды возводить свое право,—право, необходимое ему для подавленія своихъ бывшихъ угнетателей,—въ рангъ jus divinum. Ему некого обманывать, нечего и не отъ кого скрывать, не зачѣмъ именовать организаціи подавленія сопротивленія эксплоататоровъ «храмами правосудія». «Слѣпую Ѳемиду», ея жрецовъ-фарисеевъ вмѣстѣ съ лицемѣрной надписью на фронтонѣ ея храма—«Правдой и Милостью» онъ отправитъ на свалочное мѣсто. Побѣдоносная октябрьская революція,

передавшая власть въ руки пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства, такъ и сдѣлала. Она превратила кодексы самодержавно-буржуазнаго права въ макулатуру, разрушила храмы правосудія, прогнала жрецовъ права, сановныхъ и чиновныхъ служителей капитала, и «свободныхъ» приспѣшниковъ его, адвокатовъ, драпирующихъ мерзость своихъ дѣяній тогой жалкой величавости.

Такъ лишній разъ опытъ нашихъ революцій подтвердилъ правильность діалектическаго взгляда на право, ибо, вѣдь, правильна и научна только та теорія, выводы которой подтверждаются практикой и не противорѣчатъ ей. «Наука, — говорилъ да-Винчи,—полководецъ, практика—солдаты».

Такимъ образомъ, «естественно прогрессирующій процессъ развитія права» сводится къ слѣдующей краткой формулѣ: коммунистическій строй не знаетъ права; право рождается съ экономическимъ неравенствомъ, съ расколомъ населенія на классы, правовая система древности отражаетъ въ себѣ эксплоатацію господами рабскаго труда; феодальное крѣпостное право вплоть до XIX вѣка—эксплоатацію холопства, буржуазное право со времени французской революціи представляетъ собой отраженіе эксплоатаціи «свободнаго» труда капиталистами. Переходный строй отъ капитализма къ соціализму, переживаемый впервые на земномъ шарѣ послѣ октябрьской революціи въ Россіи, творитъ въ процессѣ соціалистической революціи особое, не виданное нигдѣ право, право не въ подлинномъ его смыслѣ (системы угнетенія большинства меньшинствомъ), а право пролетарское, которое все же право, въ смыслѣ средства подавленія сопротивленія меньшинства трудящимися классами. (Въ эту эпоху право—не кодексъ, не писанный сводъ законовъ; безъ всякихъ законовъ, безъ особыхъ правилъ вооруженный народъ борется со своими классовыми противниками.)

Въ смыслѣ внѣшней охраны производственныхъ отношеній право существуетъ и функціонируетъ еще и при соціалистической формѣ общества, когда право постепенно отмираетъ и съ переходомъ къ коммунизму, исключающему всякое экономическое неравенство, совершенно исчезаетъ. Родившись изъ экономическаго неравенства (послѣ первобытнаго коммунизма), право умираетъ въ коммунистическомъ обществѣ со смертью экономическаго неравенства. Таковъ жизненный путь права. Огромная часть этого пути человѣчествомъ уже пройдена. Нынѣ наша страна переживаетъ эпоху пролетарскаго права. Каковы же дальнѣйшія его судьбы?

Совершенно очевидно, что право пролетарское прежде всего будетъ з н а ч и т е л ь н о у п р о щ е н о. Объясняется это чрезвычайно легко. Право, защищавшее долгій экономическое господство меньшинства надъ большинствомъ, должно было представлять собой сложную, утонченную систему всякихъ шаблоновъ, многочисленныхъ правилъ, разсчитанныхъ на анархическое состояніе хозяйства, предусматривающихъ безпорядочную «свободную» игру индивидуальныхъ силъ. Вотъ почему буржуазное право представляетъ собой цѣлую груду отдѣльныхъ положеній, такое пестрое разнообразіе. Съ другой стороны, подавляя большинство, господствующее меньшинство должно было сугубо заботиться о томъ, чтобы весь сложный комплексъ этихъ правилъ производилъ впечатлѣніе объективной справедливости, имѣлъ въ глазахъ подавляемаго большинства авторитетъ общеполезныхъ нормъ, внѣклассовыхъ благъ, равныхъ для всѣхъ. Отсюда необходимость фикцій въ правѣ, скрывающихъ его истинный смыслъ. Итакъ, въ соотвѣтствіи со значительной легкостью задачи подавленія меньшинства большинствомъ пролетарское право сильно упростится. И сейчасъ уже, съ происшедшей революціей въ сферѣ производственныхъ отношеній, съ соціализаціей средствъ производства, отпали, какъ ненужныя, цѣлыя области такъ-называемаго гражданскаго права. Исчезло тра-

диціонное семейное право,—этотъ пережитокъ патріархальнаго строя, нѣтъ сложнѣйшей и запутаннѣйшей системы наслѣдственнаго права. Сломано буржуазное вещное право. Рухнула основа общественнаго права: договоръ личнаго найма. Съ постепеннымъ превращеніемъ послѣдняго въ трудовую повинность исчезнетъ цѣликомъ и эта область гражданскаго права. Съ полнѣйшимъ обобществленіемъ средствъ производства отъ X т. ч. 1 нашего Corpus iuris civilis останутся ножки да рожки.

Превратилось въ обломки и церковное право: каноны уже потеряли юридическую силу.

Нечего говорить уже о томъ, что старое государственное право представляетъ собой руины стараго зданія. Съ окончательнымъ подавленіемъ буржуазіи пролетарское «право» будетъ постепенно терять свои функціи и замѣняться правилами организаціи хозяйственной жизни—производства, распредѣленія, потребленія. Органы права будутъ превращаться въ хозяйственные, административные органы. Судей будутъ все болѣе и болѣе вытѣснять рабочіе, надсмотрщики, бухгалтеры.

Что повелѣвающее и запрещающее право постепенно будетъ сокращаться въ объемѣ и въ сферѣ примѣненія, а правовой порядокъ постепенно превращаться въ организацію хозяйственнаго характера,—съ этимъ соглашаются даже представители такъ-называемой «соціологической» школы права; однако, ни одинъ изъ нихъ, не исключая Менгера, не можетъ согласиться съ тѣмъ, что оно исчезнетъ окончательно, и, главнымъ образомъ, аргументы для защиты этой безнадежной въ научномъ отношеніи позиціи они черпаютъ изъ сферы уголовнаго права, изъ сферы преступленій.

Къ нимъ я и перехожу.

II.

Какъ было указано выше, камень преткновенія для соціалистовъ-оппортунистовъ, къ которымъ относится и Менгеръ, о который спотыкается ихъ мысль,—это метафизическое представленіе о человѣческой природѣ, какъ о разъ данномъ абсолютѣ, это, говоря обще, ихъ дуализмъ.

Подобно тому, какъ Менгеръ останавливается на полупути при изслѣдованіи эволюціи государства, когда онъ утверждаетъ, что будущее общество будетъ лишь по преимуществу хозяйственной и административной организаціей и никогда не умретъ, какъ организація насилія, какъ государство, такъ и по вопросу о преступленіяхъ онъ упирается въ мертвую точку: въ основные инстинкты человѣческой природы, которые, по его утвержденію, исключаютъ возможность въ какомъ бы то ни было строѣ общества исчезновенія преступленій. Онъ допускаетъ лишь, что преступленія будутъ встрѣчаться все рѣже и рѣже.

При этомъ онъ имѣетъ въ виду исключительно преступленія, направляемыя, по его терминологіи, непосредственно «противъ личности», и преступленія «противъ права», т.-е. преступленія противъ правъ, признанныхъ правовымъ строемъ. Совершеніе этихъ преступленій Менгеръ мыслитъ въ любомъ строѣ; порукой въ этомъ для него служатъ скверные инстинкты человѣческой природы.

Не касаясь вопроса объ искусственности дѣленія преступленій на эти категоріи, надо сказать, что и въ этихъ утвержденіяхъ кроется суевѣрный предразсудокъ, фетишизмъ права, какъ чего-то вѣчнаго.

Вѣдь, если государство, право, преступленіе предполагаютъ своей предпосылкой экономическое неравенство, если оно рождается съ дифференціаціей общества на классы, то съ исчезновеніемъ классоваго строя съ исчезновеніемъ неравенства исчезаютъ всѣ эти категоріи, а среди нихъ

ія преступленія. Для марксиста всякое преступленіе—продуктъ непримиримости классовыхъ антагонизмовъ.

Анархія капиталистическаго производства, создающая неустойчивость отдѣльнаго существованія и вызывающая въ индивидуумѣ борьбу за таковое, порождаетъ эксцессы, крайности, преступленія, вплоть до самыхъ звѣрскихъ. Эксплоатація массъ создастъ нужду, нищету, невѣжество, одичаніе, пороки. Никакая борьба съ ними не можетъ быть плодотворной настолько, чтобы устранить возможность ихъ проявленія. Они исчезнутъ лишь въ болѣе позднеї фазѣ коммунистическаго строя, оставаясь при переходѣ къ коммунизму въ качествѣ рудиментарнаго остатка отъ прошлаго.

Отъ этого проклятаго наслѣдія многовѣковаго рабства человѣчество освободится не сразу.

Оно долго еще будетъ тяготѣть надъ нимъ, пока, наконецъ, человѣчество изъ состоянія необходимости не перейдетъ въ состояніе «свободы».

Тотъ переходный строй къ соціализму, который принесла Россіи октябрьская революція, получилъ чрезвычайно богатое наслѣдство преступности отъ имперіализма, приведшаго къ неслыханной бойнѣ народовъ, къ голоду и въ связи съ ними къ крайнему озвѣренію. Передъ пролетарскимъ правительствомъ поставлена чрезвычайно тяжелая задача—справиться съ этимъ зломъ. Какія же мѣры ему придется примѣнять въ борьбѣ съ этимъ зломъ въ это переходное время? Въ первую голову наша карательная политика порветъ совершенно съ принципами возмездія. Мучительство и жестокость наказанія должны быть отброшены. Ничтожными намъ представляются возможныя достиженія въ направленіи исправленія преступника. Благопріобрѣтенное имъ отъ среды—всегда заранѣе данное, которое будетъ предопредѣлять равнодѣйствующую движущихъ силъ его переживаній. Сантиментальные способы перевоспитанія, практикуемые въ нѣкоторыхъ заокеанскихъ тюрьмахъ, въ родѣ усиленнаго питанія, продолжительныхъ прогулокъ, массажа, купанья, гимнастики, и т. п., могутъ вызвать у насъ въ лучшемъ случаѣ улыбку. Единственной цѣлью налагаемой кары должна быть, въ соотвѣтствіи съ нашимъ взглядомъ на причины преступности, самозащита или охрана условій общежитія отъ посягательствъ, и въ этихъ видахъ власти придется дѣйствовать рѣшительными хирургическими мѣрами, мѣрами террора и изоляціи.

Объ общихъ предупредительныхъ мѣрахъ говорить не приходится, ибо жизнь будетъ работать за насъ, приближая насъ къ коммунизму, съ которымъ отойдутъ въ исторію и преступленіе, и всякое насиліе, а значитъ, и наказаніе, и само право.

А пока,—пока мы не можемъ еще, перефразируя старыхъ юристовъ, воскликнуть: «pereat justitia, fiat mundus»,—нашу работу въ области карательной будетъ направлять не буржуазная лицемѣрная, индивидуальная «гуманность», а классовый интересъ непреклоннаго подавленія посягательствъ паразитирующаго меньшинства на условія общежитія, соотвѣтствующія интересамъ трудящихся массъ населенія.

Конкретизировать эту работу, установить наперед детальный планъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ, сводить ихъ въ кодексъ сейчасъ значило бы измышлять болѣе или менѣе остроумную утопическую систему. Необходимо предоставить революціоннымъ массамъ возможность самимъ проявить правотворчество и съ укрѣпленіемъ завоеваннаго революціей строя подвести итоги этой скрытой пока въ нѣдрахъ массъ работы. Здоровый классовый инстинктъ рабочихъ укажетъ имъ надлежащій путь. Нашимъ лозунгомъ и здѣсь должна быть самодѣятельность массъ: выполненіе функцій власти, когда у власти рабочій народъ, должно стать всенароднымъ.

Отводя главную роль въ правотворчествѣ переходной эпохи самодѣятельности массъ и полагая, что такъ-называемая кодификація уголовнаго права во время соціалистической революціи—напрасный трудъ, я думаю, что задача власти въ этой правовой области сводится, главнымъ образомъ, къ руководству, къ инструктированію массъ.

Вооруженный народъ во время революціи самъ управляетъ. У него нѣтъ еще шаблоновъ, и не можетъ быть кодекса особыхъ правилъ. Безъ нихъ онъ и справляется. Но, побѣдивъ буржуазію и упрочивъ свое господство, рабочій классъ долженъ выработать на-время, до полнаго уничтоженія неравенства, особыя нормы права для охраны и защиты соціалистическаго производства, распредѣленія труда и матеріальныхъ благъ. Посягательства на эту сферу отношеній теперь должны считаться тягчайшими преступленіями. Отпадутъ преступленія такъ-называемыя политическія (противъ политическаго строя), ибо они перестанутъ быть опасными: народу не страшны покушенія отдѣльныхъ лицъ или ихъ незначительныхъ соединеній, поскольку онъ одержалъ побѣду и закрѣпилъ новый строй. Ихъ мѣсто должна занять глава уголовнаго права—нарушеніе экономическаго порядка, равенства труда и равенства дѣлежа продуктовъ. Посягательства на соціалистическое производство, эксплоатацію труда сверхъ нормы, допускаемой вслѣдствіе экономической необходимости въ данный моментъ, нарушенія правилъ распредѣленія, лѣнь, праздность составятъ тягчайшія преступленія. Такъ-называемыя преступленія противъ «имущественныхъ правъ», очевидно, останутся преступленіями и въ этомъ переходномъ строѣ, рожденномъ изъ капиталистическаго, до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ экономическое неравенство, чего слѣдуетъ ожидать лишь на высшей стадіи техническаго развитія въ коммунистической фазѣ. То же относится и къ такъ-называемымъ преступленіямъ противъ личности. Въ этой области конфликты и эксцессы, естественно, будутъ все рѣже; почва подъ ними будетъ постепенно исчезать, мотивы сокращаться. Но пока не исчезнутъ остатки капиталистическаго строя, породившаго одичалость, озвѣреніе, грубость нравовъ, невѣжество, сусвѣрія и т. п. прелести этого проклятаго режима, пролетарскимъ судамъ придется вести рѣшительную карательную политику въ защиту условій индивидуальнаго существованія гражданъ отъ посягательства на тѣлесную неприкосновенность.

Ясно одно,—что съ водвореніемъ новаго порядка вещей, съ кореннымъ преобразованіемъ общественнаго строя, когда экономическое существованіе отдѣльной личности будутъ обезпечено, карательныя функціи права будутъ все болѣе сокращаться, ибо нападеніе на этотъ порядокъ вещей и сопротивленіе ему будутъ совершаться со стороны ничтожнаго меньшинства. Право все болѣе будетъ превращаться въ правила для управленія хозяйствомъ, судьи—въ управляющихъ имъ.

Таковой представляется мнѣ «программа-минимумъ» карательной политики совѣтскаго правительства. Такъ революція въ области производственныхъ отношеній, революціонизируя право и уничтожая его, какъ таковое, съ развитіемъ производительныхъ силъ приведетъ къ водворенію подлинной гуманности въ человѣческихъ отношеніяхъ и вернетъ этому опошленному либералами - филистерами слову его настоящій смыслъ.

III.

Обращаясь послѣ общихъ замѣчаній теоретическаго характера къ обзору такъ-называемаго положительнаго законодательства Рабоче-Крестьянской власти въ области уголовнаго права, надо имѣть въ виду два мо-

мента: во-первыхъ, не надо забывать, что хотя съ измѣненіемъ экономической основы общества болѣе или менѣе быстро преобразуется правовая надстройка, но она не погибаетъ окончательно, пока не разовьются новыя экономическія отношенія, во всей ихъ полнотѣ, и, во-вторыхъ, надо отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что въ уголовномъ правѣ лишь отдаленнымъ образомъ и далеко не такъ непосредственно, какъ въ другой области права (напр., «гражданскаго» или «государственнаго»), отражается революція въ экономическихъ отношеніяхъ. Вотъ почему въ сферѣ уголовной политики отъ Совѣтской власти нельзя ждать въ этотъ переходный періодъ коренныхъ преобразованій.

Рабоче-Крестьянскому Правительству приходится развертывать свою дѣятельность въ крайне неблагопріятной обстановкѣ, въ обстановкѣ послѣдней агоніи умирающаго капитализма. Ему приходится бороться, помимо преступнаго наслѣдія, доставшагося отъ стараго режима, еще съ невѣроятнымъ ростомъ преступности, обычно сопровождающимъ паденіе стараго міра, напрягающаго всѣ силы, совершающаго всѣ преступленія, чтобы отстоять право на свое существованіе.

Совершенно очевидно, что рабочее правительство должно было отвѣтить безпощадной репрессіей. Такъ и случилось. Независимо отъ учрежденія особыхъ боевыхъ организацій для борьбы съ контръ-революціей, какъ чрезвычайныя комиссіи, быстро и рѣшительно, безъ особыхъ правилъ реагирующія на прямыя посягательства на завоеванія рабочей революціи, были изданы спеціальные законы, сохраняющіе новую организацію распредѣленія и карающіе противодѣйствіе проведенію въ жизнь какъ отдѣльныхъ постановленій правительства, такъ и общихъ его мѣропріятій. Среди этихъ законодательныхъ актовъ въ области уголовнаго права обращаютъ на себя вниманіе декреты о спекуляціи и взяточничествѣ. Направленные противъ имущихъ классовъ, они носятъ на себѣ опредѣленную печать классовой пролетарской юстиціи. На нихъ нѣтъ буржуазнаго наряда, задача котораго—создать иллюзію равнаго для всѣхъ закона и этимъ прикрыть классовую сущность его. Наоборотъ. Съ полной откровенностью декретъ (напримѣръ, о взяточничествѣ) заявляетъ, что если лицо, виновное въ дачѣ или принятіи взятки, принадлежитъ къ имущему классу и пользуется взяткой для сохраненія привилегій, связанныхъ съ правомъ собственности, то оно приговаривается къ наиболѣе тяжелымъ, непріятнымъ принудительнымъ работамъ, и все его имущество подлежитъ конфискаціи. Въ разрѣзъ съ буржуазнымъ законодательствомъ декретъ въ равной мѣрѣ разитъ и дающаго, и берущаго.

Декретъ о спекуляціи направленъ противъ торговаго класса и налагаетъ узду на «свободу торговли» въ первую голову предметами массоваго потребленія. На-ряду съ положительной организаціонной работой по осуществленію соціалистическаго распредѣленія продуктовъ и въ защиту ея Совѣтская власть вынуждена была издать безпощадный законъ противъ вакханаліи спекуляціи. По этому закону, кара, угрожающая спекулянту, выше наказанія, полагающагося по старому закону вору, мошеннику, грабителю. И это понятно, ибо спекулянтъ, подрывающій систему справедливаго распредѣленія предметовъ первой необходимости, наноситъ своими преступными дѣйствіями несравненно большій вредъ условіямъ общежитія, чѣмъ посягающій на отдѣльное имущество. Отличительной чертой этихъ двухъ законовъ,—какъ, впрочемъ, и всѣхъ уголовныхъ законовъ, изданныхъ Совѣтскимъ Правительствомъ,—является та особенность, что при опредѣленіи кары законъ исходитъ изъ соображеній объективнаго вреда, причиняемаго дѣйствіями преступника, изъ защиты классоваго интереса и отрѣшается отъ традиціоннаго классическаго принципа субъективной отвѣтственности виновнаго.

Другой типичной особенностью уголовнаго законодательства переходнаго времени, вытекающей, впрочемъ, изъ того же начала, является отказъ взвѣшиванія «свободной воли», проявленной преступникомъ, необычайно скрупулезно производившагося буржуазнымъ правосудіемъ. Совѣтское законодательство, вставъ на объективную почву защиты соціальнаго строя и безпощадной борьбы съ посягающими на него, игнорируетъ вопросъ о томъ, какое количество «преступной воли» участвовало въ совершеніи наказуемаго дѣянія, и пособниковъ, подстрекателей и даже просто прикосновенныхъ къ дѣянію караетъ наравнѣ съ главными виновниками.

(См. декреты о взяточничествѣ, спекуляціи, провозѣ въ видѣ прочмысла почты и т. д.).

Своеобразна также и санкція уголовныхъ законовъ.

Какъ общее правило, слѣдуетъ отмѣтить, что санкція въ нихъ отсутствуетъ. Описательная часть преступнаго дѣянія заканчивается общей резолюціей о преданіи суду или трибуналу. И лишь въ особо важныхъ случаяхъ санкція опредѣляетъ наказаніе-минимумъ (не ниже такого-то), предоставляя суду неограниченный просторъ въ повышеніи наказанія. Эта необычайная для буржуазнаго правосудія система уголовной санкціи имѣетъ глубокій смыслъ. Мѣрка математически точная, «отъ—до», усвоенная буржуазными законодательствами, покоится на фикціи «нормальнаго», «средняго человѣка» Кетле, на котораго разсчитаны уголовныя нормы.

Пролетарское право, не нуждающееся въ фикціяхъ для прикрытія, подобно буржуазному, своего классоваго характера, не оперируетъ фиктивнымъ «среднимъ», не соотвѣтствующимъ живой и разнообразной дѣйствительности.

Пролетарская юстиція, руководствуясь въ охранѣ соціалистическаго строя лишь принципомъ цѣлесообразности, отводитъ суду просторъ при учетѣ мѣръ репрессій сообразно съ пестротой и многогранностью преступныхъ дѣйствій, этихъ «формъ соціальной жизни»—по мѣткому выраженію Листа.

Однако, особенности переживаемаго переходнаго времени, вызывая бѣшеное сопротивленіе поверженныхъ классовъ, способствуютъ, какъ сказано было выше, необычайному росту посягательствъ на неокрѣпшій еще строй и заставляютъ правительство въ особо опасныхъ мѣстахъ давать руководящія указанія изъ центра для его защиты и опредѣлять мѣру репрессій, не подлежащую понижению со стороны суда.

Не осталась неприкосновенной и традиціонная скала наказаній. Мѣсто штрафа въ ней заняла конфискація всего или части имущества. Штрафъ, «равный» для всѣхъ классовъ населенія при экономическомъ неравенствѣ, являлся мѣрой въ высокой степени несправедливой съ точки зрѣнія соціалистическаго правосознанія. При замѣнившей штрафъ конфискаціи имущества въ распоряженіи суда оказалось весьма гибкое средство уравненія отвѣтственности лицъ разныхъ состояній за одни и тѣ же дѣянія. Въ соотвѣтствіи съ новымъ контингентомъ уголовныхъ преступниковъ, вербуемыхъ среди буржуазіи, новое уголовное законодательство обычно соединяетъ налагаемое наказаніе лишеніемъ свободы съ конфискаціей имущества виновныхъ.

Какъ совершенно нецѣлесообразная мѣра, уничтожена и слѣдующая ступень старой лѣстницы наказаній—кратковременный арестъ.

Отбросивъ «классическую» теорію «вмѣняемости» и «виновности», какъ метафизику, Совѣтское правительство, естественно, уничтожило дѣленіе мѣстъ заключенія на арестные дома, тюрьмы, работные дома, исправительныя арестантскія отдѣленія и каторжныя тюрьмы, замѣнивъ ихъ однообразными мѣстами лишенія свободы, всегда сопряженнаго съ при-

нудительными работами. Излишне говорить о томъ, что принудительныя работы, въ противорѣчіе съ требованіемъ буржуазной юстиціи, распространены и на послѣдственныхъ. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что намѣченная правительствомъ мѣра,—возложеніе на заключенныхъ издержекъ ихъ содержанія въ мѣстахъ заключенія.—представляется правильной въ виду, во-первыхъ, того, что среди уголовныхъ преступниковъ начинаютъ преобладать представители имущихъ классовъ и, во-вторыхъ, въ виду того, что нѣтъ никакого основанія возлагать на плечи трудящихся бремя содержанія въ тюрьмахъ ихъ классовыхъ враговъ.

Безпощадное къ врагамъ соціалистическаго правопорядка, Совѣтское правительство разрабатываетъ грандіозный планъ постройки соотвѣтствующихъ воспитательныхъ учрежденій для исправимыхъ еще жертвъ капиталистическаго режима (реформаторіумовъ), а несовершеннолѣтнихъ преступниковъ оно уже передало особымъ учрежденіямъ Народнаго Комиссаріата Просвѣщенія, изъявъ дѣла о нихъ изъ компетенціи судебныхъ органовъ; его задача — не карать, а защитить дѣтей отъ дѣйствія неблагопріятной среды.

Таковы преобразованія, произведенныя Совѣтской властью въ области уголовнаго права во время напряженнѣйшей борьбы съ ея врагами. Бѣглый обзоръ намѣченныхъ измѣненій лишній разъ указываетъ на то, какія колоссальныя опустошенія производитъ пролетарская революція, вторгаясь въ экономическія отношенія, даже въ такой отдаленной отъ нихъ области, какъ область уголовнаго права.

П. Козловскій.

Народные суды.

Первый юридическій актъ пролетарской революціи—декретъ 2-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ 28 октября 1917 года о Рабоче-Крестьянскомъ правительствѣ—далъ и первыя директивы тѣмъ Комиссіямъ, иначе Народнымъ Комиссаріатамъ, которыя были образованы для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственной жизни; онѣ должны были провести въ жизнь въ тѣсномъ единеніи съ массовыми организаціями рабочихъ, работницъ, матросовъ, солдатъ, крестьянъ и служащихъ провозглашенную съѣздомъ программу, исходнымъ пунктомъ которой былъ принципъ: вся власть—совѣтамъ.

Этотъ исходный пунктъ программы былъ не только деклараціей въ области верховнаго государственнаго управленія,—онъ сталъ фактомъ еще 25-го октября. Но власть рабочихъ и крестьянъ должна была обнять всѣ проявленія государственной жизни, проникнуть во всѣ ея поры. Дать новыя нормы, оформить новое право, новыя правоотношенія классовъ въ первую голову долженъ былъ Народный Комиссаріатъ Юстиціи. Для этого нужно было сломать безъ остатка такія организаціи буржуазнаго господства, какими были старые классовые суды. Поэтому первый актъ юстиціи, передъ которой открывалась безпримѣрная перспектива правового творчества въ интересахъ рабочаго класса, коснулся старыхъ судовъ (Декретъ о Судѣ № 1 24-го ноября 1917 г.).

Это былъ актъ организаціонный по преимуществу, хотя онъ «упразднялъ», такъ какъ лишалъ буржуазію одной изъ ея крѣпостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ намѣчалъ основные принципы новаго судоустройства: рѣшающее участіе въ немъ массовыхъ организацій рабочихъ въ городахъ и крестьянъ въ деревняхъ путемъ выбора ими изъ среды совѣтскихъ избирателей постоянныхъ судей и очередныхъ засѣдателей; послѣднимъ принадлежитъ всегда рѣшающій голосъ какъ въ Народныхъ Судахъ, призванныхъ разрѣшать гражданскія и уголовныя дѣла, такъ и въ Революціонныхъ Трибуналахъ, созданныхъ для борьбы противъ контръ-революціонныхъ силъ и для огражденія завоеваній пролетарской революціи. Судъ сталъ народнымъ не только по своему составу, но и потому, что съ первыхъ же дней долженъ былъ руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ прежде всего революціонной совѣстью и революціоннымъ правосознаніемъ. (Декретъ о Судѣ № 1).

Взявъ въ свои руки власть, рабочіе и крестьяне безбоязненно ввѣрили своимъ судамъ самое правотворчество въ тотъ моментъ революціи, когда еще не могли быть выработаны законодательными органами новыя нормы права.

Интересно прослѣдить процессъ созданія новыхъ формъ революціоннаго Суда въ тотъ моментъ и тамъ, гдѣ по той или иной причинѣ не было

еще получено декретовъ изъ центра, въ частности не былъ полученъ первый декретъ о Судѣ.

Вотъ какъ конструировался, напримѣръ, судъ въ Кронштадтѣ 23-го ноября 1917 года, т.-е. до опубликованія перваго декрета о Судѣ.

Въ составъ «Суда общественной совѣсти» гор. Кронштадта вошли представители слѣдующихъ организацій: 1) три члена Совѣта Рабоч. и Солд. Депутатовъ, 2) отъ городского самоуправленія—одинъ, 3) отъ комитета партіи с.-р.—одинъ, 4) отъ Р. С.-Д. Р. П. (большевиковъ)—одинъ, 5) отъ бюро профессіональныхъ союзовъ—одинъ, 6) отъ организаціи с.-р. (максималистовъ)—одинъ, 7) отъ комитета Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиковъ)—одинъ, 8) отъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ—три мѣстныхъ судьи, избранные демократическими выборами 6-го октября 1917 года и утвержденные Кронштадтскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Изъ Суда общественной совѣсти для разбора мелкихъ дѣлъ выдѣлены были двѣ секціи въ составѣ мѣстнаго судьи и двухъ членовъ суда общественной совѣсти. Такова была первоначальная структура Кронштадтскаго Суда, компетенціи котораго были здѣсь подчинены всѣ уголовныя и гражданскія дѣла. По полученіи перваго декрета о Судѣ, Судъ общественной совѣсти принялъ его къ руководству, но безъ ломки самой организаціи Суда. Въ концѣ декабря въ Кронштадтѣ былъ организованъ и революціонный Трибуналъ, въ составъ котораго вошли представители отъ Мѣстнаго Совдепа и члены Суда общественной совѣсти, избранные политическими организаціями; кромѣ того, на каждое засѣданіе трибунала делегировались члены Совдепа отъ всѣхъ организацій, въ общемъ числѣ 10 человѣкъ.

Въ этой структурѣ Кронштадтскаго Суда, возникшаго еще до декрета, нельзя не видѣть двухъ характерныхъ особенностей: коренной ломки прежняго Суда и опредѣленнаго стремленія построить новый судъ на основѣ политической группировки мѣстнаго Совдепа.

Еще характернѣе правила о временномъ народномъ Судѣ Кузнецкаго уѣзда, Томской губ.:

«Въ переживаемый революціонный періодъ.—говорится въ нихъ,—когда рушились всякія существовавшія нормы правоотношеній между гражданами, когда на почвѣ несознательности, корыстолюбія и пр. возникаетъ масса дѣяній преступнаго характера, нарушающихъ права гражданъ, и когда въ то же время существовавшій мировой судъ пересталъ пользоваться въ населеніи довѣріемъ, является необходимость созданія закона о новомъ Судѣ—народномъ Судѣ, который долженъ удовлетворять слѣдующимъ основнымъ условіямъ: 1) Судъ авторитетный, пользующійся довѣріемъ среди населенія; 2) Судъ совѣсти, не стѣсненный рамками существовавшихъ... ст.. закона; 3) Судъ скорый въ интересахъ устраненія проволочки времени; 4) Судъ равный для всѣхъ гражданъ населенія».

Далѣе правила проводятъ и структуру такого Суда: Предсѣдатель—мѣстный Мировой Судья и 4 выборныхъ члена—«Очередные засѣдатели» отъ группъ населенія по одному: отъ мѣстнаго городского населенія, отъ крестьянъ, рабочихъ и солдатъ (въ сельскихъ мѣстностяхъ каждая волость избираетъ членовъ суда). Предсѣдателями временнаго Народнаго Суда были утверждены временно участковые мировые судьи. Компетенція этого Суда была опредѣлена въ правилахъ такъ: «Дѣла уголовныя до 2-хъ лѣтъ тюремнаго наказанія и дѣла гражданскія до 3-хъ тысячъ рублей, а штрафы за проступки по усмотрѣнію Суда, но не свыше 3-хъ тысячъ рублей». Рѣшенія Суда окончательныя и обжалованію не подлежатъ. Таковъ былъ Судъ, созданный въ Сибири, въ отдаленномъ отъ центра Кузнецкомъ уѣздѣ, безъ декретовъ изъ центра, но поразительно совпадающій въ основныхъ чертахъ съ народнымъ мѣстнымъ Судомъ по декрету № 1.

Приведу еще примѣръ: «Положеніе о временныхъ революціонныхъ Судахъ Новгородской губ.», изданное 30-го декабря 1917 года. «Впредь до изданія исчерпывающихъ законоположеній по организаціи суда, основаннаго на демократическихъ началахъ.—говорится въ этомъ положеніи,—учреждаются взамѣнъ упраздняемыхъ Новгородскаго и Череповецкаго Окружныхъ Судовъ временные Революціонные Суды въ гор. Новгородѣ и Череповцѣ».

Компетенція временныхъ революціонныхъ Судовъ распространяется на всѣ дѣла Окружнаго Суда и, кромѣ того, на дѣла «провокаціоннаго характера, а также на дѣла о расхищеніи или присвоеніи продовольственныхъ припасовъ». Въ составъ каждаго уголовнаго и гражданскаго отдѣленія революціонныхъ судовъ входятъ: постоянные члены, предсѣдатель и два товарища, избираемые губернскимъ исполнительнымъ комитетомъ, и на каждую сессію суда—девять засѣдателей (шесть дѣйствительныхъ, три запасныхъ), избираемые также губернскимъ исполнительнымъ комитетомъ.

Согласно ст. 18 положенія, «признаннаго виновнымъ судъ приговариваетъ къ наказанію, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположеніями, въ качествѣ же необязательнаго для себя руководства судъ можетъ пользоваться улож. о Нак. и Уголовн. Улож.».

Приговоры и рѣшенія суда апелляціи и кассаціи не подлежатъ. Положеніе о Революціонныхъ Судахъ Новгородской губ., такимъ образомъ, и въ судоустройствѣ, и въ судопроизводствѣ явно предвосхищаетъ основную структуру Окружнаго Суда по декрету № 2.

Нѣкоторыя Положенія о Судахъ, изданныя на мѣстахъ до опубликованія тамъ декрета о Судѣ № 1, не только устанавливали организацію суда на развалинахъ стараго, но и давали зачастую руководящія нормы матеріальнаго уголовнаго права. Таковы, напримѣръ, Положенія о Врем. Рев. Судахъ Новгородской губ. или Наказъ Камышевскому Народному гласному Суду.

Не останавливаясь на этомъ очень интересномъ моментѣ правотворчества, мы можемъ уже теперь сдѣлать опредѣленный выводъ, что октябрьская революція неизбѣжно вела къ коренной ломкѣ прежняго суда, къ уничтоженію его прежняго классоваго базиса. Декретъ объ упраздненіи прежнихъ судовъ не только шелъ навстрѣчу исторически неизбѣжному перевороту въ области юстиціи, но и въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, гдѣ пролетарская революція торжествовала полную побѣду, засталъ совершившійся фактъ: новый судъ на основѣ участія въ немъ и рѣшающаго голоса Совѣтскихъ Засѣдателей какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ.

Декретъ отъ 24 ноября 1917 года о судѣ, упразднившій старые буржуазные суды однимъ революціоннымъ актомъ, фактически упразднилъ ихъ, за крайне рѣдкими исключеніями, безъ остатка. Въ то же время этотъ декретъ давалъ лишь самыя общія основанія пролетарской юридической надстройки. Онъ намѣчалъ организацію мѣстныхъ судовъ взамѣнъ прежняго цензоваго мирового суда и особыхъ органовъ борьбы съ контръ-революціей—революціонные трибуналы—и для ликвидаціи окружныхъ судовъ и другихъ общихъ судовъ создавалъ особыхъ комиссаровъ, функціи которыхъ, по-декрету, сводились къ заботамъ объ архивахъ и имуществахъ упраздненныхъ судовъ и руководству выдачей справокъ. Комиссары, введенные указаннымъ декретомъ, фактически являлись отвѣтственными организаторами Народныхъ Судовъ на мѣстахъ.

Первые моменты революціоннаго переворота въ области судоустройства отмѣчены, прежде всего, организаціей Революціонныхъ Трибуналовъ. Созданные какъ органы борьбы съ контръ-революціей и спекуляціей, т.-е., по существу, какъ организаціи не суда, въ подлинномъ смыслѣ слова, а политической борьбы революціонные трибуналы въ городахъ, а нерѣдко и

въ волостяхъ въ первое время оказались почти-что фундаментомъ юридической надстройки пролетарской революціи, такъ какъ до образованія мѣстныхъ судовъ по декрету № 1 взяли на себя функціи Народныхъ Судовъ.

Такъ, въ Московскій Революціонный Трибуналъ за время съ 21 декабря 1917 г. по 1 іюля 1918 года поступило 2022 дѣла, изъ коихъ имъ прекращено 222 дѣла и передано въ Народные Суды и другія учрежденія 740 дѣлъ. Окончательно рѣшено въ публичныхъ засѣданіяхъ съ обвинительными приговорами 76 дѣлъ слѣдующихъ категорій: о печати—15, контръ-революціи—4, саботажѣ—3, преступленіи по должности—21, спекуляціи 14, взяточничествѣ—7 и о б щ е у г о л о в н ы х ъ—12. Такимъ образомъ, даже въ Москвѣ, гдѣ мѣстный Народный Судъ организовать былъ въ самомъ широкомъ масштабѣ, уже къ февралю Революціонный Трибуналъ рѣшалъ и общеуголовныя дѣла.

Понятно, что въ болѣе глухихъ и отдаленныхъ отъ центра пунктахъ революціонные Трибуналы на первыхъ порахъ были завалены всякаго рода дѣлами, имѣющими весьма отдаленное отношеніе къ контръ-революціи. Такъ, Уфимскимъ революціоннымъ Трибуналомъ за три мѣсяца было принято 379 дѣлъ изъ коихъ рѣшено 255, при чемъ по родамъ преступленія эти распадаются:

РОДЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ:	Всего поступило дѣлъ.	Рѣшено.	Прекращено.	Осталось нерѣшенными.
Вареніе и продажа самогонки . .	82	59	2	21
Спекуляція.	66	48	4	14
Контръ-революція.	10	9	—	1
Проч. проступки уголовные, главнымъ образомъ, нарушающіе обязательное постан. Совдепа по очисткѣ улицъ.	221	139	32	50
Итого	379	255	38	86

Такимъ образомъ, подавляющее большинство дѣлъ общеуголовныхъ.

Усманскій Революціонный Трибуналъ (Тамбовской губ.) за тотъ же періодъ времени разсмотрѣлъ такія категоріи дѣлъ:

НАЗВАНІЕ ДѢЛЪ.																					
Спекуляція.	Контръ-революція.	Противъ мѣстн. Сов.	Самовольные обыски.	Взяточничество.	Обложеніе сборомъ капиталистовъ.	Подлоги.	Неправильное пользованіе совѣт. документами.	Личная обида.	Продажа прогульной лошади.	Винокурен. самогонки.	Торговля виномъ.	Кража частнаго имущества.	Появленіе въ пьяномъ видѣ.	Кража и порубка казеннаго лѣса.	Грабежи.	Нанесеніе ранъ.	Нарушеніе декрета о Биржѣ Труда.	Бѣгство военноплѣнныхъ.	Убійства.	Самовольная пастьба скота въ казен. лѣсахъ.	Саботажъ.	Всего рѣшено дѣлъ.
55	29	3	3	1	1	1	—	5	1	31	5	8	4	84	3	2	2	1	7	6	2	254

Въ докладѣ Воронежскаго Комиссаріата Юстиціи 4-му Губернскому Съѣзду Совѣтовъ приводятся еще болѣе краснорѣчивые факты. Въ Задонскомъ Революціонномъ Трибуналѣ существовало даже особое «Гражданское Отдѣленіе», которое разрѣшало гражданскія дѣла и вело бракоразводные процессы. Бутурлинскій Трибуналъ разсматривалъ общеуголовныя и гра-

жданскія дѣла при «широкомъ участіи публики»: изъ публики не только выступали отдѣльные ораторы,—она рѣшала голосованіемъ судьбу дѣла.

Отъ такихъ наносныхъ временныхъ отступленій Революціонные Трибуналы очищались прежде всего тамъ, гдѣ проводились въ жизнь мѣстные Суды по декрету,—въ первую голову въ такихъ центрахъ, какъ Москва, Петроградъ или Омскъ (до занятія чехо-словаками).

Къ марту 1918 года декретъ № 1 проводится уже на мѣстахъ въ жизнь въ общегосударственномъ масштабѣ. На первомъ мѣстѣ здѣсь шли, конечно, крупные центры—Петроградъ, Москва, Западная Сибирь. Въ Петроградѣ и Москвѣ мѣстный Судъ по декрету № 1 организованъ въ полномъ объемѣ. Нѣкоторыя отступленія отъ декрета № 1 въ Петроградѣ съ тенденціей расширить подсудность мѣстнаго Суда и создать уже теперь Единый Народный Судъ (проявившіяся также на Областномъ Съѣздѣ Ю.-Зап. Сибири и Урала въ концѣ мая этого года) выдѣлятъ мѣстный Судъ Петроградской Коммуны въ рядѣ другихъ городовъ. Наиболѣе близко къ декрету о судѣ организованъ мѣстный Судъ въ Москвѣ. Въ настоящее время дѣятельность его характеризуется слѣдующими данными:

Первое общее собраніе избранныхъ районными совѣтами раб. и кр. деп. постоянныхъ судей въ составѣ 22-хъ состоялось 19 декабря 1917 года. Въ январѣ начали функціонировать уже 30 камеръ мѣстнаго Народнаго Суда, въ которыхъ и было разобрано за этотъ мѣсяцъ свыше 1500 дѣлъ,—главнымъ образомъ, уголовныхъ,—по которымъ привлеченные содержались подъ стражей.

Дальнѣйшее движеніе дѣятельности мѣстнаго Народнаго Суда иллюстрируется слѣдующей таблицей:

МѢСЯЦЪ.	Разсмотрѣнныхъ дѣлъ.			Функціонированіе камеръ.	На каждую камеру приходилось разсмотрѣнныхъ дѣлъ.			Состоялось засѣданій.	На каждое засѣданіе приходилось разсмотрѣть дѣлъ.
	Уголов.	Гражд.	Всего.		Уголов	Гражд	Всего.		
Январь	1.196	376	1.572	26	46	14	60	152	10.3
Февраль.	1.481	650	2.131	35	42	18	60	183	11.6
Мартъ.	5.397	2.203	7.600	48	112	46	158	558	13.6
Апрѣль	7.226	3.339	10.565	48	150	169	219	613	17.2
Всего . . .	15.300	6.568	21.868	—	—	—	—	1.506	14.5

За все первое полугодіе (съ 1-го января по 1-е іюля) мѣстные Народные Суды въ Москвѣ разсмотрѣли 31.045 уголовныхъ и 13.879 гражданскихъ дѣлъ, въ томъ числѣ 3239 дѣлъ о расторженіи браковъ. Въ Совѣтъ мѣстныхъ Народныхъ Судей до 1-го іюля принесено было всего 500 кассаціонныхъ жалобъ по уголовнымъ и 123 по гражданскимъ дѣламъ, что указываетъ на незначительный процентъ такихъ жалобъ.

Неуклонный ростъ какъ поступившихъ, такъ и рѣшенныхъ дѣлъ Московскаго мѣстнаго Суда даетъ опредѣленное указаніе на то, что мѣстный Судъ въ Москвѣ не только вошелъ въ жизнь, но и съ каждымъ мѣсяцемъ охватываетъ новые круги юридическихъ взаимоотношеній широкихъ массъ населенія. Ближайшій руководящій органъ Московскаго мѣстнаго Суда—общее собраніе всѣхъ постоянныхъ судей и членовъ совѣта мѣстныхъ народныхъ

судей—выработалъ уже инструкцію мѣстному суду, которая получила широкое распространеніе и за предѣлами Москвы. Изъ докладовъ съ мѣстъ на Всероссійскомъ съѣздѣ и данныхъ произведенной Н. К. Ю. въ маѣ анкеты съ несомнѣнностью выяснилось, что мѣстные суды на Уралѣ во всѣхъ крупныхъ заводскихъ центрахъ, въ центральныхъ и приволжскихъ губерніяхъ въ большей части уѣздовъ были организованы уже къ концу марта. Къ концу мая стали поступать свѣдѣнія о введеніи мѣстныхъ судовъ въ Степномъ краѣ и Ташкентѣ. На съѣздахъ комиссаровъ юстиціи, а отчасти изъ сообщеній съ мѣстъ въ Н. К. Ю. иногда обнаруживалось, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ мѣстные суды пріурочивались къ волостямъ, доходя до 50 участковъ на уѣздъ, а засѣдатели избирались не для сессій, а на болѣе или менѣе продолжительный срокъ (до года). Н. К. Ю., считая такое дробленіе судовъ, въ особенности при отсутствіи земельныхъ дѣлъ, излишнимъ и дающимъ всѣ основанія превратить мѣстный судъ при постоянныхъ засѣдателяхъ въ старый волостной судъ, давалъ всегда указанія на недопустимость такихъ отступленій.

Въ статистическомъ Отдѣлѣ Н. К. Ю. на 1 сентября имѣлись свѣдѣнія объ организаціи въ предѣлахъ Совѣтской Республики Мѣстныхъ Народныхъ Судовъ въ 753 районахъ (участкахъ). Структура Мѣстныхъ Народныхъ Судовъ проведена во всѣхъ районахъ съ соблюденіемъ основныхъ принциповъ декрета о Судѣ № 1, т.-е. въ составѣ постояннаго судьи и двухъ очередныхъ засѣдателей. При избраніи Народныхъ Судей Н. К. Ю. далъ такія руководящія указанія, которыя повсемѣстно и проводились, какъ свидѣтельствуютъ отчеты Губ. Комиссаровъ Юстиціи.

Постоянные мѣстные судьи должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) имѣть право избирать и быть избираемыми въ Совѣты Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ;

2) имѣть политическій опытъ работы въ пролетарскихъ организаціяхъ, какъ-то: политическихъ партіяхъ, поддерживающихъ Совѣтскую власть, профессіональныхъ союзахъ, классовыхъ рабочихъ кооперативахъ, фабрично-заводскихъ комитетахъ или въ Совѣтскихъ организаціяхъ, какъ-то: Совѣтскихъ Комиссаріатахъ, Исполнительныхъ Комитетахъ и Отдѣлахъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ;

3) имѣть теоретическую или практическую подготовку для должности Совѣтскаго судьи.

Судья долженъ безусловно удовлетворять первому условію и хотя бы одному изъ послѣднихъ двухъ условій. Судьи избираются въ городахъ, имѣющихъ районные Совѣты Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, общимъ собраніемъ этихъ Совѣтовъ; въ городахъ, не имѣющихъ районныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, Исполнительнымъ Комитетомъ городского Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ; въ уѣздахъ—Исполнительными Комитетами уѣздныхъ Съѣздовъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, которые въ списки кандидатовъ включаютъ кандидатовъ сельскихъ и волостныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Судьи могутъ быть отозваны Совѣтами Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, ихъ избравшими, въ любое время.

Очередные судьи-засѣдатели должны удовлетворять первому изъ условій, обязательныхъ для постояннаго мѣстнаго судьи, т.-е. имѣть право избирать и быть избираемыми въ Совѣты Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Засѣдатели предварительно вносятся въ списки засѣдателей въ городахъ, имѣющихъ районные Совѣты Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Къ составленію предварительныхъ кандидатскихъ списковъ засѣдателей привлекаются всѣ организаціи, стоящія на платформѣ Совѣтской власти, какъ-то: политическія партіи, профессіональные рабочіе союзы,

классовые рабочіе кооперативы, фабрично-заводскіе комитеты и т. д., которые при составленіи списковъ включаютъ одного кандидата въ засѣдатели на каждые 50 избирателей своей организаціи; собираніе же всѣхъ отдѣльныхъ списковъ и утвержденіе кандидатовъ возлагаются на Исполнительные Комитеты районныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ; въ городахъ, не имѣющихъ районныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, тѣмъ же порядкомъ собираютъ отдѣльные предварительные списки и утверждаютъ кандидатовъ Исполнительные Комитеты городскихъ Совѣтовъ. Въ уѣздахъ предварительные списки составляются и утверждаются: для фабричныхъ районовъ—Исполнительными Комитетами районныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, для земледѣльческихъ—Исполнительными Комитетами волостныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, при чемъ каждое сельское общество намѣчаетъ одного кандидата на каждые 50 Совѣтскихъ избирателей. а гдѣ ихъ меньше—одного на каждое селеніе; окончательные списки составляются Исполнительными Комитетами уѣздныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Изъ утвержденныхъ списковъ засѣдателей избираются по жребію по три засѣдателя (два очередныхъ и одинъ запасный) для каждой сессіи участковаго мѣстнаго Народнаго Суда: въ городахъ, имѣющихъ районные Совѣты Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, Президіумомъ районнаго Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ совмѣстно съ Коллегіей постоянныхъ судей даннаго Совѣтскаго района; въ городахъ, не имѣющихъ районныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, а также въ уѣздахъ—Президіумъ Исполнительныхъ Комитетовъ городскихъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—уѣздныхъ Совѣтовъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ совмѣстно съ представителями мѣстнаго Народнаго Суда или Совѣта мѣстныхъ Народныхъ судей.

Что касается профессіональнаго состава постоянныхъ судей, то отчеты даютъ самыя общія данныя, которыя позволяютъ отмѣтить два факта: 1) профессіоналы-юристы составляютъ сравнительно ничтожный процентъ постоянныхъ судей, которые, такъ же, какъ и очередные засѣдатели, избираются, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ и крестьянъ, 2) послѣ небольшого стажа такіе судьи успѣшно справляются съ выпавшей на ихъ долю задачей. Объ этомъ не только свидѣтельствуютъ абсолютныя данныя о числѣ разсмотрѣнныхъ дѣлъ мѣстными судами, но и краснорѣчиво говорятъ самыя рѣшенія такихъ судовъ, опубликованныя въ органахъ печати (см., напр., № 2 журнала «Пролетарская Революція и Право»), незначительное число обжалованныхъ рѣшеній и прямые отзывы организаторовъ судовъ на мѣстахъ. Такъ, витебскій Комиссаръ Юстиціи, сообщая данныя о мѣстномъ судѣ Городокскаго уѣзда, пишетъ: «Всѣ мѣстные судьи Городокскаго уѣзда—крестьяне, безъ спеціальныхъ юридическихъ знаній и опыта, но, несмотря на это, вполнѣ удовлетворительно справляются со своей работой». Такіе судьи встрѣчаютъ затрудненія, главнымъ образомъ, въ кассаціонной инстанціи—Совѣтахъ (Съѣздахъ) мѣстныхъ Народныхъ Судей, въ виду чисто-процессуальнаго характера разсмотрѣнія дѣлъ въ такой инстанціи. Правда, совѣтамъ мѣстныхъ народныхъ судей предоставлено право отмѣнять явно несправедливыя рѣшенія, но на практикѣ такіе случаи единичны. Среди рабочихъ въ крупныхъ центрахъ уже намѣтился кадръ вполнѣ подготовленныхъ для своей роли судей. Главное же, не нужно забывать, что мѣстный Народный Судъ разсматриваетъ дѣла при участіи очередныхъ засѣдателей: рѣшенія его являются результатомъ коллективнаго творчества представителей рабочаго населенія.

Подсудность мѣстныхъ Народныхъ Судовъ первоначально была опредѣлена декретомъ о судѣ № 1: для гражданскихъ дѣлъ цѣною иска до

3.000 руб. и для уголовныхъ дѣлъ—тяжестью угрожаемаго наказанія до двухъ лѣтъ лишенія свободы; остальныя дѣла декретомъ о Судѣ № 2 были отнесены къ вѣдѣнію окружныхъ Народныхъ Судовъ.

Практика мѣстныхъ судовъ двухъ крупныхъ центровъ—Петрограда и Москвы—съ первыхъ же шаговъ столкнулась съ явнымъ противорѣчіемъ между буквой дореволюціоннаго уложенія о наказаніяхъ и революціоннымъ правосознаніемъ, прежде всего, въ области нормъ наказанія. Уложеніе заранѣе по-аптекарски, скрупулезно отмѣряло дозы возмездія за тѣ или иныя дѣянія: кражи свыше 300 руб., рецидивныя и квалифицированныя кражи и т. д., большей частью, свыше двухъ лѣтъ лишенія свободы, а потому опредѣляло подсудность такихъ дѣлъ окружнымъ судамъ. Между тѣмъ, революціонная совѣсть и революціонное правосознаніе, которыми, прежде всего, должны руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ мѣстные суды, подсказывали и могли подсказывать единственный выводъ: судъ свободенъ въ выборѣ наказанія въ зависимости отъ обстоятельствъ дѣла, и сказать заранѣе, что подсудимому угрожаетъ лишеніе свободы свыше двухъ лѣтъ, возможно въ лучшемъ случаѣ только относительно такихъ дѣяній, какъ умышленное убійство, разбой, бандитизмъ. Этотъ выводъ Петроградскимъ мѣстнымъ судомъ былъ доведенъ до его логическаго конца, и мѣстный судъ здѣсь сталъ принимать къ своему производству всѣ уголовныя дѣла, опредѣляя подсудность въ самомъ процессѣ; въ Московскомъ же мѣстномъ судѣ въ компетенцію его были отнесены всѣ дѣла, кромѣ убійства, разбоя, грабежа съ насиліемъ. Практику Московскаго суда усвоили въ цѣломъ рядѣ центральныхъ губерній, и, такимъ образомъ, подсудность мѣстному суду опредѣлялась на практикѣ, санкціонированной съѣздами и центромъ, не по наказанію (два года), которое угрожаетъ по «закопамъ свергнутыхъ правительствъ», т.-е. уложенію, а по наказанію, которое предлагаетъ революціонное правосознаніе судьи.

Вопросъ былъ разрѣшенъ болѣе опредѣленно и точно декретомъ о Судѣ № 3, принятымъ Сов. Нар. Ком. 18 іюля, который возложилъ на мѣстные Народные Суды разсмотрѣніе всѣхъ уголовныхъ дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, за исключеніемъ дѣлъ о посягательствахъ на человѣческую жизнь, изнасилованіи, разбоѣ, бандитизмѣ, поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, взяточничествѣ и спекуляціи, которыя были отнесены къ вѣдѣнію Окружныхъ Народныхъ Судовъ, а по гражданскимъ дѣламъ—всѣхъ дѣлъ до 10.000 рублей.

По даннымъ, которыя собраны Н. К. Ю., окружные Народные Суды уже сорганизованы и приступили къ разбору дѣла на мѣстѣ или въ выѣздныхъ сессіяхъ въ слѣдующихъ городахъ: Рязани, Твери, Орлѣ, Костромѣ, Новгородѣ, Вяткѣ, Витебскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Саратовѣ, Петроградѣ, Москвѣ, Владимірѣ, Тамбовѣ, Великомъ-Устюгѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Вологдѣ, Череповцѣ, Перми и Пензѣ.

При комплектованіи народныхъ окружныхъ судовъ мѣстные совдепы стремились привлечь, главнымъ образомъ, юристовъ (бывшихъ судей, присяжныхъ повѣренныхъ и вообще лицъ съ юридической подготовкой), и въ окружныхъ Народныхъ Судахъ процентъ профессіональныхъ юристовъ подавляющій. Это объясняется тѣмъ, что въ центрѣ и на мѣстахъ преобладалъ при самомъ образованіи окружныхъ народныхъ судовъ взглядъ на ихъ роль, какъ судовъ временныхъ, призванныхъ, главнымъ образомъ, ликвидировать наслѣдіе прежней юстиціи. И дѣйствительно, организованные позже мѣстныхъ народныхъ судовъ (въ серединѣ года) окружные Народные Суды свою работу сконцентрировали на уголовныхъ дѣлахъ, до изданія декрета о Судѣ № 3, даже мелкихъ, и на классификаціи старыхъ дѣлъ, направляя ихъ въ мѣстные Народные Суды, земельные отдѣлы, страховыя присутствія («увѣчныя» дѣла) или административныя учрежде-

нія. Для характерпстики приводимъ данныя о дѣятельности одного изъ наиболѣе активныхъ народныхъ окружныхъ судовъ—витебскаго, который былъ открытъ 10 апрѣля. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ судѣ шла исключительно канцелярская работа по классификаціи старыхъ дѣлъ и подготовкѣ новыхъ. Разборъ дѣлъ съ участіемъ народныхъ засѣдателей (12—для уголовныхъ и 4—для гражданскихъ) начался по Уголовному Отдѣленію 10-го, а по гражданскому—20 іюля. Въ первую очередь къ слушанію назначались такъ-называемыя «арестантскія дѣла», возникшія за послѣдніе мѣсяцы; изъ старыхъ дѣлъ выбирались наиболѣе серьезныя дѣла о самогонщикахъ. Съ 10 іюля до сентября было разсмотрѣно около 220 уголовныхъ дѣлъ, изъ нихъ: самогонныхъ—80, имущественныхъ преступленій (кражи, грабежи, подлоги, вымогательства)—125 и посягательствъ на жизнь и тѣлесную неприкосновенность—15. Почти по всѣмъ дѣламъ о самогонщикахъ вынесены обвинительные приговоры: наибольшій процентъ оправданій дали дѣла о преступленіяхъ имущественныхъ. Народными засѣдателями были преимущественно рабочіе мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ,— главнымъ образомъ, коммунисты. Въ гражданскомъ отдѣленіи суда съ 20 іюля до сентября съ участіемъ народныхъ засѣдателей разсмотрѣно около 30 дѣлъ, крупныхъ исковъ на сумму свыше 10.000 рублей было всего два. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что гражданскихъ дѣлъ въ судѣ возникаетъ чрезвычайно мало, теперь же, съ расширеніемъ подсудности мѣстныхъ судей (по декрету №. 3), число гражданскихъ дѣлъ еще болѣе уменьшилось. Въ общемъ работа Окружнаго Народнаго Суда по количеству разнообразныхъ уголовныхъ и особенно гражданскихъ дѣлъ невелика (Отчетъ витебскаго Комиссара Юстиціи отъ 4 сентября).

Аналогичныя свѣдѣнія получены изъ Твери, Вятки, Новгорода и ряда другихъ городовъ.

Такимъ образомъ, основной организаціей Народнаго Суда стали уже въ настоящее время фактически мѣстные народные суды: они наиболѣе близки рабочему населенію и по своему составу, и территоріально, они наиболѣе приспособлены для разбора уголовныхъ дѣлъ, которыя составляютъ подавляющую массу всѣхъ вообще дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе суда (до 75%), тогда какъ кругъ гражданскихъ дѣлъ суживается по мѣрѣ проведенія въ жизнь коммунистическаго строя (націонализація промышленности, соціализація и муниципализація земли, отмѣна права наслѣдованія и т. д.).

Передъ Народнымъ Комиссаріатомъ Юстиціи въ области судоустройства стоитъ, такимъ образомъ, основная организаціонная задача—провести въ жизнь отмѣну временно введенной системы двойной подсудности и двухъ типовъ судовъ, окружнаго и мѣстнаго, и замѣнить ее стройной системой единаго мѣстнаго народнаго суда.

Д. Курскій.

Революціонные Трибуналы въ практикѣ россійской пролетарской революціи.

I.

Дать очеркъ о Трибуналахъ—это значитъ дать картину попытки построенія Совѣтской властью классоваго суда, какъ орудія классовой борьбы, выдвинутаго пролетаріатомъ противъ своихъ враговъ въ моментъ величайшаго изъ соціальныхъ кризисовъ, какіе только знала исторія, и въ періодъ ожесточеннѣйшей гражданской войны. Такова была, по крайней мѣрѣ, та идея, которая была положена въ основу созданія Трибуналовъ ихъ учредителями, какъ она была выражена въ декретѣ отъ 24-го ноября 1917 года, которымъ учреждались Трибуналы.

Ст. 8-я этого декрета гласила:

«Для борьбы противъ контръ-революціонныхъ силъ въ видахъ принятія мѣръ огражденія отъ ихъ революціи и ея завоеваній, а равно для рѣшенія дѣлъ о борьбѣ съ мародерствомъ, хищничествомъ, саботажемъ и прочими злоупотребленіями промышленниковъ, торговцевъ, чиновниковъ и прочихъ лицъ учреждаются рабочіе и крестьянскіе Революціонные Трибуналы въ составѣ одного предсѣдателя и шести очередныхъ засѣдателей, выбираемыхъ Городскими и Губернскими Совѣтами Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Для производства по этимъ дѣламъ предварительнаго слѣдствія при тѣхъ же Совѣтахъ образуются особыя Слѣдственныя Комиссіи».

Значеніе этой статьи отнюдь не исчерпывалось, однако, только тѣми практическими цѣлями, которыя преслѣдовало учрежденіе Трибуналовъ. Совѣтская юстиція въ содержаніе ст. 8-й съ самаго начала вкладывала особое принципіальное значеніе.

Статья 8-я явилась составной частью того самаго декрета, статьей 1-й котораго одновременно упразднялись всѣ судебныя установленія прежняго порядка: суды окружные и мировые, коммерческіе суды и сенатъ и въ особенности всѣ исключительные суды дооктябрьскаго строя—суды военные, военно-морскіе, военно-окружные, «военно-революціонные» суды, введенные Керенскимъ для фронта, и ужъ, конечно, всѣ судебныя палаты для сужденія дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ, пріостановившія свою дѣятельность съ начала революціи, но не уничтоженныя, однако, временнымъ правительствомъ; во-вторыхъ, тѣмъ же самымъ декретомъ вводился вмѣсто всѣхъ этихъ разнокалиберныхъ судовъ стараго строя единый пролетарскій Народный Судъ, которымъ по праву могутъ гордиться Совѣтская юстиція и Совѣтская юридическая мысль.

Параллельно съ введеніемъ новыхъ судовъ, съ заложеніемъ основъ новаго пролетарскаго судоустройства, параллельно съ упрощеніемъ прежк-

ней системы стараго суда и параллельно съ упраздненіемъ всѣхъ исключительныхъ судовъ стараго порядка тѣмъ же декретомъ Совѣтская власть учреждала, однако, на-ряду съ этими судами свои особые исключительные суды—Трибуналы для борьбы противъ своихъ враговъ во имя своихъ цѣлей политической борьбы.

Съ точки зрѣнія буржуазной юридической науки и ея требованій подобное параллельное творчество Совѣтской власти было кричащимъ противорѣчіемъ.

Буржуазная юридическая мысль предъявила Совѣтской власти максимумъ своихъ требованій, къ слову сказать, никогда и нигдѣ буржуазіей полностью не осуществленный; она потребовала отъ Совѣтской власти созданія суда единаго для всѣхъ категорій преступленій, суда народнаго въ смыслѣ близости и доступности его къ народнымъ массамъ и, наконецъ, суда равнаго для всѣхъ, съ предоставленіемъ всѣмъ одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ гарантій. Мѣстный Народный судъ, введенный декретомъ, съ точки зрѣнія этихъ идеальныхъ требованій къ суду наиболѣе изъ всѣхъ судовъ, какіе когда-либо существовали въ буржуазномъ строѣ, отвѣчалъ имъ; установленіе поэтому одновременно особаго, исключительнаго трибунальнаго суда тѣмъ же декретомъ съ особой подсудностью и неограниченными правами въ области наложенія каръ трактовалось буржуазной мыслью не только какъ отступленіе отъ принциповъ того же декрета, но и какъ поруганіе этихъ принциповъ и одновременно какъ свидѣтельство о бѣдности, выданное себѣ самой Совѣтской властью. Новая власть оказывалась, по утвержденію противниковъ, вынужденной прибѣгнуть къ исключительнымъ судамъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своей положительной работы, т.-е. къ тѣмъ же самымъ орудіямъ и способамъ политической борьбы, которые она торжественно только-что одновременно осудила, разрушила и, казалось, предала забвенію навсегда.

Такъ встрѣтила учрежденіе Трибуналовъ буржуазная юридическая мысль.

Непослѣдовательное, однако, съ точки зрѣнія нашихъ противниковъ было единственно-послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія пролетаріата.

Учрежденіемъ на-ряду съ новымъ, единымъ для всѣхъ категорій преступленій народнымъ судомъ исключительнаго пролетарскаго классоваго суда для политическихъ преступленій противъ революціи, отдѣленіемъ этихъ преступленій отъ судовъ общихъ Совѣтская власть кончала, прежде всего, съ той системой буржуазной лжи, которою всегда, какъ вуалью, окутывали буржуазные теоретики свои суды и которой никогда не могла признать и никогда не могла допустить въ своихъ судебныхъ установленіяхъ соціалистическая власть.

Старый буржуазный строй не могъ не лгать, когда онъ строилъ для внѣшняго одурачепія народныхъ массъ свои теоріи объ основахъ строенія «правового» строя и въ особенности своего «правого» и «милостиваго» суда. Въ области этого послѣдняго онъ въ своей лжи доходилъ до виртуозности. Буржуазный судъ всегда проектировался въ теоріи буржуазной юридической науки, какъ особый палладіумъ безпристрастія, какъ нѣкій по своему существу и цѣлямъ надклассовый, стоящій внѣ жизненной борьбы институтъ. Недаромъ буржуазная Оемида даже символически изображалась всегда слѣпой или съ повязкой на глазахъ. Въ области уголовнаго процесса та же задача лжи во имя того, чтобы скрыть отъ народныхъ массъ горькую правду о классовой природѣ всякаго суда, достигалась теоріей такъ-называемыхъ судебныхъ гарантій для обвиняемаго, чрезвычайно сложной системой этихъ гарантій и подробными и длиннѣйшими трактатами о преимуществахъ той или иной

системы. Требованіе судейской несмѣняемости и независимости, послѣдовательное проведеніе въ процессѣ принципа равенства сторонъ, принциповъ устности, состязательности и публичности процесса, наконецъ, раздѣленіе вотума присяжныхъ отъ вотума судейской коллегіи при постановкѣ приговора,—все это въ буржуазномъ судѣ и буржуазныхъ теоріяхъ суда смаковалось, пережевывалось, превозносилось, изслѣдовалось и изучалось, и все это было, тѣмъ не менѣе, ложью, поскольку непоколебленной въ старомъ судѣ оставалась основная ложь. Буржуазный судъ былъ призванъ судить и судилъ по нормамъ буржуазнаго права и по буржуазнымъ кодексамъ, все существо которыхъ и единственная цѣль—сохраненіе и охраненіе стараго буржуазнаго строя, стараго общественнаго и соціально-политическаго status quo. Вотъ съ этой ложью о надклассовой природѣ стараго суда и покончила въ первую голову статьей 8 й своего декрета объ учрежденіи Революціонныхъ Трибуналовъ Совѣтская власть.

«Для борьбы противъ контръ-революціонныхъ силъ въ видахъ огражденія отъ ихъ революціи и ея завоеваній учреждаются рабочіе и крестьянскіе Революціонные Трибуналы»,—говорилъ декретъ.

Въ борьбѣ за новый соціально-политическій порядокъ, за новый создаваемый рабочими и крестьянами соціальный строй рабочіе и крестьянскіе Трибуналы призывались творить свой судъ защиты и обороны революціи противъ всѣхъ ея враговъ по приговору выборныхъ присяжныхъ рабочихъ и крестьянъ. Классовый составъ Трибуналовъ и неограниченное право въ опредѣленіи мѣры наказаній,—все это вмѣстѣ должно было служить гарантіей для революціи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это явилось честной и открытой постановкой точекъ надъ «і» тамъ, гдѣ до сихъ поръ буржуазная юридическая мысль трусливо пряталась и куталась въ дырявый плащъ своихъ софистическихъ теорій.

Въ области политической борьбы нѣтъ и не можетъ быть иного суда, кромѣ суда класса, стоящаго у власти, и политическія преступленія должны разсматриваться послѣднимъ, только какъ акты классовой борьбы,—вотъ что ст. 8-й декрета № 1 о судѣ громко заявила Совѣтская власть.

«Трибуналъ—не судъ»,—писалъ по этому поводу въ одной изъ своихъ статей тов. Стучка и безусловно въ опредѣленномъ отношеніи былъ правъ. Въ привычномъ пониманіи судъ сочетается всегда въ нашемъ представленіи съ понятіемъ о нѣкоемъ посредничествѣ, о нѣкоемъ спорѣ, въ которомъ судья, какъ незаинтересованное лицо, судитъ, взвѣшиваетъ, разбираетъ и выноситъ приговоръ, но въ политической борьбѣ, въ борьбѣ за или противъ того или иного общественнаго строя, въ борьбѣ классовъ нѣтъ арбитра, нѣтъ и не можетъ быть судьи,—налицо тамъ только два врага. Эту истину ставила своей задачей скрыть буржуазная юридическая наука,—ее открыто и ясно подчеркивала и выдвинула на первый планъ соціалистическая власть.

Въ открытой и смѣлой, въ выпуклой постановкѣ этой истины и заключаются то принципіальное значеніе и содержаніе статьи 8-й, о которыхъ мы говорили выше. Одновременно съ установленіемъ новаго суда и упраздненіемъ всѣхъ прежнихъ исключительныхъ судовъ выдѣленіе изъ вѣдѣнія этихъ судовъ всей совокупности такъ-называемыхъ политическихъ преступленій, созданіе для разсмотрѣнія дѣлъ о преступленіяхъ противъ революціи особыхъ Трибуналовъ были только послѣдовательнымъ со стороны Совѣтской власти проведеніемъ въ жизнь принципа, что въ ея судебномъ строѣ нѣтъ мѣста притворству, нѣтъ мѣста и старой буржуазной лжи, нѣтъ мѣста фикціи о надклассовой «природѣ» и «милости», которая, якобы, царствовала въ старыхъ политическихъ судахъ.

Трибуналы—органы борьбы,—говоритъ ст. 8-я,—но отъ суда они заимствуютъ только форму,—то, что считала необходимымъ взять отъ нихъ Совѣтская власть для того, чтобы предотвратить себя въ этой области своей борьбы отъ возможныхъ ненужныхъ и печальныхъ ошибокъ.

Форма эта должна была заключать въ себѣ рядъ гарантій, изъ которыхъ самой важной была публичность Трибуналовъ, для того, чтобы въ атмосферѣ ожесточенной гражданской войны, которую приходилось вести за свое существованіе Совѣтской власти, до минимума можно было свести неизбѣжныя при острыхъ соціальныхъ конфликтахъ ненужныя жертвы и въ то же время быстротой репрессіи обезпечить себя отъ тѣхъ враговъ, которые со всѣхъ сторонъ ей угрожали. Второй гарантіей была ограниченная подсудность Трибуналовъ. Контръ-революціонныя выступленія противъ Совѣтской власти, преступленія спекулятивныя и саботажъ,—эти три категоріи преступленій были выдѣлены въ специфическое вѣдѣніе Трибуналовъ, ибо эти преступленія обладаютъ спеціальной способностью приносить революціи ущербъ, и всѣ до одного, кромѣ того, носятъ безусловно ярко выраженный классовый характеръ. И въ этомъ опять-таки авторы декрета были послѣдовательны и правы. Прямая контръ-революція со времени октябрьскаго переворота приняла рѣзковыраженный классовый характеръ.—она выдерживаетъ его съ неменьшей послѣдовательностью и до сихъ поръ, расширяясь въ своемъ содержаніи до степени мірового контръ-революціоннаго заговора класса буржуазіи противъ Совѣтской Россіи. Преступленія спекулятивнаго характера—вторая типично классовая форма солидарной борьбы буржуазіи всѣхъ оттѣнковъ противъ величайшей въ исторіи попытки Совѣтской власти организовать соціалистическое производство и соціалистическое распредѣленіе продуктовъ. Наконецъ, саботажъ—это не менѣе типичная форма пассивной борьбы, предпринятая чиновничествомъ стараго буржуазнаго государства противъ новыхъ формъ пролетарскаго общества и пролетарскаго государственнаго строя. Та забастовка чиновниковъ, которая происходила въ первые мѣсяцы послѣ октября, носила не менѣе ярко выраженный характеръ классовой борьбы, чѣмъ любое изъ активныхъ вооруженныхъ контръ-революціонныхъ выступленій буржуазіи. Для борьбы противъ этой классовой оппозиціи Трибуналы должны были представлять собой быстрый, гибкій и въ то же время въ достаточной степени грозный аппаратъ революціонной репрессіи, соотвѣтствующій требованіямъ переживаемаго момента. Карающую революціонную десницу пролетаріата должны были олицетворять собой Трибуналы. Вопросъ о формѣ поэтому получалъ крупнѣйшее практическое значеніе.

II.

Исторія практики Революціонныхъ Трибуналовъ въ россійской пролетарской революціи должна быть раздѣлена на два большихъ періода за истекшій годъ. Должно признать, къ сожалѣнію, что глубокая идея, которая была положена въ ихъ основу, не была понята при проведеніи въ жизнь декрета о Трибуналахъ на мѣстахъ, но,—что еще печальнѣе,—она не была понята первоначально даже тѣми дѣятелями Народнаго Комиссаріата Юстиціи въ центрѣ, на которыхъ исторія возложила задачу проведенія въ жизнь декрета о Судѣ отъ 24 ноября.

19 декабря 1917 года была опубликована Народнымъ Комиссаромъ Юстиціи Штейнбергомъ особая «Инструкція Революціонному Трибу-

налу» о «Революціонномъ Трибуналѣ, его составѣ, дѣлахъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, налагаемыхъ имъ наказаніяхъ и о порядкѣ веденія его засѣданій».

Вся тенденція, весь духъ этой инструкціи доказывали прежде всего одно,—что авторы ея сами находились цѣликомъ подъ гипнозомъ той власти словъ, которая такъ характерна была для буржуазной юстиціи и для буржуазной юридической науки. Революціонное дѣло, которое возлагалось исторіей на Трибуналы, потонуло въ этой инструкціи въ «благородныхъ» стремленіяхъ ея авторовъ перенести сюда въ область Трибунальнаго судопроизводства, всю систему гарантій, которою для своихъ судовъ буржуазная наука стремилась прикрыть классовый характеръ своей юстиціи. Понять то, что составляло самое цѣнное въ содержаніи статьи 8-й: трактованіе Трибунала не какъ суда, въ буржуазномъ пониманіи этого слова, а какъ органа борьбы,—увы!—этого не смогли понять авторы инструкціи Трибуналамъ. Это было, впрочемъ, совершенно понятно. Инструкція Трибуналамъ отъ 19 декабря была плодомъ лѣвоэсеровскаго министерства, продуктомъ творчества Штейнберга, включеніе котораго въ составъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ было въ тотъ моментъ политической, быть-можетъ, необходимостью, но за которую Совѣтская Юстиція была принуждена заплатить многимъ, въ томъ числѣ и тѣмъ извращеніемъ идеи о Трибуналахъ, которое было въ первый періодъ ихъ дѣятельности въ Совѣтской Россіи.

Началось съ того, что при опредѣленіи порядка избранія состава Трибуналовъ ясное и недвусмысленное требованіе декрета о составѣ изъ одного предсѣдателя и шести засѣдателей, избираемыхъ Совѣтами, было замѣнено сложнѣйшей процедурой жеребьевки этихъ засѣдателей изъ сорока кандидатовъ шести очередныхъ на каждую сессію, продолжительностью въ одну недѣлю. Этимъ вводилась первая «гарантія»—подобіе буржуазнаго суда присяжныхъ. Установленіе двухъ замѣстителей предсѣдателя при общей неясности редакціи инструкціи повело къ тому, что немедленно на практикѣ рядъ Трибуналовъ ввелъ вторую «гарантію»—раздѣленіе вотума засѣдателей и судей, постановку вопросовъ о виновности, напутственное резюме предсѣдателя присяжнымъ и т. п. Вмѣсто простоты была введена, такимъ образомъ, самая сложная изъ всѣхъ существовавшихъ ранѣе системъ буржуазнаго суда. Къ счастью, въ такой сложной формѣ ее усвоило все же меньшинство изъ провинціальныхъ Трибуналовъ.

Вторымъ нововведеніемъ и ухудшеніемъ по сравненію съ декретомъ, введеннымъ инструкціей, были опредѣленіе лѣстницы наказаній и принципіальное ограниченіе въ этомъ отношеніи декрета. Ст. 2 инструкціи принципіально исключала изъ возможныхъ Трибунальныхъ каръ смертную казнь. Въ этомъ также сказалось вліяніе власти словъ. Смертная казнь по суду казалась непріемлемой для авторовъ инструкціи. То, что тѣ же авторы считали, однако, принципіально пріемлемымъ разстрѣлъ не по суду, что они принципіально признавали возможнымъ уничтоженіе враговъ революціи въ моментъ ожесточенной гражданской войны инымъ путемъ,—это ихъ не смущало. Наконецъ, третьимъ нововведеніемъ,—распространеніемъ на Трибуналы того принципа, который вводился декретомъ о судѣ для общихъ судовъ,—авторы инструкціи создавали еще «гарантію»: общее упраздненіе прежней прокуратуры они распространяли и на Трибуналы. Постоянный обвинитель отсутствовалъ въ Трибуналахъ; допуская, съ другой стороны, свободную защиту какъ изъ публики, такъ и изъ бывшей присяжной адвокатуры, допуская участіе защиты въ стадіи слѣдствія, они неизмѣримо затрудняли этимъ работу Трибуналовъ, фактически построивъ ихъ, какъ органы обычнаго

суда, со всѣми отрицательными сторонами прежнихъ судовъ—медленностью судопроизводства, ихъ формалистикой и прочей волокитой.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ Трибуналовъ пошли въ этомъ отношеніи еще дальше. Такъ, Московскій Трибуналъ ввелъ публичность камеры преданія суду. Передъ передачей дѣла въ Трибуналъ для непосредственнаго разбирательства Слѣдственная Комиссія учиняла особое торжественное публичное засѣданіе съ приглашеніемъ обвиняемаго и защиты, гдѣ слѣдователь принужденъ былъ до суда доказывать наличность состава преступленія. Не разъ на этихъ засѣданіяхъ спеціально подвергались допросу свидѣтели, приводимые сторонами. Фактически это было построеніе особаго слѣдственнаго предварительнаго суда по вопросу о составѣ преступленія, а на самомъ судебномъ разбирательствѣ моментально ожили и получили силу всѣ традиціи прежнихъ судовъ съ ходатайствами сторонъ объ оглашеніи и пріобщеніи документовъ, съ ограниченіями права сторонъ ссылаться на то, что не прошло на судебномъ слѣдствіи, и т. д. Толчокъ, данный въ этомъ отношеніи сверху, нашелъ благопріятную почву въ еще живыхъ традиціяхъ стараго суда.

Непосредственнымъ результатомъ этой въ корнѣ неправильной линіи Комиссаріата было то, что Трибуналы въ первый періодъ своей работы превратились въ прекрасно организованный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Москва) общій уголовный судъ, далеко оставившій за собой по степени обезпеченія интересовъ обвиняемаго старый судъ буржуазнаго порядка, судъ гласный, устный, свободный и независимый судъ совѣсти рабочихъ и крестьянъ, освобожденный отъ всего того, что искажало этотъ судъ въ законодательствѣ предыдущей эпохи, судъ безъ прокуратуры и назначеннаго центральной властью предсѣдателя,—однимъ словомъ, прекрасный общедемократическій судъ по уголовнымъ дѣламъ, все, что угодно, но, во всякомъ случаѣ, не судъ Революціоннаго Трибунала, не орудіе классовой борьбы, не боевой органъ революціи, защищающейся отъ своихъ враговъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Лѣвоэсеровское министерство Штейнберга внесло путаницу не только въ организацію Трибуналовъ. Построивъ на практикѣ Трибуналы, какъ органы общаго суда, введеніе этого послѣдняго оно чрезвычайно затормозило. Достаточно сказать, что декретъ о судѣ № 2, которымъ вводились окружные суды для общихъ уголовныхъ преступленій и крупныхъ гражданскихъ дѣлъ, былъ изданъ только въ мартѣ 1918 г., а былъ проведенъ въ жизнь въ Москвѣ, напримѣръ, только въ августѣ. До этихъ поръ на мѣстахъ не было иныхъ общихъ судовъ, кромѣ мѣстныхъ. Въ этомъ бы еще, конечно, не было большой бѣды. Бѣда была въ томъ, однако, что и тутъ лѣвые с.-р. оказались неспособными понять сущность пролетарскихъ принциповъ судопроизводства. Вмѣсто того, чтобы раздвинуть компетенцію единаго и близкаго къ населенію мѣстнаго суда до границъ, поглощающихъ всѣ остальные суды, Штейнбергъ ограничилъ ихъ компетенцію 2-мя годами лишенія свободы и 3.000 рублей денежнаго взысканія, а такъ какъ общіе окружные суды чрезвычайно громоздкаго состава, изъ 13-ти членовъ судебной коллегіи, еще заставляли себя ждать, то всюду на мѣстахъ ихъ функціи приняли на себя Трибуналы.

Тенденція инструкціи, строившей ихъ какъ общіе суды, а не какъ исключительными полномочіями снабженные органы борьбы, поощряла подобное явленіе. Результатомъ было то, что впослѣдствіи, когда Кассаціонному Отдѣлу пришлось взяться за разгрузку Трибуналовъ, въ первомъ же засѣданіи изъ 21 разсмотрѣннаго дѣла пришлось кассировать 17 по нарушенію подсудности, такъ какъ Трибуналы, оказывалось, разсматривали не только такія дѣла, какъ, напримѣръ, по обвиненію въ

убійствѣ породистаго быка, неуплатѣ контрибуціи, тайномъ винокуреніи, кражахъ или убійствѣ въ пьяномъ видѣ, но и типичныя гражданскія дѣла,—дѣла объ искахъ за увѣчье, о выселеніи изъ квартиръ и т. п. Принципіальное содержаніе ст. 8-й фактически шло на смарку

Другой чертой ихъ дѣятельности, непосредственно опредѣлявшейся духомъ инструкціи, была чрезвычайная слабость репрессій.

Теорія «гарантій» сдѣлала свое дѣло. Отсутствіе спеціальной обвинительной камеры, наличность, наоборотъ, защиты въ стадіи предварительнаго слѣдствія при опытности искушенныхъ противниковъ, которыхъ щедрой рукой поставляла для защиты контръ-революціонеровъ саботировавшая новую власть старая буржуазная адвокатура, и свойственная вообще рабочему классу тенденція быть мягкимъ по отношенію къ уже обезвреженному, казалось, противнику, заключенному подъ стражу, приводили къ тому, что даже по такимъ дѣламъ, какъ заговоръ Нуринкевича, приговоры были до смѣшного мягки. Трибуналы вмѣсто того, чтобы быть орудіями борьбы, фактически оказались судами съ пониженной репрессіей по сравненію даже съ той репрессіей, которая налагалась мѣстными судами по общимъ преступленіямъ, которыя подходили подъ ихъ подсудность.

Таковъ былъ первый періодъ дѣятельности, закончившійся приблизительно къ первой половинѣ іюня, когда смѣнившій Штейнберга новый составъ Народнаго Комиссаріата Юстиціи въ рядѣ другихъ сторонъ своей дѣятельности обратилъ вниманіе точно также и на дѣятельность Трибуналовъ и рѣзко повернулъ все направленіе ихъ работы въ сторону, болѣе правильно отвѣчающую ихъ назначенію. Этотъ второй періодъ ведетъ свое начало съ изданія декрета о Трибуналахъ отъ 14 мая, постановленія Народнаго Комиссаріата Юстиціи отъ 16 іюня, отмѣнявшаго дѣйствующую инструкцію Штейнберга, и декрета Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, учреждавшаго для особыхъ дѣлъ особый, такъ-называемый Верховный Революціонный Трибуналъ при Ц. И. К.

III.

Исправлять наслѣдіе Штейнберга новому Комиссаріату Юстиціи пришлось не только въ области трибунальнаго судопроизводства. Статья 1-я декрета № 1 о судѣ, упразднявшая безчисленные разнокалиберные суды старой эпохи и замѣнявшая ихъ единымъ Народнымъ судомъ, заключала въ себѣ выраженіе той основной линіи пролетарскаго строительства въ области суда, которая должна была отличать новый государственный порядокъ отъ всѣхъ хитросплетеній стараго разрушеннаго общественнаго строя. Ст. 8-я должна была, наоборотъ, представлять собой продолженіе той разрушительной работы, которая была начата 1 частью ст. 1-й объ упраздненіи старыхъ исключительныхъ судовъ. Покорное власти слово, плѣненное гипнозомъ фетишей буржуазной юридической науки, комиссаріатство Штейнберга, какъ типичное мелкобуржуазное министерство, не сумѣло разграничить въ своемъ сознаніи этихъ двухъ основныхъ линій и, построивъ Трибуналы, какъ общіе суды, съ другой стороны, при построеніи этихъ послѣднихъ допустило не меньше отступленій отъ основного принципа пролетарскаго судопроизводства — простоты и доступности суда. Народному Комиссаріату Юстиціи пришлось продѣлать заново всю работу въ обѣихъ областяхъ. Съ одной стороны, пришлось расширить компетенцію мѣстнаго Народнаго суда, суженную Штейнбергомъ (декретомъ о судѣ № 3 послѣдняя была расширена до 5 лѣтъ лишенія свободы и 10,000 р. штрафа), а съ другой — пришлось сузить соотвѣтственно неимо-

вѣрно разросшуюся компетенцію Трибуналовъ. Вторая область работы для новаго состава Комиссаріатовъ заключалась въ реформѣ громоздкихъ окружныхъ судовъ и соотвѣтственной же реформѣ во внутренней структурѣ Трибуналовъ.

Первый большой декретъ отъ 14 мая 1918 года былъ цѣликомъ посвященъ упомянутой реформѣ. Декретъ прежде всего сократилъ количество самыхъ Трибуналовъ.

Несоотвѣтствующая роль, которую приняли на себя Трибуналы за отсутствіемъ общихъ судовъ, привела къ тому, что Трибуналы неимовѣрно расплодились въ своемъ числѣ,—почти въ каждомъ волостномъ Совѣтѣ былъ свой Трибуналъ. Декретъ отъ 14 мая упразднялъ всѣ провинціальные и уѣздные Трибуналы, сохранивъ ихъ только въ столицахъ, губернскихъ центрахъ, промышленныхъ районахъ и узловыхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Всѣ остальные Трибуналы должны были прекратить свою дѣятельность,

Второе ограниченіе касалось подсудности. Декретъ категорически запрещалъ Трибуналамъ принимать къ своему производству общеуголовныя дѣла и всѣ дѣла гражданскія. Онъ вводилъ, правда, въ подсудность Трибуналовъ двѣ новыя категоріи преступленій—дѣла о шпіонажѣ и погромахъ, но фактически послѣднія объединялись все тѣмъ же родовымъ понятіемъ контръ-революціи, которое было всегда основнымъ при опредѣленіи подсудности. Военный шпіонажъ въ той атмосферѣ гражданской и міровой войны, въ которой приходилось существовать Совѣтской власти, былъ только разновидностью контръ-революціонной дѣятельности, и то же самое въ громадной степени относилось и къ погромамъ. Послѣдніе всегда оказывались результатомъ дѣятельности контръ-революціонеровъ, ставившихъ себѣ цѣлью на почвѣ продовольственныхъ затрудненій натравить населеніе на Совѣтскую власть.

Декретомъ отъ 20 іюля подсудность Трибуналамъ была еще болѣе сокращена,—спекуляція и взяточничество были изъяты изъ вѣдѣнія Трибуналовъ. Спекулятивныя злоупотребленія утратили къ этому времени свою остроту, а продовольственный кризисъ, хотя и не уменьшился, однако, уже не вызывался преступнымъ характеромъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, и самая ихъ дѣятельность получила скорѣе видъ индивидуальныхъ преступленій, чѣмъ характеръ классовой борьбы цѣлаго общественнаго слоя. Преступленія по должности уменьшились въ своемъ количествѣ, а саботажъ, какъ организованная форма, исчезъ почти совершенно. Для Трибуналовъ фактически объектомъ дѣйствія осталась только контръ-революція, которая въ свою очередь до чрезвычайности выросла въ своихъ формахъ. Вооруженные заговоры и отдѣльные террористическіе акты, вооруженныя выступленія въ отдѣльныхъ городахъ и открытая вооруженная борьба на внѣшнихъ фронтахъ, тайная связь и пропаганда иностраннаго вмѣшательства и тайная агитація въ Россіи и за границей,—все это, вмѣстѣ взятое, занимая вниманіе Трибуналовъ, возвращало ихъ на правильную дорогу специфическихъ органовъ борьбы пролетаріата, отъ которой они уклонились въ теченіе перваго періода своего существованія.

Внутренняя реформа въ структурѣ Трибуналовъ нашла свое выраженіе также въ двухъ законодательныхъ актахъ: тотъ же самый декретъ отъ 14 мая упразднилъ торжественныя публичныя засѣданія слѣдственныхъ комиссій, сохранивъ въ качествѣ основной гарантіи для обвиняемыхъ предъявленіе имъ слѣдственнаго производства, и установилъ въ качествѣ постоянныхъ органовъ Обвинительныя Коллегіи при Трибуналахъ. По поводу этихъ послѣднихъ буржуазная печать не преминула поднять крикъ о возстановленіи Совѣтской властью прежней прокуратуры. Это было не совсѣмъ такъ. Обвинительныя Коллегіи не получили прежнихъ

правъ прокурорскаго надзора, и слѣдственная власть осталась такой же независимой, какой она и была, но обвиненіе получило почву подъ ногами: контръ-революціонеры не могли больше надѣяться имѣть своими противниками случайныхъ обвинителей изъ публики, а еще чаще пустое мѣсто, какъ было до сихъ поръ.

Наконецъ, постановленіемъ 18 іюня Народный Комиссаріатъ Юстиціи отмѣнилъ цѣликомъ инструкцію Штейнберга отъ 19 декабря. «Революціонные Трибуналы, — говорило постановленіе, — не связаны ничѣмъ въ опредѣленіи мѣры наказаній, за исключеніемъ случаевъ, въ которыхъ въ законѣ указана мѣра наказанія въ выраженіяхъ: «не ниже».

Трибуналы обрѣли благодаря этому прежнюю свободу, освободившись сверхъ того отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, которыя налагала на нихъ инструкція при образованіи состава.

Слѣдующимъ шагомъ впередъ въ томъ же самомъ направленіи былъ декретъ объ учрежденіи Верховнаго Революціоннаго Трибунала при Ц. И. К. Этотъ декретъ вмѣстѣ съ другимъ декретомъ отъ 11 іюня объ учрежденіи Кассаціоннаго Отдѣла при Ц. И. К. были важны тѣмъ, что оба послѣдовательно стояли на почвѣ ст. 8 декрета № 1 объ исключительной природѣ и исключительныхъ прерогативахъ Трибуналовъ, какъ органовъ борьбы.

Декретъ о Верховномъ Трибуналѣ важенъ первымъ открытымъ проведеніемъ въ структурѣ этого Трибунала принципа постоянности его состава и принципомъ о чрезвычайной подсудности Трибуналамъ вообще.

Согласно ст. 1-й положенія о Трибуналѣ при Ц. И. К. ему были подсудны въ порядкѣ изъятія изъ общей подсудности Трибуналамъ всѣ дѣла, изъятыя постановленіемъ Народнаго Комиссаріата Юстиціи, Президіума Ц. И. К. или Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Единственнымъ признакомъ для подсудности было признаніе даннаго дѣла особо важнымъ. Другими словами, декретомъ учреждался исключительный судъ въ квадратѣ. Его составъ еще болѣе подчеркивалъ спеціальное назначеніе этого суда. Никакой жеребьевки тутъ болѣе не происходило. Ц. И. К., какъ высшій органъ власти, самъ избиралъ изъ своего состава семь постоянныхъ членовъ и поручалъ имъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ. Единственнымъ критеріемъ при избраніи была испытанность тѣхъ или иныхъ товарищей, какъ революціонеровъ. И первый же процессъ показалъ, что новый путь, избранный Совѣтской властью, вполнѣ достигалъ цѣли. Смертный приговоръ контръ-революціонеру Щасному, послѣ котораго лѣвые с.-р. торжественно, какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ идеологамъ, отряслі прахъ отъ ногъ своихъ и вышли изъ состава Трибунала, сразу показалъ, что революція обрѣла свое оружіе. А приговоръ по дѣлу 14 провокаторовъ, изъ которыхъ семеро были разстрѣляны, заставилъ всѣхъ враговъ и контръ-революціонеровъ почувствовать, что пора штейнберговской маниловщины миновала.

Учрежденіе Кассаціоннаго Отдѣла было цѣнно тѣмъ, что Отдѣлъ предпринялъ чистку провинціальныхъ Трибуналовъ, безпощадно кассируя приговоры, вынесенные съ нарушеніемъ подсудности. Въ то же время практика Кассаціоннаго Отдѣла поставила въ должныя рамки буржуазную защиту; въ точномъ соотвѣтствіи съ пониманіемъ природы Трибуналовъ, какъ исключительныхъ судовъ, она возвысила авторитетъ Трибуналовъ, объявивъ неподлежащими провѣркѣ всѣ жалобы защиты на отказы Трибуналовъ въ вызовѣ и допросѣ свидѣтелей, пріобщеніи документовъ и неудовлетвореніи ея ходатайствъ, — всѣ тѣ зацѣпки, при помощи которыхъ старая адвокатура стремилась использовать въ своихъ цѣляхъ предоставленную ей въ Трибуналахъ свободу.

Одновременно Кассаціонный Отдѣлъ широко использовалъ предоставленное ему декретомъ отъ 11 іюня право увеличивать наказаніе въ отвѣтъ на поданную жалобу о смягченіи или отмѣнѣ приговора. Это право было ударомъ по всей системѣ мышленія буржуазной юриспруденціи. Кассаціонный судъ, увеличивающій наказаніе! Но съ точки зрѣнія послѣдовательнаго развитія идеи о Трибуналахъ, какъ органахъ борьбы, защиты революціи, такая практика Кассаціоннаго Отдѣла явилась только логическимъ развитіемъ этихъ идей, и больше ничѣмъ. Подобно прежнимъ трибунамъ Рима, призваннымъ слѣдить за тѣмъ, чтобы Республика не потерпѣла ущерба, ту же миссію декретъ 11 іюня возложилъ на Кассаціонный Отдѣлъ. Не менѣе крупнымъ принципіальнымъ рѣшеніемъ Кассаціоннаго Отдѣла слѣдуетъ признать рѣшеніе, которое онъ распространилъ въ противовѣсъ всей практикѣ Комиссаріата Штейнберга,—право опротестовывать оправдательные приговоры Трибуналовъ на всѣхъ неопороченныхъ гражданъ Совѣтской Россіи, а не только на лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ дѣлѣ. Штейнбергъ, стоя на точкѣ зрѣнія старой буржуазной морали о «милости», которая-де должна царствовать въ судахъ, проводилъ мысль о недопустимости вовсе обжалованія оправдательнаго приговора. Кассаціонный Отдѣлъ распространилъ это право на всѣхъ, «поскольку всѣ граждане, — какъ говорилось въ опредѣленіи Отдѣла, — одинаково заинтересованы въ охраненіи революціонныхъ завоеваній».

Приблизительно съ іюня начинается повсемѣстно выправленіе Революціонными Трибуналами своей линіи поведенія. Витебскій, Нижегородскій, Московскій, Смоленскій, Олонецкій, Калужскій и др. въ усиленіи репрессій пошли по слѣдамъ Верховнаго Трибунала. Революція начинала становиться грозной. Революціонные Трибуналы стали превращаться въ органы борьбы. Статистика не позволяетъ еще сказать съ достаточной опредѣленностью о томъ, насколько глубоко прошла въ сознаніе дѣятельности Трибуналовъ идея ст. 8. Однако, одно можно навѣрное сказать: съ путаницей, внесенной Штейнбергомъ, уже покончено. По мѣрѣ роста, развитія и совершенствованія общихъ судовъ, ихъ популярности среди народа, благодаря ихъ простотѣ, доступности и быстротѣ судопроизводства, произойдетъ, слѣдуетъ ожидать, окончательная разгрузка Трибуналовъ отъ всѣхъ имъ не подлежащихъ дѣлъ, и они смогутъ въ концѣ концовъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ съ самаго начала были призваны быть,— орудіями борьбы, быть-можетъ, жестокой, но неизбѣжной въ моментъ гражданской войны,—борьбы, ведомой открыто, властно и безъ той атмосферы лжи, въ которую всегда закутывалъ свою жестокость старый буржуазный судъ.

Н. Крыленко.

ОТДѢЛЪ V.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ СРЕДИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

Внѣшняя политика Совѣтской Россіи.

I. На пути къ октябрю.

Революція застала Россію изнемогающей въ петлѣ союзнаго капитала, который, несмотря на понятное для всѣхъ состояніе Россіи, не позволяющее ей выйти изъ рядовъ борющихся, не давалъ ей ни одной минуты отдыха. Изъ опубликованнаго нами доклада адъютанта генерала Алексѣева видно, какъ хладнокровно оцѣнивали ставка и русскій генералитетъ положеніе. Они всѣ видѣли задолго до революціи, что экономическій организмъ страны находится въ состояніи полнаго развала. Они всѣ понимали, что человѣческій матеріалъ русской арміи не въ состояніи выносить болѣе ударовъ, и что онъ подъ ихъ вліяніемъ теряетъ свою инертность, задумывается надъ причинами войны, причинами пораженія, что онъ начинаетъ жить собственной жизнью, которая для царской арміи должна была означать начало смерти. Но если часть реакціонной бюрократіи въ испугѣ отъ того, что принесетъ завтрашній день, думала о сепаратномъ мирѣ съ Германіей, думала о томъ, какъ бы найти помощь отъ надвигающейся революціи у германскаго капитала, то капиталистическія сферы не были въ состояніи отдѣлиться отъ лагеря союзниковъ. Царская бюрократія могла жить и развиваться и на почвѣ разгрома, ибо она была тѣмъ сильнѣе внутренно, чѣмъ болѣе слабы были силы, толкающія Россію по пути капиталистическаго прогресса. Капиталистическій классъ всталъ передъ альтернативой: или борьба съ помѣщичьимъ бюрократическимъ правительствомъ за рѣшеніе аграрнаго вопроса, за раскрѣпощеніе деревни, за развитіе сильнаго внутренняго рынка, или борьба совмѣстно съ союзнымъ капиталомъ за внѣшній рынокъ, при наличности котораго можно продолжать вести жизнь паразитовъ на тѣлѣ народныхъ массъ аннексированныхъ странъ. Круги русскаго имперіализма въ десять разъ слабѣе и уже, чѣмъ соотвѣтственные круги въ странахъ съ капиталистическимъ развитіемъ. Это въ буквальномъ смыслѣ этого слова ничтожная котерія банковскихъ, промышленныхъ и помѣщичьихъ дѣятелей, окружающихъ царскую канцелярію и дворъ тѣснымъ кольцомъ. Для этой котеріи рѣшеніе было легко. Такъ какъ она не въ состояніи была даже думать о борьбѣ съ царскимъ режимомъ, то она должна была итти дальше съ закрытыми глазами въ надеждѣ, что французы и англичане выведутъ изъ бѣды, что даже въ случаѣ разгрома Россіи на международной міровой конференціи силы союзниковъ вступятся за разгромленный русскій режимъ, ибо союзники захотятъ удержать Россію подъ своимъ вліяніемъ. Если же союзники будутъ принуждены въ первую очередь защищать самихъ себя, тогда можно будетъ за цѣну союза съ Германіей получить отъ нея выгодныя условія мира. Когда началась революція, русскіе им-

періалисты взяли руль въ свои руки. Гучковъ, наиболѣе представительная фигура русскаго имперіализма, человѣкъ, который больше чѣмъ кто-нибудь послѣ русско-японской войны работалъ надъ «обновленіемъ» русской арміи и флота, занялъ постъ военнаго министра; Милюковъ, идеологъ русскаго имперіализма, человѣкъ, связующій хищническія стремленія русскихъ Разуваевыхъ, разбойничьи стремленія царской бюрократіи, теократическіе интересы цезарепапизма съ идеологіей лондонскихъ либеральныхъ круговъ,— обѣ эти фигуры очутились на первомъ планѣ «революціоннаго» русскаго правительства. Они извѣщали союзниковъ о томъ, что переворотъ, совершенный въ мартѣ арміей и пролетаріатомъ, это—переворотъ патріотическій, переворотъ возрожденной націи, которая хочетъ освободиться отъ клики, подготовляющей сепаратный миръ съ Германіей. Если бы главари европейскаго имперіализма не стояли такъ далеко отъ жизни своихъ собственныхъ націй, то они, понятно, не повѣрили бы лживымъ сообщеніямъ Милюковыхъ и Гучковыхъ, ибо они знали бы, что массы даже ихъ странъ, въ десять разъ болѣе культурныя, развитыя и связанныя съ имперіалистской политикой своихъ правительствъ, что и онѣ полны утомленія, что безсмысленно было бы думать, что въ случаѣ «угрожающаго» мира эти массы сдѣлали бы революцію во имя продолженія войны. Ллойдъ-Джорджъ и Клемансо, принужденные своимъ собственнымъ положеніемъ создавать себѣ иллюзію насчетъ положенія среди собственныхъ массъ, должны были вѣрить Милюковымъ и Гучковымъ: эта вѣра была имъ нужна не для того, чтобы вести дальнѣйшую войну. Но Милюковъ и Гучковъ должны были уступить: одинъ—когда пытался въ арміи революціи ввести старый царскій порядокъ во имя побѣды, другой—когда во имя той же самой побѣды пытался обманывать заграницу и русскія народныя массы измышленіями вести дипломатическую игру краплеными картами, увѣряя русскій народъ, что работаетъ на миръ, а главарей союзнаго имперіализма,— что работаетъ на войну.

Однако, въ майскомъ кризисѣ замѣненъ былъ не русскій имперіализмъ, а только его передовые представители. Политика коалиціоннаго правительства до послѣдняго дня его паденія не подлежала никакимъ измѣненіямъ. Это была политика удержанія народныхъ массъ во что бы то ни стало передъ колесницей войны съ союзомъ западно-европейскихъ капиталистовъ. Если эта политика диктовалась у представителей капиталистическаго класса опредѣленнымъ расчетомъ, если она для нихъ проистекала изъ опредѣленнаго взгляда на будущую міровую ситуацію, изъ убѣжденія, что германскій имперіализмъ будетъ разбитъ, что единственнымъ источникомъ заграничнаго капитала, необходимаго руководителямъ русской буржуазіи для реставраціи хозяйственныхъ силъ истощенной страны, явится въ будущемъ только Америка, то у «соціалистическихъ» элементовъ коалиціоннаго правительства мы имѣли дѣло съ классической безпомощностью мелкихъ буржуа,—безпомощностью людей изъ канцеляріи провинціальнаго присяжнаго повѣреннаго или какого-то кавказскаго захолустья, которые не въ состояніи были даже политически расшутать узелъ современной войны, не смогли выйти изъ состоянія испуга, который и вызывала у читателей провинціальныхъ сенсаціонныхъ газетъ современная война съ ея перспективами. Полное невѣріе въ силы народныхъ массъ, глубокое убѣжденіе, что рабочій классъ Россіи и ея мелкобуржуазныя массы не въ состояніи сами руководить политикой государства, смиренное преклоненіе передъ школьными знаніями буржуазной интеллигенціи,—все это характеризовало гг. Керенскихъ и Черновыхъ, гг. Церетели и Дановъ, которые поэтому не могли никоимъ образомъ рѣшиться порвать связь съ кадетами и октябристами, съ финансовымъ и промышленнымъ капиталомъ Россіи.

А такъ какъ эти классы связаны были крѣпкими цѣпями съ финансовымъ капиталомъ Франціи, Англіи и Америки, то гг. Церетели и Керенскимъ приходилось плясать подъ дудку Ллойдъ-Джорджевъ и Клемансо. Что представляетъ собою французско-англійскій и американскій капиталъ по отношенію къ Россіи, что онъ является такимъ же хищникомъ, такимъ же эксплоататоромъ, какъ и капиталъ Германіи,—они знали не хуже представителей рабочаго класса, а даже лучше. Въ ихъ рукахъ находились донесенія о безконечныхъ мошенничествахъ Армстронговъ, Шнейдеровъ, Вестингаузеновъ при военныхъ поставкахъ. Вся та панама, которую мы теперь только шагъ за шагомъ раскрываемъ, была имъ великолѣпно извѣстна. Мало того: имъ ежедневно приходилось выслушивать типичныя шейлоковскія требованія союзныхъ правительствъ. Сколько разъ коалиціонное правительство обращалось къ союзникамъ съ требованіемъ доставки извѣстнаго количества паровозовъ и вагоновъ, нѣсколькихъ тысячъ сапогъ или рельсовъ, и всякій разъ оно получало одинъ и тотъ же циничный отвѣтъ: за столько-то тысячъ пудовъ груза мы требуемъ столько-то сотенъ тысячъ тѣлъ! Мы требуемъ наступленія! Церетели и Черновъ, которые вѣдь вкусили отъ древа познанія, знали великолѣпно, что если война окончится побѣдой имперіализма,—безразлично какого лагеря,—то Россія, во всякомъ случаѣ, будетъ колоніей европейскаго капитала. Но мелкіе буржуа не могли подумать безъ испуга, что будетъ въ случаѣ пораженія, не могли взять на себя роль зачинщиковъ борьбы за миръ, ибо внѣ коалиціи съ русской буржуазіей и внѣ коалиціи съ міровой буржуазіей для нихъ начинался скачокъ въ неизвѣстное, начиналась темная пропасть, которую не измѣритъ глазъ человѣческій, и поэтому они принуждены были итти за союзниками, куда союзники хотѣли.

Своими собственными рѣчами главари мелкобуржуазнаго соціализма посѣяли въ народной массѣ и арміи глубокое недовѣріе къ цѣлямъ войны союзниковъ. Они заявляли публично, что стремятся къ ликвидаціи имперіалистическихъ цѣлей войны, что потребуютъ отъ союзниковъ ихъ пересмотра согласно съ русскими интересами и согласно съ интересами международнаго пролетаріата. Въ то же самое время, когда они заявляли рабочимъ и солдатамъ Россіи, что цѣли, за которыя имъ приказываютъ проливать свою кровь, цѣли не пролетарскія, цѣли не демократическія, что надо будетъ требовать ихъ пересмотра, въ тотъ же самый моментъ, когда они такимъ образомъ подрывали въ народныхъ массахъ стремленіе къ дальнѣйшей борьбѣ и вѣру въ союзниковъ, въ то же самое время они заключали съ союзниками за плечами русскихъ народныхъ массъ, безъ ихъ вѣдома, договоры, на основаніи которыхъ обязывались за экономическую помощь союзниковъ бросить народныя массы Россіи въ наступленіе. Въ этотъ же самый моментъ, когда Керенскій и Церетели успокаивали рабочихъ Россіи насчетъ предстоящаго наступленія, въ тотъ же самый день, когда первый всероссійскій съѣздъ совѣтовъ, протестуя противъ наступленія, не могъ добиться, будетъ ли это наступленіе предпринято, или нѣтъ, лондонская «Pail-Mail Gasette», органъ Гарвина (№ отъ 25 іюня), могла сообщить: Альберъ Тома привезъ съ собою твердое убѣжденіе, что Россія снова окажется въ рядахъ борющихся. На съѣздѣ совѣтовъ Троцкій предсказывалъ, что наступленіе развалитъ армію, ибо нельзя одновременно сѣять въ народныхъ массахъ недовѣріе къ цѣлямъ войны и бросать эти массы въ потокъ новаго наступленія. Наиболѣе отвѣтственные военные руководители русской арміи предупреждали отъ наступленія, называя его авантюрой, но мелкобуржуазные главари революціи, которые боялись порвать съ франко-англійскимъ финансовымъ капиталомъ, не могли противодѣйствовать его нетерпѣнію, а Ллойдъ-Джорджу и Клемансо надо было во что бы то ни стало бросить

въ бой русскую армію, дабы убить моральное вліяніе русскаго пролетаріата на европейскій пролетаріатъ. Когда представители стараго Центральнаго Исполнительнаго Комитета пріѣхали въ Италію, имъ рабочіе, по докладу Гольденберга-Мѣшковскаго, кричали: «Дураки! Почему не кончаете войну?». Революція была для европейскихъ рабочихъ массъ символомъ страстнаго стремленія къ миру. Революція, которая не только не дѣлаетъ ничего, чтобы закончить войну, но и бросаетъ рабочихъ и народныя массы на войну,—эта революція должна была сдѣлаться для рабочихъ такимъ свѣтомъ, который не только не грѣетъ, но и не свѣтитъ, а это именно и нужно было Клемансо и Ллойдъ-Джорджу, боявшимся, что съ Востока распространится по всему міру та сила, отсутствіе которой единственно и позволяло проливать кровь, — чувство пролетарской международной солидарности. Когда исполнилось предсказаніе вождей рабочаго класса, когда русская армія отступила въ паникѣ, открывая германскому милитаризму доступъ въ Россію, дѣло международнаго имперіализма было на извѣстное время выиграно, а дѣло международнаго пролетаріата провалено. Когда началась русская революція, германскій имперіализмъ стоялъ словно загипнотизированный глазами русскаго сфинкса. Онъ не зналъ, какія международныя силы чудище восточной революціи таитъ въ себѣ. Онъ боялся его и стоялъ неподвижно въ своихъ траншеяхъ, не смѣя на это чудище броситься, ибо не зналъ, не вызоветъ ли онъ своимъ нападеніемъ на русскую революцію возстанія собственнаго пролетаріата. Когда русская революція, не попытавшись добиться мира съ германскимъ народомъ, не сдѣлавъ въ этомъ направленіи ни одного шага, бросила русскихъ рабочихъ на германскихъ, она помогла ему выйти изъ столбняка. Съ поля сраженія, съ похода противъ революціонной Россіи Гинденбургъ бросилъ рейхстагу крикъ радости: «русское наступленіе дало мнѣ возможность продвинуть нашу армію впередъ»,—телеграфировалъ Гинденбургъ рейхстагу.

Съ другой стороны, развалъ русской арміи неслыханно уменьшилъ ея значеніе въ глазахъ союзниковъ. «Послѣ пораженій, послѣ русскаго отступленія, — заявилъ Ллойдъ-Джорджъ, — Россія упала въ глубокую щель, но союзники вытащатъ ее хотя бы на петлѣ на верхъ горы». Ллойдъ-Джорджу было безразлично, вытащитъ ли онъ Россію на эту гору побѣды мертвой или живой. Онъ зналъ, что правительство мелкобуржуазныхъ капиталистовъ, правительство провалившагося наступленія оторвалось отъ европейскаго пролетаріата, что оно, безсильное исполнять ту роль, которую исполняло, не можетъ быть опаснымъ союзному капиталу. Теперь можно было предоставить Россію ея участи, требуя при этомъ отъ нея еще повиновенія, требуя, чтобы она теряла одну часть своей территоріи за другой, все-таки удерживала у себя германскія дивизіи и хотя бы физическимъ страданіемъ своимъ уменьшала тяжесть борьбы на западномъ фронтѣ. Попытка мелкобуржуазныхъ соціалистовъ вынуть голову изъ петли при помощи международной конференціи соціалистическихъ партій должна была оказаться вполнѣ безнадежной. Финансовый капиталъ Франціи и Англіи, въ плѣну у котораго находились русскіе мелкобуржуазные соціалисты, отвѣтилъ на эту попытку простымъ запрещеніемъ этой конференціи, дабы ему не нужно было бороться на конференціи со стремленіями подчиненныхъ ему Церетели и Черновыхъ къ миру по соглашенію, къ миру капиталистической сдѣлки.

Онъ запретилъ своимъ собственнымъ мелкобуржуазнымъ соціалистамъ принимать участіе въ этой конференціи, отказывая имъ въ паспортахъ, и такимъ образомъ вся затѣя Церетели и Чернова окончилась пуфомъ. Плѣнники мірового имперіализма, плѣнники союзнаго капитала, безсильные противопоставить его волѣ свою собственную, принуждены

были одновременно разбить собственными руками всякую возможность удержанія русской арміи въ траншеяхъ, всякую возможность спасенія какимъ бы то ни было путемъ Россіи. Именно потому, что они отказывались отъ всѣхъ попытокъ заключенія мира и этимъ самымъ разбивали психологическую предпосылку удержанія арміи на фронтѣ, они были принуждены, по требованію русскихъ капиталистовъ и русскаго генералитета, прибѣгнуть ко всѣмъ мѣрамъ физическаго насилія, дабы удержать остатки арміи.

Не будучи въ состояніи внушить ей вѣры, что она сражается за собственные интересы, они принуждены были пытаться заставить ее биться за чужіе интересы, а если не биться, то хотя бы физически оставаться въ траншеяхъ, какъ пушечное мясо въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Начинается періодъ разстрѣловъ на фронтѣ по приказанію Корнилова, Филоненко и Савинкова, начинается періодъ терзаній души людей въ сѣрыхъ шинеляхъ, которыхъ убивали за то, что они повѣрили, что революція означаетъ освобожденіе отъ ига мірового капитализма. Такимъ образомъ, путемъ безусловнаго подчиненія приказаніямъ англо-французскаго капитала и требованіямъ собственнаго капитала и собственной военщины мелкобуржуазные соціалисты подготовили, съ одной стороны, корниловское возстаніе, возстаніе генералитета, который во имя интересовъ капитала рѣшилъ самъ взять въ свои руки всю власть, дабы энергичнѣе и рѣшительнѣе справиться съ солдатскими массами, а съ другой—возстаніе тѣхъ же самыхъ массъ, которыя, послѣ того, какъ помогли мелкобуржуазнымъ соціалистамъ побѣдить заговоръ генералитета, заявили имъ: «Вы сами заговорщики противъ народныхъ массъ. Долой заговорщиковъ противъ массъ! Да здравствуетъ власть этихъ массъ!». Такъ іюль—родилъ октябрь. Подчиненіе требованіямъ международнаго капитала родило возстаніе народныхъ массъ Россіи противъ собственнаго капитала.

II. Брестъ-Литовскъ.

Второй съѣздъ совѣтовъ обратился съ декретомъ о мирѣ, не только къ народамъ, но и къ правительствамъ. 14-го марта петроградскій совѣтъ выпустилъ знаменитое воззваніе ко всѣмъ народамъ, въ которомъ призывалъ народныя массы порвать цѣпи, наложенныя на нихъ капиталистами; но тѣ, которые призывали рабочихъ всего міра къ возстанію противъ капитала, сами находились въ полной зависимости отъ англо-французскаго капитализма и принуждены были своими дѣлами уничтожать вліяніе своихъ словъ. И именно поэтому Совѣтское правительство, созданное массами, разочарованными политикой мелкобуржуазнаго соціализма, принуждено было обращаться не только къ народнымъ массамъ другихъ странъ, но и къ правителямъ этихъ странъ. Полный развалъ военныхъ силъ Россіи, полная экономическая разруха,—все это сдѣлало невозможнымъ ждать съ дѣломъ мира, пока возстанутъ народныя массы Запада. Надо было считаться съ тѣмъ, что вокругъ русской революціи находятся капиталистическія государства, и что приходится обращаться съ предложеніемъ мира именно къ нимъ. Въ своей рѣчи на съѣздѣ Ленинъ подчеркнулъ открыто и ясно, что, дѣлая эти шаги, рабочее правительство не можетъ своимъ предложеніямъ придавать ультимативный характеръ, что оно должно считаться съ положеніемъ и формулировкой своего предложенія не должно помочь имперіалистическимъ государствамъ въ отклоненіи предложенія Совѣтскаго правительства. Декретъ о мирѣ открыто заявлялъ, что совѣтское правительство готово обсудить всѣ предложенія, сдѣланныя другими государствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ленинъ заявлялъ: обсудить не означаетъ

еще принять. Такимъ образомъ, съ первыхъ дней намѣчалась линія мирной политики новосозданнаго Совѣтскаго правительства; она сводилась къ тому, что было налицо, но въ то же время предложеніемъ трехмѣсячнаго перемирія она доказывала, что хочетъ дать возможность народнымъ массамъ всѣхъ странъ сдѣлаться факторомъ, рѣшающимъ судьбы міра. И въ огнѣ гражданской войны, при всей неслыханно трудной работѣ созданія государства и рабочаго аппарата Совѣтское правительство, въ лицѣ Льва Троцкаго, безпрерывно обращается къ народнымъ массамъ всѣхъ странъ, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы будить ихъ и призывать къ борьбѣ. Стремясь къ переговорамъ съ Германіей Гогенцоллерновъ, оно не разрываетъ съ правительствами союзниковъ. Оно пытается принудить эти правительства принять участіе въ общихъ мирныхъ переговорахъ, оно дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы убѣдить правительства союзниковъ и чтобы толкнуть на борьбу трудовыя массы странъ союза. Казалось бы, что это стремленіе принудить міровыхъ противниковъ сѣсть совмѣстно за одинъ столъ для веденія переговоровъ представляетъ собой историческій парадоксъ, ибо если бы капиталисты кончили борьбу между собой, тогда они были бы въ состояніи пти въ бой противъ рабочей революціи, имѣли бы возможность задавить ее. Совѣтское правительство не боялось этого. Совѣтское правительство знало всѣ громадныя силы, которыя пытались удержать народныя массы въ международной войнѣ. Оно знало, что, только приведя въ движеніе рабочія массы Европы, оно принудитъ союзниковъ и центральныя государства начать мирные переговоры, а если массы двинутся, то не будетъ поводовъ бояться компромиссовъ для капиталистическихъ державъ, ибо тѣмъ же самымъ будетъ призванъ къ жизни факторъ, который свяжетъ руки капиталистическимъ державамъ и по отношенію къ русской революціи. Совѣтское правительство исходило изъ предпосылки, что революціонная ситуація, созданная войной, не представляетъ собой переходнаго явленія, и что миръ не въ состояніи задержать болѣе назрѣвающей рабочей революціи.

Стремленіе Совѣтскаго правительства вызвать движеніе во всѣхъ странахъ не могло въ короткое время принести большіе результаты. Не подлежитъ сомнѣнію, что русская рабочая революція глубоко встряхнула массы во всѣхъ странахъ, хотя свѣдѣнія изъ Россіи приходили самыя противорѣчивыя, хотя капиталистическая пресса пыталась въ странахъ союзниковъ убѣдить массы, что произошелъ лишь на короткое время захватъ власти маленькой кучкой авантюристовъ, германскихъ агентовъ. Массы Франціи и Англіи отозвались на кличъ рабочей революціи и всюду прислушивались къ ея лозунгамъ. Но эти лозунги доходили къ этимъ массамъ съ большимъ опозданіемъ, въ виду заботъ капиталистической цензуры, и притомъ никогда масса не могла съ одного удара сразу сдѣлаться свободной. Броженіе въ странахъ союзниковъ было недостаточнымъ для того, чтобы принудить союзныя правительства принять участіе въ мирныхъ переговорахъ съ Германіей. Положеніе же солдатскихъ массъ Россіи, бѣжавшихъ съ фронта неудержимымъ потокомъ, принудило начинать поскорѣе переговоры. Было ясно, что крестьянская масса, которой октябрьская революція сказала: «земля твоя, иди паши ее», не въ состояніи была остаться на фронтѣ, и никакія проповѣди не могли ее удержать; было ясно, что надо начинать мирные переговоры, ибо только надежда на близкій миръ могла сохранить сколько-нибудь организованную силу на границахъ страны. Такимъ образомъ, русская революція очутилась съ глазу на глазъ съ великаномъ германскаго имперіализма. Въ началѣ декабря русская делегація отправилась въ Брестъ-Литовскъ для переговоровъ о перемиріи. Стремленія Совѣтскаго правитель-

ства къ заключенію 3-мѣсячнаго перемирія натолкнулись, понятно, на энергичный отпоръ германскаго командованія. Германское командованіе не хотѣло дать рабочему движенію ни у себя, ни въ странахъ союзниковъ возможности назрѣть и сдѣлаться рѣшающимъ факторомъ. Оно надѣялось съ восточнаго фронта снять германскія войска и поэтому разсчитывало на полную побѣду надъ союзниками и отнюдь не было заинтересовано въ томъ, чтобы союзники приняли участіе въ мирныхъ переговорахъ. Видя въ движеніи народныхъ массъ Германіи и Австріи движеніе, направленное противъ своего господства, оно отклонило русское предложеніе и, пытаясь при помощи перемирія держать въ рукахъ Совѣтское правительство, назначило только мѣсяцъ перемирія, этимъ самымъ дѣлая его на это время зависимымъ отъ положенія мирныхъ переговоровъ.

Стремленіямъ Совѣтскаго правительства войти въ контактъ съ народными массами Германіи и Австріи, стоящими на восточномъ фронтѣ, противились, понятно, главари германской военной партіи, понимая, что изъ этого ничего хорошаго для нихъ выйти не можетъ. Переговоры о перемиріи не дали иныхъ результатовъ, кромѣ того, что надо было въ срочномъ порядкѣ приступать къ мирнымъ переговорамъ. Германскій имперіализмъ началъ эти мирные переговоры декларацією въ отвѣтъ на совѣтское ясное и простое изложеніе демократическихъ принциповъ мира. Германскій отвѣтъ вызвалъ взрывъ радости въ рабочихъ массахъ Россіи ибо онѣ думали, что центральныя державы стали на точку зрѣнія революціи, сужая ее только во времени и пространствѣ, такимъ образомъ, чтобы не быть принужденными своими руками отдать Эльзасъ и Лотарингію и отказаться отъ стремленія къ колоніальному владычеству. Никто, кто зналъ германскую политику, ни на одну минуту не могъ повѣрить искренности германскаго заявленія. И «Правда» указывала открыто въ день мирной рабочей демонстраціи въ Петроградѣ, что за этой видимостью принциповъ, провозглашенныхъ русской революціей, кроется конкретная программа аннексій. Это сказалось уже въ тотъ самый день, когда на улицахъ Петрограда демонстрировали за демократическій миръ сотни тысячъ рабочихъ и солдатъ. Въ этотъ день вернулась изъ Брестъ-Литовска первая мирная русская делегація и привезла съ собой фактическія предложенія германскаго правительства,—предложенія, которыя ясно показывали, какія цѣли преслѣдовало германское правительство въ своей лицемѣрной декларации. Предложенія эти свелись ко всѣмъ намъ теперь хорошо извѣстной программѣ германской аннексіи на Востокѣ. Встаетъ вопросъ: почему же тогда германцы за нѣсколько дней до этого выдвинули демократическую программу мира? Отвѣтъ на это весьма простъ: они были убѣждены, что Совѣтское правительство пойдетъ на сдѣлку, которая поможетъ имъ прикрыть все существо ихъ хищнической политики аннексій, къ которымъ стремилась Германія на Востокѣ, которыя должны были быть произведены подъ лозунгомъ самоопредѣленія націй. Германская дипломатія была убѣждена, что Совѣтское правительство выдумало это право на самоопредѣленіе націй, дабы получить возможность подъ такимъ благороднымъ названіемъ ликвидировать войну, дабы получить возможность представить народнымъ массамъ разгромъ русской революціи германскимъ имперіализмомъ, какъ побѣду русской революціи. Германскіе дипломаты были убѣждены, что Совѣтское правительство пойдетъ на такую сдѣлку, но они жестоко ошиблись. Мирная делегація выступила самымъ опредѣленнымъ образомъ противъ попытки сдѣлать ее соучастницей плановъ германскаго имперіализма. Когда «Петроградское агентство» и наша пресса начали рѣзко и открыто показывать міру фактическія намѣренія Германіи, и когда они подъ лозунгомъ: «маски сброшены» начали боевую кампанію противъ мирной программы герман-

ского правительства, гг. Кюльманъ и Черинъ думали одинъ моментъ, что имѣютъ дѣло съ интригой какого-то особаго теченія въ Совѣтскомъ правительствѣ, которое стремится къ срыву перемирія. Они не могли понять, какъ это возможно, чтобы Россія, нуждающаяся въ мирѣ во что бы то ни стало, въ роковой часъ, когда пришлось платить по векселямъ, подписаннымъ на поляхъ сраженій, посмѣла противостоять германскому имперіализму. Кюльманъ и Черинъ допускали возможность торга, но не допускали возможности борьбы. Имъ пришлось вскорѣ разочароваться въ своихъ надеждахъ. Совѣтская делегація въ открытомъ засѣданіи разоблачила шагъ за шагомъ игру, затѣянную германскимъ правительствомъ. Она сорвала всѣ заслонки, отбросила всякія ширмы, и никакая діалектика Кюльмана не спасла его отъ открытаго признанія, что онъ стремится къ аннексіямъ. Поставленные передъ вопросомъ, хотятъ ли они увести свои войска изъ оккупированныхъ областей, хотятъ ли они противопоставить насилію право выражать свою волю безъ давленія германскихъ штыковъ, германскіе дипломаты оказались въ безвыходномъ политическомъ положеніи. Они пытались до этого времени перекричать ясно звучащій голосъ военной партіи, которая устами генерала Гофмана откровенно заявляла: «Въ нашихъ рукахъ оружіе. Этимъ оружіемъ мы покорили Россію, и мы ей продиктуемъ миръ такой, какой намъ нужно». Гг. Кюльманы чувствовали себя очень неловко при подобныхъ откровенныхъ рѣчахъ представителей военной партіи, но въ послѣдній моментъ, когда всѣ ихъ увертки кончились ничѣмъ, когда русская делегація осталась твердой, они были принуждены представить спеціальной комиссіи мирной делегаціи свою собственную программу, программу территоріальныхъ захватовъ, программу контрибуцій. Тогда отвѣтомъ совѣтской делегаціи было: «Этого мира мы подписать не можемъ. Россія не въ состояніи вести войну, но она не хочетъ заключить мира насилія». Прервавъ послѣ 2-мѣсячной борьбы мирные переговоры, русская делегація возвратилась въ Петроградъ, не дѣлая себѣ иллюзій, что она принесла народу миръ. Политика совѣтской делегаціи была предметомъ ожесточенныхъ нападокъ со стороны не только буржуазіи, но и мелкобуржуазныхъ соціалистовъ, высказавшихъ на первомъ засѣданіи учредительнаго собранія готовность итти на всякія сдѣлки, но которые передъ лицомъ совершоннаго факта пытались наложить отвѣтственность за него на тѣхъ, кто былъ только ликвидаторомъ царскаго режима, ликвидаторомъ авантюристской политики мелкой буржуазіи. Противъ «жеста» брестъ-литовской делегаціи, за который впослѣдствіи пришлось заплатить уступкой Эстляндіи и Лифляндіи, выдвигалось обвиненіе и въ совѣтскихъ рядахъ,—обвиненіе въ томъ, что мирная делегація поставила все на одну карту, что она должна была заключить миръ на условіяхъ, ей передъ тѣмъ предложенныхъ, менѣе тяжкихъ. Но кто вдумается во всю политику, въ тѣ задачи рабоче-крестьянской Россіи,—Россіи, которая взяла на себя гордую роль застрѣльщика міровой революціи,—тотъ теперь, въ первую годовщину октябрьской революціи, долженъ сказать, что брестъ-литовская мирная политика была законнымъ дѣтищемъ октябрьской революціи, что она отвѣчала насущнымъ интересамъ революціонной Россіи.

Русская революція была возстаніемъ рабочихъ массъ противъ міроваго имперіализма. Вспыхнувъ въ Россіи, она осталась пока изолированной въ имперіалистской Европѣ. И если эта изоляція продолжится долго, русская революція будетъ задавлена силами европейской контръреволюціи. Во главѣ политики русской революціи должно стоять стремленіе къ пробужденію народныхъ массъ другихъ странъ. Это стремленіе является верховнымъ закономъ русской революціи, ему подчинено все. Это стремленіе требуетъ, чтобы русская революція встала передъ

лицомъ мірового пролетаріата какъ борецъ, какъ противникъ мірового имперіализма. Только глубокое убѣжденіе народныхъ массъ всѣхъ странъ въ томъ, что рабочій классъ Россіи, что его правительство не связаны ни съ какимъ имперіалистическимъ лагеремъ,—только это убѣжденіе дастъ рабочимъ силу подняться снова, собраться въ международныя фаланги, только оно будетъ связующей цѣпью въ разрозненныхъ движеніяхъ международнаго пролетаріата. Поэтому русское правительство должно было сдѣлать все, чтобы противопоставить рабочимъ всего міра свое стремленіе къ общему, а не сепаратному миру. Это было сдѣлано упорной борьбой за движеніе европейскаго пролетаріата въ продолженіе ноября и декабря. Это стремленіе ко всеобщему миру кончилось пораженіемъ. Союзная олигархія рѣшила воевать дальше, ибо напоръ на нее народныхъ массъ оказался черезчуръ слабымъ. Тогда передъ лицомъ міра надо было доказать европейскимъ рабочимъ массамъ (не только пролетаріату союзныхъ странъ, но и пролетаріату Германіи), что мы заключаемъ хищническій миръ съ Германіей только подъ дуломъ револьвера. Этимъ доказательствомъ не могла быть только словесная борьба въ Брестъ-Литовскѣ. О ней получили рабочія массы только смутное представленіе, и никогда борьба словомъ не является убѣдительной силой, ибо слово служитъ всякой цѣли. Съ тѣми же самыми словами умираетъ солдатъ въ траншеяхъ, и кидается въ деревянную траншею на сценѣ актеръ, играющій умирающаго солдата. Безсилію словъ, какъ связующему звену, надо было противопоставить спаивающую людей кровь. Совѣтская мирная делегація, дѣйствуя съ согласія Совѣтскаго правительства, дѣлая «жестъ», непонятный филистерамъ реальной политики, отдала рѣшеніе участи Россіи въ руки международныя, въ руки австрійскаго и германскаго пролетаріата. Она знала, что германская военщина можетъ воспользоваться положеніемъ и можетъ перейти къ наступленію, за которое придется заплатить большими потерями. Но одновременно она знала, что если бы она пошла на сдѣлку съ германскимъ имперіализмомъ, если бы она добровольно отдала въ его руки латышскій, литовскій и польскій пролетаріатъ, то потери Совѣтской Россіи были бы больше, чѣмъ потери территоріальныя. Это была бы потеря довѣрія народныхъ массъ оккупированныхъ областей, это была бы потеря довѣрія рабочихъ массъ всего міра. И поэтому совѣтская мирная делегація выбирала этотъ болѣзненнѣйшій рискованнѣйшій путь ликвидаціи наслѣдія войны.

Политика разоблаченія германскаго имперіализма, веденная за все время брестскихъ переговоровъ, дала громаднѣйшіе результаты. Она пробила брешь въ стѣнѣ германскаго имперіализма,—результатомъ явилась первая забастовка германскихъ и австрійскихъ рабочихъ. То, чего не сумѣла дать агитація самыхъ лучшихъ представителей рабочаго класса Германіи передъ войной, чего не сумѣла вызвать агитація самыхъ лучшихъ борцовъ германскаго и австрійскаго рабочаго класса въ продолженіи трехлѣтней войны,—это создали политика Совѣтской Россіи, ея отказъ помочь германскому имперіализму прикрыть свое хищническое дѣло лозунгомъ русской революціи. Навсегда останутся въ исторіи слова, брошенныя съ пѣной у рта самымъ радикальнымъ органомъ германскаго имперіализма,—слова «Deutsche Tageszeitung», сказанныя по поводу германской всеобщей забастовки въ февралѣ 1918 г. «Рабочіе Германіи оказались не съ Гинденбургомъ, а съ Троцкимъ». Не менѣе положительные результаты дало завершеніе этой политики, дали «жестъ» брестской делегаціи, ея лозунгъ: «войны не ведемъ, но и мира подписать не можемъ», который выяснилъ рабочимъ міра, что мы актъ насилія подписываемъ только лежа на землѣ, подъ дуломъ револьвера противника. Совѣтская Россія получила свободу извѣстнаго маневрированія въ области

внѣшней политики, каковое стало необходимымъ послѣ подписанія брестскаго мира. Только потому, что весь рабочій классъ міра видѣлъ, чѣмъ мы рисковали, отказываясь подписать миръ, мы могли этотъ миръ заключить безъ потери довѣрія рабочаго класса, и мы смогли и въ дальнѣйшемъ дѣлать необходимыя уступки германскому имперіализму.—уступки, слыша о которыхъ рабочій классъ всей Европы, всегда вспоминалъ германское наступленіе въ мартѣ 1918 г.

Подписаніе брестскаго мира вызвало первый глубокій внутренній кризисъ въ рядахъ Совѣтской Россіи. Еще тогда, когда двигались на насъ германскіе полки, глубокое сомнѣніе терзало руководителей Совѣтской Россіи: подписывать или не подписывать миръ. Мы не будемъ говорить о теченіяхъ, которыя не допускали принципіально подписанія мира насилія. За такими теченіями скрывались—или мелкобуржуазная наклонность къ фразѣ, къ этической оцѣнкѣ политики, выражалось преобладаніе идеологіи, которая, будучи продуктомъ борьбы, въ извѣстный моментъ имѣетъ тенденцію жить самостоятельной жизнью и связывать руки своихъ творцовъ, или же неосознанное національстическое чувство интеллигенціи, которая не могла перенести боли, вызванной операціей ликвидаціи всемірной войны, ликвидаціи стараго величія царской имперіи. Никакіе принципы не могутъ запретить слабѣйшему уступать насиліямъ сильнаго. Во всей исторіи рабочаго класса наблюдается подобное «безпринципное» подчиненіе факту силы, имѣющее цѣлью собрать силы, дабы этотъ фактъ опровергнуть. Насколько дѣло шло о серьезныхъ разногласіяхъ, они не носили принципіальнаго характера, а сводились къ спору о цѣлесообразности. Было ясно, что если въ ближайшемъ будущемъ русская революція не вызоветъ международной революціи, если война будетъ продолжаться, то Россія, не связываясь ни съ однимъ, ни съ другимъ лагеремъ имперіалистскихъ державъ, будетъ все-таки принуждена считаться съ обоими, и можетъ оказаться въ положеніи, когда надо будетъ дать отвѣтъ, которая изъ обѣихъ сторонъ опаснѣе, можетъ оказаться въ положеніи, когда защита ея интересовъ будетъ развиваться параллельно съ дѣйствіями одного изъ военныхъ лагерей. Заключеніе мира рѣшало вопросъ, въ какомъ положеніи находится въ этотъ моментъ Россія послѣ заключенія мира. Другъ противъ друга встали двѣ концепціи. Одна заключалась въ томъ, что Германія—самый сильный, ибо самый близкій врагъ, что она можетъ разбить первую соціалистическую революцію, прежде чѣмъ эта революція окрѣпнетъ, прежде чѣмъ она пуститъ корни въ сердца массъ, научивъ ихъ на дѣлѣ бороться за интересы рабочаго класса. Поэтому эта концепція говорила: надо заключать миръ цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ, дабы спасти центры рабочаго движенія, дабы дать имъ возможность сдѣлаться соціалистической организаціей, которая одна, стоя передъ глазами рабочаго класса Европы, ускоритъ его развитіе къ міровой революціи. Другая концепція выходила изъ предпосылки, что условія, въ которыхъ придется работать Совѣтской Россіи на основѣ брестскаго договора, не позволяютъ надѣяться на соціалистическую творческую работу, что подписывая миръ Совѣтская Россія спасетъ только видимость власти, что она вмѣсто того, чтобы сама получить передышку, дастъ ее противнику, который въ противномъ случаѣ принужденъ былъ бы итти открытымъ боемъ на Россію, не ослабивъ себя на Западѣ, и тѣмъ ускорилъ бы движеніе народныхъ массъ въ своей странѣ.

Эта концепція считала, что, отказавшись отъ подписанія брестскаго мира, Совѣтское правительство можетъ уйти на Уралъ и Поволжье. Имѣя эти здоровые центры рабочаго движенія, какъ базу, и имѣя за собой хлѣбородную Сибирь, оно будетъ организаціоннымъ центромъ для

неминуемой революціонной борьбы въ оккупированной центральной Россіи. И, такимъ образомъ, оно, теряя главную область своего господства, все-таки сумѣетъ быть въ большихъ размѣрахъ двигателемъ международной революціи, чѣмъ сохранивъ центральную Россію. Первая концепція имѣла цѣлью обезпечить западный тылъ русской революціи; вторая разсчитывала на свободный тылъ съ Востока. Первая принимала въ расчетъ возможность борьбы съ союзниками при извѣстной параллельности дѣйствій съ Германіей, какъ болѣе сильнымъ и болѣе опаснымъ противникомъ; вторая считалась съ правильностью дѣйствій съ союзниками и брала въ расчетъ войну съ Германіей именно потому, что видѣла въ Германіи пока-что цитадель европейскаго имперіализма. Споръ обѣихъ концепцій былъ рѣшенъ не литературной дискуссіей, а силой фактовъ. Не только крестьянскія массы не хотѣли ничего слышать о войнѣ съ Германіей, единственной актуальной войнѣ, опасность которой была налицо въ мартѣ 1918 года, но и при передовыхъ рядахъ рабочаго класса не было силъ для того, чтобы итти въ бой. Подавляющее большинство крестьянъ и рабочихъ твердо стояло на почвѣ заключенія мира. И такъ какъ миръ былъ результатомъ воли народныхъ массъ, то миръ былъ ратифицированъ III съѣздомъ совѣтовъ.

Брест-литовскій миръ есть результатъ разгрома капиталистически-отсталой Россіи германскимъ имперіализмомъ. Онъ былъ подписанъ рабочимъ классомъ Россіи тогда, когда рабочій классъ не сумѣлъ еще создать силъ для защиты Россіи. Отвѣтственность за этотъ миръ падетъ всецѣло на капиталистическую помѣщичью Россію и на тотъ фактъ, что въ Европѣ господствуетъ еще имперіализмъ. Совѣтская Россія, подписавъ его, взяла на себя задачу создать силы, которыя залѣчатъ раны, нанесенныя народамъ этимъ миромъ. Всѣ слѣдующіе послѣ брестскаго мира акты являются борьбой за то, чтобы не была снята съ ранъ повязка, пока раны не залѣчатся, пока Россія не будетъ имѣть внутреннихъ силъ, дабы помочь своимъ отрядомъ, брошеннымъ въ жертву мірового имперіализма для спасенія революціи, которая первая подняла знамя борьбы съ имперіализмомъ.

III. Между англійскимъ, французскимъ, американскимъ и германскимъ милитаризмомъ.

Брестскій миръ, доказавъ рабочимъ странъ согласія, какъ Германія понимаетъ «миръ соглашенія», спаялъ эти массы со своими правительствами. Онъ далъ возможность капиталистическимъ заправиламъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ наполнить эти массы воинственнымъ духомъ во имя спасенія ихъ странъ и ихъ «свободъ» отъ разгрома германскими пушками. Брест-литовскій миръ только обострилъ міровыя противорѣчія. И въ этой-то атмосферѣ разгорающихся съ еще большей силой международныхъ боевъ вела свою политику Совѣтская республика въ слѣдующіе за брест-литовскимъ миромъ мѣсяцы. Путеводной звѣздой этой политики было не попасть въ плѣнъ ни одного изъ лагерей имперіализма.

Союзники ожидали, что Совѣтская Россія будетъ брест-литовскимъ миромъ отброшена въ ихъ станъ. Германскій имперіализмъ ожидалъ, что, находясь подъ безпрерывной опасностью новыхъ ударовъ, Совѣтская Россія сдѣлается его лакеемъ, пока онъ не сумѣетъ создать на югѣ контръ-революціонный центръ, исходя изъ котораго онъ задушитъ Совѣтскую Россію и, вводя капиталистическій порядокъ во всей Россіи, отъ Кавказа до Финляндіи, создастъ мостъ для союза съ русской буржуазіей. Германскій имперіализмъ разсчитывалъ, что представители русской буржуазіи въ

благодарность за передачу власти въ ихъ руки порвутъ съ союзниками, войдутъ въ германскую коалицію, и что такимъ образомъ германскому имперіализму удастся разорвать кругъ, созданный вокругъ него англо-французскимъ капиталомъ, удастся выйти изъ изоляціи, подать черезъ связанную съ нимъ контръ-революціонную Россію руку японскому капиталу и создать такимъ образомъ противъ англійскаго капитала единый фронтъ не только отъ Гамбурга до Багдада, но и отъ Гамбурга до Токіо. Соотвѣтственно этому плану развивалась германская политика и по отношенію къ Совѣтской Россіи.

Сначала германскій имперіализмъ пытался окружить ее, заключивъ миръ съ украинской радой, только-что разгромленной рабочими и крестьянами Украины. Германскій имперіализмъ ввелъ эту мелкобуржуазную организацію во владѣніе Украиной,—онъ двинулъ войска черезъ Днѣпръ и оттѣснялъ шагъ за шагомъ отряды Совѣтской Украины, которые состояли изъ остатковъ стараго юго-западнаго фронта. Онъ послалъ свои войска на помощь бѣлогвардейской финской буржуазіи, побѣжденной въ февралѣ рабочимъ классомъ Финляндіи. Онъ разгромилъ героически сражавшихся финскихъ рабочихъ. Въ странѣ, не знающей милитаризма, въ странѣ, которая никогда не учила рабочихъ сражаться, эти рабочіе сумѣли создать красную гвардію, о которой офиціозъ германскаго правительства «Норддейтше Альгемейне Цейтунгъ» былъ принужденъ сказать, что эта красная гвардія не сдавалась, что она боролась не на жизнь, а на смерть за свои идеалы. «Егерскіе полки и матросы-артиллеристы разсказываютъ,—сообщала правительственная германская газета,—что эта красная гвардія во время боевъ въ финскихъ шхерахъ, во время боя на льду, покрытомъ водой, была одинаково упорна и въ наступленіи, и въ защитѣ. При наступленіи на красную гвардію по льду у острова Ко она начала отступать только тогда, когда изъ отряда въ 200 человѣкъ 60 лежали мертвыми на льду».

Рабоче-крестьянская революція на Украинѣ и рабочая революція въ Финляндіи были разгромлены до мая. Германскія войска могли съ сѣвера и юга во всякій моментъ двинуться противъ центральной Россіи. На западѣ они стояли у Пскова, въ разстояніи 3-хъ часовъ ѣзды отъ Петрограда. Окруживъ такимъ образомъ Совѣтскую Россію, продвигая съ каждымъ днемъ дальше свои отряды черезъ границу, установленную брестскимъ миромъ, германскій имперіализмъ началъ жить «въ мирѣ и согласіи», началъ проявлять то свое отношеніе къ Россіи, которое опредѣлялось брестскимъ договоромъ, какъ «отношенія мира и согласія». Онъ сталъ засыпать Совѣтскую Россію тысячами нотъ, которыми онъ вмѣшивался во всѣ области экономической жизни Россіи. Онъ подъ видомъ защиты интересовъ германскаго капитала сдѣлался представителемъ интересовъ русской буржуазіи, которая невѣроятно быстрымъ темпомъ стала мѣнять свою ориентацію, переходить на сторону этихъ спасителей, которые были близки, и которые обѣщали ей въ скоромъ будущемъ возстановить ея права. Представитель германскаго правительства гр. Мирбахъ завязывалъ сношенія не только съ кадетами, но и съ октябристами, и даже съ правыми кругами, пытаясь сдѣлаться концентраціонной точкой для русской контръ-революціи. Царскія крысы, крысы буржуазной Россіи со всѣхъ сторонъ собирались въ Кіевъ, подготовляя тамъ контръ-революціонный заговоръ противъ Совѣтской Россіи.

Совѣтская Россія взяла по отношенію къ германской политикѣ сразу совершенно опредѣленный курсъ: уступая германскому нажиму тамъ, гдѣ можно было ожидать, что онъ будетъ поддержанъ германской силой, она одновременно поставила ясно и опредѣленно границу своимъ уступкамъ. Въ переговорахъ о проведеніи въ жизнь брестскаго договора она

заявила германскому капиталу, что она не пойдетъ на роль украинской рады, что она можетъ дѣлать территоріальныя уступки, что она можетъ взять на себя уплату дани, возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ германскому капиталу и царскимъ правительствомъ, и соціальнымъ законодательствомъ въ Россіи, но она ни въ коемъ случаѣ не допуститъ того, чтобы подъ формой Совѣтской власти скрывалось хозяйничаніе германскаго капитализма на русской территоріи. Что касается территоріальныхъ уступокъ, то Совѣтская Россія согласилась на то, чтобы области, которыя на практикѣ ушли отъ Россіи,—какъ, напр., Эстляндія и Лифляндія,—были и формально закрѣплены за Германіей, дабы за эту цѣну получить гарантію, что германскія войска не будутъ двигаться дальше въ глубь Совѣтской Россіи, ибо это означало бы порабощеніе новыхъ массъ рабочихъ и крестьянъ.

Германскій имперіализмъ согласился пока-что сдерживать свой аппетитъ въ рамкахъ, очерченныхъ Совѣтской Россіей. Принудилъ его къ тому не холодный расчетъ, ибо онъ понималъ великолѣпно самъ, что задача постояннаго сожительства пролетарской диктатуры и диктатуры финансоваго капитала неразрѣшима,—онъ пошелъ на уступки подъ вліяніемъ объективнаго развитія событій, которое Совѣтское правительство предвидѣло при подписаніи брестскаго договора. Телѣга германскаго имперіализма застряла на Украинѣ: украинская рада, организація мелкобуржуазной интеллигенціи, не была въ состояніи выполнить взятыя на себя въ Брестѣ обязательства. Она должна была заплатить хлѣбомъ за поддержку германскихъ штыковъ, но украинскіе крестьяне этого хлѣба не хотѣли давать, а у рады не было собственныхъ штыковъ, чтобы этотъ хлѣбъ взять. Когда же германцы начали водворять помѣщиковъ обратно въ ихъ владѣнія, дабы этимъ путемъ получить хлѣбъ, мелкая буржуазія изъ рады поняла, что нельзя одновременно служить германскому имперіализму и крестьянству. Она затѣяла интригу противъ той силы, при помощи которой сама уничтожила рабочую диктатуру и взяла власть. Германскіе генералы отбросили раду однимъ толчкомъ, какъ карточный домикъ. На ея мѣсто посадили стараго царскаго генерала Павло Скоропадскаго, друга усмирителя Финляндіи, такого же царскаго генерала, Маннергейма. Маннергеймъ надѣлъ костюмъ финскаго патріота, чтобы выполнить свою роль Кавеньяка. Точно такъ же Скоропадскій надѣлъ колпакъ украинскаго гетмана, дабы прикрыть національнымъ украинскимъ флагомъ русскую контръ-революцію, насаждаемую при помощи германскихъ штыковъ. Но народнымъ массамъ Украины было безразлично, подъ какимъ флагомъ отнимаютъ у крестьянъ землю, у рабочихъ—фабрики и заводы. На Украинѣ разгорѣлась борьба народныхъ массъ противъ контръ-революціонной диктатуры, опирающейся на иностранные штыки. Прежде чѣмъ кіевскія контръ-революціонныя войска сумѣли двинуться изъ Кіева на Москву, имъ пришлось бы бороться за возможность оставаться въ Кіевѣ.

Одновременно германскому командованію пришлось убѣдиться въ томъ, что путь на Парижъ не такъ коротокъ, какъ думали генералы Гофманы и Бринкманы, когда въ Брестъ-Литовскѣ они мечтали о томъ, что скоро будутъ диктовать народамъ Запада тѣ же самые «миръ и согласіе», какіе они продиктовали намъ въ Брестъ-Литовскѣ. Германское наступленіе, сначала побѣдоносное, потомъ замедлилось и закончилось отступленіемъ. Находясь въ такой обстановкѣ, германскій имперіализмъ подписалъ дополнительные договоры, въ которыхъ онъ соглашался на выкупъ германской доли въ капиталѣ національнированной русской промышленности и такимъ образомъ отказался отъ вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла. Въ этомъ состоялъ главный смыслъ дополнительныхъ договоровъ. Въ этомъ было ихъ положительное значеніе для Совѣтской Республики, несмотря на пятимилліардное обязательство, которое сложилось изъ не-

крытія расходовъ по содержанію военноплѣнныхъ и изъ ликвидаціи убытковъ, причиненныхъ германцамъ царскимъ военнымъ законодательствомъ.

Несмотря на отдачу въ прибавокъ Эстляндіи и Финляндіи, несмотря на созданіе «независимой Грузіи», этотъ дополнительный договоръ не означалъ установленія постояннаго курса германской политики, не являлся тѣми рельсами, по которымъ могли бы спокойно двигаться русско-германскія отношенія. Это не подлежало никакому сомнѣнію. Это доказывала оживленная дискуссія германской печати. Въ нѣмецкой печати очень часто раздавались голоса, требовавшіе отъ германскаго правительства, чтобы оно порвало съ правительствомъ рабочаго класса Россіи, задушило Совѣтскую Россію и создало контръ-революціонное правительство. Германское правительство, несомнѣнно, охотно взялось бы за эту задачу, но она была ему не по силамъ. И поэтому даже такіе факты, какъ убійство гр. Мирбаха, какъ бѣгство германскаго посольства изъ Россіи въ страхѣ передъ надвигающейся гражданской войной, не могли поднять имперіалистскую Германію на Совѣтскую Россію. Германское правительство было убѣждено, что крушеніе Совѣтской власти изнутри подъ напоромъ контръреволюціонныхъ силъ можетъ наступить въ любой моментъ. Оно готовилось къ тому, чтобы въ этотъ моментъ сдѣлать контръ-революціи территоріальныя уступки, дабы связать ее съ собой. Но оно боялось взять на себя почетную инициативу возсозданія въ Россіи контръ-революціоннаго порядка, ибо, какъ позже сказалъ германскій министръ иностранныхъ дѣлъ, контръадмиралъ Гинце: «Россія—это бурлящій котелъ. Горе тому, кто въ этотъ моментъ сунетъ туда свой палецъ».

Ту же самую политику, которую Совѣтское правительство вело по отношенію къ германскому имперіализму, оно повело по отношенію къ франко-англо-американскому. Не желая остаться съ глазу на глазъ съ германскимъ имперіализмомъ, оно не могло стремиться къ разрыву отношеній съ Лондономъ и Вашингтономъ. Ему нужно было имѣть возможность лавировать между обоими лагерями. Далѣе, оно знало великолѣпно, что надо попытаться получить экономическую помощь отъ всякаго, кто ее можетъ дать. Германія, истощенная войной, не въ состояніи была дать Россіи достаточнаго количества орудій производства, при помощи которыхъ можно было бы возсоздать русскую промышленность. Не ради обмана союзнаго капитала, а совершенно серьезно пыталось Совѣтское правительство получить экономическую помощь отъ Англіи и отъ Америки. Оно ясно и открыто заявляло имъ: «Мы не собираемся броситься въ войну съ Германіей. Мы хотимъ остаться нейтральной страной для того, чтобы имѣть возможность возсоздать экономическія и политическія силы Россіи. Но очень возможно, что германское правительство не позволитъ намъ оставаться нейтральными, что намъ придется бороться на жизнь и смерть съ германскимъ имперіализмомъ. Мы отклонили попытки союзниковъ втянуть насъ въ войну, но если германское правительство принудитъ насъ воевать, то въ интересахъ союзниковъ будетъ, чтобы мы были въ состояніи воевать, ибо хотя мы не намѣрены связывать нашихъ военныхъ цѣлей съ цѣлями союзниковъ, но если Россіи придется вести борьбу съ Германіей во имя собственныхъ интересовъ русскаго рабочаго класса и бѣднѣйшаго крестьянства, то не подлежитъ сомнѣнію, что и это параллельное съ союзниками веденіе войны принесетъ пользу союзникамъ». Совѣтская Россія предлагала союзникамъ ту же самую сдѣлку, которую предлагала германцамъ: она хотѣла заключить съ ними извѣстное перемиріе, обѣщала имъ за ихъ экономическую помощь дать конкретныя гарантіи въ видѣ экономическихъ концессій. Она готова была даже итти на извѣстную сдѣлку въ вопросѣ объ уплатѣ стараго долга,—сдѣлку, на которую идетъ честный банкротъ. Не будучи въ состояніи за непмѣніемъ средствъ уплатить

долгъ полностью, онъ все-таки беретъ на себя обязательство выплатить извѣстную часть, дабы имѣть возможность снова взяться за работу. Въ союзной дипломатіи эти предложенія нашли слабый откликъ. Сначала казалось, что благодаря дѣятельности полковника Робинса, находящагося въ Россіи съ конфиденціальной миссіей, удастся найти въ Соединенныхъ Штатахъ контрагента этой политики. Но скоро стало ясно, что надъ стремленіемъ къ компромиссу восторжествовалъ интересъ военщины, поддерживаемый безуміемъ и злобой мелкихъ парижскихъ рантье, которымъ Совѣтская Россія отказалась уплатить долгъ царизма, давно уплаченный кровью русскаго народа на поляхъ всемірной войны. Союзная дипломатія рѣшила втянуть Россію во что бы то ни стало вновь въ войну. Она хотѣла во что бы то ни стало возсоздать восточный фронтъ, дабы оттянуть германскія силы отъ западнаго фронта. Контръ-революціонныя эсеровскія клики убѣждали союзную дипломатію въ томъ, что достаточно ей будетъ бросить нѣсколько отрядовъ на Россію, дабы они стали притягательнымъ пунктомъ для всѣхъ классовъ русскаго общества, которое только и мечтаетъ-де о томъ, какъ скинуть Совѣтскую власть. Германофильскія тенденціи въ средѣ русской буржуазіи еще больше способствовали побѣдѣ интервенціонистской клики въ союзной дипломатіи. Союзники хотѣли по возможности скорѣе побѣдить, дабы имѣть возможность удержать еще русскую буржуазію въ своихъ объятіяхъ.

Германія пошла на компромиссъ, ибо она не имѣла силъ для оккупаціи Россіи. На это ей нужно было, по расчету германскаго генералитета, до 20 корпусовъ. Германія не рѣшилась итти противъ Совѣтской Россіи, ибо понимала, что, какъ бы ни была ненавистна ей Совѣтская Россія, собственные интересы рабоче-крестьянскаго правительства требуютъ борьбы съ попытками возсоздать восточный антигерманскій фронтъ, который являлся бы въ первую очередь антисовѣтскимъ фронтомъ. Союзный капиталъ не пошелъ на компромиссъ, ибо онъ вѣрилъ въ возможность созданія антигерманскаго фронта на востокѣ. Созданіе такого фронта не только означало ослабленіе Германіи въ отношеніи военномъ, но и одновременно должно было дать въ руки союзниковъ большіе политическіе козыри. Сибирь въ рукахъ союзниковъ, богатый лѣсами Сѣверъ, возможности центральной Россіи,—все это убило въ Германіи желаніе стремиться къ созданію союза съ Японіей. Эти области были бы одновременнымъ залогомъ уплаты займа,— залогомъ того, что Россія осталась въ плѣну у франко-англійскаго капитала.

Октябрь принесъ крупныя измѣненія во внѣшнемъ положеніи русской революціи. Онъ принесъ крушеніе германскаго имперіализма. Подтачиваемый работой исторіи въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ, наконецъ, рухнулъ въ пропасть. Здѣсь не мѣсто разбираться въ причинахъ крушенія германскаго имперіализма: Онѣ состоятъ въ перевѣсѣ англо-американскаго капитализма надъ капиталомъ Германіи,—въ матеріальномъ перевѣсѣ, который преодолѣлъ удобство географическаго положенія Германіи, позволявшаго ей бороться по внутреннимъ линіямъ, въ то время какъ противнику приходилось черезъ моря и рѣки посылать свои войска. Онѣ состоятъ въ томъ, что германскій имперіализмъ черезчуръ много потребовалъ отъ германскихъ рабочихъ массъ. Четыре года онѣ выдерживали напоръ враговъ, но больше у нихъ силъ не хватило.

Разгромъ германскаго имперіализма является окончательнымъ. Германскій имперіализмъ вышелъ изъ боя какъ въ смыслѣ политическомъ, такъ и въ смыслѣ военномъ. Онъ потерялъ путь къ Багдаду, онъ потерялъ свои колоніи, онъ потерялъ возможность соединить подъ своимъ руководствомъ центральную Европу въ одну великую область, гдѣ германскій имперіализмъ могъ бы развивать свою имперіалистическую экспансію,

опираясь на человѣческія и матеріальныя силы Германіи, Австріи, Болгаріи, Румыніи и Турціи. По отношенію къ германскому имперіализму вопросъ состоитъ только въ томъ, удастся ли ему заключить миръ раньше того времени, когда американскіе топоры и молоты разобьютъ его армію до конца, и будетъ ли его крушеніе вполнѣ катастрофическимъ.

Но крушеніе германскаго имперіализма въ моментъ, когда мы пишемъ эту статью, означаетъ пока-что побѣду не германской революціи, а союзнаго имперіализма. Германская революція только-что рождается. Союзный имперіализмъ уже побѣдилъ, или, точнѣе говоря, онъ еще является побѣдителемъ.

Новое положеніе ставитъ Совѣтскую Россію передъ новыми задачами. Понятное дѣло, если побѣдитъ германская революція, то вмѣстѣ съ ней русская революція будетъ непобѣдимой. Соединеніе экономическихъ и человѣческихъ рессурсовъ Россіи съ организаціонной способностью и умѣніемъ германскаго пролетаріата создастъ настолько большія силы для защиты рабочей революціи въ Германіи и Австріи, что союзники, находясь вдали отъ Россіи, принужденные подвозить свои войска или далекимъ морскимъ путемъ, или по Сибирской желѣзной дорогѣ, не смогутъ ее задавить. Весь вопросъ сводится къ тому, скоро ли созрѣетъ германская революція, сумѣетъ ли она достаточно быстро преодолѣть всю разруху, вызванную ея борьбой не на жизнь, а на смерть съ силами контръ-революціи, ибо до той поры, когда германская революція крѣпко станетъ на ноги, процессъ ея развитія увеличитъ задачи и обязанности русскаго пролетаріата. Русскій пролетаріатъ, отбивая нападенія союзниковъ, можетъ быть принужденнымъ итти активно на помощь германской или австрійской революціи, когда германскій имперіализмъ попытается ее задавить. Русская революція должна будетъ въ моментъ побѣды германской революціи помочь ей хлѣбомъ, помочь ей людьми для скорѣйшаго преодолѣнія разрухи, но не подлежитъ сомнѣнію, что самый процессъ нарастанія германской революціи, который развивается теперь быстрымъ темпомъ, означаетъ, что опасность со стороны германскаго имперіализма, какъ постояннаго фактора, не миновала. Германскій имперіализмъ можетъ попытаться въ отчаяніи наброситься на русскую революцію, дабы разрушить резервуаръ силъ германской революціи. Онъ предпочтетъ столковаться съ союзниками, капитулируя передъ ними ради спасенія своей власти надъ германскими рабочими, и онъ можетъ согласиться итти на Совѣтскую Россію, какъ жандармъ англійскихъ, американскихъ и французскихъ защитниковъ демократіи. Но это будетъ со стороны германскаго имперіализма чистой авантюрой, ибо если бы даже онъ нашелъ въ своихъ войскахъ корпуса, которые ему удалось бы двинуть противъ Совѣтской Россіи,—а мы думаемъ, что онъ такихъ корпусовъ не нашелъ бы, то, съ одной стороны, онъ разрязалъ бы всю энергію германской революціи, а съ другой—наткнувшись на энергичное сопротивленіе рабочихъ Россіи, которые уже не беззащитны болѣе, онъ приблизилъ бы только свой конецъ. Этимъ опредѣляется политика, которую ведетъ Совѣтская Россія подъ конецъ перваго года своего существованія, наканунѣ начинающейся европейской революціи. Она, съ одной стороны, попытается всѣми силами поднять обороноспособность страны, увеличить армію, а съ другой—она попытается захватить тѣ центры, которые могли бы представлять собой точку опоры для союзниковъ, въ случаѣ если бы они двинулись съ юга черезъ Дарданеллы или черезъ Румынію на Россію. Оттѣснивъ чехословаковъ подъ Казанью, Симбирскомъ, Сызранью и Самарой, Совѣтская Россія подготовляетъ рѣшительный бой съ Красновымъ и Деникинымъ, послѣднимъ оплотомъ контръ-революціи на югѣ, и готовится къ встрѣчѣ съ контръ-революціей на Украинѣ. Если удастся разбить быстрымъ уда-

ромъ ихъ силы, то въ ближайшіе мѣсяцы союзники не сумѣютъ нанести рѣшительнаго удара Совѣтской Россіи. Зима и пространство послужатъ ей защитой, и она сумѣетъ бороться съ напряженной энергіей, имѣя передъ глазами грядущіе дни освободительной міровой революціи, организуя свои силы, дабы сумѣть выполнить свои обязанности передъ международнымъ пролетаріатомъ. За эти мѣсяцы международная революція сдѣлаетъ, навѣрное, гигантскіе шаги впередъ, если даже капиталисты всѣхъ странъ заключатъ миръ, въ виду угрожающей имъ опасности со стороны мірового большевизма, ибо во всѣхъ странахъ скопилось столько соціальнаго динамита, что капиталистамъ не удастся никакими средствами устранить его.

Но міровая революція не будетъ, очевидно, развиваться съ одинаковой скоростью во всѣхъ странахъ. Въ Америкѣ мы не видимъ еще даже зачатковъ міровой революціи. Въ Англіи борьба развивается пока-что только въ двухъ крупныхъ центрахъ—въ Уэльсѣ и на рѣкѣ Клейдъ. Не исключена возможность, что англо-американскій капиталъ совмѣстно съ японскимъ попытается задавить европейскую рабочую революцію. Не исключена возможность того, что онъ втянетъ въ это дѣло японскій капиталъ. но возможно также, что побѣдоносные имперіалисты странъ согласія при раздѣлѣ добычи перессорятся между собой. Возможно, что колоніальное возстаніе ослабитъ союзниковъ. Путь исторіи не такъ ужъ простъ, и если мы сравнимъ концепцію коммунистической партіи въ эпоху окончанія войны съ концепціей, созданной въ ея началѣ, то естественно намъ придется признать, что исторія шла неоднократно иными путями, чѣмъ мы предполагали, что она шла медленно. И это заставляло насъ неоднократно отступать. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ основномъ исторія шла по тому пути, который предвидѣли вожди коммунистической партіи, главари рабочей революціи. Когда въ августовскіе дни 1914 года мы выдвинули лозунгъ гражданской войны противъ войны имперіалистской, на насъ смотрѣли, какъ на мечтателей. Когда на циммервальдовской конференціи въ 1915 году мы призывали пролетаріатъ всѣхъ странъ къ революціонной борьбѣ, насъ еще считали мечтателями. Когда на стокгольмской конференціи циммервальдовскаго объединенія, наканунѣ октябрьскаго возстанія, мы призывали къ международной революціи, представители даже нѣмецкаго центра съ отчаяніемъ въ душѣ должны были признать, что это—единственный путь. Но когда рабочая революція въ Россіи вызвала только первое пробужденіе германскаго и австрійскаго рабочаго класса—январско-февральскую забастовку, то изолированная русская революція должна была капитулировать передъ германскимъ имперіализмомъ. Казалось, что это крушеніе международной революціи является банкротствомъ революціонной концепціи коммунизма. Но кротъ исторіи работалъ хорошо, хотя и незамѣтно. Германскій имперіализмъ рушится, уже слышна поступь массъ, которыя на его развалинахъ собираются строить царство соціализма въ Германіи. Глыбами гранита кажутся намъ пока имперіалистическая Японія, имперіалистическая Америка и Англія. Но рисовые безпорядки въ Японіи въ августѣ 1918 года, безпрерывная борьба рабочихъ въ Англіи указываютъ, что и тамъ дѣло движется впередъ. Само собой разумѣется, соціалистическая революція побѣдитъ не сразу. Борьба революціи и контръ-революціи будетъ продолжаться очень долго и съ разными результатами, но одно не подлежитъ сомнѣнію,—что эта борьба уже началась въ міровомъ масштабѣ и что Совѣтская Россія, взявъ курсъ на международную революцію, взяла единственный курсъ, ведущій человѣчество къ гавани соціализма.

Н. К. Радекъ.

Октябрьскій переворотъ и національный вопросъ.

Національный вопросъ не есть нѣчто самодовлѣющее, разъ навсегда данное. Являясь лишь частью общаго вопроса о преобразованіи существующаго строя, національный вопросъ цѣликомъ опредѣляется условіями соціальной обстановки, характеромъ власти въ странѣ и вообще всѣмъ ходомъ общественнаго развитія. Это особенно ярко сказывается въ періодъ революціи въ Россіи, когда національный вопросъ и національное движеніе на окраинахъ Россіи быстро и на глазахъ у всѣхъ мѣняютъ свое содержаніе въ зависимости отъ хода и исхода революціи.

I. Февральская революція и національный вопросъ.

Въ эпоху буржуазной революціи въ Россіи (съ февраля 1917 года) національное движеніе на окраинахъ носило характеръ буржуазно-освободительнаго движенія. Вѣками угнетавшіяся и эксплоатировавшіяся «старымъ режимомъ» національности Россіи впервые почувствовали въ себѣ силу и рванулись въ бой съ угнетателями. «Ликвидація національнаго гнета»,—таковъ былъ лозунгъ движенія. Окраины Россіи мигомъ покрылись «общенаціональными» учрежденіями. Во главѣ движенія шла національная буржуазно-демократическая интеллигенція. «Національные Совѣты» въ Латвіи, Эстскомъ краѣ, Литвѣ, Грузіи, Арменіи, Азербейджанѣ, въ горахъ Кавказа, Киргизистанѣ и Среднемъ Поволжьѣ; «Рада» на Украинѣ и Бѣлоруссіи; «Сфатулъ-Церій» въ Бессарабіи; «Курултай» въ Крыму и Башкиріи, «Автономное правительство» въ Туркестанѣ,—вотъ тѣ «общенаціональные» институты, вокругъ которыхъ собирала силы національная буржуазія. Рѣчь шла объ освобожденіи отъ царизма, какъ «основной причины» національнаго гнета, и образованіи національныхъ буржуазныхъ государствъ. Право націй на самоопредѣленіе толковалось, какъ право національной буржуазіи на окраинахъ взять власть въ свои руки и использовать февральскую революцію для образованія «своего» національнаго государства. Дальнѣйшее развитіе революціи не входило и не могло входить въ расчеты упомянутыхъ выше буржуазныхъ институтовъ. При этомъ упускалось изъ вида, что на смѣну царизму идетъ оголенный, лишенный маски имперіализмъ, что онъ, этотъ имперіализмъ, является болѣе сильнымъ и болѣе опаснымъ врагомъ національностей, основой новаго національнаго гнета.

Уничтоженіе царизма и появленіе у власти буржуазіи не повели, однако, къ уничтоженію національнаго гнета. Старая грубая форма національнаго гнета смѣнилась новой, утонченной, но зато болѣе опасной формой гнета. Правительство Львова—Милюкова—Керенскаго не только не порвало съ политикой національнаго гнета, но и организовало еще новый походъ противъ Финляндіи (разгонъ сейма лѣтомъ 1917 года) и Украины (разгромъ культурныхъ учрежденій Украины). Болѣе того: это правительство, имперіалистическое по своей природѣ, призвало населеніе

къ продолженію войны для подчиненія новыхъ земель, новыхъ колоній и національностей. Къ этому толкали его не только внутренняя природа имперіализма, но и наличіе на Западѣ старыхъ имперіалистическихъ государствъ, неудержимо стремившихся къ подчиненію новыхъ земель и національностей и угрожавшихъ ему сужеміемъ сферы его вліянія. Борьба имперіалистическихъ государствъ за подчиненіе мелкихъ національностей, какъ условіе существованія этихъ государствъ, — вотъ какая картина раскрылась въ ходѣ имперіалистической войны. Уничтоженіе царизма и появленіе на сцену правительства Милюкова—Керенскаго не внесли ровно никакихъ улучшеній въ эту неприглядную картину. Естественно, что поскольку «общенаціональные» институты на окраинахъ проявляли тенденцію къ государственной самостоятельности, они встрѣчали непреодолимое противодѣйствіе со стороны имперіалистическаго правительства Россіи. Поскольку же они, утверждая власть національной буржуазіи, оставались глухи къ коренным интересамъ «своихъ» рабочихъ и крестьянъ, они вызывали среди послѣднихъ ропотъ и недовольство. Такъ-называемые «національные полки» лишь подливали масло въ огонь: противъ опасности сверху они были безсильны, опасность же снизу они только усиливали и углубляли. «Общенаціональные» институты оставались беззащитными противъ ударовъ извнѣ такъ же, какъ и противъ взрыва изнутри. Зарождавшіяся буржуазно-національныя государства, не успѣвъ расцвѣсти, начинали отцвѣтать.

Такимъ образомъ, старое буржуазно-демократическое толкованіе принципа самоопредѣленія превращалось въ фикцію, теряло свой революціонный смыслъ. Ясно, что объ уничтоженіи національнаго гнета и самостоятельности мелкихъ національныхъ государствъ при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Становилось очевиднымъ, что освобожденіе трудовыхъ массъ угнетенныхъ національностей и уничтоженіе національнаго гнета немыслимы безъ разрыва съ имперіализмомъ, низверженія «своей» національной буржуазіи и взятія власти самими трудовыми массами.

Это особенно ярко сказалось послѣ октябрьскаго переворота.

II. Октябрьская революція и національный вопросъ.

Февральская революція таила въ себѣ внутреннія непримиримыя противорѣчія. Революція была совершена усиліями рабочихъ и крестьянъ (солдатъ), между тѣмъ какъ въ результатѣ революціи власть перешла не къ рабочимъ и крестьянамъ, а къ буржуазіи. Производя революцію, рабочіе и крестьяне хотѣли покончить съ войной, добиться мира, между тѣмъ какъ ставшая у власти буржуазія стремилась использовать революціонное воодушевленіе массъ для продолженія войны противъ мира. Хозяйственная разруха въ странѣ и продовольственный кризисъ требовали экспропріаціи капиталовъ и промышленныхъ предпріятій въ пользу рабочихъ, конфискаціи помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ, между тѣмъ какъ буржуазное правительство Милюкова—Керенскаго стояло на стражѣ интересовъ помѣщиковъ и капиталистовъ, рѣшительно оберегая послѣднихъ отъ покушеній со стороны рабочихъ и крестьянъ. Это была буржуазная революція, произведенная руками рабочихъ и крестьянъ въ пользу эксплоататоровъ.

Между тѣмъ, страна продолжала изнывать подъ тяжестью имперіалистической войны, хозяйственнаго развала и продовольственной разрухи. Фронтъ разваливался и растекался. Фабрики и заводы останавливались. Въ странѣ парасталъ голодъ. Февральская революція съ ея внутренними противорѣчіями оказалась явно недостаточной для «спасенія страны».

Правительство Милюкова—Керенскаго оказалось явно неспособным разрѣшить коренные вопросы революціи.

Необходима была новая с о ц і а л и с т и ч е с к а я революція для того, чтобы вывести страну изъ тупика имперіалистической войны и хозяйственнаго развала.

Эта революція пришла въ результатѣ октябрьскаго переворота.

Свергнувъ власть помѣщиковъ и буржуазіи и поставивъ на ея мѣсто правительство рабочихъ и крестьянъ, октябрьскій переворотъ однимъ ударомъ рѣшилъ противорѣчія февральской революціи. Упраздненіе помѣщичье-кулацкаго всевластія и передача земли въ пользованіе трудовыхъ массъ деревни; экспропріація фабрикъ и заводовъ и передача ихъ въ вѣдѣніе рабочихъ; разрывъ съ имперіализмомъ и ликвидація грабительской войны: опубликованіе тайныхъ договоровъ и разоблаченіе политики захвата чужихъ территорій; наконецъ, провозглашеніе самоопредѣленія трудовыхъ массъ угнетенныхъ народовъ и признаніе независимости Финляндіи, — вотъ тѣ основныя мѣропріятія, которыя провела Совѣтская власть въ ходѣ революціи.

Это была дѣйствительно с о ц і а л и с т и ч е с к а я революція.

Революція, начатая въ центрѣ, не могла долго оставаться въ рамкахъ узкой его территоріи. Побѣдивъ въ центрѣ, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И дѣйствительно революціонная волна съ сѣвера съ первыхъ же дней переворота разлилась по всей Россіи, захватывая окраину за окраиной. Но здѣсь она натолкнулась на плотину въ видѣ образовавшихся еще до октября «національныхъ совѣтовъ» и областныхъ «правительствъ» (Донъ, Кубань, Сибирь). Дѣло въ томъ, что эти «національныя» правительства и слышать не хотѣли о соціалистической революціи. Буржуазныя по природѣ, они вовсе не хотѣли разрушать старый буржуазный міръ, — наоборотъ, они считали своимъ долгомъ сохранять и укрѣплять его всѣми силами. Имперіалистическія по существу, они вовсе не хотѣли рвать съ имперіализмомъ, — наоборотъ, они никогда не были прочь захватить и подчинить себѣ куски и кусочки «чужихъ» національностей, если представлялась къ тому возможность. Неудивительно, что «національныя правительства» на окраинахъ объявили войну соціалистическому правительству въ центрѣ. Объявивъ же войну, они естественно стали очагами реакціи, стягивавшими вокругъ себя все контръ-революціонное въ Россіи. Ни для кого не тайна, что туда, въ эти очаги, устремились всѣ вышибленные изъ Россіи контръ-революціонеры, что тамъ, вокругъ этихъ очаговъ, формировались они въ бѣлогвардейскіе «національные» полки.

Но, кромѣ «національныхъ» правительствъ, на окраинахъ существуютъ еще національные рабочіе и крестьяне. Организованные въ свои революціонные совѣдепы по образцу совдеповъ въ центрѣ Россіи еще до октябрьскаго переворота, они никогда не разрывали связей со своими братьями на сѣверѣ. Они также добивались побѣды надъ буржуазіей, они также боролись за торжество соціализма. Неудивительно, что ихъ конфликтъ со «своими» «національными» правительствами парасталъ день за днемъ. Октябрьскій переворотъ только упрочилъ союзъ рабочихъ и крестьянъ окраинъ съ рабочими и крестьянами Россіи, вдохновивъ вѣрой въ торжество соціализма. Война же «національныхъ» правительствъ съ Совѣтской властью довела ихъ конфликтъ съ этими «правительствами» до полнаго разрыва съ ними, до открытаго возстанія противъ нихъ.

Такъ сложился соціалистическій союзъ рабочихъ и крестьянъ всей Россіи противъ контръ-революціоннаго союза національно-буржуазныхъ «правительствъ» окраинъ Россіи.

Иные изображаютъ борьбу окраинныхъ «правительствъ», какъ борьбу за національное освобожденіе противъ «бездушнаго централизма» Совѣтской власти. Но это невѣрно. Ни одна власть въ мірѣ не допускала такого широкаго децентрализма, ни одно правительство въ мірѣ не предоставляло народамъ такой полноты національной свободы, какъ Совѣтская власть въ Россіи. Борьба окраинныхъ «правительствъ» была и остается борьбой буржуазной контръ-революціи противъ соціализма. Національный флагъ пристегивается къ дѣлу лишь для обмана массъ, какъ популярный флагъ, удобный для прикрытія контръ-революціонныхъ замысловъ національной буржуазіи.

Но борьба «національныхъ» и областныхъ «правительствъ» оказалась борьбой неравной. Атакованныя съ двухъ сторонъ,—извнѣ—со стороны Совѣтской власти и изнутри—со стороны «своихъ же собственныхъ» рабочихъ и крестьянъ, «національныя» правительства должны были отступить послѣ первыхъ же боевъ. Возстаніе финскихъ рабочихъ и торпарей и бѣгство буржуазнаго «Сената»; возстаніе украинскихъ рабочихъ и крестьянъ и бѣгство буржуазной «Рады»; возстаніе рабочихъ и крестьянъ на Дону, Кубани, въ Сибири и крахъ Каледина, Корнилова и Сибирскаго «правительства»; возстаніе туркестанской бѣдноты и бѣгство «Автономнаго правительства»; аграрная революція на Кавказѣ и полная безпомощность «національныхъ совѣтовъ» Грузіи, Арменіи и Азербейджана,—таковы всѣмъ извѣстные факты, демонстрировавшіе полную оторванность окраинныхъ «правительствъ» отъ «своихъ» массъ. Разбитые на-голову, «національныя правительства «вынуждены» были обратиться за помощью противъ «своихъ» рабочихъ и крестьянъ къ имперіалистамъ Запада, къ вѣковымъ угнетателямъ и эксплоататорамъ мелкихъ національностей всего міра.

Такъ началась полоса иностраннаго вмѣшательства и оккупаціи окраинъ,—полоса, лишній разъ разоблачившая контръ-революціонный характеръ «національныхъ» и областныхъ «правительствъ».

Только теперь стало очевиднымъ, что національная буржуазія стремится не къ освобожденію «своего народа» отъ національнаго гнета, а къ свободѣ выколачиванія изъ него барышей, къ свободѣ сохраненія своихъ привилегій и капиталовъ.

Только теперь стало яснымъ, что освобожденіе угнетенныхъ національностей немыслимо безъ разрыва съ имперіализмомъ, безъ свержения буржуазіи угнетаемыхъ національностей, безъ перехода власти въ руки трудовыхъ массъ этихъ національностей.

Такъ старое буржуазное пониманіе принципа самоопредѣленія съ лозунгомъ «вся власть національной буржуазіи» было разоблачено и отброшено самымъ ходомъ революціи. Соціалистическое пониманіе самоопредѣленія съ лозунгомъ «вся власть трудовымъ массамъ угнетенныхъ національностей» получило всѣ права и возможности примѣненія.

Такимъ образомъ, октябрьскій переворотъ, покончивъ со старымъ буржуазно-освободительнымъ національнымъ движеніемъ, открылъ эру новаго соціалистическаго движенія рабочихъ и крестьянъ угнетенныхъ національностей, направленнаго противъ всякаго,—значитъ, и національнаго,—гнета, противъ власти буржуазіи, «своей» и чужой, противъ имперіализма вообще.

III. Міровое значеніе октябрьскаго переворота.

Побѣдивъ въ центрѣ Россіи и овладѣвъ рядомъ окраинъ, октябрьская революція не могла ограничиться территоріальными рамками Россіи. Въ атмосферѣ міровой имперіалистической войны и общаго недовольства въ низахъ она не могла не перекинуться въ сосѣднія страны. Раз-

рывъ съ имперіализмомъ и освобожденіе Россіи отъ грабительской войны; опубликованіе тайныхъ договоровъ и торжественная отмѣна политики захвата чужихъ земель; провозглашеніе національной свободы и признаніе независимости Финляндіи; объявленіе Россіи «федераціей Совѣтскихъ національныхъ республикъ» и брошенный въ міръ Совѣтской властью боевой кличъ рѣшительной борьбы съ имперіализмомъ,—все это не могло не оказать серьезнаго вліянія на порабощенный Востокъ и истекающій кровью Западъ.

И дѣйствительно, октябрьская революція является первой въ мірѣ революціей, которая разбила вѣковую спячку трудовыхъ массъ угнетенныхъ народовъ Востока и втянула ихъ въ борьбу съ міровымъ имперіализмомъ. Образованіе рабочихъ и крестьянскихъ совѣтовъ въ Персіи, Китаѣ и Индіи по образцу Совѣтовъ въ Россіи достаточно убѣдительно говоритъ объ этомъ.

Октябрьская революція является первой въ мірѣ революціей, которая послужила для рабочихъ и солдатъ Запада живымъ спасительнымъ примѣромъ и толкнула ихъ на путь дѣйствительнаго освобожденія отъ гнета войны и имперіализма. Возстаніе рабочихъ и солдатъ въ Австро-Венгріи и Германіи, образованіе совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, революціонная борьба неполноправныхъ народовъ Австро-Венгріи противъ національнаго гнета достаточно краснорѣчиво говорятъ объ этомъ.

Дѣло вовсе не въ томъ, что борьба на Востокѣ и даже на Западѣ не успѣла еще освободиться отъ буржуазно-національстическихъ наслоеній,—дѣло въ томъ, что борьба съ имперіализмомъ началась, что она продолжается и неминуемо должна дойти до своего логическаго конца.

Иностранное вмѣшательство и оккупаціонная политика «внѣшнихъ» имперіалистовъ только обостряютъ революціонный кризисъ, втягивая въ борьбу новые народы и расширяя районъ революціонныхъ схватокъ съ имперіализмомъ.

Такъ октябрьскій переворотъ, устанавливая связь между народами отсталаго Востока и передового Запада, стягиваетъ ихъ въ общій лагерь борьбы съ имперіализмомъ.

Такъ національный вопросъ изъ частнаго вопроса о борьбѣ съ національнымъ гнетомъ вырастаетъ въ общій вопросъ объ освобожденіи націй, колоній и полуколоній отъ имперіализма.

Смертный грѣхъ II Интернаціонала и его главы Каутскаго въ томъ, между прочимъ, и состоитъ, что они все время сбивались на буржуазное пониманіе національнаго самоопредѣленія, не понимали революціоннаго смысла послѣдняго, не умѣли или не хотѣли поставить національный вопросъ на революціонную почву открытой борьбы съ имперіализмомъ, не умѣли или не хотѣли связать національный вопросъ съ вопросомъ объ освобожденіи колоній.

Тупость соц.-демократовъ Австріи типа Бауэра и Реннера въ томъ собственно и состоитъ, что они не поняли неразрывной связи національнаго вопроса съ вопросомъ о власти, стараясь отдѣлить національный вопросъ отъ политики и замкнуть его въ рамки культурно-просвѣтительныхъ вопросовъ, забывъ о существованіи такихъ «мелочей», какъ имперіализмъ и порабощенныя имъ колоніи.

Говорятъ, что принципы самоопредѣленія и «защиты отечества» отмѣнены самымъ ходомъ событій въ обстановкѣ поднимающейся соціалистической революціи. На самомъ дѣлѣ отмѣнены не самоопредѣленіе и «защита отечества», а буржуазное ихъ толкованіе. Достаточно взглянуть на оккупированныя области, изнывающія подъ гнетомъ имперіализма и рвущіяся къ освобожденію; достаточно взглянуть на Россію, ведущую рево-

люціонную войну для защиты соціалистическаго отечества отъ хищниковъ имперіализма; достаточно вдуматься въ разыгрывающіяся теперь событія въ Австро-Венгріи; достаточно взглянуть на порабощенныя колоніи и полуколоніи, уже организовавшія у себя совѣты (Индія, Персія, Китай),— достаточно взглянуть на все это, чтобы понять все революціонное значеніе принципа самоопредѣленія въ его соціалистическомъ толкованіи.

Великое міровое значеніе октябрьскаго переворота въ томъ, главнымъ образомъ, и состоитъ, что онъ:

1) Расширилъ рамки національнаго вопроса, превративъ его изъ частнаго вопроса о борьбѣ съ національнымъ гнетомъ въ общій вопросъ объ освобожденіи угнетенныхъ народовъ, колоній и полуколоній отъ имперіализма;

2) открылъ широкія возможности и дѣйствительные пути для этого освобожденія, чѣмъ значительно облегчилъ угнетеннымъ народамъ Запада и Востока дѣло ихъ освобожденія, втянувъ ихъ въ общее русло побѣдоносной борьбы съ имперіализмомъ;

3) **перебросилъ тѣмъ самымъ мостъ между соціалистическимъ Западомъ и порабощеннымъ Востокомъ, построивъ новый фронтъ революціи отъ пролетаріевъ Запада черезъ россійскую революцію до угнетенныхъ народовъ Востока противъ мірового имперіализма.**

Этимъ собственно и объясняется тотъ неописуемый энтузіазмъ, съ которымъ относятся нынѣ къ россійскому пролетаріату трудящіяся и эксплоатируемыя массы Востока и Запада.

Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется то звѣрское бѣшенство, съ которымъ набросились теперь на Совѣтскую Россію имперіалистическіе хищники всего міра.

І. Сталинъ.

Финляндская революція.

1. Въ бѣгахъ передъ революціей.

Пролетарскія революціи,—говоритъ Марксъ,—постоянно критикуютъ себя. Намъ, участникамъ революціи, есть смыслъ помочь сознательно этой самокритикѣ революціи.

Финляндская революція началась въ январѣ 1918 года. Ея основныя ошибки были совершены уже въ прошломъ году.

Какъ война явилась неожиданностью для большей части соціалистическихъ партій крупныхъ странъ Европы и разоблачила, что эти партіи не стояли на высотѣ своей исторической задачи, такъ и русская революція явилась весной 1917 года «неожиданностью» для финляндской соціалъ-демократіи. Весенняя свобода пришла къ намъ, какъ небесный даръ, и наша партія была ошеломлена. Официальная программа нашей партіи устанавливала ту же позицію «самостоятельной классовой борьбы», какъ, напр., нѣмецкая соціалъ-демократія до войны. Во время реакціи эту позицію было легко сохранить; она не встрѣчала тогда серьезныхъ испытаній, да и оппозиція завѣдомо правыхъ соціалистовъ не могла имѣть тогда опоры. Но въ мартѣ пролетарская выдержанность нашей партіи должна была испытать искушеніе. Финляндская соціалъ-демократія на самомъ дѣлѣ пала въ безнравственное сожитіе съ финляндской буржуазіей, а вначалѣ и съ русской буржуазіей (искушателями явились также русскіе меньшевики). Финляндскій коалиціонный сенатъ былъ ложемъ этого безнравственнаго сожительства. Когда онъ въ мартѣ былъ составленъ, то около половины изъ членовъ нашего партійнаго совѣта выступало противъ этого сожительства, и лишь правые соціалисты вступили въ сенатъ. Но оппозиція прочихъ изъ насъ была настолько пассивнаго характера, что она ни на минуту не мѣшала нашей совмѣстной работѣ съ тѣми соціалистами, которые въ дѣйствительности возились съ финляндскими и русскими барами. И очень характерно то, что на нашемъ партійномъ конгрессѣ въ іюнѣ (на которомъ между прочимъ мы присоединились также и къ Циммервальду) ни одинъ голосъ не требовалъ раскола съ соціалистами коалиціоннаго правительства.

Насъ ослѣпилъ прежде всего миражъ парламентарнаго демократизма. Если бы не было однопалатнаго парламента, пропорціональныхъ выборовъ и широкаго избирательнаго права, и если бы наша партія въ избирательной борьбѣ не получила уже большинства депутатскихъ мѣстъ (лѣтомъ 1916 г.), то, быть-можетъ, во время весенняго искушенія намъ было бы легче осмотрѣться. Но теперь путь парламентарнаго демократизма, казалось, открывался въ видѣ неожиданно гладкой и широкой дороги передъ нашимъ

рабочимъ движеніемъ. У буржуазіи нашей страны не было войска, не было даже надежной полиціи, да къ тому же законнымъ путемъ она и не могла таковой достать, ибо для этого ей необходимо было бы получить на сеймѣ согласіе соціалъ-демократовъ. Соціалъ-демократія, казалось, имѣла полное основаніе держаться на пути парламентарной законности; на этомъ пути она, казалось, получала возможность выхватывать у буржуазіи одно завоеваніе за другимъ.

Этотъ горизонтъ парламентарнаго демократизма былъ уже почти настолько чистъ, что имъ можно было бы восхищаться во всемъ его блескѣ; его, казалось, не омрачало болѣе ничто, кромѣ нетвердой лапы русскаго временнаго правительства. Финляндская буржуазія тогда протягивала къ ней свою руку, какъ утопающій къ соломинкѣ. Соціалъ-демократы старались оттолкнуть эту лапу прочь или, по крайней мѣрѣ, ограничить ея свободу вмѣшательства строгими законными рамками такъ, чтобы она не могла мѣшать «внутреннимъ дѣламъ» страны,—иначе говоря, защищать интересы финляндской буржуазіи. Такимъ образомъ наши усилія въ борьбѣ за самостоятельность Финляндіи, нашъ патріотизмъ казались обоснованными самымъ прекраснымъ образомъ: вѣдь это же была прямая борьба за демократическую свободу, это была органическая часть нашей пролетарской классовой борьбы.

Вліяніе парламентарнаго оптическаго обмана усиливалось потомъ еще тѣми законодательными результатами, которые были получены лѣтомъ на сеймѣ. Относительно 8-часового нормальнаго рабочаго дня, который рабочія массы въ предпріятіяхъ во многихъ отрасляхъ труда уже съ самой весны вводили въ силу, былъ достигнутъ настолько широкій законъ, что шире его, пожалуй, не издано ни въ одномъ парламентѣ. Въ области демократизаціи общиннаго строя была достигнута также реформа, которая означала переходъ отъ полной монопольной власти капиталистовъ къ системѣ всеобщаго избирательнаго права,—тоже скачокъ, больше котораго въ этой области законодательство, пожалуй, не сдѣлало нигдѣ за одинъ разъ. Правда, видно было, что изданіе этихъ законовъ отнюдь не было достигнуто однѣми лишь парламентскими хлопотами. Внѣшній вихрь помогалъ имъ оторваться скорѣе обычнаго съ парламентской отмели. Этотъ вихрь появлялся въ видѣ массовой демонстраціи, аккомпанировавшей сильно засѣданіямъ сейма; въ этомъ вихрѣ чувствовался болѣе бурный духъ прежде всего изъ-за участія русскихъ товарищей солдатъ. Но само по себѣ это не являлось для насъ новымъ; мы и прежде привыкли объяснять такъ парламентаризмъ, что онъ приноситъ лучшіе результаты тогда, когда народъ производитъ давленіе извнѣ.

Болѣе худымъ признакомъ результатовъ нашей парламентарной демократіи было то, что спекуляція, господствующая въ области продовольственной торговли, не была ограничена. Этотъ признакъ указывалъ на то, что и вышеупомянутыя парламентарныя завоеванія были лишь завоеваніями на бумагѣ, ибо законъ, необходимый для ограниченія спекуляціи въ продовольственной области, былъ, правда, написанъ и принятъ, но на этомъ потомъ и остановилось это ограниченіе. Коалиціонное правительство вообще ничего не предпринимало. Оно представляло собой лѣниваго быка, котораго соціалисты, казалось, тянули за рога, а буржуазія за хвостъ, но который не двигался съ мѣста. Обираніе людей процвѣтало въ полномъ покоѣ.

Голодающія рабочія массы скоро совершенно потеряли довѣріе къ дѣламъ коалиціоннаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, отчасти и къ руководству нашей соціалъ-демократической партіи. Въ Гельсингфорсѣ огорченныя рабочія массы стремились сами осматривать запасы масла и дѣлить ихъ между собой; въ концѣ лѣта въ нашемъ главномъ

городѣ автоматически вспыхнула всеобщая забастовка, которая продолжалась два дня, пока организованные рабочіе ее не закончили. Давленіе политической атмосферы становилось настолько высокимъ, что оно уже, казалось, мѣшало нашему парламентаризму. Это была дѣйствительность демократизма: свободное обостреніе классовой борьбы. Но мы, соціалъ-демократическіе представители, не видѣли дѣйствительности демократизма, а лишь его туманный міражъ.

Этотъ появлявшійся передъ нашими глазами міражъ получилъ первый ударъ отъ руки временнаго правительства Керенскаго. Невзирая на ожесточенное сопротивленіе буржуазнаго меньшинства, сеймъ принялъ, сообразно постановленію Всероссійскаго съѣзда совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, основной законъ о внутренней демократической свободѣ Финляндіи и о правѣ сейма на распоряженіе высшей государственной властью страны. Изъ Петрограда прибыла даже полуофиціальная меньшевистская делегація (Чхеидзе, Либеръ, Данъ), чтобы задержать принятіе этого закона, но слишкомъ поздно. Тогда, въ концѣ іюля русское временное правительство распустило сеймъ и назначило новые выборы. Соціалъ-демократическая фракція пыталась дважды продолжить засѣданія разогнаннаго сейма. Въ первый разъ депутатовъ встрѣтили у дверей сейма посланные Керенскимъ гусары. Во второй разъ на дверяхъ была лишь печать правительства Керенскаго; тальманъ сейма тов. Маннеръ приказалъ открыть двери, и засѣданіе было устроено, но въ немъ принимали участіе лишь члены соціалъ-демократической фракціи.

Наша партія не отказалась принимать участіе въ новыхъ выборахъ, которые были произведены въ началѣ октября. На этихъ выборахъ наша партія потеряла, несмотря на значительное повышеніе количества полученныхъ нами голосовъ, свое положеніе большинства въ сеймѣ. Главную помощь буржуазіи на этихъ выборахъ оказали, безъ сомнѣнія, избирательные подлоги. Уже сразу послѣ выборовъ въ газетахъ описывалось, какъ въ нѣкоторыхъ избирательныхъ районахъ, въ которыхъ избирательныя комиссіи были составлены исключительно изъ буржуазныхъ членовъ, буржуазныя партіи получили больше голосовъ, чѣмъ въ данномъ районѣ было лицъ, имѣющихъ право голоса. И позже, во время революціи были найдены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у предсѣдателей избирательныхъ комиссій цѣлыя массы припрятанныхъ, поданныхъ за соціалъ-демократовъ бюллетеней, которые были безошибочно составлены. Посредствомъ объединенія на выборахъ буржуазныя партіи также выиграли нѣсколько депутатскихъ мѣстъ. Но, кромѣ этого, на нашъ взглядъ слѣдуетъ считать также достовѣрнымъ то, что начавшаяся уже проявляться въ пролетарскихъ массахъ усталость по отношенію къ парламентаризму вліяла, со своей стороны, на результатъ выборовъ. Безсиліе сейма, ненадежность, запаздываніе и превращеніе впустую результатовъ нашей парламентской работы, а также парализованіе дѣятельности соціалъ-демократовъ подъ вліяніемъ коалиціоннаго правительства,—все это, безъ сомнѣнія, вліяло на то, что интересъ къ выборамъ среди пролетаріата далеко не былъ такъ великъ, какъ можно было ожидать, судя по господствующему высокому политическому напряженію. Нашъ прекрасный міражъ парламентарнаго демократизма получилъ, значитъ, второй ударъ уже не только отъ внѣшняго фактора, но отчасти и отъ своего внутренняго безсилія и своей поврежденности.

Потокъ исторіи стремился теперь съ ужасной быстротой къ своимъ первымъ бурнымъ порогамъ. Буржуазія, какъ и можно было ожидать, старалась использовать полученный ею на выборахъ выигрышъ, чтобы захватить въ руки диктаторскую власть и превратить народное представительство въ простой фиговый листъ своей диктатуры. Рабочій классъ потерялъ всю свою надежду на непосредственную помощь сейма и созна-

тельно или безсознательно стремился къ революціи. Коалиціонное правительство распалось уже до выборовъ. Обостреніе классовой борьбы теперь ничто не задерживало.

Къ тому же и въ Финляндіи чувствовалось, что Россія шла быстро къ новой, болѣе глубокой революціи, которая могла вспыхнуть въ теченіе недолгаго времени. Правительство Керенскаго дрожало, какъ подгнившая осина передъ бурей. Сила большевиковъ росла, какъ грозовая туча.

Наша соціаль-демократія, которая въ этихъ условіяхъ должна была бы употребить всѣ свои силы для подготовки революціи, ожидала въ бездѣйствіи... засѣданій сейма. Блокъ буржуазныхъ фракцій добился въ началѣ ноября на сеймѣ постановленія, по которому высшая власть во внутреннихъ дѣлахъ страны должна была быть вручена трехчленной директоріи, но не осмѣлился привести въ исполненіе это свое постановленіе. Въ то же время онъ велъ переговоры о раздѣлѣ власти съ русскимъ временнымъ правительствомъ. И генералъ-губернаторъ правительства Керенскаго Некрасовъ уже повезъ проектъ соглашенія въ Петроградъ для подписи.

Но онъ не вернулся болѣе въ Гельсингфорсъ. Въ тѣ дни русскій пролетарій подъ руководствомъ своей большевистской партіи свергъ власть буржуазіи и ея прислужниковъ, и взялъ бразды правленія въ свои руки.

И черезъ нашу страну пролеталъ тогда духъ Революціи. Но мы не поднялись на его крыльяхъ, а преклонили свои головы, дали ему пролетѣть черезъ насъ. Для насъ ноябрь сталъ такимъ образомъ годовщиной спуска оружія.

Могла ли тогда революція въ Финляндіи привести къ какой-либо побѣдѣ, это—иной вопросъ, чѣмъ тотъ, могла ли тогда непосредственно побѣдить пролетарская революція, какъ въ Россіи. Предыдущее кажется теперь на нашъ взглядъ послѣ происшедшаго правдоподобнымъ,—послѣдующее же все еще, какъ и тогда, невѣроятнымъ.

Общія предпосылки удачи революціи отнюдь не были тогда безнадежны. Возбужденіе пролетаріата и жажда борьбы были вообще высоки. Буржуазія была сравнительно плохо подготовлена; она испытывала большой недостатокъ въ оружіи, хотя уже и начала добывать его изъ Германіи. Правда, и пролетаріату недоставало оружія. Нѣсколько сотъ винтовокъ было получено занмообразно отъ русскихъ военныхъ группъ,—вотъ собственно и все, что можно сказать о тогдашнемъ оружіи. Но, безъ сомнѣнія, отъ русскихъ товарищей въ дѣйствительной нуждѣ можно было получить уже и тогда еще оружія, во всякомъ случаѣ, сколько-нибудь. И что, пожалуй, гораздо важнѣе,—русскіе товарищи были бы тогда въ состояніи оказать финляндской революціи прямую военную помощь гораздо лучше, чѣмъ позже, зимой, когда разложеніе въ русской арміи и во флотѣ дошло до максимума. Въ нашей странѣ было тогда, правда, среди русскихъ войскъ много такихъ элементовъ, которые, какъ и слѣдовало опасаться, готовы были бы скорѣе слушать команду своего черносотеннаго офицерскаго руководства, чѣмъ голосъ пролетарской солидарности. Но врядъ ли все же эти элементы въ водоворотѣ революціи явились бы значительной активной помѣхой.

Передъ этими признаками мы, соціалъ-демократы, «сторонники классовой борьбы», колебались со стороны на сторону, наклонялись сначала сильно въ сторону революціи... пока не отступили. Настоящіе правые соціалисты, которые въ нашей партіи составляли около половины, раздѣлились на-двое: часть явно сопротивлялась революціи, другая часть требовала ея. Въ соціалъ-демократической фракціи сейма явное большинство было такъ враждебно настроено къ революціонному стремленію, что,

можно сказать, его настроеніе было скорѣе на сторонѣ буржуазіи, чѣмъ на сторонѣ рабочаго класса. Но право-соціалистическое руководство нашихъ профессіональчыхъ организацій хотѣло вступить на путь нѣкоторой революціонной стачечной борьбы, практической, собственно, единственной цѣлью которой оно считало полученіе большинства мѣстъ въ правительствѣ, въ сенатѣ. Нашъ партійный центральный комитетъ образовалъ вмѣстѣ съ ними «революціонный центральный комитетъ», который, особенно послѣ того, какъ къ нему присоединились находившіеся съ самаго начала въ оппозиціи къ революціи члены соціалъ-демократической фракціи сейма, годился для революціонной болтовни, но не для дѣйствительной революціонной дѣятельности. Этотъ нашъ комитетъ рѣшилъ вначалѣ поддержать... объявленіе всеобщей забастовки. И на съѣздѣ профессіональныхъ организацій, собравшемся какъ-разъ въ это время, было рѣшено объявить всеобщую забастовку во всей странѣ. Означало ли это выступленіе на путь революціи, или лишь демонстрацію для оказанія поддержки выставленныхъ во время всеобщей забастовки требованій,— объ этомъ каждый могъ думать какъ угодно, ибо это не было рѣшено, такъ какъ на этотъ счетъ держались разныхъ мнѣній.

Всеобщая забастовка охватила страну. Нашъ «революціонный центральный комитетъ» обсуждалъ вопросъ, итти ли впередъ или нѣтъ? Мы, которыхъ напрасно называли марксистами, не хотѣли итти впередъ; безъ насъ же тогдашніе «революціонеры» изъ центральной профессіональной организаціи не хотѣли итти.

Что мы, центровики соціалъ-демократы, не пошли на путь революціи,— въ этомъ мы были вполнѣ послѣдовательны, дѣйствуя сообразно своей позиціи, вкоренившейся въ насъ въ теченіе многолѣтней дѣятельности. Мы вѣдь были соціалъ-демократами, а не марксистами. Наша соціалъ-демократическая позиція состояла, во-первыхъ, въ мирной и постепенной, а не революціонной классовой борьбѣ, но въ то же время, во-вторыхъ, она являлась позиціей самостоятельной классовой борьбы, а не стремленіемъ къ союзу съ буржуазіей. Эти обѣ стороны вмѣстѣ опредѣляли нашу тактику.

Во-первыхъ, намъ недоставало вѣры въ революцію; мы не надѣялись на нее и не стремились къ ней. Это вообще свойственно соціалъ-демократіи.

Соціалъ-демократія вѣдь является по главному своему существу именно такимъ рабочимъ движеніемъ, которое организуетъ и развиваетъ рабочій классъ для буржуазно-законной (парламентарной) классовой борьбы. Соціализмъ является, правда, въ ея программѣ конечной цѣлью, и въ нѣкоторой степени онъ также опредѣляетъ направленіе дѣйствительной или такъ называемой «минимальной» программы соціалъ-демократіи. Главнымъ образомъ, онъ является въ ея программѣ лишь утопическимъ украшеніемъ по той причинѣ, что нельзя даже думать объ осуществленіи соціализма въ буржуазномъ государствѣ, въ рамки котораго приспособилась практическая дѣятельность соціалъ-демократіи. Тотъ путь, который является исторически необходимымъ, чтобы выбраться изъ буржуазнаго государства въ соціалистическое общество,—путь вооруженной революціи и диктатуры пролетаріата остается совершенно внѣ сознательной и практической дѣятельности этой партіи; онъ начинается лишь тамъ, гдѣ настоящая дѣятельность соціалъ-демократіи кончается.

Отношеніе послѣдовательной соціалъ-демократіи къ революціи по большей мѣрѣ настолько же пассивно, какъ и отношеніе благосклоннаго историка къ революціонерамъ прошедшихъ временъ. «Революція возникаетъ, ее не дѣлаютъ»,—любимое выраженіе соціалъ-демократіи, ибо она не считаетъ своей обязанностью дѣйствовать на пользу революціи. По своему характеру она скорѣе склонна задерживать возникновеніе рево-

люціи (такъ же, какъ уже и задерживала всеобщую забастовку и прочія революціонныя массовыя движенія). Это вполнѣ понятно съ точки зрѣнія настоящей практической цѣли соціалъ-демократіи: революціонная дѣятельность можетъ легко помѣшать этой цѣли и угрожать прекращеніемъ дѣятельности для соціалъ-демократической цѣли. Такъ какъ относительно революціи нельзя заранѣе съ безусловной увѣренностью рѣшить, что она уже при первой попыткѣ закончится побѣдой, а не пораженіемъ, то всегда кажется возможнымъ, что въ революціи угрожаетъ опасность завоеваніямъ организаціонной и политической дѣятельности соціалъ-демократіи, организаціямъ, рабочимъ домамъ, библіотекамъ, прессѣ, реформамъ, демократическимъ учрежденіямъ и правамъ, и т. д. А на нихъ вѣдь зиждется вся дѣятельность соціалъ-демократіи. Отчасти они стали въ ея дѣятельности самоцѣлью; главнѣйшей частью они составляютъ незамѣнимое основаніе для продолженія и развитія ея дѣятельности, ея буржуазно-законной дѣятельности. Поэтому соціалъ-демократія старается всѣми силами сохранить ихъ и оберегать ихъ старательно отъ всѣхъ опасностей, а также и отъ опасностей пролетарской революціи.

Впрочемъ, въ ученіи соціалъ-демократіи объясняется при помощи ссылокъ на Маркса, что результаты организаціонной дѣятельности накапливаются и сохраняются, будто бы, так же, особенно имѣя въ виду требованія и успѣхъ пролетарской революціи. И, безъ сомнѣнія, въ этой революціи они въ концѣ-концовъ окажутся на пользу. Но это, повидимому, произойдетъ не благодаря соціалъ-демократіи, а, напротивъ, несмотря на соціалъ-демократію. (Также вѣдь и организація милитаризма въ буржуазномъ государствѣ окажется въ большой степени на пользу пролетарской революціи, но естественно совершенно противъ цѣлей этого милитаризма). Если бы соціалъ-демократія могла всегда по своему желанію руководить дѣятельностью рабочихъ массъ, то врядъ ли рабочій классъ со своими организаціями попалъ бы когда-нибудь въ такое рискованное предпріятіе, какъ революція, и поэтому врядъ ли приблизился бы къ такой цѣли, какъ соціализмъ, во всякомъ случаѣ, поскольку буржуазія съ оружіемъ въ рукахъ не провоцировала бы революціи. Въ этомъ единственномъ случаѣ и послѣдовательная соціалъ-демократія поднимается, если поднимается,—навѣрное этого нельзя утверждать,—на революціонную борьбу, для защиты завоеваній своей буржуазно-законной классовой борьбы и шансовъ на продолженіе ея, какъ поднялись и мы въ концѣ января.

Но въ ноябрѣ мы рѣшили отступить передъ революціонной борьбой, отчасти чтобы оберечь наши демократическія завоеванія отъ опасностей, отчасти надѣясь, что мы можемъ парламентарными средствами обойти, пожалуй, водоворотъ исторіи, и отчасти, навѣрно, фаталистически разсуждая: если революція должна притти теперь или позже, то она придетъ, несмотря на наше сопротивленіе, и этимъ именно покажетъ, какъ слѣдуетъ, свою силу...

Что было результатомъ этой исторической ошибки? Избѣжали ли мы вооруженнаго столкновенія? Нѣтъ. Оно было лишь отсрочено до времени, когда буржуазія была уже гораздо лучше подготовлена, чѣмъ въ ноябрѣ. Буржуазія всегда можетъ вызвать рабочихъ на вооруженное столкновеніе, когда лишь она этого желаетъ. И для рабочей борьбы является лишь опасностью то, что буржуазія получаетъ возможность назначить время начала классовой войны. Когда рабочій классъ ее начинаетъ, то буржуазія не во всѣхъ мѣстностяхъ еще достаточно подготовлена на случай революціи, и революція можетъ застать ее въ большей или меньшей степени врасплохъ; начатое рабочимъ классомъ революціонное движеніе, особенно тамъ, гдѣ реакціонная правительственная власть въ

теченіе болѣе долгаго времени вызывала къ себѣ враждебное отношеніе въ широкихъ слояхъ народа, можетъ или прямо захватить съ собой недовольные промежуточные слои, или, во всякомъ случаѣ, разстроить и ослабить ряды защитниковъ правительственной власти. Особенно въ такихъ условіяхъ, какъ, напр., теперь, во время войны въ воюющихъ странахъ, гдѣ и пролетарскія массы имѣютъ пока въ своихъ рукахъ оружіе, является очень важнымъ, чтобы правительство не получило возможности начать классовую войну, ибо правительство уже въ теченіе даже сравнительно короткаго подготовительнаго времени могло бы разоружить большія массы, арестовать необходимые для революціи элементы, цѣлесообразно размѣстить свои болѣе надежныя войска на наступательныя и оборонительныя позиціи противъ «внутренняго врага» и вообще собрать всѣ свои возможныя силы для активной или пассивной контръ-революціонной дѣятельности. Кромѣ того, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что правительство, начиная классовую войну, постарается уже заранѣе устроить съ этой цѣлью внѣшнія политическія условія наиболѣе выгоднымъ для себя образомъ, запастись на случай возможной крайней надобности иностранной помощью или, по крайней мѣрѣ, обезпечить свой тылъ отъ иностраннаго вмѣшательства. Въ ноябрѣ финляндской буржуазіи было бы гораздо труднѣе получить значительную помощь отъ германскаго правительства, чѣмъ позже, зимой, когда нѣмецкія войска освободились съ русскаго фронта, что намъ все же въ ноябрѣ или даже январѣ было очень трудно предвидѣть.

Во-вторыхъ, мы, центровики соціалъ-демократы, не хотѣли вступать въ правительственный союзъ ни съ какими буржуазными «демократами», каковой союзъ былъ желателенъ для правыхъ соціалистовъ, какъ для поддерживавшихъ революцію, такъ и для тѣхъ, которые выступали противъ нея. Безъ подобнаго союза собственно нельзя было и думать объ осуществленіи той цѣли, которая мелькала въ мысляхъ поддерживавшихъ революцію правыхъ соціалистовъ, т.-е. объ учрежденіи демократическаго правительства, въ которомъ, по крайней мѣрѣ, значительное большинство мѣстъ принадлежало бы соціалистамъ, и въ программѣ котораго были бы ограниченіе спекуляціи въ продовольственной области и проведеніе различныхъ демократическихъ реформъ парламентарнымъ путемъ. То обстоятельство, что въ этотъ завоевываемый посредствомъ революціи «красный сенатъ» вошло бы также, по крайней мѣрѣ, нѣсколько представителей такъ называемаго аграрнаго союза, казалось этимъ правымъ соціалистамъ, что было вполнѣ понятно, весьма необходимымъ подкрѣпленіемъ. Имѣя это въ виду, съ ихъ стороны и со стороны соціалъ-демократической фракціи сейма велись переговоры съ фракціей аграрнаго союза, а также, по всей вѣроятности, и съ другими «прогрессивными» депутатами, и «товарищъ» Токой ходилъ разузнавать у сенатскихъ чиновниковъ, согласны ли они оставаться на службѣ у «краснаго сената»... Итакъ, революціоннымъ стремленіемъ «революціонныхъ» соціалистовъ было собственно возрожденіе къ жизни весенняго коалиціоннаго сената въ болѣе цѣломъ видѣ, т.-е. снабдивъ его соціалистическимъ большинствомъ и, пожалуй, отстранивъ болѣе крайнихъ реакціонеровъ.

Этотъ результатъ и былъ бы въ лучшемъ случаѣ, по всей вѣроятности, непосредственнымъ завоеваніемъ ноябрьской революціи, не больше. Больше этого финляндское рабочее движеніе неспособно было еще завоевать. Часть организованныхъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, требовала бы немедленно болѣе крупнаго шага, но довольствующееся малымъ большинство нашего рабочаго движенія, обратившись сразу послѣ достиженія своей непосредственной цѣли противъ стремленія къ рабочей революціонной диктатурѣ, было бы тогда въ состояніи легко подавить это требованіе

и вообще дѣйствительный революціонный голосъ пролетаріата. Свою цѣль, во всякомъ случаѣ, большей частью это большинство тогда, конечно, могло бы осуществить. По размышленіи теперь, послѣ происшедшаго, это кажется еще болѣе возможнымъ, чѣмъ тогда. Настолько-то приблизительно финляндская буржуазія, повидимому, должна была бы тогда, по крайней мѣрѣ, временно уступить революціонному движенію, чтобы спасти легче свои главнѣйшіе интересы, которымъ революціонное движеніе правыхъ соціалистовъ не угрожало. Изъ ноябрьской революціи въ Финляндіи вышла бы такимъ образомъ, по всей видимости, на самомъ дѣлѣ буржуазная демократическая революція. Въ рядахъ организованныхъ рабочихъ это вызвало бы непосредственно полный расколъ: правая часть соединилась бы съ буржуазіей въ общій фронтъ «сохраняющій общественный порядокъ», лѣвая же часть перешла бы на позицію дѣйствительнаго революціоннаго соціализма или коммунизма, стремилась бы все наступать впередъ на буржуазное государство и на всѣхъ его властителей и пособниковъ.

Приблизительно въ этомъ родѣ, хотя и не совсѣмъ ясно, мы, такъ называемые «марксистскіе соціалъ-демократы» центральнаго комитета партіи представляли себѣ во время ноябрьской всеобщей забастовки тотъ непосредственный результатъ, къ которому революція тогда въ лучшемъ случаѣ могла бы привести. Но именно поэтому у насъ были на умѣ двѣ важныя дополнительныя причины, чтобы не поддерживать вступленія на путь революціи: во-первыхъ, мы не хотѣли содѣйствовать объединенію правыхъ соціалистовъ и буржуазныхъ элементовъ, а во-вторыхъ, мы хотѣли избѣжать раскола рабочаго движенія на два враждебныхъ другъ другу лагеря. И въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, наши мысли шли по свойственному соціалъ-демократіи руслу, а не правильнымъ марксистскимъ путемъ. Мы на самомъ дѣлѣ тормозили историческое развитіе, препятствуя тому раздвоенію рабочаго движенія нашей страны, предпосылки котораго уже созрѣли и превратились въ необходимое условіе, для того, чтобы рабочее движеніе могло сдвинуться со своего мѣста впередъ, къ сознательной революціонной дѣятельности. При искусственномъ поддерживаніи вмѣстѣ противоположныхъ стремленій это движеніе совершенно не было въ состояніи дѣйствовать. Его расколъ могъ, конечно, оказаться во вредъ с о ц і а л ъ-д е м о к р а т и ч е с к о й дѣятельности,—иначе говоря, непосредственному вліянію парламентарной (и профессіональной) дѣятельности. Шансы на избирательныя побѣды, конечно, могли уменьшиться. Но дѣйствительному развитію рабочаго дѣла, усиленію рабочей классовой борьбы это естественное раздвоеніе могло принести лишь пользу. Вѣдь это означало бы лишь освобожденіе дѣйствительнаго рабочаго фронта отъ мѣшающихъ дѣлу и затемняющихъ сознаніе массъ элементовъ, которые, находясь на сторонѣ буржуазіи, могли принести рабочей революціонной классовой борьбѣ все же меньше вреда, чѣмъ находясь въ своихъ рабочихъ рядахъ.

Правда, что непосредственнаго результата революціи мы не могли бы, навѣрно, даже при самыхъ усиленныхъ стараніяхъ продиктовать по своему желанію. Исторія сама его продиктовала бы. Но намъ слѣдовало попытаться, слѣдовало бороться и наступать возможно дальше на помощь историческому развитію. Вѣдь и исторія не могла дѣлать свое дѣло съ пустыми рукавицами, ей нужны были руки борцовъ. И хотя великаго ледохода на рѣкѣ исторіи финляндской классовой борьбы тогда еще и не могло бы произойти, хотя тогдашній разрывъ и остановился бы, по всей видимости, на буржуазно-демократическомъ застоѣ, такъ же какъ ледъ скопляется въ большую груду на рѣкѣ, то этотъ разрывъ все же былъ бы шагомъ впередъ. Посредствомъ него сила сопротивленія ледяной коры уменьшилась бы; стремящейся къ освобожденію рѣкѣ не надо

было бы потомъ болѣе напрягать свои силы въ борьбѣ противъ единаго широкаго ледяного покрова, но она могла бы сосредоточить всю свою могучую силу противъ образовавшейся ледяной груды и давить на нее до тѣхъ поръ, пока она не рушилась бы. Это является въ рѣкѣ во время ледохода самой естественной и быстрой смѣной фазисовъ. Такимъ путемъ происходило дѣло и въ Россіи. Съ него легче начать. Значительная часть силъ сопротивленія, оковывающаго общество буржуазнаго государства, остается такимъ образомъ въ рѣшительный моментъ неиспользованной. Но ледоходъ можетъ задержаться на долгое время въ томъ случаѣ, если ледяной покровъ будетъ держаться одинаково во всѣхъ своихъ мѣстахъ до конца и нигдѣ не образуется трещинъ.

Мы помѣшали возникновенію перваго сдвига, давъ сигналъ къ окончанію всеобщей забастовки въ концѣ недѣли и отправивъ вопросъ о революціи на разрѣшеніе... партійнаго съѣзда. Вслѣдствіе этого въ рабочихъ массахъ царили общее недовольство и даже сильное негодованіе. Оно не вылилось, правда, въ открытый мятежъ противъ партійнаго руководства, но его дѣйствіе было, быть-можетъ, еще болѣе гибельнымъ для будущей классовой борьбы: оно вырвало у руководства рабочимъ движеніемъ лучшую часть довѣрія рабочихъ. Руководству, которое нуждалось въ огнѣ противъ осмѣлѣвшаго врага рабочаго класса, оставалось теперь лишь раздувать остывшіе уголья недовѣрія. При этомъ рожденныя недовѣріе и враждебность чувствовались потомъ тяжелымъ кошмаромъ во все время революціи. Въ ноябрѣ ими было посѣяно уже апрѣльское разложеніе. Партійный съѣздъ, собравшись черезъ нѣсколько недѣль, чувствовалъ въ общемъ настроеніи въ тотъ разъ, что самый высокій революціонный валъ подъ перекрестнымъ вѣтромъ прошелъ уже мимо. Делегаты партійнаго съѣзда были выбраны еще весной въ иныхъ условіяхъ. Приблизительно половина изъ нихъ, казалось, была на сторонѣ болѣе или менѣе яснаго революціоннаго дѣйствія,—другая же половина была противъ. Мы, центровики, хотѣли всѣми силами удержать партію отъ раскола, и намъ это «удалось». Въ объединяющей резолюціи не было сказано о революціи ни одного опредѣленнаго слова ни за, ни противъ, но зато въ ней проявлялся духъ прежней самостоятельной классовой борьбы; кромѣ того, въ ней была предъявлена буржуазіи масса благодушныхъ требованій относительно реформъ, а рабочимъ предлагалось вооружаться, впрочемъ, не для революціоннаго наступленія, а для необходимой самозащиты.

Необходимость самозащиты становилась теперь, повидимому, для рабочаго класса самой сильной потребностью, ибо буржуазія, убѣдившаяся въ томъ, что она избавилась на этотъ разъ отъ опасности революціи, готовилась теперь сознательно къ нападенію. Она вела открыто бѣшеную травлю противъ соціалистовъ, а въ менѣе замѣтномъ видѣ развивала свои военные планы, добывала оружіе, организовала и обучала бѣлогвардейскую армію и посылала своихъ агентовъ за границу для спѣшныхъ порученій. Рабочая красная гвардія также организовывалась, и партійное руководство принимало участіе въ этой работѣ. Но она подвигалась впередъ медленно, безъ достаточной энергіи и цѣлесообразности. Здѣсь и тамъ угрожала автоматически вспышка разрозненныхъ мѣстныхъ революціонныхъ взрывовъ съ анархистскими побочными явленіями; въ Або, напр., и вспыхнулъ такой взрывъ.

Отъ парламентской работы не было теперь болѣе и не могло быть для дѣла рабочаго класса ничего, кромѣ вреда. Она лишь напрасно отвлекала наши силы, которыя всѣ нужны были бы для подготовки къ приближающейся революціонной борьбѣ. Она лишь вводила въ обманъ и мѣшала видѣть то, что должно было притти, что буржуазія готовила,

и что рабочій классъ долженъ былъ бы готовить. Когда революція угрожала въ ноябрѣ, на сеймѣ было достигнуто демократическое постановленіе большинства, по которому сеймъ, а не какая-нибудь правящая шайка, распоряжался пока высшей государственной властью въ странѣ. Это было уже похоже на дѣйствительный, хотя и слабый шагъ по направленію къ настоящему безупречному «демократизму». Въ комиссіи основныхъ законовъ мы пытались начертить болѣе детальный планъ для этого прекраснаго государственнаго строенія, и рѣшили уже объявить конкурсъ художниковъ для представленія самаго прекраснаго образца для флага на крышу финляндскаго демократическаго государственнаго строенія...

Тогда мы услышали изъ устъ Свинхувуда конституцію капитала; она содержала лишь одинъ пунктъ: «Строгій порядокъ!»

Это была свинская и кровожадная конституція. Но она апеллировала къ дѣйствительности исторіи классовой борьбы, къ насилію, въ то время, когда многіе соціалъ-демократы видѣли еще во снѣ демократическую конституцію, рождающуюся посредствомъ избирательныхъ побѣдъ.

2. За демократическія иллюзіи.

Финляндская соціалъ-демократія не стремилась во время революціи прошлой зимой вырваться прочь изъ рамокъ общей системы народнаго представительства. Напротивъ, она стремилась именно къ возможно болѣе общей системѣ народнаго представительства, къ возможно болѣе демократической формѣ правленія. Это имѣлъ въ виду выработанный Совѣтомъ Народныхъ Уполномоченныхъ проектъ конституціи, который долженъ былъ быть немедленно весной одобренъ народнымъ голосованіемъ. По этому проекту вся высшая власть должна была принадлежать демократически избранному народному представительству; правительство являлось лишь исполнительной комиссіей, не имѣющей президента, надѣленнаго правомъ самостоятельной дѣятельности, и дѣйствующей подъ регулярнымъ и строгимъ контролемъ народнаго представительства; право народной иниціативы должно было быть широкимъ, народный референдумъ— лишь въ вопросахъ государственнаго строя; чиновники должны были занимать мѣста на опредѣленное время, высшіе чиновники избирались бы народнымъ представительствомъ.

Естественно, что такая конституція не была даже для Совѣта Народныхъ Уполномоченныхъ самоцѣлью, но лишь политическими рамками для осуществленія общественно-экономическихъ стремленій. Въ этихъ рамкахъ должна была быть получена возможность для развитія общественныхъ условій по направленію къ соціализму, для осуществленія реформъ, изъ которыхъ въ концѣ концовъ возникло бы соціалистическое общество.

Эта идея казалась тогда въ финляндскихъ условіяхъ весьма естественной. Казалось, что демократическая конституція могла гарантировать въ Финляндіи въ народномъ представительствѣ большинство, изъ котораго, по крайней мѣрѣ, значительная часть прямо требовала бы соціалистическаго строя, да и остальная часть этого большинства не сопротивлялась бы по всей видимости введенію хотя бы постепенныхъ и осторожныхъ реформъ, ведущихъ къ этому строю. Противники соціализма были бы принуждены находиться въ народномъ представительствѣ въ меньшинствѣ и быть такимъ образомъ безсильными, парализованными. Такъ думали.

Смотря по устройству экономической жизни Финляндіи, такая мысль отнюдь не казалась невозможной. Невзирая на то, что капиталистическое развитіе Финляндіи невысоко, главная часть изъ системы производительныхъ условій страны могла быть благодаря простотѣ своего устройства относительно легко взята, по крайней мѣрѣ, въ собственность государства,—легче, чѣмъ народное хозяйство многихъ болѣе развитыхъ странъ. Деревообрабатывающая и бумажная промышленность является въ Финляндіи относительно своей производительной цѣнности прямо-таки господствующей частью капиталистической промышленности. Безусловно наибольшая часть (около девяти десятыхъ) всѣхъ лѣсовъ принадлежала уже и прежде казнѣ. Бумажная промышленность очень концентрирована: конфискація нѣсколькихъ десятковъ крупнѣйшихъ предпріятій была бы уже, безъ сомнѣнія, равносильна конфискаціи почти всей этой отрасли промышленности. Въ лѣсопильной промышленности также крупнѣйшая часть производства находится въ рукахъ сравнительно рѣдкихъ крупныхъ акціонерныхъ обществъ, которыя къ тому же не пользовались симпатіями даже среди крестьянскихъ землевладѣльцевъ. Конфискація всего около 200 предпріятій въ собственность государства, казалось, могла съ большимъ основаніемъ означать полное господство государства въ этихъ областяхъ, а черезъ это она означала бы и безпримѣрное косвенное вліяніе государства въ прочихъ областяхъ капитализма. Кромѣ того, превращеніе государственнаго банка въ единственный или, по крайней мѣрѣ, въ господствующій торгово-промышленный банкъ и сконцентрированіе всей внѣшней торговли въ рукахъ государства, что въ условіяхъ военнаго времени стало простой задачей, дополнили бы рѣшительно превращеніе государства въ силу, управляющую всѣмъ народнымъ хозяйствомъ страны. Государство являлось бы въ этомъ случаѣ господствующимъ капиталистомъ, но оно не было бы болѣе государствомъ, управляемымъ частными капиталистами и буржуазіей, не было бы ихъ классовой организаціей, а «народнымъ государствомъ», въ которомъ они, находясь въ меньшинствѣ, не могли бы получить рѣшающей власти. Рѣшающая власть должна была навѣрняка находиться въ рукахъ трудящагося народнаго большинства, который сообразно своимъ интересамъ пользовался бы ею для превращенія экономической дѣятельности государства въ дѣятельность, все болѣе и болѣе полезную для рабочаго класса, чтобы такимъ путемъ постепенно превратить государство въ соціалистическое общество.

Такую экономическую политику имѣлъ явно въ виду Финляндскій Совѣтъ Народныхъ Уполномоченныхъ. Во всякомъ случаѣ, часть его членовъ полагала, что большинство демократическаго народнаго представительства можетъ согласиться на конфискацію крупнѣйшихъ деревообрабатывающихъ и бумажныхъ предпріятій въ вышеуказанномъ объемѣ и на подчиненіе внѣшняго торговаго обмѣна руководству государства; изъ этихъ мѣропріятій вытекало бы также измѣненіе положенія государственнаго банка. Что произошло, если бы германскій имперіализмъ не пришелъ на помощь финляндскимъ капиталистамъ, а рабочій классъ побѣдилъ въ своей борьбѣ,—объ этомъ еще и трудно, и безполезно высказывать предположенія. Но и безъ этихъ недостовѣрныхъ предположеній можно теперь видѣть, что идея политическаго демократизма, преслѣдуемая Совѣтомъ Народныхъ Уполномоченныхъ, была неисторической мыслью.

Она хотѣла создать мостъ, переходную ступень отъ капитализма къ соціализму, но для этой цѣли демократизмъ не годился.

Ея неисторичность чувствовалась уже во время революціи. Она не годилась буржуазіи и не годилась рабочимъ,—такъ чувствовалось, хотя ни та, ни другая сторона не высказывались противъ этой

мысли. Буржуазія не считала умнымъ выступать противъ демократизма, а рабочій классъ,—тотъ самый рабочій классъ, который въ 1904, 1905 и 1906 гг. подъ вліяніемъ высокаго возбужденія боролся за демократизмъ относился теперь къ нему весьма индиферентно. Обѣимъ сторонамъ годилась теперь лишь диктатура: буржуазіи—бѣлая, рабочему классу—красная. Обѣ стороны, повидимому, чувствовали въ себѣ, что предложеніе демократизма было на самомъ дѣлѣ компромисснымъ предложеніемъ. Но ни та, ни другая сторона не желала компромисса, соглашенія. Своя власть была для обѣихъ сторонъ лучше, чѣмъ какая бы то ни было народная власть.

Народная власть, демократія являлась въ Финляндіи конституціей предыдущаго года. Она была получена въ мартѣ отъ русской буржуазной революціи. Она не была на бумагѣ, не являлась общепризнаннымъ основнымъ закономъ, но въ самомъ дѣлѣ она существовала. Это не былъ полный демократизмъ,—далеко не такой хорошій, какъ позже въ проектѣ Совѣта Народныхъ Уполномоченныхъ, но онъ былъ настолько хорошъ, насколько демократизмъ въ буржуазномъ государствѣ когда-либо можетъ быть. Итти дальше по пути демократизма,—иначе говоря, по пути «мирной» классовой борьбы исторически невозможно.

Теперь послѣ всего легко сдѣлать это важное наблюденіе. Въ прошломъ году въ Финляндіи это было гораздо труднѣе. Относительная слабость финляндской буржуазіи, ея слабость въ парламентарной борьбѣ и неимѣніе ею войска могли соблазнить насъ, соціалъ-демократовъ, на увлеченіе демократическимъ миражомъ, на стремленіе къ соціализму черезъ парламентарную борьбу и демократическое народное представительство, или итти, значитъ, тѣмъ путемъ, по которому историческая дѣйствительность не могла къ нему итти,—могли соблазнить насъ на стремленіе избѣжать соціалистической революціи, избѣжать промежуточной ступени между капитализмомъ и соціализмомъ, диктатуры пролетаріата, которой историческая дѣйствительность не можетъ избѣжать.

Демократизмъ прошлаго года казался намъ вѣрной программой не только прошлой, но и будущей исторіи. Онъ казался лишь неполнымъ и слабымъ для того, чтобы годиться для созданія соціализма. Для этого его нужно было дополнить и укрѣпить. Да, онъ былъ слабъ, слишкомъ слабъ. Мы не замѣтили того, что онъ былъ настолько слабъ, что его нельзя было даже укрѣпить. Слабость была его главнымъ свойствомъ, какъ вообще она являлась всегда главнымъ свойствомъ демократизма въ буржуазномъ государствѣ. Правда, онъ былъ слабъ и для поддержки буржуазіи, но еще слабѣе онъ былъ для рабочаго класса. Его единственное исторически важное преимущество, преимущество для обѣихъ сторонъ,—значитъ, противорѣчивое преимущество,—заключалось въ томъ, что являлось вообще всегда преимуществомъ демократизма, а именно—въ томъ, что онъ давалъ классовой борьбѣ возможность развиваться сравнительно свободно. Онъ далъ ей возможность развиться до той ступени напряженія, когда оставалась лишь возможность рѣшенія вопроса оружіемъ, т.-е. когда исторической задачей этого самаго демократизма должно было быть первымъ свалиться, какъ ненужная, свое дѣло исполнившая старая сгнившая ограда между двумя наступающими фронтами.

3. Таинство причастія въ кровавой борьбѣ.

Когда финляндская буржуазія въ концѣ января скомандовала своимъ бѣлогвардейцамъ перейти въ наступленіе, то соціалъ-демократія взбѣсилась въ защиту демократіи.—Буржуазія отниметъ, уничтожитъ демократизмъ,—

кричали со стороны соціалъ-демократіи.—Пожаръ! Демократія въ смертельной опасности! Такъ и было. Буржуазія хотѣла разъ навсегда избавиться отъ своего безсилія, освободиться отъ всякихъ оградъ демократизма, которыя, во всякомъ случаѣ, являлись ей помѣхой, хотя и не представляли опасности; она хотѣла воздвигнуть голую классовую власть, свободную власть грабежа, «строгій порядокъ», какъ тогда говорилось, республику или монархію палачей, какъ теперь выясняется.

Такъ хотѣла буржуазія. Соціалъ-демократія отвѣтила на это революціей. Но во имя какого лозунга? Во имя рабочей власти?—Нѣтъ, во имя демократизма,—во имя такого демократизма, котораго нельзя было бы отнять.

Эта наша позиція была соціально ясна, а исторически она являлась утопіей. Такой демократизмъ, котораго нельзя было бы отнять, могъ возникнуть лишь на бумагѣ. Въ классовомъ, обществѣ такого демократизма никогда не было и не можетъ въ немъ быть. Эксплоатирующій классъ всегда при демократизмѣ отнималъ власть у народа. Если капиталистическая эксплоататорская система въ экономической жизни должна была и впредь остаться въ силѣ, то такой демократизмъ былъ невозможенъ, при которомъ пролетаріатъ могъ бы быть классомъ, управляющимъ государствомъ, и черезъ государство затрогивать самые корни капиталистической эксплоатаціи. Если же опять капиталистическая хозяйственная система могла быть разрушена, то демократизмъ былъ для этой цѣли ненуженъ, негоденъ и невозможенъ. Въ предыдущемъ случаѣ демократическая конституція, если бы она все-таки была на бумагѣ установлена, явилась бы лишь ширмой для классовой власти буржуазіи и, быть-можетъ, нѣкоторымъ препятствіемъ и помѣхой для нея; въ послѣдующемъ случаѣ она явилась бы ширмой и препятствіемъ для рабочей классовой власти. Настоящаго демократизма не возникло бы ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Въ классовомъ обществѣ могутъ быть лишь два состоянія междуклассоваго соотношенія силъ: одно изъ нихъ—состояніе угнетенія, поддерживаемое насиліемъ (вооруженной силой, законами, судебными учрежденіями и прочимъ насиліемъ), въ которомъ борьба угнетенныхъ классовъ задушена и превращена въ тихую борьбу (въ подпольную или легальную, въ анархистскую или парламентарную и профессіональную и т. д.); другое состояніе, являющееся между состояніемъ угнетенія, состояніе открытой междуклассовой борьбы,—революція, во время которой посредствомъ вооруженнаго столкновенія рѣшается, какой классъ съ тѣхъ поръ долженъ быть угнетателемъ, какой угнетеннымъ.

Когда финляндская буржуазія вызвала рабочій классъ на открытую борьбу изъ-за классоваго господства, то у рабочей партіи были на выборъ двѣ опредѣленныхъ позиціи: или принять вызовъ и подняться на революціонную борьбу въ защиту рабочей классовой власти, или безъ боя сдаться на милость буржуазіи, признавъ свою слабость или измѣнивъ дѣлу своего класса. Финляндская рабочая партія не приняла ни той, ни другой позиціи. Она исполнила, правда, свою боевую обязанность, поднялась на борьбу, но лишь на оборонительную, а не на сознательную революціонную борьбу. Говорилось, правда, о революціи, и на самомъ дѣлѣ принималось даже участіе въ настоящей революціонной борьбѣ, но съ закрытыми глазами, не сознавая характера этой общественной революціи. Въ одинъ и тотъ же моментъ говорилось также о демократизмѣ,—о томъ демократизмѣ, съ которымъ неразрывно было связано понятіе о томъ, что посредствомъ него должна была быть избѣгнута вооруженная общественная революція. Такимъ образомъ, къ революціи было приступлено собственно для избѣжанія революціи.

Въ нашей боевой программѣ это была необычайная органическая ошибка, которую теперь, понявъ ее, необходимо открыто признать, но которую въ свое время мы не сознавали. Мы не сознавали, что когда разразилась революціонная борьба, то и рабочій классъ отбросилъ демократизмъ пасилісмъ въ сторону, вычеркнулъ его, какъ безцѣнную помѣху, изъ своей программы. Если бы финляндскій рабочій классъ не принялъ вызова буржуазіи, но безъ сопротивленія позволилъ бы себя избивать, заковывать въ кандалы и разстрѣливать, то въ такомъ случаѣ демократическая программа защиты и свободы была бы здѣсь на своемъ мѣстѣ. Но въ тотъ январскій день, когда рабочій поднялъ руку на своего заклятаго врага, эта рука сорвала прочь съ дороги отрепья демократизма. Послѣ этого дня навязываніе демократической программы было равносильно историческому шагу назадъ; точно такъ же обстояло дѣло и относительно того превращеннаго въ «выгодный для рабочихъ» демократизма, который содержался въ проектѣ конституціи, выработанномъ Совѣтомъ Народныхъ Уполномоченныхъ.

То обстоятельство, что представители какого-либо класса въ революціи или прочей классовой борьбѣ не сознаютъ дѣйствительной цѣли борьбы, еще отнюдь не значитъ отрицанія борьбы и веденія ея къ пораженію, не означаетъ того же самаго, какъ противодѣйствіе дѣлу своего класса и сознательная или несознательная измѣна. Борьба сама по себѣ является историческимъ фактомъ, главнымъ дѣломъ, которое рѣшаетъ и опредѣляетъ дѣйствительный результатъ, и каждый, кто по мѣрѣ своихъ силъ принимаетъ участіе въ революціонной борьбѣ поднимающагося класса, помогаетъ этимъ самымъ дѣлу этого класса, хотя бы его голова была переполнена какими бы то ни было противорѣчащими исторіи иллюзіями. Такъ и финляндская соціалъ-демократія, когда она исполнила свою боевую обязанность и, не отказавшись отъ борьбы, не измѣнила дѣлу своего класса, своей борьбой поддержала на дѣлѣ программу соціалистической революціи, хотя она и выставила своимъ знаменемъ старую истрепавшуюся программу демократизма.

Въ исторіи міровыхъ революцій случалось не разъ, что передовые борцы борющагося класса имѣли лозунгъ, совершенно не отвѣчавшій дѣйствительной объективной исторической цѣли ихъ борьбы. Напротивъ, неясность лозунговъ являлась изъ-за недостатка соціальнаго сознанія правиломъ въ революціяхъ прошедшихъ столѣтій. Чаще всего революціонные лозунги являлись порожденіемъ случайныхъ обстоятельствъ или ударными фразами самой поверхностной, недальнозоркой политики, къ которымъ часто могъ также присоединяться странный и несообразный символизмъ.

Вспомнимъ, напр., какъ въ богемскомъ гусситскомъ движеніи, въ которомъ тоже въ дѣйствительности велась борьба изъ-за самыхъ явныхъ классовыхъ интересовъ, въ области лозунговъ спорили, главнымъ образомъ, о томъ, предоставляется ли въ таинствѣ причастія для всѣхъ, кромѣ хлѣба, также и вино. Демократическая программа финляндской соціалъ-демократіи являлась въ финляндской революціи прошлой зимой именно такой программой таинства причастія. Эта программа не помѣшала финляндской соціалъ-демократіи принимать участіе въ революціонной борьбѣ, но эта программа, какъ таковая, не принесла этой борьбѣ пользы. Если не знающій дѣла морякъ ведетъ корабль въ невѣрномъ направленіи, въ которомъ онъ, если бы шелъ по этому направленію, оказался бы въ тупикѣ или сдѣлалъ бы большой кругъ, но сильная буря незамѣтно для него самого ведетъ его по вѣрному направленію, то, безъ сомнѣнія, этотъ хорошій результатъ получился не благодаря разумности моряка, а благодаря бурѣ; морякъ, пожалуй, и исполнилъ въ пути добросовѣстно

и прилежно свою обязанность, но онъ не умѣлъ пользоваться картами и компасомъ, которые были предоставлены ему для того, чтобы держать курсъ въ вѣрномъ направленіи.

Для современной соціаль-демократической рабочей партіи, дѣятельность которой должна была опираться на марксистскую, слѣдовательно на научную подготовку,—для нея было менѣе всего почетно нести на баррикады символъ вина для причастія. И, что еще хуже, это было помѣхой и слабостью въ борьбѣ. Ясное сознаніе цѣли, ужъ какъ таковое, увеличиваетъ силы и энергію борца,—недостатокъ сознанія порождаетъ легко неувѣренность, колебаніе и слабость. Точно такъ же произошло и въ Финляндіи во время революціи. Не было въ достаточной мѣрѣ устроено порядка. Даже въ Гельсингфорсѣ буржуазіи была оставлена слишкомъ большая свобода для интригъ. Обыски и аресты виновныхъ не производились достаточно энергично. Виновные контръ-революціонеры наказывались слишкомъ легко. Принудительный трудъ не примѣнялся во-время къ бездѣльничающимъ барамъ. Вѣроятно, было бы поступлено болѣе строго, если бы нашей сознательной цѣлью въ революціи было бы съ самаго начала поставлено учрежденіе рабочей диктатуры. Когда не было такой цѣли, то это внесло въ нашу дѣятельность опасную половинчатость, которая могла прибавить храбрости интригующей буржуазіи, въ то время какъ она, съ другой стороны, побудила присоединившіяся къ красной гвардіи анархистскіе элементы къ самовольному устройству частныхъ кровавыхъ расправъ, грабежей и пр., каковое отсутствіе дисциплины вызвало замѣшательство въ своихъ революціонныхъ рядахъ.

Отъ этихъ обстоятельствъ, конечно, не зависѣлъ въ Финляндіи несчастный конецъ революціонной борьбы. Пораженія нельзя было избѣжать, когда германское правительство присоединилось къ работѣ палача. Но если бы германское правительство не присоединилось, что произошло бы въ такомъ случаѣ? Этого мы навѣрное не знаемъ, но весьма возможно, что въ такомъ случаѣ окончательный исходъ борьбы могъ бы очень существенно зависѣть отъ того, примѣнялся ли революціонный порядокъ въ видѣ строгой и разсчитанной на болѣе долгое время диктатуры, или въ видѣ гуманной промежуточной ступени къ мирной гавани близкаго якобы демократизма,—значитъ, косвенно, по крайней мѣрѣ, частью отъ того, какое знамя или какой символъ выставляло соціаль-демократическое руководство революціоннымъ движеніемъ. Во всякомъ случаѣ, исходъ борьбы висѣлъ бы на волоскѣ.

Безъ сомнѣнія, на тактику и программу Совѣта Народныхъ Уполномоченныхъ и вообще финляндской соціаль-демократіи во время революціи вліяла въ извѣстной степени та точка зрѣнія, что необходимо было принимать во вниманіе симпатіи мелкобуржуазныхъ и крестьянскихъ слоевъ населенія, находящихся вблизи рабочаго класса, что не нужно было отталкивать ихъ, пугая соціализмомъ и рабочей диктатурой, но успокаивать и задабривать демократизмомъ и гуманностью. Это была парламентарная избирательная тактика, а не революціонная дѣятельность. Въ революціи мудрость этой тактики оказалась опасной ошибкой. Спокойныя и неувѣренныя симпатіи мелкобуржуазныхъ элементовъ не имѣли, да и не могли имѣть на ходъ борьбы значительнаго вліянія. Сила борьбы зависитъ всецѣло отъ рабочаго класса, отъ его пыла, энергіи и храбрости и отъ его довѣрія къ руководству революціей. Но пылъ рабочихъ скорѣе понижался, чѣмъ повышался лозунгомъ демократизма; онъ вызывалъ въ нихъ, безъ сомнѣнія, скорѣе чувство разочарованія, чѣмъ казался той цѣлью, ради которой рабочій могъ съ радостью пожертвовать даже жизнью. Ясные лозунги классовой диктатуры и соціализма могли бы совершенно

Иначѣ зажечь души рабочихъ. Они ясно чувствовали бы, что ихъ ведутъ въ борьбѣ дѣйствительно в п е р е д ъ, прямо къ ихъ величайшему историческому идеалу. И при видѣ того, что руководство революціей поступало бы съ буржуазіей именно съ той строгостью, съ какой во время кровавой классовой борьбы необходимо поступать съ врагомъ и угнетателемъ, который въ свою очередь по справедливости оказался угнетеннымъ,—при видѣ этого среди рабочей арміи укрѣпилось бы довѣріе къ находящимся въ руководящихъ центрахъ товарищамъ.

Пламенное довѣріе рабочихъ дороже золота для руководящей революціей рабочей партіи. Его нельзя растрачивать напрасно, если желаешь побѣды революціи, а не ея пораженія.

4. Логика бури.

Пролетарская революція — прежде всего большая организаціонная задача. Администрація должна быть организована въ аппаратъ классовой власти пролетаріата; пролетарская армія должна быть сдѣлана твердой опорой этой власти, а веденіе классовой войны должно быть сдѣлано побѣдоносно; въ то же время экономическая жизнь должна быть организована на почвѣ соціализма.

Тотъ богатый опытъ, который мы успѣли получить въ финляндской революціи при исполненіи этихъ организаціонныхъ задачъ, требуетъ своего особаго обсужденія, къ которому мы не имѣемъ намѣренія здѣсь приступать. Намъ слѣдуетъ здѣсь лишь констатировать то направленіе, по которому, какъ указалъ намъ опытъ, слѣдуетъ итти въ организаціонной работѣ пролетарской революціи.

Относительно организаціи правленія мы оказались на практикѣ на вѣрномъ пути, главнымъ образомъ, изъ-за всеобщей забастовки чиновниковъ. Невзирая на всю нашу демократическую ересь, все государственное и коммунальное правленіе оказалось въ рукахъ организованныхъ рабочихъ, такъ какъ прежніе чиновники почти повсюду объявили забастовку. Въ нѣкоторыхъ областяхъ небольшая часть изъ нихъ осталась на своихъ мѣстахъ, но вообще или съ цѣлью саботировать, или тайно помогать веденію войны бѣлогвардейцами,—напр., на желѣзныхъ дорогахъ, на почтѣ, на телеграфѣ и на телефонныхъ станціяхъ. Было бы, пожалуй, лучше, если бы и въ упомянутыхъ областяхъ были изгнаны немедленно всѣ тѣ служащіе, которые были извѣстны какъ сторонники буржуазныхъ партій, хотя изъ-за этого средства сообщенія и значительно пострадали бы, и, напр., дѣятельность телеграфа временно почти совершенно пріостановилась бы. Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ, пока продолжается настоящая фронтовая война, особенно опасно терпѣть на желѣзныхъ дорогахъ и въ телеграфномъ учрежденіи готовые на измѣнническія услуги элементы; телефонами же можетъ находящаяся въ тылу рабочаго фронта буржуазія пользоваться для цѣлей военной измѣны въ такой мѣрѣ, что вообще ихъ употребленіе на время открытой классовой борьбы было бы, пожалуй, лучше ограничить по возможности до минимума, такъ какъ вполнѣ дѣйствительнаго контроля относительно телефоновъ невозможно организовать.

Въ области организаціи производства всеобщая забастовка руководителей предпріятій и техниковъ также толкала органы революціоннаго движенія на желаемый рабочими путь, — на путь соціализаціи гораздо скорѣе и гораздо дальше, чѣмъ наша соціалъ-демократія въ иномъ случаѣ хотѣла бы еще итти. Прежде всего въ рукахъ организованныхъ рабочихъ оказались, конечно, казенныя и коммунальныя предпріятія, а вскорѣ так-

же и крупныя капиталистическія предпріятія,—между прочимъ, бумажныя и деревообрабатывающія фабрики, принадлежащія крупнѣйшему капиталистическому предпріятію страны, акціонерному обществу Кюмене. Вообще приведеніе въ дѣйствіе оставленныхъ капиталистами предпріятій не представило для рабочихъ непреодолимыхъ затрудненій. Впрочемъ, потребность въ технически образованныхъ руководящихъ силахъ при организаціи промышленности, безъ сомнѣнія, чувствовалась бы позже гораздо сильнѣе, чѣмъ вначалѣ; но какъ ни незначительны были въ этомъ отношеніи находящіяся въ распоряженіи рабочаго класса вспомогательныя силы, опытъ все же указалъ съ достаточной ясностью, что финляндскій рабочій классъ былъ бы въ состояніи организовать производство страны. Изъ большинства фабрикъ, пущенныхъ въ ходъ рабочей властью, сообщалось черезъ нѣкоторое время, что успѣхъ былъ лучше, чѣмъ заранѣе можно было предполагать.

Напротивъ, въ организаціи самой классовой войны и красной арміи проявились ошибки, непослѣдовательности и недостатки, вытекающіе въ значительной части изъ недостатка опыта и техническаго искусства, но частью и изъ того, что на самую организацію борьбы не было обращено достаточно серьезнаго вниманія. Подготовка прежде вступленія въ борьбу не была старательной, цѣлесообразно подготовленной и энергичной. Даже арестъ вождей буржуазіи не подготовлялся заранѣе, и въ этомъ отношеніи даже во время классовой войны не было достигнуто никакой систематичности. Красная армія составлялась вначалѣ исключительно изъ добровольно объявлявшихся организованныхъ рабочихъ; потомъ въ нее допускались и неорганизованные рабочіе, мѣстами ихъ и обязывали вступать въ нее, и, наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ осуществлялась всеобщая воинская повинность, причемъ и представители буржуазіи посылались съ винтовкой въ рукахъ на фронтъ. Повидимому, было бы цѣлесообразнѣе произвести уже вначалѣ наборъ среди всего пролетаріата, принимая изъ него въ армію или всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ, или принадлежащихъ къ опредѣленнымъ возрастнымъ группамъ. Жалованье въ арміи, которое равнялось вышесредней заработной платѣ, не слѣдовало устанавливать столь высокимъ. (Общественныхъ работъ для безработныхъ не слѣдовало вообще устраивать до тѣхъ поръ, пока въ красную армію требовались люди). Продовольствіе красной арміи было, пожалуй, поставлено удовлетворительно, но недостатокъ обуви былъ великъ, а также отчасти и недостатокъ одежды. Перевозка, храненіе и аккуратная доставка на мѣста оружія и военныхъ припасовъ были, особенно вначалѣ, плохо организованы, да и потомъ не успѣли организовать этого дѣла удовлетворительнымъ образомъ. Всего болѣе, пожалуй, страдала недостатками военная развѣдка. Устройство для этого особыхъ развѣдочныхъ отдѣленій въ тылу фронта было явной ошибкой; заботы подобныхъ отдѣленій могли лишь мѣшать военнымъ дѣйствіямъ и быть для нихъ опасными. То обстоятельство, что посредствомъ самихъ находящихся на фронтахъ отрядовъ не было организовано развѣдочной дѣятельности, удовлетворяющей хотя бы самымъ умѣреннымъ требованіямъ, находилось явно въ связи съ самымъ большимъ недостаткомъ, отъ котораго страдала наша красная армія. Это былъ недостатокъ способныхъ, надежныхъ, аккуратныхъ и вышколенныхъ начальниковъ. Уже и прежде не имѣлось вышколенныхъ силъ, такъ какъ страна была долгое время безъ своего войска; лишь небольшое количество бывшихъ унтеръ-офицеровъ имѣлось въ распоряженіи рабочаго класса. Даже неполная подготовка офицеровъ до революціи оказала бы, навѣрное, большую пользу борьбѣ, но такой подготовки не было организовано тогда, да не особенно и потомъ, во время революціи. Зависѣло прямо-таки въ рискованной мѣрѣ отъ случая, какой

человѣкъ попадалъ на какое-либо мѣсто начальника. Попадали, правда, и хорошіе люди, многіе вполнѣ превосходные люди, которые въ теченіе короткаго времени посредствомъ опыта поднимались на уровень своей большой задачи и создавали изъ своихъ отрядовъ образцовые отряды. Но вмѣстѣ съ другими попадали также и непригодные къ своему дѣлу и отчасти негодные элементы на мѣста начальниковъ и въ штабы; правда, среди нихъ вообще не было измѣнниковъ, но часто были все же большіе болтуны, которые никогда и прежде не годились ни на какую порядочную организаціонную или руководящую дѣятельность, и которые и теперь не годились на это, хотя во время всеобщаго броженія и поднялись на поверхность. Если бы выращенные нашимъ рабочимъ движеніемъ опытные организаторы стремились бы тогда больше и съ большимъ пыломъ принимать участіе въ военномъ руководствѣ и организаціонной работѣ, а не избѣгали бы ее, какъ часто случалось, то, безъ сомнѣнія, руководство классовой войной съ нашей стороны было бы лучше организовано. Тогда не могла бы посѣять столько недовѣрія къ военному руководству та провокаторская возбудительная работа, которую буржуазія вызывала въ нашихъ рядахъ посредствомъ нанятыхъ пособниковъ. Такая возбудительная работа явно является въ классовой войнѣ въ рукахъ буржуазіи самымъ коварнымъ и опаснымъ противосредствомъ, и чѣмъ больше среди начальниковъ находится поднявшихся лишь во время революціи на поверхность элементовъ, прошлое которыхъ неизвѣстно, тѣмъ больше могутъ массы во время неудачъ начать подозрѣвать начальниковъ, какъ измѣнниковъ.

Въ общемъ руководствѣ классовой войной было также явно съ нашей стороны много поводовъ для критики. То обстоятельство, что вначалѣ не наступали энергичнѣе и дальше, обусловливалось, правда, въ существенной мѣрѣ недостаткомъ оружія, хотя и не только этимъ. Потомъ, когда оружіе было получено, не было достаточно обученнаго войска; имѣвшіяся въ распоряженіи недѣли не были энергично использованы для составленія и обученія новыхъ отрядовъ, такъ какъ вначалѣ не имѣлась въ виду подготовка къ болѣе долгой продолжающейся нѣсколько мѣсяцевъ классовой войнѣ. Разумнаго раздѣленія труда между отрядами не было достигнуто. Большей частью наши войска сражались все время безъ резервовъ, что вскорѣ оказалось для нихъ и утомительнымъ, и опаснымъ. Наши фронты вообще сдерживали хорошо наступленіе непріятеля, но изъза недостатка резервовъ и особыхъ ударныхъ батальоновъ мы сами не были способны предпринимать сильныхъ наступленій. Когда мы на нашемъ сѣверномъ фронтѣ продолжали болѣе долгое время попытки наступленія, то тамъ, на сѣверъ отъ Таммерфорса, образовался въ нашемъ фронтѣ большой и опасный изгибъ, фланги котораго оставались почти совсѣмъ незащищенными. Этотъ изгибъ требовалъ въ 5—6 разъ больше силъ, чѣмъ требовалъ бы на сѣверной сторонѣ Таммерфорса выпрямленный, твердый оборонительный фронтъ. Такая тактическая ошибка скоро отмстила за себя. Фланговое наступленіе бѣлыхъ вызвало въ находящихся въ концѣ изгиба слишкомъ утомленныхъ отрядахъ замѣшательство и отступленіе въ такомъ безпорядкѣ, что непріятелю было легко окружить Таммерфорсъ и перенести фронтъ на южную сторону этого города.

Безъ сомнѣнія, при этомъ настроеніе нашихъ войскъ было уже удручено тѣмъ извѣстіемъ, что германское правительство пришло на помощь финляндской буржуазіи, пославъ для начала военныя суда на Аландскіе острова, чтобы поддержать перевозку оружія и вспомогательныхъ отрядовъ въ Финляндію. Съ Аландскихъ острововъ была также потомъ подготовлена совмѣстная высадка нѣмецкихъ и финляндскихъ бѣлогвардейцевъ въ Ганге, въ нашъ тылъ. Русскіе офицеры позаботились, со своей стороны, о томъ, чтобы на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ въ Ганге, такъ же,

какъ и на Аландскихъ островахъ, пришельцамъ не было оказано никакого сопротивленія: русскіе защитники были уведены прочь, а въ руки финляндскихъ революціонеровъ не было дано укрѣпленій. Эта высадка, противъ которой нехватило болѣе нашихъ войскъ, сдѣлала положеніе Гельсингфорса явно опаснымъ, а оборону всей юго-западной Финляндіи безнадежной. Немедленно было приступлено къ эвакуаціи юго-западной Финляндіи съ цѣлью отступленія на востокъ,—напр., на линію рѣки Кюмене. Но тогда оказалось, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ непріятель не наступалъ, было трудно заставить наши войска отступить. При задержкѣ нашей эвакуаціи и отступленія непріятель собралъ большія наступательныя силы въ восточную Финляндію, чтобы затруднить наше отступленіе въ Россію. Отразить наступленіе этихъ международныхъ бѣлогвардейскихъ силъ стало для насъ во второй половинѣ апрѣля невозможно. И когда нашъ фронтъ въ Кареліи былъ прорванъ, то наибольшая часть нашей красной арміи оказалась окруженной. Навѣрно только около 4—5-ти тысячъ изъ всей нашей революціонной арміи пробилось въ Россію.

Финляндская буржуазія просила сначала помощи у шведскаго правительства. Она и получала все время изъ Швеціи оружіе и военные припасы, но сдѣлки о настоящемъ военномъ вмѣшательствѣ со шведскимъ правительствомъ по той или иной причинѣ заключить не удалось. Вмѣсто того шведское правительство пыталось во время революціи захватить принадлежащіе Финляндіи Аландскіе острова. Позднѣе, когда пораженіе нашей красной арміи могло изъ Швеціи казаться уже неизбѣжнымъ, и оставалось лишь исполнить прямую работу палача, Швеція отправила свою «черную бригаду» къ Таммерфорсу, чтобы пить кровь революціонныхъ рабочихъ. Это обстоятельство, кажется, нисколько не мѣшало шведскимъ правительственнымъ соціалистамъ остаться вѣрными лакеями буржуазныхъ партій и правительства своей страны. До прибытія черной бригады къ намъ въ Гельсингфорсъ прибыла официозная делегація шведскихъ правительственныхъ соціалистовъ, отъ имени которой секретарь партіи Мёллеръ объяснилъ, что побѣда финляндской революціи оказала бы большой вредъ дѣлу международной демократіи... Международные соціалъ-предатели боялись, слѣдовательно, уже и нашей революціи, боялись, что распространяющійся вмѣстѣ съ ней огонь могъ опалить перья перинъ, приготовленныхъ имъ буржуазіей. Теперь, послѣ происшедшаго, намъ кажется скорѣе угрожавшей та возможность, что побѣда нашей революціи могла бы, пожалуй, своей демократической программой спутать вначалѣ въ сосѣднихъ странахъ понятія рабочихъ о великихъ задачахъ пролетарской революціи.

Но побѣда оказалась еще на этотъ разъ на сторонѣ насилія капитала. Германскій имперіализмъ услышалъ мольбы финляндской буржуазіи и взялся проглотить молодую независимость ея отечества, только-что полученную по просьбѣ финляндскихъ соціалистовъ въ даръ отъ Россійской Соціалистической Совѣтской Республики. Финляндскую буржуазію ни на минуту не упрекало національное чувство и не страшило рабское ярмо чужого имперіализма, когда ея отечество угрожало превратиться въ отечество трудящагося народа. Скорѣе буржуа постарались бросить весь свой народъ на добычу нѣмецкаго мірового разбойника, прося себѣ лишь скромное мѣсто надсмотрщика за рабами.

Они получили это мѣсто и получили кнутъ въ свои руки. И никогда въ мірѣ кровавымъ кнутомъ не размахивали съ болѣе ужасной звѣрской страстью, чѣмъ теперь, во время террора надсмотрщика Свинхувуда, размахиваютъ въ Финляндіи непрестанно, со дня на день вотъ уже шестой мѣсяцъ. Сладострастіе мести финляндской буржуазіи потребовало

послѣ революціи гораздо больше смертныхъ жертвъ изъ числа беззащитныхъ плѣнныхъ, чѣмъ потребовала отъ рабочихъ жестокая классовая война, продолжавшаяся цѣлыхъ три мѣсяца. Систематической массовой рѣзней нашихъ товарищей финляндская бѣлогвардейская власть какъ-будто старалась указать съ потрясающей нервы рѣзкостью рабочимъ всѣхъ странъ, какая вакханалія мести можетъ и имъ угрожать, если они, завладѣвъ властью, не подчинятъ немедленно буржуазію своей страны своей желѣзной диктатурѣ, но будутъ по отношенію къ своимъ классовымъ врагамъ, находящимся какъ на свободѣ, такъ и въ тюрьмѣ, руководствоваться той же сентиментальной гуманностью, какой руководствовалось наше революціонное правительство въ Финляндіи. Кромѣ массовой рѣзни, финляндская буржуазія съ самаго начала пользовалась, какъ средствомъ мести, убійствомъ плѣнныхъ массами посредствомъ голода. Это, повидимому, самая сладострастная месть богобоязненнаго монархистскаго акціонернаго капитала: когда рабочіе, которые вообще съ гордостью чувствовали, что они являются создателями и настоящими владѣльцами всѣхъ богатствъ, теперь въ тюрьмѣ корчатся въ судорогахъ голода, синѣютъ, и одинъ за другимъ испускаютъ духъ, то, видя это, элегантный владѣлецъ акціонернаго капитала лучше всего перевариваетъ жиры, возбуждаетъ свой аппетитъ и наслаждается своей сверхчеловѣческой властью... Наслаждается такъ много, что на этотъ разъ почти совсѣмъ забываетъ, какъ вообще всѣ мошенники, что живая рабочая сила еще нужна... пока какой-нибудь частный капиталистъ, какъ, напр., баронъ Линдеръ, не пробудится съ похмелья, видя, что его помѣстья и фабрики остаются совершенно безъ рабочихъ силъ, скажетъ похмельную истину: «это безчестно!»—и призоветъ своихъ свинхувудскихъ сотрапниковъ къ большей умѣренности въ наслажденіи местью.

Капиталистическій рай въ Финляндіи былъ теперь болѣе или менѣе готовъ и законченъ. Недоставало лишь позолоченной короны. Да и она уже заказана, извѣстпаго нѣмецкаго изготовленія... въ филіальномъ отдѣленіи Гогенцоллерновъ, въ Гессенѣ, по указаніямъ Вильгельма-мастера.

Наканунѣ того дня, когда сеймъ финляндскихъ палачей выбралъ себѣ короля, исторія погрозила пальцемъ бога мести. Въ Болгаріи и на французскомъ фронтѣ раздался уже похоронный звонъ міровому господству германскаго имперіализма. Но финляндскіе монархистскіе дураки и теперь еще не поняли, что слѣдуетъ отступить. Имъ хотѣлось разбить свою голову объ стѣну. Въ тѣмъ болѣе плачевномъ видѣ мы увидимъ ихъ, пожалуй, вскорѣ, когда они будутъ ползать на колѣняхъ передъ англійскимъ имперіализмомъ, до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не прогонитъ и англійскаго разбойника. И пусть это тогда произойдетъ такъ быстро, что финляндскія свиньи упадутъ отъ страха на спину, и чортъ уберетъ своихъ челядь, шутовъ и шутовского короля въ свою вѣчную монархію.

Финляндское рабочее движеніе было прошлой весной разбито на части и въ своемъ прежнемъ видѣ оно больше не поднимется. Иступившійся топоръ былъ брошенъ въ горнило исторіи для переплавки, и теперь мы видимъ, что изъ него вышла свѣтлая сталь коммунизма. Ржавчина и шлакъ выплыли изъ него на поверхность какъ въ Финляндіи, такъ и въ Россіи. Въ Финляндіи шайка соціалъ-демократическихъ измѣнниковъ подъ руководствомъ бывшаго сенатора Таннера выступила на сцену, голая и не стѣсняющаяся, чтобы продавать свои изношенныя добродѣтели для удовлетворенія «прогрессивной» буржуазіи. «Товарищъ» Токой вмѣстѣ съ актеромъ А. Орьятсало и нѣкоторыми другими поѣхалъ на гастроли на архангельскую ярмарку, гдѣ эта труппа даетъ теперь плачевный фарсъ для удержанія заблудившагося финляндскаго легіона въ рядахъ

англійскаго имперіализма. Отъ неисправимыхъ соціалъ-демократовъ и бюрократовъ стараго профессіональнаго движенія, которые даже въ Россіи ничему не научились, мы отдѣлились окончательно на совѣщаніи, состоявшемся въ Москвѣ въ концѣ прошлаго августа. Послѣ этого была основана Финляндская Коммунистическая Партія на основаніи слѣдующихъ принципіальныхъ директивъ:

«1. Рабочій классъ долженъ энергично готовиться къ вооруженной революціи и отнюдь не стремиться къ той старой парламентарной, профессіональной и кооперативной борьбѣ, на позиціи которой стояли и финляндскія рабочія организаціи до революціи.

2. Лишь такое рабочее движеніе и такую дѣятельность, насчетъ которыхъ имѣются гарантіи того, что они способствуютъ распространенію коммунизма и побѣдѣ будущей соціалистической революціи, должно признать и слѣдуетъ оказывать такому движенію и такой дѣятельности энергичную поддержку; на иной позиціи стоящую дѣятельность среди рабочихъ слѣдуетъ рѣзко осуждать, разоблачать и противодѣйствовать ей.

3. Посредствомъ революціи слѣдуетъ взять въ собственныя руки рабочаго класса всю власть и основать желѣзную пролетарскую диктатуру; слѣдуетъ, значитъ, стремиться къ уничтоженію буржуазнаго государства, а отнюдь не къ демократизму ни до революціи, ни посредствомъ революціи.

4. Посредствомъ пролетарской диктатуры долженъ быть созданъ коммунистическій общественный строй черезъ конфискацію всей земли и капиталистической собственности, и посредствомъ собственной дѣятельности рабочаго класса должны быть организованы все производство и раздѣлъ продуктовъ,—слѣдовательно, нельзя ни посредствомъ революціи, ни до нея стремиться подчинять капиталистическую систему эксплоатаціи, для того лишь, чтобы она приняла болѣе терпимый видъ.

5. Возникновенію рабочей международной революціи и ея побѣдѣ необходимо содѣйствовать возможно энергичнѣе, и всѣми силами необходимо поддерживать Соціалистическую Совѣтскую Республику Россійскаго пролетаріата».

Этому мы научились изъ тяжелаго опыта борьбы и изъ великаго примѣра русскаго пролетаріата.

Мы понимаемъ теперь, что основой марксистской тактики является то, что въ каждый моментъ необходимо правильно учитывать историческое положеніе и потомъ въ указываемыхъ имъ рамкахъ наступать возможно дальше впередъ. Въ то время, когда не имѣется историческихъ предпосылокъ для революціи, попытка революціи противорѣчитъ марксистской тактикѣ. Особенно эмигранты послѣ потерпѣвшей пораженіе революціи впадали много разъ на свѣтѣ въ ту ошибку, что съ закрытыми глазами готовили новую попытку революціи въ то время, когда исторія отняла у нея предпосылки. Такихъ импровизаторовъ революціи и такое революціонное дурачество Марксъ бичуетъ жестоко въ своихъ сочиненіяхъ. Тогда же, когда мы въ исторіи оказываемся въ революціонномъ періодѣ, когда кажется, что имѣются возможности для вспышки революціи, когда кажется, что она «приближается», какъ теперь вообще въ Европѣ, тогда задерживаніе или бездѣятельность относительно будущей революціи должны быть съ марксистской точки зрѣнія строго осуждены. Тогда рабочее движеніе должно стремиться къ революціи, серьезно подготовляться къ ней, а не стремиться избѣжать ее прочими хлопотами.

Сообразно съ этимъ мы хотимъ теперь дѣйствовать какъ въ Финляндіи, такъ и въ Россіи, и вообще гездѣ тамъ, гдѣ наши молодыя силы могутъ потребоваться на пользу международной революціи. Въ Россіи бли-

жайшей и важнѣйшей задачей нашей партіи является организовать въ хорошій видъ надежные и сознательные финляндскіе отряды красной арміи. Въ этомъ отношеніи наши теперь уже бодро дѣйствуютъ.

Въ адресованномъ товарищу Ленину открытомъ письмѣ нашъ партійный съѣздъ заявилъ, что онъ можетъ сказать русскимъ товарищамъ: «Финляндскіе коммунисты пойдутъ съ радостью въ огонь, хотятъ участвовать въ наступленіи, когда крѣпости капитализма будутъ взяты и разрушены; финляндскіе коммунисты считаютъ для себя унизительнымъ оставаться въ тылу, когда пролетаріи всѣхъ странъ завоевываютъ міръ».

О. Куусиненъ.

Польша и пролетаріатъ.

«Польскій вопросъ» сталъ на очередь дня съ самаго начала войны. Это было неожиданностью для дипломатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ развитіе капитализма обострило борьбу классовъ среди польскаго общества, господствующій классъ, руководствуясь своимъ классовымъ интересомъ, становился ультралойяльнымъ по отношенію къ Романовымъ, къ Габсбургамъ, къ Гогенцоллернамъ. Повстанческая идеологія, идеологія національной борьбы противъ ига завоевателей, исчезала.

Слѣдовательно, для хищническихъ государствъ, растерзавшихъ Польшу, съ этой стороны не грозила опасность, а для политики остальныхъ державъ Польша не могла быть активнымъ факторомъ. Но въ тотъ моментъ, когда три хищника подрались между собой, когда растерзанная ими Польша стала ареной кровавой бойни, вспомнили, что польскій народъ, несмотря на дружныя до тѣхъ поръ усилія обрусителей, съ одной стороны, и германизаторовъ—съ другой, живетъ, и его въ могилу свести не удалось.

Началась лживая, подлая и, въ концѣ-концовъ, удивительно глупая демагогія по отношенію къ полякамъ. Въ первую очередь вели ее доблестные полководцы, натравливая поляковъ противъ своихъ противниковъ. Трудно рѣшить, что было болѣе противно—воззванія пресловутаго Николая Николаевича или воззванія Гинденбурга, что было смѣшнѣе—брошюры, на оболочкѣ которыхъ красовались Вильгельмъ, римскій папа и ченстоховская Богородица, или приторная панславистская декламація.

А польскому народу пришлось переживать самыя ужасныя, чудовищныя страданія. Рабочій изъ Познани, ненавидящій до глубины души нѣмецкое правительство, по приказу этого правительства убивалъ своего брата, рабочаго изъ Варшавы; крестьянинъ изъ Царства Польскаго, испытавшій всю мерзость русскаго царизма, во имя интересовъ этого царизма жегъ хижины своего брата въ Галиціи. Этотъ кровавый кошмаръ развращалъ сердца и умы, и не было спасенія: желѣзная дисциплина вражескихъ арміи топтала въ грязь всѣ чувства. «Бей нѣмца!», «Бей москаля!»—раздавалось со стороны бѣшеныхъ заправилъ, и штыкъ вонзался въ грудь своего же брата,—дословно, иногда своего кровнаго брата, ибо въ пограничныхъ полосахъ очень часто одна часть семьи жила въ русскомъ, другая—въ прусскомъ или австрійскомъ подданствѣ.

Уму непостижимо, что могли найтись поляки, которые съ дикимъ остервенѣніемъ во имя извращенныхъ политическихъ идей участвовали въ этой травлѣ.

Еще позорнѣе, что среди этихъ окаянныхъ явились люди, именующіе себя польскими «соціалистами», извращая и соціализмъ, и народное чувство. Господа Дашинскіе и Пилсудскіе, участвуя въ образованіи «польскихъ легіоновъ» и пособляя германскому имперіализму, совершали преступленіе самое ужасное, какое было совершено въ этой преступнѣйшей

изъ войнъ. Несчастная молодежь, которая во имя извращеннаго, уродливо настроеннаго патріотизма пошла за ними, поплатилась за это трагическимъ образомъ.

Разразилась революція въ Россіи, и для польскаго патріота не могло быть сомнѣнія, гдѣ его мѣсто. Еще въ 1863 г., во время возстанія, которое носило характеръ шляхетскій, повстанцы шли противъ русскихъ войскъ подъ знаменами съ надписью: «За нашу свободу и вашу!» Теперь же польскимъ легіонамъ приказывали сражаться во имя интересовъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, злѣйшихъ враговъ польскаго народа, противъ революціонной русской арміи, убивать своихъ польскихъ братьевъ въ этой арміи. Легіонеры поняли ужасъ своего положенія, и весной 1918 г. одна изъ частей легіоновъ, стоявшая въ Буковинѣ, попыталась перейти на сторону революціонной арміи; ее окружили нѣмецкими полками и истребили артиллерійскимъ огнемъ.

Единственное утѣшеніе въ этихъ ужасахъ то, что польскій пролетаріатъ остался чистъ и вѣренъ своей идеѣ,—идеѣ революціи. Ни царская, ни прусская демагогія не соблазнила сознательныхъ рабочихъ Польши, а только углубила ихъ революціонность. Польскій пролетаріатъ не могъ въ началѣ войны предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это была физическая невозможность: съ голыми руками не пойдешь противъ пушекъ и пулеметовъ. А потомъ, когда Галиція и Царство Польское обагрились кровью и покрылись развалинами городовъ и деревень, пролетаріатъ Польши оказался разсѣяннымъ и разбросаннымъ по Европѣ, отъ Соммы до Урала. Царское правительство эвакуировало значительную часть польской промышленности, и сотни тысячъ польскихъ рабочихъ разселялись по Россіи; потомъ остатки промышленныхъ заведеній въ Польшѣ были расхищены нѣмецкими властями, часть польскихъ рабочихъ была принуждена итти въ Германію на заработки, часть погнали туда же силой; десятки тысячъ томятся до сихъ поръ въ концентраціонныхъ лагеряхъ Германіи и Австріи, а сотни тысячъ насильно держатъ на рабскихъ работахъ въ Германіи. Исполняя свой пролетарскій долгъ, эти польскіе рабочіе участвовали въ революціонной борьбѣ въ Россіи; ихъ кровь лилась на улицахъ Петрограда и Москвы и льется до сихъ поръ въ рядахъ красной арміи, часть которой, далеко не изъ худшихъ, они составляютъ. Въ Германіи же польскіе рабочіе недаромъ считаются опасными «бунтовщиками», противъ которыхъ нѣмецкіе власти, фабриканты и помѣщики принимаютъ самыя крутыя мѣры. Наконецъ, въ Польшѣ оккупаціонныя власти не могутъ покорить рабочихъ, которые, несмотря на ужасающее положеніе, на голодъ и безработицу, отстаиваютъ свои права, бастуютъ и демонстрируютъ, не боятся угрозъ, не боятся «доблестной» арміи, держащей наготовѣ пулеметы, не боятся военнаго суда и расправы. Подпольная организація, которая сумѣла устоять противъ царской охраны, не думаетъ сдаваться передъ германской охранкой. «Червоны Штандаръ» («Красное Знамя»), испытанный органъ революціонной соціалъ-демократіи, печатается вопреки всѣмъ усиліямъ полевой жандармеріи и «національной» полиціи. Больше того: въ это самое тяжелое время появился новый органъ, предназначенный для агитаціи въ деревнѣ. Тысячи рабочихъ, лишившись заработка въ городѣ, отправились въ деревни и агитируютъ среди сельскихъ рабочихъ.

Вотъ та работа, которой отдался польскій пролетаріатъ,—тяжелая работа строительства будущаго. Въ станѣ польской буржуазіи получается иная картина. Тутъ пошелъ какой-то кошмаръ политическихъ прыжковъ, увертокъ, лжи и фальши. Трекратная лояльность крупной буржуазіи и помѣщиковъ была подвергнута тяжелому испытанію, а разношерстная мелкобуржуазная мелюзга до сихъ поръ мечется въ истерикѣ, записки-

етъ, дѣлаетъ черную работу по приказу имперіалистическихъ хищниковъ и въ концѣ всѣхъ своихъ затѣй собираетъ щощечины и плевки.

Въ польскихъ земляхъ подъ русскимъ владычествомъ нетрудно было царскому правительству въ началѣ войны вызвать среди буржуазныхъ слоевъ самое ожесточенное антигерманское настроеніе. Въ послѣдніе годы до войны германизаторскія преслѣдованія въ польскихъ земляхъ, подвластныхъ Пруссіи, дошли до крайнихъ предѣловъ, и каждый ударъ, наносимый прусскимъ кулакомъ полякамъ въ Познани, вызывалъ протестъ въ Варшавѣ. Этому естественному чувству національной солидарности шли навстрѣчу очень реальные матеріальные интересы. Развитіе капитализма въ Польшѣ привлекло туда значительное число крупныхъ и мелкихъ нѣмцевъ-капиталистовъ. Но въ послѣднія десятилѣтія польскій помѣщичій классъ терялъ почву подъ ногами. Обанкротившійся помѣщикъ, спасая маленькій капиталецъ, стремился пристроиться въ городѣ, шелъ въ торговлю и промышленность, и, естественно, между этой новой польской буржуазіей, съ одной стороны, и еврейскими и нѣмецкими купцами и фабрикантами—съ другой, шла острая борьба. Война оказалась средствомъ избавиться отъ ненавистныхъ нѣмецкихъ конкурентовъ и отомстить имъ. Дѣйствовало и то, что царская армія требовала громаднаго количества всякихъ продуктовъ; для крупныхъ и мелкихъ аферистовъ-поставщиковъ настали золотыя времена, а барышъ всегда опредѣляетъ симпатіи буржуя и буржуйчика. Обыватель позабылъ о ненависти къ «москалямъ» и лобызался съ офицерами, кутилами и казнокрадами. Шла бѣшеная вакханалія наживы и политической мерзости. Голодный, распущенный, озлобленный солдатъ безчинствовалъ, буянилъ, грабилъ деревни, рѣзалъ «жидовъ»; народныя массы страдали невыразимо, а верхніе слои бѣсились отъ жиру и проституировались политически.

Другая картина въ Галиціи. Въ этой странѣ промышленнаго пролетаріата почти нѣтъ, но тѣмъ больше тамъ бѣдноты, тѣмъ больше деклассированныхъ по городамъ. Этимъ объясняется въ значительной части тактика соціалистической партіи: къ ней идутъ рабочіе, ремесленники, но больше всего именно разношерстная масса людей непристроенныхъ; она является партіей всѣхъ «недовольныхъ правительствомъ». Поэтому она, съ одной стороны, должна вести крикливую агитацію, жить скандалами (что въ государствѣ Габсбурговъ, которое является само по себѣ сплошнымъ скандаломъ, не особенно трудно),а съ другой—является воплощеніемъ оппортунизма. Германофобія, вызванная преслѣдованіемъ поляковъ въ Пруссіи, о которой мы сейчасъ говорили, сказывалась въ Краковѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ, и соціалистическая партія въ этомъ направленіи пустилась въ азартъ. Такъ, она приняла самое живое участіе и чуть не руководящую роль въ устройствѣ празднованія пятисотой годовщины битвы подъ Грюнвальдомъ (тамъ въ 1410 году былъ разбитъ на-голову польками и литовцами прусскій рыцарскій орденъ), которое явилось не чѣмъ инымъ, какъ демонстраціей противъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ пошлаго шовинизма и націонализма. Съ тѣхъ поръ партія конкурировала по части германофобіи съ мелкобуржуазными партіями и побила рекордъ. И вдругъ та же партія въ началѣ войны является пособникомъ нѣмецкаго имперіализма. Въ одно мгновеніе исчезаетъ ненависть къ нѣмцамъ, и партія призываетъ польскій народъ сражаться за побѣду германскихъ полчищъ, клеймитъ позорнымъ каждаго, кто не признаетъ этого лозунга. Ясно, что эти люди руководствовались патріотическими стремленіями, мечтали о возстановленіи «независимой Польши»! Но ясно также, что не было и быть не могло какихъ-либо конкретныхъ возможностей осуществить эту цѣль побѣдой германскаго имперіализма надъ русскимъ. Тутъ вполнѣ примѣнимы слова Наполеона: «Это

хуже преступленія,—это политическая ошибка». Только въ данномъ случаѣ ошибка прямо чудовищная, являющаяся полнымъ абсурдомъ. И за эту ошибку, какъ было сказано, поплатились кровью тысячи людей, которыхъ партія вовлекла въ авантюру легіоновъ.

Тамъ была трагедія, но на почвѣ Галиціи дополнилъ ее подло бѣнальный фарсъ. Сыграли его мелкобуржуазныя партіи, которыя наравнѣ съ соціалистической партіей призывали противъ «москалей», но въ моментъ, когда царскія войска заняли Галицію, открыли свое «славянское» сердце, подличали передъ Бобринскимъ съ компаніей, чтобы послѣ ухода этихъ войскъ подличать вновь передъ Вильгельмомъ и Габсбургомъ. И все это дѣлается во имя польскаго патріотизма. Объ этомъ политическомъ сбродѣ и говорить противно.

Наконецъ, польскія земли подъ прусскимъ владычествомъ. Здѣсь слѣдуетъ различать двѣ совершенно разныя по своему соціальному строенію страны: польскую Силезію, съ одной стороны, и провинціи Познань и Западную Пруссію—съ другой.

Силезія была оторвана отъ Польши уже въ XIV вѣкѣ. Господствующій классъ (магнаты-помѣщики и буржуазія) онѣмечился вполнѣ, но народныя массы остались польскими; онѣ говорятъ на польскомъ языкѣ [1]) (въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ отвратительно испорченномъ нѣмецкимъ налетомъ) и являются чистокровными поляками. Благодаря богатѣйшимъ залежамъ каменнаго угля и желѣзной руды въ странѣ развилась крупная промышленность. Но польскіе углекопы и заводскіе рабочіе, эксплоатируемые нѣмецкими магнатами, являются чрезвычайно отсталымъ элементомъ, надъ которымъ до сихъ поръ вполнѣ господствуетъ польское духовенство. Аграрныя отношенія самыя тяжелыя: крестьяне бѣдны и закабалены нѣмецкими помѣщиками-магнатами, имѣется многочисленный классъ сельскихъ пролетаріевъ-батраковъ.

Познань и Западная Пруссія являются провинціями почти чисто-аграрными. Отличительными ихъ чертами является тяжелая, ожесточенная національная борьба между поляками и нѣмцами. Въ городахъ этихъ западныхъ окраинъ Польши еще во время существованія польскаго государства преобладалъ нѣмецкій элементъ. Средневѣковое, сильное своимъ экономическимъ строемъ мѣщанство Германіи стремилось колонизовать Востокъ, а польскіе короли и вельможи привѣтствовали эту колонизацію, ибо колонисты являлись отличными плательщиками налоговъ и податей, обогащали не страну, какъ принято выражаться, а властелиновъ страны. Благодаря сословному строю польской «Рѣчи Посполитой» это нѣмецкое мѣщанство, пользуясь привилегіями и автономіей, сохраняло свою національность. Болѣе богатые города, Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ), являлись почти чисто-нѣмецкими; въ другихъ, какъ Познань, Гнѣзно, нѣмецкій элементъ преобладалъ. Когда послѣ раздѣла Польши эти провинціи попали подъ владычество Пруссіи, нѣмецкое мѣщанство, конечно, явилось привилегированнымъ элементомъ. Но въ послѣднія двадцать пять лѣтъ эти города «ополячиваются»: польскій элементъ начинаетъ вытѣснять нѣмецкій. Пошляки-публицисты, бѣсноватые германизаторы, не находятъ иного объясненія, кромѣ «польской интриги», которая сумѣла, несмотря на грандіозное могущество германской державы, развратить благодушныхъ нѣмецкихъ обывателей. Конечно, это чистый вздоръ, и интересное явленіе объясняется иначе. Дѣло въ томъ, что, какъ во всѣхъ странахъ капиталистическаго строя, города этихъ провинцій растутъ быстро за счетъ деревни; но эта деревня была и осталась польской и потому

---

[1]) Утвержденіе, будто существуетъ особый языкъ Силезіи, является пошлой выдумкой услужливыхъ нѣмецкихъ профессоровъ.

шлетъ въ городъ польскаго пролетаризованнаго крестьянина. Этотъ пришлый деревенскій элементъ не только давитъ на нѣмецкій своей численностью, но и вытѣсняетъ его. Эти польскіе рабочіе являются кліэнтеллой польскаго лавочника, трактирщика, ремесленника, ибо, совершенно естественно, они идутъ туда, гдѣ могутъ объясняться на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ, начало зарождаться, быстро расти и крѣпнуть польское «среднее сословіе». Оно вытѣсняетъ нѣмцевъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе легко бросаютъ города, въ которыхъ въ виду этой конкуренціи жизнь становится незаманчивой, и эмигрируютъ на Западъ. Вотъ почему города, какъ Познань и Торунь, являются теперь болѣе польскими, чѣмъ они были въ то время, когда попали подъ прусское владычество. По деревнямъ нѣмецкаго населенія гораздо меньше. Происходила колонизація крестьянъ въ прежніе вѣка, но крестьяне-нѣмцы всасывались польской средой, и только тамъ, гдѣ они сидѣли сплоченной массой, сохранялись небольшіе острова нѣмецкаго элемента. Но начиная съ 1886 г., прусское правительство начинаетъ проводить систематически колонизацію этихъ провинцій нѣмцами. Была создана комиссія, которая покупаетъ на государственныя деньги землю у польскихъ помѣщиковъ и крестьянъ и перепродаетъ ее нѣмцамъ; послѣднимъ шагомъ было принудительное отчужденіе земель поляковъ для передачи ихъ нѣмцамъ.

Нетрудно вообразить, до чего такая политика обострила отношенія между нѣмецкимъ и польскимъ населеніемъ, какая страшная ненависть была создана, какая идетъ борьба. Въ этой борьбѣ, несмотря на всѣ усилія правительства, экономическій перевѣсъ оказался на сторонѣ поляковъ. Въ городахъ польская буржуазія оттѣсняетъ нѣмцевъ. Въ деревняхъ нѣмецкіе колонисты, искусственно насажденные правительствомъ, не приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ, не могутъ существовать безъ поддержки этого правительства. Между тѣмъ, польскій крестьянинъ въ тяжелой борьбѣ окрѣпъ, является отличнымъ хозяиномъ и, несмотря на всѣ препятствія со стороны чиновничества, развиваетъ кооперацію, потребительскія общества и другія общественныя организаціи. Въ области культурной жизни получается та же картина. Польскій языкъ въ загонѣ, всякимъ общественнымъ организаціямъ, если только онѣ носятъ польскій характеръ, нѣмецкія власти препятствуютъ. Несмотря на все это, благодаря интеллигенціи, происходящей изъ мелкобуржуазной и крестьянской среды, культурно-просвѣтительная дѣятельность принимаетъ въ послѣдніе годы передъ войной довольно широкіе размѣры.

Но имѣется оборотная сторона медали: тяжелая борьба съ нѣмецкимъ гнетомъ влечетъ за собой ярый шовинизмъ и узость всей общественной жизни. Католическое духовенство сумѣло отлично пріурочить свою дѣятельность къ условіямъ (священники являются во главѣ хозяйственныхъ организацій, очень часто священники больше занимаются дѣлами общества свиноводовъ или кооперативной маслобойни. чѣмъ церковными дѣлами) и благодаря этому пользуются громаднымъ вліяніемъ,—бо́льшимъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Польши.

При такомъ положеніи естественно, что ненависть къ нѣмцамъ вызвала особенное настроеніе въ этихъ провинціяхъ: здѣсь ждали царской арміи, какъ мстителя и освободителя, и если бы эта армія перешагнула границу, все населеніе было бы на ея сторонѣ. Это хорошо было извѣстно нѣмецкому правительству, и оно приняло свои мѣры: репрессіи противъ поляковъ еще усилились во время войны, и осадное положеніе было примѣнено со всей строгостью. Царская армія не пришла, но ненависть къ германскому правительству достигла крайнихъ предѣловъ, только она не можетъ проявиться въ дѣйствіяхъ, пока прусскій штыкъ охраняетъ «порядокъ» въ странѣ.

Побѣды оружія отдали во власть Германіи бывшее Царство Польское, и передъ дипломатами сталъ вопросъ, какъ быть съ этой добычей.

Въ первый моментъ аннексіонистскіе аппетиты проявлялись со всей силой. Даже въ соціалъ-имперіалистическихъ газетахъ, въ родѣ «Гамбургеръ Эхо», можно было замѣтить тонъ угрозы и укоризны: «поляки, молъ, не заслужили нѣмецкой дружбы, не стали на сторону Германіи, и потому нечего съ ними церемониться». Но потомъ стали задумываться даже самые ярые аннексіонисты, а задуматься есть надъ чѣмъ. Если Германія не сумѣла справиться съ 4-мя милліонами поляковъ, которые были подъ ея владычествомъ, то тѣмъ болѣе ей не справиться съ ними, если присоединитъ еще 12 милліоновъ. Соединить Варшаву, «сердце Польши», съ Познанью, которая проявила такую устойчивость,—получится сила несокрушимая.

Имѣется другая комбинація: присоединить завоеванную часть Польши къ Галиціи. Однако, давно стало тайной полишинеля, что германо-австрійская дружба является мыльнымъ пузыремъ,—усилить Австрію не въ интересахъ Германіи.

Третья комбинація—это созданіе «независимаго» государства изъ завоеванной части Польши, при чемъ, однако, магнаты нѣмецкой промышленности норовятъ оторвать отъ нея угольный бассейнъ Домбровы, который является продолженіемъ Силезскаго района, а военные предлагаютъ «выпрямленіе границы», присоединеніе къ Германіи широкой полосы польской территоріи. Вѣроятно, и Австрія заявитъ свои претензіи. Словомъ, это будетъ новый раздѣлъ Польши, а «независимое» государство съ населеніемъ около 10-ти милліоновъ будетъ, если эти планы осуществятся, вассаломъ Германіи.

Для успокоенія Австріи этому государству прочатъ въ короли австрійскаго герцога Карла-Стефана, дочери котораго вошли въ бракъ съ сыновьями польскихъ магнатовъ.

Это компромиссное рѣшеніе, однако, тѣмъ болѣе не удовлетворяетъ ни нѣмецкихъ, ни австрійскихъ аннексіонистовъ, что они не могутъ не сознавать его опасности: создать государство, независимое хотя бы только по виду, значитъ все же создать оплотъ національнымъ стремленіямъ поляковъ: и Галиція, и польскія земли подъ владычествомъ Пруссіи будутъ тяготѣть къ Варшавѣ. Въ самомъ дѣлѣ, такое рѣшеніе «польскаго вопроса» сводится къ созданію «Балканъ» въ центрѣ Европы.

Неудивительно поэтому, что въ Берлинѣ, Вѣнѣ и въ ставкѣ Гинденбурга никакъ не могутъ притти къ окончательному рѣшенію.

Какъ же относятся къ этимъ комбинаціямъ въ Польшѣ?

Народнымъ массамъ зажали ротъ, и съ увѣренностью можно сказать только одно: отъ Одера до Буга и отъ Высокой Татры до устьевъ Вислы царитъ ненависть къ нѣмецкимъ грабителямъ. Порабощенныя и окровавленныя пролетарскія и крестьянскія массы съ глухимъ отчаяніемъ несутъ свое иго и никогда не примирятся со своими «освободителями». Другое дѣло—господствующій классъ въ Польшѣ. Помѣщичій и крупнобуржуазный слой ненавидитъ нѣмцевъ и боится за свои экономическіе интересы. Ясно, что «независимой» Польшѣ, оторванной отъ русскаго рынка, не спасти своей промышленности, а какъ вообще сложится экономическая жизнь,—неизвѣстно. Крикливый лагерь мелкой буржуазіи замолкъ. Политическія затѣи его кончились полнымъ банкротствомъ, суровые факты говорятъ ужъ слишкомъ внятнымъ языкомъ. Но для всей буржуазной массы рѣшающимъ факторомъ является пролетарская революція въ Россіи. Страхъ передъ «большевизмомъ» заставляетъ польскую буржуазію забыть свою ненависть къ нѣмцамъ и искать спасенія у Гинденбурга.

Нужно отдать справедливость политикамъ изъ помѣщичье-буржуазнаго лагеря: у этихъ господъ есть политическая сноровка, которая удерживаетъ ихъ отъ компрометирующихъ шаговъ и позволяетъ «соблюсти достоинство». Они держатся въ высокой степени выжидательно по отношенію къ оккупаціоннымъ властямъ и къ правительствамъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Правда, отдѣльныя личности изъ аристократіи держатъ себя иначе, но князь Любомирскій и графъ Островскій, участвующіе въ «регенціи», или князь Радзивиллъ, орудующій въ качествѣ политическаго коммивояжера, не могутъ являться представителями помѣщичьихъ и буржуазныхъ круговъ, а дѣйствуютъ на свой рискъ и страхъ. Зато изъ мелкобуржуазныхъ слоевъ появилась ватага политическихъ карьеристовъ, которые изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы «создать себѣ положеніе», и подличаютъ передъ нѣмецкими властями. Но нѣмцы знаютъ цѣну этимъ ретивымъ самозванческимъ политикамъ и относятся къ нимъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Они знаютъ прекрасно, что, кромѣ штыка и пулемета, имъ не на что опереться въ Польшѣ, и поступаютъ соотвѣтственно этому.

Державы Антанты, пока были въ союзѣ съ царской Россіей, въ очень отвлеченной формѣ заявляли о своихъ благихъ намѣреніяхъ по отношенію къ Польшѣ. Но документы, найденные въ чемоданѣ Штюрмера, свидѣтельствуютъ, что царское правительство, которому союзники предоставляли рѣшающій голосъ, не хотѣло отказаться отъ добычи. Объединеніе трехъ частей Польши подъ скипетромъ Романовыхъ,—вотъ что обѣщали полякамъ. Когда Романовыхъ не стало, г. Вильсонъ расщедрился и сулитъ полякамъ возстановленіе польскаго государства. Но, кромѣ кучки эмигрантовъ, которые раньше ратовали за царское правительство, никто, кажется, не принимаетъ всерьезъ этихъ обѣщаній. Они могли бы сбыться только при полномъ военномъ пораженіи Германіи. Независимая Польша, созданная такимъ путемъ, являлась бы военнымъ лагеремъ въ центрѣ Европы для защиты интересовъ англо-американскаго владычества, и, вѣроятнѣе всего, ее захотятъ использовать для низверженія диктатуры пролетаріата въ Россіи,—роль, на которую, несомнѣнно, пойдутъ съ большимъ удовольствіемъ польскіе буржуа и помѣщики, но врядъ ли пойдутъ народные массы.

Совѣтская Россія вынуждена была заключить тяжелый брестскій миръ и отказаться отъ вліянія на судьбы польскаго народа. Все, что она могла сдѣлать,—это торжественное заявленіе отъ имени русскаго пролетаріата, что онъ считаетъ единственнымъ властнымъ хозяиномъ въ Польшѣ польскій рабочій классъ.

Объективныя условія говорятъ за то, что не осуществятся ни хитроумныя комбинаціи заправилъ германскаго имперіализма, ни мечты англо-американцевъ о господствѣ надъ Европой,—они говорятъ за то, что судьбы народовъ Европы будутъ рѣшены революціоннымъ путемъ. Въ виду этого, несмотря на брестскій миръ, революція въ Россіи является залогомъ освобожденія польскаго народа отъ политическаго гнета, ибо она знаменуетъ начало низверженія всякаго политическаго насилія одного народа надъ другимъ. Увертливыя дипломатическія обѣщанія—это слова, а революція—это фактъ.

Революціонное же рѣшеніе польскаго вопроса можетъ быть лишь одно: предоставленіе полной свободы дѣйствія пролетарскимъ массамъ Польши; онѣ, и только онѣ, могутъ быть признаны полноправнымъ хозяиномъ на своей землѣ.

Такого рѣшенія требуютъ не только интересы польскаго пролетаріата, но и интересъ пролетаріата тѣхъ государствъ, которымъ до сихъ поръ вслѣдствіе завоеваній принадлежали польскія земли. Господство одного народа надъ другимъ неминуемо влечетъ за собой порабощеніе

народныхъ массъ господствующаго народа, ибо для господства нужна сила, сила оружія, а заставить вооруженныхъ людей покорять, держать въ рабствѣ и зависимости чужой народъ можетъ только классъ, господствующій надъ этими вооруженными. Поэтому отказъ пролетаріата держать въ зависимости какой-либо народъ, вошедшій въ составъ Россійской республики, явился не актомъ отвлеченнаго благородства или чувства справедливости, а просто необходимымъ актомъ революціонной политики. Разбивая собственные оковы, пролетаріатъ по необходимости, ради своихъ классовыхъ интересовъ долженъ расковать также оковы, которые были наложены его «національнымъ» правительствомъ и на чужіе народы.

Въ моментъ, когда пролетаріатъ Германіи и Австріи возьмется разбивать свои оковы, ему придется поступить такъ же, какъ поступилъ пролетаріатъ Россіи. Онъ не можетъ этого не сдѣлать.

Вотъ почему грядущая революція, революція пролетарская, по необходимости ведетъ къ освобожденію польскаго народа отъ чужого гнета и всякаго угнетенія вообще.

Является вопросъ: въ какой политической формѣ выразится жизнь освобожденнаго отъ чужого ига народа? Тѣмъ, кто привыкъ думать исключительно въ категоріяхъ старыхъ политическихъ понятій, будущее представляется, конечно, въ формѣ «независимаго польскаго *государства*» Но для мыслящихъ революціонно это еще вопросъ.

Причины слѣдующія: соціальная форма, къ которой стремится пролетаріатъ, есть соціализмъ, а при соціализмѣ нѣтъ мѣста государству. Но переходной формой отъ капиталистическаго государства къ соціализму является диктатура пролетаріата, а это форма государственная. Пролетаріатъ беретъ въ свои руки власть въ городахъ и деревняхъ, но экономическія условія, созданныя капитализмомъ, требуютъ объединенія этихъ городовъ и деревень центральной властью. Безъ этого немыслимо хозяйство. При современномъ состояніи общества элементомъ, связывающимъ людей, живущихъ на данной территоріи, являются національность и внутренній рынокъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что поляки, несмотря на уничтоженіе польскаго государства и на продолжавшееся больше 100 лѣтъ насильное присоединеніе къ другимъ государствамъ, составляютъ единую націю. Связываютъ ихъ тысячелѣтняя культура, общій языкъ, общіе обычаи.

Однако экономическія задачи диктатуры пролетаріата не могутъ быть выполнены въ національныхъ рамкахъ и въ границахъ внутренняго рынка. Точно такъ же и политически удержать прочно за собой власть пролетаріатъ не сможетъ въ одной только странѣ. Необходимъ тѣснѣйшій политическій и экономическій союзъ на основѣ координаціи и централизма, особенно въ виду разрухи, созданной въ результатѣ войны. Этотъ государственно - экономическій союзъ *международной* диктатуры пролетаріата долженъ скорѣе напоминать союзное государство, чѣмъ союзъ государствъ, и отдѣльныя національныя объединенія будутъ строить свою связь съ этой общей пролетарской (совѣтской?) республикой скорѣе на началахъ автономности, чѣмъ полной независимости.

Однако польское объединеніе и полная автономія по этнографическиэкономическимъ и культурнымъ причинамъ станутъ фактомъ.

Составъ трудящихся массъ Польши будетъ своеобразный, соотвѣтственно экономическимъ условіямъ въ польскихъ земляхъ. Отличительной чертой являются тутъ существованіе помѣщичьяго (фольварочнаго) хозяйства и соотвѣтственно этому чрезвычайно многочисленный сельскій пролетаріатъ (батраки). Затѣмъ имѣется многочисленный полупролетаріатъ: малоземельные крестьяне, которые, владѣя крохотными участками земли, живутъ главнымъ образомъ заработками въ крупныхъ сельскихъ

хозяйствахъ капиталистическаго типа. Осложненіе получается вслѣдствіе того, что въ самой промышленной части Польши, въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, промышленный пролетаріатъ, какъ было указано, почти уничтоженъ вслѣдствіе войны. Но разсѣянные по Россіи и Германіи польскіе пролетаріи возвратятся на родину, и революціонный опытъ, пріобрѣтенный ими, особенно въ Россіи, окажется вѣскимъ факторомъ при строеніи пролетарской Польши.

Повстанческая идеологія, которая вела къ несбыточному стремленію возстановить независимую Польшу, какъ государство капиталистически-помѣщичье, отошла въ исторію. Польша можетъ быть свободна только какъ Польша пролетарская,—не только можетъ, но и необходимо будетъ, ибо безъ этого пролетаріатъ Европы не въ состояніи выполнить своей задачи. Побѣда пролетаріата требуетъ освобожденія польскаго пролетарія, и онъ будетъ свободенъ.

Курскій.

1 октября 1918 г.

Практическій интернаціонализмъ.

I.

Годъ пролетарской диктатуры оказалъ на международное рабочее движеніе болѣе сильное вліяніе, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые мутные потоки и стоячія болота въ мірѣ.

Захватъ политической власти изъ рукъ буржуазіи пролетаріатомъ одного государства произвелъ потрясеніе, сорвавшее съ лицъ всѣ маски, худо ли, хорошо ли онѣ сидѣли.

Война нанесла послѣдній ударъ II Интернаціоналу. Всѣмъ, кто съ ханжеской миной завывалъ надъ его развалинами и пытался заткнуть дыры, русская октябрьская революція крикнула громовымъ голосомъ:

— Hie Rhodas, hie salta!

Вотъ когда наступилъ моментъ практическаго интернаціонализма.

Изъ хаоса имперіалистической бойни, изъ среды истребляющихъ другъ друга пролетарскихъ массъ, возстала одна и достигла той скалы, которая является для пролетаріата единственнымъ спасеніемъ изъ сокрушающихъ объятій имперіализма.

Сюда всѣ, кто борется за освобожденіе рабочаго класса!

Вожди II Интернаціонала, отъ Каутскаго до Реннера, пишутъ книги съ претензіями на глубокомысліе о томъ, что взаимное истребленіе рабочихъ именно и есть интернаціоналъ; но русскій пролетаріатъ, завладѣвшій государственной властью и создавшій пролетарскую диктатуру, показалъ въ первый разъ на дѣлѣ и въ изумительно большомъ масштабѣ, что такое практическій интернаціонализмъ. И вотъ въ первую годовщину этого историческаго событія возникаетъ слѣдующій конкретный вопросъ, вытекающій изъ идеологически-движущей силы пролетарской революціи— ихъ діалектическаго марксизма:

Что такое практическій интернаціонализмъ въ *данный моментъ*?

Что вообще можетъ быть *сегодня* названо интернаціонализмомъ? Обойти этотъ вопросъ, какъ то дѣлали не только во время войны, но и до нея герои платоническаго интернаціонализма и практическаго шовинизма, невозможно.

Отвѣтъ на формулированный такимъ образомъ вопросъ опредѣляется тремя условіями:

1) имперіализмомъ,
2) вызванной имъ міровой войной,
3) диктатурой пролетаріата въ Россіи.

Вотъ отвѣтъ, вытекающій изъ этихъ трехъ условій: практическій интернаціонализмъ, вообще интернаціонализмъ означаетъ превращеніе имперіалистической войны въ международную гражданскую войну и за-

хватъ политической власти пролетаріатомъ въ международномъ масштабѣ. Всякая политика, которая рѣшительно-активно или выжидательно-пассивно становится ему поперекъ дороги, есть противоположность практическаго интернаціонализма.

Гдѣ бы такая политика ни началась, откуда бы она ни исходила, конецъ ея всегда бываетъ таковъ, что рабочіе стрѣляютъ въ рабочихъ, вмѣсто того, чтобы истреблять своихъ душителей и угнетателей—буржуазію.

Вопросъ о защитѣ отечества долженъ быть исчерпанъ до конца, раньше чѣмъ приступить къ бесѣдѣ о практическомъ интернаціонализмѣ.

Отношеніе къ буржуазному государству для марксистскаго рабочаго движенія никакихъ сомнѣній не вызываетъ. Для насъ такое государство существуетъ исключительно для того, чтобы подавлять движеніе пролетаріата, и пролетаріатъ долженъ вырвать эту власть изъ рукъ буржуазіи, уничтожить ее и для обезпеченія пути, ведущаго къ коммунизму, организовать собственную власть и создать собственную диктатуру.

Среди вопросовъ, выдвинутыхъ II Интернаціоналомъ, этотъ вопросъ всегда оказывался камнемъ преткновенія для вождей, сворачивавшихъ съ пути марксизма и порывавшихъ съ точкой зрѣнія пролетаріата. Тутъ терпятъ крушеніе всѣ попытки создать новый интернаціоналъ путемъ затушевыванія краха стараго,—попытки, имѣющія цѣлью миръ между имперіалистическими, буржуазными государствами.

Въ *такомъ* интернаціоналѣ пролетаріи, живущіе въ границахъ разныхъ буржуазныхъ государствъ, могли быть по отношенію другъ къ другу лишь переговаривающимися сторонами.

Такой интернаціоналъ не могъ быть не чѣмъ инымъ, какъ зрѣлищемъ безсильныхъ попытокъ охраненія мира.

Совершенно вѣрно то, что говоритъ признанный вождь соціалъ-шовинистовъ, родоначальникъ всѣхъ оппортунистовъ, Карлъ Реннеръ («Марксизмъ, война и интернаціоналъ«, стр. 353), а именно,—что духъ Жана Жореса далъ новое содержаніе II Интернаціоналу.

Этотъ духъ всегда былъ слишкомъ слабъ, чтобы хотя мысленно направить революціонныя сплы къ достиженію исключительнаго господства пролетаріата и къ интернаціонализму, сметающему всѣ національныя перегородки.

Вопросъ защиты отечества уже не относится поэтому къ проблемамъ практическаго интернаціонализма. Никоимъ образомъ партія пролетаріата не можетъ стоять на точкѣ зрѣнія защиты отечества,—напротивъ, должна быть использована каждая возможность для того, чтобы разрушить «отечество», т.-е. государство, организацію буржуазіи.

Это есть предпосылка, безъ которой не можетъ быть никакого разговора о практическомъ интернаціонализмѣ.

Какъ уже было замѣчено, практическій интернаціонализмъ вытекаетъ изъ конкретнаго историческаго характера имперіализма, имперіалистической міровой войны и пробнымъ камнемъ его является отношеніе къ русской пролетарской диктатурѣ. Въ этомъ вопросѣ практическій интернаціонализмъ никакихъ толкованій не допускаетъ.

Причиной различныхъ толкованій и разнаго отношенія къ факту пролетарской диктатуры въ Россіи являются *различные классовые интересы* и различныя *классовыя точки зрѣнія*.

Безусловная поддержка, поддержка дѣйствіемъ—вотъ пролетарская точка зрѣнія. Малѣйшая критика, малѣйшее возраженіе со стороны западно-европейскаго пролетаріата—уже измѣна. Въ какомъ бы буржуазномъ государствѣ ни жилъ пролетарій, его точкой зрѣнія можетъ быть лишь одно: *поддержать и послѣдовать примѣру*. Это и есть интернаціонализмъ,

потому что Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика и есть нынѣ олицетвореніе Интернаціонала, его практическое осуществленіе. Это—аксіома, по отношенію къ которой сомнѣніе и нерѣшительность уже составляютъ измѣну пролетарскому интернаціонализму. И совершенно безразлично, совершаетъ ли измѣну Каутскій, или какой-либо профессіональный бюрократъ: одинъ такой же измѣнникъ, что и другой.

Существованіе Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики является первымъ показателемъ превращенія міровой войны въ гражданскую, и наличность ея составляетъ пока единственное доказательство того, что пролетарскій интернаціоналъ дѣйствительно реаленъ и существуетъ не только въ доброжелательныхъ или фарисейскихъ писаніяхъ, но и въ дѣйствительности.

Годъ пролетарской диктатуры есть доказательство того, что она дѣйствительно осуществилась.

II.

Первымъ проявленіемъ практическаго интернаціонализма было отношеніе большевистской фракціи бывшей россійской соціалъ-демократической рабочей партіи къ *войнѣ*. Этотъ какъ бы первый фазисъ практическаго интернаціонализма состоялъ въ окончательной ликвидаціи понятія защиты отечества, въ искреннемъ признаніи краха II Интернаціонала и въ принятіи лозунга, по которому только гражданская война положитъ конецъ имперіалистической міровой бойнѣ.

Источникомъ указаннаго лозунга было сознаніе, что имперіализмъ есть особый стадій капиталистическаго способа производства, т.-е. перезрѣлый капитализмъ, готовый перейти въ соціализмъ.

Міровая война является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ гибнущаго капитализма, имперіализма.

Неизбѣжность, вызвавшая міровую войну, является въ то же время возможностью для рабочихъ классовъ превратить міровую войну въ гражданскую. Для рабочихъ партій это означаетъ обязанность, вырвавъ власть изъ рукъ буржуазіи, вести соціализмъ къ побѣдѣ.

Единство рабочихъ различныхъ народовъ можетъ поэтому проявиться лишь въ общей борьбѣ пролетаріевъ всѣхъ странъ за уничтоженіе господства буржуазіи во всѣхъ странахъ и за созданіе диктатуры пролетаріата.

Подобно тому, какъ рабочее движеніе переросло съ теченіемъ времени рамки отдѣльныхъ мастерскихъ, городовъ, провинцій, а также и цѣлыхъ странъ, и интернаціоналъ выросъ изъ того круга задачъ, которыя ставились ему различными ступенями развитія капитализма.

Взаимная поддержка забастовокъ рабочими разныхъ странъ, борьба съ замѣной бастующихъ штрейкбрехерами и понижателями заработной платы и переходящая въ пасифизмъ дѣтская игра въ миръ уже перестали давать практическое содержаніе пролетарскому интернаціоналу.

Въ рамкахъ имперіализма не могло существовать ни одно международное объединеніе рабочихъ, которое не носило бы безусловно «революціоннаго» характера, т.-е. которое не стремилось бы къ разрушенію имперіализма, капитализма, созрѣвшаго для перехода въ соціализмъ.

Октябрьская революція русскаго пролетаріата использовала эту необходимость и возможность впервые осуществить на дѣлѣ практическій интернаціонализмъ, отвѣчающій данной ступени развитія имперіализма.

Сопоставленіе двухъ документовъ сразу убѣждаетъ въ правильности этого утвержденія.

Возьмите мартовское воззваніе рабочихъ и крестьянскихъ совѣтовъ о мирѣ и сравните его съ ноябрьскимъ декретомъ о мирѣ,—декретомъ побѣдоноснаго пролетаріата.

Авторы перваго воззванія—меньшевики и различнаго рода соціалъ-патріоты, соціалисты-революціонеры и т.-наз. интернаціоналисты, соціалъ-демократы, стоящіе на точкѣ зрѣнія обороны отечества.

Въ безспорно прекрасныхъ фразахъ тѣхъ, кто именемъ пролетаріата добровольно отказался отъ власти, совершенно не видно требованій практическаго интернаціонализма, несмотря на пышныя и эффектныя фразы, которыми они говорятъ о международныхъ задачахъ пролетаріата.

Видно отчаянное усиліе, съ которымъ они сдерживаютъ занесенный для удара кулакъ имперіализма,—сдерживаютъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ снова собраны прогнившіе остатки интернаціонала, ибо вѣдь можетъ-быть,—можетъ-быть, пожалуй, оказалось бы возможно снова создать международную федерацію рабочихъ путемъ какого-нибудь компромисснаго рѣшенія.

А если такого компромисса добиться не удастся, тогда, значитъ, нужно ждать, а пока что пролетаріи не перестаютъ убивать другъ друга изъ-за хищническихъ интересовъ буржуазіи, и «партіи пролетаріата» вынуждены это поддерживать.

Это воззваніе есть выраженіе интернаціонализма прекрасныхъ словъ «мирнаго интернаціонала», который, въ концѣ-концовъ, привелъ ко всѣмъ этимъ стокгольмскимъ, наполовину поощряемымъ, наполовину терпимымъ соціалъ-шовинистамъ, радикаламъ, правительственнымъ агентамъ и прочему дипломатствующему сброду.

Ноябрьскій декретъ является уже *дѣломъ* практическаго интернаціонализма.

Тѣ, которые выполнили это дѣло, не были въ маскахъ и не хотѣли быть комиссіонерами между враждующими имперіалистическими хищниками. Это воззваніе было дѣломъ тѣхъ пролетаріевъ, которые не испугались рѣшительнаго шага, продиктованнаго даннымъ моментомъ развитія имперіализма. Тѣ, которые обнародовали это воззваніе, не сдерживали судорожно занесенный для удара кулакъ буржуазіи, а просто отсѣкли его.

Безъ колебаній, безъ всякой задней мысли, безъ припрятанныхъ въ резервъ буржуазныхъ полчищъ, отрѣзавъ себѣ всѣ пути къ отступленію, русскій пролетаріатъ этимъ актомъ ввѣрилъ свою судьбу международной пролетарской революціи.

То обстоятельство, что европейскій пролетаріатъ до сихъ поръ еще не реагировалъ общимъ возстаніемъ на это выступленіе практическаго интернаціонализма, отнюдь не доказываетъ неправильности этой политики такъ же, какъ и брестскій миръ, санкціонированный такъ-называемой «пролетарской партіей» Германіи, этого не доказываетъ.

Фактъ неопровержимый, что русскій пролетаріатъ, установивъ пролетарскую диктатуру въ видѣ Совѣтской Республики, нашелъ тотъ Архимедовъ рычагъ, при помощи котораго международный пролетаріатъ сможетъ сокрушить всю буржуазную власть.

Революціонная «зараза», передъ которой со страхомъ и трепетомъ пытаются забаррикадироваться всѣ буржуазныя государства, есть доказательство того, что русскій пролетаріатъ не на пескѣ воздвигъ свою власть, когда опирался на международную пролетарскую революцію.

III.

«Революціонная зараза» была ближайшимъ проявленіемъ практическаго интернаціонализма послѣ октябрьской революціи. Не только при-

мѣръ, который явило вооружённое октябрьское возстаніе, не только декретъ о миръ стали распространителями этой «заразы», но и планомѣрное, организованное братанье на фронтъ.

Закладка зданія Совѣтской Республики была одновременно и созданіемъ интернаціонала; братанье, изъ-за котораго большевики преслѣдовались всѣми «такъ-же соціалистическими» партіями Россіи, возстановило утерянную связь между уничтожающими другъ друга пролетаріями.

Это братанье стало соединяющимъ звеномъ для страдающихъ на фронтѣ пролетарскихъ массъ. Несмотря на то, что высшее и низшее начальство имперіалистическихъ армій пробовало использовать проявленіе интернаціоналистическихъ чувствъ со стороны одѣтыхъ въ военную форму пролетаріевъ для собственныхъ цѣлей, систематическій характеръ этого братанья, благодаря имѣвшимся въ распоряженіи огромнымъ агитаціоннымъ средствамъ, многимъ способствовалъ разложенію нѣмецкой и австро-венгерской армій.

Правда, что связь, установившаяся благодаря братанью, не означала еще возстановленія связи между официальными рабочими партіями, но каждая такая связь, которую пытались было налаживать работавшіе въ Стокгольмѣ агенты, уже заранѣе встрѣчала отрицательное отношеніе со стороны господствующей партіи пролетарской республики, со стороны коммунистической партіи.

Пропаганда, которая велась на фронтѣ дѣломъ, устнымъ и печатнымъ словомъ, была выраженіемъ практическаго интернаціонализма.

Центральнымъ органомъ пропаганды было международное агитаціонное отдѣленіе Россійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета.

Въ милліонахъ экземпляровъ появились газеты и летучки, издававшіяся на всѣхъ языкахъ находящихся въ нѣмецкой и австро-венгерской арміяхъ народностей. То, чего не могли добиться во время войны облеченные въ военную форму пролетаріи, то давалъ имъ теперь побѣдоносный россійскій пролетаріатъ: печатное, истинное выраженіе ихъ интересовъ, ихъ стремленій, ихъ чаяній. Событія революціи, о которыхъ собственныя газеты умалчивали или въ лучшемъ случаѣ сообщали въ неправленномъ соціалъ-шовинистической ложью видѣ, предстали теперь передъ глазами нѣмецкаго и австро-венгерскаго пролетаріата въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Каждый владѣющій нѣмецкимъ языкомъ рабочій Совѣтской Республики работалъ какъ агитаторъ на фронтѣ, возстанавливая, такимъ образомъ, связь съ пролетаріями противолежащихъ окоповъ. Газеты распространялись, несмотря на всяческія затрудненія; изъ издававшихся на нѣмецкомъ языкѣ сначала «Факелъ» (Fackel), а послѣ протеста германскаго военнаго начальства «Міръ народовъ» (Völkerfriede) распространяли въ окопахъ ученія практическаго интернаціонализма. На венгерскомъ языкѣ, также въ изданіи Ц. И. К., появился выходившій два раза въ недѣлю «Интернаціональный Соціалистъ» (Hemretkösi Socialesta), на сербо-кроатскомъ—«Земля и Воля», на чешскомъ—«Піонеръ» (Prokupnia), на румынскомъ—«Впередъ» (Inaiute).

Эти газеты появлялись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ на фронтѣ, гдѣ солдаты, наперекоръ стараніямъ начальства, пускались на всякія ухищренія, чтобы ихъ добыть.

Жвачка въ Стокгольмѣ еще продолжалась, игра съ паспортами была еще въ ходу, въ то время какъ пролетарская диктатура черезъ головы официальныхъ вождей соціализма возстанавливала связь между окопами, стоявшихъ другъ противъ друга пролетаріевъ.

Уже съ самаго начала войны нелегальная большевистская литература подчеркивала симптоматическій характеръ этого инстинктивно появлявшагося при каждомъ удобномъ случаѣ на всѣхъ фронтахъ *братанья*. Его

значенія не могли, конечно, понять тѣ партіи и фракціи, которыя смотрѣли на возсозданіе интернаціонала лишь какъ на прелюдію къ возстановленію международныхъ правовыхъ отношеній, къ возстановленію мира между имперіалистическими государствами, а то даже лишь какъ на результатъ всего этого.

Совѣтская Республика не стала ждать дипломатическихъ конгрессовъ. Систематически, шагъ за шагомъ, использовавъ инстинкты освобожденныхъ отъ постояннаго страха смерти массъ, она прочистила себѣ путь черезъ проволочныя загражденія къ практическому интернаціонализму.

IV.

Ни начавшіеся мирные переговоры, ни брестскій миръ не могли остановить братанья и распространенія фронтовой литературы. Дѣло пропаганды потеряло лишь свой официальный характеръ, но агитація въ интересахъ интернаціонала, въ интересахъ международной революціи велась дальше какъ на фронтѣ, такъ и между милліонами *военнопленныхъ*. Для трехъ милліоновъ нѣмецкихъ, австро-венгерскихъ, болгарскихъ и турецкихъ пролетаріевъ и крестьянъ, томившихся въ русскомъ плѣну, главнымъ образомъ въ Сибири, пролетарская революція означала двойное освобожденіе: они освободились отъ гнета царизма и отъ еще худшаго гнета, похожаго на обращеніе въ нѣмецкихъ концентраціонныхъ лагеряхъ, при Керенскомъ, а кромѣ того, они освободились и отъ произвола собственныхъ офицеровъ. То же братанье, которое было въ ходу на фронтахъ, началось сейчасъ же послѣ февральской революціи и между русскими пролетаріями и военнопленными. Члены совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ еще до утвержденія Совѣтской власти сносились съ соціалъ-демократами изъ среды военнопленныхъ, поддерживая ихъ словомъ и дѣломъ, а также и матеріальной помощью въ дѣлѣ международной революціонной пропаганды. Работа эта была на время прервана хлынувшей повсюду волной шовинизма при Керенскомъ, но октябрьская революція создала снова почву для этой пропаганды, которая вынесла идею соціализма далеко за предѣлы сильно урѣзанныхъ тѣмъ временемъ границъ Совѣтской Республики.

Въ лагеряхъ военнопленныхъ создавались по образцу рабочихъ и крестьянскихъ «совдеповъ» такіе же «совдепы» военнопленныхъ, которые взяли въ руки всю административную работу въ лагеряхъ.

Попадая на работу, военнопленные освобождались отъ капиталистическаго гнета и вмѣсто прежней грошевой платы достигали того же матеріальнаго положенія, что и русскіе рабочіе, точно такъ же, какъ диктатура пролетаріата уничтожила въ русской арміи привилегіи офицерской касты, и военнопленные солдаты устранили власть своихъ офицеровъ.

Вспыхнувшее со стихійной силой движеніе получило сильную опору въ декретѣ, приравнивавшемъ военнопленныхъ во всѣхъ правахъ съ гражданами Россійской Совѣтской Республики. Январскій декретъ обезпечилъ каждому военнопленному въ такой же степени, какъ и гражданамъ Совѣтской Республики, полнѣйшую политическую свободу. Кромѣ гарантій свободы, пролетарская диктатура давала военнопленнымъ также и реальную возможность устной и письменной пропаганды. Въ агитаціонныхъ отдѣлахъ всѣхъ почти совѣтовъ находились на службѣ знающіе разные языки агитаторы, которые подъ руководствомъ членовъ коммунистической партіи развили могучую пропаганду среди военнопленныхъ. Лучшіе люди партіи, стоявшіе во главѣ совѣтскихъ учрежденій, перегруженные работой, руководили этой пропагандой интернаціонализма. Комитеты военнопленныхъ издавали при матеріальной поддержкѣ совѣтовъ нѣмецкія и вен-

герскія, а въ болѣе крупныхъ центрахъ также и чешскія, румынскія и юго-славянскія газеты и летучки.

Отъ Петрограда до Иркутска множество крупныхъ и мелкихъ произведеній печати распространяли практическій интернаціонализмъ среди военнопл'ѣнныхъ, и милліоны брошюръ и летучекъ знакомили военнопл'ѣнныхъ пролетаріевъ и крестьянъ съ результатами пролетарской революціи, съ причинами провала II Интернаціонала и съ основными теоріями марксизма.

Протесты германскаго и австро-венгерскаго правительствъ пришли слишкомъ поздно, потому что возвращавшіеся пл'ѣнные, несмотря на «чистилища», въ которыя попадали, несмотря на кары и наказанія, привозили съ собой на родину практическій интернаціонализмъ—большевизмъ.

Секретные и несекретные приказы нѣмецкой и австро-венгерской армій, равно какъ и заявленія канцлера въ германскомъ рейхстагѣ и министра-президента въ венгерскомъ парламентѣ доказываютъ, что Совѣтская Республика одна выполнила работу всего интернаціонала: она развила самосознаніе въ солдатскихъ массахъ, уставшихъ отъ войны и возненавид'ѣвшихъ ее, она посѣяла сѣмя революціи, освобождающей отъ войны и сокрушающей имперіализмъ.

Распадъ нѣмецкаго, австро-венгерскаго и болгарскаго милитаризма, разложеніе военной дисциплины, не только пассивный отказъ въ послушаніи, но и активное выступленіе противъ начальства, массовое дезертирство (съ оружіемъ въ рукахъ!),—всѣ эти факты наглядно показываютъ результаты работы пролетарской диктатуры, продолжающейся едва лишь одинъ годъ.

Пока величающіе себя интернаціоналистами меньшевики и другія «также соціалистическія партіи» сид'ѣли у власти и со спокойной или неспокойной совѣстью заявляли, что будутъ д'ѣлить власть съ буржуазіей въ интересахъ интернаціонализма, кромѣ стокгольмскаго путешествія, сд'ѣлано было только лишь то, что вожди австрійскихъ оппортунистическихъ соціалъ-демократовъ былъ (почти тайкомъ) освобожденъ. Совѣтская Республика, опиравшаяся на пролетарскія массы, искала связи не съ вождями II Интернаціонала, окончательно потерявшими честь и совѣсть послѣ безчисленныхъ предательствъ, а непосредственно съ пролетарскими массами, призывая ихъ, гдѣ только возможно, къ царству свободы.

И все это Совѣтская Республика подкрѣпила д'ѣйствіями, которыя не допускаютъ никакихъ сомнѣній и не могутъ быть отнесены за счетъ ложнаго гуманизма. Пролетарски-классовая точка зрѣнія, интернаціонализмъ, проявлялись въ каждомъ распоряженіи, военнопл'ѣнный чувствовалъ, что свобода, право принадлежатъ ему, какъ пролетарію, и что его офицеръ, его угнетатель, буржуа, точно такъ же не можетъ им'ѣть притязаній на нихъ, какъ и русскій буржуа.

Совѣтская Россія стала высшей школой революціи, интернаціонализма.

Никогда еще ученіе революціоннаго марксизма, интернаціонализма не находило доступа къ пролетарскимъ массамъ германской и австро-венгерской монархій въ такомъ масштабѣ, какъ въ эпоху пролетарской диктатуры, среди массъ военнопл'ѣнныхъ въ Россіи.

Изъ массовыхъ организацій военнопл'ѣнныхъ переходили въ русскую коммунистическую партію отд'ѣльныя національныя группы, которыя подъ руководствомъ старыхъ вождей нѣмецкаго, австрійскаго, венгерскаго рабочаго движенія послѣ брестскаго мира сами взяли въ руки д'ѣло пропаганды и вели ее не только въ Совѣтской Республикѣ, но и за ея границами.

Въ изданіяхъ этихъ національныхъ группъ появились слѣдующіе коммунистическіе органы печати:

1) на нѣмецкомъ языкѣ выходящая два раза въ недѣлю «Міровая Революція» («Weltrewolution»);

2) на венгерскомъ языкѣ выходящая два раза въ недѣлю «Соціальная Революція» (Socialis Fondalom?);

3) на чешскомъ языкѣ—еженедѣльникъ «Піонеръ Свободы» («Prokupnik Svobodi»);

4) на сербскомъ, кроатскомъ, болгарскомъ языкахъ—«Мировая Революція»;

5) на румынскомъ языкѣ (подъ редакціей эмигрантскихъ румынъ)—«Голосъ Крестьянина» («Fora Taranulni»).

Всѣ эти группы издавали брошюры, въ которыхъ трактовались теоретическіе вопросы марксизма, разныя проблемы революціи.

Нѣкоторыя изъ наиболѣе выдающихся произведеній большевистской литературы (нѣсколько небольшихъ работъ Ленина, Бухарина) дошли такимъ образомъ до заграничнаго пролетаріата.

Дѣло пропаганды стройно ведется федераціей иностранныхъ группъ россійской коммунистической партіи.

Къ этой федераціи принадлежатъ: нѣмецкая, венгерская, финская, чешская, румынская, юго-славянская и французская группы.

Всѣ группы издали до сихъ поръ свыше трехъ милліоновъ летучекъ и брошюръ.

Въ совмѣстной работѣ съ революціонными организаціями оккупированныхъ областей федерація развиваетъ успѣшную пропаганду въ рядахъ арміи, тамъ находящихся.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного года диктатуры пролетаріата положено было основаніе новому коммунистическому Интернаціоналу.

Пролетарскія массы возвращались на родину, чтобы способствовать тамъ революціонному рабочему движенію,—тому движенію, которое разъ навсегда порвало съ дипломатничаніемъ, которое знаетъ, что дорога къ новому интернаціоналу ведетъ только черезъ пролетарскую революцію, черезъ политическіе трупы вождей стараго интернаціонала.

Каждое новое соціальное явленіе создаетъ себѣ условія своего существованія. Это положеніе марксистской діалектики можно доказать исторіей диктатуры пролетаріата. Въ арміяхъ имперіалистическихъ хищниковъ, которыя угрожали задушить молодую Совѣтскую Республику, посѣяны сѣмя разложенія, зародыши революціи.

Псевдоинтернаціонализмъ (интернаціонализмъ на словахъ, какъ говоритъ Ленинъ) смѣняется дѣйствительнымъ интернаціонализмомъ. Армія сознательнаго пролетаріата приходитъ на помощь всѣмъ, кто ведетъ революціонную борьбу. Создается авангардъ новаго Интернаціонала, смыкаются ряды бойцовъ піонеровъ международной пролетарской революціи.

Русскій пролетаріатъ «не на пескѣ» строилъ, когда ковалъ свою судьбу, въ чаяніи международной пролетарской революціи.

V.

Практическій интернаціонализмъ выявился не только въ революціонной пропагандѣ, но и въ законодательствѣ Совѣтской Республики.

Пролетарская диктатура смела въ полномъ смыслѣ слова всѣ перегородки между пролетаріями Совѣтской Республики и пролетаріями другихъ странъ.

Не въ томъ дѣло, что однимъ ударомъ ликвидированъ былъ т.-н. «національный» вопросъ въ Россіи, а въ томъ, что выдвинутая Интернаціоналомъ мысль объ интернаціонализмѣ пролетаріата была осуществлена въ жизни такъ, что Россійская Совѣтская Республика стала достояніемъ трудящихся всего міра.

Аграрный законъ, основанный на принципѣ уравненія всѣхъ въ правѣ обрабатывать землю, ясно подчеркиваетъ, что право обрабатывать землю въ предѣлахъ Совѣтской Республики не зависитъ отъ подданства. Согласно установленному въ законѣ порядку, право это принадлежитъ подданнымъ другихъ государствъ наравнѣ съ гражданами Совѣтской Республики.

Декретъ о подданствѣ является доказательствомъ того, что Совѣтская Республика есть осуществленіе практическаго интернаціонализма,—того интернаціонализма, который дѣйствительно сметаетъ всѣ перегородки между трудящимися.

Въ противоположность законамъ буржуазныхъ государствъ о переходѣ въ подданство декретъ этотъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было формальностей. Всякій рабочій любого государства можетъ безъ всякихъ затрудненій пріобрѣсти всѣ гражданскія права въ Сов. Республикѣ. Мѣстные Совдепы имѣютъ право перевести въ подданство Сов. Республики всякаго, кто стоитъ на платформѣ Совѣтской власти и обязуется защищать ее. Но и безъ перехода въ подданство Совѣтской Республики пользуются всѣми гражданскими правами и преимуществами всѣ преслѣдуемые по политическимъ или религіознымъ мотивамъ. Особымъ декретомъ устанавливается, что преслѣдуемые по политическимъ или религіознымъ мотивамъ не только имѣютъ право на убѣжище, но и пользуются всѣми гражданскими правами въ предѣлахъ Совѣт. Республики.

Выдавать ихъ и подвергать преслѣдованіямъ со стороны буржуазныхъ правительствъ нельзя ни при какихъ обстоятельствахъ.

Вожди пролетаріата въ годины борьбы и преслѣдованій не пользовались ничѣмъ гостепріимствомъ и въ лучшемъ случаѣ были лишь терпимы подъ постоянной угрозой изгнанія или выдачи.

Но побѣдоносный пролетаріатъ умѣетъ заботиться о преслѣдуемыхъ борцахъ международной революціи.

Всякое постановленіе имѣетъ и практическое значеніе: преслѣдуемые буржуазными правительствами подданные различныхъ государствъ работаютъ не только въ партійныхъ организаціяхъ, но и въ совѣтскихъ органахъ. Группы эмигрантовъ изъ всѣхъ имперіалистическихъ государствъ, изъ оккупированныхъ областей работаютъ надъ дѣломъ распространенія революціи; нѣтъ ни одной страны, которая не была бы представлена въ лицѣ своихъ революціонеровъ въ Сов. Республикѣ.

Но гораздо важнѣе практическаго принципіальное значеніе этого установленія. Въ первый разъ за свое существованіе пролетаріатъ получилъ возможность осуществить интернаціонализмъ какъ правовой институтъ. Но, конечно, не въ рамкахъ такого института, какъ международные трибуналы, о которыхъ такъ любятъ распространяться Каутскій и Реннеръ, и которые являются ни чѣмъ инымъ, какъ представительствомъ буржуазныхъ парламентовъ съ расширеннымъ полемъ дѣйствія. Воплощеніе интернаціональности пролетаріата въ правовомъ институтѣ есть осуществленіе практическаго интернаціонализма, который разрушаетъ всѣ перегородки между пролетаріями и объединяетъ ихъ въ общей борьбѣ съ капиталистическимъ обществомъ,—борьбѣ за захватъ власти и немедленное проведеніе въ жизнь всѣхъ положеній, необходимыхъ для перехода къ соціализму.

Этотъ практическій интернаціонализмъ осуществляется Красной Арміей Соціал. Сов. Республики.

Пролетарское правительство даетъ живущимъ въ Совѣт. Республикѣ иностраннымъ пролетаріямъ возможность сражаться въ рядахъ революціонной арміи за завоеванія пролетарской революціи противъ контръ-революціи.

Тотчасъ послѣ возникновенія Красной Арміи въ нее вступило большое число добровольцевъ изъ рядовъ сознательныхъ военноплѣнныхъ.

Уже во время перерыва мирныхъ переговоровъ въ Брестѣ были интернаціоналисты въ рядахъ партизанскихъ отрядовъ, сдерживавшихъ нѣмецкое наступленіе,—главнымъ образомъ нѣмцы и венгерцы.

На Украинѣ партизанскіе отряды, образовавшіеся изъ народностей Германіи и Австро-Венгріи, боролись до послѣдней капли крови съ вражескими завоевателями.

Въ Европейской Россіи, Сибири, Туркестанѣ, на Уралѣ сражаются нынѣ тысячи нѣмецкихъ, австрійскихъ и венгерскихъ пролетаріевъ, а также, хотя и въ небольшомъ числѣ, англичане, французы, румыны и сербы.

Въ рядахъ революціонной Красной Арміи эти пролетаріи исполняютъ свой долгъ и стараются, какъ сами они говорятъ, искупить позорное предательство, которое совершили соціалъ-шовинисты ихъ «отечества» по отношенію къ диктатурѣ пролетаріата.

Цѣлый рядъ предразсудковъ должны были разрушить органы Совѣт. Республики, всю тяжесть шовинистической клеветы и преслѣдованія взять на себя, чтобы сдѣлать возможной организацію международной арміи. Но, несмотря ни на что, все же это было сдѣлано, и тѣмъ самымъ,—правда, въ небольшомъ масштабѣ, вѣрнѣе даже, лишь символически,—дана возможность небольшой группѣ австрійскихъ и австро-венгерскихъ пролетаріевъ принять участіе въ гражданской войнѣ, войнѣ и противъ собственной буржуазіи, и тѣмъ вступить на путь практическаго интернаціонализма.

VI.

Принципіально наиболѣе важное явленіе за годъ пролетарской диктатуры—это устойчивость ея существованія.

Мы уже говорили и повторяемъ, что Росс. Соц. Федер. Сов. Республика и есть Интернаціоналъ, именно III Интернаціоналъ.

Что касается тѣхъ, которые пытаются вернуть къ жизни II Интернаціоналъ и надѣются воскресить его при помощи снадобей и мазей, «высочайше одобренныхъ правительствомъ», то обманутые ими народы являются нынѣ свидѣтелями истиннаго, живого Интернаціонала, и въ искренность ихъ едва ли повѣрятъ.

Продолжающаяся уже съ годъ диктатура пролетаріата является доказательствомъ того, что разрывъ рабочаго движенія съ политикой оппортунизма неизбѣженъ, необходимъ и вполнѣ осуществимъ на дѣлѣ.

Для революціи, для безпощадной и жестокой революціонной войны воспитываются этимъ путемъ массы,—тѣ широкія массы, которыя съ головой выдали буржуазіи соціалъ-шовинисты въ интересахъ ничтожно маленькой группы рабочаго класса.

Опытъ войны показалъ массамъ воочію всю преступность соціалъ-шовинистовъ и,—что самое главное,—доказалъ, что единственный вѣрный путь рабочаго движенія—это путь *революціоннаго марксизма*.

Эпоха возрожденія марксизма, открываемая первымъ годомъ пролетарской диктатуры, подтвердила и осуществила все цѣликомъ, что высказывали по этому поводу старые вожди пролетарской революціи Марксъ и Энгельсъ.

Революціонный марксизмъ—это чистый воздухъ перваго Интернаціонала, дышавшаго одной грудью со своей пролетарской массой.

Если Марксъ и Энгельсъ въ своей теоріи снова вознесли на пьедесталъ «переворачивающую» все вверхъ ногами философію Гегеля, то пролетарская диктатура въ дѣйствительности сдѣлала не меньше: она показала, что весь капиталистическій соціальный строй можно перевернуть вверхъ ногами.

Практическій интернаціонализмъ — это превращеніе имперіалистической войны въ гражданскую.

И органъ пролетарской диктатуры—Совѣтская Республика—осуществилъ это на дѣлѣ, и осуществилъ не въ узко-національномъ масштабѣ, а въ международномъ.

Совѣтская Республика ведетъ войну съ міровымъ имперіализмомъ.

Сегодня она парируетъ удары хищниковъ Антанты, завтра она подкрѣпляетъ германскій пролетаріатъ въ предстоящей ему революціонной борьбѣ.

Вожди финляндской революціи, занесшіе кулакъ надъ буржуазіей, еле спасшіе отъ эшафота, собираются и организуютъ коммуну, которая воскреситъ задавленную революцію... Украинскіе крестьяне, латышскіе пролетаріи томятся у дверей типографій въ ожиданіи литературы для нѣмецкихъ и австрійскихъ солдатъ... На Мурманѣ аэропланы разбрасываютъ прокламаціи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ... Китайскіе пролетаріи устраиваютъ митинги протеста по поводу вмѣшательства китайскаго правительства... Наканунѣ нашей годовщины собираются грозныя тучи, рожденныя въ хаосѣ имперіалистической бойни. Вширь и вглубь растетъ практическій интернаціонализмъ, крѣпнетъ революція, накопляетъ силы, чтобы пробиться. Наружу уже пробивается. Имперіалистическая бойня отмираетъ, все сильнѣе, все явственнѣе становится шумъ гражданской войны.

Фундаментъ, на которомъ воздвигнута диктатура пролетаріата—Р. С. Ф. С. Р., становится все шире: растетъ международная революція. Все новыя части примыкаютъ къ революціонной арміи россійскаго пролетаріата, осуществляя на дѣлѣ международную гражданскую войну, практическій интернаціонализмъ.

Но безусловно должно быть подчеркнуто, и пусть это будетъ сдѣлано спокойно, но съ гордымъ самосознаніемъ, пусть хотя бы даже высокомѣрно.—что задача международной революціи не только въ томъ, въ чемъ многіе ее полагаютъ: въ оказаніи помощи диктатурѣ русскаго пролетаріата, въ помощи первой родинѣ пролетаріевъ всѣхъ странъ,—нѣтъ! революціи западно-европейскихъ пролетаріевъ лишь до тѣхъ поръ имѣютъ такой вспомогательный характеръ, пока сами не разразятся.

И когда онѣ разразятся міровой гражданской войной, онѣ найдутъ въ Россійской Совѣтской Республикѣ дѣйствительно помощника, старшаго брата. Совѣтская Республика, олицетвореніе практическаго интернаціонализма, не только черпаетъ силы въ международной гражданской войнѣ III Интернаціонала, но и сама даетъ ему силы.

И этотъ III Интернаціоналъ, повторяемъ,—это международная гражданская война, это Интернаціоналъ Совѣтской Республики.

Октябрь 1918 г. Уральскій фронтъ. *Бела-Кунъ.*

БИБЛИОТЕКА
Г. Красноярск

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

		ЦѢНА.
1.	Краткая біографія Н. Ленина	— р. 10 к.
2.	Я. Буровъ. Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти	— „ 25 „
3.	Н. Павловичъ. Брестскій миръ и задачи экономическ. возрожденія Россіи	1 „ — „
4.	Н. Павловичъ. Итоги міровой войны	2 „ 50 „
5.	Н. Павловичъ. Міровая война и борьба за [illegible]ный континентъ	2 „ — „
6.	К. Либкнехтъ. Пауки и мухи	— „ 15 „
7.	В. Карпинскій. Какъ тульскій мужикъ умъ-разуму научился	1 „ — „
8.	Е. Ярославскій. Отецъ и сынъ. Вильгельмъ Либкнехтъ и Карлъ Либкнехтъ	— „ 10 „
9.	Е. Ярославскій. Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ	— „ 10 „
10.	Г. Плехановъ. Основные вопросы марксизма	1 „ 50 „
11.	Н. Ленинъ. Очередныя задачи Совѣтской власти	— „ 50 „
12.	Н. Ленинъ. Борьба за хлѣбъ	— „ 80 „
13.	Г. Зиновьевъ. Контръ-революція и задачи рабочихъ	— „ 25 „
14.	В. Блосъ. Исторія великой французск. революціи	4 „ 50 „
15.	А. Арну. Народная исторія Парижской коммуны	2 „ 50 „
16.	К. Каутскій. Экономич. ученіе К. Маркса	2 „ — „
17.	Ю. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства	1 „ 20 „
18.	Е. Ярославскій. Августъ Бебель	— „ 10 „
19.	Ф. Энгельсъ. Развитіе соціализма отъ утопіи въ наукѣ	— „ 50 „
20.	В. Карпинскій. Въ походъ противъ [illegible]-голода	— „ 40 „
21.	В. Керженцевъ. Революціонная Ирлан[illegible]	5 „ — „
22.	К. Левинъ. Декабристы	— „ 80 „
23.	А. Арну. Мертвые коммуны.	— „ [illegible]
24.	Г. Устиновъ. Крушеніе партіи [illegible]эсъ-эровъ	— „
25.	С. Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ	— „
26.	В. Свидерскій. Трудъ и капиталъ	— „
27.	Ю. Маслѣенскій. Что такое политическая экономія и чему она учитъ.	— „
28.	П. Лафаргъ. Патріотизмъ буржуазіи	— „ 15
29.	Л. Троцкій. Жанъ Жоресъ	— „ 20 „
30.	К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ Коммунистической партіи	— „ 50 „
31.	Д. Бѣдный. Сказки сладки про старые порядки	1 „ 50
32.	Д. Бѣдный. Коммунистическая марсельеза	— „ 10 „
33.	К. Ленинъ. Послѣдній русскій царь Николай II	— „ 50 „
34.	М. Конколь. Коммуна 1871	— „ 25 „
35.	К. Каутскій. Классовые интересы	— „ 25 „
36.	В. Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ	— „ 60 „
37.	Н. Бухаринъ. Церковь и школа въ Совѣтской Республикѣ	— „ 15 „
38.	Л. Петровичъ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.	— „ 15 „
39.	К. Цеткинъ. Борьба за свободу и миръ въ Россіи	— „ 15 „
40.	Конституція Росс. Сов. Федерат. Совѣтской Республики	— „ 20 „
41.	Н. Антоновъ. Карлъ I, Людовикъ XVI, Николай II	— „ 15 „
42.	В. Керженцевъ. Борьба за землю и волю въ Ирландіи	1 „ 30 „
43.	„ „ Библіотека коммуниста	„ — „
44.	Н. Ленинъ. Рабочій починъ	1 „ 50 „
45.	В. Станиславскій. Народное движеніе въ Смутное время	1 „ — „
46.	Дзевальтовскій. Империализмъ въ древнемъ мірѣ	2 „ — „
47.	Г. Зиновьевъ. Безпартійный или коммунистъ	3 „ 50 „
48.	В. Виленскій. Первая годовщина Сибирской реакціи	3 „ 50 „
49.	К. Марксъ. Гражданская война во Франціи	5 „ — „
50.	Д. Рязановъ. Международный пролетаріатъ и война. Сборникъ статей.	10 „ — „
51.	В. Виленскій. Вопросы внѣшней политики империализма	1 „ 50 „
52.	„ „ Империализмъ современной Японіи и соціальная революція.	7 „ — „
53.	Л. Д. Троцкій. Годъ великаго перелома	10 „ — „
54.	Г. В. Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи	8 „ — „
55.	К. Буревой. Колчаковщина	3 „ — „
56.	К. Каутскій. Путь къ власти	15 „ — „
57.	Таратута. Положеніе во Франціи	1 „ 80 „

С запросами и заказами слѣдуетъ обращаться в книжные склады Государственнаго Издательства:

Москва: Тверская, 11, Тверская, 28. **Петроградъ:** Фонтанка, 61.